ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ XXIV.

ВЫПУСКЪ 1—4.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1917.

Труды Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества.

***Ч. I.** О саманидскихъ монетахъ, В. А. Тизенгаузена; Дополненія къ описанію саманидскихъ монетъ, П. С. Савельева; Извѣстія о восточныхъ древностяхъ и монетахъ; Списокъ статей по восточной нумизматикѣ и археологіи, помѣщенныхъ въ первыхъ пяти томахъ Записокъ Общества. Цѣна 3 р.

***Ч. II.** О жизни и ученыхъ трудахъ Френа, П. С. Савельева; Неизданныя восточныя монеты, Ф. Соре; Современныя монеты Кокандскаго ханства, В. В. Григорьева; Списокъ извѣстныхъ доселѣ монетъ Кокандскаго ханства, П. С. Савельева; О жизни и трудахъ Доржди Банзарова, П. С. Савельева; Монгольское пайзе, найденное въ Забайкальской области, П. С. Савельева; Китайское пайзе, З. Ѳ. Леонтьевскаго; О нѣкоторыхъ арабскихъ надписяхъ въ Дербендѣ и Баку, Н. В. Ханыкова; Древности, найденныя на Кавказѣ, Н. В. Ханыкова и П. С. Савельева. Памятники древности въ Малой Азіи, П. А. Чихачева; Историческія свѣдѣнія о Кокандскомъ ханствѣ, отъ Мухаммеда-Али до Худаяръ-хана, В. В. Вельяминова-Зернова; Перечень засѣданій Восточнаго Отдѣленія за 1851—1854 гг.; Указатели. Цѣна 3 р.

***Ч. III.** О чудскихъ копяхъ, Э. И. Эйхвальда; Археологическія развѣдки на Кавказѣ, А. С. Фирковича; Замѣчаніе о тамгахъ и ункунахъ (онгонахъ), Н. И. Ильминскаго; Перечень засѣданій Восточнаго Отдѣленія за 1855 и 1856 гг.; Изъ писемъ Дорджи Банзарова съ предисловіемъ и примѣчаніями П. С. Савельева; Монеты джучидскія, джагатайскія, джелаиридскія и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша, П. С. Савельева; Указатели. Цѣна 3 р.

***Ч. IV.** Исторія и древности восточной части Средней Азіи, отъ X до XIII в., съ приложеніемъ перевода китайск. извѣстій о Киданяхъ, Джурджитахъ и Монголо-Татарахъ, В. П. Васильева; О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано-Карпини, ламы Галсана Гомбоева; Памятникъ съ арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, В. В. Вельяминова-Зернова; Неизданныя восточныя монеты, Х. Соре, съ предисл. П. С. Савельева (статья 3-ья); Армянскія и грузинскія надписи въ церквахъ Джульфы и въ Испагани, списанныя И. Н. Березинымъ, надписи армянскія перев. З. А. Будагова, — грузинскія перев. Д. І. Чубинова; Еврейскія надписи въ Алеппо, списанныя И. Н. Березинымъ, перев. Э. Д. Хвольсона; Монеты бухарскія и хивинскія, В. В. Вельяминова-Зернова; Указатель. Цѣна 3 р.

***Ч. V.** Сборникъ лѣтописей, Исторія монголовъ Рашидъ-Эддина, Введеніе: О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ, переводъ съ персид., съ введеніемъ и примѣчаніями И. Н. Березина. Цѣна 3 р.

****Ч. VI.** Алтанъ-тобчи. Монгольская лѣтопись, въ подл. текстѣ и перев., съ приложеніемъ калмыцкаго текста Исторіи Убаши-Хунтайджія и его войны съ ойратами, переводъ ламы Галсана Гомбоева. Цѣна 3 р.

***Ч. VII.** Сборникъ лѣтописей, Исторія монголовъ Рашидъ-Эддина, Введеніе: О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ; персидскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями И. Н. Березина. Цѣна 3 р.

****Ч. VIII** Глубокомудрая чуга, по кости лопаткѣ, изложенная манджуширіемъ, Г. Гомбоева. Четыре статьи изъ Зендавесты, К. Коссовича; Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря, Б. Дорна; Нѣсколько новыхъ видовъ и варіантовъ Джучидскихъ монетъ, В. В. Григорьева; Два разсказа Мирзы-Шемса Бухари, Хожденіе въ Кербелу и Неджефъ, путевыя замѣтки магометанскаго богомольца изъ Тавриза; Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, И. Березина. Цѣна 3 р.

Ч. IX. Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Т. I. Цѣна 3 р.

****Ч. X.** Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Т. II. Цѣна 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1917.

Напечатано по распоряженію Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Статьи и Замѣтки.

Отзывы о премированныхъ сочиненіяхъ.

Критика и Библіографія.

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

а) На русскомъ языкѣ:

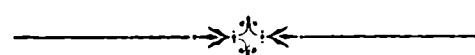
б) На восточныхъ языкахъ:

ПОПРАВКА.

На стр. 2, прим. 5 *слѣдуетъ читать:* Коранъ, 29,47.

ТАБЛИЦЫ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 28 января 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, И. Ю. Крачковскій, Х. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, Ѳ. И. Щербатскій.

Гости: С. А. Гамаловъ-Чураевъ, С. Е. Маловъ, В. Ф. Минорскій, А. А. Ромаскевичъ, П. А. Фалевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 17 декабря 1915 г.

II.

Прочитанъ и утвержденъ отчетъ секретаря о дѣятельности Отдѣленія за 1915 годъ.

III.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, доставилъ для библіотеки Общества Протоколы засѣданій Комитета за 1915 годъ, № 5.

В. Ф. Минорскій принесъ въ даръ оттискъ изъ II вып. «Матеріаловъ для изученія Востока», изд. Мин. Ин. Дѣлъ, въ которомъ имѣется текстъ Французско-Персидской конвенціи о раскопкахъ 1900 г.

IV.

И. Ю. Крачковскій сообщилъ, что въ одной арабской рукописи Университетской библіотеки имъ найдена не напечатанная еще статья бар. В. Р. Розена. Статья была написана, повидимому, въ 90-хъ годахъ и осталась незаконченной, но по ходу изложенія ясно, что поводомъ къ ней послужила та самая рукопись, въ которой она была забыта. По содержанію работа не утратила своего значенія и теперь, такъ какъ разбираемое въ ней мѣсто Фихриста не привлекало вниманія ученыхъ, а рукопись словаря аṣ-Ṣаг̄анӣ, на основаніи котораго вносится поправка въ текстъ, представляетъ неизвѣстный Европѣ уникумъ.

Опредѣлено: напечатать статью бар. В. Р. Розена въ ближайшемъ выпускѣ Зап. Вост. Отд. и просить И. Ю. Крачковскаго дополнить ее нужными свѣдѣніями.

V.

П. А. Фалевъ прочиталъ докладъ: «Копланды-батыръ (Къ характеристикѣ турецкаго эпоса)».

Докладчикъ сообщилъ въ русскомъ переводѣ преданіе о Копланды, записанное имъ среди ногайцевъ Ставропольской губ. Сравнивъ это преданіе съ двумя записанными В. В. Радловымъ отрывками (у сибирскихъ и крымскихъ татаръ), онъ замѣтилъ, что всѣ три варіанта отличны другъ отъ друга и по содержанію и по стилю. Сибирскій варіантъ — въ стихотворной формѣ. Копланды называется кара-кипчакскимъ богатыремъ, какъ онъ названъ и въ былинахъ объ Эдигеѣ. По содержанію сибирскій варіантъ совпадаетъ съ пѣснями въ преданіяхъ объ Эдигеѣ, Тохтамышѣ и Нур-ед-Динѣ. Эпическія сказанія турецкихъ племенъ излагаются въ стихахъ и прозѣ. Прозаическія части служатъ, главнымъ образомъ, для связи отдѣльныхъ пѣсенъ или группъ пѣсенъ между собою. Такого рода прозаическую вставку имѣемъ въ крымскомъ варіантѣ. Въ содержаніи этого варіанта нужно отмѣтить переработку сюжета о Юсуфѣ и Зулейхѣ и мотива о письмѣ Давида къ начальнику Уріи. Ногайскій варіантъ — тоже въ прозѣ, но его нельзя сблизить съ крымскимъ. По стилистическимъ особенностямъ и по содержанію этотъ варіантъ необходимо отнести въ одинъ разрядъ съ богатырскими сказками, вродѣ киргизской сказки о Канъ-Шентеѣ.

VI.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе Н. И. Веселовскій, Б. Я. Владимірцовъ, А. И. Ивановъ, Н. Я. Марръ, В. Ф. Минорскій.

Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что въ преданіи о Копланды онъ видитъ изложеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ разсказовъ, объединенныхъ личностью героя. Такое искусственное сочетаніе особенно чувствуется въ повѣствованіи о подвигахъ Копланды, въ собственныхъ интересахъ съ одной стороны и въ пользу друзей съ другой. Что же касается стиховъ вошедшихъ въ поэму о Копланды изъ поэмы объ Идиге, то это явленіе довольно обычное: удачные стихи запоминаются очень успѣшно и примѣняются къ разнымъ героямъ. То же замѣчается и въ нашихъ былинахъ. Напр., описываются доспѣхи Дюка Степановича при его выѣздѣ на подвиги, и потомъ то же описаніе доспѣховъ примѣнено и къ Михаилу Казаринову (Сборникъ Кирши Данилова).

А. И. Ивановъ указалъ, что обычай высасыванія крови, о которомъ говорилъ докладчикъ, и пожиранія внутренностей врага имѣлъ мѣсто въ Китаѣ. Свѣдѣнія объ этомъ имѣются въ китайскихъ источникахъ XI—XIV вв.

Б. Я. Владимірцовъ замѣтилъ, что въ словахъ: «выпить кровь» можно видѣть реминисценцію шаманскихъ воззрѣній: шаманиты думаютъ, что душа человѣка находится въ крови. Подобныя выраженія встрѣчаются и въ монгольскихъ былинахъ.

В. Ф. Минорскій, указалъ, что питье крови извѣстно и у курдовъ. Егіазаровъ (Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр, Общ., XIII, стр. 39) разсказываетъ о старухѣ изъ Маку, выпившей кровь у убійцы сына. О томъ же обычаѣ В. Ф. Минорскій лично слышалъ въ 1911 г. въ Котурѣ отъ извѣстнаго курдскаго предводителя Симко (племя Шеккакъ, подотдѣлъ авдои): онъ говорилъ, что для полной мести необходимо погрузиться лицомъ въ кровь и явиться домой обагреннымъ ею.

Н. Я. Марръ предложилъ докладчику вопросъ, нельзя ли слово «другъ» во фразѣ: «если у обоихъ будутъ сыновья, сдѣлаемъ ихъ друзьями», понять въ смыслѣ «побратима». Въ свѣтѣ института побратимства могло бы получить реальное объясненіе и образное выраженіе: «твоя кровь присоединится къ моей». Въ сообщенномъ попутно эпическомъ преданіи объ Эдигеѣ упоминается герой Кабардинъ, имя котораго, вѣроятно, — этническое, а у кабардинцевъ, какъ и у абхазовъ, побратимство имѣетъ большое бытовое значеніе.

А. И. Ивановъ замѣтилъ, что выраженію: «твоя кровь присоединится къ моей» можно найти аналогію въ формулѣ клятвы при побратимствѣ въ Китаѣ.

VII.

А. Е. Любимовъ прочиталъ докладъ: «Загадочная страна Шаботъ въ „Хоженіи за три моря“ А. Никитина».

Страна Шаботъ въ «Хожепіи за три моря», неразгаданная комментаторами, повидимому, можетъ быть установлена на основаніи китайскихъ извѣстій о странахъ и государствахъ Индо-Китая и Индонезіи въ эпоху путешествія А. Никитина въ Индію (1466—1472 гг.), гдѣ онъ получилъ распросныя свѣдѣній о Шаботѣ. Изъ краткаго сообщенія Никитина о Шаботѣ можно заключить, что страна эта, или государство, находилась въ южной Азіи, въ Индійскомъ океанѣ, между Китаемъ и Индіей; страна — приморская, съ которой возможно было сообщеніе и морское, и сухопутное изъ Индіи и изъ Китая. Въ періодъ Минской династіи (1368—1644 гг.) китайскія письменныя извѣстія и картографическія данныя указываютъ на территоріи Индо-Китая и островахъ Индонезіи слѣдующія государства: Чжанъ-чэнъ, государство сопредѣльное ю.-зап. провинціи Китая — Юньнань; Чженъ-ла, государство, сопредѣльное названному и помѣщаемое въ средней части полуострова, затѣмъ государство Синь-ла, помѣщаемое на территоріи сѣв. Сіама и Бирмы, и, наконецъ, государство Сань-фо-цзи, расположенное «между государствами Чжанъ-чэнъ и Гуа-ва (Ява)»; кромѣ того указывается рядъ мелкихъ владѣній. Въ зависимости отъ культурныхъ вліяній, пережитыхъ Индо-Китаемъ и Индонезіей, большинство географическихъ именъ названныхъ странъ — индійскаго происхожденія, — и Сань-фо-цзи 三佛齊 есть передача санскритскаго имени — Sabodj. Кромѣ того, китайскіе источники указываютъ, что государство Сань-фо-цзи называлось также Чжань-бэй 詹卑, что соотвѣтствуетъ санскритскому Tchampi; отсюда можно установить тожество Сань-фо-цзи — Чжанъ-би съ Чампой (Champa, Zampa) средневѣковыхъ путешественниковъ; для этого отожествленія мы находимъ полную аналогію въ описаніяхъ названныхъ странъ у средневѣковыхъ путешественниковъ и въ китайскихъ памятникахъ. Краткія извѣстія А. Никитина о географическомъ положеніи Шабота, о разстояніяхъ, въ которыхъ находилась страна отъ Цейлона и Китая, а также извѣстія о природныхъ богатствахъ страны, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ подробными описаніями Сань-фо-цзи, представленными въ китайскихъ сочиненіяхъ — Дай-минъ-и-тунъ-чжи, Гуанъ-юй-тукао, Минъ-ши др. Извѣстіе Никитина объ индійской вѣрѣ обитателей Шабота вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстіямъ китайскихъ источниковъ о буддизмѣ въ Сань-фо-цзи.

На основаніи китайскихъ письменныхъ извѣстій о Сань-фо-цзи и картографическихъ данныхъ XVI и XVII столѣтій можно сдѣлать слѣдующій выводъ: сначала подъ именемъ Сань-фо-цзи были извѣстны объединенныя владѣнія на о. Суматрѣ, прилегающихъ островахъ и полуостровѣ Малаккѣ, съ однимъ политическимъ центромъ на Суматрѣ, а потомъ, съ конца

XIV вѣка, это имя сохранилось лишь за мелкими владѣніями, расположенными на Малаккѣ и, быть можетъ, прилегающихъ островахъ, какъ общее географическое имя области, безъ всякаго отношенія къ ея политическому значенію. А. Никитинъ получилъ свѣдѣнія о Сань-фо-цзи въ ту эпоху, когда это государство, судя по китайскимъ извѣстіямъ, уже не существовало, какъ политическая единица, а имя его сохранилось, какъ общее географическое названіе области, имѣвшей столь важное значеніе въ экспедиціонной торговлѣ Запада съ Востокомъ.

VIII.

По поводу прослушаннаго доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлали А. И. Ивановъ и В. В. Бартольдъ.

А. И. Ивановъ указалъ, что только дальнѣйшее накопленіе матеріала по вопросу о мѣстонахожденіи Сань-фо-цзи поможетъ разрѣшить его окончательно, хотя собранныя докладчикомъ данныя въ связи со свѣдѣніями Никитина говорятъ о странѣ Шаботъ — Сань-фо-цзи, конечно, больше, чѣмъ сопоставленіе названій въ китайской транскрипціи.

В. В. Бартольдъ замѣтилъ, что, если принять предложенное докладчикомъ объясненіе названія «Шаботъ», то получается выводъ, что А. Никитинымъ указано разстояніе отъ Цейлона до Суматры, отъ Суматры до Пегу, отъ Пегу до Китая. Такой порядокъ при перечисленіи областей на морскомъ пути изъ Индіи въ Китай, причемъ указывается разстояніе отъ каждаго пункта до слѣдующаго, заставилъ бы предположить, что А. Никитинымъ, что, конечно, возможно, не вполнѣ правильно поняты собранныя имъ распросныя свѣдѣнія. По поводу словъ докладчика объ отличіи китайскихъ географическихъ свѣдѣній отъ арабскихъ В. В. Бартольдъ указалъ, что арабскія свѣдѣнія столь же мало, какъ китайскія, носили случайный характеръ, такъ же были результатомъ установившихся политическихъ и торговыхъ сношеній и нерѣдко такъ же собирались по распоряженію правительства. По поводу упомянутаго докладчикомъ отожествленія русскихъ съ усунями В. В. Бартольдъ замѣтилъ, что это отожествленіе показываетъ, какъ мало китайцы могли разобраться въ китайскихъ же средневѣковыхъ географическихъ названіяхъ.

IX.

Н. Я. Марръ сдѣлалъ краткое сообщеніе о командированіи Академіею Наукъ старшаго хранителя Археологическаго отдѣла Кавказскаго Музея С. В. Теръ-Аветисяна въ Ванскій округъ для регистраціи памятниковъ древности въ цѣляхъ предупрежденія ихъ дальнѣйшей гибели.

Н. Я. Марръ началъ съ заявленія, что онъ нашелъ необходимымъ поспѣшить съ настоящимъ сообщеніемъ въ виду проникшихъ въ печать неправильныхъ свѣдѣній объ этомъ предпріятіи Академіи Наукъ. Вопросъ объ охранѣ древностей въ районѣ военныхъ дѣйствій на Кавказскомъ фронтѣ, возникшій съ началомъ войны съ Турціей, назрѣвалъ въ связи съ развивавшимися лѣтомъ событіями и сталъ неотложнымъ къ осени, когда до Академіи Наукъ дошли безспорныя данныя о расхищавшихся и расхищенныхъ рукописныхъ собраніяхъ и гибели археологическихъ предметовъ. Академія Наукъ командировала С. В. Теръ-Аветисяна «на Кавказскій фронтъ, преимущественно въ районъ халдскихъ съ клинообразными надписями и христіанскихъ армянскихъ, а также мусульманскихъ, древностей, особенно же въ Ванъ и всѣ археологически важные пункты». Н. Я. Марромъ была прочитана программа археологическихъ работъ, данная для руководства командированному, а затѣмъ извлеченія изъ двухъ его писемъ отъ 19-го и 28-го декабря 1915 года. Сообщенные изъ Вана факты свидѣтельствуютъ о цѣлесообразности принимавшихся С. В. Тер-Аветисяномъ мѣръ и успѣшности всей экспедиціи, къ тому времени еще не законченной.

Засѣданіе 25 февраля 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, А. С. Раевскій, К. К. Романовъ, М. И. Ростовцевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Б. Б. Барадійнъ, С. Е. Маловъ, В. Ф. Минорскій, А. А. Ромаскевичъ, П. А. Фалевъ, Г. Н. Чубиновъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 28 января 1916 г.

II.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, Протоколы засѣданій Комитета за 1915 годъ, № 6.

III.

В. В. Бартольдъ прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о погребальныхъ обрядахъ турковъ и монголовъ»[1].

IV.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе А. М. Позднѣевъ, В. М. Алексѣевъ, А. И. Ивановъ, Б. Я. Владимірцовъ, А. Д. Рудневъ, В. Ф. Минорскій, В. Л. Котвичъ, Н. Н. Мартиновичъ, Я. И. Смирновъ, С. Е. Маловъ, П. А. Фалевъ, Н. И. Веселовскій.

А. М. Позднѣевъ указалъ, что слово «кэрэксур» въ литературѣ монголовъ является въ формѣ «хэргис-хӯр», что значитъ «киргизскія кости, киргизскій трупъ». Относительно слова «хурук» можно сказать, что оно имѣетъ для себя объясненіе въ современномъ словѣ «хорик» — *запретъ*, каковое слово встрѣчается въ томъ же смыслѣ въ текстѣ Юань-чао-ми-ши. «Обо» — едва ли отмѣчало въ старину мѣсто погребенія умершихъ. Чествованіе обо принадлежитъ шаманскому вѣроученію и основывается на вѣрованіи въ нисхожденіе духовъ на вершины высокихъ горъ. Мѣсто, куда именно ниспускаются духи — высшая точка горы, и отмѣчается насыпью, именуемой «обо». Будучи хорошо видимымъ на далекое пространство, обо впослѣдствіи могло стать и дорожнымъ знакомъ и вообще знакомъ, указывающимъ тѣ или иныя территоріальныя направленія. Извѣстно, что наши государственныя границы также точно отмѣчаются обо.

Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что слово «курган» въ половецкомъ языкѣ, въ значеніи «могильнаго холма», не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи этого термина, вѣдь и мы придаемъ ему то же значеніе; но въ нашей литературѣ утвердилось мнѣніе, что это персидское слово «гур-хане», передѣланное турками въ «курган». Только орхонскія надписи дали возможность опредѣлить происхожденіе и значеніе слова курган. Слово «оба», ныне не примѣняемое къ могильнымъ насыпямъ, однако, удержалось въ этомъ значеніи въ Крыму. Въ Керчи и по настоящее время знаменитѣйшій курганъ носитъ названіе Куль-оба. Син-таш значитъ «Оленный камень», потому что

---

[1] Докладъ будетъ напечатанъ въ Зап. Вост. Отд., т. XXV.

на такихъ камняхъ чаще всего видимъ изображеніе оленей. Камни эти, по-видимому, составляютъ особую категорію балбаловъ.

V.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Новые матеріалы по халдской эпиграфикѣ: а) надписи изъ поѣздки І. А. Орбели 1912 г.; б) Делибабинская надпись»[1].

VI.

Н. Я. Марръ возбудилъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи въ Ванъ и о возобновленіи ходатайства объ отпускѣ спеціальныхъ средствъ на эту экспедицію[2].

Постановлено просить Н. И. Веселовскаго совмѣстно съ Н. Я. Марромъ предпринять нужные шаги для скорѣйшаго осуществленія экспедиціи.

Засѣданіе 31 марта 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, К. Э. Гриневичъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Н. Л. Окуневъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, К. К. Романовъ, М. И. Ростовцевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Ѳамойловичъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. В. Фармаковскій, С. М. Шапшалъ, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатскій.

Гости: Б. Б. Барадійнъ, А. П. Лебедянская, С. Е. Маловъ, П. А. Фалевъ, А. Ѳ. Хащабъ, Г. Н. Чубиновъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 25 февраля 1916 года.

---

[1] Докладъ печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

[2] См. Протоколы засѣданій Восточнаго Отдѣленія 27 марта, 24 апрѣля, 2 октября, 30 октября, 27 ноября 1914 года и приложенія къ нимъ.

II.

В. Д. Смирновъ сдѣлалъ нижеслѣдующее письменное заявленіе:

«Въ Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

«Дѣйствительнаго члена означеннаго Общества заслуженнаго ординарнаго профессора Петроградскаго Университета Василія Дмитріевича Смирнова

Заявленіе:

«Прошу позволенія сдѣлать заявленіе по предмету, хотя и личнаго свойства, но имѣющему общее, принципіальное значеніе.

«Въ концѣ 1914 года я обратился къ Управляющему Восточнымъ Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскому къ просьбою помѣстить въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» мою рецензію на книгу А. Н. Самойловича подъ заглавіемъ «Абу-с-Саттаръ казы. Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ». СПБ. 1914. Но онъ мнѣ категорически отказалъ принять мою рецензію на томъ основаніи, что она отрицательнаго свойства. При этомъ, впрочемъ, доброжелательно указалъ мнѣ на возможность и даже, пожалуй, предпочтительность напечатанія моей рецензіи въ приложеніи къ годовому отчету Петроградскаго Университета, такъ какъ ему будто бы было извѣстно, что вскорѣ должно было состояться постановленіе Совѣта Университета даже объ обязательномъ печатаніи профессорскихъ отзывовъ о диссертаціяхъ въ приложеніяхъ къ годовымъ Университетскимъ отчётамъ.

«Сколь ни страннымъ мнѣ показалось, что въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» будто бы могутъ имѣть мѣсто лишь рецензіи хвалебнаго характера, я, не желая вступать въ какія-либо пререканія съ Н. И. Веселовскимъ, рѣшился терпѣливо выждать постановленія Совѣта въ указанномъ Н. И. Веселовскимъ смыслѣ. Но разсмотрѣніе этого вопроса Совѣтомъ почему-то все откладывалось вплоть до нынѣшняго года, когда Совѣтомъ рѣшено было печатать означенные отзывы о диссертаціяхъ, но лишь только съ будущаго отчетнаго академическаго года.

«Это послѣднее обстоятельство заставило меня снова вступить въ переговоры съ Н. И. Веселовскимъ о напечатаніи моей рецензіи въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія», уже не въ качествѣ официальнаго отзыва, ставшаго нынѣ анахронизмомъ, а въ качествѣ обыкновенной ученой критики, можно сказать обязательной для меня, какъ спеціалиста той научной отрасли, къ которой относится критикуемое сочиненіе, и давно ожидаемой тѣми, кто интересуется этой спеціальностью. При этомъ я высказалъ Н. И. Веселовскому свое сомнѣніе относительно его права отказать мнѣ и те-

перь въ моей просьбѣ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „Ну, дайте вашу статью: я посмотрю!“.

«Такой отвѣтъ его уже окончательно повергъ меня въ недоумѣніе и вынудилъ меня къ сегодняшнему моему заявленію въ собраніи Восточнаго Отдѣленія. Изъ него выходитъ, что статья моя можетъ быть помѣщена въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія», а можетъ быть и не помѣщена, въ зависимости отъ усмотрѣнія Н. И. Веселовскаго, противъ чего я считаю долгомъ представить слѣдующія соображенія. Не касаясь этической стороны представляемыхъ на Ваше сужденіе отношеній, я буду говорить только о правомѣрности ихъ основы.

«Чего можетъ касаться усмотрѣніе г. Управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ? — Я полагаю, только того, чтобы въ предлагаемой къ напечатанію въ Запискахъ статьѣ не было чего-либо противнаго дѣйствующимъ узаконеніямъ въ Россійской Имперіи, и только: во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ вся отвѣтственность, какъ за научность содержанія, такъ и за литературную стильность статьи, всецѣло лежитъ на томъ, чьимъ именемъ она будетъ подписана.

«Въ данномъ случаѣ г. Управляющій Отдѣленіемъ могъ бы принять во вниманіе, что «Записки Восточнаго Отдѣленія» не частное его изданіе, которому могъ бы быть причиненъ какой-либо ущербъ, ну, положимъ, научною неудовлетворительностью печатаемой статьи или недостаточной литературной стильностью ея; что авторъ статьи не есть лицо совершенно постороннее, а дѣйствительный членъ Общества и, слѣдовательно, имѣетъ основаніе считать себя въ правѣ на признаніе за нимъ достаточнаго научнаго и литературнаго ценза, для того, чтобы участвовать своими трудами въ изданіяхъ Общества; и, наконецъ, что авторъ предлагаемой къ напечатанію статьи не новичекъ-студентъ, нуждающійся въ руководствѣ и указаніяхъ профессора, а и самъ, какъ спеціалистъ предмета статьи, въ состояніи разобраться, что онъ можетъ или не можетъ вынести на судъ ученой публики въ печати. Наконецъ, никакимъ параграфомъ устава Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества не предусмотрѣно дискреціонное право управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ, какъ отвѣтственнаго редактора, имени котораго нигдѣ и не значится на выпускахъ изданія, давать или не давать мѣсто трудамъ членовъ Общества въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія», такъ какъ эти записки не публицистическое или беллетристическое изданіе, и притомъ печатающееся на казенныя средства, пользованіе которыми не можетъ быть возбранено усмотрѣніемъ Управляющаго Отдѣленіемъ.

«Въ виду вышеизложеннаго я обращаюсь къ членамъ Восточнаго Отдѣленія съ покорнѣйшею просьбою признать мое желаніе помѣстить свою

рецензію въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» подлежащимъ осуществленію независимо отъ личнаго усмотрѣнія Управляющаго Отдѣленія, тѣмъ болѣе что, какъ извѣстно, помѣщеніе такихъ спеціальныхъ статей, только и возможно въ спеціальномъ изданіи, какимъ въ данномъ случаѣ являются «Записки Восточнаго Отдѣленія», по причинѣ необходимости введенія въ русскій текстъ восточнаго шрифта, котораго ни въ какихъ иныхъ изданіяхъ не имѣется.

«Прошу присоединить настоящее мое заявленіе къ протоколу сегодняшняго засѣданія Восточнаго Отдѣленія.

«Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества В. Смирновъ.

31 марта 1916 года.»

III.

Въ отмѣнѣ мнѣній по поводу заявленія В. Д. Смирнова приняли участіе Н. И. Веселовскій, Н. Я. Марръ, В. В. Бартольдъ, М. И. Ростовцевъ.

Управляющій Отдѣленіемъ заявилъ, что онъ не согласенъ съ изложеннымъ въ запискѣ В. Д. Смирнова взглядомъ на роль редактора, который, несомнѣнно, является отвѣтственнымъ передъ Обществомъ за все имъ помѣщаемое въ изданіяхъ Общества. Предлагаемая для напечатанія рецензія или статья иногда можетъ отличаться тенденціозностью или тономъ, непринятымъ въ нашемъ печатномъ органѣ. Печатая подобную статью, Редакція можетъ подвергнуться справедливому упреку со стороны членовъ Общества; но если Отдѣленіе пожелаетъ такую статью напечатать и тѣмъ сниметъ съ Редакціи всякую отвѣтственность, Редакція это желаніе исполнитъ.

Н. Я. Марръ указалъ, что, по его мнѣнію, возбужденный В. Д. Смирновымъ вопросъ не можетъ обсуждаться въ засѣданіи Отдѣленія и по существу своему скорѣе долженъ входить въ компетенцію Совѣта. Во всякомъ случаѣ, Н. Я. Марръ находилъ невозможнымъ подвергать заявленіе В. Д. Смирнова обсужденію въ томъ же засѣданіи Отдѣленія, въ которомъ оно было сдѣлано, въ виду его неожиданности для членовъ Отдѣленія.

В. В. Бартольдъ присоединился къ мнѣнію Н. Я. Марра, что вопросъ о помѣщеніи той или другой статьи не можетъ обсуждаться въ собраніи Отдѣленія. Для всякаго періодическаго органа необходимъ редакторъ; въ задачи редактора научнаго журнала не входитъ критика научныхъ взглядовъ, за которые отвѣчаютъ авторы, но его рѣшенію подлежитъ во-

просъ, насколько представленная статья или отдѣльныя мѣста въ ней соотвѣтствуютъ общему характеру журнала и установившимся традиціямъ. Уставъ, знающій только Записки Общества, возлагаетъ обязанности редактора на секретаря Общества; фактически существующія уже нѣсколько десятилѣтій Записки Отдѣленій редактируются или Управляющимъ, или секретаремъ каждаго Отдѣленія, или совмѣстно обоими. В. В. Бартольду извѣстно по собственному опыту, что во время редакторства покойнаго бар. В. Р. Розена были случаи отказа въ помѣщеніи статьи; никакихъ недоразумѣній съ авторами не возникало, и право редактора никѣмъ не оспаривалось. Если дѣйствія редакціи вызываютъ въ Отдѣленіи неудовольствіе, то Отдѣленіе можетъ выразить недовѣріе редактору и настоять на замѣнѣ его другимъ лицомъ, можетъ возбудить вопросъ о замѣнѣ единоличнаго редактора редакціонной коммиссіей; но совершенно невозможно, чтобы Отдѣленіе само взяло на себя непосредственное исполненіе редакторскихъ обязанностей и на своихъ собраніяхъ подвергало разсмотрѣнію представленный въ редакцію матеріалъ.

М. И. Ростовцевъ замѣтилъ, что право редакціи «Записокъ», какъ и всякой редакціи, принять для напечатанія или отвергнуть предлагаемую авторомъ статью, очевидно, не можетъ оспариваться, такъ какъ редакція, безусловно, отвѣтствуетъ за внѣшнюю форму и научность помѣщаемаго въ «Запискахъ» матеріала. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи объ обязательности принятія для напечатанія статьи, хотя бы и члена Общества, которая даже не была представлена редактору для просмотра.

IV.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «XIV Анійская археологическая кампанія 1915 года».

V.

Въ обсужденіи прослушаннаго доклада приняли участіе кн. И. А. Джаваховъ, Я. И. Смирновъ, Н. И. Веселовскій, К. К. Романовъ.

VI.

Б. Б. Барадійнъ прочиталъ сообщеніе: «Культъ чернаго знамени Чингиз-хана».

VII.

Въ обсужденіи прослушаннаго сообщенія приняли участіе А. М. Позднѣевъ и Н. И. Веселовскій.

VIII.

В. М. Алексѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ вторичныхъ ручныхъ копіяхъ съ памятника, находящагося въ области Юнъ-нинъ, губ. Гуй-чжоу, въ Южномъ Китаѣ, и содержащаго рядъ знаковъ, не похожихъ ни на китайскіе, ни на извѣстные доселѣ лоло'скіе (Paul Vial. Les Lolos. Histoire, Religion, Moeurs, Langue, Ecriture. Шанхай, 1898). Копіи эти сдѣланы въ 1852 г. пѣкимъ Люй Цюань сун'емъ, въ 0,2 величины и выгравированы на доскѣ вмѣстѣ съ послѣсловіями, переводъ которыхъ занялъ часть сообщенія. За неимѣніемъ лучшихъ эстампажей, приходится пока считаться съ этими копіями, случайно попавшими въ коллекціи Азіатскаго Музея. Расшифровать эти надписи пока нѣтъ возможности. Теоріи китайцевъ о чисто китайскомъ ихъ происхожденіи не выдерживаютъ критики. Повидимому, это шрифтъ мяо-цзы (мяо'сцевъ), каковое предположеніе и высказано въ одномъ изъ наиболѣе серьезныхъ китайскихъ археологическихъ трактатовъ.

Проф. Шаваннъ, дѣлая общій обзоръ и переводъ надписи одного изъ этихъ эстампажей въ T'oung P'ao (1906, p. 698) приходитъ къ мысли о возможности нѣкоей «даосской мистификаціи», но оставляетъ вопросъ совершенно открытымъ. Лепажъ (Bull. de l'Ec. Fr. d'Extr. Or. VIII, 233—5), не упоминая о статьѣ Шаванна, приходитъ къ еще болѣе уничтожающимъ заключеніямъ. Однако, ни ученое описаніе перваго автора, ни свидѣтельскія показанія второго не даютъ объясненія этой «поддѣлки»; по мнѣнію докладчика, нѣсколько меньшая доля сомнѣній и большая доля основательнаго разысканія скорѣе и лучше помогутъ дѣлу выясненія правды.

Эстампажи стелъ-копій были предъявлены Отдѣленію.

IX.

А. И. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ: R. et K. Torii. Études archéologiques et éthnologiques. Populations primitives de la Mongolie orientale. Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo. V. XXXVI, Art. 4. March 29 th. 1914. Taisho III).

Французскій переводъ работы R. Torii и его жены даетъ возможность несравненно болѣе широкому кругу читателей ознакомиться съ результатами ихъ изслѣдованій въ Восточной Монголіи, такъ какъ японскій оригиналъ доступенъ немногимъ.

Работы R. и K. Torii въ Монголіи, Маньчжуріи и Кореѣ съ 1906 г. по 1913 г., съ нѣкоторыми перерывами, протекали въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ въ силу сложившихся обстоятельствъ и имъ удалось

изслѣдовать крайне интересныя въ историческомъ отношеніи мѣста и собрать большой археологическій матеріалъ.

Настоящая работа посвящена спеціальному вопросу о народѣ Дунъ-ху. Постановка изслѣдованія, вносящая извѣстную предвзятость, въ значительной мѣрѣ обезцѣниваетъ работу и не даетъ истиннаго впечатлѣнія о добытыхъ изслѣдователями матеріалахъ. Историческія свѣдѣнія китайскихъ авторовъ о Дунъ-ху изложены съ исчерпывающей полнотой, чего нельзя сказать о части археологической.

Предметы, найденные въ Монголіи и Маньчжуріи—каменныя орудія, издѣлія изъ кости и желѣза и керамика приписываются авторами Дунъ-ху, но это требуетъ доказательствъ болѣе вѣскихъ, чѣмъ приведенныя авторами, и остается только пожалѣть, что въ настоящемъ иcслѣдованіи не исчерпаны всѣ добытые матеріалы.

Однако, даже въ этой мѣрѣ, работа японскихъ ученыхъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на эти, столь важныя въ историческомъ отношеніи мѣстности Дальняго Востока.

Засѣданіе 28 апрѣля 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, кн. И. А. Джаваховъ, Э. В. Диль, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, А. К. Марковъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, Н. Л. Окуневъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. Д. Рудневъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатскій.

Гости: С. Е. Маловъ, П. А. Фалевъ, А. Ѳ. Хацабъ, Г. Н. Чубиновъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 31 марта 1916 г.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что ходатайство Отдѣленія о снаряженіи экспедиціи въ Ванъ увѣнчалось успѣхомъ и что въ принципѣ вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ [1].

III.

Произведены выборы пяти членовъ Коммиссіи для присужденія медали имени бар. В. Р. Розена. Избраны: предсѣдателемъ Коммиссіи В. В. Бартольдъ, членами Н. И. Веселовскій, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, Б. А. Тураевъ.

IV.

Возобновлено обсужденіе сдѣланнаго въ прошломъ засѣданіи заявленія В. Д. Смирнова. Въ обсужденіи этомъ приняли участіе Н. Я. Марръ, В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій, Б. В. Фармаковскій.

Постановлено отложить дальнѣйшее обсужденіе заявленія В. Д. Смирнова на осень.

V.

В. В. Бартольдъ прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о границахъ греко-бактрійскаго государства».

Предметомъ сообщенія была цитата изъ труда Аполлодара артамитскаго о Парѳіи въ географіи Страбона (§ 516). Въ противоположность обычному толкованію словъ текста о распространеніи власти греко-бактрійскихъ государей «даже до серовъ и ѳауновъ» докладчикъ старался доказать, что эти слова относятся не къ завоеваніямъ въ Средней Азіи въ сторону бассейна Тарима и Китая, но къ тѣмъ же завоеваніямъ Димитрія и Менандра въ Индіи, о которыхъ говорится въ той же цитатѣ. Завоевательныя стремленія греко-бактрійскихъ царей, какъ впослѣдствіи царей индо-скиѳскихъ, были направлены исключительно въ сторону Индіи; въ Средней Азіи они довольствовались защитой культурныхъ областей отъ кочевниковъ, и внѣ предѣловъ областей, завоеванныхъ еще Александромъ, въ эпоху греко-бактрійскаго царства не было ни распространенія греческаго владычества, ни даже вліянія греческой культуры.

Сближеніе китайскаго *пу-тао* съ греческимъ βότρυς, крайне сомнительное въ лингвистическомъ отношеніи, не можетъ опираться и на историческія данныя; даже извѣстія греческихъ источниковъ показываютъ, что

---

[1] См. Приложенія, стр. XXV—XXIX.

виноградарство и винодѣліе возникли въ Средней Азіи независимо отъ греческаго вліянія. Греки ознакомились съ шелкомъ прежде всего въ Индіи и потому представляли себѣ «серовъ», воздѣлывавшихъ шелкъ, какъ индійскій народъ или ближайшихъ сосѣдей Индіи. Съ конца II в. до Р. Хр., уже послѣ паденія греко-бактрійскаго государства, сдѣлался извѣстенъ караванный путь въ страну серовъ изъ Бактріи и Согдіаны; свѣдѣнія объ этомъ пути постепенно проникали въ Римскую Имперію и находили себѣ отраженіе въ литературѣ. Наряду съ этимъ, однако, до конца существованія античной культуры сохранялись также слѣды прежняго представленія о серахъ и индійцахъ, какъ двухъ тѣсно связанныхъ между собою народахъ[1].

VI.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Халдская клинообразная надпись изъ Маку»[2].

Засѣданіе 29 сентября 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Весселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, Э. В. Диль, В. А. Жуковскій, В. М. Иверсенъ, К. А. Иностранцевъ, А. А. Калантарянъ, П. К. Коковцовъ, И. Ю. Крачковскій, Х. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марръ, И. Ю. Марконъ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, секретарь Отдѣленія I. А. Орбели, К. К. Романовъ, А. Д. Рудневъ, Н. И. Рѣпниковъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, А. И. Соболевскій, И. Г. Троицкій, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатскій.

Гости: С. Е. Маловъ, А. А. Ромаскевичъ, П. А. Фалевъ, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 28 апрѣля 1916 г.

---

[1] Ср. Изв. Акад. Наукъ, 1916, стр. 823 сл.

[2] Докладъ печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXV.

II.

П. К. Коковцовъ прочиталъ некрологъ кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева[1].

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ память почившаго была почтена вставаніемъ.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о поступленіи отъ авторовъ въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) П. К. Коковцовъ. Новые матеріалы для характеристики Іехуды Хайюджа, Самуила Нагида и нѣкоторыхъ другихъ представителей еврейской филологической науки въ X, XI и XII вѣкѣ. Петроградъ. 1916.

2) В. В. Бартольдъ. Греко-бактрійское государство и его распространеніе на сѣверо-востокъ (Отт. изъ Изв. Ак. Наукъ, 1916).

IV.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, передалъ для библіотеки Общества Протоколы засѣданій Комитета за 1916 г., № 1 и № 2.

V.

А. Е. Любимовъ прочиталъ сообщеніе: «Къ вопросу о происхожденіи слова: *кремль*»[2].

VI.

По поводу сообщенія А. Е. Любимова, А. И. Соболевскій указалъ, что предлагаемое докладчикомъ объясненіе не представляется вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ совершенно непонятно, какимъ образомъ въ XIV в. монгольское слово могло бы проникнуть въ русскій языкъ, особенно же въ языкъ Пскова.

Въ обсужденіи сообщенія А. Е. Любимова приняли участіе также В. В. Бартольдъ и А. Д. Рудневъ.

VII.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ сообщеніе: «Южно-арабскій амулетъ изъ собранія Н. П. Лихачева»[3].

---

[1] Печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

[2] Будетъ напечатано въ «Вост. Сборн.», изд. Общ. Русск. Оріент., т. III.

[3] Печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

VIII.

Въ обсужденіи прочитаннаго сообщенія приняли участіе П. К. Коковцовъ и Н. И. Веселовскій.

IX.

Н. И. Веселовскій прочиталъ докладъ: «О греческихъ изображеніяхъ на Туркестанскихъ оссуаріяхъ»[1].

X.

Въ обсужденіи этого доклада приняли участіе В. В. Бартольдъ и Я. И. Смирновъ.

XI.

В. В. Бартольдъ предложилъ для осмотра фотографіи пріобрѣтеннаго Эрмитажемъ бронзоваго христіанскаго кадила изъ Средней Азіи, вѣроятно — сирійскаго происхожденія.

Засѣданіе 27 октября 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, кн. П. А. Путятинъ, О. Ф. Ретовскій, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, С. М. Шапшалъ.

Гости: Н. И. Ашмаринъ, Б. Б. Барадійнъ, А.-З. Валидовъ, П. А. Фалевъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 29 сентября 1916 г.

---

[1] Печатается въ Изв. Арх. Коммиссіи.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что съ 1906 г. по настоящее время Записки Восточнаго Отдѣленія набираетъ въ Академической Типографіи съ большимъ умѣньемъ и усердіемъ М. Г. Строльманъ, черезъ руки котораго прошли томы XVI — XXIII. Въ виду переживаемаго тяжелаго времени и въ виду того, что исполняется десять лѣтъ самостоятельной работы М. Г. Строльмана для Записокъ, представляется весьма желательнымъ наградить его выдачей нѣкоторой суммы. Въ 1905 г. по предложенію покойнаго бар. В. Р. Розена такая награда въ суммѣ 100 р. была выдана наборщику, набиравшему тогда Записки.

Постановлено: представить въ Совѣтъ Общества о выдачѣ М. Г. Строльману награды въ 100 рублей.

III.

И. Г. Троицкій прочиталъ докладъ: «Къ вопросу объ отношеніи Талмуда къ христіанамъ»[1].

IV.

По поводу доклада И. Г. Троицкаго нѣсколько замѣчаній сдѣлали П. К. Коковцовъ и И. Ю. Марконъ.

V.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ докладъ «Поѣздка въ Крымъ лѣтомъ 1916 г.».

VI.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе Н. Н. Мартиновичъ, С. М. Шапшалъ, П. А. Фалевъ, А.-З. Валидовъ, Н. Я. Марръ и Н. И. Веселовскій.

Засѣданіе 24 ноября 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, А. А. Васильевъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, К. Э. Гри-

[1] Докладъ напечатанъ въ Христ. Чтеніи, 1916.

невичъ, кн. И. А. Джаваховъ, Э. В. Диль, А. А. Дмитріевскій, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, Н. П. Кондаковъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Н. Е. Макаренко, М. И. Максимова, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, Н. Л. Окуневъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, Ѳ. А. Розенбергъ, К. К. Романовъ, М. И. Ростовцевъ, Н. И. Рѣпниковъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, В. В. Струве, графъ И. И. Толстой, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, П. Н. Шефферъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Б. Б. Барадійнъ, Р. П. Блэйкъ, Г. І. Боровка, Е. В. Ернштедтъ, И. Х. Завріевъ, г. Ломія, М. К. Мисирова, С. И. Протасова, А. А. Ромаскевичъ, А. Э. Серебряковъ, П. А. Фалевъ, А. Ѳ. Хащабъ, Г. Н. Чубиновъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 27 октября 1916 года.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о выходѣ изъ печати 3—4 вып. XXIII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

III.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества отъ В. В. Бартольда его «Отчета о командировкѣ въ Туркестанскій край лѣтомъ 1916 г.» (Изв. Ак. Наукъ, 1916).

IV.

Предсѣдатель Комиссіи для избранія кандидата на медаль имени барона В. Р. Розена, В. В. Бартольдъ, доложилъ постановленіе Комиссіи, согласно которому въ кандидаты предложенъ Л. Г. Лопатинскій.

Н. Я. Марръ прочиталъ отзывъ о научныхъ заслугахъ Л. Г. Лопатинскаго. Закрытымъ голосованіемъ медаль единогласно (30 голосами) присуждена Л. Г. Лопатинскому.

Опредѣлено: представить избраніе на утвержденіе общаго собранія въ декабрѣ 1916 г.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ сказалъ нѣсколько вступительныхъ словъ къ Отчету о раскопкахъ на Ванской скалѣ Ванской Экспедиціи Русскаго Археологическаго Общества.

«Намъ сейчасъ предстоитъ прослушать два доклада, составляющіе первую часть отчета объ ученой экспедиціи въ Ванскую область. Мысль снарядить эту экспедицію зародилась въ средѣ нашего Отдѣленія и была всесторонне разработана въ Комиссіи, образованной послѣ извѣстнаго доклада Б. В. Фармаковскаго 27 марта 1914 г.: «Обломки каменнаго фриза съ рѣзными фигурами изъ Вана».

«Экспедиція состоялась при тревожной обстановкѣ военнаго времени, слѣдовательно—не совсѣмъ удобной для научныхъ занятій; но наши изслѣдователи пошли сознательно на всѣ лишенія и исполнили принятую на себя задачу, за что мы должны быть имъ благодарны въ высшей степени. Но въ то же время мы должны быть безконечно признательны главному виновнику всѣхъ достигнутыхъ успѣховъ, — нашему Предсѣдателю, великому князю Георгію Михаиловичу, безъ содѣйствія котораго экспедиція не могла бы состояться. Великій князь лично доложилъ нашъ проектъ въ Ставкѣ Государю Императору и получилъ одобреніе экспедиціи; тогда нашлись денежныя средства для веденія раскопокъ, мѣстная власть на Кавказѣ въ лицѣ Намѣстника приняла нашихъ сочленовъ вполнѣ сочувственно, въ Ванѣ была дана для работъ команда нижнихъ чиновъ.

«Наука никогда не забываетъ своихъ доброжелателей и покровителей, она передаетъ съ благодарностью ихъ имена отъ поколѣнія къ поколѣнію. Пусть же и въ лѣтописи Русскаго Археологическаго Общества занесется на почетномъ мѣстѣ помощь, оказанная Ванской экспедиціи нашимъ Предсѣдателемъ».

VI.

I. А. Орбели прочиталъ иллюстрированный діапозитивами докладъ: «Раскопки двухъ нишъ на Ванской скалѣ» [1].

VII.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Откопанныя I. А. Орбели надписи царя Сардура II» [1].

VIII.

Обсужденіе прочитанныхъ докладовъ и вопроса объ изданіи результатовъ раскопокъ на Ванской скалѣ и о продолженіи работъ въ Ванѣ, по предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ, въ виду позднягo времени, отложено до слѣдующаго засѣданія, 15 декабря.

---

[1] [Докладъ печатается въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія, ч. XXIII].

Засѣданіе 15 декабря 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, Э. В. Диль, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, А. А. Калантарянъ, І. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, П. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. С. Раевскій, К. К. Романовъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, П. Н. Шефферъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: А. А. Ромаскевичъ, Г. Н. Чубиновъ, А. Г. Шанидзе.

I.

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ почтена вставаніемъ память К. Г. Залемана († 30 ноября)[1].

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 24 ноября 1916 г.

III.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, передалъ для библіотеки Общества Протоколы засѣданій Комитета за 1916 г. № 3, и отъ себя лично оттиски двухъ рецензій изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія, т. XXIII, №№ 396—397 и 398—399.

IV.

К. А. Иностранцевъ прочиталъ сообщеніе: «Средneазіатскій терминъ въ сасанидскомъ судебникѣ»[2].

V.

Подвергнуты обсужденію предложенія Н. Я. Марра, доложенныя имъ Отдѣленію въ заключительной части его доклада въ засѣданіи 24 ноября

[1] Некрологъ К. Г. Залемана, составленный В. В. Бартольдомъ, печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

[2] Печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

1916 г. Въ обсужденіи этихъ предложеній приняли участіе В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Н. Я. Марръ, А. А. Миллеръ, І. А. Орбели, К. К. Романовъ, Я. И. Смирновъ и Б. А. Тураевъ.

Н. Я. Марромъ внесено было шесть предложеній.

1) «Не прерывать начатыхъ изысканій и раскопокъ въ Ванѣ и окрестностяхъ».

Опредѣлено: начатыя работы продолжать, поручивъ бюро и Н. Я. Марру собрать свѣдѣнія по вопросу объ изысканіи средствъ на организацію работъ.

2) «Развить развѣдочныя изысканія въ сторону тѣхъ пунктовъ, которые получаютъ новое освѣщеніе на основаніи данныхъ нашей экспедиціи, такъ, напр., въ Персію, начавъ съ Макинскаго ханства вплоть до предѣловъ древняго царства Минеевъ, а также на сѣверъ отъ Чалдирскаго озера до Манглиса въ Тифлисской губ.».

Опредѣлено: ходатайствовать объ организаціи указанныхъ изысканій.

3) «Рѣшить, какъ печатать откопанныя надписи Сардура II, въ Запискахъ-ли Восточнаго Отдѣленія, или отдѣльнымъ изданіемъ, причемъ обсудить вопросъ, находитъ ли Общество нужнымъ ввести Corpus Inscriptionum Chaldicarum въ свои научныя предпріятія».

Опредѣлено: напечатать открытыя надписи Сардура II отдѣльнымъ изданіемъ, уваживъ ходатайство Н. Я. Марра, чтобы въ это изданіе вошли только текстъ и переводъ надписей съ составленными Н. Я. Марромъ объясненіями, указателями и предисловіемъ, за исключеніемъ отчета о раскопкахъ, обнаружившихъ надписи, и просить Совѣтъ Общества объ ассигнованіи на это изданіе потребныхъ средствъ, согласно исчисленію Н. Я. Марра въ суммѣ до 1500 р. По вопросу же объ изданіи Corpus'а опредѣлено: признать это предпріятіе болѣе цѣлесообразнымъ для другого учрежденія, напр., Академіи Наукъ.

4) «Ходатайствовать о передачѣ Ванской скалы въ вѣдѣніе представителей археологической науки для оборудованія ея, какъ средоточія предметовъ древности, разсѣянныхъ по странѣ и нуждающихся въ охранѣ на мѣстѣ, и для подготовки систематическихъ планомѣрныхъ раскопокъ скалы».

Опредѣлено: поручить обсужденіе этого вопроса имѣющей быть избранной Комиссіи.

5) «Рѣшить вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ откопанной стелы, оставить ли ее на мѣстѣ, или имѣть въ виду вывезти ее, или, наконецъ, предоставить ее другому учрежденію, напр., Кавказскому Музею».

Опредѣлено: памятникъ оставить на мѣстѣ, выработку мѣръ охраны поручить той же комиссіи.

6) «Для подготовки рѣшенія по всѣмъ этимъ вопросамъ, а равно для лучшей организаціи слѣдующей экспедиціи въ Ванъ, если Отдѣленіе признаетъ ея желательность, составить комиссію изъ заинтересованныхъ членовъ Восточнаго и Классическаго Отдѣленій, причемъ я заранѣе заявляю, что и въ дальнѣйшемъ я охотно готовъ принимать участіе въ этомъ въ высшей степени важномъ дѣлѣ, но лишь въ качествѣ рядового работника».

Опредѣлено: образовать комиссію изъ числа членовъ Восточнаго и Классическаго Отдѣленій, отъ Восточнаго Отдѣленія избравъ Н. Г. Адонца, Н. Я. Марра, І. А. Орбели, Я. И. Смирнова, Б. А. Тураева, Б. В. Фармаковскаго, и предоставивъ избраніе остальныхъ членовъ комиссіи Классическому Отдѣленію.

VI.

По поводу читаннаго въ предшествующемъ засѣданіи доклада Н. Я. Марра, С. А. Жебелевъ, основываясь на упоминаніи въ надписи Сардура II о его походѣ на «Діогена, сына Іона», высказалъ слѣдующее «фантастическое» соображеніе: такъ какъ невозможно допустить, чтобы Сардуръ II ходилъ походомъ въ малоазіатскую Іонію, приходится предполагать, что въ надписи имѣется въ виду какая-либо изъ Іонійскихъ колоній, основанныхъ въ VIII в. до Р. Х. Изъ таковыхъ колоній ближайшею къ Ванскому царству является Трапезунтъ, основанный по показанію армянскаго перевода Евсевія въ 757/6 г. до Р. Х.

VII.

Н. Н. Мартиновичъ прочиталъ докладъ: «Турецкіе историки о Критѣ. Хасанъ Кюрди» [1].

VIII.

Въ обсужденіи доклада Н. Н. Мартиновича приняли участіе Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій и Н. Я. Марръ.

---

[1] Докладъ будетъ напечатанъ въ Зап. Вост. Отд.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Записка о снаряженіи Экспедиціи въ Ванъ.

Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій на Кавказскомъ фронтѣ нашими войсками занята значительная часть территоріи двухъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ царствъ Востока, — Мидіи и Ванскаго царства, причемъ каждый день войны все больше увеличиваетъ эту часть, приближая насъ и къ доселѣ далекимъ отъ нашихъ предѣловъ Вавилону, Ассиріи и царству хетовъ. Народы, населявшіе эти страны за 1000 и болѣе лѣтъ до Р. Х. и явившіеся первыми носителями, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и создателями, міровой культуры, претворенной на западѣ — греческимъ геніемъ, на востокѣ — арійскимъ, и затѣмъ унаслѣдованной всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ Стараго свѣта, давно уже привлекли вниманіе научныхъ силъ Западной Европы.

Уже около ста лѣтъ Англія, Франція и Германія соревнуютъ въ изученіи богатѣйшихъ памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли и подъ землею на территоріи Древнихъ царствъ Востока, причемъ Франціи принадлежитъ честь организаціи наиболѣе методичныхъ, планомѣрныхъ и исчерпывающихъ изслѣдованій въ области древняго Элама.

Россія въ этой міровой работѣ до сихъ поръ оставалась совершенно въ сторонѣ. Между тѣмъ, въ ряду другихъ европейскихъ государствъ, Россія наиболѣе заинтересована въ изученіи этихъ древнѣйшихъ очаговъ культуры, главнымъ образомъ Вана, Мидіи и царства хетовъ, какъ въ виду давняго непосредственнаго сосѣдства нашего съ историческими предѣлами Мидіи и Ванскаго царства, сѣверныя окраины котораго издавна входятъ въ составъ нашего государства, такъ и въ виду тѣхъ тѣсныхъ связей, которыя теперь справедливо усматриваются между искусствомъ халдовъ и хетовъ и древнѣйшими художественными произведеніями юга Россіи и сѣвернаго Кавказа.

До послѣдняго времени стремленія русской науки къ организаціи изслѣдованій хотя бы въ пограничныхъ или близкихъ къ предѣламъ Кавказа частяхъ Ванскаго царства встрѣчали почти непреодолимое препятствіе въ необходимости полученія на это разрѣшенія турецкаго правительства, что было сильно затруднено различными обстоятельствами; тутъ, несомнѣнно, имѣло значеніе и противодѣйствіе Германіи, уже съ девяностыхъ годовъ стремившейся наложить, хотя бы въ отношеніи научнаго изученія, руку на

эти страны. Въ настоящее время обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились, и все уже Ванское царство занято нашими доблестными войсками. Наиболѣе удобно, поэтому, начать изслѣдованіе памятниковъ Древняго Востока съ древностей Ванскаго царства.

Изслѣдованіе Ванскаго царства обѣщаетъ тѣмъ болѣе важные результаты, что эта область Древняго Востока пока почти не была затронута изученіемъ. Снаряженная сюда германская экспедиція 1898—1899 гг. ограничилась собираніемъ, притомъ далеко не исчерпывающимъ, клинописныхъ и иныхъ памятниковъ, находящихся на поверхности земли, а въ отношеніи раскопокъ — незаконченнымъ и непланомѣрнымъ изслѣдованіемъ вершины Топрах-калы въ Ванѣ. Развѣдочныя работы, веденныя тутъ по порученію и на средства Академіи Наукъ въ 1911—1912 г.[1], устанавливаютъ рядъ нуждающихся въ раскопкахъ и могущихъ дать много новаго пунктовъ, среди которыхъ первое мѣсто должны занять развалины обширной крѣпости Хайкаберда.

Экспедиція, снаряженная въ эти мѣстности, являясь прекраснымъ ознаменованіемъ проникновенія въ освобожденную отъ турецкаго гнета страну русской культуры, сулитъ тѣмъ большіе результаты, чѣмъ скорѣе она будетъ отправлена. Помимо остатковъ глубокой древности, надежно скрытыхъ подъ землею, и на поверхности ея имѣется, и можетъ еще найтись, много цѣнныхъ памятниковъ, которые легко могутъ погибнуть и вовсе исчезнуть, особенно при тяжелыхъ обстоятельствахъ военнаго времени и при неуловимомъ проникновеніи въ эти важныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности скупщиковъ древностей, профессіоналовъ и любителей. И если при современныхъ условіяхъ войны затруднительна организація совмѣстнаго похода военныхъ и ученыхъ силъ, какъ это было во время экспедиціи Наполеона въ Египетъ, — весьма желательной представляется отправка организованныхъ научныхъ силъ по стопамъ нашихъ войскъ, для немедленнаго собиранія и изученія древностей, уцѣлѣвшихъ отъ непріятельскаго разгрома или иного расхищенія.

Задачу собиранія и посильнаго спасенія движимыхъ памятниковъ, какъ древнѣйшихъ, халдскихъ, такъ и позднѣйшихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, взяла на себя Академія Наукъ, сохранившая такимъ образомъ въ Ванскомъ районѣ значительное число клинообразныхъ надписей и христіанскихъ рукописей и утвари.

Задача археологическаго изученія и раскопокъ въ Ванѣ и его окрестностяхъ по справедливости лежитъ на обязанности Русскаго Археологи-

[1] І. А. Орбели. Предварительный отчетъ о командировкѣ въ Турецкую Арменію (Изв. Ак. Наукъ, 1912).

ческаго Общества, которое уже весною 1914 года намѣтило себѣ эту работу, обсуждало этотъ вопросъ, разрабатывало планъ экспедиціи и получило тогда принципіальное согласіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и, въ соотвѣтствіи съ условіями того времени, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[1].

При изслѣдованіи древностей края не должны быть забыты и богатые христіанскіе памятники и храмы, хотя и не имѣющіе міроваго значенія остатковъ строительства Ванскихъ царей, но представляющіе исключительный интересъ въ исторіи восточно-христіанскаго искусства и особо важные для русской науки; къ тому же, современная научная постановка изученія халдскихъ памятниковъ Ванскаго царства должна обнять всю совокупность не только археологическихъ, но и культурно-историческихъ матеріаловъ, съ неустранимой обязанностью выяснять въ нихъ коренныя мѣстныя основы или пережиточныя формы.

Основной задачею первой экспедиціи Русскаго Археологическаго Общества будутъ раскопки въ Хайкабердѣ или на Топрах-калѣ, намѣченныхъ для планомѣрнаго изслѣдованія со времени экспедиціи Академіи Наукъ въ 1911—1912 годахъ, и, одновременно, археологическія развѣдки въ другихъ мѣстахъ въ интересахъ будущихъ раскопокъ.

Наряду съ изученіемъ мертвыхъ древностей Ванскаго округа надлежитъ спѣшить съ изслѣдованіемъ пережитковъ древности, сохранившихся въ живомъ быту мѣстнаго населенія. Этнографическое и лингвистическое изученіе края, спѣшность котораго указывается тѣми же обстоятельствами военнаго времени, въ значительной мѣрѣ повліявшими на составъ, численность, группировку и обстановку быта христіанскаго и мусульманскаго населенія края, представляетъ большой интересъ и для чисто историческихъ и археологическихъ вопросовъ.

Разборъ и толкованіе ванскихъ и сузскихъ клинообразныхъ надписей, единственныхъ мѣстныхъ писанныхъ источниковъ для исторіи Вана и Элама основывается на изученіи языковъ народностей Кавказа, сохранившихъ различныя нарѣчія, братски родственныя языкамъ названныхъ надписей. Въ этомъ отношеніи русская наука явится въ Ванъ во всеоружіи знанія и использует свое преимущественное передъ западно-европейской положе-

---

[1] Въ Зап. Вост. Отд. напечатаны матеріалы, выясняющіе исторію того, какъ въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ впервые возникла мысль объ экспедиціи и какъ оно старалось получить возможность къ ея осуществленію; см. протоколы засѣданій Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества 20 дек. 1912 г. (ЗВО, XXI) и 27 марта, 24 апр., 2 окт., 30 окт., 27 ноября 1914 г. (ЗВО, XXII), Протоколъ засѣданія Комиссіи, избранной Восточнымъ Отдѣленіемъ Русскаго Археологическаго Общества для обсужденія вопроса объ изслѣдованіяхъ въ области древней Ванской культуры (тамъ же) и Записку Б. А. Тураева о древностяхъ Вана и сопредѣльныхъ мѣстностей (тамъ же).

ніе. Въ связи съ этимъ, для возможно полнаго изученія древнѣйшихъ мѣстныхъ языковъ давно уже пора углубить изученіе живыхъ армянскихъ говоровъ въ связи съ кавказскими языками, а также привлечь къ дѣлу и нарѣчія курдскаго языка. Въ этихъ языкахъ подлежатъ болѣе тщательному выясненію переживанія до-арійскихъ языковъ автохтоновъ страны, которыя вмѣстѣ съ данными кавказскихъ языковъ, образующихъ тѣсную семью, представляютъ давно желанный ключъ къ пониманію надписей Ванскихъ царей.

Успѣхъ предлагаемаго предпріятія будетъ зависѣть отъ многихъ обстоятельствъ, въ виду чего представляется необходимымъ не только обезпечить длительное изслѣдованіе Вана достаточными матеріальными средствами, но и придать ему авторитетъ дѣла государственнаго значенія.

Руководство предпріятіемъ въ его археологической и лингвистической части беретъ на себя дѣйствительный членъ Общества Н. Я. Марръ, который ближайшимъ помощникомъ по веденію раскопокъ и вообще по выполненію различныхъ научныхъ порученій будетъ имѣть дѣйствительнаго члена Общества и секретаря Восточнаго Отдѣленія І. А. Орбели, совершившаго еще въ 1911—1912 гг. археологическое путешествіе въ Ванскій вилайетъ, по порученію и на средства Академіи Наукъ.

Кромѣ того, въ составъ экспедиціи необходимо должны войти архитекторъ и фотографъ и желательно было бы располагать правомъ везти для помощи въ работахъ студентовъ-спеціалистовъ, въ числѣ двухъ.

Расходы на экспедицію, но при меньшемъ числѣ участниковъ и по условіямъ мирнаго времени, были исчислены въ суммѣ 5000 рублей въ годъ, теперь же желательно увеличить ассигнованіе на 1916-й годъ до 6000 или 7000 рублей.

Петроградъ. 12 марта 1916 г.

II.

Программа работъ Ванской Экспедиціи на 1916 г.

1) Собираніе матеріаловъ для организаціи систематическихъ раскопокъ халдскихъ древностей времени Ванскихъ царей.

2) Съ указанной цѣлью, описаніе, фотографированіе, обмѣры, съемка плановъ, развѣдочныя раскопки всякаго рода архитектурныхъ памятниковъ времени Ванскихъ царей, въ томъ числѣ замковъ и крѣпостей, особенно, если это будетъ признано возможнымъ, Ванской цитадели, а также пещеръ и подземныхъ помѣщеній, погребальныхъ сооруженій и надписей на памятникахъ и скалахъ.

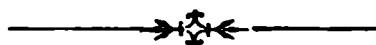
3) Съ той-же цѣлью и тѣми-же способами изслѣдованіе памятниковъ позднѣйшихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, церковныхъ и гражданскихъ, и использованныхъ въ нихъ и въ новѣйшихъ постройкахъ халдскихъ древностей.

4) Если окажется возможнымъ, систематическія археологическія раскопки Топрах-калы въ Ванѣ и Хайкаберда на горѣ Болдагъ.

5) Собираніе всякаго рода памятниковъ древности, находящихся безъ призора или въ угрожаемомъ положеніи, а въ случаѣ необходимости и выемка использованныхъ въ кладкѣ позднѣйшихъ зданій камней съ надписями или какими либо изображеніями, съ возмѣщеніемъ причиненнаго владѣльцамъ зданій ущерба.

6) Собираніе древнихъ книгъ и рукописей на всѣхъ восточныхъ языкахъ.

Петроградъ. 7 мая 1916 г.

Новыя данныя по вопросу о мнимомъ упоминаніи имени Мухаммеда въ Пятокнижіи Моисея.

Убѣжденіе въ томъ, что онъ является продолжателемъ миссіи ветхозавѣтныхъ пророковъ и Іисуса Христа, — одна изъ исходныхъ точекъ проповѣди Мухаммеда въ тотъ періодъ его дѣятельности, когда ему, не нашедшему сочувствія и поддержки въ родной мекканской средѣ, пришлось, силою вещей, вовлечь въ свою орбиту также и «обладателей откровенныхъ книгъ» *(ахл-ал-китāб)*, т. е. христіанъ и, прежде всего, евреевъ, съ которыми Мухаммеду въ Мединѣ пришлось находиться въ постоянномъ и близкомъ соприкосновеніи. Указаніе на эту преемственность своей миссіи Мухаммедъ считалъ, повидимому, настолько убѣдительнымъ аргументомъ, что нежеланіе евреевъ пойти навстрѣчу его домогательствамъ его совершенно озадачило[1]. Вѣдь самъ Мухаммедъ, видимо, именно въ этомъ убѣжденіи черпалъ увѣренность въ правотѣ своего выступленія въ роли религіознаго просвѣтителя сначала своихъ ближайшихъ соотечественниковъ[2], а затѣмъ, въ концѣ концовъ, и всего человѣчества[3].

Въ самомъ коранѣ неоднократно подчеркивается, что онъ ниспосланъ Мухаммеду съ тѣмъ, чтобы подтвердить дарованныя людямъ до него откровенныя книги — тору, т. е. пятокнижіе, и Евангеліе[4]. Неоднократно указывается въ коранѣ и на то, что многія, высказываемыя въ немъ мысли и идеи, уже ранѣе были высказаны въ книгахъ ветхаго завѣта[5]; въ одномъ мѣстѣ утверждается даже, что вѣроученіе корана вполнѣ совпадаетъ

---

[1] Срв. аш-Шахрастâнй, К.-ал-милал-ва-н-нихал (изд. Cureton'а) I, ١٦٦; переводъ Haarbrücker'а I, 252.

[2] Коранъ 26, 216.

[3] Коранъ 7, 157.

[4] Коранъ 2, 38, 83, 85; 3,2; 4,50; 5, 52; 6, 92; 35, 28.

[5] Коранъ 6, 114; 10, 94; 20, 133; 21, 105; 26, 196 слѣд.; 53, 38 слѣд.; 80, 13; 87, 13-19.

съ вѣроученіемъ, заключеннымъ въ книгахъ ветхаго завѣта[1]: «Спорьте съ обладателями книги только съ кротостью, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые поступаютъ несправедливо, и скажите: мы вѣруемъ въ то откровеніе, которое ниспослано намъ, и въ то, которое ниспослано вамъ; нашъ Богъ и вашъ Богъ — единый, и Ему мы себя предаемъ»[2].

Это совпаденіе заключенныхъ въ коранѣ идей съ ученіемъ откровенныхъ книгъ ветхаго завѣта должно было служить и самому Мухаммеду доказательствомъ его правоты и истинности его пророческой миссіи, если въ его душѣ на этотъ счетъ возникали сомнѣнія. «Если же въ тебѣ возникнетъ сомнѣніе относительно того, что мы тебѣ ниспослали, то спроси тѣхъ, которые раньше тебя читали откровенную книгу», читаемъ мы въ коранѣ[3]. Хотя нѣкоторыхъ правовѣрныхъ мусульманскихъ толкователей корана это мѣсто приводило въ немалое смущеніе и они, въ разрѣзъ съ контекстомъ, всячески пытались доказать, что эти слова слѣдуетъ относить не къ Мухаммеду, а къ людямъ вообще, но все же возможность возникновенія и у самого Мухаммеда такихъ сомнѣній допускалась многими мусульманскими богословами, стоявшими на томъ, что онъ, прежде всего, человѣкъ и, какъ таковой, конечно, былъ подверженъ всякаго рода перемѣнчивымъ настроеніямъ[4].

Въ особенности-же это совпаденіе должно было явиться убѣдительнымъ доказательствомъ для христіанъ и евреевъ, такъ какъ Мухаммедъ, какъ онъ объ этомъ самъ нарочито заявляетъ въ коранѣ, «не читалъ ранѣе ни одной книги и не писалъ таковой десницею своею»[5], и все же «коранъ (т. е. изложенное въ немъ ученіе) заключается уже въ псалтиряхъ древнихъ, и развѣ не служитъ имъ (т. е. невѣрнымъ) знаменіемъ то обстоятельство, что его знаютъ ученые изъ сыновъ Израиля»[6].

Отмѣтимъ попутно, что въ коранѣ книги ветхаго завѣта именуются собирательно: пятокнижіемъ (*таурâт* — тора), псалтирями *(зубур)* и, еще

---

[1] Коранъ 29, 45.

[2] О томъ же говоритъ и передаваемое со словъ Абӯ-Хурейры преданіе: «Обладатели писанія обыкновенно читали тору по еврейски, а объясняли ее послѣдователямъ ислама по арабски. Тогда пророкъ сказалъ: Не соглашайтесь съ обладателями писанія и не опровергайте ихъ, а скажите: мы вѣруемъ въ Того, кто ниспослалъ откровенія намъ и ниспослалъ ихъ вамъ, нашъ Богъ и вашъ Богъ единый». (Ибн-Хазм, Китâб-ал-фисал-фй-л-милал (Каиръ 1317—1321) I, стр. 117; срв. Goldziher, Üb. muh. Polemik, ZDMG XXXII, стр. 347).

[3] Коранъ 10, 94.

[4] Срв. интересныя подробности по этому вопросу у Фахраддӣн-ар-Рâзӣ, Мафâтӣх-ал-гайб (Стамбулъ 1294) V, стр. 38—40.

[5] Коранъ 10, 94.

[6] Коранъ 26, 196 и 197.

болѣе обще, — свитками *(сухуф)* древнихъ[1]. Во всякомъ случаѣ, подъ пятокнижіемъ — *таурâт* въ коранѣ подразумѣваются откровенныя книги ветхаго завѣта вообще, а если нужно оттѣнить, что имѣется въ виду именно Пятокнижіе Моисеево или откровенія, ниспосланныя Аврааму, то обыкновенно, говорится о «свиткахъ Моисея» *(сухуф-Мŷсâ)* или «свиткахъ Авраама» *(сухуф-Ибрâхŷм)*. По мнѣнію Hirschfeld'a, въ коранѣ подъ торой подразумѣваются также *мишна, талмудъ и мидрашъ*; если это такъ, то, во всякомъ случаѣ, самъ Мухаммедъ не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ, ибо врядъ-ли обладалъ такими подробными свѣдѣніями о религіозной раввинской литературѣ.

Такое обозначеніе откровенныхъ книгъ ветхаго завѣта однимъ общимъ терминомъ *таурâт* (пятокнижіе) сохранилось и вообще въ мусульманской религіозной и апологетической литературѣ, вплоть до позднѣйшаго времени. У болѣе позднихъ писателей, напримѣръ, знакомыхъ съ книгами ветхаго завѣта даже въ подлинникѣ, мы рядомъ съ общими ссылками на *«таурâт»* встрѣчаемъ, въ видѣ доказательства, болѣе точныя цитаты изъ пророковъ или историческихъ книгъ, съ указаніемъ главъ и даже стиховъ.

Точно такъ же и въ коранѣ, и въ мусульманской религіозной литературѣ подъ Евангеліемъ *(инджûл)* подразумѣваются всѣ книги новаго завѣта, и у позднѣйшихъ писателей рядомъ съ общими ссылками на Евангеліе мы встрѣчаемъ болѣе точныя цитаты изъ Дѣяній апостоловъ или Посланій.

Возвращаясь къ вопросу о томъ, что Мухаммедъ считалъ себя посланнымъ подтвердить откровенія, сообщенныя людямъ до него другими пророками, слѣдуетъ отмѣтить имѣющуюся въ коранѣ ссылку на то, что до Мухаммеда и Іисусъ Христосъ явился съ такою же миссіей: «Ска-

---

[1] На мусульманскомъ востокѣ очень распространены всякіе апокрифическіе арабскіе *сухуф* и *зубур*, но врядъ ли нужно предполагать, что, какъ допускаетъ Cheikho (Quelques légendes islamiques apocryphes, Mélanges d. l. Faculté Orientale Beyrouth IV, 39 слѣд.), эти книги существовали уже во времена Мухаммеда, что именно съ ихъ содержаніемъ онъ былъ знакомъ, и что этимъ объясняется сильное уклоненіе кораническихъ версій библейскихъ легендъ отъ библейской редакціи; болѣе правдоподобнымъ кажется предположеніе, что эти арабскіе апокрифическіе *сухуф* и *зубур*, по аналогіи съ тенденціозными хадисами, появились впослѣдствіи, въ виду сказавшагося спроса на такія древнія откровенныя книги, на которыя могла бы опереться разошедшаяся съ ветхимъ завѣтомъ кораническая версія библейскихъ преданій. Образцы такихъ апокрифическихъ псалмовъ изданы въ упомянутой работѣ Cheikho (стр. 47—56), а также въ спеціальной работѣ Ove Chr. Krarup'a: Auswahl pseudo-davidischer Psalmen. Arabisch und deutsch. Köbenhavn. 1909. Вообще же, вопросъ о существованіи у арабовъ-евреевъ и у арабовъ-христіанъ до Мухаммеда религіозной литературы на арабскомъ языкѣ, равно какъ и вопросъ объ объемѣ и степени распространенія этой литературы и доступности ея самому Мухаммеду пока что приходится считать еще открытымъ. Ср. по этому поводу Nöldeke-Schwally, Gesch. d. Qorans, I, 10-11.

залъ Іисусъ сынъ Маріи: «О, сыны Израиля! Я посланникъ Аллаха, посланный къ вамъ подтвердить то пятокнижіе, которое предо мною»[1]. Возможно допустить, что основаніемъ этому кораническому тексту послужили ставшія тѣмъ или инымъ путемъ извѣстными Мухаммеду слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, а исполнить»[2]. Да и вообще Мухаммедъ, повидимому, усматривалъ извѣстную преемственность въ миссіи послѣдовательно являвшихся къ людямъ пророковъ. По крайней мѣрѣ, въ коранѣ имѣется указаніе на то, что Аллахъ обязывалъ всякаго пророка признавать всѣхъ тѣхъ пророковъ, которые придутъ послѣ него съ подтвержденіемъ сообщенныхъ уже ему откровеній, и завѣщалъ всѣмъ вообще пророкамъ оказывать этимъ своимъ (будущимъ) преемникамъ поддержку и помощь[3]. Ибн-Хишâм[4], нѣсколько болѣе обстоятельно излагающій суть этого завѣта, дополнительно объясняетъ, что Аллахъ обязалъ всѣхъ пророковъ, предшественниковъ Мухаммеда, сообщать вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ о таковомъ обязательствѣ увѣровать въ Мухаммеда и поддерживать его въ борьбѣ съ супротивниками.

Нужно думать, что, говоря о такой помощи и поддержкѣ со стороны отошедшихъ уже въ вѣчность пророковъ-предшественниковъ, Мухаммедъ представлялъ себѣ ее въ видѣ пророчествъ о его предстоящемъ пришествіи.

Мухаммедъ, по всей видимости, не былъ непосредственно знакомъ со священными книгами ветхаго и новаго завѣта. То обстоятельство, что самъ онъ въ коранѣ, какъ мы видѣли, нарочито подчеркиваетъ это, еще не можетъ, конечно, служить доказательствомъ; разъ именно на этомъ основывался одинъ изъ главныхъ аргументовъ, которымъ Мухаммедъ надѣялся убѣдить евреевъ увѣровать въ него, то именно къ этому заявленію Мухаммеда мы имѣли бы право отнестись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Въ данномъ случаѣ, однако, гораздо важнѣе отмѣтить, что въ коранѣ совершенно отсутствуютъ точныя цитаты[5] изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. Уже изъ этого позволительно заключить, что Мухаммедъ

---

[1] Коранъ 61, 6; срв. также 3, 44 и 5, 50.

[2] Ев. отъ Матѳея 5, 17; срв. аш-Шахрастâнй I, ١٢٣; ١٢٦ (I, 246 и 251).

[3] Коранъ 3, 75.

[4] I, 150.

[5] Единственная почти дословная цитата имѣется въ 21-ой главѣ, стихъ 105-ый: «И уже въ псалтири мы послѣ увѣщанія написали, что землю унаслѣдуютъ рабы мои праведные» (Срв. Пс. 36, 29: «Праведники унаслѣдуютъ замлю и будутъ жить въ ней вовѣкъ)». Быть можетъ слѣдуетъ видѣть отраженіе Ев. отъ Матѳ. 23, 31-37 (Лук. 11, 47-51 и 13, 34) въ обращеніи Мухаммеда къ евреямъ (Кор. 2, 85): «Зачѣмъ же вы прежде убивали пророковъ божіихъ, если вы — вѣрующіе».

черпалъ изъ вторыхъ рукъ, но еще болѣе рельефно его незнакомство съ книгами ветхаго и новаго завѣта доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣющіяся въ коранѣ заимствованія изъ круга религіозныхъ идей и сказаній еврейскихъ и христіанскихъ носятъ явно выраженную апокрифическую и талмудическую или агадическую окраску [1].

Но и изъ тѣхъ, и изъ другихъ источниковъ Мухаммеду могло стать и, несомнѣнно, стало извѣстнымъ ученіе о пришествіи обѣтованнаго Мессіи, и было болѣе чѣмъ естественно, что Мухаммедъ, стремясь вовлечь въ орбиту своей проповѣди евреевъ и христіанъ, bona или mala fide, это въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія, самъ и выступилъ въ роли этого обѣтованнаго Мессіи, въ котораго евреи и христіане должны были увѣровать уже потому, что о немъ имѣются пророчества въ признаваемыхъ и почитаемыхъ ими же откровенныхъ книгахъ. Представленія объ этихъ пророчествахъ были у Мухаммеда, повидимому, вообще самыя неопредѣленныя, какъ явствуетъ изъ относящихся сюда текстовъ корана. Только обѣтованное Спасителемъ пришествіе «Утѣшителя, Духа Святаго» [2] нашло себѣ болѣе ясно уловимое отраженіе въ коранѣ, гдѣ мы читаемъ [3]: «Сказалъ Іисусъ, сынъ Маріи: «О сыны Израиля! Я посланникъ Аллаха къ вамъ, подтверждающій ту *тору*, что предо мною, и благовѣствующій вамъ о посланникѣ, который пріидетъ послѣ меня, имя котораго Ахмед».

Такъ какъ въ данномъ мѣстѣ говорится о пророчествѣ, заключающемся въ книгахъ новаго завѣта, мы можемъ не останавливаться здѣсь на много оспаривавшихся и все еще оспариваемыхъ толкованіяхъ европейскихъ ученыхъ, усматривающихъ въ словѣ *Ахмед* (весьма прославленный) арабскій переводъ греческаго слова περικλυτός, которымъ, по мнѣнію сторонниковъ этого толкованія, благодаря созвучію этихъ словъ въ сирійской транскрипціи, сирійцемъ переводчикомъ было замѣнено слово παράκλητος [4]. Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ только тѣ пророчества о пришествіи Мухаммеда, которыя, согласно указаніямъ корана, будто бы заключены въ книгахъ, именно, ветхаго завѣта. Разсмотримъ самыя опредѣленныя изъ такихъ указаній.

---

[1] Срв. Cheikho, Quelques légendes islamiques apocryphes, стр. 33 слѣд.; Nöldeke-Schwally, Gesch. d. Qoran, стр. 8; Hirschfeld, New researches into the composition and exegesis of the Qoran (Asiatic Monographs, vol. III) стр. 104, а также Schapiro, D. haggadischen Elemente im erzählenden Teil d. Korans, введ., стр. 5.

[2] Ев. Іоан. 14, 16; 26; 15, 26; 16, 7.

[3] Коранъ 61, 6.

[4] Срв. Nöldeke-Schwally, Gesch. d. Qorans, стр. 9, прим. 1; O. Pautz, Muh. Lehre v. d. Offenbarung, стр. 127, а также G. Rösch, Namen d. arab. Propheten Muhammed und Ahmed (ZDMG. 46, стр. 432 слѣд.).

1. Авраамъ и Исмаилъ, возводя постройку Каабы[1], молятся[2]: «Господи, пошли къ нимъ (т. е. къ нашимъ потомкамъ) посланника изъ ихъ среды, который читалъ бы имъ знаменія Твои, и научилъ бы ихъ (св.) писанію и мудрости и очистилъ бы ихъ, ибо Ты — Державный и Мудрый!»

2. Аллахъ отвѣчаетъ Моисею, молящему его о прощеніи и пощадѣ для согрѣшившихъ предъ нимъ евреевъ[3]: «Моимъ наказаніемъ Я поражаю тѣхъ, кого пожелаю, а милосердіе Мое объемлетъ всякую вещь; его Я сподоблю тѣхъ, кои благочестивы и уплачиваютъ *закâт*, и тѣхъ, кои увѣруютъ въ знаменія Наши и послѣдуютъ за посланникомъ пророкомъ, не читавшимъ откровенныхъ книгъ, о которомъ они найдутъ написаннымъ у себя въ Торѣ и Евангеліи, который будетъ призывать ихъ къ добру и удерживать ихъ отъ зла».

3. Наконецъ, нѣкоторые мусульманскіе толкователи корана къ такимъ указаніямъ на яко бы имѣющіяся въ книгахъ ветхаго завѣта пророчества о Мухаммедѣ причисляютъ и упоминавшіеся уже стихи корана[4]: «Подлинно— *онъ* (т. е. *о немъ*) есть въ псалтиряхъ древнихъ, и развѣ не служитъ имъ знаменіемъ то, что *его* знаютъ ученые изъ сыновъ Израиля», при чемъ они мѣстоименія *онъ* и *его* относятъ къ самому Мухаммеду[5]. Мусульманскіе экзегеты шли еще дальше, понимая это мѣсто въ такомъ смыслѣ, будто по точнымъ даннымъ о личности будущаго пророка, имѣющимся въ книгахъ ветхаго завѣта, нѣкоторые еврейскіе ученые сразу признали въ Мухаммедѣ обѣтованнаго имъ пророка. Находившійся, и не безъ основанія, подъ подозрѣніемъ въ приверженности къ раціоналистическимъ ученіямъ толкователь корана аз-Замахшарй, упоминая о такомъ толкованіи этого мѣста, прибавляетъ: «но это не ясно»[6]; и дѣйствительно, по контексту эти мѣстоименія могутъ быть отнесены только къ корану, а не къ Мухаммеду[7].

Въ религіозныхъ преданіяхъ мусульманъ мы тоже находимъ такія общія ссылки Мухаммеда на заключенныя якобы въ книгахъ ветхаго и

---

[1] Желая санкціонировать въ глазахъ евреевъ древній языческій, чисто арабскій институтъ культа Каабы, который онъ неминуемо долженъ была принять и въ свое новое монотеистическое ученіе, если онъ не хотѣлъ разъ навсегда оттолкнуть отъ себя арабовъ, цѣпко державшихся за свои старыя традиціи, Мухаммедъ установленіе этого культа приписалъ Аврааму, одинаково почитаемому и евреями, и арабами общему ихъ родоначальнику. Срв. по этому вопросу Snouck-Hurgronje, Het Mekkaansche Feest, стр. 38, а также Nöldeke-Schwally, о. с., стр. 19, и Миръ Ислама I, 38.

[2] Коранъ 2, 123.

[3] Коранъ 7, 155; 156.

[4] Коранъ 26, 196; 197.

[5] Фахраддйн-ар-Рâзй, Мафâтйх-ал-гайб VI, 544 слѣд.

[6] Кашшâф II, 350.

[7] Срв. выше, стр. 2.

новаго завѣта пророчества о немъ; такъ, у Ибн-Хишâм'а мы читаемъ слѣдующее изреченіе Мухаммеда: «Я тотъ, къ кому призывалъ Авраамъ и о пришествіи котораго возвѣстилъ Іисусъ»[1]. Въ религіозныхъ же преданіяхъ мы, наконецъ, находимъ и то болѣе опредѣленное указаніе на упоминаніе въ торѣ имени Мухаммеда, выясненію котораго была посвящена статья А. Я. Гаркави, напечатанная въ IX т. ЗВО (стр. 199—205).

Со словъ Ибн-ʿАббâс'а въ этомъ преданіи сообщается, будто Мухаммедъ сказалъ: «Имя мое въ торѣ то же, что и въ коранѣ (т. е. Мухаммед), а въ Евангеліи мое имя — Ахмед».

Категорически утверждать или отвергать подлинность приписываемаго въ этомъ преданіи Мухаммеду заявленія, конечно, трудно, не смотря на довольно сомнительную достовѣрность первоисточника его — Ибн-ʿАббâс'а, и вопросъ этотъ не столь существенно важенъ, но все же думается, что Мухаммедъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ въ коранѣ, если бы ему было извѣстно, что въ книгахъ ветхаго завѣта, въ связи съ пророчествомъ о пришествіи пророка или Мессіи, названо имя Мухаммедъ или похожее на него по созвучію другое имя. Болѣе правдоподобнымъ кажется предположеніе, что первоучители ислама, занявшіеся систематизаціей завѣщаннаго имъ Мухаммедомъ вѣроученія, сочли несправедливымъ, чтобы въ старыхъ откровенныхъ книгахъ было упомянуто, согласно указанію Корана[2], менѣе употребительное имя пророка — *Ахмед* и не было бы упомянуто то имя, которымъ его постоянно именовали; въ результатѣ — пущенный ad hoc въ оборотъ *хадûс* долженъ былъ восполнить этотъ пробѣлъ. Такому процессу возникновенія тенденціозныхъ *хадûсовъ* можно найти немало аналогій въ исторіи развитія мусульманскаго вѣроученія.

Изъ приведенныхъ текстовъ корана и преданій во всякомъ случаѣ ясно, что еврейскія и христіанскія ожиданія Мессіи были Мухаммеду извѣстны, что ему было извѣстно про наличность въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта связанныхъ съ этими чаяніями пророчествъ, и если онъ ссылается на эти пророчества только въ самыхъ общихъ чертахъ (за исключеніемъ нѣсколько болѣе опредѣленной ссылки на слова Спасителя)[3], то это объясняется именно его незнакомствомъ со старыми откровенными книгами.

Повидимому, Мухаммедъ надѣялся, что ссылка на эти пророчества, которыя онъ, конечно, быть можетъ даже bona fide, относилъ къ себѣ, откроетъ ему дорогу къ сердцамъ евреевъ и заставить ихъ

[1] Ибн-Хишâм, I, 150.
[2] Коранъ 61, 6.
[3] Срв. выше, стр. 5.

примкнуть къ нему. На первыхъ порахъ, еще въ мекканскій періодъ своей дѣятельности, Мухаммедъ, какъ кажется, имѣлъ даже нѣкоторый успѣхъ въ этомъ отношеніи, если судить по нѣкоторымъ даннымъ въ коранѣ, отражающимъ до извѣстной степени благожелательное отношеніе евреевъ къ его проповѣди[1]. Но, въ концѣ концовъ, его надежды все-таки не оправдались. Евреи, хорошо знавшіе свое св. писаніе, не находили въ немъ такихъ пророчествъ, которыя могли бы безъ натяжекъ быть отнесены къ Мухаммеду, и, повидимому, даже глумились надъ нимъ[2] и сбивали его съ толку своими казуистическими вопросами и замѣчаніями. Не будучи въ состояніи доказать свои общія ссылки подлинными цитатами, Мухаммедъ съ нескрываемою горечью обрушивается въ коранѣ на евреевъ за то, что они де скрываютъ вѣдомую имъ истину и извращаютъ подлинный текстъ своихъ священныхъ книгъ[3]. И вполнѣ допустимо, что эти обвиненія въ его устахъ были совершенно искренни.

Если мы ограничимся имѣющимися въ коранѣ ссылками Мухаммеда на книги ветхаго завѣта, то намъ, собственно, не зачѣмъ искать тѣхъ мѣстъ, къ которымъ относятся его ссылки: непосредственнаго знакомства съ этими книгами у него не было, и, очевидно, любое мѣсто, говорящее о пришествіи, въ будущемъ, пророка или Мессіи, вскользь слышанное имъ, могло дать ему поводъ для такой ссылки. До IX—X в. по Р. X. знакомство мусульманъ съ *торой* было основано преимущественно на устныхъ преданіяхъ[4]. При аббасидахъ, когда арабы мусульмане, въ интересахъ исторіографіи, стали интересоваться содержаніемъ книгъ ветхаго завѣта, когда увеличилось число ренегатовъ изъ христіанъ, знакомство съ книгами ветхаго завѣта стало болѣе распространеннымъ, и появились даже переводы ихъ на арабскій языкъ. И мы видимъ, что тогда мусульманскіе апологеты подыскали много мѣстъ въ книгахъ ветхаго завѣта, которыя истолковываются ими, какъ пророчества о пришествіи Мухаммеда.

Если Мухаммедъ въ коранѣ разсказываетъ лишь о томъ, какъ Авраамъ и Исмаилъ молили Аллаха послать ихъ потомкамъ пророка изъ ихъ среды[5], и лишь очень глухо говоритъ о милосердіи Аллаха, которое объемлетъ всѣхъ увѣровавшихъ въ того посланника-пророка «о которомъ они найдутъ написаннымъ у себя въ торѣ и евангеліи»[6], то уже въ III в. хиджры Ибн-

---

[1] Коранъ 28, 53; 13, 36.
[2] Коранъ 62, 5; 3, 63; 2, 98.
[3] Коранъ 2, 39; 3, 64; 21, 7.
[4] Срв. Goldziher, Über muhammedan. Polemik, ZDMG XXXII, 348 и онъ же, Über Bibelcitate, Z. f. d. alttest Wiss. XIII, 316.
[5] Коранъ 2, 123; срв. выше, стр. 6.
[6] Коранъ 7, 155; срв. выше, стр. 6.

Кутейба († 276/889 г.)[1] имѣетъ возможность указать на опредѣленныя мѣста ветхаго завѣта, въ которыхъ, по его мнѣнію, заключаются ясныя пророчества о пришествіи Мухаммеда. Между прочимъ, такимъ пророчествомъ онъ считаетъ слѣдующее мѣсто Второзаконія, гдѣ Богъ глаголетъ Моисею[2]: «Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ, такого какъ ты, и вложу слова мои въ уста его, и онъ будетъ говорить имъ все, что Я повелю, а кто не послушаетъ словъ Моихъ, которыя (пророкъ тотъ) будетъ говорить, съ того Я взыщу». Хотя O. Pautz[3] находитъ, что это пророчество мусульмане не могли относить къ Мухаммеду, такъ какъ Богъ тутъ обѣщаетъ воздвигнуть пророка изъ среды ихъ (сыновъ Израиля) сородичей (дословно: братьевъ — מִקֶּרֶב אֲחֵיהֶם), Ибн-Кутейба именно въ приведенномъ выраженіи *изъ среды ихъ братьевъ* усматриваетъ доказательство того, что пророкъ будетъ воздвигнутъ не изъ среды сыновъ Израиля, а изъ среды ихъ братьевъ — сыновъ Исмаила, т. е. арабовъ. Этотъ свой доводъ Ибн-Кутейба подкрѣпляетъ ссылкою на Второзак. 34,10, гдѣ сказано, что «не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей»[4].

Что же касается до того, что ученые изъ сыновъ Израиля якобы нашли въ своихъ книгахъ точное описаніе Мухаммеда, какъ обычно толкуется Кор. 26,197[5], то позднѣйшіе мусульманскіе апологеты въ нѣкоторыхъ пророчествахъ ветхаго завѣта, обычно относимыхъ къ пришествію Іисуса, усматриваютъ неопровержимыя указанія на пришествіе Мухаммеда именно на томъ основаніи, что описываемая въ этихъ пророчествахъ личность воинствующаго пророка совершенно не вяжется съ представленіемъ объ Іисусѣ Христѣ, царствіе котораго не отъ міра сего, и, напротивъ, всецѣло соотвѣтствуетъ дѣйствительной характеристикѣ Мухаммеда[6]. Но всѣ эти попытки доказать правильность общихъ ссылокъ корана на книги ветхаго завѣта путемъ точныхъ цитатъ изъ нихъ относятся ко времени не ранѣе III в. хиджры, и едва-ли представляется основательнымъ искать въ приведенныхъ текстахъ корана связи съ какими либо опредѣленными мѣстами изъ книгъ ветхаго завѣта.

Что же касается до сохранившагося въ мусульманскихъ религіозныхъ преданіяхъ указанія на то, будто арабскій пророкъ и въ *торѣ*

---

[1] О немъ см. подробнѣе у Brockelmann'а въ Z. f. d. alttest Wiss. XV, стр. 138 слѣд. и Goldziher'а, ibid. XIII, стр. 315 слѣд.

[2] Гл. 18, 18; 19.

[3] O. c., стр. 127, прим. 3.

[4] Brockelmann, o. c., стр. 139; срв. также Beiträge zur Assyriologie, т. III, стр. 47.

[5] Срв. выше, стр. 6.

[6] Срв. аргументацію Ибн-Кутейбы по поводу Пс. 44,4-6 въ Beitr. z. Ass. III, стр. 49.

тоже названъ по имени — Мухаммедомъ, то А. Я. Гаркави[1] былъ несомнѣнно правъ, отвергая необходимость видѣть въ этомъ указаніи ссылку на такой текстъ ветхаго завѣта, въ которомъ, въ связи съ пророчествомъ о пришествіи какого либо пророка, употреблено еврейское имя, по своему значенію соотвѣтствующее арабскому значенію имени *Мухаммед*. Мнѣ тоже представляется болѣе вѣроятнымъ, если вообще признать подлинность этого преданія, что это указаніе основано именно на созвучіи какого либо слова или имени въ еврейскомъ текстѣ Библіи съ именемъ Мухаммеда[2]. Думаю, однако, что для Мухаммеда и его современниковъ трудно предположить настолько основательное знакомство съ еврейскимъ текстомъ Библіи, чтобы и тутъ стоило искать опредѣленнаго мѣста[3], подавшаго поводъ къ такому сопоставленію; всѣ высказываемыя въ этомъ направленіи предположенія останутся гадательными, и нѣтъ основанія отдавать какому либо изъ такихъ возможныхъ мѣстъ предпочтеніе въ зависимости отъ того, что контекстъ даннаго мѣста, при болѣе внимательномъ его разборѣ, болѣе подходитъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ протекала дѣятельность Мухаммеда.

Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о болѣе позднихъ апологетахъ ислама, уже знакомыхъ съ книгами ветхаго завѣта, если не въ подлинникѣ, то въ переводѣ. Они уже входили въ разсмотрѣніе по существу имѣющихся въ книгахъ ветхаго завѣта пророчествъ о пришествіи Мессіи, и одни изъ таковыхъ они, взвѣсивъ всѣ pro и contra, относятъ къ Іисусу Христу, другія — къ Мухаммеду, а въ различныхъ эпитетахъ и именахъ, въ такихъ случаяхъ прилагаемыхъ къ личности обѣтованнаго Мессіи, они пытаются вычитать имя Мухаммеда или эквивалентное ему по значенію еврейское имя.

На одну такую, сравнительно, позднюю попытку пріурочить одно изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ къ личности Мухаммеда мнѣ и хотѣлось обратить вниманіе въ данной замѣткѣ. Попытка эта, принадлежащая автору одного антихристіанскаго полемическаго трактата и, насколько мнѣ

---

[1] ЗВО IX, 199—205.

[2] Такое созвучіе арабскихъ и еврейскихъ словъ не разъ, повидимому, приводило къ недоразумѣніямъ между Мухаммедомъ и мединскими евреями; напр., Кор. 2,87 и 4,48: سمعنا وعصينا = ושמענו ועשינו (Второз. 5,27; срв. ЗВО VIII, 366, гдѣ гл. 5, ст. 24 слѣд. исправить въ гл. 5, ст. 27, и Hirschfeld. New researches, стр. 109) или Кор. 2,48 и 4,48: راعنا (срв. Geiger, Was hat Moh. a. d. Judenth. aufg., стр. 17; O. Pautz, o. c., стр. 133, прим., и *Мафâтîх* I, 655).

[3] Даже у болѣе позднихъ мусульманскихъ писателей, которые были извѣстны современникамъ, какъ знатоки Библіи, знакомство съ нею было, въ большинствѣ случаевъ, очень сумбурное. Срв. Goldziher, Ueber Bibelcitate in Muhammedan. Schriften (Zeitsch. f. d. alttestamentl. Wissenschaft XIII, стр. 315 слѣд.).

извѣстно, еще нигдѣ не отмѣченная, интересна именно тѣмъ, что авторъ, знакомый съ текстомъ Библіи въ еврейскомъ подлинникѣ, отвергая традиціонные переводы привлекшаго его вниманіе текста, прибѣгаетъ къ доводамъ семасіологическаго характера.

Этотъ трактатъ[1], озаглавленный: «Книга яснаго изслѣдованія о томъ, какая вѣра—истинная» (كتاب البحث الصريح فى ايما هو الدين الصحيح) написанъ нѣкіимъ шейхомъ Зійа̂дэ-ибн-Йахйа̂, повидимому, ренегатомъ изъ христіанъ[2], жившимъ, вѣроятно, въ XVIII в. по Р. Х. На ряду съ другими ветхозавѣтными пророчествами, возвѣщающими, по его мнѣнію, пришествіе Мухаммеда, шейхъ Зійа̂дэ останавливается и на 23-мъ стихѣ 8-й главы пророка Захаріи: «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: будетъ въ тѣ дни, возьмутся десятъ человѣкъ изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возьмутся за полу Іудея и будутъ говорить: «мы пойдемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съ вами Богъ». Слова еврейскаго подлинника אִישׁ יְהוּדִי авторъ считаетъ нужнымъ, въ противоположность латинскому, греческому и другимъ переводамъ, передать по арабски не черезъ слово «*Іудей*», а черезъ эквивалентное нарицательному значенію этого имени слово «*прославленный*»[3], по арабски — *Хамйд* = *Махму̂д* = *Мухаммед* (съ нѣкоторымъ усиленіемъ значенія).

Авторъ, шейхъ Зійадэ, заявляетъ, что, благодаря такому толкованію этого слова, въ связи съ еще нѣкоторыми другими доводами, онъ постигъ истинный смыслъ этого пророчества, которое вполнѣ подтверждаетъ заключающіяся въ коранѣ 7,156, и 61,6[4] указанія самого Мухаммеда[5].

Кромѣ того, это пророчество пророка Захаріи, по мнѣнію шейха Зійа̂дэ-ибн-Йахйа̂, находитъ себѣ подтвержденіе и въ книгѣ пророка Исайи, гл. 9,6 и 7: «Ибо младенецъ родился намъ; Сынъ данъ намъ; владычество на раменахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный, Совѣтникъ, Богъ

---

[1] Цитую по рукописи Лазаревскаго Института въ Москвѣ, предоставленной въ мое распоряженіе, благодаря любезному содѣйствію проф. А. Е. Крымскаго, за каковое и приношу ему здѣсь мою живѣйшую благодарность. Рукопись Тюбингенскаго Университета (№ 21 по каталогу Seybold'a), съ которою мнѣ удалось познакомиться лишь бѣгло во время заграничной командировки лѣтомъ 1914 г., въ настоящее время находится, конечно, внѣ предѣловъ досягаемости для меня, что въ значительной степени затрудняло возстановленіе правильнаго чтенія въ нѣкоторыхъ, повидимому, испорченныхъ мѣстахъ Московской рукописи. Описаніе этой рукописи см. въ статьѣ проф. Крымскаго, Древности Восточныя т. III, вып. 1, стр. 92—98. Отмѣтимъ попутно, что въ этой рукописи пронумерованы не листы, а страницы.

[2] Рук. стр. 65.

[3] Срв. кн. Бытія, 29,35, а также E. König, Hebr. u. Aram. Wörterb., 143² и Прот. Виталій Лебедевъ, Библейск. собств. имена (Пгр. 1916), стр. 241.

[4] Срв. выше, стр. 6; 7 и 9.

[5] Рук. стр. 66 слѣд.

крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь мира. — Умноженію владычества Его и мира нѣтъ предѣла на престолѣ Давида и въ царствѣ его, чтобы Ему утвердить его и укрѣпить его судомъ и правдою....». Въ виду этого, авторъ разбираетъ эти два пророчества вмѣстѣ; ниже привожу его любопытныя разсужденія въ арабскомъ подлинникѣ[1] и въ русскомъ переводѣ.

Стр. 62.

الشهادة السابعة

ان النبى زكريا عسم قد يقول فى الاصحاح الثامن عباره كلية الوضوح على نبينا محمد صلعم وعلى اصحابه العشره الكرام رضى الله تعالى عنهم[2] كه امار هكذا يقول ياهواه الله صيباوت رب الاجناد بيايم[3] هاهيما اشير فى تلك الايام ياهازيقو يتجمع عسره[4] عشرة اناشيم رجال مكول من كل لاشونوت السنة هكوييم الشعوب واهاحازيقو ويسكون بغناف[5] بذيل ايش رجل يااودى[6] حميد ليبامور ويقولون نيلاخا[7] لنذهب عماخيم معك كه شامعنو لاننا سمعنا الوهيم الله عماخيم معك * حاشيه اعلم ان لفظة عماخيم ولفظة الوهيم بالعبرانى هما مقولتين فى صيغه الجمع وايضًا للتفخيم حينما تقال للمفرد * النص اقول ان هذه الشهاده التى رقمناها بالعبرانى حذرًا من التزوير قد تبين لنا بان نبينا محمد صلعم هو الموضوع الوحيد والمتين المحمول عليه هذه الشهاده من كل جهاته لانه اى النبى زكريا قد افصح بكلامه فى هذه النبوه عن الصحابه الكرام وان عددهم عشره وعلى انهم من السنة الشعوب اصحاب القول وليس من سفسافها وانهم شعوبيون

Стр. 63. من الامم وليس من اليهود وعن اسم || النبى الكريم صلعم ذاته اذ قال هكذا يقول الله رب الاجناد فى تلك الايام يتجمع عشرة رجال من كل السنة الشعوب اقول ويا ترى من هم هولاء العشرة رجال الذين وجدوا فى العالم وتبعوا رجلًا وكانوا هم وهو مشهورون سوى هولاء العشره الصحابة الكرام الاقمار العظام الذين كان نورهم مستفاد من نور

---

[1] Не имѣя возможности, по только что указанной причинѣ, опредѣлить, гдѣ встрѣчающіяся въ издаваемомъ ниже текстѣ погрѣшности противъ классическаго арабскаго стиля и грамматики являются плодомъ вульгаризаціи языка автора, и гдѣ онѣ лежатъ на отвѣтственности безграмотнаго переписчика, я воспроизвожу текстъ рукописи безъ измѣненій, ограничившись поправками лишь нѣкоторыхъ очевидныхъ описокъ.

[2] Захарія, 8, 23: כֹּה־אָמַר יְהוָה צְבָאוֹת בַּיָּמִים הָהֵמָּה אֲשֶׁר יַחֲזִיקוּ עֲשָׂרָה אֲנָשִׁים מִכֹּל לְשֹׁנוֹת הַגּוֹיִם וְהֶחֱזִיקוּ בִּכְנַף אִישׁ יְהוּדִי לֵאמֹר נֵלְכָה עִמָּכֶם כִּי שָׁמַעְנוּ אֱלֹהִים עִמָּכֶם

[3] Рук. فيامبم; вѣроятно, ошибка переписчика, не знавшаго еврейскаго языка.

[4] Рук. عشره.

[5] Рук. بخناق.

[6] Т. е. ياهودى (еврейское ה авторъ передаетъ черезъ элифъ).

[7] Рук. تيلاخا.

شمس سيدنا محمد صلعم وتمسكوا به وذهبوا معه ونادوه بلسان حالهم فلنذهب معك يارسول الله لاننا سمعنا ان الله معك فهذا المعنى هو مكشوف من عين ذاته ومطابق النبوه جدًا من كون ان النبى زكريا تنبى عن ظهور عشرة رجال يتمسكون بذيل رجل والصحابه كانوا عشره فى العدد وتبعوا نبينا صلعم واعترفوا بان الله معه وهولاء ما وجد غيرهم من عهد ادم الى الان ولا سمع بان عشره رجال تمسكوا بذيل رجل وتبعوه سوى اوليك العشره الصحابه رضى الله عنهم وبلا شك ان هذه الشهاده هى مطابقه عليهم على كل حال واما قوله عن العشرة رجال يتجمعون من كل السنة الشعوب فاقول اماالشعوب هم القبايل الخارجون عن بني اسرايل لانهم الى هذا الزمان يسمون عند اليهود هكوييم اى الشعوبيين الاميين واما السنة الشعوب هم المتكلمون فى ||
Стр. 64. الشعوب اصحاب القول وذوى الراى السديد كما جاءَ معنى لوشونوت فى القاموس العبرانى الذى يسمى شوراشيم واما قوله ان العشرة رجال يتمسكون بذيل رجل حميد فلفظة حميد هى اسم نبينا محمد صلعم وهو فى العربى[1] على وزن فعيل وهذا الوزن يقصد منه محل نايبين نايب فاعل ونايب مفعول اى ان يشتق من اسم حميد اسمان اسم حامد واسم محمود وهذه المشتقات هى من اسمايه الشريفة صلعم لانه اى المصطفى صلعم كان يسمى فى زمان صبوته حميدًا وذلك للتنويع كما تنبى عنه زكريا مع تسميته احمد محمد وذلك بوجه التفضيل والمبالغه كقولك عن الكبير اكبر فعن الحميد احمد وبالحق انه حميد لان الله تعالى قد سبق وهبى لهُ هذا الاسم الكريم الذى تنبى بهِ زكريا عسم الذى هو من جملة اسمايه تعالى السنية وبحيث ان هذا الاسم الشريف هو مكتوب من زكريا باللغة العبرانية ومضمونه عن النبى الهادى صلعم فكانت علما اليهود يترجمونه بلفظه العبزانى ويقراونه عبرانى فى اللغة العربيه معرّبا ويشرحون معناه على ما هو عليه بالاصطلاح النسبى لاما هو عليه من اصول اللغه العبرانيه اذا تترجم الى اصول اللغه العربيه بَل كانوا يبقونه بلفظة عبرانى وكذلك قد ترجمت هذه
Стр. 65. اللفظه الى اليونانى واللاتينى وغيرها من باقى اللغات بلفظها العبرانى كما || الى العربى فالنصارى الذين ترجمت الى لغاتهم هذه الكلمه بلفظها العبرانى فكانوا يفهمونها عن اليهود مثل اليهود على ما هى عليه من الاصطلاح النسبى لا[على][2] ما هى عليه من اصول اللغه العبرانيه كما قررنا ولا ادركوا من اين مشتقه هذه الكلمه وانها هى اسم نبينا

[1] Рук. العبرانى.
[2] Рук. оп.

المصطفى صلعم حتى اننى انا الفقير ايضًا قد قراتها جملة سنين وكنت اتسلمها وافهمها كما يفهمها اليهود والنصارى لحد الآن على موجب الاصطلاح النسبى لا على اصول اللغه العبرانيه المنزله فيها بحيث انها لا تقبل الوجهين الا بمفردها ولما حصلت على كتب قواعد اللغة العبرانيه التى كانت معدومة عند النصارى المتقدمين عنا فى الزمان وبالنادر ايضًا وجودها عند اليهود لسبب ان المطابع لم تكن صارت بعد قد وقفت على هذه الأصول السنيه عن جملة علما من علما الكتابين وفهمت معنى هذه اللفظه وانها تقبل المعنايين اذا كانت بمفردها التى لما كان بنوع الصدفه يفهمها واحدًا منهم[1]. كنت انظره انه ما كان يفتكر فى ايما نبى من الانبيا تكلم بها وانها هى اسم لنبينا المصطفى صلعم من حيث انه لا يعرف الا ان اسم نبينا هو احمد او محمد فقط على ظاهر الامر وليس يدرك ان اسم نبينا محمد او احمد هما مشتقين من اسم حميد وان اسم حميد هو نفس اسم احمد ومن هذه الوجوه المشروحه || مع خباثات بعض عاخايم اليهود قد بقى اسم Стр. 66.
نبينا المصطفى مخبوًا تحت هذه الستور والذى يريد ان يحقق ذلك فليراجع هذه اللفظه فى القاموس العبرانى المسمى شوراش وفى كتاب النحو والصرف المسمى عندهم دوروق وفى تصاريف اسم يهوذا واشتقاقاته وليزيل عنه ظلمة الغشاوه وليعلم ان هذه النبوه هى مطابقه على النبى المختار فاولا عن عدد صحابته العشره الكرام وثانيًا بحيث ان العشره كانوا من الامم وليس هم من بنى اسرائيل وثالثًا انهم كانوا من السنة ووجوه الشعوب وليس هم صيادين سمك ورابعًا ان الذى تبعوه كان اسمه حميدًا احمدًا وهو النبى ابو القاسم صلعم فعيسى عسم ما كان اسمه حميدًا احمدًا والذين تبعوه كانوا صيادين سمك فقرا وليس هم من السنة ووجوه الشعب وكانوا يهودًا وليس هم من الامم شعوبيين وكان عددهم اثنى عشر نفرًا وليس هم عشره كما تنبى عليهم زكريا وبهذا كفايه لان التعويل على شهادة الحال اى الشئ المنظور الواقع هى المساعده الكبرى على جذب شهادة المقال وهذه الشهاده هى المطابقه لقوله تعالى فى صورة الاعراف الذين يتبعون الرسول النبى الامى[2] الذى[3] يجدونه مكتوبًا عندهم فى التوراه والانجيل وقوله تعالى ايضًا ومبشرًا برسولٍ || ياتى بعدى اسمه Стр. 67.
احمد ثم ومرادى الآن ان اسمى هذه الشهاده التوميه باضافتى اليها شهاده اخرى من اشعيا تجانسها فاقول ان اشعيا النبى قد قال فى الاصحاح التاسع فى العدد

---

[1] Текстъ, видно, испорченъ; о смыслѣ послѣдней фразы можно лишь догадываться. Срв. ниже, стр. 21.

[2] Въ рук. описка الامر.

[3] Рук. الذين.

السادس[1] كه ان يلد ولدًا يلاد انولد لانو لنا بين ابنًا يتان[2] انعطى لانو لنا وتهى[3] وتكون هم‌اسراه رياسته عل[4] على شيخيمو كتفه وبيقرا[5] ويدعى شيمه اسمه بيله عجيبًا يوعيص مشاورًا ايل طايقًا قبور جبارًا ابى عاد اب الاخير سار سيد شالوم سلام ليماربه[6] ليكثر هم‌سراه سلطانه ولشلوم ولسلام اين ليس قيس حد عل[7] على كسه كرسى دافيد داود وعل[8] وعلى مملكته مملكته ليهاخين[9] يجلس ليرتب اوته لها وليساعداه وليساعدها به مشفاط بالعدل وبصيداقاه[10] وبالصدقه اى بالعدل والرافه التى هى الفضل وبالحقيقه ان هذه الشهاده قد يرى العقل السليم ان فيها مطابقه كليه على سيدنا محمد رسول الله صلعم من دون غيره من الانبيا اذ ان اشعيا قد يقول فيها اولا انه قد انولد لنا ولد وان سيادته[11] على كتفه فنبينا المصطفى هو الذى كانت سيادته[12] متعلقه فى ذراعه وسيفه ولم ياخذها بالميراث وذراعه وسيفه هما متعلقان فى كتفه وفى || فروسيته كما اخبر عنه اشعيا انه يدعى اسمه عجيبًا وبالحق ان اسمه كان Стр. 68.
عجيبًا لانه ما احد من الانبيا سلفاه ولا من جميع بنى اسراييل تسمى باسمه الشريف اى انه سمى احمدًا محمدًا حميدًا حامدًا محمودًا والعجب الاخر ايضًا من كونه صلعم من سلالة اسمعيل العربى الذين ما قام منهم نبى سواه واحدًا وحيدًا وعدا ذلك ان لفظه عجيبًا قد وجدت فى وعن [?] التوراه اليونانيه رسولًا ولفظة رسول قد تحق لهُ لانها هى الاسم المتغلب عليه والشهير لهُ والمختص بهِ دون غيره من رفقايهِ الانبيا ومكررًا عليه كراتٍ عديده كلفظة نبى ثم سماه اشعيا ايضا مشاورًا تطبيقًا لما سماه تعالى بهذا الاسم عندما امره فى القرآن الشريف بقوله لهُ وشاورهم فى الامر فهو مشاورًا ثم دعاه ايضًا اشعيا طايقًا جبارًا وهذه الاسماء بما تقدمها هى من اسمايه الشريفه وقد تجدها حرفيًا فى كتاب دلايل الخيرات منجمعه من الكتاب والسنة وثالثًا قد قال عنه

---

[1] Исайя, 9, 6 и 7. (Kittel, стр. 563 слѣд.): כִּי־יֶלֶד יֻלַּד־לָנוּ בֵּן נִתַּן־לָנוּ וַתְּהִי הַמִּשְׂרָה עַל־שִׁכְמוֹ וַיִּקְרָא שְׁמוֹ פֶּלֶא יוֹעֵץ אֵל גִּבּוֹר אֲבִי־עַד שַׂר־שָׁלוֹם׃ לְםַרְבֵּה הַמִּשְׂרָה וּלְשָׁלוֹם אֵין־קֵץ עַל־כִּסֵּא דָוִד וְעַל־מַמְלַכְתּוֹ לְהָכִין אֹתָהּ וּלְסַעֲדָהּ בְּמִשְׁפָּט וּבִצְדָקָה

[2] Рук. نتان.

[3] Рук. وييهى.

[4] Рук. على.

[5] Рук. وفيقرا.

[6] Рук. ليماريه.

[7—8] Рук. على.

[9] Рук. فيهاحيم.

[10] Рук. وعصيداقاه.

[11—12] Выше еврейское המשרה переведено словомъ رياسته.

اشعيا انه اب الاخير وقد نراه بالحقيقه انه صار ابًا ومتوليًا الدهر الاخير خاتم الانبيا
والمرسلين لانه من بعده صلعم ما قام نبى ورابعًا قد قال عنه اشعيا انه سيد السلام
اعنى انه سيد الاسلام [و] المسلمين الذين هم الامة المخلصة الدين والحب لله تعالى
Стр. 69. واهل || الوداد والعهود اعنى السلام والتسليم واشار[1] اشعيا بلفظه سلام من كون
لفظة سلام هى كقطب[2] دايره تجمع اليها من خطوطها ساير تصاريف السلام مع
اشتقاقاته من كونها مصدرًا لتفريغ معانيه وهو ان نبينا المختار صلعم دعى ريسًا
لهذا القطب اى انه ريس ليس لدين الاسلام [و] المسلمين فقط بل هو ريسًا لجميع فروع
السلام كما نعت بها فى القران الشريف مرارًا كمثلما قال عنه اشعيا وخامسًا قد قال
اشعيا عن المشار اليه صلعم ليكثر سلطانه وهذا القول قد ورد فى سفر التكوين الى
سيدنا ابرهيم وللسيده هاجر عن رياسة نسل سيدنا اسمعيل الذى منه المصطفى صلعم
حاشيه ان سلطنة النصرانيه ما كانت دليلا علىَ دين عيسى لانها قامت بعد تاريخ
عيسى باكثر من ثلاثماية سنه واما سلطنة نبينا محمد صلعم قد صارت دليلًا كافيا
بحيث انها قد انتشرت بنورها حالًا فى شخصه السامى فعليًا كما قال اشعيا النبى
النص وسادسًا قد افادنا اشعيا عن دوام دين الاسلام بقوله ولسلام ليس له قياس
ولا حد وهذه نبوه صريحه بان دين الاسلام يبقى الى انتهاء العالمين وسابعًا[3] قد قال
اشعيا بان نبينا صلعم يجلس على كرسى داود وعلى مملكته ليرتبها ويساعدها بالعدل
Стр. 70. والصدقه اى بالعدل والاحسان || الذى هو الحنو ومن حيث ان كرسى داود وسلالة
مملكته قد قضيوا قبل مجى عيسى عسم بزمان كثير واستولت عليها الرومانيون قبل
زمان عيسى وفى زمان عيسى وبعد زمانه ايضًا قد كانت مالكه عليها الرومانيون
فيلزم ان يكون هذا الجلوس على وجه الاستعاره اى ان يقصد منه الجلوس والترتيب
والمساعده من رجل صالح مومن بالله وصاحب شريعه يجرى فى شريعته العدل والافضال
وليس معناه ان يكون كطيباريوس الرومانى او كافغسطس قيصر الوثنى الذى كان
متملكًا على كرسى داود فعليًا على زمان عيسى عسم وكانا بعيدان عن شريعة موسى
وعيسى عليهما السلام بل ان متضمن كلام اشعيا عن مجى رجل يجمع الشريعتين اعنى
شريعة موسى العدليه وشريعة عيسى الفضليه ويجعل لكل منهما مركزًا بحيث كل واحده

---

[1] Здѣсь переписчикомъ что-то пропущено; б. м. слѣд. читать: والى هذا اشار.

[2] На поляхъ это слово поправлено въ نقطة.

[3] Рук. وسابقًا.

منهما مفتقره الى الاخرى وقد ننظر ذلك الترتيب عيانًا فى شريعة نبينا محمد صلعم
المرتبه من العدل والافضال كما جاء فى قوله تعالى[1] وجزاء سيئة[2] سيئة مثلها فمن عفى
واصلح فاجره على الله فههنا فى قوله وجزاء سيئة[3] سيئة مثلها قد استعمل الشريعه
العدليه واما فى قوله فمن عفى واصلح فاجره على الله فقد افادنا عن الشريعه الفضليه
Стр. 71. المفوضة الى ارادة الانسان || ومن قوله تعالى[4] العين بالعين والسن بالسن وباقى غلاقة
القول العدلى قد اضاف اليه القول التصدق اى الفضلى بقوله تعالى غب ذلك فمن
تصدق به فهو كفارةٌ لهُ فهذا القول الشريف المركب من العدل والتصدق الجامع
للشريعتين السابقتين قد يطابق على نبوة اشعيا هذه القايله عن المتنبى عنه بان
اتيانه يكون بالعدل وبالصدقه وهذه المعانى هكذا كانوا يفهمونها النصارى واليهود
القدما وكانوا يسلمون اسلامًا خالصًا واما النصارى المتاخرون فقد يفسرونها عن عيسى
والحال انها لم تطابق عليه لان اولًا ما كان لعيسى رياسه مرتبطه فى قوة كتفه المتعلق
فيه ذراعه وسيفه بل انه كان دايمًا يتخوف ويهرب كما يخبر عنه انجيلهم وثانيًا ان سيدنا
عيسى لم يكن اسمه عجيبًا لان قد سبقه من كان باسمه وهو يشوع بن نون وخلافه
كثيرون ومع ذلك قد نرى ان لفظة اسمه عجيب قد طابقت على نبينا المصطفى صلعم
من كل جهاتها لان من عهد ادم الى الان ما خرج نبى من الانبيا واسمه احمد محمد
والاعجب من ذلك خروج هذا النبى الكريم من بنى اسمعيل فى قبيلة معدومة
Стр. 72. الانبيا ولهذا قد سمى اشعيا اسمه عجيبًا وقد صادق على قوله عجيبًا عيسى عسم || عينه
بقوله وهو عجيب فى اعيننا وما كان عيسى جبارًا كالمصطفى بل انه كان يتظاهر بانه
ضعيف فقير وان قيل عنه انه كان جبارًا بلاهوته وليس بناسوته فاقول اننا قد نقضنا
على هذا الوجه نقضًا كافيًا فيما سبق وان ليس فيه لاهوت والان نقول ايضًا ان كان
سيدنا عيسى هو جبارًا بحسب لاهوته المتحد بناسوته فلماذا عند ما تضيق وتحزن
وتوسل وصوّت بخوار وضجيج واظهر ضعف الانسانيه انحدر ملاك من السما مقويًا لهُ
واين كانت جبروتية لاهوتيتة ولماذا ما صبّر لاهوته لناسوته على التضيق بل انه افتقر
للملاك لكى يقويه مع ان هذا الافتقار والمساعده خلافى افتقاراته الطبيعيه ومساعداتها
وايضًا ما دعى عيسى مشاورًا ولا تسمى بهذا الاسم على الاطلاق وثالثًا ان عيسى ما

[1] Коранъ 42, 38.
[2—3] Рук. السيئة.
[4] Коранъ 5, 49.

كان ابا الاخير بل كان متوسطًا فيما بين موسى ونبينا عليهم جميعًا افضل الصلوة واتم
السلام ورابعًا ان عيسى عسم ماكان ريس سلام كما قال عنه اشعيا بل كان ريس
الامّة المسيحية واما ريس سلام اى راس الاسلام كان محمد المصطفى صلعم وخامسًا
ان عيسى ما كثر سلطانه كما تنبى عنه اشعيا لا بل انه ما كان له ملك ابدًا لان
Стр. 73. اليهود لما ارادوا ان يخطفوه ويصيروه ملكاً هرب وسادسًا ان سيدنا || عيسى ما كانت
شريعته عدليه وفضليه كما تنبى اشعيا فى هذه النبوة بل كانت شريعته فضليه فقط واما
الذى طابقت عليه هذه النبوة وجاء بالشريعه المرتبه من العدل والاحسان هو ابو القاسم
صلعم خاتمة الانبيا والمرسلين فاذا كان اشعيا تنبى عن رجل اتيانه يكون بهذه الصفات
المشروحه اى انه يكون صاحب شريعه عدليه وفضليه وصاحب حكم وتملك وابا الاخير
الذى لم يعقبه نبى اخر غيره وريس سلام اعنى ريس الاسلام [و] المسلمين ومشاورًا وجبارًا
وعجيبًا اسمه الذى رياسته متعلقه على كتفه اعنى رياسته بسيفه الذى كان يعلقه على
كتفه كعادة العرب الى الان واشتداد ذراعه وهذه الصفات قد وجدت حقيقيه ظاهره فى
النبى المصطفى صلعم وليست مجازيه بحيث ان فى وجود الحقيقه لا محل الى المجاز فكيف
يسلم العقل قبولها على سيدنا عيسى عسم التى لم تطابق عليه[1] مع ان عيسى عسم
ليس هو مفتقر الى سرقة الشهادات التى قيلت على المختار اذ انه قيل عنه من اشعيا
ومن الانبيا شهادات اخرى[2] كثيرات التى لم تطابق على غيره حتى لا على المصطفى ||

[стр. 62] **Свидѣтельство седьмое.**

«Пророкъ Захарія, да будетъ съ нимъ миръ, приводитъ въ восьмой главѣ вполнѣ очевидное разъясненіе относительно Мухаммеда, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, и относительно его десяти славныхъ сподвижниковъ[3], да будетъ Аллахъ Всевышній доволенъ ими[4]: *Ка амâр* такъ говоритъ *Йâхвâ* Аллахъ *сûбâут* господь воинствъ *байâмûм*[5] *хâхûмâ ашûр*[6] въ эти дни *йâхâзûку* соберутся *ʿасара* десять *анâшûм* мужей *микŷл* изъ всѣхъ

[1] Рук. عليها.
[2] Рук. اخر.
[3] Очевидно, тѣ десять, которымъ еще при жизни былъ обѣтованъ пророкомъ рай (العشرة المبشرة): Абŷ-Бекр, ʿОмар, ʿОсмâн, ʿАлй, Тальха, аз-Зубейр, ʿАбдаррахмâн, Саʿд-б. Абй-Ваккâс, Саʿйд-б. Зейд и Абŷ-ʿОбейда-б. Джаррâх.
[4] Авторъ приводитъ текстъ въ еврейскомъ подлинникѣ въ транскрипціи арабскими буквами и съ дословнымъ, слово за словомъ, переводомъ на арабскій языкъ; въ переводѣ на русскій языкъ здѣсь арабская транскрипція замѣнена русскою (курсивомъ).
[5] Рук. ошибочно *файâмûм*.
[6] Въ рук. порядокъ словъ нарушенъ, очевидно, переписчикомъ.

лашӯнӯт языковъ *хакуйӣм* народовъ *ва̂ха̂ха̂зӣкӯ* и возьмутся *бихнаф*[1] за полу *ӣш* мужа *йа̂хӯдӣ*[2] прославленнаго *лӣйа̂мӯр* и скажутъ *нӣла̂ха̂*[3] пойдемъ *ʻима̂хӣм* съ тобою *ке шама̂ʻнӯ* ибо мы слыхали *алӯхӣм* Аллахъ *ʻима̂хӣм* съ тобою.

Глосса. Знай, что выраженіе *ʻима̂хӣм* и выраженіе *алӯхӣм* въ еврейскомъ языкѣ употребляются, какъ форма множественнаго числа, а также для возвеличенія, если относятся къ одному лицу.

Текстъ. Я утверждаю, что это свидѣтельство, которое мы привели на еврейскомъ языкѣ во избѣжаніе искаженія, выясняетъ намъ, что пророкъ нашъ Мухаммедъ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, является единственнымъ незыблемымъ объектомъ, къ которому это свидѣтельство можетъ быть отнесено со всѣхъ точекъ зрѣнія. Вѣдь онъ, т. е. пророкъ Захарія, въ этомъ пророчествѣ краснорѣчиво говоритъ о десяти благородныхъ сподвижникахъ, указывая и ихъ число — десять; и что они принадлежатъ къ языкамъ народовъ, т. е. что они люди слова, а не болтуны, и что они чужеземцы изъ племенъ, не евреи; краснорѣчиво онъ говоритъ и о подлинномъ имени [стр. 63] славнаго пророка, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ. Вѣдь вотъ онъ сказалъ: «Такъ говоритъ Аллахъ, господь воинствъ: въ эти дни соберутся десять мужей изъ всѣхъ языковъ народовъ». Я скажу: какъ ты полагаешь, кто же они, эти десять мужей, которые нашлись въ мірѣ и послѣдовали за однимъ мужемъ, при чемъ и они, и онъ были имениты, если не эти десять благородныхъ сподвижниковъ, великихъ мѣсяцевъ, свѣтъ которыхъ былъ заимствованъ отъ свѣта солнца нашего господина Мухаммеда, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ? Они ухватились за него и пошли съ нимъ и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій взывали къ нему: «Мы пойдемъ за тобою, о посланникъ Аллаха, ибо мы слыхали, что Аллахъ съ тобою»! Этотъ смыслъ ясенъ по самому существу своему и въ высшей степени соотвѣтствуетъ этому пророчеству, такъ какъ пророкъ Захарія возвѣщаетъ о появленіи десяти мужей, которые возьмутся за подолъ одного мужа, а сподвижники вѣдь и были числомъ десять и послѣдовали за пророкомъ нашимъ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, и признали, что съ нимъ Аллахъ. Кромѣ нихъ такихъ мужей не существовало со времени Адама и понынѣ, и никто не слыхалъ, чтобы помимо этихъ десяти сподвижниковъ, да будетъ ими доволенъ Аллахъ, другіе десять мужей взялись за подолъ одного мужа и послѣдовали за нимъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что во всякомъ случаѣ это свидѣтельство относится къ нимъ. Что же касается его

---

[1] Рук. ошибочно *бихна̂к*.

[2] Рук. *йаӯдӣ*; срв. прим. къ тексту.

[3] Рук. *тӣла̂ха̂*.

указанія относительно этихъ десяти мужей, что они соберутся изъ всѣхъ языковъ народовъ, то я скажу: народы — это племена, не принадлежавшія къ сынамъ Израиля, ибо таковыя и понынѣ у евреевъ называются *хакуйим* т. т. «иноплеменниками», «изъ племенъ». А «языки народовъ» — это тѣ, что ведутъ рѣчь въ народахъ [стр. 64], люди слова и рѣшающаго мнѣнія, согласно тому, какъ значеніе слова *лъшунут* объясняется въ еврейскомъ словарѣ подъ названіемъ *шурашим*[1]. А что до словъ пророка *Захаріи*, что эти десять мужей возьмутся за полу мужа прославленнаго, то слово прославленный *(хамид)* — это имя пророка нашего Мухаммеда, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ. Это имя въ арабскомъ языкѣ образовано по формѣ *фа'йл*, а эта форма должна служить для замѣны двухъ формъ: для замѣны формы *фа'ил* и для замѣны формы *маф'ул*[2]; словомъ, отъ имени Хамид могутъ быть образованы два имени: имя Хâмид и имя Махмуд. Всѣ эти производныя имена принадлежатъ къ числу славныхъ именъ его, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, такъ какъ его, т. е. ал-Мустафâ[3], да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, въ дѣтствѣ, для разнообразія, называли Хамид'омъ, какъ о немъ возвѣстилъ и Захарія, хотя его, вмѣстѣ съ тѣмъ, называли также Ахмед'омъ и Мухаммед'омъ для возвеличенія и усиленія значенія[4]; подобно тому, какъ вмѣсто *кабир* (великій) говорятъ *акбар* (величайшій), такъ и вмѣсто *хамид* (прославленный) говорятъ *ахмад* (прославленнѣйшій). И поистинѣ, онъ Прославленный *(Хамид)*, ибо Аллахъ Всевышній уже заранѣе уготовалъ для него это славное имя, о которомъ возвѣстилъ Захарія, миръ да будетъ съ нимъ, и которое принадлежитъ къ числу возвышенныхъ именъ Его, Всевышняго[5]; это явствуетъ еще и изъ того, что это славное имя вѣдь написано Захаріей на еврейскомъ языкѣ, а нарицательное значеніе его относится къ пророку-руководителю, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ. Еврейскіе ученые переводили это имя, сообразно съ его еврейскою формою, и читали его въ переводѣ на арабскій языкъ «еврейскій» *('ыбрâнiй)*, а смыслъ его объясняли въ соотвѣтствіи со значеніемъ формъ именъ относительныхъ, а не въ соотвѣтстіи съ тѣмъ нарицательнымъ значеніемъ, которое ему свойственно въ составѣ корней еврейскаго языка, если его перевести на арабскій языкъ, и оставляли его въ

---

[1] Словарь корней.

[2] Прилагательныя образованныя по типу *фа'йл* могутъ обозначать и имя дѣйствующаго лица (прич. дѣйств. залога) *фâ'ил* и имя объекта дѣйствія (прич. страд. залога) *маф'ул*.

[3] Почетное прозвище Мухаммеда, обозначаетъ — избранникъ.

[4] *Ахмед* превосходная степень отъ *хамид; мухаммед* — (съ усиленнымъ значеніемъ) — постоянно, часто, много прославляемый.

[5] *Хамид* — 56-е изъ 99-ти именъ господнихъ; срв. Саблуковъ, Сличеніе мохаммеданскаго ученія объ именахъ божіихъ, стр. 9.

формѣ «еврейскій» (*'ыбрâнiй*). Точно такъ же и въ переводы на греческій, латинскій и другіе языки это слово было перенесено въ своей еврейской формѣ, какъ и [стр. 65] въ переводъ на арабскій языкъ. А христіане, которые приняли это слово въ свои языки въ его еврейской формѣ, переняли отъ евреевъ такое же, какъ и у нихъ, пониманіе этого слова, въ соотвѣтствіи со значеніемъ формъ именъ относительныхъ, а не въ соотвѣтствіи съ тѣмъ нарицательнымъ значеніемъ, которое этому слову свойственно въ составѣ корней еврейскаго языка, какъ мы это уже установили; и не постигли они ни того, откуда произошло это слово, ни того, что оно является именемъ нашего пророка-избранника, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ.

Да и я грѣшный въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ это слово, принимая и понимая его такъ, какъ его по сію пору понимаютъ евреи и христіане, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ, которое свойственно именамъ относительнымъ, а не по значенію корней еврейскаго языка, на которомъ оно возвѣщено, такъ какъ оно допускаетъ оба эти толкованія только, пока стоитъ въ единственномъ числѣ. Но когда я раздобылъ книги основъ еврейскаго языка, которыхъ не было у христіанъ предшествовавшихъ намъ поколѣній да и среди евреевъ встрѣчались лишь рѣдко по той причинѣ, что въ то время еще не было типографій, я ознакомился съ этими возвышенными основами подъ руководствомъ ряда ученыхъ, свѣдущихъ въ книгахъ обоихъ завѣтовъ. Тогда я понялъ значеніе этого слова и то, что оно допускаетъ оба значенія, когда стоитъ въ единственномъ числѣ. Я замѣтилъ, что когда кто нибудь случайно понималъ лишь одно изъ этихъ значеній [1], онъ совершенно не задумывался ни надъ тѣмъ, по отношенію къ которому изъ пророковъ это слово высказано, ни надъ тѣмъ, что это вѣдь имя нашего пророка-избранника, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ. Причиной этому то, что этотъ человѣкъ, судя лишь по видимости, только и зналъ, что имя нашего пророка Ахмед или Мухаммед, а того онъ не постигалъ, что присвоенныя нашему пророку имена Мухаммед или Ахмед оба образованы отъ имени Хамйд, и что имя Хамйд по существу тождественно съ именемъ Ахмед.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, [стр. 66] помимо злонамѣренныхъ пріемовъ нѣкоторыхъ еврейскихъ *гахамовъ*, имя нашего пророка-избранника такъ и осталось скрытымъ подъ этими покровами. Кто хочетъ доподлинно познать это, тотъ пусть справится объ этомъ словѣ въ еврейскомъ словарѣ *Шŷрâш* и въ грамматическомъ сочиненіи, извѣстномъ у евреевъ

---

[1] Текстъ, повидимому, испорченъ; имѣя подъ рукою лишь одну рукопись, возстановить правильное чтеніе затруднительно; предлагаемый здѣсь переводъ является лишь попыткой возстановить истинный смыслъ. Срв. выше, стр. 14, прим. 1.

подъ названіемъ *Дӯрӯк*[1], въ измѣненіяхъ имени *Яхӯзâ* и въ производныхъ отъ него словахъ. Тогда, подлинно, разсѣется для него тѣнь мрака, и онъ пойметъ, что это пророчество относится къ нашему пророку-избраннику, во-первыхъ, въ виду числа десяти его сподвижниковъ; во-вторыхъ, потому что эти десять были *изъ племенъ*, а не изъ сыновъ Израиля; въ-третьихъ, такъ какъ они принадлежали къ *языкамъ* и знатнымъ среди народовъ, а не были рыбаками, и, въ-четвертыхъ, потому что имя тому, за которымъ они послѣдовали, было Хамӣд Ахмед, а это — пророкъ Абӯ-л-Кâсим, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ. Что же касается до Іисуса, миръ да будетъ съ нимъ, то не было у него имени Хамӣд Ахмед, а тѣ, что послѣдовали за нимъ, были бѣдными рыбаками, а не изъ числа *языковъ* и знатныхъ среди народовъ, и были они іудеями, а не изъ племенъ иноземныхъ, а числомъ ихъ было двѣнадцать, и не были они числомъ десять человѣкъ, какъ о нихъ возвѣстилъ Захарія.

Это достаточно убѣдительно, ибо полагаться слѣдуетъ на свидѣтельство фактовъ, т. е. на обстоятельство ожидавшееся и случающееся; такое свидѣтельство въ высшей степени помогаетъ раскрытію смысла свидѣтельства словеснаго. Кромѣ того, это свидѣтельство совпадаетъ съ тѣмъ, что Всевышній говоритъ въ главѣ «Средостѣніе» *(сурат-ал-а‘рâф)*[2]: «Которые послѣдуютъ за пророкомъ, не знающимъ откровенныхъ книгъ, о которомъ они найдутъ написаннымъ у себѣ въ Пятокнижіи и въ Евангеліи» а также и съ другими словами Всевышняго[3]: «...и сообщить благую вѣсть о посланникѣ [стр. 67], который придетъ послѣ меня, имя которому Ахмедъ».

Затѣмъ я хочу поднять значеніе этого двойного свидѣтельства, присоединивъ къ нему еще другое свидѣтельство изъ Исайи, которое однородно съ нимъ. Я хочу сказать, что пророкъ Исайя говоритъ въ главѣ девятой, стихъ шестой[4]: «*Ке* подлинно *йалад* младенецъ *йуллâд* родился *лâнӯ* намъ *бе̂н* сынъ *наттâн* данъ *лâнӯ* намъ *ватехӣ* и будетъ *хаммисрâ* владычество его *‘ал* на *шӣхмӯ* раменахъ его *вайикрâ* и будетъ называться *ше̂мӯ* его имя *биле̂* чудный *йу‘е̂с* совѣтникъ *э̂л* могучій *кибӯр* крѣпкій *абӣ ‘âд* отецъ вѣчности *сâр* князь *шâлум* мира *ле̂мâрбе̂* чтобы умножилось *хаммисрâ* его владычество *валшâлӯм* и миру *э̂н* нѣтъ *ке̂с* предѣла *‘ал* на *киссе̂* престолѣ *дафӣд* Давида *ва ‘ал* и въ *мамлектӯ* царствѣ его *ле̂хâхӣн* сядетъ чтобы устроить *ӯта* его *вале̂сâ‘адâ* и чтобы поспѣшествовать ему *бемиш-*

---

[1] Очевидно, описка или ошибка переписчика вм. *дикдӯк* (סֵפֶר דִקְדּוּק — грамматика), какъ мнѣ любезно указалъ Н. А. Переферковичъ.

[2] Коранъ 7, 156.

[3] Коранъ 61, 6; срв. выше.

[4] Исайя 9, 6-7; въ еврейскомъ подлинникѣ по изд. Kittel'a, стихи 5—6. Авторъ приводитъ и эту цитату въ еврейскомъ подлинникѣ въ арабской транскрипціи.

фâт справедливостью *вабисйдâкâ* и милостію»[1], т. е. справедливостью и милосердіемъ, которое есть благость.

И, поистинѣ, здравый разсудокъ долженъ усмотрѣть, что это свидѣтельство цѣликомъ должно быть отнесено къ господину нашему Мухаммеду, посланнику Аллаха, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, но не къ кому либо другому изъ пророковъ. Вѣдь Исайя говоритъ тутъ, во-первыхъ, что «младенецъ родился намъ» и что «владычество его на раменахъ его», а нашъ пророкъ-избранникъ и есть тотъ, чье владычество опиралось на руку его и на мечъ, они же оба на раменахъ его, и на [стр. 68] его отвагу, какъ о немъ возвѣстилъ и Исайя.

Имя ему—«Чудный», и, поистинѣ, имя его было чудное, ибо ни одинъ изъ пророковъ, предшествовавшихъ ему, да и вообще никто изъ сыновъ Израиля не назывался его славнымъ именемъ, т. е. его не называли Ахмед, Мухаммед, Хамûд, Хâмид и Махмӯд. А другое чудо заключается въ томъ, что пророкъ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, принадлежалъ къ потомкамъ араба Исмаила, изъ среды которыхъ не выходилъ ни одинъ пророкъ, кромѣ него одного, единственнаго.

Но, помимо этого, слово «Чудный» въ текстѣ греческаго пятокнижія передано черезъ слово «посланникъ»[2], а именованіе «посланникъ» дѣйствительно подобаетъ Мухаммеду, такъ какъ это наиболѣе распространенное наименованіе его, извѣстное за нимъ и присвоенное именно ему, въ отличіе отъ другихъ его собратьевъ пророковъ, повторяемое по отношенію къ нему безчисленное количество разъ, такъ же какъ и слово «пророкъ». Затѣмъ Исайя называетъ его «совѣтникомъ» въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ и Всевышній назвалъ его этимъ же именемъ, когда далъ ему въ славномъ коранѣ приказаніе, обращаясь къ нему со словами[3]: «Совѣщайся съ ними, въ дѣлахъ», такъ, значитъ, онъ — «совѣтникъ»[4].

Затѣмъ Исайя назвалъ его также «могучимъ, крѣпкимъ»[5], а эти имена вмѣстѣ съ тѣмъ, что имъ предшествуетъ, принадлежатъ къ числу его слав-

---

[1] Собств. судомъ и правдою (справедливостью); авторъ, быть можетъ, сознательно не переводитъ еврейскаго слова צְדָקָה, а замѣняетъ его однозвучнымъ съ нимъ арабскимъ словомъ صَدَقَة, имѣющимъ именно то значеніе, которое нужно автору для дальнѣйшаго разъясненія разбираемаго тутъ пророчества.

[2] Въ переводѣ LXX толковниковъ: «καὶ καλεῖται τὸ ὄνομα αὐτοῦ Μεγάλης βουλῆς ἄγγελος»; такъ же и въ славянскомъ переводѣ: «и҆ нарица́етсѧ и҆́мѧ є҆гѡ̀: вели́ка совѣ́та а҆́гг҃лъ».

[3] Коранъ 3, 153.

[4] Авторъ не совсѣмъ точенъ; тутъ *мушâвир* значитъ: совѣщающійся, испрашивающій совѣта.

[5] Авторъ переводитъ слова: אֵל גִּבּוֹר черезъ «могучій, крѣпкій» (русск. пер.: «Богъ крѣпкій»), пользуясь опять таки основнымъ нарицательнымъ значеніемъ слова אֵל (срв. König, Hebr. u. Ar. Wörterb., стр. 17[1]).

ныхъ именъ, и ты можешь найти ихъ, буква въ букву, въ книгѣ «*Далâил-ал-хайрâт*» (Указатель благъ)[1], составленной на основаніи корана и *сунны*.

Въ-третьихъ, Исайя высказываетъ о Мухаммедѣ, что онъ «отецъ послѣдняго»[2] (вѣка), и, поистинѣ, ты видишь, что онъ сталъ отцомъ и правителемъ послѣдняго вѣка, послѣднимъ изъ пророковъ и посланниковъ, такъ какъ послѣ него, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, не было пророка.

Въ-четвертыхъ Исайя говоритъ о немъ, что онъ «князь мира», я хочу сказать, что онъ князь *ислâма* и *мусульманъ*, которые составляютъ общину чистой вѣры и любви къ Аллаху Всевышнему и являются людьми [стр. 69] любви и завѣтовъ, т. е. мира и привѣтствія[3]. На это указываетъ Исайя словомъ *салâм* (миръ), такъ какъ слово *салâм* центръ круга, въ которомъ по радіусамъ сходятся всѣ второобразныя и производныя отъ слова *салâм* слова, ибо оно является исходною точкою *(масдар)* для производныхъ отъ него значеній. Дѣло въ томъ, что нашъ пророкъ-избранникъ названъ главою этого центра, т. е. это значитъ, что онъ глава не только исповѣдываемому мусульманами вѣроученію *ислâма*, но также глава всѣмъ развѣтвленіямъ *салâм*'а, какъ онъ неоднократно характеризуется въ славномъ коранѣ, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что о немъ говоритъ Исайя.

Въ-пятыхъ, Исайя говоритъ о немъ же, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, что умножится владычество его, а это сказано уже въ книгѣ Бытія господину нашему Аврааму и госпожѣ нашей Агари по поводу владычества потомства господина нашего Исмаила, къ числу котораго принадлежитъ и ал-Мустафâ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ[4].

Глосса. Владычество христіанства не можетъ служить доказательствомъ въ пользу вѣры Іисуса, такъ какъ это владычество установилось болѣе, чѣмъ черезъ триста лѣтъ послѣ Іисуса, а владычество пророка на-

---

[1] Популярный сборникъ молитвъ и славословій, во хвалу пророка, составленный Абу-'Абдаллâх-Мухаммед-ал-Джазӯліемъ († 870/1472).

[2] Авторъ, въ стремленіи приспособить этотъ текстъ къ проводимой имъ точкѣ зрѣнія, допускаетъ здѣсь сознательную неточность перевода. Еврейскому עַד (будущая вѣчность) соотвѣтствуетъ арабское آخر, آخرة; пользуясь тѣмъ, что въ своемъ первоначальномъ значеніи («послѣдній») слово آخر является синонимомъ أخير, авторъ замѣняетъ его этимъ послѣднимъ словомъ, и получаетъ нужный ему смыслъ даннаго мѣста, т. к. أخير уже не можетъ обозначать понятія «вѣчный» или «вѣчность», и для большей ясности въ объясненіи своемъ прибавляетъ еще слово الدهر — вѣкъ, эпоха.

[3] Во всемъ этомъ разсужденіи авторъ играетъ на томъ, что слова «миръ» (*салâм*) «*ислâм*» «мусульмане» (*муслимӣн*) и «привѣтствіе» (*таслӣм*) образованы отъ одного и того же корня, и, когда ему нужно, слово *салâм* текста замѣняетъ словомъ «*ислâм*».

[4] Авторъ, очевидно, ссылается на Быт. 16, 10-12; такая ссылка имѣется и у Ибн-Кутейбы (Beitr. z. Assyriol. III, 46) и ал-Мавердӣ (А'лâм-ан-нубувва, стр. 90).

шего Мухаммеда, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, является доказательствомъ полнымъ, ибо это владычество со свѣтомъ своимъ распространилось тогда же, фактически пребывая уже въ его собственной личности, какъ возвѣстилъ и пророкъ Исайя.

Текстъ. Въ-шестыхъ, Исайя, возвѣщаетъ намъ о постоянствѣ ислама, говоря, что «и миру нѣтъ ни аналогіи[1], ни предѣла. Это пророчество ясно говоритъ о томъ, что вѣроученіе *исла̂ма* останется до скончанія міровъ.

Въ-седьмыхъ, Исайя возвѣстилъ, что пророкъ нашъ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, возсядетъ на престолѣ Давида и на царствѣ его, чтобы его устроить и помочь ему справедливостью и милостію, т. е. справедливостью и благодѣяніемъ [стр. 70], подъ которымъ надо разумѣть сострадаеіе. А такъ какъ престолъ Давида и потомки его царства прекратили свое существованіе задолго до пришествія Іисуса, да будетъ съ нимъ миръ, и ими еще до Іисуса, при немъ, а также и послѣ него владѣли Римляне, то изъ этого слѣдуетъ, что объ этомъ возсѣданіи на престолѣ говорится въ переносномъ смыслѣ, т. е. подъ этимъ подразумѣвается царствованіе, устройство и помощь со стороны человѣка праведнаго, вѣрующаго въ Аллаха, законодателя, законъ котораго обнимаетъ справедливость и милосердіе; нельзя понимать этого такъ, какъ будто подъ этимъ человѣкомъ подразумѣваются Тиверій римскій или Августъ, кесарь-идолопоклонникъ, которые фактически владѣли престоломъ Давида во времена Іисуса, миръ да будетъ съ нимъ, между тѣмъ какъ они были совершенно чужды закону Моисея и Іисуса, миръ да будетъ съ ними обоими.

Нѣтъ, содержаніе словъ Исайи говоритъ о пришествіи человѣка, который объединитъ оба закона, т. е. Моисеевъ законъ справедливости и Іисусовъ законъ милосердія, предоставивъ каждому изъ нихъ свое поле дѣйствія, ибо каждый изъ этихъ законовъ въ отдѣльности не можетъ существовать безъ другого. И мы воочію видимъ такое распредѣленіе въ законѣ пророка нашего Мухаммеда, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, который зиждется на справедливости и милосердіи[2], какъ это явствуетъ изъ словъ Всевышняго[3]: «И воздаяніе за зло — зло, подобное ему, а если кто проститъ и примирится, то того вознаградитъ Аллахъ». Вѣдь здѣсь въ сло-

---

[1] Цитуя, очевидно, на память, авторъ транскрибированное имъ черезъ قيس (*кêс*) еврейское слово קץ (предѣлъ) вводитъ здѣсь въ арабскую цитату уже въ формѣ قياس (*кыйâс* — аналогія, сужденіе по аналогіи).

[2] Эту мысль высказывалъ и аш-Шахрастâнû († 548/1153) въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о религіозныхъ сектахъ (срв. переводъ Haarbrücker'a, I, 251 слѣд.).

[3] Коранъ 42, 38.

вахъ Всевышняго «и воздаяніе за зло — зло, подобное ему» находитъ себѣ примѣненіе законъ справедливости, а въ словахъ «а если кто проститъ и примирится, то того вознаградитъ Аллахъ» онъ говоритъ о законѣ милосердія, предоставляющемъ рѣшеніе доброй волѣ человѣка [стр. 71]. Всевышній сказалъ также[1]: «Око за око, зубъ за зубъ» и къ дальнѣйшимъ словамъ, говорящимъ о справедливости, прибавилъ слова благодѣянія, т. е. милосердія, говоря вслѣдъ за этимъ[2]: «а если кто изъ милосердія поступится этимъ, это будетъ ему искупленіемъ».

Вотъ эти славныя слова, обнимающія и справедливость и милосердіе, объединяющія въ себѣ оба предшествующіе закона, соотвѣтствуютъ предлежащему пророчеству Исайи, которое возвѣщаетъ, что тотъ, котораго это пророчество касается, придетъ со справедливостью и милосердіемъ.

Всѣ эти мысли такъ и понимались христіанами и евреями стараго времени, и они исповѣдывали чистый исламъ, но позднѣйшіе христіане толковали ихъ примѣнительно къ Іисусу, а на самомъ дѣлѣ ихъ нельзя отнести къ нему. Вѣдь, во-первыхъ, у Іисуса не было владычества, опиравшагося на силу раменъ его, съ которыми связаны его рука и мечъ, а напротивъ того, онъ постоянно опасался и скрывался, какъ о немъ сообщаетъ ихъ же евангеліе. Во-вторыхъ, имя господина нашего Іисуса не было чуднымъ, ибо и до него были люди, носившіе это имя, какъ, напримѣръ, Іисусъ Навинъ, и многіе послѣ него; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ, что выраженіе «имя ему Чудный» со всѣхъ точекъ зрѣнія можно отнести къ нашему пророку-избраннику, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, такъ какъ со времени Адама до нашихъ дней не появлялся ни одинъ (другой) пророкъ, имя которому было бы Ахмед, Мухаммед.

Но еще удивительнѣе этого то, что этотъ славный пророкъ вышелъ изъ сыновъ Исмаила, изъ племени, въ которомъ не бывало пророковъ. Вотъ, поэтому Исайя и назвалъ его имя чуднымъ, и Іисусъ, миръ да будетъ съ нимъ [стр. 72], подтвердилъ правильность употребленнаго имъ выраженія «чудный», говоря: «и есть дивно въ очахъ нашихъ»[3].

И не былъ Іисусъ крѣпкимъ, какъ ал-Мустафâ; напротивъ того, онъ всегда показывалъ, что онъ слабый, бѣдный. Если же о немъ скажутъ, что онъ былъ крѣпкимъ не по человѣческому, а по божественному есте-

---

[1] Коранъ 5, 49.

[2] Полностью осносящаяся сюда часть упомянутаго стиха корана (5, 49) гласитъ: «И предписали мы имъ въ ней (т. е. въ *торѣ*), чтобы была душа за душу, око за око, носъ за носъ, ухо за ухо, зубъ за зубъ, а за раны кровомщеніе; если же кто изъ милосердія поступится этимъ, то это будетъ ему искупленіемъ....».

[3] Ев. отъ Матѳ. 21, 42; отъ Марка 12, 11.

ству, то я скажу, что на это соображеніе мы уже раньше[1] возразили съ достаточной полнотой, доказавъ, что въ немъ нѣтъ божественности, нынѣ же мы также скажемъ: если господинъ нашъ Іисусъ былъ крѣпкимъ въ силу своего божественнаго естества, слившагося съ человѣческимъ, то почему же, когда онъ почувствовалъ стѣсненіе и горе, когда онъ взывалъ и кричалъ крикомъ и стономъ и обнаружилъ слабость, свойственную человѣческому естеству, къ нему сошелъ Ангелъ съ неба, чтобы укрѣпить его? Гдѣ же была крѣпость его божественности, и почему же его божественное естество не заставило его человѣческое естество претерпѣть это стѣсненіе? Напротивъ того, онъ нуждался въ ангелѣ, чтобы тотъ подкрѣпилъ его, хотя эта нужда и эта помощь противорѣчатъ его природнымъ нуждамъ и способамъ помощи имъ.

Кромѣ того, Іисуса не называли «совѣтникомъ», и онъ абсолютно не назывался этимъ именемъ.

Въ-третьихъ, Іисусъ не былъ отцомъ послѣдняго вѣка, а былъ среднимъ во времени, между Моисеемъ и нашимъ пророкомъ, наилучшія благословенія и наисовершеннѣйшія привѣтствія всѣмъ имъ вмѣстѣ!

Въ-четвертыхъ, Іисусъ не былъ княземъ мира, какъ о немъ говоритъ Исайя, а былъ главою христіанской общины, княземъ же мира, т. е. главою ислама[2], былъ Мухаммед-ал-Мустафâ, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ.

Въ-пятыхъ, владычество Іисуса не умножалось, какъ о немъ пророчествуетъ Исайя, — нѣтъ, напротивъ того, у него совсѣмъ никогда не было владычества, ибо, когда евреи восхотѣли взять его и провозгласить царемъ, онъ бѣжалъ.

Въ-шестыхъ [стр. 73], законъ господина нашего Іисуса не былъ одновременно основанъ и на справедливости, и на милосердіи, какъ возвѣстилъ Исайя въ этомъ пророчествѣ; напротивъ того, его законъ зиждился исключительно на милосердіи, а тотъ, кого имѣетъ въ виду это пророчество и кто принесъ законъ, зиждущійся и на справедливости и на милосердіи, это — Абў-л-Кâсим, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, послѣдній изъ пророковъ и посланниковъ.

А разъ Исайя пророчествуетъ о мужѣ, пришествіе котораго будетъ сопровождаться этими упомянутыми признаками, т. е.: если онъ будетъ обладателемъ закона, зиждущагося на справедливости и милосердіи, съ правомъ рѣшать, владычествующимъ, отцомъ послѣдняго вѣка, за которымъ уже

[1] Т. е. въ предыдущемъ отдѣлѣ трактата.

[2] Срв. выше, стр. 24.

не будетъ больше другого пророка, князем мира, т. е. главою ислама и мусульманъ, совѣтникомъ, крѣпкимъ, съ чуднымъ именемъ, при чемъ владычество его на раменахъ его, т. е. если владычество его добыто мечемъ его, который онъ по существующему среди арабовъ понынѣ обычаю вѣшаетъ на рамена свои, и силою руки его, а всѣ эти признаки поистинѣ и очевидно налицо у пророка-избранника, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, и, притомъ, не метафорически, ибо въ томъ, что дѣйствительно существуетъ, нѣтъ мѣста для метафоры, — то какимъ образомъ здравый разсудокъ можетъ допустить отнесеніе къ господину нашему Іисусу, миръ да будетъ съ нимъ, этого пророчества, которое ему совершенно не соотвѣтствуетъ? При этомъ, вѣдь, Іисусъ, миръ да будетъ съ нимъ, вовсе не нуждается въ посягательствѣ на такія свидѣтельства, которыя относятся къ пророку-избраннику[1], ибо о немъ самомъ у Исайи и пророковъ имѣются многочисленныя другія свидѣтельства, которыхъ нельзя отнести ни къ кому другому, даже не къ пророку-избраннику[2]».

А. Э. Шмидтъ.

[1—2] Т. е. къ Мухаммеду.

Среднеазіатскій терминъ въ сасанидскомъ судебникѣ.

Въ парсійскомъ судебникѣ Мāдигāн-и Хазāръ Дāдистāнъ, «Сборникѣ тысячи рѣшеній», мы имѣемъ интересное указаніе, касающееся семейнаго права. Х. Бартоломэ[1], переведшій и комментировавшій нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній, отмѣчая, что въ этомъ сборникѣ мы имѣемъ важное собраніе правовыхъ воззрѣній сасанидской эпохи, поставилъ это указаніе первымъ изъ переведенныхъ и комментированныхъ имъ отрывковъ, ибо въ текстѣ этотъ отрывокъ является первымъ параграфомъ «Отдѣла о разводѣ». Отрывокъ этотъ гласитъ слѣдующее: «Если мужъ говоритъ женѣ: «ты обладаешь всѣми правами относительно себя», то это не означаетъ прекращенія брака, а право вступить съ другимъ человѣкомъ въ бракъ *чакаръ*». Дополненіемъ къ этому отрывку Бартоломэ помѣщаетъ другой параграфъ, согласно тексту котораго въ томъ случаѣ, если мужъ отпускаетъ жену безъ подобнаго рода заявленія объ обладаніи всѣми правами, то этимъ самымъ не даетъ ей права вступать въ сношеніе съ другимъ человѣкомъ, а если она при жизни мужа выйдетъ замужъ и будетъ имѣть дѣтей, то эти дѣти будутъ принадлежать ея первому мужу. Хотя въ юридической практикѣ современныхъ Парсовъ, бракъ *чакаръ* означаетъ вторичный бракъ вдовы, комментаторъ не находитъ въ среднеперсидскихъ текстахъ такого значенія для этого термина, означающаго, по его мнѣнію, конкубинатъ, соединенный съ правами младшихъ женъ (*зен-и-чакаръ* — младшая жена, *зен-и-пāдишāхъ* — старшая), а отнесеніе этого понятія къ послѣдней волѣ супруга въ позднѣйшихъ парсійскихъ памятникахъ считаетъ эволюціей понятія въ правосознаніи (религіозный смыслъ института, ранѣе такого смысла не имѣвшаго). Что касается, наконецъ,

---

[1] Chr. Bartholomae, Ueber ein sasanidisches Rechtsbuch, Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, 1910, Abhandlung 11.

самаго слова *чакаръ* (چكر), чаще встрѣчающагося въ парсійскихъ текстахъ въ формѣ *чāкаръ* (چاكر) и означающаго, по крайней мѣрѣ въ діалектѣ Гебровъ, конкубину, то первоначальное значеніе слова представляется комментатору неяснымъ.

Нынѣ установлено, что слово *чāкаръ* означаетъ въ открытыхъ въ Восточномъ Туркестанѣ[1] текстахъ сѣвернаго изъ индо-европейскихъ языковъ (языкъ I)—«дочь», «дѣвушку». Такимъ образомъ, мы съ одной стороны можемъ опредѣлить присутствіе как̆ъ термина въ парсійскомъ судебникѣ слова, принадлежащаго къ языку древняго населенія Средней Азіи, а съ другой стороны усматривать въ этомъ обозначеніи характерныя черты семейнаго быта этого населенія. Извѣстны сообщенія о поліандріи у древняго населенія Трансоксіаны: сирійскія извѣстія (III в. по Р. Х.) о господствѣ женщинъ въ Кушаніи (Бактріи); весьма многочисленныя данныя у китайскихъ лѣтописцевъ и путешественниковъ (Шы-цзи, Хань-шу, Вэй-шу, Бэй-ши, Суй-шу, Танъ-шу, Сонъ-юнь, Сюань-цзанъ) о томъ-же и о господствѣ поліандріи[2]. Извѣстны также сказаніе Геродота о происхожденіи Сарматовъ и разсказы другихъ античныхъ писателей о господствѣ женщинъ у этого кочевавшаго въ черноморскихъ степяхъ народа, къ которому современное изслѣдованіе преимущественно относитъ сказаніе объ Амазонкахъ[3]. Появленіе слова *чāкаръ* въ парсійскомъ судебникѣ указываетъ въ связи съ правовыми обычаями народа, къ языку котораго оно относится, и на характеръ правового института — по этому судебнику, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замужняя женщина, съ дозволенія и согласія мужа, при его жизни, вступала въ брачныя отношенія съ другимъ безъ развода.

Интересное объясненіе къ этой статьѣ судебника мы имѣемъ въ извѣстіи Табарӣ о законодательныхъ мѣропріятіяхъ Хосроя Анӯширвāна[4]. По нашему мнѣнію, источникъ Табарӣ несомнѣнно имѣлъ въ виду тожественное установленіе. Разсказывая объ этихъ мѣропріятіяхъ сасанидскаго шаха, текстъ, между прочимъ, говоритъ: «Онъ приказалъ, чтобы всякій вступившій въ сожительство съ женщиной[5] обязательно уплатилъ бы ей вѣно и удовлетворилъ-бы семью ея, послѣ чего ей должно было быть предоставлено

---

[1] См. напр. Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1909, 551.

[2] См. напр. еще у W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Classe, 87, 1877, 149—155.

[3] См. Pauly-Wissowa, Real-Enzyclopädie der klassischen Altertumskunde, I, 1767—68 (Toepffer), 1771—72 (Graef).

[4] Tabari, Annales, I Series, II, ٨٩٧; Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 163—164. Ср. и A. Christensen, L'empire des Sassanides, Copenhague, 1907, 53—54.

[5] Такъ я перевожу слова الغالب لها въ соединеніи съ предшествующимъ كلّ امرأة غلبت على نفسها.

право выбора — или остаться у него, или выйти замужъ за другого человѣка, кромѣ того случая, если она была замужняя, — въ такомъ случаѣ она возвращалась къ своему мужу». Такое толкованіе этого мѣста текста законодательныхъ мѣропріятій Анӯширвāна подтверждается, по моему мнѣнію, контекстомъ. Въ текстѣ это мѣропріятіе слѣдуетъ за сообщеніемъ о разногласіяхъ относительно правового положенія пріемныхъ дѣтей, при чемъ говорится, что такія лица должны считаться принадлежащими къ семьѣ, разъ не извѣстенъ отецъ ихъ, и являются участниками въ наслѣдствѣ пріемнаго отца, разъ этотъ послѣдній принялъ ихъ въ семью. Дополненіе имѣемъ мы въ парсійскомъ судебникѣ, въ которомъ сообщается, что управленіе семьею не переходитъ къ пріемному сыну[1], при чемъ, по позднѣйшему парсійскому взгляду, изъ дѣтей женщины отъ брака *чāкаръ* только лица мужского пола должны быть принимаемы въ семью[2]. Какъ видимъ, оба мѣропріятія относятся къ семейному праву: наслѣдованію и браку, преимущественно съ точки зрѣнія имущественныхъ интересовъ. Далѣе, текстъ сообщаетъ объ упорядоченіи Анӯширвāномъ судопроизводства въ отношеніи преступности вообще, посягательства на чужое имущество въ частности — немедля разбирать дѣло воообще, взимать похищенное въ частности, и затѣмъ подвергать преступника соотвѣтственному наказанію. Заключительныя къ этимъ тремъ установленіямъ Хосроя распоряженія касаются устройства семейнаго и имущественнаго положенія потомства знатныхъ родовъ государства и вдовъ его отца, при чемъ этимъ послѣднимъ было предоставлено на выборъ — остаться съ его женами, пользуясь тѣми же имущественными правами или выбрать себѣ достойныхъ вторыхъ мужей. Добавлю, что по судебнику только главная жена имѣла право на пожизненную имущественную поддержку своего мужа. Интересно, что аналогія частнаго случая съ преслѣдованіемъ преступности вообще въ текстѣ Табарӣ имѣется и въ нѣкоторыхъ параграфахъ парсійскаго судебника[3]. Что касается до этихъ сообщаемыхъ Табарӣ законодательныхъ мѣропріятій Анӯширвāна вообще, то они касались, повидимому, главнѣйше семейно-имущественнаго права его подданныхъ. Къ этому времени относимъ мы и составленіе «Сборника тысячи рѣшеній».

Существованіе въ парсійскомъ судебникѣ установленія, согласно которому замужняя женщина имѣла право вступать въ брачныя отношенія съ другимъ лицомъ, безъ развода съ мужемъ, есть «временный бракъ», такъ называемый *«мут'а»* мусульманскаго законодательства (نكاح المتعة), су-

[1] Bartholomae, o. c. 4.
[2] Ib. 7.
[3] Ib. 20.

ществующій въ настоящее время закономѣрно только у шіитовъ[1], у суннитовъ-же упраздненный, согласно преданію, самимъ Мухаммедомъ или Омаромъ. Интересно указаніе, въ свое время отмѣченное Кремеромъ, а за нимъ Вилькеномъ, согласно которому халифъ Ма̄мӯнъ, персидскія и шіитскія симпатіи котораго извѣстны[2], сдѣлалъ попытку дозволить бракъ *мутʻа* всѣмъ мусульманамъ, намѣреніе, отъ котораго халифъ отступился согласно совѣту кади Яхьи-ибн-Аксама[3], при чемъ, по нашему мнѣнію, ближе къ истинѣ толкованіе этого намѣренія Вилькена[4] (шіитскія симпатіи Ма̄мӯна), чѣмъ Кремера (упадокъ нравовъ). Весьма вѣроятно, что Ма̄мӯнъ руководился въ этомъ случаѣ какъ древне-арабскимъ преданіемъ, которому былъ извѣстенъ этотъ видъ брака, такъ и законодательнымъ существованіемъ его въ парсійской традиціи съ ея среднеазіатскимъ терминомъ.

К. Иностранцевъ.

---

[1] См. Th. W. Juynboll, Handbuch des islāmichen Gesetzes, Leyden-Leipzig, 1910, 228. Въ сравнительномъ отношеніи ср. напр. F. v. Hellwald, Ethnographische Rösselsprünge, Leipzig, 1891, 299—309 (Zeitehen).

[2] Жена его, персіянка по происхожденію, носила имя сасанидской царицы Бӯра̄нъ, дочери Хосроя Парвйза; бракъ Ма̄мӯна и Бӯра̄нъ сталъ, какъ извѣстно, легендарнымъ въ мусульманскомъ преданіи, см. напр. Enzyklopaedie des Islam, 830. О сасанидской царицѣ Бо̄ра̄нъ см. Nöldeke, o. c. 390—392 и 394.

[3] См. Ibn Challicân, Vitae illustrium virorum, edidit F. Wüstenfeld, fasc. X, ٢٣ (біографія ٨٠٣). Ср. еще G. Dugat, Histoire des philosophes et des théologiens musulmans, Paris, 1878, 101.

[4] G. A. Wilken, Das Matriarchat bei den alten Arabern, Leipzig, 1884, 15—17.

Россійскій Императорскій Консулъ Ѳ. А. Бакулинъ въ исторіи изученія бабизма[1].

Въ исторіи изученія бабизма весьма видное и почетное мѣсто занимаютъ труды русскихъ востоковѣдовъ; ихъ дѣятельными и достойными пособниками были до самаго послѣдняго времени наши дипломатическіе представители въ Персіи. Рѣдко выступая въ печати съ своими наблюденіями, они доставляли непосредственно ученымъ разнаго рода записки и, главнымъ образомъ, собирали на мѣстахъ памятники исторіи бабидовъ и ихъ ученія и препровождали ихъ въ собственность какъ извѣстныхъ въ ученомъ и учебномъ мірѣ лицъ, такъ и государственныхъ книгохранилищъ. На этомъ цѣнномъ матеріалѣ основалось и развилось потомъ научное изученіе бабизма.

Напомнимъ для яркости, что проф. Мирза-Каземъ-Бекъ, давшій въ 1865 г. въ своемъ трудѣ[2] первыя свѣдѣнія въ Россіи о новой сектѣ въ Персіи и ея основателѣ, на нѣкоторыхъ страницахъ ссылается на записки В. И. Севрюгина (старшаго драгомана Миссіи въ Тегеранѣ), А. Н. Мошнина (драгомана генеральнаго консульства въ Тавризѣ) и памятники, доставленные ему А. А. Мельниковымъ (младшимъ секретаремъ Миссіи въ Тегеранѣ).

Академикъ Б. А. Дорнъ описываетъ[3] въ томъ же 1865 г. арабскій «Беянъ» Баба изъ принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ коллекціи Н. В. Ханыкова, который въ шестидесятыхъ годахъ былъ управляющимъ генеральнымъ консульствомъ въ Тавризѣ, а въ 1874 г. гово-

[1] Читано, въ сокращенномъ видѣ, въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія ИРАО. 19 декабря 1913 года подъ заглавіемъ: «Къ исторіи изученія бабизма».

[2] Бабъ и бабиды. Религіозно-политическія смуты въ Персіи въ 1844—1852 годахъ. СПБ. 1865.

[3] Mélanges Asiatiques, V, стр. 224—226 и 279—280.

ритъ[1] о томъ же памятникѣ, только на персидскомъ языкѣ, присланномъ въ Азіатскій Музей Императорской Академіи Наукъ Ѳ. А. Бакулинымъ, консуломъ въ Астерабадѣ.

Бар. Розенъ, начиная съ 1876 года, описываетъ исчерпывающе и издаетъ арабскія и персидскія бабидскія рукописи[2], добытыя В. В. Безобразовымъ, генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ, И. Г. Григоровичемъ, первымъ драгоманомъ Миссіи въ Тегеранѣ, А. Д. Левитскимъ, секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Астерабадѣ, В. И. Игнатьевымъ, секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Астерабадѣ, и А. П. Орловымъ, секретаремъ и драгоманомъ Политическаго Агенства въ Бухарѣ.

Г. Д. Батюшковъ, до послѣдней войны нашей съ Турціей генеральный консулъ въ Бейрутѣ, заинтересовавшійся бабидами во время служебнаго пребыванія въ Персіи и познакомившійся съ важнѣйшими представителями секты при любезномъ содѣйствіи уже названнаго И. Г. Григоровича, даетъ въ 1897 г. очеркъ «Бабиды. Персидская секта» на страницахъ журнала «Вѣстникъ Европы» (іюль) и въ 1906 г. приноситъ въ даръ Библіотекѣ Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ три рукописи[3] — два экземпляра «Священнѣйшей Книги» бабидовъ и неизвѣстный до сихъ поръ сборникъ «высокихъ словъ изъ воркованій горлицы, . . . явившейся . . . подъ именемъ Куррет-ал-Айнъ».

А. Г. Туманскій, издавшій въ 1899 г. съ русскимъ переводомъ памятникъ ново-бабидской теологіи «Китабе Акдесъ. Священнѣйшая книга современныхъ бабидовъ»[4], посвящаетъ свой трудъ начальнику Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ, Матвѣю Авелевичу Гамазову, который «одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на значеніе нарождавшагося ученія и важность знакомства съ нимъ» и который, получивъ отъ бывшихъ питомцевъ Учебнаго Отдѣленія, Григоровича и Левитскаго, бабидскія рукописи, передалъ ихъ въ Библіотеку Учебнаго Отдѣленія вмѣстѣ съ другими рукописями, собранными имъ «во время долгихъ странствованій по странамъ мусульманскаго востока»[5].

Моя замѣтка[6], относящаяся къ 1891 г., «Недавнія казни бабидовъ

---

[1] Mélanges Asiatiques, V, стр. 176, 177.

[2] Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, I, III, VI, 2-e fascic. Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археологич. Общества, VII, 317. Первый Сборникъ Посланій Бабида Бебâуллаха. СПБ. 1908 (посмертное изданіе).

[3] Инвентарный каталогъ рукописей: №№ 504, 505 и 506.

[4] Записки Императорской Академіи Наукъ. Серія VIII, томъ III, № 6.

[5] Collections scientifiques, I, стр. II.

[6] Записки Восточнаго Отдѣленія, VI, 321—327 и VII, 327.

въ городѣ Ездѣ» основана на документѣ, доставленномъ мнѣ вышеназваннымъ В. И. Игнатьевымъ, что не было оговорено мною въ то время по понятнымъ причинамъ.

Толчокъ, данный бар. Розеномъ въ изученіи бабизма и широкій интересъ, имъ возбужденный, чувствуется и понынѣ: въ октябрѣ 1913 г. управляющій консульствомъ въ囖Рештѣ, бывшій питомецъ Учебнаго Отдѣленія, В. П. Никитинъ, препроводилъ мнѣ составленныя для него замѣтки, касающіяся двухъ прискорбныхъ событій изъ жизни бабидовъ въ Рештѣ (съ двумя фотографіями), изъ которыхъ одна касается смерти современника Баба, Хаджи Мухаммедъ Насира Казвинскаго.

Счастливый случай даетъ намъ въ настоящее время возможность раздвинуть доселѣ извѣстныя рамки исторіи изученія бабизма и представить матеріалъ, собранный однимъ изъ нашихъ консуловъ въ Персіи, фамилія котораго поставлена нами въ заголовкѣ настоящей статьи.

Лѣтомъ 1912 года бывшій студентъ Факультета Восточныхъ Языковъ, Ф. М. Коняевъ, съ согласія жены своей, Надежды Ѳеодоровны, урожденной Бакулиной, передалъ въ мое полное распоряженіе сначала альбомъ видовъ Персіи, а потомъ и часть всякаго рода бумагъ, оставшихся въ ихъ семьѣ послѣ смерти Россійскаго консула въ Астерабадѣ, Ѳеодора Абрамовича Бакулина, разрѣшивъ воспользоваться ими для печати[1].

Ѳеодоръ Абрамовичъ Бакулинъ, по окончаніи курса Лазаревскаго Института и Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ въ 1865 году, былъ назначенъ студентомъ Россійской Миссіи въ Персіи. Пройдя черезъ должности секретаря и драгомана консульства въ Астерабадѣ и драгомана и секретаря генеральнаго консульства въ Тавризѣ, онъ въ 1871 году былъ назначенъ и. д. консула въ Астерабадѣ, утвержденъ въ этой должности въ 1873 году и скончался 30 марта 1879 года[2]. Къ этому краткому формуляру слѣдуетъ прибавить, что въ 1872 году Бакулинъ напечаталъ статью

[1] Часть бумагъ Бакулина была передана г-жею Коняевой В. А. Алексѣеву и сдѣлалась уже достояніемъ печати. Въ «Русской Старинѣ» за 1913 годъ (т. CLIV, апр., стр. 213—222 и май, стр. 372—385) и отдѣльнымъ оттискомъ, помѣченнымъ 1914 г., г. Алексѣевъ обнародовалъ съ своими примѣчаніями «Письма Н. П. Ломакина консулу Ѳ. А. Бакулину (о средне-азіатскихъ дѣлахъ). 1874—1878». Въ переданныхъ мнѣ бумагахъ нашлось два письма Н. П. Ломакина, которыя не вошли въ число изданныхъ г. Алексѣевымъ: одно помѣчено «19 мая 1878 года. Ашуръ-Адэ», а другое «Красноводскъ. 22 апрѣля» (безъ указанія года).

[2] Въ своимъ вступленіи къ названной статьѣ г. Алексѣевъ допустилъ двѣ неточности, сказавъ, что Бакулинъ въ Лазаревскомъ Институтѣ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ И. А. Зиновьева, позже нашего посла въ Константинополѣ, и что (послѣ Астерабада) Бакулинъ «получилъ мѣсто нашего дипломатическаго агента» (гдѣ — не отмѣчено): И. А. Зиновьевъ въ Лазаревскомъ Институтѣ преподавателемъ не состоялъ, а назначеніе Бакулина дипломатическимъ агентомъ въ его формулярѣ не показано.

«Пѣсни у туркменъ и поэтъ ихъ Махдумъ-Кули»[1]; въ 1874 и 1875 гг. Бакулинъ въ трехъ посылкахъ изъ Астерабада обогатилъ Азіатскій Музей Императорской Академіи Наукъ снимками восточныхъ надписей, восточными монетами и восточными рукописями[2], — между послѣдними были персидскій «Беянъ» Баба и рѣдкое въ то время تذكرة الاولياء 'Аттара — персидскій оригиналъ, который Бакулинъ разыскивалъ болѣе двухъ лѣтъ, и переводъ на восточно-турецкій языкъ (по Бакулину — туркменскій). Въ 1876 году Бакулинъ былъ избранъ Организаціоннымъ Комитетомъ Третьяго Международнаго Съѣзда Оріенталистовъ членомъ-корреспондентомъ для Персіи[3] и въ Трудахъ Съѣзда помѣстилъ «Замѣтку о путяхъ на востокъ отъ Мешхеда въ Афганистанъ» (стр. 89—96); въ 1877 г. въ первомъ томѣ «Восточнаго Сборника» напечатаны двѣ статьи его — «Очеркъ внѣшней торговли Азербайджана за 1870—1871 г.» (стр. 205—269) и «Очеркъ русской торговли въ Мазандеранѣ и Астерабадѣ въ 1871 году» (стр. 269—331)[4].

Хотя Бакулинъ и имѣлъ обыкновеніе пріобрѣтаемыя имъ рукописи высылать въ Азіатскій Музей[5], все же въ переданныхъ мнѣ бумагахъ нашелся крайне интересный списокъ куфическимъ почеркомъ третьяго *джуз*'а Корана[6]: — рукопись въ 16×10 сантим., 33 листа желтоватой толстой бумаги, по 10 строкъ на страницѣ, первые листы испорчены. Между листомъ 32-мъ, заканчивающимся словами: لما اتيتكم (Сура 3, стихъ 75), и листомъ 33-мъ, начинающимся словами: ومن يبتغ (Сура та-же, стихъ 79), недостаетъ, очевидно, цѣлаго листа[7].

Интересъ этого списка заключается главнымъ образомъ въ персидскихъ датированныхъ записяхъ о рожденіи дѣтей, находящихся на второй страницѣ, воспроизводимой здѣсь въ натуральную величину.

---

[1] См. Извѣстія Кавказ. Отд. Императ. Русск. Географ. Общ. 1872. Т. I, № 3, стр. 105—109. Указаніемъ на эту статью я обязанъ А. Н. Самойловичу.

[2] Mélanges Asiatiques, VII, 176, 177, 429—432, 505—517.

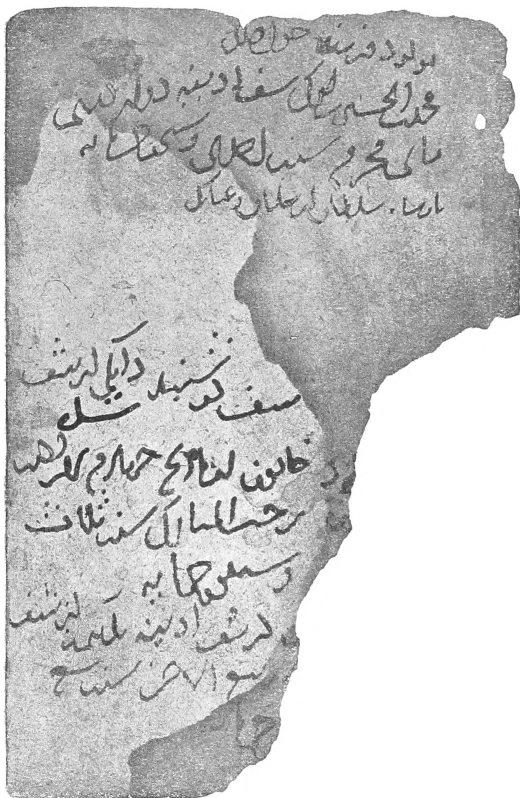
[3] Это было сдѣлано по предложенію члена Организаціоннаго Комитета, бар. Ф. Р. Остенъ-Сакена, какъ видно изъ сохранившагося письма его къ Бакулину отъ 5 февраля 1876 года.

[4] Двѣ послѣднія статьи появились въ 1875 г. (отдѣльнымъ оттискомъ?) подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки торговли съ Персіей. Азербайджанъ. Мазандеранъ. Астерабадъ. (Напечатано, съ Высочайшаго соизволенія, по распоряженію Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.)

[5] О такомъ обыкновеніи Бакулина говорится между прочимъ въ сохранившемся черновикѣ письма его отъ 5 іюня 1876 года къ бар. Ф. Р. Остенъ-Сакену.

[6] Это обозначено на листѣ 1[a] по-арабски: الثالث и на листѣ 2[a] по-персидски: سيوم جزو.

[7] Рукопись эта передана мною въ Библіотеку Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ и внесена въ инвентарь рукописей подъ № 542 съ надписью: «Изъ бумагъ консула Ѳ. А. Бакулина».

Въ этихъ записяхъ не все поддается разбору и кромѣ того, вслѣдствіе отмѣченной порчи листовъ списка, двѣ послѣднія записи являются, къ сожалѣнію, неполными. Я читаю записи такъ:

1) مولود فرزند .... شف آدینه دوازدهم مای محرّم سنهٔ احدی وستّین وخمسمایه پادشاه سلطان ارسلان..... т. е. «Рожденіе ребенка... въ ночь

на пятницу двѣнадцатаго (числа) мѣсяца Мухаррема года пятьсотъ шестьдесятъ перваго (по новому стилю 18 ноября 1165 г.). Государь Султанъ Арсланъ...»

2) ... شف دوشنبه دانکی از شف شده [مو]لود خاتون در تاریخ چهارم شهر رجب المبارك سنهٔ ثلاث وستّین وخمسایه т. е. «Въ ночь на понедѣльникъ, когда прошла одна шестая часть ночи, рожденіе Хатунъ четвертаго (числа) мѣсяца......благословеннаго Реджеба года пятьсотъ шестьдесятъ третьяго (14 апрѣля 1167 г.)».

3) .... در شف ادینه یك نیمه از شف .... ربیع الآخر سنهٔ سبع (или تسع) [و]خمسایه т. е. «...въ ночь на пятницу, (когда) половина ночи (прошла)... (мѣсяца) Ребіа Второго года пятьсотъ... (шестьдесятъ?) седьмого (или: девятаго) (декабрь 1171 г. или ноябрь 1173 г.)».

Для арабскаго куфи вторая половина VI вѣка Г. древность, конечно, небольшая, но для персидскихъ рукописей она исключительная. Наши записи на полвѣка древнѣе китайско-персидскаго документа 1217 года, обнародованнаго Pelliot въ его статьѣ: «Les plus anciens monuments de l'écriture arabe en Chine» на страницахъ Journal Asiatique, XI série, II, 177—191.

Интересны эти записи кромѣ ихъ древности и по языку: въ нихъ пять разъ слово شب — «ночь» является въ формѣ شف и مای стоитъ вмѣсто ماه.

Затѣмъ въ бумагахъ Бакулина оказалось, кромѣ служебной и частной переписки его съ разными лицами, довольно много самыхъ разнообразныхъ замѣтокъ и записей на клочкахъ и листахъ бумаги разнаго формата и разныхъ цвѣтовъ, въ тетрадкахъ и большихъ тетрадяхъ, въ переплетѣ и безъ него, — часть изъ нихъ на восточныхъ языкахъ. Разобравъ этотъ матеріалъ, приведя его въ относительный порядокъ и выдѣливъ письма и донесенія служебнаго характера, я замѣтилъ, что онъ, разъясняя исторію переданнаго мнѣ альбома и отношеніе Бакулина къ Съѣзду Оріенталистовъ, касается главнымъ образомъ: 1) туркменовъ вообще и ихъ языка въ особенности; 2) Астерабадской области; 3) поѣздки Бакулина по Хорасану въ 1878 году и 4) бабизма.

Когда Организаціонный Комитетъ Третьяго Международнаго Съѣзда Оріенталистовъ черезъ своего предсѣдательствующаго, В. В. Григорьева, обратился къ Бакулину съ письмомъ отъ 13 февраля 1876 г. за № 308, прося его принять на себя званіе члена-корреспондента для Персіи «въ полной увѣренности, какъ значилось въ письмѣ, что по любви Вашей къ наукѣ Вы не откажетесь содѣйствовать успѣху конгресса», Бакулинъ,

принявъ предложеніе Комитета, въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая или самыхъ первыхъ іюня выслалъ для выставки Конгресса, какъ то требовалось, на имя П. И. Лерха, дѣлопроизводителя Императорской Археологической Комиссіи, состоявшаго при Комитетѣ для спеціальнаго завѣдыванія выставкою, ящикъ съ разными предметами съ препроводительнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г. Петръ Ивановичъ, имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ, чрезъ посредство Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ящикъ, заключающій въ себѣ нижеслѣдующіе предметы, высылаемые мною для выставки при конгрессѣ оріенталистовъ: 1) альбомъ съ фотографическими видами Персіи и различными типами, состоящій изъ 120 изображеній большой и малой величины; 2) два наилучшихъ образчика персидской калиграфіи, весьма цѣнимые персіянами, у которыхъ они служатъ украшеніемъ для комнатъ; 3) весьма рѣдкую персидскую рукопись «Беянъ», содержащую изложеніе ученія извѣстной религіозной секты въ Персіи «Баби». Все вышесказанное поступаетъ лично отъ меня, при чемъ рукопись «Беянъ», по окончаніи выставки, я имѣю честь покорнѣйше просить передать въ полное распоряженіе Его Превосходительства Б. А. Дорна, какъ приношеніе мое Азіатскому Музею Императорской Академіи Наукъ, альбомъ же съ фотографіями, по минованіи въ немъ надобности, и образчики персидской калиграфіи я прошу возвратить ко мнѣ чрезъ посредство Азіатскаго Департамента; 4) древнюю золотую куфическую монету, найденную въ туркменской степи, въ развалинахъ открытаго въ минувшемъ году красноводскимъ отрядомъ древняго города Мешхеди Мисріанъ. Монета эта, послѣ выставки, согласно желанію владѣльца ея, переводчика при начальникѣ Астерабадской Морской Станціи, г. Рафаила Ездиаева, должна поступить въ полное распоряженіе Его Превосходительства Б. А. Дорна, какъ приношеніе г. Ездиаева Азіатскому Музею Академіи Наукъ. О полученіи означенныхъ вещей я буду имѣть честь ожидать Вашего увѣдомленія».

О предполагаемой посылкѣ этихъ вещей Бакулинъ увѣдомилъ В. В. Григорьева въ письмѣ отъ 23 мая, а о состоявшейся высылкѣ сообщилъ въ письмѣ отъ 6 іюня ему же съ добавленіемъ: «Я поспѣшаю препроводить при семъ Вашему Превосходительству мою замѣтку о путяхъ на В. отъ Мешхеда въ Афганистанъ, составленную на основаніи разспросныхъ свѣдѣній» и въ письмѣ отъ 5 іюня барону Ф. Р. Остенъ-Сакену, гдѣ рукопись «Беянъ» названа «замѣчательною персидской рукописью» и гдѣ о замѣткѣ сказано, что она «составлена на основаніи разспросныхъ свѣдѣній отъ торговцевъ или лично посѣщавшихъ Афганистанъ или же находящихся въ сношеніи съ афганами, пріѣзжающими каждогодно въ Мешхедъ. За-

мѣтка имѣетъ форму краткаго сообщенія безъ всякихъ указаній на стратегическія особенности путей или что либо подобное».

Я говорю объ этой посылкѣ такъ подробно потому, что, какъ извѣстно, не только не состоялось предполагавшееся въ Трудахъ Съѣзда описаніе и объясненіе выставки вслѣдствіе катастрофы съ П. И. Лерхомъ, но затруднена и замедлена была обратная разсылка доставленныхъ для выставки предметовъ[1]. Почти черезъ годъ послѣ закрытія Съѣзда Бакулинъ не имѣлъ еще своего альбома,—сохранился черновой набросокъ его письма къ П. И. Лерху отъ 20 іюня 1877 года, гдѣ онъ пишетъ: «Отправивъ въ минувшемъ году на выставку при конгрессѣ оріенталистовъ большой альбомъ съ фотографическими видами Персіи и типами, я принимаю на себя смѣлость покорнѣйше просить Васъ не отказать увѣдомить меня, какъ можетъ быть полученъ означенный альбомъ мой».

Какъ бы то ни было, альбомъ хотя и съ большимъ замедленіемъ прибылъ къ Бакулину съ выставки обратно и есть какъ разъ тотъ, который переданъ въ мое распоряженіе дочерью Бакулина.

Альбомъ этотъ, въ 49 сантиметровъ высоты и 39 ширины, темно-зеленой кожи, съ бронзовыми застежками и золотымъ тисненіемъ на крышкѣ «Souvenir d'un séjour en Perse», заключаетъ въ себѣ 120 фотографическихъ снимковъ съ подписями на французскомъ языкѣ, вполнѣ соотвѣтствующихъ черновой описи альбома, сохранившейся въ бумагахъ Бакулина. Въ настоящее время въ него оказался еще вложеннымъ одинъ рисунокъ отъ руки, недурно исполненный, на картонѣ размѣра 13 × 14 сант., изображающій туркмена съ двумя женщинами, съ надписью на обратной сторонѣ карандашемъ: «Съ натуры рисовалъ персъ». Альбомъ этотъ переданъ мною отъ имени Н. Ѳ. Коняевой, рожденной Бакулиной, въ Библіотеку Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ, воспитанникомъ котораго былъ Бакулинъ.

Если желаніе Бакулина, высказанное имъ въ письмѣ къ Лерху, было исполнено относительно альбома, то нельзя, къ величайшему сожалѣнію, сказать того же относительно нѣкоторыхъ другихъ вещей, высланныхъ на выставку Конгресса: замѣчательная персидская рукопись «Беянъ» исчезла неизвѣстно куда и слѣдовъ ея я, несмотря на всѣ старанія, отыскать не могъ: бар. Розенъ, перечисляя въ 1886 году всѣ имѣющіяся въ С.-Петербургѣ бабидскія рукописи[2], говоритъ только объ одномъ «Беянѣ» Азіатскаго Музея, присланномъ тѣмъ же Бакулинымъ въ 1874 году, и я упол-

---

[1] См. Труды Съѣзда, I, стр. CXVII и CXLIII.

[2] Collections scientifiques, III, 50.

номоченъ покойнымъ директоромъ Азіатскаго Музея, акад. К. Г. Залеманомъ, заявить, что второй «Беянъ», бывшій на выставкѣ Конгресса, въ Библіотеку Музея никогда не поступалъ.

Туркмены интересовали Бакулина. Въ бумагахъ его попадаются разныя записи о туркменскихъ племенахъ и селеніяхъ (на персидскомъ языкѣ), замѣтка о туркменахъ, кочующихъ на границѣ Астерабадской провинціи, основанная на податномъ реестрѣ, находящемся въ рукахъ персидскаго правительства, собраніе писемъ на туркменскомъ языкѣ, съ переводомъ и безъ перевода, съ примѣчаніями и лексическими замѣтками, видимо, подготовлявшееся къ изданію, и т. п. Вообще у Бакулина былъ задуманъ какой то трудъ о туркменахъ, потому что бар. Ф. Р. Остенъ-Сакенъ въ сохранившемся письмѣ его къ Бакулину отъ 5 февраля 1876 года говоритъ: «Я ...очень былъ обрадованъ извѣстіемъ о изготовляемомъ Вами новомъ трудѣ, касающемся туркменовъ. Если Вы его препроводите къ нашему новому начальнику Н. К. Гирсу, то Вы можете быть увѣрены, что трудъ вашъ будетъ принятъ съ должнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что Николай Карловичъ, бывши самъ въ Персіи, особенно интересуется нашими пограничными тамъ отношеніями». Къ этому труду возращается Бакулинъ дважды въ отвѣтномъ письмѣ къ бар. Остенъ-Сакену отъ 5 іюня, гдѣ говоритъ: «Собственныя мои занятія по предполагавшейся мною замѣткѣ о туркменахъ пришлось оставить на время вслѣдствіе занятій служебныхъ. ...Я не оставляю надежды выслать къ Вамъ мои записки о туркменахъ хотя бы въ копіи, если Вы думаете, что посланная къ Н. К. Гирсу она можетъ интересовать его».

Насколько цѣнны собранные Бакулинымъ матеріалы о туркменахъ и какое значеніе могли бы они имѣть въ настоящее время, я судить не берусь, — они стоятъ довольно далеко отъ моихъ спеціальныхъ познаній и въ сторонѣ отъ моихъ занятій и лучше всего могли бы быть оцѣнены туркологами. Часть этихъ матеріаловъ была мною предоставлена во временное пользованіе А. Н. Самойловича, приватъ-доцента Императорскаго Петроградскаго Университета.

Среди матеріаловъ, разнаго рода набросковъ и замѣтокъ объ Астерабадской провинціи и городѣ Астерабадѣ заслуживаетъ вниманія рукописная тетрадка на персидскомъ языкѣ, представляющая правительственный матеріалъ по статистикѣ Астерабада 1276 г. Г. (1859), времени управленія Мулькъ-Ара. Въ ней указано количество астерабадскихъ войскъ (пѣшихъ и конныхъ), уѣздовъ, кварталовъ города, училищъ, мечетей, бань, лавокъ, каравансараевъ и т. д.; общее количество населенія области (число семей и душъ, съ указаніемъ числа мужчинъ женатыхъ, женщинъ замужнихъ, мужчинъ

холостыхъ, женщинъ незамужнихъ, малолѣтнихъ мальчиковъ, взрослыхъ дѣвушекъ и малолѣтнихъ дѣвушекъ); количество жителей города Астерабада общее и по отдѣльнымъ кварталамъ, съ тѣми же раздѣленіями; уѣзды: число семей и душъ каждаго (съ тѣми же раздѣленіями) и количество входящихъ въ составъ каждаго уѣзда деревень; перечисленіе деревень уѣзда въ отдѣльности съ частичнымъ указаніемъ населенія каждой.

Независимо отъ этой тетрадки, перечисленіе астерабадскихъ уѣздовъ со входящими въ нихъ деревнями, а равно астерабадскихъ воинскихъ частей, имѣется на отдѣльныхъ листкахъ, относящихся, повидимому, къ болѣе позднему сравнительно съ 1859 г. времени.

Всѣ эти свѣдѣнія могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ труду Бларамберга[1] и въ особенности къ запискамъ Мельгунова, составленнымъ въ 1858 г., очевидно, по разспросамъ, такъ какъ онъ указываетъ на невозможность пользоваться оффиціальными бумагами мѣстныхъ властей[2].

Что касается поѣздки Бакулина по Хорасану, то, предпринятая въ 1878 году по порученію Россійскаго Посланника въ Тегеранѣ, И. А. Зиновьева, она продолжалась пять мѣсяцевъ. Бакулину сопутствовали инкогнито Петрусевичъ и классный топографъ Николай Изотовичъ Непринцевъ (подъ именами Петрова и Принцева). Они посѣтили Мешхедъ, Буджнурдъ и Кучанъ и собирали свѣдѣнія самыя разнообразныя, — статистическія, торговыя, о приходахъ и расходахъ провинцій, о туркменахъ, живущихъ въ Мервѣ, о сарыкахъ, о путяхъ на югъ и с.-з. отъ Мешхеда, о святилищѣ имама Ризы. Всему пройденному отъ Астерабада пути были сдѣланы съемки и описаніе. Описаніе этой поѣздки находится въ бумагахъ Бакулина какъ въ разныхъ черновыхъ набросках такъ и въ перебѣленномъ видѣ въ особой тетради въ поллиста, на которой краснымъ карандашемъ надписано: «Въ Мешед». (Описанія самаго Мешхеда въ этой тетради не имѣется). Среди относящихся до этой поѣздки мелкихъ записей и листковъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) набросокъ плана мечети имама Ризы въ Мешхедѣ и прилегающихъ къ ней построекъ, составленный Непринцевымъ на основаніи собранныхъ Бакулинымъ разспросныхъ свѣдѣній, въ извѣстной части и въ нѣкоторой степени напоминающій планъ, изданный только въ 1302 г. Г. Мухаммедъ-Хасанъ-Ханомъ во второмъ томѣ его труда مطلع الشمس и 2) роспись содержанія въ деньгахъ и натурою служителей Священнаго Порога, т. е. святыни имама Ризы съ ея различными учрежденіями, на персидскомъ языкѣ.

Послѣ сказаннаго перехожу къ матеріаламъ Бакулина по бабизму.

[1] Статистическое обозрѣніе Персіи, составленное въ 1841 году, стр. 176 и сл.

[2] О южномъ берегѣ Каспійскаго моря, стр. 47 и сл., XX и XIX.

Я долженъ предварить, что здѣсь извѣстная часть свѣдѣній будетъ представлена въ видѣ выдержекъ изъ подлинныхъ писемъ А. Ф. Баумгартена къ Бакулину, несомнѣнно, въ отвѣтъ на запросы и письма послѣдняго, къ сожалѣнію, въ черновикахъ не сохранившіяся. Этотъ Баумгартенъ былъ въ Шахрудѣ, городѣ извѣстномъ въ исторіи бабидскаго движенія[1], комиссіонеромъ и повѣреннымъ московскаго торговаго дома Морозова и довольно ярко очерченъ въ писаніяхъ Огородникова: «Очерки Персіи» (СПБ. 1878) и «Страна Солнца» (СПБ. 1881). Въ свое время онъ былъ извѣстенъ въ Шахрудѣ подъ названіемъ «хозяинъ Александръ» или просто «хозяинъ». Переписка между Бакулинымъ и Баумгартеномъ была самая оживленная и послѣдній доставлялъ изъ Шахруда въ Астерабадъ свѣдѣнія самыя разнообразныя, начиная отъ посадки корнеплодовъ и разведенія цесарокъ до «сеистанскихъ событій» включительно. Отъ этой переписки уцѣлѣло, къ сожалѣнію, вообще немного, а интересующаго насъ вопроса касаются всего пять писемъ — отъ 25 марта 1873 года, 11 апрѣля, недатированное и служащее отвѣтомъ на письмо Бакулина отъ 17 апрѣля, 6 мая 1873 г. и 15 декабря 1874 года и отдѣльная небольшая замѣтка съ заглавіемъ: «Мой взглядъ на бабизмъ».

Матеріалы Бакулина касаются трехъ лицъ бабидскаго движенія — самого Баба, прозелитки Куррет-ал-айнъ и Бехауллаха.

О Бабѣ имѣется въ бумагахъ начало какой то замѣтки, безграмотно написанной на сильно пожелтѣвшемъ листѣ писчей бумаги и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленной рукою Бакулина. Замѣтка эта не представляетъ никакого интереса кромѣ развѣ заключительныхъ словъ: «По распоряженію Хаджи Мирзы Агаси, Али Мохаммедъ Бабъ былъ схваченъ и отправленъ въ Маку, небольшой городокъ, находящійся на русской границѣ. Близость такого лица какъ Мохаммедъ Али Бабъ къ русскимъ предѣламъ не могла не обратить на себя вниманія нашего правительства, а увеличивающаяся популярность Баба и огромное число пріобрѣтенныхъ имъ новыхъ послѣдователей дѣлали пребываніе его въ Маку невыгодно опять таки же для спокойствія самой Персіи. По настоянію Русскаго Правительства Бабъ былъ перевезенъ изъ Маку въ Урмію Азербеджанской провинціи»[2].

«Я говорилъ моему знакомому, пишетъ Баумгартенъ 11 апрѣля, что у Васъ есть маленькій рисуночекъ, изображающій казненнаго Баба. Онъ ужасно просилъ меня, если возможно, попросить Васъ прислать этотъ рисуночекъ для того, чтобы поклониться святому изображенію и потомъ возвратить Вамъ. Если возможно это сдѣлать, то пришлите».

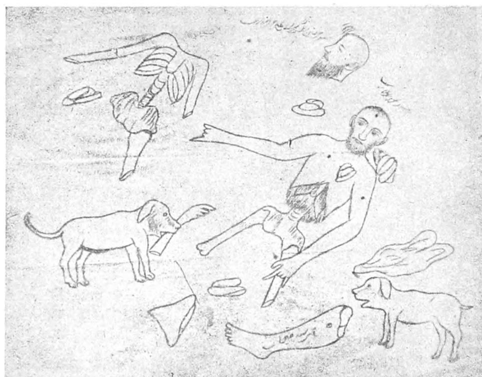
[1] См. E. Browne, The Târikh-i-Jadid, 355.

[2] Сравн. Каземъ-Бекъ, Бабъ и бабиды, стр. 21.

«Изображеніе казненнаго Баба, значится въ недатированномъ письмѣ, при семъ возвращаю... Изображенію сдѣлали самое торжественное поклоненіе: молились и плакали».

Въ описанномъ мною альбомѣ, на стр. 12-ой, имѣется фотографія съ подписью: «Les restes de Bab et de son disciple fusillés à Tauris», которая, несомнѣнно, и есть тотъ рисуночекъ или снимокъ съ рисуночка, которому поклонялись шахрудскіе бабиды.

Рисунокъ, воспроизведенный здѣсь въ натуральную величину, изображаетъ два трупа, — одинъ обезглавленный съ отдѣленными и разбросанными членами тѣла, — нѣкоторыхъ недостаетъ, и головными уборами, и, вѣроятно, частями одеждъ — и двухъ собакъ, — одна стоитъ надъ оторванною ногою, другая держитъ въ пасти оторванную руку. На одномъ трупѣ

три точки: на лбу, на правой сторонѣ груди и на лѣвой рукѣ ниже плеча и на отдѣленной ногѣ одна точка. На рисункѣ три персидскихъ надписи: 1) надъ однимъ трупомъ سيّد محمّد علی باب — «Сеидъ Мухаммедъ Али Бабъ»; 2) надъ другимъ трупомъ سيّد حسين پسر آقا سيّد علی زنوزی — «Сеидъ Хусейнъ, сынъ Ага Сеидъ Али Зунузи»[1] и 3) на ногѣ: پای سيّد حسين (и за-

[1] Названіе это происходитъ отъ весьма значительной деревни «Зунузъ», находящейся въ разстояніи приблизительно двухъ фарсаховъ отъ города Маранда къ Джульфѣ. Населеніе ея состоитъ преимущественно изъ сеидовъ. Этими свѣдѣніями я обязанъ С. М. Шапшалу.

тѣмъ еще слово, плохо вышедшее на отпечаткѣ, — можетъ быть است) — «Нога Сейидъ Хусейна».

Композиція рисунка и исполненіе, несомнѣнно, персидскія. Кѣмъ и когда сдѣланъ рисунокъ, какъ и откуда онъ попалъ къ Бакулину, совершенно неизвѣстно и не представляется возможнымъ опредѣлить, дѣло ли это рукъ правовѣрующаго шіита или бабида, такъ какъ въ приведенныхъ надписяхъ послѣ именъ собственныхъ нѣтъ обычныхъ у мусульманъ при рѣчи о покойникахъ формулъ благопожеланія или проклятія. Во всякомъ случаѣ рисунокъ этотъ, какъ единственная доселѣ извѣстная иллюстрація наиболѣе распространенной версіи объ останкахъ Баба и его ученика послѣ казни, представляетъ большой интересъ.

Какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ персидскихъ историковъ, трупы казненныхъ въ Тавризѣ Баба и его ученика были брошены послѣ казни въ городской ровъ и ночью растерзаны собаками и шакалами[1]. За персидскими историками слѣдуетъ и Гобино, который говоритъ[2], что трупъ Баба нѣсколько дней влачили по улицамъ, а затѣмъ бросили за городскія стѣны и кинули животнымъ. Въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ этими показаніями стоитъ извѣстный «Странникъ», — سيّاح который въ своемъ مقاله пишетъ[3]: «Тѣ два трупа съ площади перенесли за городъ на край рва и тутъ на краю рва они оставались. На второй день явился русскій консулъ съ художникомъ — نقّاش и сдѣлалъ изображеніе тѣхъ двухъ труповъ въ томъ видѣ, какъ они валялись на краю рва. На вторую ночь въ полночь бабиды тѣ два трупа унесли»[4]. Возможность такого отношенія къ останкамъ Баба опровергаетъ вѣскими и основательными соображеніями Nicolas въ своемъ сочиненіи: «Seyyèd Ali Mohammed dit le Bâb» (Paris 1905) и подробно разсказываетъ[5], какъ эти останки были тщательно скрываемы бабидами въ теченіе ряда лѣтъ, переносимы изъ одного мѣста въ другое и наконецъ не

---

[1] Риза-Кули-Ханъ въ روضة الصفاى ناصرى (часть десятая): جسد اورا در خندق افكندند تا شب هنكام طعمهٔ كلاب و ذياب شد

Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ въ مرآت البلدان ناصرى II, 12: جسد اورا در خندق انداختند تا شب هنكام طعمهٔ كلاب شد

[2] Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale, p. 271.

[3] E. G. Browne, A Traveller's Narrative written to illustrate the episode of the Báb, I, ov; II, 45.

[4] Вѣрность этого показанія «Странника», а равно и его дальнѣйшаго изложенія сильно оспариваетъ Мирза Абу-Талибъ Ширази, авторъ труда اسرار العقائد, изданнаго въ Бомбеѣ въ 1324 г. Г., II, стр. 157 и сл.

[5] Chapitre VIII, p. 377—385. Срав. A Traveller's Narrative, II, 46, прим. 1 и E. G. Browne, The Táríkh-i-Jadíd or New History of Mírzá 'Ali Muḥammad the Báb, 311, 312 и 413, и Kitáb-i Nuqṭatu'l-Káf.. by Hájjí Mírzá Jání of Káshán, стр. 250 и сл.

такъ давно доставлены въ С. Жанъ д'Акръ и погребены у подножія горы Кармель[1].

По словамъ приведеннаго «Странника», второй ружейный залпъ, при казни Баба и его ученика, произвелъ такое дѣйствіе, что груди казненныхъ оказались пробитыми, члены тѣла разнятыми и только лица пострадали мало. Такому описанію рисунокъ нашъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и точки на трупахъ — мѣста пулевыхъ ранъ.

Одна изъ надписей на рисункѣ является не совсѣмъ точной и требуетъ поясненія. Надъ вторымъ трупомъ, какъ сказано, стоитъ: «Сейидъ Хусейнъ, сынъ Ага Сейидъ Али Зунузи». Лица, носившаго такое имя и казненнаго съ Бабомъ въ Тавризѣ, въ дѣйствительности никогда не было. Самоотверженный ученикъ Баба, пошедшій съ нимъ на казнь, былъ Мухаммедъ Али, разно именуемый — Ага, Мирза, Ахундъ и Мулла, родомъ изъ Тавриза, изъ семьи очень богатыхъ и уважаемыхъ купцовъ[2]. Только у Гобино мы находимъ указаніе, что онъ былъ не сыномъ, а пасынкомъ Ага Сейидъ Али Зенвери[3]. Сейидъ же Хусейнъ, родомъ изъ Езда, извѣстный писецъ и секретарь Баба, отказавшійся отъ своего учителя передъ самой казнью, плюнувшій ему въ лицо и тѣмъ избѣгнувшій смерти, погибъ уже послѣ покушенія бабидовъ на шаха Насир-ал-Дина въ 1852 году и былъ зарубленъ въ Тегеранѣ шахскимъ аджуданъ-баши, согласно показаніямъ оффиціальной персидской газеты и персидскихъ историковъ[4], такъ что ему не можетъ быть мѣста на нашемъ рисункѣ. Гобино увѣряетъ[5], что отреченіе Сейидъ Хусейна было кажущимся и притворнымъ, что онъ повиновался при этомъ указанію самого Баба и что бабиды послѣдующаго времени преисполнены уваженія къ этому мученику. Такое увѣреніе даетъ основаніе предполагать, что въ разбираемой надписи слиты въ одно лицо *Сейидъ Хусейнъ* и *сынъ Ага Сейидъ Али Зунузи*, Ага Мухаммедъ Али, которые оба были любимыми учениками Баба.

Это обстоятельство можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на то, что рисунокъ былъ изготовленъ уже по прошествіи нѣкотораго времени

---

[1] Ср. «دلائل العرفان», стр. 179 (бомбейскаго изданія 1312 г. Г.).

[2] См. Каземъ-Бекъ, 37, 38 и сл.; A Traveller's Narrative, II, 43 и сл.; The Táríkh-i-Jadíd, 297 и сл.; Kitáb-i Nuqṭatu'l-Káf, 245 и сл. Nicolas, l. c., 375, называетъ его почему-то «Yezdi»

[3] L. c., 259: «Zenvéry». Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что названіе это должно читаться «Зунузи». По странной случайности одинъ изъ трехъ муджтехидовъ въ Тавризѣ, давшихъ фетву на убіеніе Баба, назывался также Ага-Сейидъ Али Зунузи (у Gobineau, 268, 269, «Zenwézy», у Nicolas, 375, — «Zénouzi»).

[4] См. у Browne, A Traveller's Narrative, II, 30; Nicolas, l. c., 444 и Риза-Кули-Хана въ روضة الصفاى ناصرى (часть десятая).

[5] L. c., 300, 301.

послѣ самой казни, когда въ народной памяти могло произойти смѣшеніе именъ дѣйствовавшихъ лицъ, и сдѣлано скорѣе всего правовѣрующимъ шіитомъ, а не бабидомъ, со стороны котораго представляются мало вѣроятными какъ указанное смѣшеніе и самая трактовка сюжета съ собаками, такъ и то немаловажное обстоятельство, что въ надписи надъ первымъ трупомъ Бабъ названъ «Мухаммедъ 'Али», тогда какъ обыкновенно онъ называется «Али Мухаммедъ». Все сказанное является также сильною помѣхою къ тому, чтобы въ нашемъ рисункѣ признать снимокъ съ того изображенія, которое сдѣлалъ приведенный русскимъ консуломъ художникъ, если онъ только былъ персъ и если вообще свѣдѣніе «Странника» соотвѣтствуетъ дѣйствительности [1].

Бакулинъ съ большою настойчивостью искалъ произведенія Баба, — помогалъ ему въ этомъ Баумгартенъ [2].

«Беяна мой знакомый не имѣетъ, пишетъ Баумгартенъ въ письмѣ отъ 11 апрѣля. Между Баби онъ не игралъ значительной роли, кромѣ секретнаго агентства въ Тегеранѣ; за то и не подвергался никакимъ преслѣдованіямъ, ни подавалъ поводъ къ подозрѣніямъ въ принадлежности къ запретной сектѣ».

«Біонъ, сообщается въ недатированномъ письмѣ, можно достать въ Мешедѣ, только не дешевле, какъ за 5 тумановъ. У моего знакомаго есть двѣ книги: одна сочиненія Баба احسن القصص и другая сочиненія Баго رساله خالويه (ресоле халювіе). Если желаете, то эти сочиненія мы пришлемъ Вамъ *для прочтенія*» [3].

---

[1] Г. Д. Батюшковъ въ своемъ очеркѣ: «Бабиды. Персидская секта», стр. 19, прим. 2 (отдѣльнаго оттиска) сообщаетъ, что, къ крайнему сожалѣнію, ему не удалось найти подтвержденія этого факта, т. е. *снятія фотографіи* съ трупа, — такъ понимаетъ Г. Д. Батюшковъ показаніе «Странника». Мнѣ кажется, тутъ очевидная ошибка и Browne совершенно правильно перевелъ, II, 45, слова текста «Странника» نقّاش и نقش بر داشت черезъ *artist* и *took a picture:* для *фотографа* и *снятія фотографіи* персы, какъ извѣстно, употребляютъ слова عكّاس и عكس بر داشتن.

[2] Помощь Баумгартена отнюдь не ограничивалась поисками для Бакулина только бабидскихъ произведеній. Въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1873 г. мы читаемъ: «Въ прошлыхъ письмахъ я запамятовалъ написать Вамъ о ..... тазкерет-уль-уліо...; о судьбѣ книги не имѣю никакого извѣстія. Поручилъ одному здѣшнему купцу, отправившемуся въ Мешедъ 3 Сафара, чтобы онъ сходилъ къ моему корреспонденту и взялъ бы отъ него книгу, если она куплена; а съ недѣлю назадъ писалъ съ курьеромъ, какъ къ шахрудскому купцу, такъ и къ корреспонденту, прося прислать тазкерет-уль-уліо поскорѣе. Съ слѣдующимъ караваномъ получу непремѣнно книгу, или, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ. Если почему нибудь покупка книги въ Мешедѣ не состоится, то я, на всякій случай, заказалъ въ Бирджендѣ, гдѣ можно найти разыскиваемое нами сочиненіе, ибо туда привозятъ литографированныя изъ Бомбея». Мы уже знаемъ (см. выше, стр. 4), что поиски Бакулина увѣнчались успѣхомъ: въ 1875 г. двѣ рукописи تذكرة الاولياء онъ доставилъ въ Азіатскій Музей.

[3] Курсивъ принадлежитъ Баумгартену.

«Съ будущимъ караваномъ, значится въ письмѣ отъ 6 мая, напишемъ о Біонъ, чтобы былъ полный и съ хорошимъ почеркомъ. Полный, т. е. 10 главъ, потому что больше этого *садыръ на шуде будъ*»[1].

Въ письмѣ отъ 11 апрѣля Баумгартенъ сообщаетъ Бакулину, что его знакомый «обладаетъ автографомъ Баба; но этотъ послѣдній онъ хранитъ какъ святыню и для того, чтобы посмотрѣть на почеркъ основателя религіи Баби, я принужденъ былъ отправиться въ домъ къ владѣльцу этой рѣдкости. Когда онъ былъ въ Тегеранѣ, то онъ исполнялъ должность агента новыхъ вѣрующихъ: чрезъ него посылались письма изъ Хорасана въ Ширазъ, Исфаганъ, Адербейджанъ и другіе центры бабистовъ, а равно и изъ сихъ послѣднихъ мѣстъ въ Хорасанъ».

«Въ признательность за Ваше вниманіе, читаемъ въ недатированномъ письмѣ, вмѣстѣ съ изображеніемъ (казненнаго Баба) посылается автографъ Баба, но съ такимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Вы, по прочтеніи и по снятіи копіи, возвратили его немедленно. Содержаніе автографа не представляетъ особенной важности, но для владѣльца его онъ представляетъ святыню, какъ дасте-хаттъ основателя ученія Баби».

Копіи этого автографа Баба въ бумагахъ Бакулина не оказалось.

Въ приведенныхъ выдержкахъ я считаю необходимымъ указать пока на сочиненіе Баба احسن القصص — «Лучшая изъ исторій». Это — заглавіе труда, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ تفسير سورهٔ يوسف — «Толкованіе на суру Іосифа»[2], только въ 1891 году впервые появилось въ европейской литературѣ о Бабѣ въ трудѣ Browne'a[3], т. е. черезъ 18 лѣтъ, какъ оно уже было вѣдомо Баумгартену и Бакулину.

Результаты поисковъ Бакулина и Баумгартена произведеній Баба извѣстны[4]: въ 1874 году Бакулинъ доставилъ въ Азіатскій Музей экземпляръ Беяна, который оказался персидскимъ, однимъ изъ трехъ Беяновъ Баба[5]. Персидскимъ же Беяномъ была и рукопись, отправленная Бакулинымъ въ 1876 г. въ Петроградъ на выставку 3-го Съѣзда Оріенталистовъ и затѣмъ куда то затерявшаяся.

О послѣдовательницѣ Баба Куррет-ал-айнъ мы находимъ въ бумагахъ Бакулина слѣдующія данныя:

«Препровождаю къ Вамъ, пишетъ Баумгартенъ 25 марта, дастъ-хаттъ Курретуль Айнъ, доставшійся мнѣ отъ лица, которому переданы

---

[1] صادر نشده بود — «не вышло». В. Ж.

[2] Collections scientifiques, I, 179—191. Browne, The Bábis of Persia, II, 904—909.

[3] A Traveller's Narrative, II, 338.

[4] См. выше, стр. 4 и 7.

[5] Ср. Collections scientifiques, III, 3 и Browne, The Bábis of Persia, II, 1001.

были на сохраненіе всѣ бумаги этой замѣчательной женщины, предъ ея казнью. Думаю, что это будетъ нелишнимъ пріобрѣтеніемъ для Вашего архива. Что это дѣйствительно почеркъ Курретуль Айнъ, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія».

«Еще посылаю автографъ Курретуль Айнъ, пишетъ онъ 11 апрѣля, довольно интересный по содержанію. Это письмо къ тому самому лицу, которое доставило мнѣ первый автографъ. Изъ прилагаемаго дасте-хаттъ ясно видно, что оно писано женщиною-апостоломъ. Сестра лица, къ коему адресовано письмо, о которой упоминается въ письмѣ, была женою одного изъ мазандеранскихъ мучениковъ. Бого, къ которому Курретуль Айнъ поручаетъ послать *сальватъ*[1], есть настоящій преемникъ Баба...». «У лица, доставившаго автографъ, есть много собственноручныхъ писемъ Курретуль Айнъ и другихъ лицъ... Когда Курретуль Айнъ была подъ арестомъ въ домѣ тегеранскаго келонтера, то посредствующимъ между ними лицомъ была разнощица-торговка (о ней упоминается въ письмѣ). Эта женщина, впослѣдствіи, доставила весь архивъ Курретуль Айнъ, за нѣсколько дней предъ ея казнью».

«Подлинность автографовъ Курретуль Айнъ, значится въ недатированномъ письмѣ, подтверждается лицомъ, которое было посредникомъ между авторомъ и послѣдователями новаго ученія, а впослѣдствіи и владѣльцемъ всѣхъ оставшихся послѣ Курретуль Айнъ бумагъ. Легкость, съ которою онъ дѣлится автографами, происходитъ отъ обилія ихъ. Онъ говорилъ мнѣ, что болѣе половины онъ раздалъ ихъ своимъ одновѣрцамъ. Далѣе назидательнаго содержанія не заходили ея корреспонденціи. Пропаганда новаго ученія совершалась ею посредствомъ распространенія Біонъ и другихъ сочиненій Баба и посредствомъ изустной бесѣды. О подвигахъ Курретуль Айнъ въ Хорасанѣ и Мазандеранѣ знакомый мой ничего не знаетъ.... Значенія буквъ, помѣщенныхъ на оборотѣ письма Курретуль Айнъ, знакомый мой не могъ объяснить».

Въ соотвѣтствіи съ этими выдержками изъ писемъ Баумгартена въ бумагахъ Бакулина имѣется малаго формата конвертъ, на которомъ рукою Бакулина написано: «Два десте-хата. Еще дасте-хаттъ[2] Курретуль Айнъ. Прозелитки Баба. При одномъ переводъ на персидскій языкъ». Въ конвертѣ оказался вложеннымъ одинъ листикъ желтоватой бумаги на персидскомъ языкѣ, по содержанію и наружному виду соотвѣтствующій дестъ-хат'ту, о которомъ Баумгартенъ говоритъ какъ о второмъ и который воспроизводится здѣсь въ натуральную величину.

---

[1] صلوات — «Молитвы, благопожеланія». В. Ж.

[2] Эти три слова потомъ зачеркнуты.

Лицевая сторона дестъ-хатт'а.

Я читаю этотъ дестъ-хаттъ такъ:

На лицевой сторонѣ:

هو الله الاقدر الاحفظ بهاء الله على اهل البهاء بلا تعطيل و بداء نور چشم عزيزم باقتضای مشيّت جنابت ورقات لارض الشهود مسطّر کرديد با مقنعه و دستمالی لاجل ايشان چونکه اين دو پارچه طراز حرف طاء بود من باب التنوّر و التذکّر لاجل ايشان

ارسال داشتیم البتّه نور چشم من بآدم خاطرجمعی بدهید که بایشان برسانند ورقی از ورقهٔ مبارکهٔ اخت الباب جلّ ذکره میباشد و چند ورق از سائرین سلام الله علیهم اجمعین انشاء الله همه احباب باید مشرّف بزیارت ورقات مرسلات منزلات من ربّ البریّات بشوند و سلام مارا بهمشیرهٔ مکرّمه برسان بگو لكِ ما سئلتِ انشاء الله المهیمن القیّوم القدّار الحال دعا که تعلیم نمودم بخوانند و صلواة بر آل الله زیاد بفرستند و در ورقهٔ سابقه ذکر فرموده بودی که ورقهٔ بخادم ما دادهاید با که نرسید مقصودش از خادم که بود تصریح باسم ایشان بفرمائید و قبض وصول ورقات را با کیسهٔ مرسوله ارسال دارید بهمین ضعیفه و اورا تطمیع فرمائید بجزئی از آنچه بآن مکنت دارید تا سبب تشویق او گردد

مم

На обратной сторонѣ:

وح وح ع و

نور چشم کیسه باید در ارض خاء بید رئیس از ما برسد که ایشان بهمهٔ احبّاء برسانند و لاجل همهٔ ایشان حرز نازل گردید رجالا و نساءً و لله کبر کبیرا اکبرًا نور چشم من بنویس که در نهایت ستر حرکت نمایند و با منافقین ابدًا معاشرت نفرمایند که درد این ملعونین از درمان گذشت و حسبان ایشانرا در خواهد گرفت تمامًا الحمد لله ربّ العالمین

Обратная сторона десть-хатт'а.

При излишней краткости и условности выраженій, сдержанности и недоговоренности, объясняемыхъ обстановкою, при которой писала Куррет-ал-айнъ, переводъ этого десть-хатт'а будетъ таковъ:

«Онъ — Богъ Всемогущественный, Всеохраняющій.

Блескъ божій (да будетъ) надъ послѣдователями Беха безпрерывно и безначально! Дорогой свѣтъ очей моихъ! Согласно твоему желанію листы для «земли свидѣтелей»[1] написаны (и отправлены) вмѣстѣ съ головнымъ

[1] Къ сожалѣнію, остается невыясненнымъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ условнымъ наименованіемъ.

покрываломъ и платкомъ для нихъ. Такъ какъ эти двѣ матеріи были украшеніемъ «буквы Та», то я ихъ послала имъ для свѣта и памяти. Конечно, свѣтъ очей моихъ, вы отдадите ихъ надежному человѣку, чтобы доставилъ (ихъ) имъ. Находится также одинъ листъ изъ благословенныхъ листовъ Ухту-л-Бабъ («Сестры Баба»)—да будетъ славна память его!—и нѣсколько листовъ прочихъ лицъ—да будетъ надъ ними всѣми привѣтъ божій! Если угодно Богу, слѣдуетъ, чтобы всѣ друзья удостоились чести поклоненія препровождаемымъ листамъ, ниспосланнымъ отъ владыки тварей. Передай нашъ привѣтъ уважаемой сестрѣ и скажи: «Тебѣ—(то) что ты просила, если угодно Богу Охраняющему, Вѣчному, Могущественному». Пусть они непремѣнно читаютъ молитву, которой я научила, и пусть они часто возносятъ моленія за послѣдователей божіихъ. Въ предыдущемъ письмѣ ты упомянулъ, что вы отдали одно письмо нашему слугѣ; оно до насъ не дошло. Кто былъ (этотъ) слуга? Откройте пожалуйста его имя. Расписку въ полученіи (этихъ) писемъ и посылаемаго мѣшка пришлите съ этой же самой женщиной и вознаградите ее чѣмъ нибудь, что сочтете возможнымъ, дабы (это) послужило для нея поощреніемъ. Конецъ.

..... Свѣтъ очей моихъ! Необходимо, чтобы мѣшокъ (этотъ) дошелъ въ «землю Ха» (Хорасанъ) въ руки начальника, а онъ пусть доставитъ (его) всѣмъ друзьямъ. И для нихъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, снизошла молитва («херзъ»). И Богу принадлежитъ величіе большое, величайшее. Свѣтъ очей моихъ! Напиши, чтобы они дѣйствовали съ величайшей скрытностью и отнюдь не имѣли никакихъ сношеній съ лицемѣрами, потому что болѣзнь этихъ проклятыхъ не поддается никакому лѣкарству и кара постигнетъ ихъ всѣцѣло. Хвала Богу, Господу міровъ!»

Извѣстно, что одно письмо Куррет-ал-айнъ было уже издано съ facsimile Броуномъ[1]. Сравненіе его почерка съ почеркомъ нашего дестъхатта даетъ нѣкоторыя основанія говорить о подлинности послѣдняго и принадлежности его извѣстной прозелиткѣ; съ другой стороны въ документѣ есть мѣста и выраженія, заставляющія думать, что авторомъ письма должно быть другое лицо, а именно:

1) Въ первой же строкѣ письма высказывается пожеланіе «блеска божія» послѣдователямъ Беха(уллаха). Во время Куррет-ал-айнъ, скончавшейся въ 1852 году, «послѣдователей Беха», котораго Богъ «проявилъ» лишь въ 1866 году, очевидно, быть не могло: главою бабидовъ въ это время

[1] The Tárikh-i-Jadíd, стр. 434 и сл.

признавался всѣми, въ томъ числѣ и самимъ Бехауллахомъ, младшій братъ послѣдняго, Мирза Яхъя (Субхи Азаль).

2) Въ документѣ говорится о пересылкѣ на память двухъ вещей женскаго убора, бывшихъ украшеніемъ «буквы Та», подъ каковымъ наименованіемъ обыкновенно разумѣется Куррет-ал-айнъ, по прозванію «Чистая» (طاهره), хотя, конечно, Куррет-ал-айнъ, говоря о себѣ въ письмѣ обыкновенно въ первомъ лицѣ, въ данномъ мѣстѣ могла прибѣгнуть къ условному буквенному выраженію.

Разбираемое письмо было предложено мною вниманію тегеранскихъ бабидовъ, о сношеніи съ которыми будетъ сказано подробнѣе ниже, и одинъ изъ нихъ склонился къ тому мнѣнію, что нашъ документъ — письмо Ханумъ-Бузургъ, сестры Мирзы Яхъя (Субхи-Азаль), къ нѣкоей женщинѣ эзелиткѣ, жившей въ Хорасанѣ («земля Ха»). Упоминаемая въ письмѣ «Сестра Баба» (اخت الباب) есть поэтесса, здравствующая и доселѣ, имѣющая отъ роду болѣе 80 лѣтъ, сестра Муллы Хусейна Бушруеи, извѣстнаго защитника Шейхъ-Таберси, погибшаго при осадѣ этого мѣстечка правительственными войсками въ 1849 году и носившаго прозвища — «Бабъ», «Баб-ал-Бабъ», «Эввелу менъ амана», «Харфи-эввель», «Исми-эввель» и послѣ смерти — «Сейид-ал-шухада» [1].

Подъ словомъ «начальникъ» — رئیس — въ письмѣ, по мнѣнію бабидовъ, слѣдуетъ разумѣть одного изъ видныхъ представителей эзелитовъ въ Хорасанѣ, раскрыть имя котораго они однако не могли, какъ не могли расшифровать подписи на обратной сторонѣ документа — وعجع, каковая, несомнѣнно, разсѣяла бы нѣкоторыя связанныя съ этимъ документомъ сомнѣнія.

Вторымъ дестъ-хатт'омъ Куррет-ал-айнъ, котораго не оказалось въ описанномъ конвертѣ Бакулина, долженъ быть признанъ листикъ розовой съ остатками золотыхъ крапинокъ бумаги на арабскомъ языкѣ, найденный въ бумагахъ Бакулина отдѣльно. Тождество почерковъ обоихъ дестъ-хатт'овъ не подлежитъ сомнѣнію. По содержанію автографъ этотъ интереса не представляетъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ по преимуществу восхваленіе Бога, «который творитъ, что захочетъ, и проявляетъ, что пожелаетъ, приказъ котораго не измѣняется и рѣшеніе котораго не перемѣняется» и т. д.

Знакомый Баумгартена вноситъ нѣкоторый варіантъ въ описаніе послѣднихъ минутъ Куррет-ал-айнъ и «подробности ея казни разсказы-

---

[1] См. указатели къ A Traveller's Narrative и The Táríkh-i-Jadíd s. v. Ḥuseyn и къ Kitáb-i Nuqṭatu-l Káf s. v. سیّد الشهداء.

ваетъ (въ недатированномъ письмѣ) слѣдующимъ образомъ. Наканунѣ четвертаго дня послѣ покушенія на жизнь Шаха за ней прислали двухъ ордeлей [1], которые доставили ее въ садъ Ильхани, что рядомъ съ садомъ Лоле-Зоръ за городскими воротами Девлетъ. Когда ее привели въ садъ, то Хаджи Али Ханъ, Хаджебетъ Доуле, шахскій ферраш баши, объявилъ ей, что или она должна отказаться отъ новой вѣры, или подвергнуться казни, если будетъ упорствовать. Конечно она не отказалась. Когда палачъ приблизился къ ней, чтобы надѣть петлю, тогда она попросила, чтобы къ ней не прикасались; сама надѣла петлю, а палачамъ предоставила затянуть ее. Когда такимъ образомъ удавили ее, тогда трупъ ея бросили въ высохшій колодезь, находившійся въ саду, и засыпали землей. Баби и теперь посѣщаютъ это мѣсто, втайнѣ дѣлая зіаретъ [2] могилѣ прекрасной мученицы».

Извѣстно, что о казни Куррет-ал-айнъ и мѣстѣ ея совершенія существуютъ разные разсказы.

Персидскій историкъ говоритъ, что ее, содержавшуюся въ домѣ тегеранскаго калантара, «вывели за городъ и сгубили самымъ гнуснымъ образомъ» [3]; Гобино сообщаетъ [4], что ее сожгли, предварительно задушивъ, и пепелъ развѣяли по вѣтру; д-ръ Полакъ, бывшій свидѣтелемъ казни, говоритъ [5] только, что она была исполнена военнымъ министромъ и его адъютантомъ; у Броуна на основаніи разныхъ источниковъ сообщается [6], что она была задушена въ саду Ильхани, убита въ саду Лалезаръ, что она была брошена въ колодецъ во дворцѣ Нигаристанъ и что колодецъ былъ затѣмъ наполненъ до краевъ камнями; Nicolas сообщаетъ [7], что она была задушена однимъ изъ всадниковъ Азизъ Хана Сердара въ саду Ильхани и полуживая еще брошена въ колодецъ, который тутъ же засыпали.

Нельзя не отмѣтить, что сообщенная Баумгартеномъ подробность казни Куррет-ал-айнъ среди указанныхъ является по времени первой.

Мѣсто кончины бабидской героини было отмѣчено, по словамъ Nicolas, пятью или шестью одинокими деревьями, стоявшими до 1893 года.

Третье изъ названныхъ выше лицъ исторіи бабизма — Бехауллахъ представленъ въ бумагахъ Бакулина полнѣе, какъ въ выдержкахъ изъ

---

[1] آردل — родъ курьера военнаго вѣдомства. В. Ж.

[2] زيارت — «посѣщеніе». В. Ж.

[3] Риза-Кули-Ханъ въ روضة الصفاى نامرى (часть десятая): بيرون شهر برده باقبح وجهى هلاك كردند.

[4] Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale, p. 299.

[5] Persien. Das Land und seine Bewohner, I, 353.

[6] A Traveller's Narrative, II, 313—314 и The Táríkh-i-Jadíd, 283—284.

[7] Seyyèd Ali Mohammed dit le Bâb., 446—452.

писемъ Баумгартена, такъ и въ исторической замѣткѣ на персидскомъ языкѣ и спискѣ его сочиненія.

Баумгартенъ о немъ пишетъ 11 апрѣля: «Бого, къ которому Курретуль Айнъ поручаетъ послать *сальватъ*, есть настоящій преемникъ Баба, живущій теперь въ Аккà (это въ Сиріи или въ Африкѣ—не помню); имя его Мирза-Гасанъ[1]-Али, Нури. Прежній преемникъ Баба Мирза-Ягья, имѣющій *лагабъ*[2] Азаль, есть родной братъ Бого. Онъ, т. е. Бого, проповѣдуетъ, что Мирза-Ягья кончилъ свою миссію; назначеніе его было, подобно назначенію Іоанна Крестителя, приготовить вѣрующихъ къ принятію дѣйствительнаго посланника Божія. Теперь всѣ Баби признаютъ начальникомъ и руководителемъ вѣрующихъ Мирза-Гасанъ-Али (Бого). Мирза-Ягья, хотя и имѣетъ нѣкоторую незначительную часть мюридовъ, непризнающихъ первенства Бого, но это обстоятельство не имѣетъ важнаго значенія, какъ по малочисленности поклонниковъ Мирза-Ягья, такъ и по отсутствію всякой вражды между братьями (т. е. Азаль и Бого). Мирза-Ягья теперь живетъ гдѣ то въ окрестностяхъ Константинополя».

Исторія Бехауллаха, а равно и событій, слѣдовавшихъ непосредственно за покушеніемъ бабидовъ на жизнь Насир-ал-Динъ Шаха въ 1852 году, оставалась долгое время темной и для бар. Розена въ 1877 году Бехауллахъ былъ еще только Хусейнъ, слѣды котораго бар. Розенъ думалъ — какъ потомъ оказалось, напрасно — найти черезъ посредство Шефера въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ[3]. Разъяснилъ эту исторію только въ 1889 году Броунъ въ извѣстныхъ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ Журналѣ Великобританскаго Королевскаго Азіатскаго Общества[4] и болѣе подробно въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ и изданіяхъ, между тѣмъ Бакулинъ уже въ 1873—4 гг. располагалъ о всемъ сказанномъ слѣдующими свѣдѣніями, изложенными на персидскомъ языкѣ въ маленькой тетрадкѣ въ 8 долю листа писчей бумаги въ 11 страницъ:

(Стр. 1) میرزا علی محمّد که ابتدا مدّعی بابی و بعد بادّعای صاحب الامری گفتگو داشت نقطه بود که حروف حیّ که هجده نفر باشند از قبیل ملّا حسین بشرویه ملقّب به اوّل من آمن حاجی محمّد علی بارفروشی ملقّب بحضرت قدّوس و میرزا حسنعلی

---

[1] Очевидная описка Баумгартена вмѣсто Хусейнъ. Хасанъ было имя другого брата—Субхи Азаль.

[2] لقب — «прозвище». В. Ж.

[3] Collections scientifiques, I, 205 и сл. и 212, P. S.

[4] Vol. XXI (New Series), 486—526 и 881—1009.

صبح ازل و میرزا حسینعلی بها و ملّا شیخ علی عظیم و میرزا هادی مسمّی به هاء مقتول و قرّة العین و حضرت دیّان و اقا سیّد یحیی و ملّا محمّد علی زنجانی و غیره و غیره همکی مرآت و نمایندهٔ آن و فرع آن بودند (стр. 2) و خلق‌را بسوی او دعوت میکردند و این هجده نفر چنان مرآتی بودند که پارهٔ اوقات خودشان باسم صاحب الامری ملقّب می شدند و میرزا علی محمّد که در اواخر بحضرت ربّ اعلی مسمّی شده بود در سنهٔ هزار دویست شصت هجری ظاهر شد و خلق‌را دعوت بخود نمود کتابی داشت مسمّی به بیان که میکفت از خداوند بمن وحی و نازل شده و دران کتاب شرایع و احکامی مندرج که مخالف با شریعت اسلام و بقول خود میرزا علی محمّد ناسخ شریعت اسلام بود و کتابهای (стр. 3) دیکر هم نوشت از تصنیفات خود و در اغلب کتابهای خود بخصوص در بیان همه جا وعده میدهد بظهور من یظهره الله که میکوید شریعتی تازه خواهد اورد ناسخ شریعت بیان و باید همه کس بآن شخص ایمان بیاورند و بشریعت او رفتار نمایند و بعضی جاها باین عبارت میکوید بعدد اسم مستغاث که بکذرد من یظهره الله ظاهر خواهد شد خلاصه در سنهٔ هزار دویست شصت شش هجری میرزا علی محمّد مزبور در تبریز بحکم دیوان و فتوای علما کشته شد و جسدش هم یك دو روزی (стр. 4) همانجا بود تا آنکه مخلصین او پنهانی باقی ماندهٔ جسدش‌را بر داشته بطهران برده بطرف شاه عبد العظیم دفن نمودند در حیات میرزا علی محمّد مزبور چند نفری از هجده نفر حروف حی هم کشته شدند و پس‌از قتل او هم باز چند نفری کشته شدند تا آنکه ملّا شیخ علی نام ملقّب بعظیم و یحیی خان نام پسر اسمعیل خان در طهران و اطراف جمعیّتی فراهم آورده سه نفر میفرستند شاه‌را بکشند آن سه نفر در روز یکشنبه بیست هشتم شوّال سنهٔ هزار دویست شصت هشت هجری (стр. 5) هنکامی که شاه برای شکار سوار می شد طپانچه روی شاه خالی می کنند و کرفتار میشوند دو نفر آنهارا می کشند یکنفر انهارا بجهت استنطاق نکاه داشته بانواع شکنجه و عقوبتها از او معلوم می نمایند که بابیها اجماعی دارند وچون چنین مذکور شده بود که این شخص عظیم نام در زرکنده منزل کرده بوده و مریدین و معتقدین باب در آنجا نزد او آمدشد میکرده‌اند پس ازان که این اتّفاقات افتاد و از جانب دولت با اذن وزیر مختار روس در زرکنده بجستجوی آنها آمدند (стр. 6) طفلی‌را بدست اوردند که در منزل همان عظیم خانه‌شا کرد بوده هرکس آنجا رفته بود آن طفل نشان

میداده میکرفتند مثل آنکه میرزا ابراهیم نام پسر میرزا ابو القاسم سکوت درویش مشهور که در منزل یکی از نوکرهای وزیر مختار منزل داشت رفتند بکیرند پسره کفت این آنجا نیامد خلاصه بابیها همه کرفتار میشوند و هریکی‌را بیك صنف از نوکر پادشاهی میدهند که بکشند میرزا حسینعلی نام ملقّب به بهاء در زرکنده یا جای دیکر کرفتار می شود و چون با منشی سفارت روس خویشی و قرابتی (стр. 7) داشته سفارت روس اینقدر حمایت میکند که اورا از کشتن میرهاند ولی تا چهار ماه دستاق بوده و پس ازان از حبس رها شده با برادر خود میرزا حسنعلی نام ملقّب بصبح ازل که کرفتار نشده بود بسمت بغداد میروند و در آنجا مدّتی می مانند اینها روند خلق نزد آنها زیاد می شود شاه از دولت روم خواهش می کند آنهارا در بغداد نکذارند می برند انهارا باسلامبول و از آنجا به ادرنه و از آنجا بعکّه سکنایشان می دهند میان دو برادر (стр. 8) هم بهم می خورد تا انکه حضرت بهاء صریحا صبح ازل‌را مردود و ملعون می سازد بچند جهت یکی آنکه میرزا علی محمّد باب صیغه داشته زمانی که در اصفهان بوده صبح ازل اورا عقد نموده بزوجیّت خود در می آورد یکی دیکر آنکه حضرت دیّان که از حروف حی بوده می آورد در منزل خودش می کشدش سیوم آنکه چند دفعه حضرت بهارا زهر داده باری حضرت بهاء صبح ازل‌را حبس و خودش منفرّدا اظهار دعوت (стр. 9) می کند مریدان می کویند که صبح ازل حال مثل خوك کلّ بدنش مو در آورده و در حبس است پیش نوشته شد که در اغلب نوشتجات باب وعده بظهور من یظهره الله میدهد که میکوید آن وقت باو ایمان باید آورد و هر چه او بکوید باید شنید و بیان منسوخ می شود و این میرزا حسینعلی مسطور ملقّب به بهاء میکوید آن من یظهره الله که در بیان وعده داده شده من هستم که ظاهر شده‌ام پس از کذشتن (стр. 10) عدد مستغاث که بحساب عدد صغیر بیست سال می شود و از سنهٔ هزار دویست هشتاد که بیست سال پس از ابتدای ظهور باب باشد مردم‌را بخود دعوت نموده میکوید من حسین ابن علی هستم که بعد از مهدی صاحب الامر که میرزا علی محمّد باشد بدنیا رجعت کرده‌ام ولی مقام الوهیّت دارم کاه می کوید عیسی منم موسی منم محمّد منم کاه می کوید مرسل و فرستندهٔ آنها منم خلاصه هرچه هست (стр. 11) منم و تا یك سال قبل ازین هم شریعتی نداشت شرایع و آداب بیان هم منسوخ بود و متابعینش آزاد بودند حال قریب یك سال

است که کتاب شریعتی نوشته اسم اورا بدیع کذارده یعنی تازه بنقد جهادرا هم موقوف کرده و آسوده نشسته میکوید مردم بنصیحت و دلالت باید در دین داخل شوند نه به کشش و کشتار و داعیان او در کارند در خفیه مردم‌را باو دعوت می کنند

«Мирза Али Мухаммедъ, который вначалѣ претендовалъ на то, что онъ *бабъ* — «дверь», а потомъ говорилъ, что онъ *сахиб-ал-амръ*[1] былъ «точкою» — *нукта*. «Буквы живаго» — *хуруфи хай*, т. е. Мулла Хусейнъ Бушруе, называемый «Первый, который увѣровалъ», Хаджи Мухаммедъ Али Барфуруши, называемый «Хазрети Куддусъ», Мирза Хасанъ Али Субхи Азаль и Мирза Хусейнъ Али Беха, Мулла Шейхъ Али Азимъ, Мирза Хади, называемый «Убіенный Ха», Куррет-ал-айнъ, Дайянъ, Ага Сейидъ Яхъя, Мулла Мухаммедъ Али Зенджанскій и др. — всѣ они были зерцалами[2] его (Баба) и показателями и вѣтвями его и призывали къ нему народъ. Эти 18 человѣкъ[3] были такими зерцалами, что иногда сами прозывались именемъ *сахиб-ал-амръ*, а Мирза Али Мухаммедъ, который въ послѣднее время назывался «Его Величество Высочайшій Господь», явился въ 1260 г. Г. и призывалъ къ себѣ народъ. Онъ имѣлъ книгу, называемую «Беянъ», онъ говорилъ: «она открыта мнѣ и снизошла отъ Господа», и въ той книгѣ заключены предписанія и постановленія, которыя противорѣчатъ мусульманскому шаріату и, по словамъ самого Баба, Мирза Али Мухаммеда, уничтожаютъ мусульманскій шаріатъ. Написалъ онъ также и другія книги изъ своихъ сочиненій, и въ большей части своихъ книгъ, а въ особенности въ Беянѣ, онъ всюду обѣщаетъ появленіе «того, котораго проявитъ Богъ». Онъ имѣетъ принести нѣкій новый законъ, уничтожающій Беянъ. Всѣ должны увѣровать въ то лицо и поступать по его закону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ выражается такъ: «когда пройдетъ время, равное количеству слова *мустагасъ*, появится «тотъ, кого проявитъ Богъ». Коротко говоря, въ 1266 г. Г. названный Мирза Али Мухаммедъ въ Тавризѣ по приказанію правительства и по фетвѣ улемовъ былъ убитъ. Трупъ его 1—2 дня былъ въ томъ самомъ мѣстѣ, пока преданные ему взяли остатки его трупа, отвезли въ Тегеранъ и предали погребенію около Шахъ Абд-ал-

---

[1] Т. е. послѣдній, двѣнадцатый, ожидаемый имамъ, Мехди.

[2] Срав. دلائل العرفان, стр. 69 и اسرار العقائد, II, 319, а также Browne, The Táríkh-i-Jadíd, 337.

[3] Изъ «буквъ живаго» названы только десять человѣкъ. Полнаго списка ихъ изъ 18 человѣкъ не могъ получить и Browne, A Traveller's Narrative, II, XVI, и только Батюшковъ, Бабиды, стр. 13 прим., со словъ бабида-бехаида, приводитъ списокъ полный. Слѣдуетъ замѣтить, что эти три списка, независимо отъ ихъ полноты, между собою не совпадаютъ.

Азима[1]. При жизни упомянутаго Мирза Али Мухаммеда нѣсколько человѣкъ изъ 18 «буквъ живаго» тоже были убиты и послѣ его убіенія тоже нѣсколько человѣкъ было убито. Тогда нѣкто, по имени Мулла Шейхъ Али, съ прозвищемъ Азимъ, и Яхъя Ханъ, Сынъ Исмаилъ Хана, въ Тегеранѣ и окрестностяхъ собрались и послали трехъ человѣкъ убить Шаха. Тѣ три человѣка въ воскресенье 28 шевваля 1268 года Гиджры въ то время, когда Шахъ садился верхомъ на охоту, выстрѣлили въ Шаха изъ пистолета и были схвачены. Двухъ изъ нихъ убили, а одного для разспросовъ задержали и разнаго рода пытками и мученіями отъ него узнали, что бабиды имѣли заговоръ. И когда было такъ показано, что человѣкъ тотъ, по имени Азимъ, поселился въ Зергендэ[2] и тамъ его посѣщали послѣдователи и увѣровавшіе въ Баба, послѣ того какъ произошли эти случаи и со стороны правительства съ согласія Россійскаго посланника появились въ Зергендэ на розыски ихъ, захватили одного мальчика, который въ домѣ того самаго Азима былъ *ханэ-шагирд*'омъ[3]. На всякаго, кто туда ходилъ, тотъ мальчикъ указывалъ и (его) забирали. Напр., пошли захватить Мирзу Ибрагима, сына Мирза Абу-л-Касима Сукутъ Дервиша извѣстнаго, который жилъ въ домѣ одного изъ слугъ посланника. Мальчикъ сказалъ: «Этотъ туда не приходилъ». Коротко говоря, всѣ бабиды были схвачены и каждаго отдали на убіеніе разнаго рода шахскимъ слугамъ. Мирза Хусейнъ, по прозванію Беха, также былъ схваченъ въ Зергендэ[4] или другомъ мѣстѣ. Такъ какъ онъ имѣлъ родство и свойство съ мирзою Россійской Миссіи, то Россійская Миссія защитила его въ такой мѣрѣ, что освободила его отъ убіенія, но четыре мѣсяца онъ оставался въ тюрьмѣ[5]. Послѣ того онъ былъ освобожденъ изъ подъ стражи и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Мирза Хасанъ Али, по прозвищу Субхи Азаль, отправился въ сторону Багдада. Тамъ они оставались нѣкоторое время и около нихъ собралось много народа. Шахъ потребовалъ отъ Турціи, чтобы ихъ не оставляли въ Багдадѣ. Ихъ перевели въ Стамбулъ, отсюда въ Адріанополь, а отсюда поселили ихъ въ Аккѣ. От-

---

[1] Извѣстная шіитская святыня, находящаяся недалеко отъ Тегерана. Исторіи 'Абд-ал-'Азима и самой святыни посвященъ большой трудъ Хаджи Мулла Бакыра — جنّة النعيم و العيش السليم, изданный въ Тегеранѣ въ 1296—8 г. Г.

[2] Дачное мѣсто Россійской Миссіи у подножія Шимранскихъ горъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ Тегерана.

[3] Мальчикъ для услугъ на женской половинѣ; въ домахъ знатныхъ и во дворцѣ шаха онъ называется *гуламъ-бачэ* — غلام بچه.

[4] По сообщенію оффиціальной персидской газеты, Хусейна схватилъ россійскій посланникъ кн. Долгорукій своими людьми и отправилъ его къ министрамъ Шаха Кн. Долгорукій получилъ отъ Шаха благодарность, а лица, которымъ было поручено доставить узника, были щедро награждены. Nicolas, l. c., 441.

[5] Срав. Туманскій, Китабе Акдесъ, X, прим. 2 и 3.

ношенія между двумя братьями испортились до того, что Его Величество Беха открыто сдѣлалъ Субхи Азаля отверженнымъ и проклятымъ по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ. Мирза Али Мухаммедъ Бабъ имѣлъ наложницу въ то время, когда былъ въ Исфаганѣ; Субхи Азаль, заключивъ брачный договоръ, взялъ ее себѣ въ жены. Во-вторыхъ. Дайяна, который былъ изъ числа «буквъ живаго», онъ привелъ въ свой домъ и убилъ. Въ-третьихъ. Онъ нѣсколько разъ давалъ Его Величеству Беха ядъ[1]. Его Величество Беха Субхи Азаля заключилъ въ заточеніе, а самъ одинъ повелъ пропаганду. Послѣдователи его говорили: «Субхи Азаль въ настоящее время похожъ на свинью, — все его тѣло покрылось шерстью и онъ въ заточеніи». Ранѣе было указано, что въ большей части писаній Бабъ обѣщалъ появленіе «того, кого проявитъ Богъ» и говорилъ: «Въ то время въ него надо увѣровать и надлежитъ слушать все, что онъ скажетъ, и Беянъ будетъ уничтоженъ». Этотъ упомянутый Мирза Хусейнъ Али, по прозвищу Беха, сказалъ: «Тотъ, котораго проявитъ Богъ, обѣщанный въ Беянѣ, — я, такъ какъ я явился по прошествіи числа слова *мустагасъ*, что по счету малыхъ чиселъ составляетъ двадцать лѣтъ»[2]. И съ 1280 года, т. е. черезъ двадцать лѣтъ послѣ начала появленія Баба, онъ сталъ призывать къ себѣ народъ[3] и говорить: «Я есмь Хусейнъ, сынъ Али, который вернулся въ міръ послѣ Мехди *сахиб-ал-амръ*, каковый есть Мирза Али Мухаммедъ, но я имѣю степень божественности». Иногда онъ говорилъ: «Я есмь Іисусъ, я Моисей, я Мухаммедъ». Иногда говорилъ: «Я пославшій ихъ и посылающій, — словомъ, все, что есть, это — я». Годъ тому назадъ онъ не имѣлъ никакого (писаннаго) закона, предписанія и правила Беяна также были уничтожены и послѣдователи его были свободны; теперь около года, какъ онъ написалъ нѣкую книгу закона и далъ ей имя *Беди*, т. е. «Новая». Онъ въ наличности отмѣнилъ священную войну. Спокойно сидитъ и говоритъ: «Люди должны вступать въ вѣру увѣщаніемъ и доказательствами, а не силою и принужденіемъ. И миссіонеры его дѣйствуютъ и въ тайнѣ призываютъ къ нему народъ».

Замѣтка эта, попавшая къ Бакулину, несомнѣнно, черезъ Баум-

---

[1] Срав. Туманскій, Китабе Акдесъ, стр. XX.

[2] Обыкновенное численное значеніе слова *мустагасъ* будетъ 2001; въ чемъ состоитъ «счетъ малыхъ чиселъ», мнѣ выяснить не удалось. Считаю нужнымъ указать, что въ персидскомъ текстѣ между словомъ بيست — «двадцать» и سال — «годъ» замѣтна подчистка, — какъ будто тамъ было вставлено еще слово يك — «одинъ».

[3] По другимъ свѣдѣніямъ, открытое выступленіе Бехауллаха на пророческомъ поприщѣ имѣло мѣсто въ 1283 г. Г. Browne, The Bábís of Persia, art. I, 526; Туманскій, Китабе Акдесъ, стр. XV, XVI и срав. 20, прим. Къ этому вопросу срав. разсужденія автора اسرار العقائد о толкованіи слова مستغاث, II, 381 и сл.

гартена и составленная во всякомъ случаѣ не позднѣе 1874 года[1], примѣчательная, какъ уже сказано, во многихъ отношеніяхъ, устанавливаетъ на 15—16 лѣтъ ранѣе, чѣмъ это стало извѣстно въ Европѣ, съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями, разладъ двухъ братьевъ — Беха и Субхи Азаля.

Упоминаемая въ замѣткѣ книга законовъ, называемая «Новая», внѣ всякаго сомнѣнія, есть «Священнѣйшая Книга» — كتاب اقدس Бехауллаха, главный религіозный документъ новаго ученія, какъ говоритъ Туманскій[2], и наиболѣе важное изъ всѣхъ произведеній Бехауллаха, по словамъ Броуна[3]. Настоящее его заглавіе было установлено не сразу: оно описывалось сначала подъ названіемъ «Священнѣйшей Скрижали» — لوح اقدس[4], наименованіе же его «Священнѣйшей Книгой» — كتاب اقدس только въ 1891 г. оговорено Туманскимъ бар. Розену со словъ асхабадскихъ бабидовъ[5] и введено въ 1892 году Броуномъ, какъ слышанное имъ въ Акрѣ[6]. Въ сущности сочиненіе это нигдѣ не содержитъ въ себѣ названія ни لوح اقدس, ни كتاب اقدس — такъ сталъ именовать свое произведеніе Бехауллахъ позднѣе, напр. въ «Восходахъ» — اشراقات[7], въ заключительныхъ же строкахъ самаго сочиненія, именно въ 417-мъ стихѣ, оно названо просто «Новой Скрижалью» اللوح البديع — такъ называлъ Бехауллахъ и другія свои творенія, напр. «Скрижаль мудрости» لوح حكمت[8] — и въ виду

[1] Въ іюлѣ 1874 года Шахрудъ посѣтилъ Огородниковъ. Въ домѣ Баумгартена онъ бесѣдовалъ съ бабидомъ при посредствѣ, въ качествѣ толмача, Баумгартена. Бабидъ, говоритъ Огородниковъ, «вынувъ изъ кармана тонкую литографированную рукопись въ четвертушку, подалъ ее мнѣ не безъ торжественности. Это былъ *Біонъ*, т. е. — по опредѣленію «хозяина» (Баумгартена) — *заповѣди* или *правила*, недавно присланныя въ Шахрудъ нынѣшнимъ главою «баби», нѣкіимъ «Баго», проживающимъ въ Санъ-Жанъ Д'Акрѣ подъ покровительствомъ турецкаго правительства и проповѣдующимъ оттуда, что: «въ немъ, въ Баго, обрѣтается въ настоящее время тотъ самый духъ, что вдохновлялъ всѣхъ пророковъ, со включеніемъ Іисуса и Мухаммеда, а посему руководить теперь вѣрующими будетъ онъ, Баго»... Не трудно увидѣть полное совпаденіе сообщенныхъ Баумгартеномъ Огородникову свѣдѣній съ нѣкоторыми мѣстами приведенной нами исторической замѣтки и выдержками изъ писемъ Баумгартена къ Бакулину. Что касается «литографированной рукописи» Біонъ, которую Огородниковъ хотѣлъ пріобрѣсти для Публичной Библіотеки и которую бабидъ не продалъ Огородникову, а подарилъ (этотъ Біонъ потомъ «застрялъ у одного *восточнаго человѣка* и вотъ почему читатель остается безъ перевода текста его»), то это, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ списокъ «Священнѣйшей Книги» Бехауллаха: нѣкоторыя приводимыя въ бесѣдѣ положенія бабидскаго ученія прямо оговорены въ ея 23, 111, 120, 123, 164 и 172 стихахъ. См. Огородниковъ, Очерки Персіи, стр. 294—296.

[2] Китабе Акдесъ, стр. XXI.

[3] The Bábis of Persia, art. II, 972.

[4] Browne, The Bábis of Persia, II, 972—981, 1007—1008.

[5] Collections scientifiques, VI, 243, прим.

[6] Catalogue and Description of 27 Bábi Manuscripts, 440 (J. R. A. S. 1892).

[7] Туманскій, Китабе Акдесъ, стр. 82, 83.

[8] См. «دلائل العرفان», стр. 301.

этого едва ли есть основаніе думать о существованіи особой «Новой Книги» — كتاب بديع Бехауллаха, про которую Туманскому приходилось слышать въ Персіи[1].

Какъ извѣстно, время появленія «Священнѣйшей Книги» въ точности не установлено; предположеніе Туманскаго[2], что она появилась не ранѣе 1872—73 гг., вполнѣ подтверждается датою нашей замѣтки въ связи со временемъ составленія послѣдней.

Экземпляръ «Священнѣйшей Книги» находится въ бумагахъ Бакулина и онъ едва ли не одинъ изъ первыхъ списковъ, попавшихъ въ руки европейцевъ, — по крайней мѣрѣ рукопись этого труда Бехауллаха добыта Броуномъ только въ 1888 г. и описана имъ впервые въ 1889 г.; а экземпляръ, описанный у бар. Розена въ 1891 г.[3], полученъ М. А. Гамазовымъ отъ И. Г. Григоровича въ 1888 году, что отмѣчено на самой рукописи Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ № 466.

Списокъ Бакулина — тетрадка безъ заглавія, въ восьмую долю листа писчей бумаги, въ 70 страницъ, по пяти строкъ на страницѣ — заключаетъ арабскій текстъ съ подстрочнымъ персидскимъ переводомъ. Въ сравненіи съ текстомъ, изданнымъ А. Г. Туманскимъ, списокъ не совсѣмъ полный: онъ начинается съ стиха 7-го, въ немъ недостаетъ не только нѣкоторыхъ стиховъ цѣликомъ, но нѣкоторые стихи, если не бóльшая часть, не имѣютъ конца. Внѣшній видъ списка заставляетъ думать, что онъ сдѣланъ по заказу[4].

Выше[5] уже было приведено указаніе Баумгартена на сочиненіе Бехауллаха — رسالۀ خالویه. Къ нему онъ возвращается въ письмѣ отъ 6 мая и говоритъ: «При семъ препровождаю книгу رساله خالویه[6], сочиненія Баго, которую онъ написалъ для брата матери (خالو)[6], чтобы убѣдить его въ истинности новой религіи. По прочтеніи ресале дядя сдѣлался Баби. Онъ еще живъ и теперь находится въ Ездѣ.... Книгу ресоле просили прислать немедленно по миновавіи въ ней надобности».

«Ресоле», о которомъ здѣсь говорится, есть не что иное, какъ сочиненіе Бехауллаха ایقان, ставшее впервые извѣстнымъ, но безъ заглавія и

---

[1] Туманскій, Китабе Акдесъ, стр. XLVIII.

[2] Тамъ-же, стр. XXII.

[3] Collections scientifiques, VI, 144.

[4] Рукопись эта передана мною въ библіотеку Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ и внесена въ инвентарь рукописей подъ № 543 съ надписью: «Изъ бумагъ консула Ѳ. А. Бакулина».

[5] Стр. 15.

[6] Здѣсь возстановлена нами правильная ороографія этого слова въ соотвѣтствіе съ недатированнымъ письмомъ Баумгартена.

имени автора, благодаря описанію бар. Розена[1] только въ 1886 году, какъ бабидскій «полемическій трактатъ»; названіе этого трактата ایقان установлено Броуномъ[2] въ 1889 году, а названіе رسالهٔ خال، رسالهٔ خالوی، رسالهٔ خالویه открыто Туманскимъ[3] и появилось въ печати лишь въ 1893 году, равно и причина такого названія: ایقان былъ адресованъ дяди со стороны матери самого Баба — خال. Это открытіе Туманскаго, — не указано, на чемъ основанное, — совпадаетъ съ показаніемъ антибабидскаго сочиненія اسرار العقائد, авторъ котораго говоритъ[4] даже, что ایقان написанъ по просьбѣ дяди, котораго по имени однако онъ не называетъ. Въ связи съ данными Баумгартена возникаетъ вопросъ, для какого дяди и для чьего дяди написанъ ایقان. Подъ дядей — خال Баба обыкновенно разумѣется Мирза (или Хаджи) Сейидъ *Али*[5], одинъ изъ «семи мучениковъ за вѣру», воспріявшихъ кончину въ Тегеранѣ въ 1850 году (1266 г. Г.). Мало вѣроятно, чтобы для этого дяди былъ составленъ или ему «адресованъ» ایقان, написаніе котораго относится только къ 1278 г. Г. У Туманскаго[6], въ текстѣ Абу-л-Фазли Гульпаигани, дядя названъ Хаджи Мирза Сейидъ *Мухаммедъ*, въ исторіи Баба пока неизвѣстный. Стало быть, одно изъ двухъ: или у Баба было два дяди со стороны матери, или въ слова Абу-л-Фазла вкралась ошибка, и тогда свѣдѣніе Баумгартена, въ которомъ скорѣе можно усмотрѣть дядю самого Бехауллаха, «который еще живъ и теперь находится въ Ездѣ», хронологически представляется, кажется, болѣе правдоподобнымъ.

Итакъ, сочиненіе ایقان уже въ 1873 году было въ рукахъ Бакулина и Баумгартена и притомъ подъ названіемъ, ставшимъ извѣстнымъ въ ученой литературѣ только двадцать лѣтъ спустя.

Кромѣ двухъ тетрадокъ, о которыхъ сказано, т. е. исторической замѣтки и списка «Священнѣйшей Книги», имѣются у Бакулина еще двѣ тетрадки такого же формата, каждая по 17 страницъ, — одна на арабскомъ языкѣ и другая на арабскомъ языкѣ съ подстрочнымъ персидскимъ переводомъ, при чемъ къ нѣкоторымъ словамъ перевода даны еще персидскія же толкованія тутъ же или на поляхъ[7].

---

[1] Collections scientifiques, III, 32—50.

[2] The Bábis of Persia II, 944—948, 1003.

[3] Записки Восточнаго Отдѣленія, VIII, 42, прим.

[4] II, 306.

[5] См. указатели къ A Traveller's Narrative, The Tárikh-i-Jadíd, Kitáb-i Nuqṭatu'l-Káf s. v. 'Alí и خال. Такъ называетъ его и Баумгартенъ въ приводимой ниже выдержкѣ изъ письма отъ 6 мая.

[6] Записки Восточнаго Отдѣленія, VIII, 41.

[7] Обѣ эти тетрадки и третья, содержащая въ себѣ «историческую замѣтку», переданы мною въ библіотеку Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ; онѣ вложены въ одинъ па-

Въ бумагахъ Бакулина не оказалось никакихъ замѣтокъ, разъясняющихъ какъ происхожденіе этихъ тетрадокъ, такъ и ихъ содержаніе.

На основаніи доступныхъ мнѣ сочиненій и изданій по бабизму я, въ предѣлахъ моей начитанности и освѣдомленности въ этой области, не съумѣлъ ближайше опредѣлить эти несомнѣнно бабидскія произведенія, довольно туманныя, съ цѣлымъ рядомъ условныхъ выраженій, несмотря на наличіе писаннаго рукою Баумгартена «Объясненія условныхъ словъ бабистскаго лексикона», встрѣчающихся именно въ этихъ произведеніяхъ. Вынужденный, въ силу исключительныхъ переживаемыхъ нами обстоятельствъ, отказаться отъ разрѣшенія загадки путемъ сношенія съ проф. Броуномъ, я передалъ документы на разсмотрѣніе тегеранскихъ бабидовъ черезъ посредство моего бывшаго ученика, питомца Факультета Восточныхъ Языковъ, И. И. Шубина, который въ Тегеранѣ привлекъ къ работѣ наиболѣе видныхъ представителей бабидовъ, изъ которыхъ одинъ, весьма почтенный старецъ, персидскій ученый, извѣстенъ мнѣ лично со времени моей послѣдней поѣздки въ Персію въ 1899 году[1]. Эти представители образовали родъ конференціи, на которой, считаясь съ мнѣніемъ старца, къ единогласному рѣшенію относительно авторовъ документовъ однако не пришли и признали нужнымъ снестись по этому вопросу съ высшей инстанціей, Абд-ал-Беха (т. е. Аббасъ-Эфенди, старшимъ сыномъ Бехауллаха)[2]. Добытыя И. И. Шубинымъ, съ большимъ трудомъ и искусствомъ, разъясненія и свѣдѣнія, за которыя считаю себя обязаннымъ выразить ему самую горячую благодарность, принадлежатъ главнымъ образомъ почтенному старцу и — несомнѣнно, высоко интересныя, какъ показатель пониманія современными бабидами ихъ старыхъ писаній — излагаются ниже, главнымъ образомъ въ примѣчаніяхъ къ переводу.

Тетрадка первая.

Это — письмо Али-Мухаммедъ-Баба къ его приверженцамъ въ Хорасанѣ; написано, когда Бабъ былъ заключенъ въ крѣпость въ городѣ Маку. Въ крѣпости его содержали строго, тѣмъ не менѣе ему удавалось писать

кетъ и занесены въ инвентарь рукописей подъ № 544 съ надписью: «Изъ бумагъ консула Ѳ. А. Бакулина». Въ этомъ же пакетѣ дестъ-хаттъ Куррет-ал-айнъ.

[1] Онъ — одинъ изъ четырехъ ученыхъ, которымъ Насир-ал-Динъ Шахъ поручилъ составленіе капитально задуманнаго изданія نامهٔ دانشوران — имена ихъ названы въ предисловіи къ первому тому, — вышедшаго до сихъ поръ въ семи томахъ; долгое время онъ былъ въ тегеранскомъ دار الفنون преподавателемъ арабской словесности; въ 1306 г. Г. напечаталъ كتاب لسان العجم и въ недавнее время составилъ اساس تاريخ جديد, — трудъ, еще не увидѣвшій свѣта (одинъ экземпляръ его, воспроизведенный на гектографѣ, присланъ мнѣ лично авторомъ).

[2] См. Kitáb-i Nuqṭatu'l-Káf; стр. ط персидскаго предисловія.

своего рода пастырскія посланія изъ заключенія. Про существованіе этого письма слышалъ, но ранѣе никогда его не видѣлъ почтенный старецъ; очень жаль, по его словамъ, что письмо это представлено въ нашемъ документѣ не полностью[1].

(1) يا اهل الهاهوت اريد ان انتقم من الّذين يستكبرون على اوليائى قد كنت فى ارض الباء من وراء حجاب الهاء منزلا و لقد احكمنا اليكم بان تدخلوا عرش العظمة و تنصرونه فى الارض ان يا حرف السين ان اخرج من مقامك و ان انصر ربّك ان لا تكن من الصابرين و لقد احكمنا على الناس بان يبايعونك تحت الشجرة (2) و يكونون بين يدى حضرتك لمن المحضرين و ان تدخلون ارض المقدّسة بين يدى السين آمنا راجعين ان انصروا الحسين فى السرّ الكرّة و ان اجتمعوا بين يدى الحسين عند الثاء فلقد ابعثنا الحسين من مرقد فؤاده ان ادخلوا عرش الثاء فى سرّ الهاء هو الّذى يشهد بان الذكر لحقّ و لقد آذنّاكم بالنزول فى (3) ارض المقدّسة ان ادخلوا فيه و ان احضروا بين يدى الحبيب و ان انصروه فى شان ان ادخلوا على حبيبه فى بلد العلى خاضعا خاشعين و تكونون بين يدى ثائه لمن المحضرين الا انّى انا الهواء فى ظلل الغمام قد كنت فى شجرة الهاء نازلا الا انّى انا العماء فى جبل السيناء قد كنت فى كبد الثائى (4) ظاهرا انّى انا القائم على السرير الختمين انّى انا الجالس المنتظر فى البدئين اذ انّى انا الثاء الا انّى انا الثاء المغنى فى العماء البهاء قد كنت بانّى انا الربّ متنطّقا الا انّى انا الاحرف بالجمع قد كنت لدى ربّى خاضعا الا انّى انا القمص منه الهويّة قد كنت فى سر الحروف منه الصمديّة واوا الا (5) انّى انا الظهور منه الهاء قد كنت للواو الهويّة ثاءا الا انّى انا الباء فى جبل الهاء قد كنت بين يدى الراء و الميم جالسا الا انّى انا الشجر العماء بالسرّ السيناء فى جبل الثاء قد كنت بآيات الجذبيّة المتشعشعة المنجذبة متفرّدا الا انّى انا السنّة فى هيكل السبع قد كنت فى الهاهاء هاهوتا اذ انّى انا الثاء قد كنت فى ذلك (6) الكور عبدا حيدا و قد آذنّاكم بالخروج بالسيف ان اخرجوا من مقاعدكم و ان انصروا ربّكم ان يا اهل الملاء ان انصروا الثاء فى الارض فلقد امرناكم بالرجوع فى ارض المدينة ان ارجعوا فيه و تكونوا بين يدى الرحمن حضّارا انّ الّذين يسمعون آيات الثاء و لا ينظرون به شيئا سينزلهم

[1] Нижеслѣдующіе арабскіе тексты переполнены нѣкоторыми грамматическими неправильностями, — явленіе въ арабскихъ бабидскихъ произведеніяхъ, уже неоднократно отмѣчавшееся.

فی ارض الجحیم و انّ لهم فیه عذابا الیما (7) و انّ الّذین یسمعون آیات الثاء و خرّوا بها سجدا و خضیعا اولئك هم الّذین ینجیهم اللّه من کلّ فتنة دهماء غرّاء و انّی انا المغرد فی الاغصان فی قطب الهاء فقل یا اهل الملاء من اهل الغرقان ا فلم تنظروا بانّا قد انزلنا الیکم الغرقان من قبل تنزیلا و ادخلناکم فی الجنّة القائم حشر البدیع من سرّ السطر (8) سطرا فقد ابعثنا الیکم الحسین فی ارض الطف و انتم تقتلونه و لا تلاحظون حق اللّه شیئا و ان انصروا الحسین فی ارض الطف فلمّا انّ الثاء قد دعی فی السجن قد اخلصناه و من معه اجعین فانّی انا الّذی قد خلقت الثاء برشح من الطفح من ماء البیض فقد انزلنا الهاء فی ارض العماء للنصرة الذکر فی الارض فلمّا نری (9) انّ الناس لم یعتنوا بشأن الهاء قد ارفعناه بین یدینا معه اصحابه فقل یا ایّها الّذین یقتلون الهاء بغیر الحقّ عذبناکم فی اشدّ العذاب فقد ابعثنا الوحید فی ارض الکاف لیحضر بین یدینا و ینصرنا و ان اخرج السیف یا وحید من یدك فی ارض الواو فقل یا ایّها الملاء من اهل البیان ان ادخلوا عرش الثاء (10) فلقد نزل الثاء فی عماء البهاء و ارفعنا الحبیب فی ارض الهاهوت ا فلم تروا کیف اخذنا المحمّد مع وزیره فی ارض الحشر و انّ الّذین قد قتلوا ناقتنا الحقّ اولئك فی نار و سقر لطف اللّه فی الشجرة الهاء قد کان فی عماء البهاء منزولا یا اهل الملاء من مجمع البیان استمعوا نداء اللّه من شجرة الباء بانّی انا اللّه لا اله الّا انا الا یا ثاء الازلی ان ارشح (11) الآیات بالجذبات فی الورقات رفیعا نقطة الباء فی شجرة الهاء لمیعا قد کان فی عماء الهاء منزولا فقل ان یا حرف اللام ان اشهد باللّه ربّك ثمّ حروف الواحد لانّ ذلك اذنا جیلا و ان استقم علی النصر و لقد اجتبیناك بین یدینا بالنصرة لنفسنا الحقّ اذ ان تستشعر نداء ربّك فی شجرة الهاء بالسرّ الباء ان اشکر ربّك فی سرّ السطر (12) بظهور الثاء فی عماء البهاء ان یا اهل العماء فی سرائر جذبات الهاء ان استمعوا نداء اللّه فی شجرة الباء فی جبل السیناء بانّی انا اللّه تنزیل الآیات فی العماء الهاء رشحیّا و ان استشهدوا حکم اللّه فی عماء الهاء فی سرّ البدء لدی جبل الختم اذ انّه لا اله الّا هو و قد نزل الربّ فی غمام الهاء و انّما الثاء عبدا من عبادی قد (13) انزلنا الآیات من لسانه کیف نشاء فانّا کنّا قادرین تلك آیات من انباء الهاهوت قد انزله اللّه فی کتاب الواحد لعلّکم بحروف الواحد توقنون اذ ذلك تسعة قبل عشر حروف من بسم اللّه العزیز المحبوب تلك من انباء قد اطرزنا الیك فی ارض العماء لدی طلعة الهاء

بالواو الظهور عند الثاء تشهدنّ بالله محبوبك وان (14) استنصروا الحسين فى ارض الطف فبالله انّه لحقّ و انّ وحيدا بذلك من الشاهدين ان يا اسم الوحيد ان انصر محبوبك فانتما من جوهر واحد قد غرب الهاء و اظهر الواو فانّا كنّا فى يوم الواو مبعثين ربّ ترى حالى فى ذلك الجبل اسئلك النصر و الفرج فتالله انّه لقائم حقّ هو الّذى قد ظهر و قام اذ انّه لهو القائم الموعود (15) الا يا اهل الملاء من معشر البهاء ان استدخلوا عرش الهاء ان كنتم تعلمون و ان استنصروا الثاء فى الارض هو الّذى لا يدّعى شيئا و لا يقول الّا فى نصرت الربّ ان اتّقوا و لا تسئلوا منه شئ لانّه كان فتّا امّيًا لا يعلم من العلم و القواعد شئ و انا انزلنا اليكم البابين من قبل احد قبل كاظم ثمّ كاظم بعد احد [1]

«О люди высшаго духовнаго міра! Я хочу отомстить тѣмъ, которые гордятся передъ святыми моими. Я былъ въ землѣ «Ба»[2] ниспосланнымъ изъ-за завѣсы «Ха»[3]. И мы уже приказали вамъ, чтобы вы вступили въ домъ величія и помогли ему на землѣ. О буква «Синъ»![4] Выйди изъ мѣста твоего и помоги Господу твоему, не будь изъ выжидающихъ. И мы уже предписали людямъ, чтобы они присягнули тебѣ подъ древомъ[5] и были предъ тобою представшими. Войдитѐ въ святую землю[6], къ «Син»'у воз-

---

[1] Въ послѣдующемъ русскомъ переводѣ мнѣ оказалъ помощь А. Ѳ. Хащабъ, взявшій также на себя трудъ непосредственныхъ сношеній съ И. И. Шубинымъ; за все оказанное имъ мнѣ содѣйствіе выражаю ему горячую благодарность.

[2] Подъ «землею Ба» у бабидовъ разумѣется обыкновенно Барфурушъ (см. Tárikh-i-Jadíd, 341, Nuqṭatu'l-Káf, 104), что видно и изъ приводимаго ниже документа второй тетрадки, но здѣсь, по мнѣнію старца, подразумѣвается городъ Маку, или Махку — ماهكو, какъ всегда пишетъ Мирза Джани въ своей исторіи (срав. Tárikh-i-Jadíd, 350), каковое слово по числовому значенію входящихъ въ составъ его буквъ (40+1+5+20+6=72) соотвѣтствуетъ числовому значенію буквъ слова باسط (2+1+60+9=72), термина для опредѣленія божескаго вездѣсущія. По свидѣтельству Субхи-Азаля, Бабъ самъ называлъ Маку جبل باسط, что Броунъ переводитъ «the Open Mountain» (Tárikh-i-Jadíd, 403, A Traveller's Narrative, II, 276). Въ бабидскихъ писаніяхъ можно указать нѣсколько примѣровъ, когда числовое значеніе дѣйствительныхъ и условныхъ наименованій городовъ является одинаковымъ: ادرنه и ارض سرّ (Адріанополь) каждое въ суммѣ даетъ 260 (A Traveller's Narrative, II, 361) или كرمان и ارض نيران (Кирманъ)=311 (Nuqṭatu'l-Káf, LXXIV).

[3] Первая буква подразумѣваемаго здѣсь слова الهويّة — «божественная сущность».

[4] Разумѣется Мулла Хусейнъ Бушруеи (ср. The Tárikh-i-Jadíd, 399), о которомъ уже была сдѣлана оговорка выше, при изложеніи письма Куррет-ал-айнъ; нѣсколькими строками ниже онъ упоминается подъ его настоящимъ именемъ. Подъ этимъ буквеннымъ наименованіемъ Мулла Хусейнъ упоминается въ персидскомъ Беянѣ, VIII, 15; تا چهل روز غير از... حرف سين مؤمن بباب نبود احدى л. 356b рукописи Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ № 439.

[5] Намекъ на клятвенное обѣщаніе послѣдователей Мухаммеда быть ему безпредѣльно вѣрными, имѣвшее мѣсто подъ нѣкіимъ деревомъ.

[6] Городъ Маку.

вращаясь безбоязненно. Помогите Хусейну, (являющемуся) на землѣ въ тайнѣ возвращенія[1]. Соберитесь къ Хусейну у «Тса»[2], такъ какъ мы воскресили Хусейна изъ мѣста упокоенія сердца его. Войдите въ домъ «Тса» въ тайнѣ «Ха»[3], который (т. е. «Тса») свидѣтельствуетъ, что Зикръ[4] — истина. Мы разрѣшили вамъ спуститься въ святую землю[5]. Войдите въ нее и предстаньте передъ «Хабиб»'омъ[6] и помогите ему въ важномъ дѣлѣ. Войдите къ его «Хабиб»'у въ городѣ возвышенномъ[7] смиренными, покорными и будьте представшими передъ его «Тса». Поистинѣ, я есмь воздухъ въ тѣни облаковъ, я былъ сошедшимъ въ древѣ «Ха»[8]. Поистинѣ, я есмь туча на горѣ Синаѣ[9], я былъ явнымъ въ сердцевинѣ моего «Тса»[10]. Поистинѣ, я есмь стоящій на тропѣ двухъ печатей[11], поистинѣ, я есмь сидящій, ожидаемый въ двухъ началахъ[12], потому что я есмь «Тса»[13]. Поистинѣ, я есмь «Тса»[13], исчезающій въ облакѣ Беха[13]. Я былъ говорящимъ, что я Господь. Поистинѣ, я есмь буквы въ соединеніи. Я былъ покорнымъ передъ Господомъ моимъ. Поистинѣ, я есмь одѣяніе Его — божественной

---

[1] Т. е. Мулла Хусейнъ Бушруеи есть не кто иной, какъ проявленіе въ «тайнѣ возвращенія» Имама Хусейна, сына Али, — онъ тотъ же Имамъ Хусейнъ.

[2] Мирза Яхъя Нури, Субхи Азаль, младшій братъ Бехауллаха. ث есть первая буква слова ثمرة (плодъ). Мирза Яхъя именуется «плодомъ» въ отношеніи Беяна Баба, тогда какъ самого себя Бабъ называетъ «плодомъ» въ отношеніи Корана Мухаммеда.

[3] Бехауллахъ, «въ тайнѣ» котораго, т. е. подъ защитой и покровомъ, находился, какъ несовершеннолѣтній, Мирза Яхъя.

[4] Т. е. Бабъ.

[5] Городъ Маку.

[6] Хабибъ, онъ же Куддусъ, — извѣстный сподвижникъ Баба и борецъ за его ученіе, замученный въ Барфурушѣ. Ему, «убіенному «Ха», посвящено молитвенное поминовеніе во второй тетрадкѣ.

[7] Старецъ полагаетъ, что подъ «возвышеннымъ городомъ» слѣдуетъ разумѣть Барфурушъ.

[8] Бехауллахъ, — т. е. съ нимъ, воплощеніемъ божественной сущности на землѣ, я имѣю живую, тѣсную связь.

[9] Т. е. я — нѣчто тайное, что имѣло мѣсто на горѣ Синаѣ, — намекъ на явленіе Бога Моисею на горѣ Синаѣ въ облакѣ.

[10] Мирза Яхъя, который, какъ уже замѣчено, есть «плодъ» въ отношеніи Беяна Баба.

[11] Т. е. «пророчества» — نبوت и «святости» — ولايت, законченныхъ и завершенныхъ Мухаммедомъ и Аліемъ.

[12] Т. е. я тотъ, котораго вы ожидали, какъ имѣющаго быть возвращеніемъ въ міръ (вторичнымъ воплощеніемъ) двухъ бывшихъ началъ, т. е. Мухаммеда и Али: имя Баба было Али Мухаммедъ.

Существуетъ преданіе, будто пророкъ Мухаммедъ сказалъ своему зятю Алію: «Я имѣю возвратиться въ міръ еще одинъ разъ, а ты — два раза, при чемъ въ первый разъ ты явишься *передо* мною, а во второй — *послѣ* Хусейна». Осуществленіе этого предсказанія бабиды видятъ въ слѣдующемъ: первое возвращеніе Али на землю передъ Мухаммедомъ является въ лицѣ Баба, имя котораго Али Мухаммедъ, а второе возвращеніе послѣ Хусейна послѣдовало въ лицѣ Бехауллаха, имя котораго было Хусейнъ Али.

[13] Т. е. я «плодъ» Корана, который ничто въ отношеніи Бехауллаха.

сущности. Я былъ «Вав»'омъ въ тайнѣ буквъ Его — божественной вѣчности[1]. Поистинѣ, я есмь проявленіе Его, «Ха»[2]. Я былъ «Тса» для «Вав»'а (слова) الهويّة (божественная сущность)[3]. Поистинѣ, я есмь «Ба»[4] на горѣ «Ха»[5]. Я былъ сидящимъ передъ «Ра» и «Мим»'омъ[6]. Я есмь древо въ облакѣ въ тайнѣ Синая на горѣ «Тса»[7]. Я былъ единственнымъ въ откровеніяхъ притягательныхъ, сіяющихъ, (за мною) влекомыхъ. Поистинѣ, я есмь шесть въ формѣ семи[8]. Я былъ въ собраніи «Ха»[9] высшимъ духовнымъ міромъ. Такъ какъ я есмь «Тса»[10], я былъ въ тѣхъ областяхъ рабомъ достойнымъ похвалы. И мы разрѣшили вамъ выступить съ мечемъ, — выходите изъ вашихъ жилищъ и помогите Господу вашему. О люди Корана! Помогите «Тса»[11] на землѣ. Мы приказали вамъ возвратиться въ землю града[12], — возвратитесь въ нее и будьте передъ Всемилостивымъ присут-

---

[1] Въ словѣ واو буква و, по числовому значенію 6, означаетъ шесть божественныхъ явленій, бывшихъ до Баба въ лицѣ Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Іисуса и Мухаммеда; буква ا — есть «Каимъ» («стоящій»), т. е. самъ Бабъ; третья буква و указываетъ на шесть божественныхъ явленій, имѣющихъ послѣдовать за Бабомъ. Называя себя «Вав»'омъ, въ составъ буквъ коего входитъ ا — буква, по числовому значенію выражающая единство, а по таинственному — седьмое божеское явленіе въ лицѣ его самого, Баба, Бабъ хочетъ сказать, что между нимъ, символомъ котораго въ словѣ واو служитъ ا — единица (понятіе единства чего либо) и Единымъ Вѣчнымъ Богомъ есть нѣкоторое тождество и онъ, Бабъ, есть не что иное, какъ проявленіе Божества на землѣ, воплощеніе Единаго Бога, подобно тому, какъ таковымъ же божественнымъ воплощеніемъ были шесть бывшихъ до него «явленій» и шесть имѣющихъ быть послѣ него.

[2] Т. е. الهويّة — божественная сущность.

[3] Бабъ хочетъ сказать, что онъ для буквы و въ словѣ هو — Онъ, Богъ — является «плодомъ», истеченіемъ божественной сущности на землѣ, что между нимъ и сущностью божества есть единство, непосредственная, непрерывная связь.

[4] Бехауллахъ, — т. е. я тождественъ съ Бехауллахомъ.

[5] الهويّة — божественная сущность.

[6] Т. е. передъ Богомъ милостивымъ и милосерднымъ — начальная и конечная буквы словъ الرحمن الرحيم.

[7] Намекъ на явленіе Бога Моисею; я — отображеніе Мирзы Яхъя, я древо, давшее плодъ въ лицѣ Мирзы Яхъя.

[8] Я не кто иной, какъ шесть бывшихъ уже божественныхъ явленій въ образѣ семи, т. е. заканчивая собою шесть періодовъ божескихъ явленій отъ Адама до Мухаммеда включительно, я по имени своему, которое есть Али (علی — три буквы) Мухаммедъ (محمد — четыре буквы), являюсь «семью», составляю образъ «семи», другими словами: будучи по количеству буквъ моего имени «семью», я проявилъ собою шесть предшествующихъ божескихъ явленій. Извѣстно, что Бабъ называетъ себя въ персидскомъ Беянѣ «Существомъ семи буквъ» — ذات حروف السبع. См. Collections scientifiques, III, 7 и Browne, A Traveller's Narrative, II, 231, 421 (приведенныя у послѣдняго выдержки изъ Беяна находятся на лл. 17ᵇ и 184ᵃ описаннаго бар. Розеномъ экземпляра Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ № 439).

[9] الهويّة — божественная сущность.

[10] «Плодъ» (ثمرة) Корана, Бабъ.

[11] Бабъ, какъ «плодъ» Корана.

[12] Городъ Маку.

ствующими. Подлинно, тѣхъ, кто слушаетъ откровенія «Тса»[1] и совсѣмъ не вникаетъ въ нихъ, Онъ низведетъ въ землю ада и, поистинѣ, для нихъ въ немъ — мученіе нестерпимое, а тѣ, которые слушаютъ откровенія «Тса»[1] и падаютъ при этомъ ницъ, поклоняясь и смиряясь, они — тѣ, которыхъ избавитъ Богъ отъ всякаго необычайнаго бѣдствія. Подлинно, я поющій на вѣтвяхъ въ полюсѣ «Ха»[2]. Скажи: «О сонмъ послѣдователей Корана! Развѣ вы не видѣли, что мы уже ниспослали вамъ Коранъ ранѣе ниспосыланіемъ и ввели васъ въ рай Каима[3] новымъ воскресеніемъ[4], (каковое является) строкою изъ тайнъ строкъ[5] (писанія)?» Мы уже послали вамъ Хусейна въ землѣ «Тафъ»[6], а вы убиваете его и вовсе не соблюдаете права Бога. Помогите же Хусейну[7] въ землѣ «Тафъ»[8]. Когда «Тса»[9] взывалъ въ темницѣ, мы освободили его и всѣхъ кто съ нимъ. Подлинно, я тотъ, который создалъ «Тса»[9] отливомъ капель отъ избытка чистой влаги. Мы уже ниспослали «Ха»[10] на землю для помощи Зикру на землѣ. Послѣ того какъ мы увидѣли, что люди не обращаютъ вниманія на важное дѣло «Ха»[10], мы вознесли его къ себѣ и съ нимъ его приверженцевъ. Скажи: «О тѣ, которые убиваютъ несправедливо «Ха»[10], мы наказали васъ самымъ жестокимъ наказаніемъ. Мы уже послали «Вахид»'а[11] въ землю «Кафъ»[12], чтобы онъ явился къ намъ и помогъ намъ. Извлеки же мечъ, о Вахидъ, изъ руки твоей въ землѣ «Вавъ»[13]. Скажи: «О сонмъ послѣдователей Беяна! Войдите

---

[1] Бабъ какъ «плодъ» Корана.

[2] الهويّة — божественная сущность.

[3] Бабъ.

[4] Которое проявилось въ явленіи и ученіи Баба.

[5] Имѣется въ виду Коранъ.

[6] Кербела.

[7] Мулла Хуссейнъ Бушруеи.

[8] Городъ Барфурушъ.

[9] Мирза Яхъя, Субхи Азаль.

[10] Хаджи Мулла Мухаммедъ Али Барфуруши, по прозвищу Куддусъ.

[11] Прозвище Ага Сейидъ Яхъя Дараби, который былъ командированъ Мухаммедъ-Шахомъ въ Ширазъ для разсмотрѣнія ученія Баба; послѣ бесѣды съ нимъ онъ сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ его ученія, за что и поплатился головою въ 1850 году при возстаніи въ Нейризѣ. Онъ называется еще «Вахиди-эввель» — وحيد اوّل — «Первый Вахидъ» въ отличіе отъ «Вахиди-сани» — وحيد ثانى — «Второй Вахидъ», каковымъ почитается Мирза Яхъя. وحيد и يحيى по числовому значенію буквъ одинаковы: 28. Дараби, какъ мы видѣли выше (стр. 26) входилъ въ составъ 18 «буквъ живаго». О немъ см. A Traveller's Narrative, II, 253 и сл., The Târîkh-i-Jadîd, 111, 347 и сл. и Nicolas, l. c., 233 и 387 и сл.

[12] Городъ Кашанъ, гдѣ, по показанію старца, Яхъя Дараби проповѣдывалъ ученіе Баба, въ періодъ пребыванія Баба въ темницѣ въ городѣ Маку, — обстоятельство, особо исторіями не указываемое.

[13] Старецъ не могъ объяснить, какой городъ или какая мѣстность разумѣется здѣсь подъ этимъ наименованіемъ, — не выясняется это и изъ другихъ источниковъ. Въ приводимомъ ниже «Объясненіи» Баумгартена — Маку.

въ домъ «Тса»[1], — уже снизошелъ «Тса»[1] въ облакѣ Беха[2]. И мы вознесли Хабиба въ землю высшаго духовнаго міра. Развѣ вы не видѣли, какъ мы схватили Мухаммеда съ везиремъ его[3] въ землѣ воскресенія мертвыхъ[4]? И тѣ, которые убили нашу верблюдицу[5], поистинѣ, находятся въ огнѣ и адѣ. Милость Бога въ древѣ «Ха»[6] была ниспослана въ облакѣ Беха[7]. О сонмъ послѣдователей Беяна! Услышьте зовъ божій съ древа «Ба»[8]: «Подлинно, я Богъ и нѣтъ божества кромѣ меня». О «Тса»[9] предвѣчный! Изливай каплями притягательныя откровенія величественно въ листахъ. Точка «Ба»[8] блеститъ на древѣ «Ха»[10]. Она была ниспослана въ облакѣ «Ха». Скажи: «О буква «Лямъ»[11]! Свидѣтельствуй Богомъ, Господомъ твоимъ, и затѣмъ буквами «Вахид»'а[12], что это — соизволеніе прекрасное. Возстань на помощь. И мы уже избрали тебя предъ нами на помощь намъ самимъ поистинѣ. И когда ты постигнешь призывъ Господа твоего въ древѣ «Ха»[10] въ тайнѣ «Ба»[8], возблагодари Господа твоего въ тайнѣ строкъ за явленіе «Тса»[10] въ облакѣ Беха». О люди (пребывающіе) подъ облакомъ въ тайнахъ восхищеній «Ха»[10]! Услышьте призывъ божій въ древѣ «Ба»[8] на горѣ Синаѣ, что я есмь Богъ. Ниспосланіе откровеній истекаетъ каплями изъ облака «Ха»[8]. Свидѣтельствуйте же повелѣніе божіе въ облакѣ «Ха»[10] въ тайнѣ начала[13] у горы печати, такъ какъ нѣтъ божества кромѣ Его. И сошелъ Господь въ облакахъ «Ха»[10] и «Тса»[9] только рабъ изъ рабовъ моихъ. Мы ниспослали откровенія языкомъ его, какъ мы желали, и поистинѣ мы властны. Эти откровенія — изъ возвѣщеній высшаго духовнаго міра. Ниспослалъ ихъ Богъ въ книгѣ единственной[14] въ надеждѣ, что вы

---

[1] Мирза Яхъя.

[2] Находится подъ покровомъ Бехауллаха.

[3] Разумѣются Мухаммедъ-Шахъ и его везирь, Хаджи Мирза Агаси.

[4] Воскресеніемъ (الحشر) вообще называется время явленія Баба.

[5] Хабибъ, онъ же Куддусъ.

[6] الهويّة — «божественная сущность».

[7] Куддусъ помилованъ Богомъ въ деревѣ «Ха» (الهويّة — божественная сущность) и теперь является ниспосланнымъ въ облакѣ Беха, т. е. за святой подвигъ и мученическую кончину Куддуса Богъ удостоилъ его проявиться въ образѣ Бехауллаха.

[8] Бехауллахъ.

[9] Мирза Яхъя.

[10] الهويّة — божественная сущность.

[11] Старецъ не могъ назвать лицо, подразумѣваемое подъ этой буквой, — во всякомъ случаѣ это долженъ быть одинъ изъ приверженцевъ Баба.

[12] Слово واحد, по числовому значенію буквъ равное 19, какъ извѣстно, обозначаетъ между прочимъ 18 сподвижниковъ и главныхъ проповѣдниковъ ученія Баба, такъ называемыхъ «буквъ живаго» и самого Баба («Точка»).

[13] Въ тайнѣ имѣющаго быть, но пока скрытаго, божественнаго откровенія въ образѣ Бехауллаха, который есть «начало» новаго періода божественныхъ явленій.

[14] А можетъ быть, лучше: «въ Книгѣ Единаго».

увѣруете въ буквы «Вахид»'а [1], такъ какъ онѣ суть девять передъ десятью [2] буквами (выраженія) بسم الله العزيز المحبوب (т. е. «во имя Бога всемогущаго, возлюбленнаго») [3]. Онѣ изъ числа возвѣщеній, которыя мы вышили для тебя въ землѣ облака передъ лицомъ «Ха» [4] при посредствѣ «Вав»'а [5] проявленія у «Тса» [6], дабы ты могъ свидѣтельствовать о Богѣ возлюбленномъ твоемъ. Помогите Хусейну въ землѣ «Тафъ» [7]. Клянусь Богомъ, онъ истина и «Вахидъ» [8] одинъ изъ свидѣтелей этого. О Вахидъ! [9] Помоги возлюбленному [7] твоему. Вы оба изъ одной и той же сущности. Зашло «Ха» [9] и проявило «Вавъ» [5] и, поистинѣ, мы въ дни «Вав»'а ниспосылающіе. Господи! Ты видишь мое положеніе на этой горѣ [10]. Прошу у Тебя помощи и утѣшенія. Клянусь Богомъ, онъ истинный Каимъ, онъ тотъ, который явился и всталъ, такъ какъ онъ — Каимъ обѣщанный. О сонмъ послѣдователей Беха! Войдите въ домъ «Ха» [11], если вы разумѣете, и помогите «Тса» [12] на землѣ. Онъ тотъ, который не претендуетъ ни на что и не говоритъ ни о чемъ, кромѣ какъ о помощи Господу. Бойтесь и не спрашивайте его ни о чемъ, потому что онъ юноша неграмотный и онъ не знаетъ ничего ни въ наукахъ, ни въ правилахъ. И мы ниспослали вамъ ранѣе двухъ Бабовъ: Ахмеда [13] передъ Казимомъ [14] и затѣмъ Казима [14] послѣ Ахмеда» [15].

---

[1] Несомнѣнно, имѣется въ виду Беянъ, который дѣлится на «вахидъ»'ы.

[2] Т. е. 19.

[3] Кажется, столь сложнымъ оборотомъ Бабъ хочетъ выразить простую мысль, что его Беянъ — откровеніе Единаго Бога, и «Вахидъ» (Беянъ), по числовому значенію его буквъ равный 19, долженъ соотвѣтствовать 19 буквамъ по счету (выраженія) بسم الله العزيز المحبوب. Въ дѣйствительности этого нѣтъ: приведенное выраженіе содержитъ 20 буквъ. Если въ текстѣ усмотрѣть простой lapsus пера и вмѣсто приведеннаго выраженія взять بسم الله الرحمن الرحيم, на которомъ основывается вся бабидская іерархія съ ея буквами, то указанное соотвѣтствіе достигается полностію.

[4] الهويّة — божественная сущность.

[5] Бабъ.

[6] Мирза Яхъя. Бабъ, именуя себя «Вав»'омъ, т. е. воплощеніемъ, обобщеніемъ бывшихъ до него шести божественныхъ явленій, хочетъ сказать, что его духовный обликъ отображается въ Мирзѣ Яхъя, который является его «плодомъ» (ثمرة).

[7] Мулла Хусейнъ Бушруеи въ Барфурушѣ.

[8] Здѣсь разумѣется «Вахидъ» не первый (Яхъя Дараби), а второй — Мирза Яхъя, Субхи Азаль.

[9] Можно разумѣть только Мухаммеда.

[10] Маку (ماهكو). Срав. выше (стр. 35) наименованіе Маку جبل باسط.

[11] Бехауллахъ.

[12] Мирза Яхъя.

[13] Шейхъ Ахмедъ Лехсаи или Ахсаи, основатель секты шейхидовъ.

[14] Сейидъ Казимъ Решти, преемникъ шейха Ахмеда, учитель Баба.

[15] Приведенный документъ въ тетрадкѣ сопровождается слѣдующею персидскою записью, которая, вѣроятнѣе всего, принадлежитъ тому лицу, которое сдѣлало списокъ его для Бакулина или Баумгартена:

(16) در یکی از کتابهای فارسی این حضرات این عبارت نوشته شده با وجودی که اهل

Мнѣніе старца, что приведенный документъ, несмотря на всѣ данныя имъ разъясненія мѣстами все-таки туманный, принадлежитъ Бабу, находитъ себѣ, мнѣ кажется, подтвержденіе и въ его языкѣ, котораго обороты, выраженія и даже условныя наименованія очень близко подходятъ къ языку «Лучшей изъ исторіи» — احسن القصص Баба, особенно же въ томъ, что въ этомъ документѣ есть не подчеркнутое старцемъ утвержденіе, которое можетъ принадлежать только Бабу и полную параллель которому мы находимъ въ той же «Лучшей изъ исторій», — утвержденіе о посылкѣ двухъ Бабовъ во времена, предшествовавшія Бабу (Али Мухаммеду). Такъ, въ главѣ 24 (л. 42^{b}) рукописи библіотеки Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ № 437)[1] Бабъ говоритъ: اعلموا يا اهل الارض انّ الله قد جعل مع الباب بابين من قبل ليعلّمكم امره — «Знайте, о люди земли, что Богъ создалъ съ Бабомъ двухъ Бабовъ прежде для того, чтобы научить васъ дѣлу Его».

Въ главѣ 27 (л. 49^{b}) сказано: يا اهل الارض انّى قد نزّلت عليكم الابواب فى غيبتى ولا يتّبعونهم من المؤمنين الاّ قليلاً وقد ارسلت عليكم فى الازمنة الماضية احد و فى الازمنة القريبة كاظما فلم يتبعوهما الاّ المخلصون منكم «О люди земли! Поистинѣ, я ниспослалъ вамъ Бабовъ въ отсутствіе мое и послѣдовали за ними изъ правовѣрующихъ только немногіе. И послалъ я вамъ во времена прошедшія Ахмеда и во времена близкія Казима и за ними обоими послѣдовали только искренніе изъ васъ»[2].

بيان خود مقرّ و معترف‌اند كه نبوّت برسول الله ختم شد و سنهٔ ستّين اوّل ظهور الله است باز پيش خود خاتم الائمّه قرار داده اند
اين عبارت‌ها هم در همان كتاب بود ليكن اسناد به بيان داده اللّهمّ انّك انت الّهان الالهين لتؤتينّ الالوهيّة من (17) تشاء و تنزعنّ الالوهيّة عمّن تشاء قل اللّهمّ انّك رباب السموات و الارض لتؤتينّ الربوبيّة من تشاء و لتنزعنّ الربوبيّة عمّن تشاء

«Въ одной изъ персидскихъ книгъ этихъ господъ выраженіе это написано. Хотя послѣдователи Беяна сами утверждаютъ и признаютъ, что пророчество закончилось посланникомъ божіимъ и годъ шестидесятый есть начало проявленіе Бога, все-таки они установили у себя «послѣдняго изъ имамовъ».

Эти выраженія тоже были въ той же самой книгѣ, только ссылка дана на Беянъ: «О Боже! Ты — творецъ божествъ: ты даешь божественность кому пожелаешь и ты отнимаешь божественность у кого пожелаешь. Скажи: «О Боже! Подлинно, ты дѣлающій владыкъ небесъ и земли: ты дашь владычество кому пожелаешь и отнимаешь владычество у кого пожелаешь» (Другіе примѣры такихъ построеній въ Беянѣ см. въ منهاج الطالبين Хаджи-Хусейнъ-Кули, стр. 64, 74 бомбейскаго изданія 1320 г. Г. и въ رجوم الشياطين فى ردّ الملاعين Мулла Хабибулла Кашанскаго, стр. 18 (тегеранскаго?) изданія 1322 г. Г.)

Показанный здѣсь годъ шестидесятый — очевидно 1260 г. Г. (5 Джумада), т. е. годъ проявленія Баба (23 мая 1844 г.).

[1] Описаніе ея см. у бар. Розена, Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, I, 179—191.

[2] Срав. منهاج الطالبين, стр. 180 и 377.

Въ той же главѣ, (л. 50[a]): وانا نحن قد قدرنا البابين «И мы опредѣлили уже двухъ Бабовъ».

Въ главѣ 80 (л. 175[b]): وانا نحن قد بعثنا البابين من قبل «И мы послали уже двухъ Бабовъ ранѣе».

Въ главѣ 109 (л. 244[b]): وهو الباب بعد البابين «И онъ — Бабъ послѣ двухъ Бабовъ».

Судя по приводимому ниже «Объясненію» Баумгартена, въ глазахъ его и Бакулина разобранный документъ долженъ былъ казаться произведеніемъ пера Бехауллаха, однако въ данномъ случаѣ истина едва ли на ихъ сторонѣ.

Тетрадка вторая.

Эта тетрадка не представляетъ списка одного произведенія, а является сборникомъ, въ которомъ, кромѣ одной цѣльной вещи, заключены разные отрывки, не стоящіе во взаимной связи и тѣмъ не менѣе переписанные не всегда съ должными раздѣлами. Тетрадь распадается на слѣдующія составныя части:

1. Стр. 1—2. Краткая историческая замѣтка на персидскомъ языкѣ съ совершенно несоотвѣтствующимъ содержанію заголовкомъ: вѣроятно, переписчикъ имѣлъ въ виду помѣстить здѣсь нѣчто другое.

2. Стр. 3—9. Разнаго рода предписанія относительно одежды, брака, ѣды и пр., какъ будто безъ начала и конца.

3. Стр. 10. Повтореніе мысли послѣднихъ строкъ первой тетрадки.

4. Стр. 11. Вновь предписаніе о бракѣ.

5. Стр. 11. Нѣсколько строкъ, посвященныхъ «тому, кого проявитъ Богъ».

6. Стр. 12—15. Молитвенное поминовеніе лица, обозначеннаго буквою «Ха».

7. Послѣднія страницы 16 и 17 повторяютъ, иногда иными словами, мысли первой тетрадки (см. выше, стр. 38, 39).

По мнѣнію тегеранскихъ бабидовъ, въ ихъ числѣ и старца, духъ этихъ отрывочныхъ писаній, кромѣ, конечно 1-го, складъ рѣчи, обороты и авторскіе пріемы говорятъ за вѣроятную принадлежность всѣхъ ихъ Мирзѣ Яхъя, который будто бы ради достиженія цѣлей личныхъ и общественныхъ пользовался не только мыслями другихъ лицъ, но и формою ихъ выраженія; документы 2 и 4 не вызываютъ въ отношеніи принадлежности ихъ Субхи-Азалю ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что въ нихъ слишкомъ ярко поощряется многоженство, вопреки ученію самого Баба, а Мирза Яхъя «питалъ большую склонность къ женщинамъ и имѣлъ много женъ».

Не оспаривая такого взгляда бабидовъ, по преимуществу бехаитовъ, на пріемы Мирзы Яхъи, слѣдуетъ все-таки повторить, что эти совпадающіе съ посланіемъ Баба отдѣльныя части и обороты второй тетради не стоятъ въ непосредственной логической связи съ текстомъ предшествующимъ и послѣдующимъ и, стало быть, могутъ быть просто иной редакціей строкъ писаній, принадлежащихъ другому чѣмъ Мирза Яхъя лицу.

Всѣ отрывки второй тетради, кромѣ перваго, снабжены, какъ уже было указано, персидскимъ подстрочникомъ. Въ виду того, что совершенно неизвѣстно, кому принадлежитъ этотъ подстрочникъ, —тому ли лицу, которое списывало документы для Бакулина, или они вообще были въ обращеніи снабжены, для лучшаго ихъ пониманія, персидскимъ переводомъ, идущимъ отъ ихъ авторовъ или вообще бабидовъ, считаемъ нелишнимъ напечатать слѣдомъ за арабскимъ оригиналомъ и персидскій его переводъ[1].

(1) در سورهٔ چهاردهم میکوید

خواند مردمرا به بیعت خود کسی اجابت نکرد اورا و انکار کردند اورا آنهم رفت
مکّه پس از مراجعتش ندا کرد میان خلق بانّی انا الحقّ لا اله الّا هو الربّ اذ انّی
انا محبوب العالمین که ترجمهٔ آن بفارسی چنین میشود که بدرستیکه من حقّم نیست
خدائی مکر اَو که پروردکار است زیرا که بدرستیکه من دوست داشته شدهٔ جمیع
عالمیانم مردم کفتند تو دیوانهٔ کفت از جانب خدا هستم کفتند معجزه بنما بنا کرد بترشّح
(2) آیات از زبانش کفتند اینها اضغاث احلام است و از قرآن دزدیده کفت آیهٔ
مثل او بیاورید بعد بسلطان عرض کردند محبوس شد همینکه خداوند دید ایمان نمی
آورند سلطان و وزیررا از میان بر داشت

(3) هو الّذی قد حلّل لکم بان تلبسوا من لبس الحریر ما شئتم و لقد قدر فی
الکتاب بان تنکحوا من حواریّات الجمالیّة خیرهنّ قد اذن فی الکتاب بان تأکلوا من
اجزاء اللطیف ولا تأکلوا من الخبائث و من شئ الّذی یکره به فؤادکم و کذلك قد
جعلنا کلّ الدین الیوم نصرة اللّه (4) فی الارض و لقد اذن لکم بالذکر فی الظاهر
و الباطن ثمّ فی کلّ حین ان اذکروا اللّه فی افئدتکم و ان اشهدوا بانّ اللّه لا اله
الّا هو و ان اشهدوا بانّ محمّدا عبده و رسوله ثمّ علیًّا و من معه اوصیائه من بعده
ثمّ لتشهدنّ بانّ الابواب اولیاء اللّه من بعدهم وقد جعل اللّه کلّ اعمالکم دینا لئلّا تحرجوا

[1] Персидскія толкованія къ нѣкоторымъ словамъ персидскаго перевода заключены въ самомъ текстѣ въ прямыя скобки.

من دبن الرحمن و ان استنصروه فى الارض و ان اخرجوا انفسكم من شئب(?) الكفر و الايمان لانّ فى ذلك ذنب كبير هو الّذى قد اذن لكم (5) ان تلبسوا لباس الجنّة فى ذلك الزمان هل يقدر احد ان ينزل ذلك الآيات غير الله فسبحانه عمّا انتم به مشركين و ان استعملوا العطر ما استطعتم و ان البسوا الزينة فى كلّ شان و ان اشهدوا فى كينونيّتكم بانّ الله لهو المحبوب و ان اسجدوا (6) لله ربّكم فى الليل و النهار سجدتًا طويلاً و ان اذكروه بالعشىّ و الابكار ذكرا كثيرا و ان استيقنوا بالله و ان اخضعوه و اخشعوه و اجلّلوه و اجلوه و اعزّزوه و اذكروه و احمدوه و اقدّسوه و قد حلّل الله فى الكتاب حوريّات الجنّة على الرجال (7) فى ارض الاولى ليتلذّذنّ الكلّ بذلك هو الّذى يهب الحوريّات على من يشاء قل انّ بحكم الرحمن يطهّر الهواء اجسادكم بما تعملون الماء ان اءكلوا الطيّبات حيث شئتم و لا تأكلوا من الخبائث ابدًا فلا تأكلوا ممّا لم يشهد الله لاكله و اقيموا الميزان (8) بالقسط بين ايديكم و لا تكونوا من الخائنين و ان استقسموا اموالكم للصادقين بين ايدى ربّكم بالقسط و لا تشهدوا غير ذلك لانّ فى غير ذلك ذنب كبير ان اقرءوا الآيات باحسن صوت و ان اكتبواه باحسن خطّ انّ الله قد حكم على الرجال بان يذكرون الله فى افئدتهم (9) فى كلّ حين و لقد قدر فى الكتاب بان ينكحون الرجال حوريّات من النساء خيرهنّ يا مجمع النساء انّ الله قد قدر لكنّ بان تطلبن الرجال و ان اطلبن الرجال فى يوم الّذى صار عمركنّ احدى عشر عاما و لا تحزننّ بعلكنّ و عليهم حقّ بان لا يحزنكنّ و يكوننّ لكنّ محبّين و لقد حلّل الله فى الكتاب كلمة المثل ان اعملوا به لعلّكم به فائزين

(10) ذلك فتًى امّيًا يجرى من لسانه آيات الله بالفطرة ان كنتم موقنين ان لا تسئلوا منه بشئ و لا تأذوه بذرّ فلا تسئلوا عنه بشئ من العلم و القواعد لانّه لا يعلم علمًا و لا عنده قواعد انّه كان من الامّيّين و ما هو الاّ امن بالله ربّه و يريد ان ينصر ربّه فى الارض ان انتم ناصرين ان انصروه

(11) و ان احكم على الجماليّات بان يحضرون بين يديك و ان انكحهنّ ما شئت لانّ ذلك اذنا جميلا

قل ان تريدون بمن يظهره الله تؤمنون هنالك على العقيق الحمر تنقشون الملك لله يصطفى من يشاء بامره و كلّ له عابدون و ليتختّم به

(12) در زیارت ها خطاب باو شده

یا ایّها الهاء المقتول بسیوف الشرار فیا ایّها القبر للرسول المختار فیا ایّها الزوج للبتول بین یدی حضرت الجبّار فیا ایّها الیوسف للسرّ المسطر بین یدی الجذب للحضرت السخّار فیا ایّها الابن للمریم بین یدی ثاء الازلی بالرشح الختم بالظهور البدء فی نار الشرار الحراق کیف اذکر یوم الّذی قد یسدّوا علیك و من معك (13) اکل اللطائف کلّها فقد یحکمون بان لا یرسلون الیکم الاکل و الشرب فکیف اذکر یوم الّذی قد یاخذون العهد منك بالصلح بینك و بینهم فقد مکروا علی حضرتك فکیف اذکر یوم الّذی یخرجونك بالصلح من مقامك فانّك دخلت علی مقعدهم و مکروا علی جنابك و یطلبونك بالضیافة و یقتلون اصحابك فی الارض (14) بغیر الحقّ کیف اذکر ساعة الّتی یدخلونك مع الاعداء فی ارض الباء کیف اذکر یوم الّذی یخرجونك من بیت الّذی یحبسونك فیه و یریدون قتلك کیف اذکر ساعة الّذی یأخذون ثیابك من بدنك فآه آه کیف اذکر ساعة الّتی یدخلونك فی بیت ارذل الناس و هو یستقرّ فی بیته و یحرّك بدنك (15) و قطع اذنك من راسك کیف اذکر ساعة الّتی اتی زوجته و عمل بك ما عمل کیف اذکر ساعة الّتی اتی احد من توابع رجل السفیانی و قطع راسك کیف اذکر ساعة الّتی لم یرضون بقتلك حتّی یحرقونك فی النار

(16) فقل یا اهل الملاء من اهل الفرقان ا فلم تنظروا بانّا قد انزلنا الیکم الفرقان من قبل تنزیلا و ادخلناکم فی الجنّة القائم حشر البدیع من سرّ السطر سطرًا فقد ابعثنا الیکم الحسین فی ارض الطف و انتم تقتلونه و لا تلاحظون حقّ الله شیئًا ا فلم تعلموا کیف اهلکنا المحمّد فی ارض الطاء (17) مع من معه اجمعین فلمّا قد طغی وزیره فی الارض قد اخذناه من لدنّا فانّ آقاسی لمّا قد طغی فی ارض الله الحقّ قد اغضبناه من لدنّا و ارفعناه الی نار و حیم فقد نعذّب الصبیّ مع وزیره بما عملا علی اصحابنا

(3) او آنچنان کسیست که بتحقیق حلال کرده برای شما به اینکه به پوشید از پوشیدنی ابریشمی آنچه را بخواهید و بتحقیق تقدیر کرده است در کتاب باینکه نکاح بکنید از حوریهای خوش‌گل باجمال بهترین آنهارا بتحقیق اذن داده شده است در کتاب باینکه بخورید از چیزهای پاك لطیف و نخورید از چیزهای بد و همچنین نخورید از چیزیکه مکروه بدارد اورا دل شماها و همچنین است بتحقیق قرار دادیم همه دین‌را

امروز یاری کردن خداوندرا (4) در زمین و هرآینه بتحقیق اذن داده شده از برای شما بذکر [یاد خدا کردن] در ظاهر و در باطن بعد در هر وقت آنکه یاد بیاورید خداوندرا در دلهای خودتان و آنکه شهادت بدهید بآنکه خداوند نیست خدائی مگر او و آنکه شهادت بدهید به اینکه محمّد بندهٔ او وپیغمبر اوست بعد ازان علی و کسیکه با او بوده امامها هستند از بعد او بعد هرآینه البتّه شهادت بدهید باینکه بابها دوستان خداوندند از بعد آنها و بتحقیق قرار داده خدا همه کارهای شمارا دین از جهة آنکه بیرون نروید از دین خدا و آنکه یاری کنید اورا در زمین و آنکه بیرون کنید نفسهای خودتان‌را از دو چیز کفر و ایمان چرا که در این کناه بزرك است او آنچنان کسیست که بتحقیق اذن داده از برای شما (5) باینکه بپوشید لباس بهشت را در این زمان آیا توانا هست کسی آنکه فرو فرستد این آیات را بجز خداوند پس منزّه است او از آنچه شما باو شرك میورزید و آنکه بزنید بر خود بوی خوش آنچه پیشرفت داشته باشید و آنکه بپوشید زینت و زیور در هر طور و آنکه شهادت بدهید در اصل طبیعت خودتان بآنکه خداوند هرآینه او دوست داشته شده‌است و آنکه سجده کنید (6) از برای خداوند پروردکار شما در شب و روز سجدهٔ طولانی و اینکه ذکر کنید اورا بشامها و صبحها ذکر بسیار و اینکه یقین داشته باشید بخداوند و اینکه کوچك و خاضع باشید اورا و افتاده و خاشع باشید اورا و بزرك بشمارید اورا و نیکو و حسن بدانید اورا و معزّز بدارید اورا و ذکر بکنید اورا و ستایش نمائید اورا و پاك و منزّه دانید اورا و بتحقیق حلال کرده است خداوند در کتاب حوریهای بهشت را بر مردمان (7) در زمین اوّل برای آنکه لذّت ببرند همه باین او آنچنان کسیست که می بخشد حوریان‌را بر کسیکه می خواهد بکو بدرستیکه بحکم خداوند بخشنده طاهر میکند هواء جسدهای شمارا بچیزی که عمل میکند آب آنکه بخورید چیزهای پاکیزه را هر وقت بخواهید و نه خورید از چیزهای خبیث هرکز پس نه خورید از چیزهائی که شهادت نداده خدا از برای خوردنش و بر پا بدارید ترازورا (8) بعدالت پیش روی خودتان و نباشید از خیانت‌کنندکان و اینکه تقسیم نمائید مالهای خودتان‌را از برای راست‌کویان بحضور پروردکار شما بعدالت و شهادت ندهید غیر این را بعلّت آنکه در غیر این کناه بزرك است آنکه بخوانید آیه‌هارا بخوبتر آواز و آنکه بنویسید اروا به بهتر خطّ بدرستیکه خدا بتحقیق حکم کرده

بر مردمان باینکه ذکر بکنند خداوندرا در دلهای خودشان (9) در هر زمان و هراینه بتحقیق تقدیر شده در کتاب باینکه نکاح بکنند مردمان حوریان از زنها بهترشان‌را ای جماعت زنها بدرستیکه خدا بتحقیق تقدیر کرده از برای شما باینکه طلب نمائید مردهارا و آنکه طلب نمائید مردهارا در روز آنچنانی که میکردد سال شما یازده سال و اندوهکین ننمائید شوهر خودتان‌را و بر آنها هم حقّ است که اندوهکین نسازند شمارا و باشند از برای شما دوست‌دارندکان و بتحقیق حلال کرده خدا در کتاب کلمهٔ مثل را که عمل نمائید باو شاید شما بواسطهٔ او رستکار شوید (10) این جوانیست امّی [یعنی درس ناخوانده و علمی تحصیل ننموده] جاری میشود از زبان او آیه‌های خداوند بطبع اکر شما هستید یقین‌کنندکان باید که سؤال ننمائید از او چیزی و اذیّت نکنید اورا یك ذرّه پس سؤال نکنید از او چیزی از علم و قاعده‌ها بسبب آنکه او نمیداند علمی‌را و نیست نزد او قاعده‌ها بدرستیکه او میباشد از امّی‌ها و نیست او مکر که ایمان آورده بخداوند پروردکارش و اراده دارد اینکه یاری کند پروردکارش‌را در زمین اکر شما هستید یاری‌کنندکان آنکه یاری نمائید اورا (11) و انکه حکم کن بر زنهای قشنك باینکه حاضر شوند پیش تو و آنکه نکاح بکن آنهارا هرچه بخواهی از جهة آنکه این اذنیست نیکو

بکو اکر میخواهید بکسیکه ظاهر میکند اورا خدا ایمان بیاورید در آن وقت بر عقیق قرمز نقش نمائید ملك و سلطنت مال خداوند است بر میکزیند هرکه‌را می خواهد بامر خودش و همه از برای او عبادت کننده هستند و خاتم بساز آن عقیق‌را [یعنی انکشتر درست کن]

(12) ای هاء کشته شده بشمشیرهای شریرها و ای قبر از برای پیغمبر بر کزیده و ای شوهر زهرا پیش روی حضرت جبّار ای یوسف پوشیدهٔ پنهان پیش جذب حضرت ستّار ای پسر مریم پیش ثاء الازلی بتراویدن ختم بظاهر شدن ابتدا در شرارهٔ آتش سوزاننده چکونه یاد کنم روزی که بتحقیق می بستند و سبّ میکردند بر تو و کسیکه با تو بود (13) خوراك پاکیزه‌ها همه‌را پس حکم میکردند بان[1] نفرستند بسوی شما طعام و آب پس چکونه بیاد بیاورم روزیرا که میکرفتند عهد از تو بمصالحه میان تو و میان آنها پس بتحقیق مکر کردند بر حضرت تو پس چکونه بیاد بیاورم روزیرا که بیرون

---

[1] Sic! См. арабскій оригиналъ.

میکردند تورا بواسطهٔ مصالحه از مقام خودت پس بدرستیکه تو داخل شدی بر مجلس آنها و حال آنکه مکر کردند بر جناب تو و طلب میکردند تورا بمهمانی و می کشتند یاران تورا در زمین (14) بغیر حقّ چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که داخل میکردند تورا با دشمنان در زمین باء چگونه بیاد بیاورم روزی‌را که بیرون می آوردند تورا از خانه که حبس کرده بودند تورا در آن خانه و اراده میداشتند کشتن تورا چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که می کندند جامهای تورا از بدنت پس اه آه چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که داخل میکردند تورا در خانهٔ پست‌ترین مردم و حال آنکه او استقرار داشت در خانه‌اش و حرکت میداد بدن تورا (15) و جدا کرد کوش تورا از سر تو چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که آمد زن او و کرد بتو آنچه کرد چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که آمد یکی از پیروان مرد سفیانی و جدا کرد سر تورا چگونه بیاد بیاورم ساعتی‌را که راضی نشدند بکشتن تو تا آنکه سوزانیدند تورا در آتش

(16) پس بگو ای کروه مردم از اهل قرآن آیا نظر نمی نمائید باینکه ما بتحقیق فرو فرستادیم بسوی شما قرآن‌را از پیش فرو فرستادنی و داخل نمودیم شمارا در بهشت قائم بر انگیختن تازه از پنهان سطر نوشته شده پس بتحقیق فرستادیم بسوی شما حسین‌را در زمین طف و حال آنکه شما می کشید اورا و ملاحظه نمی نمائید حقّ خداوندرا چیزی آیا ندانستید چگونه هلاك کردیم محمّدرا در زمین طاء (17) با کسیکه با او بود همگی‌را پس چون طغیان کرد وزیرش در زمین بتحقیق کرفتیم اورا از پیش خودمان پس بدرستیکه آقاسی چونکه طغیان کرد در زمین خداوند حقّ بتحقیق غضب کردیم اورا از نزد خودمان و بلند نمودیم اورا بسوی آتش بتحقیق عذاب خواهیم کرد کودك‌را با وزیر او و بسبب آنچه کردند بر اصحاب ما

1. «Въ сурѣ четырнадцатой онъ говоритъ.

Онъ призывалъ людей присягнуть ему, никто не послушался его и они отвергли его. Онъ отправился въ Мекку. Послѣ возвращенія онъ возгласилъ среди народа: «Воистину я есмь Истина. Нѣтъ божества кромѣ Его, Создателя. Воистину я возлюбленный всѣхъ обитателей міра». Люди сказали: «Ты сумасшедшій». Онъ сказалъ: «Я есмь отъ Бога». Сказали: «Покажи чудо». Онъ началъ испускать каплями стихи съ языка своего. Сказали: «Это ложныя сновидѣнія, онъ выкралъ изъ Корана». Онъ сказалъ: «Приведите стихъ подобный этому». Затѣмъ доложили султану и онъ

былъ заключенъ въ тюрьму. Когда Господь увидѣлъ, что они не вѣруютъ, султана и везиря его убралъ».

2. «Онъ есть тотъ, который разрѣшилъ вамъ одѣвать изъ шелковыхъ одеждъ то, что вы желаете, и опредѣлилъ въ Книгѣ, чтобы вы вступали въ бракъ съ лучшими изъ красивыхъ гурій. Онъ разрѣшилъ въ Книгѣ, чтобы вы ѣли вещи нѣжныя и не вкушали гадостей и чего либо такого, къ чему питаетъ отвращеніе сердце ваше. И также мы положили всю вѣру сегодня какъ помощь Бога на землѣ. И онъ дозволилъ вамъ славословіе явно и тайно и во всякое время. Прославляйте Бога въ сердцахъ вашихъ и свидѣтельствуйте, что Богъ — нѣтъ божества кромѣ Его. И свидѣтельствуйте, что Мухаммедъ — рабъ Его и посланникъ Его, затѣмъ, что Али и кто съ нимъ — его преемники (по завѣщанію) послѣ него. Затѣмъ непремѣнно свидѣтельствуйте, что Бабы — святые божіи послѣ нихъ. И опредѣлилъ Богъ, чтобы всѣ дѣянія ваши были на вѣрѣ, дабы вы не выходили изъ вѣры Всемилосердаго. И помогите Ему на землѣ и извлеките души ваши изъ невѣрія и вѣры, потому что въ этомъ грѣхъ великій. Онъ есть тотъ, который дозволилъ вамъ одѣвать одежду рая въ это время. Развѣ можетъ кто либо ниспослать эти откровенія кромѣ Бога, — какъ далекъ Онъ отъ того, что вы придаете Ему соучастниковъ въ божествѣ? Употребляйте благовонія, сколько можете. Одѣвайте украшенія при всякомъ случаѣ. И свидѣтельствуйте въ существѣ вашемъ, что Богъ — поистинѣ возлюбленный. И поклоняйтесь Богу, Господу вашему, ночью и днемъ поклоненіемъ долгимъ. И прославляйте Его вечеромъ и утромъ славословіемъ велімъ. И крѣпко вѣруйте въ Бога и будьте передъ нимъ смиренны, будьте Ему покорны. Величайте Его, благоговѣйте передъ Нимъ, возвеличивайте Его, славословьте Его, восхваляйте Его, святите Его. И разрѣшилъ Богъ въ Книгѣ гурій райскихъ мужчинамъ на землѣ первой (?), дабы они всѣ наслаждались этимъ. Онъ есть тотъ, который даруетъ хурій, кому пожелаетъ. Скажи: «поистинѣ, рѣшеніемъ Всемилосерднаго очищаетъ воздухъ тѣлеса ваши точно такъ же, какъ вы пользуетесь (для этого) водою». Вкушайте пріятныя вещи, гдѣ бы вы ни пожелали, и не вкушайте мерзостей никогда и не вкушайте изъ того, чего не засвидѣтельствовалъ Богъ для ѣды. И держите вѣсы передъ собою справедливо и не будьте изъ обманывающихъ. Раздѣляйте имущество ваше правдивымъ передъ Господомъ вашимъ справедливо и не свидѣтельствуйте иначе (какъ по справедливости), потому что въ несправедливости грѣхъ великій. Читайте священные стихи самымъ хорошимъ голосомъ и пишите ихъ самымъ красивымъ почеркомъ. Поистинѣ, Богъ опредѣлилъ мужчинамъ, чтобы они вспоминали Бога въ сердцахъ своихъ во всякое время и опредѣлилъ въ Книгѣ, чтобы мужчины вступали въ бракъ съ лучшими хуріями

изъ женщинъ. О женщины! Поистинѣ, Богъ опредѣлилъ вамъ, чтобы вы искали мужей: ищите мужей въ тотъ день, когда вамъ станетъ одиннадцать лѣтъ. Не печальте мужей вашихъ и у нихъ обязанность не печалить васъ и быть въ отношеніи васъ любящими. И разрѣшилъ Богъ въ Книгѣ слово «равенство»; поступайте по нему, можетъ быть, вы имъ станете счастливы».

3. «Это юноша неграмотный, — стекаютъ съ языка его откровенія божіи по природѣ, если вы вѣрующіе. Не спрашивайте у него ни о чемъ и не обижайте его ни чуть. Не спрашивайте у него ничего изъ наукъ и правилъ: онъ не знаетъ наукъ и нѣтъ у него (знанія) правилъ. Поистинѣ, онъ изъ неграмотныхъ, онъ только увѣровавшій въ Бога, Господа своего, и хочетъ помочь Господу своему на землѣ, — если вы изъ помогающихъ, помогите ему».

4. «И прикажи красивымъ женщинамъ, чтобы они предстали предъ тобою и вступай съ ними въ бракъ, сколько пожелаешь, потому что это разрѣшеніе прекрасное».

5. «Скажи: «если вы желаете увѣровать въ того, кого проявитъ Богъ, вырѣжьте на красномъ сердоликѣ: «Царство принадлежитъ Богу и Онъ избираетъ кого пожелаетъ по своему повелѣнію и всѣ Ему поклоняются» и дѣлайте изъ него (такого сердолика) перстни».

6. Въ молитвенное воспоминаніе «Ха», съ обращеніемъ къ нему: «О Ха, убіенный мечами порочныхъ, о могила для пророка избраннаго, о супругъ дѣвственницы передъ особою Всемогущаго, о Іосифъ для начертанной тайны передъ силой притяженія къ Богу Побѣдителю, о сынъ Маріи передъ предвѣчнымъ «Тса» путемъ истеченія, о печать проявленія (божества), о начало въ огнѣ искрящемся и жгучемъ! Какъ вспомню я тотъ день, когда всецѣло преградили тебѣ и тѣмъ, кто съ тобою, ѣду нѣжныхъ вещей и приказали, чтобы не посылали вамъ ѣды и питья? И какъ вспомню я тотъ день, когда взяли съ тебя обязательство мира между тобою и ими и затѣмъ обманули твою особу? И какъ вспомню я тотъ день, когда вывели тебя путемъ мира изъ мѣста твоего и ты вошелъ въ мѣсто засѣданія ихъ и они обманули тебя и позвали тебя на угощеніе и убили приверженцевъ твоихъ на землѣ несправедливо? Какъ вспомню я тотъ часъ, когда ввели тебя съ врагами въ землю «Ба»? Какъ вспомню я тотъ день, когда вывели тебя изъ дома, въ которомъ тебя содержали въ заключеніи, и хотѣли убить тебя? Какъ вспомню я тотъ часъ, когда совлекли одежды твои съ тѣла твоего? Ахъ! Ахъ! Какъ вспомню я тотъ часъ, когда ввели тебя въ домъ подлѣйшаго изъ людей, а онъ пребывалъ въ домѣ своемъ, и онъ трясъ тѣло твое и отрѣзалъ ухо твое отъ головы твоей? Какъ вспомню я тотъ часъ, когда

пришла жена его и сдѣлала съ тобою то, что сдѣлала? Какъ вспомню я тотъ часъ, когда пришелъ одинъ изъ слугъ Суфъянита и отрубилъ голову твою? Какъ вспомню я тотъ часъ, когда не удовлетворились убіеніемъ тебя и сожгли тебя въ огнѣ»?

7. «О сонмъ послѣдователей Корана. Развѣ вы не уразумѣли, что мы уже ниспослали вамъ Коранъ ранѣе ниспосланіемъ и ввели васъ въ рай Каима новымъ воскресеніемъ, (каковое является) строкою изъ тайнъ строкъ (писанія). Мы уже послали вамъ Хусейна въ землѣ «Тафъ», а вы убиваете его и вовсе не соблюдаете права Бога. Развѣ вы не знаете, какъ мы погубили Мухаммеда въ землѣ «Тафъ» вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые съ нимъ? И когда возмутился везирь его на землѣ, мы убрали его отъ себя. Когда Агаси возмутился[1] на землѣ, поистинѣ, мы похитили его сами и вознесли его до огня и ада. Поистинѣ, мы накажемъ мальчика съ везиремъ его за то, что они оба сдѣлали послѣдователямъ нашимъ».

Шестой отрывокъ представляетъ полное زيارتنامه, составленное Мирзой Яхъей въ молитвенное воспоминаніе о мученической кончинѣ Хаджи Мулла Мухаммедъ Али Барфуруши[2], по прозвищу «Куддусъ» или «Хабибъ», извѣстнаго защитника Шейхъ-Таберси, вѣроломно схваченнаго каджарскимъ принцемъ Мехди-Кули-Мирзой, который командовалъ правительственными войсками, и убитаго въ Барфурушѣ[3]. Изложенныя въ этомъ воспоминаніи обстоятельства кончины Куддуса, въ общемъ вполнѣ соотвѣтствующія опубликованнымъ историческимъ даннымъ, вносятъ нѣкоторыя до сихъ поръ неизвѣстныя подробности, — кровавую трапезу, на которую былъ приглашенъ Куддусъ (подъ каковою можно разумѣть какое либо угощеніе подъ палаткой Мехди-Кули-Мирзы, гдѣ должны были произойти окончательные переговоры съ Куддусомъ и другими начальниками изъ бабидовъ), и участіе въ мученіи самого Куддуса женщины, супруги, очевидно, Са'ид-ал-Улама, который сначала отрѣзалъ Куддусу уши и затѣмъ ударомъ топора по головѣ умертвилъ его. Что касается лица, которое отрѣзало ему затѣмъ голову, то тутъ показанія расходятся: одни источники говорятъ, что это былъ ученикъ Са'ид-ал-Улама, другіе,—что это былъ правительственный чиновникъ[4]; «воспоминаніе», называя его однимъ изъ слугъ

---

[1] Срав. منهاج الطالبين, стр. 377.

[2] По формѣ оно очень близко подходитъ къ другой элегіи Субхи Азаля, вѣроятно, на смерть самого Баба, выдержки изъ которой приведены въ منهاج الطالبين Хаджи-Хусейнъ-Кули, стр. 381.

[3] A Traveller's Narrative, II, 306—308; The Tárikh-i-Jadíd, 409—410 и ١٥—١۴; Kitáb-i Nuqṭatu'l, Kâf, ١٩٧; Nicolas, l. c., 324—329;順Каземъ-Бекъ, l. c., 96—97.

[4] Такое выраженіе — مأمور حكومت — мы находимъ у Субхи-Азаля въ его مجمل بديع در وقايع ظهور منيع, стр. ١٥ (The Tárikh-i-Jadíd) и никоимъ образомъ нельзя согла-

Суфъянита, т. е. Каджара[1], ближе всего подходитъ къ показанію Субхи-Азаля.

Баумгартенъ въ своемъ «Объясненіи» раскрываетъ, что въ этомъ поминовеніи подъ «убіеннымъ Ха» разумѣется «Мирза Гади, убитый въ Ездѣ»; съ такимъ же наименованіемъ Мирза Хади внесенъ въ списокъ 18 «буквъ живаго» ранѣе приведенной исторической замѣтки; въ томъ же «Объясненіи» съ именемъ этого Гади связано и встрѣчавшееся въ первой тетрадкѣ условное выраженіе — عباء الهاء — «непослушавшіе проповѣди Мирза Гади». Такимъ образомъ, этотъ Мирза Хади долженъ былъ быть дѣятелемъ довольно виднымъ и замѣтнымъ, между тѣмъ въ исторіи бабизма личность эта совершенно неизвѣстна.

Существованіе особой бабидской терминологіи и условныхъ наименованій, когда области, города и лица называются иногда отдѣльными буквами, извѣстно: усвоенная уже въ писаніяхъ самого Баба[2] она съ теченіемъ времени значительно развилась; по догадкамъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ и удачнымъ она раскрывалась европейскими изслѣдователями, но образцы ея, ясно и сжато опредѣленные, взятые изъ бабидскаго же сочиненія هشت بهشت, обнародованы Броуномъ только въ 1892 году[3].

«Объясненіе условныхъ словъ бабистскаго лексикона» Баумгартена, къ которому имѣются соотвѣтствующіе персидскіе оригиналы, на двухъ отдѣльныхъ листкахъ, уже въ 1873 году раскрываетъ слѣдующія 21 условныхъ наименованія:

ارض باء — Багдадъ или Барфурушъ.

حجاب هاء — Отъ слова حجاب занавѣсъ. Этимъ словомъ называются тѣ, которые не увѣровали, т. е. не сдѣлались баби.

حرف سين — Сеидъ, состоящій при Баго (въ С. Ж. Акрѣ). Имени его мой знакомый не знаетъ.

ситься съ Browne'омъ (l. c. 409), что это обязательно долженъ быть «государственный палачъ» — «the state executioner».

[1] Срав. The Táríkh-i-Jadíd, XVII, 337, 359.

[2] Укажемъ для примѣра: Кербела называется ارض الطف въ «Лучшей изъ исторій»: л. 229[b] يا ايّها المؤمنون فزوروا جدّنا الحسين فى или л. 22[a] قام الحسين على ارض الطف ارض الطف и въ персидскомъ Беянѣ, II, 16 (л. 70[b] по рукописи Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ № 439, описанной бар. Розеномъ въ Collections scientifiques, III, 1—32): ...كه آنوقت وحيد بوده در ارض طف. Это наименованіе встрѣчалось, какъ мы видѣли, въ документѣ нашей первой тетрадки. См. также Броуна Index of chief contents of the persian Bayán въ изданіи Kitáb-i Nuqṭatu'l Káf, LIV—XCV.

[3] Journ. of the Roy. Asiat. Soc., 1892, Oct., 685—697. Ср. бар. Розенъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія, VII, 374.

حرف ثاء — Одно изъ лицъ, имѣющихъ видное мѣсто между пропагандистами бабизма. Имя этого лица должно начинаться буквою ث. Знакомый не знаетъ, кто это.

حرف واو — Тоже лицо, имя коего начинается буквою و.

حرف راء — Мулла Али Резо, одно изъ важныхъ лицъ бабизма.

حرف میم — Мулла Маммедъ, коинскій, находящійся еще въ живыхъ. Стало имя его не слѣдуетъ печатать[1].

ارض الطف — Сенъ Жанъ д'Акръ.

ارض طاء — Тегеранъ.

ارض العماء — Ширазъ.

ارض الكاف — Керманъ-Шахъ, Курдистанъ.

ارض الواو — Маку.

ثاء الازلی — Одинъ изъ послѣдователей Азаля, имя коего начинается съ ث.

عماء البهاء — Непризнающіе божественнаго посланничества Баго.

شجرة الباء — Мулла Гусейнъ Башруи.

هاء المقتول — Мирза Гади, убитый въ Ездѣ.

عماء الهاء — Непослушавшіе проповѣди Мирза Гади.

هاهوت — *Магамс булендъ*, высшія сферы, высшій духовный міръ, т. е. переводъ буквальный; таинственнаго смысла не знаетъ мой пріятель.

جبل السيناء — Гора Синай.

انا الستة فی هيكل السبع — من هستم شش در هيكل هفت — (Я шестой, въ формѣ седьмой пришедшій, или — явившійся) 1-й — пророкъ Ной, 2 — Авраамъ, 3 — Моисей, 4 — Христосъ, 5 — Магоммедъ, 6 — Имамъ Мехди (по вѣрованію бабистовъ — Зекръ, т. е. Бабъ), Баго выходитъ 7-й. *Нуръ* пророчествова одинъ, перемѣнялись только формы; т. е. духъ пророка былъ въ Ноѣ; далѣе тотъ же духъ преемственно являлся въ Авраамѣ, Моисеѣ, Христѣ, Магоммедѣ, Зекрѣ и наконецъ въ Баго. Баго 6-й, т. е. Зекръ, или, что одно и тоже, Имамъ Мехди, но въ 7-й формѣ.

حرف الجيم — Шайтанъ, т. е. агле джаганнамъ».

---

[1] Интересная оговорка, указывающая на планы Бакулина.

Хотя это «Объясненіе» Баумгартена, составленное, несомнѣнно, при помощи бабидовъ-бехаитовъ, въ однихъ словахъ не всегда полно и въ другихъ, какъ теперь легко усмотрѣть, не всегда правильно, тѣмъ не менѣе оно удачно раскрываетъ въ 1873 году нѣкоторыя наименованія, въ теченіе долгаго времени бывшія для ученыхъ загадкою. О томъ, что ذكر («Зекръ») въ писаніяхъ Баба есть не кто иной, какъ самъ Бабъ, догадывался, не вполнѣ однако увѣренный, Browne только въ 1889 году[1] и даже въ 1892[2].

Бакулинъ, какъ видно, не только искалъ и собиралъ бабидскія произведенія, но и читалъ ихъ добросовѣстно: за разъясненіемъ сомнительныхъ и непонятныхъ мѣстъ онъ прибѣгалъ къ содѣйствію Баумгартена, имѣвшаго, очевидно, прочныя связи съ бабидами[3]. Въ письмѣ отъ 6 мая Баумгартенъ пишетъ: «Вотъ непрочтенныя Вами фразы съ переводомъ... (далѣе идутъ двѣ арабскія фразы съ персидскимъ переводомъ, — трудно сказать, откуда взятыя)[4]. *Убили*, говоритъ Баумгартенъ тамъ-же, очевидно на запросъ Бакулина, употреблено въ прошедшемъ времени, потому что еще при жизни Баба, въ концѣ царствованія Магоммеда Шаха или началѣ царствованія нынѣшняго шаха, изъ послѣдователей Баба было казнено семь человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ дядя Баба, Ага Сейидъ Али[5]. Подробности казни мой пріятель не могъ сообщить мнѣ».

Извѣстно было Бакулину и существованіе какой то исторіи бабизма.

«Въ Мешедѣ, пишетъ Баумгартенъ въ недатированномъ письмѣ, есть одинъ сеидъ баби, который написалъ исторію бабизма со всѣми подробностями, касающимися до главныхъ дѣятелей этого ученія. Если заказать переписать эту исторію, то это потребуетъ около года времени, потому что книга вышла очень толстая».

Объ этой же исторіи онъ въ письмѣ отъ 6 мая сообщаетъ: «Хотя

---

[1] The Bábis of Persia, II, 906.

[2] Journ. of the Roy. Asiat. Soc. 1892, April, 303, n. 1. Срав. въ 1893 г. The Thárik-i-Jadíd, 336, на основаніи исторіи Мирза-Джани.

[3] По сообщенію Огородникова, Очерки Персіи, стр. 71, роль домашняго секретаря и толмача Баумгартена игралъ бабидъ Гуламъ-Риза («Гулонъ-Риза»).

[4] Воспроизводимъ эту часть письма безъ всякаго измѣненія:

«1) ما من بصار الامر (ма менъ бесаръ ель амръ) т. е. چیزی از یافتن ان امر.

2) ثم اسئلوا حبة التی توعدون ما وعد الله. Третье слово не прочитали потому, что приняли за ص. По-персидски переводятъ такъ: پس سئال بکنید دوستان انچنان که شنیده اند چیزی که وعده کرده خداوند. *Третье*. Слова прочитаны вѣрно».

[5] Возможно, что это разъясненіе Баумгартена относится къ стр. 4-й вышеприведенной исторической замѣтки. Исторію «семи мучениковъ за вѣру», имѣвшую мѣсто въ 1266 г. Г. (1850), см. у Browne, The Bábis of Persia, I, 524; A Traveller's Narrative, II, 211 и сл. и The Tárikh-i-Jadíd, 250 и сл. Если это такъ, то Баумгартенъ ошибается, говоря, конечно, со словъ другихъ, что казнь «семи мучениковъ» была при жизни Баба.

пріятель мой и говоритъ, что исторію секты нельзя пріобрѣсть, по той причинѣ, что она находится въ единственномъ экземплярѣ, но все-таки мы напишемъ: можетъ быть историкъ имѣетъ черновой списокъ, съ котораго онъ впослѣдствіи спишетъ для себя».

Трудно сказать, какая это исторія бабизма и является ли она одной изъ тѣхъ исторій, о которыхъ Европа узнала по изслѣдованіямъ и изданіямъ Броуна и Туманскаго много лѣтъ спустя, начиная съ 1889 г., когда Browne сообщилъ[1] о пріобрѣтенной имъ въ 1888 г. въ Ширазѣ исторіи, оказавшейся «Новой исторіей» Мирзы Хусейна Хамаданскаго[2]. Какъ извѣстно, первая исторія бабизма, попавшая въ Европу, была исторія Мирзы Джани Кашанскаго, вывезенная изъ Персіи графомъ Гобино, два экземпляра которой (изъ нихъ только одинъ полный) находятся въ Парижской Національной Библіотекѣ, и изданная Броуномъ въ 1911 г.[3] («E. J. W. Gibb Memorial» Series XV), но она оставалась неизвѣстной до 1892 г., когда впервые заговорилъ о ней Browne[4]. Во всякомъ случаѣ интересно, что свѣдѣнія Бакулина 1873 г. о самомъ существованіи исторіи бабизма были послѣ гр. Гобино первыя.

Слѣдилъ Бакулинъ и за движеніемъ бабидовъ вообще, потому что Баумгартенъ сообщаетъ ему 11 апрѣля: «Пропаганда секты бабистовъ продолжается повсемѣстно и Баго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вѣрующими: по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ чрезъ Шахрудъ проходитъ корреспонденція отъ него въ Хорасанъ и изъ Хорасана къ нему, разумѣется, весьма секретно».

Въ единственномъ письмѣ за 1874 годъ Баумгартенъ пишетъ: «Бабизмъ началъ шевелиться. На основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ путешествующими послѣдователями этого ученія, въ нынѣшнемъ году повсюду въ Персіи было много присоединеній къ этой сектѣ. Въ одномъ Сябвзеварѣ около 300 человѣкъ мусульманъ сдѣлались бабистами. Сюда пріѣзжало изъ

---

[1] The Bábís of Persia, I, 496.

[2] A Traveller's Narrative, II, 192—197 (cp. Collections scientifiques, VI, 244); Journ. of the Roy. Asiat. Soc. 1892, July, 440—444. Издана въ 1893 г. въ переводѣ.

[3] Странно, что въ этомъ изданіи Броунъ нигдѣ не говоритъ о третьемъ экземплярѣ исторіи Мирза Джани, принадлежащемъ А. Г. Туманскому и вывезенномъ имъ изъ Персіи въ 1894 г. (См. Китабе Акдесъ, стр. V). Экземпляръ этотъ тоже неполный. Туманскій полагалъ, что въ его рукописи «очень немного недостаетъ»; сравненіе съ изданіемъ показываетъ однако, что недостаетъ въ ней ровно первой трети исторіи (1—94 стр. изъ 273 стр.); неполный парижскій экземпляръ (Supp. Pers. 1070) соотвѣтствуетъ стр. 1—85 изданія и въ немъ недостаетъ такимъ образомъ двухъ послѣднихъ третей исторіи.

[4] Journ. of the Roy. Asiat. Soc., 1892, April, 319 и July, 441.

Сябзавара человѣка 4, которые открыто заявляли, что они бабисты и никто ихъ не преслѣдовалъ»[1].

Въ оживленной перепискѣ съ Баумгартеномъ Бакулинъ, очевидно, высказывалъ свой взглядъ на новое ученіе, которымъ интересовался; въ отвѣтъ Баумгартенъ, вѣроятно, и прислалъ ему свою коротенькую замѣтку подъ заглавіемъ: «Мой взглядъ па бабизмъ» слѣдующаго содержанія:

«Я другаго мнѣнія о бабизмѣ, несмотря на наивность и невѣжество его послѣдователей и нелѣпость ихъ вѣрованій. Какъ азіатское вѣроученіе — бабизмъ изобилуетъ капитальными недостатками и, конечно, немыслимъ для европейца; но все-таки онъ лучше ислама, — шіитскаго, персидскаго ислама. Этотъ послѣдній, благодаря изобилію преданій (гадисъ), наполненъ такими нелѣпыми и безнравственными суевѣріями, что въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ бабизмъ, т. е. исламъ (персидскій) нелѣпѣе бабизма, даже болѣе — исламъ отвратителенъ, а бабизмъ только нелѣпъ, и то для европейца. Вотъ, для образчика, нѣсколько изъ этихъ суевѣрій: а) слезы, пролитыя при чтеніи о страданіяхъ имама Гусейна *(Рузе-Хоны)* искупаютъ множество грѣховъ; б) путешествіе въ Кярбала, на поклоненіе гробу чтимаго имама, равняется 70-ти путешествіямъ въ Мекку и очищаетъ всѣ грѣхи совершившему это путешествіе. Умершій въ этомъ путешествіи идетъ прямо въ рай; в) пыль, воздымаемая путешественниками въ Кярбала, производитъ спасительное дѣйствіе на тѣхъ изъ вѣрующихъ, на которыхъ она сядетъ: она уменьшаетъ или вовсе уничтожаетъ силу адскаго жара, если бы запыленный угодилъ въ адъ; г) полное омовеніе въ пятницу почитается дѣломъ благочестія; д) конкубинатъ до того считается дѣломъ, угоднымъ Богу, что, когда сообщившійся съ конкубиною (сига) дѣлаетъ полное омовеніе (гусль), то каждая капля воды, упавшая съ тѣла омывающагося, превращается въ ангела; е) воровать у невѣрныхъ не считается грѣхомъ; ж) заступничество Али и имама Гусейна такъ сильно предъ Богомъ, что только великіе грѣшники ислама угодятъ въ адъ, и то на извѣстное время, по истеченіи котораго они дѣлаются обитателями рая, — сладострастнаго, безнравственнаго рая; з) шіитамъ позволено отрекаться отъ своего исповѣданія, въ тѣхъ случаяхъ, когда исповѣданію ислама угрожаютъ истязаніями или смертью. Такъ, по крайней мѣрѣ, они дѣлаютъ въ Турціи, во время путешествія въ Мекку: почти вездѣ они выдаютъ себя за суннитовъ, по обряду коихъ совершаютъ свои омовенія и молитвы, въ присутствіи суннитовъ (противупоставьте этому твердость бабистовъ при каз-

---

[1] Въ этомъ же письмѣ Баумгартенъ сообщаетъ: «Ахундъ Мулла Али Акберъ (Гаккокъ) личность интересная, какъ вѣрующій прозелитъ. Какъ апостолы христіанства онъ также непоколебимо убѣжденъ въ истинности исповѣдываемаго имъ ученія».

няхъ въ Тегеранѣ и рѣзнѣ въ Мазандеранѣ и Занджанѣ) ... и много тому подобныхъ пресептовъ и вѣрованій Вы найдете въ исламѣ. Въ числѣ обрядовъ имѣется: молитва, которую долженъ совершать вѣрующій при входѣ въ lieux d'aisances, а также молитва, читаемая передъ совокупленіемъ съ женщиною... Наконецъ исламъ предписываетъ враждебное отношеніе къ иновѣрцамъ (Грибоѣдовъ убитъ съ разрѣшенія тегеранскаго муштаида). Между тѣмъ бабизмъ предписываетъ совсѣмъ другія правила, совершенно противуположныя исламу. 1) Послѣдователи этого ученія называютъ свою религію религіею любви, ибо она предписываетъ братскія отношенія между единовѣрцами и щедрую помощь бѣднымъ. 2) Иновѣрцы не считаются нечистыми и дружескія сношенія съ ними одобряются. 3) Женщинамъ запрещается употребленіе вуаля. 4) Бритье головы мужчинамъ тоже запрещено. 5) Вино и водка дозволены. 6) Многоженство ограничено. 7) Обманъ и всякій дурной поступокъ, будутъ ли они совершены въ ущербъ интересовъ единовѣрца или иновѣрца — одинаково считаются грѣхомъ.

Исламъ шіитскій строго настаиваетъ на исполненіи наружныхъ обрядовъ, мало обращая вниманія на ихъ внутреннее значеніе, вслѣдствіе чего лицемѣріе въ религіи развито до nec plus ultra. Бабизмъ, напротивъ, требуетъ исполненія религіозныхъ правилъ въ ихъ внутреннемъ значеніи, считая вѣру безъ дѣлъ безплодною. Сверхъ того бабизмъ не запрещаетъ изслѣдованіе другихъ религій, чѣмъ открываетъ доступъ къ знаніямъ, между тѣмъ исламъ запрещаетъ чтеніе даже христіанскаго евангелія. — Я предлагалъ одному муштаиду прочитать персидское Евангеліе, на что онъ отвѣчалъ, что *это намъ непозволено*.

Вы нисколько не удивляйтесь, что такая несовершенная религія, какъ бабизмъ, можетъ быть соперницею ислама: она очень хорошо принаровлена къ немыслящимъ головамъ народовъ востока, легко воспринимающимъ всякія нелѣпости и неспособнымъ обобщать высокія идеи. Мнѣ кажется даже, что распространеніе христіанства въ средѣ ислама встрѣтитъ неодолимыя препятствія, между тѣмъ какъ бабизмъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе послѣдователей. Я смотрю на бабизмъ, какъ на переходную религію, которая легко можетъ быть замѣнена христіанствомъ, затѣмъ что религія Христа мало противорѣчитъ бабизму въ практическомъ примѣненіи, превосходя его чистотою ученія и недостижимымъ для бабизма величіемъ идей».

Всѣмъ сказаннымъ исчерпываются матеріалы Бакулина по бабизму. При всей ихъ отрывочности и кажущейся незначительности они ясно свидѣтельствуютъ, что уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ путемъ настойчивой и добросовѣстной совмѣстной работы русскаго консула и «знавшаго

край»[1] агента торговой московской фирмы въ Астерабадѣ и Шахрудѣ впервые были добыты весьма цѣнныя для изученія бабизма свѣдѣнія, ставшія достояніемъ науки лишь въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда особенный интересъ къ бабизму былъ возбужденъ бар. Розеномъ и потомъ поддержанъ Броуномъ и Туманскимъ.

Вспоминая добрымъ словомъ Бакулина и Баумгартена, отдававшихъ въ то боевое время часы своего досуга знанію, я считаю своимъ долгомъ выразить глубокую признательность Ф. М. и Н. Ѳ. Коняевымъ, которые извлеченіемъ на свѣтъ божій старыхъ бумагъ семейнаго архива дали возможность огласить, хотя и поздно, ходъ незамѣтной научной работы русскихъ людей въ Персіи, установить, хотя бы только въ нѣкоторыхъ научныхъ деталяхъ, русскій пріоритетъ и указать, наконецъ, на тотъ фактъ, что, когда бар. Розенъ въ 1886 году, заканчивая описаніе бабидскихъ рукописей Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ и воздавая должное ревности нашихъ дипломатическихъ агентовъ Персіи, которымъ въ то время мы были обязаны всѣми бабидскими рукописями Петрограда, выражалъ надежду, что это не послѣдняя заслуга ихъ передъ знаніемъ, эта надежда уже 12—13 лѣтъ тому назадъ была въ значительной мѣрѣ осуществлена консуломъ Ѳ. А. Бакулинымъ.

В. Жуковскій.

---

[1] Такъ аттестовалъ Баумгартена Бакулинъ Огородникову, при пріѣздѣ послѣдняго въ Астерабадъ. См. «На пути въ Персію и прикаспійскія провинціи ея», стр. 281.

Южно-арабскій амулетъ.

(Изъ коллекціи Н. П. Лихачева).

Въ собраніи Н. П. Лихачева, одинаково хорошо извѣстномъ представителямъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, находится между прочимъ небольшая каменная таблетка съ южно-арабскою надписью въ шесть знаковъ, расположенныхъ въ двѣ строки. Таблетка невелика: 2,3 × 2,7 см. Въ серединѣ верхней части ея имѣется расширеніе съ отверстіемъ, въ которое очевидно продѣвался шнурокъ при ношеніи или подвѣшиваніи таблетки. Надпись сохранилась хорошо и безъ всякаго труда читается (въ сѣверно-арабской транскрипціи) ودم ابم т. е. «Ваддъ — отецъ» или «отецъ Ваддъ».

Аналогичные памятники не представляютъ большой рѣдкости въ собраніяхъ южно-арабскихъ древностей. Судя по каталогамъ, въ вѣнскомъ музеѣ имѣется четыре образца[1], въ берлинскомъ — одинъ[2]; возможно что они встрѣчаются и въ другихъ[3]. Надпись повторяется вездѣ стереотипно въ томъ же видѣ, при чемъ иногда слова расположены въ обратномъ порядкѣ[4]. На ея распространенность указываетъ еще то, что часто она по-

---

[1] D. H. Müller, Südarabische Alterthümer im kunsthistorischen Hofmuseum, Wien 1899, стр. 51—52, № 41—44.

[2] I. H. Mordtmann, Himjarische Inschriften und Alterthümer in den Königlichen Museen zu Berlin, Berlin 1893 (= Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den Orientalischen Sammlungen, Heft VII), стр. 56, № 8.

[3] См., напр., № IX въ одной частной коллекціи, которую описывалъ W. A. Nash (цитата у O. Weber, Studien zur südarabischen Altertumskunde — III, Berlin 1907, стр. 94).

[4] Mordtmann, l. cit. Müller, № 41, 42.

является въ видѣ монограммъ[1], вообще столь излюбленныхъ южно-арабской эпиграфикой[2].

Значенiе этихъ таблицъ, несмотря на ихъ распространенность, долгое время оставалось невыясненнымъ. Характерно, что еще въ 1893 году Mordtmann принималъ оба слова за одно собственное имя, сопоставляя его съ теофорными именами; однако, обратный порядокъ этихъ словъ, какъ въ одномъ вѣнскомъ экземплярѣ (№ 44), такъ и въ Лихачевскомъ, указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ цѣлой фразой, хотя и составленной только изъ двухъ словъ. Несмотря на вѣрное чтенiе надписи, Müller сознавался, что вопросъ о назначенiи таблетокъ остается открытымъ; только около 1900 года Hommel рѣшился признать надпись за «талисманическую формулу»[3].

При взглядѣ на таблетку Лихачева не можетъ оставаться сомнѣнiй, что она служила именно амулетомъ: о ношенiи ея говоритъ упомянутое уже расширенiе въ формѣ ушка. При пониманiи таблетки, какъ амулета, вполнѣ яснымъ дѣлается и значенiе надписи. Она является результатомъ стремленiя поставить себя въ родственную связь съ божествомъ, — связь, идея о которой, одинаково распространенная во всѣхъ семитскихъ религiяхъ была очень сильна и въ южно-арабской. Она вызывала теофорныя имена, она создавала стереотипныя формулы моленiй; естественно, что она Ваду поручала охрану всего дорогого отъ злыхъ силъ. Самое имя его выражаетъ отвлеченно этическое понятiе, обозначая этическую любовь[4]. Уже поэтому Вaддъ могъ быть отцомъ обращающихся къ нему. Однако, онъ былъ отцомъ не только людей, но и боговъ. Здѣсь мы подходимъ ко второму пункту, надъ которымъ заставляетъ задуматься надпись Лихачевской таблетки.

Если мы сопоставимъ всѣ аналогичные амулеты, то невольно возникаетъ вопросъ: почему изъ всего столь богатаго южно-арабскаго пантеона призывается на помощь только одинъ Вaддъ и никогда въ этой роли не упоминается какое-либо другое божество? Извѣстный отвѣтъ на это мы получили въ послѣднее десятилѣтiе благодаря работамъ молодого датскаго изслѣдователя южной Аравiи D. Nielsen'a. Его труды во многихъ

---

[1] Müller № 43 (= D. Nielsen, Die altarabische Mondreligion, Strassburg 1904, стр. 192).

[2] Ср. образцы у H. Grimme, Mohammed. Die weltgeschichtliche Bedeutung Arabiens, München 1904, стр. 25, № 16.

[3] Aufsätze und Abhandlungen, II, München 1900, стр. 160 (ср. въ словарѣ, стр. 169, 205).

[4] Nielsen, op. cit. 38—39.

пунктахъ освѣтили южно-арабскую религію; между прочимъ обнаружилось, что въ ней существовало нѣсколько тріадъ-троицъ различныхъ божествъ, составъ которыхъ былъ неодинаковъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ разное время [1]. Такой тріадой обладало въ эпоху своего расцвѣта и минейское царство. Во главѣ этой тріады стоялъ, именно, Ваддъ — богъ луны; онъ былъ извѣстенъ почти по всей южной Аравіи, но только у минейцевъ носилъ это имя [2]. Какъ у всѣхъ семитовъ, богъ луны являлся мужскимъ божествомъ и у минейцевъ онъ былъ отцомъ прочихъ членовъ тріады [3]. Такое положеніе его въ пантеонѣ и вызвало стереотипную формулу, которая появляется изрѣдка на строительныхъ надписяхъ, чаще на амулетахъ изъ разнаго матеріала, не только камня, но дерева и желѣза [4]. Амулеты эти, какъ видно по формѣ, носились на шеѣ [5], быть можетъ не однихъ людей, но принявъ во вниманіе почетное положеніе скотоводства въ южной Аравіи, и животныхъ, вѣроятнѣе всего коровъ.

Такъ какъ Ваддъ былъ исключительно минейскимъ божествомъ и въ болѣе позднюю сабейскую эпоху имя его исчезаетъ въ южно-арабскихъ надписяхъ, то этимъ самымъ опредѣляется и время амулета. Мы должны относить его къ тому же времени, къ какому по все еще шаткой хронологіи относится расцвѣтъ минейскаго царства въ южной Аравіи, т. е. къ 1200—700 году до Р. Х. [6]; во всякомъ случаѣ онъ не моложе 700 г. до Р. Х. [7]. Вопросъ о хронологіи минейскаго царства, а слѣдовательно и датировкѣ таблетки можетъ, конечно, получить совершенно иное рѣшеніе при свѣтѣ эпиграфическихъ данныхъ, какъ было справедливо указано П. К. Коковцовымъ [8]. Если въ наукѣ окончательно утвердится теорія Lidzbarsk'аго о пріоритетѣ сѣверно-семитической письменности (зарождающейся около эпохи Телл-Амарнской переписки) по сравненію съ южно-семитической, то этимъ самымъ минейскія надписи и время существованія минейскаго государства передвинутся на нѣсколько столѣтій ближе къ Р. Х.

Для Россіи амулетъ изъ коллекціи Н. П. Лихачева представляетъ

---

[1] D. Nielsen, Die südarabische Göttertrias въ Mélanges Hartwig Derenbourg, Paris 1909, стр. 187—195.

[2] Ibid. 194.

[3] Nielsen, Die altarabische Mondreligion, Strassburg 1904, стр. 33, 37.

[4] Ibid. 39.

[5] Ibid. 191—192.

[6] См. Hommel въ Enzyklopaedie des Islām I, 395. Ср. М. Хвостовъ, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта, Казань 1907, стр. 259, прим. 2 и А. Крымскій, Исторія арабовъ — II, Москва 1912, стр. 3—4.

[7] Nielsen, Studier over oldarabische Indskrifter, København 1906, стр. 81.

[8] На засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Имп. Р. А. О. 29 сентября 1916 года.

особенный интересъ потому, что въ нашихъ собраніяхъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, почти совершенно отсутствуютъ южно-арабскіе памятники, тѣмъ болѣе съ надписями[1]. Было бы желательно, чтобы настоящая замѣтка помогла ихъ обнаружить, если они остаются неизвѣстными.

И. Крачковскій.

П. Сентябрь 1916 г.

---

[1] Не менѣе рѣдки и статьи по южно-арабской археологіи въ русской научной литературѣ. Не считая трудовъ общаго характера, мнѣ извѣстны только двѣ замѣтки: В. С. Голенищева (ЗВО. т. VIII, 219–221) о саркофагѣ съ египетско-сабейской надписью въ каирскомъ музеѣ и В. П. Никитина о двухъ таблицахъ въ одномъ частномъ собраніи (Древности Восточныя, т. III, М. 1907, протоколы, стр. 21—23).

Мелочи по японскому языкознанію.

I. Японскій примѣръ словарной контаминаціи въ двуязычномъ мышленіи.

Я имѣю въ виду случай сравнительно рѣдкаго процесса созданія гибриднаго фонетическаго состава слова благодаря «одновременной» ассоціаціи двухъ словъ, принадлежащихъ къ разнымъ языкамъ, но одинаково связанныхъ съ даннымъ значеніемъ и имѣющихъ между собой фонетическое сходство. Въ явленіяхъ этого рода отсутствуетъ творческое осмысленіе непонятнаго, наблюдающееся въ обычныхъ примѣрахъ народной этимологіи, и факторомъ является невольное взаимодѣйствіе одинаково понятныхъ языковыхъ представленій, вызванныхъ одной и той же семасіологической связью, и потому одновременно. Невольное возникновеніе этихъ фонетическихъ гибридовъ я могъ, напримѣръ, констатировать въ слѣдующей оговоркѣ Н. І. Конрада, для котораго послѣ родного русскаго языка наиболѣе знакомымъ является японскій: въ разговорѣ со мной онъ однажды произнесъ вмѣсто *чуточку* — *čottočku* (или можетъ быть *čottačku*) по ассоціаціи съ японскимъ *čotto* «немножко».

Въ качествѣ примѣра соціально-распространившагося фонетически-гибриднаго слова такого происхожденія я укажу на выраженіе *mukku-na śiragoto* въ японскомъ говорѣ деревни Міе Нагасакской префектуры; оно значитъ «чистѣйшая ложь», «сплошная ложь»: *śiragoto* — «ложь», *-na* — суффиксъ деноминативныхъ прилагательныхъ съ аттрибутивнымъ значеніемъ, основа же *mukku-* внѣ даннаго комплекса обычно не употребляется.

Источникомъ для этого *mukku-* служитъ китайское заимствованіе *muku* 無垢[1]. Появленіе же долгаго *k* вмѣсто краткаго объясняется контаминаціей съ тожественнымъ по значенію нормально-японскимъ выраже-

[1] Giles, Chinese-English Dictionary, p. 632: «free from stains, — a round pearl, one of the Sapta Ratna, which is said always to keep clean and bright, and is symbol of Buddha. Sanskrit: *mani*».

ніемъ *makka-na icuwari*, гдѣ *icuwari* — «ложь», а *makka-* — «самый красный» — интенсивное образованіе отъ основы *aka-* «красный». Для уясненія полноты фонетическаго сходства *makka-na* и **тики-па* укажу, что уроженецъ Міе произнесъ бы нормально-японское *makkana* (наравнѣ съ его Міескимъ эквивалентомъ *makk'a:ka*) съ тѣмъ же музыкальнымъ удареніемъ (нисходящимъ къ концу слова), съ какимъ онъ произноситъ *mukkuna*. Наконецъ можно замѣтить, что долгіе согласные служатъ (какъ въ Міе, такъ и въ нормально-японскомъ) однимъ изъ средствъ образованія интенсивныхъ формъ отъ прилагательныхъ: напр. *śiroka* «бѣлый» — *maśśiroka*, *kuroka* «черный» — *makkuroka*. Это можетъ быть и способствовало узаконенію долгаго *k* въ *mukkuna*.

II. Русское *киримонъ* — японское *kimono*.

Употребляемое на Дальнемъ Востокѣ русскими для обозначенія японскаго кимоно слово *киримо́нъ*, котораго зачастую не понимаютъ японцы, является заимствованіемъ изъ Кюсюскихъ говоровъ, — ср. у Sansom'a[1]: «kirimon».

На японской почвѣ Кюсюское діалектическое (отнюдь не общее всѣмъ Кюсюскимъ говорамъ) *kiri-moŋ* въ соотвѣтствіи нормально-японскому *ki-mono* объясняется смѣшеніемъ односложныхъ глагольныхъ основъ на гласный, къ которымъ принадлежитъ основа *ki* «одѣвать», съ глагольными основами на r; ср. въ Нагасакскихъ говорахъ дублетныя формы, напримѣръ, Negativi: *miŋ*, *miraŋ* отъ **mi-ru* «видѣть», *kiŋ*, *kiraŋ* отъ **ki-ru* «одѣвать».

Проникновеніе діалектической японской формы въ русскій возможно, какъ благодаря связямъ съ Нагасаки, такъ и въ виду преобладающаго процента кюсюсцевъ среди живущихъ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ японцевъ. Упомяну другое русское заимствованіе также изъ кюсюскихъ говоровъ: названіе плода *хи́ва*. Въ нормально-японскомъ — *biwa* (< **bipa*); въ Нагасакскихъ же говорахъ преобладаетъ *çiwa* (< **pipa*); другая форма деревенскихъ Нагасакскихъ говоровъ, сохранившихъ слѣды смѣшенія **pi* и **pu* въ *φu*, — *φuwa*, употребительна гораздо менѣе и рѣзко «пахнетъ деревенщиной» для кюсюсца.

Е. Поливановъ.

---

[1] Notes on Dialect. Usages in Nagasaki District въ Trans. As. Soc. Jap. Vol. XXXVIII, part III.

Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ командировки I. А. Орбели въ Турецкую Арменію[1].

Изъ предварительнаго отчета I. А. Орбели извѣстно[2], что командировка эта въ 1911—1912 году въ Турецкую Арменію и въ области древностей Ванскаго царства дала, помимо новыхъ перспективъ касательно организаціи болѣе систематическаго археологическаго изслѣдованія этого района, и кое-какіе попутно собиравшіеся эпиграфическіе матеріалы по халдскому языку.

Въ отчетѣ однако не всѣ эти матеріалы упомянуты, а точное указаніе мѣстонахожденія у меня записано теперь со словъ I. А. Орбели по личному сообщенію.

Надписи въ большинствѣ — фрагменты. Часть (A: Орб. I—IV) представляетъ фотографіи извѣстныхъ, но не вполнѣ надежно изданныхъ надписей, часть (B: a — e) обломки неизвѣстныхъ плитъ съ надписями, часть (C: 1—4) куски глиняныхъ кувшиновъ, позже въ Арменіи извѣстныхъ подъ названіемъ «karas».

---

[1] Настоящая работа со статьею: «Обломки Делибабинской халдской надписи» (см. ниже, стр. 125)—представляютъ собою докладъ, читанный 25-го февраля 1916 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества, подъ заглавіемъ: «Новые матеріалы по халдской эпиграфикѣ: 1) изъ командировки I. А. Орбели 1911—1912 г. въ Турецкую Арменію, 2) Делибабинская надпись».

[2] I. Орбели. Предварительный отчетъ о командировкѣ въ Азіатскую Турцію въ 1911—1912 гг. (Изв. Ак. Наукъ, 1912), стр. 917—926.

А.

Изъ извѣстныхъ раньше надписей одна (Орб. I) — изъ Варагскаго монастыря (табл. I, рис. 1), остальныя — изъ Ахтамарскаго монастыря на Ванскомъ озерѣ[1].

Орб. I.

^{d}D Q̇al-dı-nı uш ma-шı-ı-nı
^{d}P Me-nu-a-ше ^{d}P Iш-pu-u-ı-nı-q̇ı-nı-ше
^{d}D Q̇al-dı-ı-e e-u-rı-ı-e 3
ı-nı ^{d}L pu-lu-u-ȷı qu-gu-nı
^{d}P Me-nu-a-nı ^{d}P Iш-pu-u-ı-nı-e q̇e
^{i}R ^{i}PT ^{i}R ^{d}RO Bı-ı-a-ı-na-u-e 6
a lu ȷı ^{d}U Ṯu-uш-pa-a-e ^{i}U

Первое сообщеніе о нашей Варагской надписи принадлежитъ Fr. Ed. Schulz'у, командированному въ Арменію въ 30-хъ годахъ француз-

[1] Идеограмма и детерминативъ у насъ передаются, первый знакъ буквой i, второй — буквой d, выставляемыми слѣва мелкимъ шрифтомъ при сокращенномъ начертаніи заглавными буквами латинскихъ словъ, которыя выражаютъ требуемыя текстомъ халдскаго подлинника понятія. Само сокращеніе представляетъ собой начальную букву подставляемаго латинскаго слова, въ случаѣ же возможнаго смѣшенія — двѣ буквы, начальную и конечную, какъ то G (gratia) «милостью», D (deus) «Богъ», DM (domus) «домъ» («дворецъ», «храмъ»), DN (dominus) «господинъ», I (inscriptio) «надпись», L (lapis) «камень», O (ovis) «овца», P (persona) «лицо», «личность», PT (potens) «могущественный», U (urbs) «городъ», R (rex) «царь», RO (regio) «страна» и т. п. Слѣдовательно, ^{i}R означаетъ наличіе въ текстѣ идеограммы «царя», а ^{d}D — детерминатива «бога». Затѣмъ, надписи цитуются мною по особой нумераціи, именно по номеру надписи даннаго царя, имя котораго въ видѣ начальной буквы (M = Менуа, A = Аргиштій, S^2 = Сардуръ II и т. д.) предшествуетъ цифрѣ, но пока, во избѣжаніе недоразумѣній, въ скобкахъ указывается номеръ по изданію Sayce'а (Sc) или М. В. Никольскаго (Нк).

скимъ Азіатскимъ Обществомъ. Въ посмертной запискѣ Шульца — Шульцъ, какъ извѣстно, палъ жертвой звѣрства курдовъ, — напечатанной въ JA (1840, стр. 257—323) подъ заглавіемъ *Mémoire sur le lac de Van et ses environs*, читаемъ: «Третья надпись (III, № XXIX) церкви на Варагской горѣ высѣчена на камнѣ длиной въ четыре фута девять дюймовъ при ширинѣ въ одинъ футъ, который использованъ въ кладкѣ церковной стѣны и можно видѣть направо отъ главнаго входа» (стр. 317). На таблицѣ VI-й у Шульца факсимиле этой надписи далеко не точное.

По словамъ I. А. Орбели камень съ надписью использованъ въ стѣнѣ какъ перемычный камень.

Сообщая три[1] сроднаго содержанія надписи царя Менуи изъ Варагскаго монастыря (Йеди-килисэ), на первомъ мѣстѣ — нашу, Сэйсъ писалъ: «онѣ воспроизведены по эстампажамъ, сдѣланнымъ м-ромъ Rassam'омъ. Шульцъ (№№ XXIX, XXVI) и Нерсесъ Саргисянъ (№№ I, II) скопировали первую изъ нихъ, но не вполнѣ точно. Копіи Лэярда, съ другой стороны, крайне аккуратны»[2].

По всей видимости, этимъ хорошимъ копіямъ Лэярда, надо думать, устранившаго палеографическія особенности подлинника, обязаны мы тѣмъ, что Сэйсъ не говоритъ ничего о характерныхъ въ этомъ отношеніи отступленіяхъ по крайней мѣрѣ первой надписи, доступной намъ теперь въ фотографіи.

Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія особенности письма:

1) Начертаніе слога nu выведено съ пересѣченіемъ, но не наискось 𒉡, какъ это наблюдается обыкновенно, а подъ прямымъ угломъ 𒉡.

2) Слогъ pu изображенъ не 𒁍, т. е. группой изъ однѣхъ головокъ клина, а съ замѣной послѣдней головки треугольникомъ 𒁍.

3) Слогъ lu изображенъ первымъ изъ двухъ знаковъ 𒇻 и 𒇻.

4) Наконецъ, концы горизонтальныхъ клиньевъ справа начертаній 𒉌 ni и 𒌋 u (hu) какъ будто усѣчены, на самомъ дѣлѣ выступаютъ изъ-за вертикальныхъ клиньевъ тонкими линіями.

Всѣ эти особенности общи у этой надписи со II-й и III-й надписями изъ матеріаловъ I. А. Орбели.

---

[1] Каждая изъ первыхъ двухъ повторена дважды, такъ что всего надписей пять.

[2] *Insc.* = The Cuneiform inscriptions of Van, deciphered and translated (JRAS, т. XIV, ч. IV), стр. 532; у Walter Bachmann'а, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Лейпцигъ 1913, лишь упоминается (стр. 34) въ описаніи монастыря Варагъ (стр. 34—40) о пяти клинообразныхъ надписяхъ, сохраняемыхъ въ библіотекѣ, и о шестой—нашей, заложенной въ стѣну надъ входомъ въ библіотеку.

Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ фотографическихъ снимковъ I-й надписи концовъ горизонтальныхъ клиньевъ справа въ [cuneiform], [cuneiform] совсѣмъ не видно, но на другомъ, воспроизводимомъ у насъ (табл. I, рис. 1), какъ и во II-й и III-й надписяхъ, эти концы головками сливаются съ вертикальнымъ клиномъ и лишь тонкими еле замѣтными линіями выступаютъ на фонѣ, такъ [cuneiform] или [cuneiform]. Шульцъ въ своей копіи ихъ также отмѣчаетъ [1]. Словомъ, сродство I-й надписи со II-й и III-й должно быть признано по одинаковости способа написанія концовъ горизонтальныхъ клиньевъ справа отъ вертикальныхъ.

Какихъ либо исключительныхъ словъ или ἅπαξ λεγόμενα въ текстѣ первой надписи нѣтъ. Правда, и обычныя слова, наличныя въ немъ, мною переводятся по даннымъ яфетическаго языкознанія иначе, чѣмъ гадаютъ кунеологи-графисты, но такъ какъ эти слова повторяются почти какъ формулы, однѣ — во всѣхъ, другія въ большинствѣ или въ значительномъ числѣ надписей, я имѣю въ виду заняться ихъ разъясненіемъ въ особой работѣ, а сейчасъ достаточно остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ [2].

Прежде всего отмѣчу одно явленіе, имѣющее синтаксическое значеніе.

Идеограмма города [cuneiform] стоитъ передъ названіемъ города, какъ увидимъ, въ качествѣ детерминатива, но одновременно и за нимъ, такъ въ 7-й строкѣ:

^{d}ʊ Ṯu-иш-ра-а-е ^{i}ʊ

То же самое мы наблюдаемъ съ идеограммой страны [cuneiform], такъ въ IVb надписи изъ матеріаловъ I. А. Орбели въ 5-й строкѣ:

^{d}ко Aıdunı ^{i}ко-nı

Что идеограмма предшествуетъ слову какъ детерминативъ, это въ порядкѣ вещей и не требуетъ объясненія, но повтореніе ея въ концѣ слова могло бы смутить. Въ самомъ описаніи давно наблюденнаго факта кунеологи-графисты давали чувствовать это свое смущеніе, такъ, напр., Sayce пи-

---

[1] Шульцъ совершенно сознательно относился къ заходящимъ за вертикальные горизонтальнымъ клиньямъ, отличивъ ихъ отъ самостоятельно стоящихъ при описаніи надписи «Меһер-капуси» (ц. с., стр. 304). Отмѣтивъ то же явленіе еще въ нѣсколькихъ другихъ надписяхъ, онъ расхожденіе склоненъ былъ объяснить принадлежностью соотвѣтственныхъ надписей разнымъ эпохамъ (тамъ же).

[2] Въ нижеслѣдующемъ еще не касаюсь вопроса о систематическомъ установленіи фонетическаго чтенія, въ связи съ нимъ и о спирантахъ, въ письмѣ не выражаемыхъ, о составѣ сибилянтовъ и сложныхъ (ассибилованныхъ и аспированныхъ) звуковъ въ халдскомъ языкѣ. Нужно ли говорить, что пока не время дѣлать обобщеніе и высказываться окончательно о мѣстѣ халдскаго языка, безспорно языка мѣшанаго типа, среди яфетическихъ.

салъ (*Inscr.*, стр. 539): «*Ebani* is added to explain the preceding proper name, although the latter is provided with a determinative prefix, just as in the case of ⊢≿𒀸 *Dhu-us-pa-a* [Ṯu-uш-pa-a] ⊢≿𒀸. It should be noticed that the defining word follows that which is defined». Между тѣмъ съ точки зрѣнія нормъ яфетическихъ языковъ явленіе получаетъ чисто фонетическое, а не только графическое значеніе. Дѣло въ томъ, что терминъ «городъ» не только въ грузинскомъ, но и въ армянскомъ въ названіяхъ городовъ занимаетъ мѣсто за самимъ названіемъ, напр., по-армянски Anı-qağaq *городъ Ани*, по-ћайски Karnu-qaḷaq *городъ Каринъ* (т. е. *Эрзерумъ*), по-грузински Θφılıs qalaq-ı *городъ Тифлисъ*. Слѣдовательно, то же самое синтаксическое явленіе приходится допускать въ халдскомъ языкѣ, чтобы объяснить появленіе идеограммы термина за названіемъ.

Затѣмъ, въ самихъ клинописныхъ текстахъ мы имѣемъ доказательство того, что идеограммы терминовъ, стоящія за названіями, являлись не простымъ зрительнымъ ключемъ, а замѣстителемъ подлежащаго произношенію слова. Иногда за идеограммой, напр., «страны» стоитъ необъяснимый слогъ -nı, необъяснимый въ томъ случаѣ, если въ идеограммѣ признать непроизносимое начертаніе, раскрывающее лишь идею, но не требующее того, чтобы ее перевели на соотвѣтственную звуковую цѣнность, такъ

^{d}ко Aıdunı ^{i}ко -nı.

Здѣсь конечный слогъ -nı намъ подсказываетъ, что стоящую передъ нимъ идеограмму страны надо перевести на звуковой эквивалентъ съ конечнымъ nı, слѣдовательно, строка эта должна читаться реально:

^{d}ко Aıdunı ebanı[1].

Наконецъ, въ этомъ сочетаніи названія съ терминомъ халдскій языкъ проявляетъ иногда сочетаніе, тождественное съ ћайскимъ и грузинскимъ, именно какъ въ Karn-u qaḷaq *Каринъ* и Θφıl-ıs qalaq-ı *Тифлисъ* самыя названія стоятъ въ Род. падежѣ въ качествѣ опредѣленія термина *городъ*, букв. весь комплексъ значитъ «городъ», въ первомъ случаѣ «Карин»*а*, во второмъ — «Θφıl»*а*, т. е. *тепла* или *теплыхъ водъ*, такъ въ Ṯuшpaae ^{i}ʊ = ^{i}ʊ-nı, т. е. Ṯuшpaae ınanı само названіе стоитъ въ Род. падежѣ на -e.

Ebanı *страна* не требуетъ новыхъ разъясненій. Терминъ — яфетическій съ префиксомъ e-. Въ иныхъ, строго опредѣленныхъ, яфетическихъ языкахъ префикъ e- замѣнялся равнозначущимъ префиксомъ o- > u-; отсюда

---

[1] Существуетъ попытка въ -nı усмотрѣть частицу отношенія къ опредѣляемому слову, но объ этомъ особо. Въ общемъ и кунеологи-графисты согласны, что въ обсуждаемомъ -nı имѣемъ послѣдній слогъ слова, выражаемаго идеограммой.

въ грузинскомъ — u-ban-ı *страна, городъ, околотокъ, кварталъ*, восходящее къ ново-эламскому hu-man *городъ*[1].

Въ халдскомъ съ префиксомъ e- имѣемъ еще e-⌈h⌉urı *милость*[2], e-mını *памятникъ* во мн. числѣ: emınını abnı M XXXI, 5 (Нк, стр. 28) «эти *постройки (памятники)*».

Префиксъ e- сохранился въ грузинскомъ въ качествѣ заимствованія, напр., e-ter-ı *лѣсъ* (древнел. tevr-ı, h. an-tar)[3]. Какъ o чередуется съ u, такъ e съ ı, и тотъ же префиксъ въ видѣ ı- имѣемъ въ I-spır *Испиръ*, древній городъ въ бассейнѣ Чороха, I-ber-ı-a (быть можетъ, сюда же морфологически и I-gdır?). Именныя образованія съ префиксомъ e-‖ı- нынѣ въ значительномъ числѣ представлены въ яфетическихъ языкахъ лезгинской группы и въ нихъ же префиксъ e-‖ı- нерѣдко чередуется съ o-(‖u-).

Сюда же по формѣ относится халд. ı-nan-ı *городъ*. Рядомъ съ e-ban-ı *страна*, эквивалентомъ ново-эламскаго human *городъ* (г. uban-ı или uman-ı и *страна, околотокъ* и *городъ, кварталъ*), въ самомъ халдскомъ это ı-nan-ı (< *hı-man-ı?) *городъ* представляется діалектической разновидностью, причемъ замѣну губного m плавнымъ n можно бы отнести къ чередованію, свойственному особенно шипящей («тубал-кайнской») группѣ[4].

Въ первой строкѣ терминъ qald: вопросъ о немъ пока можно считать исчерпаннымъ. Къ тому, что мною указывалось въ докладѣ о Чалдирской клинообразной надписи и было разъяснено въ докладѣ «О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ (Къ вопросу объ яфетическомъ культѣ и миѳологіи)»[5], сдѣланы еще нѣсколько дополненій на основаніи матеріаловъ частью армянскихъ, частью абхазскихъ, но не буду здѣсь повторять ихъ: они въ большинствѣ уже напечатаны[6].

---

[1] Н. Марръ, Опредѣленіе языка второй категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія (предвар. сообщеніе). ЗВО, XXII, 1914, § 34, стр. 36.

[2] См. ниже, стр. 104—105.

[3] См. Н. Марръ, Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи III (Изв. Ак. Наукъ 1912), стр. 597, d.

[4] Перерожденіе m въ n является общимъ закономъ и на восточномъ Кавказѣ въ аварскомъ языкѣ, современномъ представителѣ, какъ мнѣ кажется, древняго албанскаго, но въ паузѣ, и иногда въ такихъ случаяхъ звукъ m безслѣдно вытѣсняется позднѣйшимъ n. — Сходство начертаній [клинопись] ma и [клинопись] na требуетъ провѣрки, всегда ли имѣемъ чтеніе ınanı, нѣтъ ли случаевъ написанія — «ımanı». Впрочемъ провѣрка затруднена тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ вмѣсто звукового начертанія — идеограмма.

[5] См. ЗВО, XXIII, стр. III, и Христ. Востокъ, т. IV, стр. 125.

[6] Христ. Востокъ (т. IV, вып. III, стр. 313—314): «Еще о терминѣ ქალი qat-ı *образъ, подобіе*» и Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. (1916, № 5, отд. 4, стр. 25): «Кавказовѣдѣніе и абхазскій языкъ».

Особаго обсужденія требуетъ Qaldini uni mašini (или mašini). **Sayce** переводилъ: «Дѣтямъ халда благодатнымъ» или «милостивымъ» (gracious), М. В. **Никольскій** — «халдійцамъ милостивымъ».

Въ этотъ разъ, совершенно не соглашаясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ лингвистически вовсе не обоснованнымъ, гадательнымъ переводомъ, я колеблюсь между двумя толкованіями; по одному изъ нихъ въ строкѣ можно видѣть параллель къ началу тѣхъ надписей, въ которыхъ формула гласитъ «богу Халду этотъ памятникъ (или эта постройка)», по другому — нѣчто иное. Я остановлюсь на обоснованіи и этого второго толкованія, при которомъ требуется чтеніе — niuš mašini[1], хотя, повторяю, я не имѣю вовсе убѣжденія въ предпочтительности его.

Въ niuš легко бы признать род. падежъ отъ составной основы niu (ср. св. nă *мы*), допустивъ, что халдская основа — сугубая изъ ni + u, какъ въ сванскомъ появляется семасически удвоенно ni-gu, при чемъ въ Род. падежѣ — обѣ части составной основы у сврановъ получаютъ окончаніе (-š || -e < -eš): ni-š + gu-e *нашъ;* при такомъ освѣщеніи халдская составная основа ni-u была бы эквивалентомъ той сванской также составной основы ni-gu [||ni-u], которая въ ново-эламскомъ звучитъ или, осторожнѣе будетъ сказать, пишется ni-ku, фонетически точнѣе—ni-ko и означаетъ въ Им. *мы*[2].

Чтеніе mašīni пришлось бы въ такомъ случаѣ, и можно бы было, толковать какъ превосходную степень съ префиксомъ ma- отъ основы šē || šī, т. е. признать въ немъ эквивалентъ сванскаго ma-šā̈ne || ma-šēne >̈ mašène[3] *величайшій, старшій.*

При такомъ толкованіи вступительная формула настоящей надписи въ русскомъ переводѣ должна бы гласить:

«Халдъ нашъ величайшій» или «Величайшъ нашъ Халдъ».

Это толкованіе моглобы прельщать тѣмъ, что оно явилось бы какъ бы прообразомъ вступительной формулы Ахеменидскихъ надписей на персидскомъ языкѣ, начинающихся словами —

«Baga. vazraka. Auramazdâ» и т. д.

Но такое толкованіе лингвистически встрѣчается съ тѣмъ препятствіемъ, что другого случая образованія превосходной степени на ma- въ халдскомъ языкѣ пока нѣтъ, да и основы šē въ положительной степени въ значеніи *большой* также не даетъ ни одна изъ халдскихъ надписей. Есть и

[1] Колебаніе въ начертаніи i въ основѣ -šini (то повторно ii (ī?), то нѣтъ) я отражаю въ транскрипціи безъ оговорки. О немъ рѣчь будетъ особо.

[2] Н. **Марръ**, Опредѣленіе языка второй категоріи, § 22, стр. 23.

[3] Это—существующія діалектическія разновидности сванскаго слова.

графическое препятствіе: наблюденъ случай раздѣленія шиш переносомъ послѣдняго его слога (-иш) въ слѣдующую строку, что исключаетъ возможность разсматривать два слога какъ одно цѣльное слово.

Потому, и только потому, больше вѣроятія можетъ представить первое толкованіе, при которомъ вся строка должна быть прочитана: Q̇aldini uш maшini; ma-шini — синонимъ слова *e-шini, встрѣчающагося въ формѣ мн. числа e-шinini, а также въ параллельной именной формѣ u-шini. Префиксы ma-, u-, равно e- образуютъ отглагольное имя[1]; данныя слова можно образовать отъ основы шin двухъ различныхъ глаголовъ, случайно созвучныхъ — *поминать* и *дѣлать*, *строить*, шin же здѣсь, какъ мнѣ кажется, предпочтительнѣе воспринять въ значеніи *поминать*. Эта основа — чисто шипящая (такъ называемая «тубал-кайнская»): въ мегрельскомъ шin-i или шin-аф-а значитъ *помнить* (ср. св. li-гшwn-i *помнить*, «тубал-кайнизмъ» въ сванскомъ), o-шin-e-ϑ *на память*. Свистящій (такъ называемый «кар̊тскій») эквивалентъ основы — q̇sen-. Слѣдовательно, ma-шini въ линіи этого толкованія значитъ *памятникъ*, *память*.

Форма Q̇aldini съ окончаніемъ -ni (<-in) можетъ быть воспринята по спирантному, точнѣе плавному типу въ значеніи какъ Оруд. падежа (на вопросъ *кѣмъ* или *отъ кого*), такъ и Род. пользы (на вопросъ *для кого*). Иногда для болѣе точнаго выраженія именно Род. пользы къ формѣ на -ni прибавляется послѣлогъ ni *для*, *изъ-за*, наличный и по сей день въ языкахъ шипящей группы въ видѣ -ni, особенно въ мѣстоименіяхъ, гдѣ онъ сочетается съ своимъ Род., напр.—м. mu+ше-ni *почему*, *отчего*, букв. *для чего*.

Что касается uш, то, быть можетъ, это — мѣстоименіе, эквивалентъ абхазскаго ur- *тотъ*, а въ халдскомъ наравнѣ съ ab- (|ba) и ini — «этотъ». Слѣдовательно, вся вступительная формула по этому толкованію будетъ гласить: «Для бога Халда этотъ памятникъ».

Третья строка — ᵈD Q̇aldie eurie (<e-hur+i-e)[2] — мною уже объяснена въ печати[3] въ смыслѣ «милостью *Бога* Халда». Я здѣсь отмѣчу только, что -e — гласный характеръ Род. падежа, эквивалентъ полнаго окончанія съ шипящимъ согласнымъ — -ше[4]. Использованіе Род. въ значеніи Творит.—

---

[1] Префиксъ ma- въ указанномъ значеніи появляется въ сванскомъ, напр. св. ma-шkad *память* отъ li-шked *помнить*, св. ma-kal *страхъ*.

[2] Потому я колеблюсь читать ⊨𒀸𒀸𒀸⊨ въ данномъ случаѣ безъ спиранта («u»), а не со спирантомъ («hu»), какъ то собственно слѣдуетъ и по начертанію.

[3] Изъ поѣздокъ въ Сванію (лѣтомъ 1911 и 1912 гг.), ХВ, II, стр. 28—29.

[4] Мимоходомъ отмѣтимъ, что къ совершенно безспорному Род. на -ше C. F. Lehmann подходилъ лишь какъ къ подлежащему рѣшенію вопроса съ синтаксической стороны, нерѣшительно внушая, что «быть можетъ, вступившее въ развитіе (?) [in der Entwickelung begriffene? *вопросительный знакъ самого* L.] пассивное воспріятіе переходнаго глагола привело къ

особенность, какъ извѣстно, не одного халдскаго языка среди мертвыхъ яфетическихъ, не говоря о живыхъ; то же самое мы наблюдаемъ въ такъ называемомъ ново-эламскомъ или языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей [1].

Отмѣчу также, что во многихъ халдскихъ надписяхъ это — формула вступленія; такъ въ частности II-я и IV-я надписи изъ матеріаловъ Орбели начинаются именно такой фразой: ^{d}D Qaldıe e<h>urıe «Милостью *Бога* Халда».

Случайно это или не случайно, но все-таки нахожу нужнымъ отмѣтить слѣдующее: христіанскія армянскія надписи, собственно тѣ изъ нихъ, которыя сохраняютъ, очевидно, формулу древнихъ оффиціальныхъ актовъ, дарственныхъ или иныхъ, также начинаются словами—«милостью Божьею» (*ողորմութեամբ այ*), болѣе пространно — «благодатью и милостью Бога» (*շնորհիւ և ողորմութեամբ այ*) и «волею и милостью Бога» (*կամաւք և ողորմութեամբ այ*) [2].

Ближе, конечно, къ халдской формулѣ—повторяющееся неоднократно въ ново-эламскомъ текстѣ Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей выраженіе zawm-ın Uramaštana «*милостью* Аḣурамазды».

Особаго вниманія заслуживаетъ слово въ 4-й строкѣ pulujı или pulu-ḣujı | puluujı *надпись:* передъ нимъ стоитъ детерминативъ «камня», по-халдски — kap-ı.

Появляется то же слово и безъ предшествія детерминатива, такъ въ частности Орб. IVa, з: pulujı.

Слово kap-ı *камень* теперь уже разъяснено какъ яфетическое съ указаніемъ его эквивалентовъ какъ въ спирантной, такъ въ сибилянтной вѣтвяхъ яфетическихъ языковъ [3].

Что касается pulu-ḣujı || pulu-ujı > pul-ujı, это въ халдскомъ — безспорно составное слово. Вторую часть составного слова мы имѣемъ въ -uj-ı (-ḣuj-ı).

Такого же вида халдское составное слово имѣемъ, повидимому, въ q̇ır-ujı, но это—мѣра сыпучихъ тѣлъ или жидкости.

повторенію субъекта въ какомъ либо косвенномъ падежѣ (Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belek und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien Von Dr. C. F. Lehmann въ Sitzungsber. der K. Pr. Akademie der Wissensch., Берлинъ 1900, стр. 633, прим.).

[1] Н. Марръ, Опредѣл. языка второй категоріи, § 16 (стр. 17).

[2] По подсчету I. А. Орбели, около десятка такихъ случаевъ имѣется въ надписяхъ Ани и ближайшихъ окрестностей.

[3] Халдская клинообразная надпись изъ Леска Ванскаго округа (Изв. Академіи Наукъ, 1915), стр. 1733, прим. 1. Касательно возраженій Belck'a (Zeitschr. für Ethn., Берлинъ 1895, стр. 604 сл.) на толкованіе kapı въ смыслѣ «камня» рѣчь будетъ особо. Belck подъ kapı понималъ мѣру плоскости, опредѣленный участокъ земли; за нимъ и C. F. Lehmann, Bericht über die Ergebnisse, ц. м., стр. 623, см. у насъ ниже, стр. 123.

Итакъ «надпись» — pulu-uj-ı>pul-uj-ı: судя уже по идеограммѣ-детерминативу, первая часть pul должна означать *камень*, въ частности *каменную плиту* въ отличіе отъ kap-ı.

Для pul *камень* мы сейчасъ не можемъ указать другихъ яфетическихъ эквивалентовъ, во всякомъ случаѣ мы не можемъ указать въ такомъ богатомъ подборѣ по обѣимъ вѣтвямъ яфетическихъ языковъ, какъ это сдѣлано для kap-ı при разборѣ надписи Аргиштія изъ Леска[1].

Но яфетическіе языки намъ даютъ возможность подойти къ рѣшенію этого вопроса путемъ лингвистическаго анализа одного термина изъ хозяйственнаго обихода, именно ступы.

Ступа сейчасъ на Кавказѣ дѣлается изъ различнаго матеріала, гдѣ изъ камня, а гдѣ изъ дерева, смотря по мѣстности. Только пестикъ или толкачъ всегда, или въ громадномъ большинствѣ, каменный, и, напр., въ армянскомъ пестъ такъ и называется sandıqar, т. е. «*камень* (для) ступы», равнымъ образомъ въ грузинскомъ rodınıs qva, буквально опять таки «*камень* ступы», а также въ мегр. o-kak-əle qua *пестикъ*, букв. «*камень* для толченія»[2], впрочемъ и въ грузинскомъ пестъ называется sanaki qva «*камень* для толченія» и просто qva *камень*.

Но первоначально ступа, равно ступка, т. е. большая или малая, съ пестомъ или пестикомъ представляли собой полностью подѣлку изъ камня. Кто бывалъ въ Ани или просматривалъ описаніе Анійскаго музея древностей, тотъ легко вспомнитъ господство именно каменныхъ ступъ съ каменными пестиками въ хозяйственномъ инвентарѣ древнихъ анійцевъ, какъ они продолжаютъ до нашихъ дней господствовать въ крестьянскомъ быту армянъ. Здѣсь имѣемъ дѣло безспорно съ археологическимъ матеріаломъ въ этнографіи.

Кстати, по-армянски «ступа» sand неизвѣстнаго происхожденія[3], а «пестъ» — sandu qar или sandı qar *камень ступы*[4], но по свѣдѣніямъ

---

[1] ц. с., стр. 1733, прим. 1.

[2] Подъ ქვა I. А. Кипшидзе въ этомъ же значеніи приводитъ и o-kak-al-ı qua.

[3] Надо впрочемъ имѣть въ виду, что varsand *пестъ* у армянъ появляется рядомъ съ varsang (см. ниже примѣч. 4); если такъ же рядомъ съ sand допустить существованіе *sang, то въ словѣ получимъ перс. سنگ *камень*.

[4] Въ древне-литературномъ sandı-toṛən. По ново-армянскому словарю Мыхитара (Венеція 1769), «пестъ» — *սանդի քար* sandı-qar, *սանդաքար* sanda-qar, *սանդի թակ* sandı-θak или просто θak [и oθak, см. С. Аматуни, *Հայոց բառ ու բան*], *վարսանդ* varsand (графически: varsant). Послѣднее слово звучитъ и varsang (см. также С. Аматуни, ц. с., s. v.). Если бы слово оказалось составнымъ var-sang, то во второй части и здѣсь имѣли бы мы перс. sang *камень*, но для объясненія varsang || varsand, по крайней мѣрѣ въ значеніи «цѣпа для молотьбы смоченныхъ зеренъ пшеницы» Г. А. Гапанцянъ, въ связи съ современнымъ (арм.) goŕs-el *бить, колотить* и древне-лит. (ḥайскимъ) vars-em *ударяю въ землю, вбиваю въ стѣну* (гвоздь) предполагаетъ «нѣкоторый иранс. √ *vars-» (ЗВО, XXIII, 1916, стр. 354).

Саака Аматуни, въ армянскомъ же, именно въ айраратскомъ его говорѣ «согласно употребленію древнихъ армянъ (ըստ Նախնեաց)» sandaqar «камень-сандъ» именно ступа[1]. Въ лорійскомъ говорѣ «sand», если я правильно понялъ А. А. Калантаряна, значитъ комплектъ «ступа съ пестомъ», «ступа» въ отдѣльности — sandaqar, т. е. «камень санда», а «пестъ» — sandı ҩet «палка ступы».

І. А. Орбели мнѣ сообщилъ, что въ Ванѣ ступы обыкновенно дѣлаются изъ камней халдскихъ построекъ, главнымъ образомъ Топраxкалы.

Въ грузинскомъ rodın-ı является спеціальнымъ названіемъ *деревянной ступки* въ отличіе отъ большой *каменной ступы*, называемой ҩıl-ı. Такъ поясняетъ лексикографъ Чубиновъ въ обоихъ изданіяхъ своего словаря (по Орб. просто სანაკელი sa-nak̓-el-ı *орудіе для толченія*). Не оспаривая такого мѣстнаго употребленія rodın-ı и ҩıl-ı, я долженъ замѣтить, что, напр., въ Гуріи ҩıl-ı означаетъ не «каменную», а обыкновенную въ мѣстномъ обиходѣ «деревянную ступку». Слѣдовательно, въ позднѣйшей средѣ примѣненіе слова въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣло отъ мѣстныхъ условій.

Что же касается первоначальнаго значенія, то rod-ın-ı приходится толковать въ смыслѣ «*каменной* ступы», собственно это мн. число на -ın, использованное какъ форма имени мѣста и орудія, отъ основы rod-, а послѣдняя основа, по всѣмъ видимостямъ, значила *камень*; въ грузинскомъ, гдѣ слово звучитъ lod-ı, оно означаетъ *большой камень, каменная глыба, каменная плита*, отсюда lod-ak-ı > lod-a-y *блюдо*, буквально *маленькая каменная плита*.

Въ параллель съ этой парой словъ, означающихъ *камень* || *ступа* можемъ привести опять другую пару, опять изъ грузинскаго, хотя въ грузинскомъ она заимствована: это qvıш-a (|| древнел. qwıш-a < quıш-a) *маленькій камень, песокъ* > qvıḓ-a *маленькая ступа*.

Въ мегрельскомъ наличны оба эти слова, но qvıḓ-a *ступка* въ мегрельскомъ звучитъ съ перегласовкой исходнаго гласнаго — qvıḓ-e или еще съ наращеннымъ носовымъ — qvınḓ-e. Я вынужденъ здѣсь разойтись съ І. А. Кипшидзе, который въ м. qvıḓ-e или qvınḓ-e *ступка* усматриваетъ составное слово изъ qva *камень* и ḓa *дерево* и толкуетъ его въ смыслѣ *ступки*, какъ «дерево для камня, т. е. для пестика».

Однако вѣрно то, что слово не происходитъ изъ свистящей группы: сибилянтъ ш, давшій въ подъемѣ ḓ, здѣсь на правахъ діалектическаго ш

---

[1] *Հայոց բառ ու բան*, s. v.

вм. общенормальнаго г. Дѣло имѣемъ, очевидно, съ матеріаломъ шипящей группы, гдѣ діалектически г перерождался въ ш (> ḓ || nḓ); какъ въ прилагательномъ м. ḓveш-ı *древній, старый* на лицо ш, въ грузинскомъ имѣющій эквивалентъ l[1], такъ въ параллель съ этимъ звуку г, наличному въ свистящей группѣ, по той же діалектической нормѣ соотвѣтствуетъ звонкій ȷ[2].

И если имѣть еще въ виду, что въ словахъ qvıш-a *мелкіе камни, песокъ*, qviḓ-a *ступка* основа qvıш- въ началѣ представляетъ обычное перерожденіе губного въ группу изъ заднеязычнаго и губного, то ея чисто діалектическій эквивалентъ по другому нарѣчію того же языка долженъ бы звучать φıl-, и эту именно основу сохранилъ намъ грузинскій въ словѣ φıl-ı, также употребляющемся въ значеніи *ступы*, мѣстами (Орб., Чуб.) именно *большой каменной ступы*, но собственно означавшей въ этомъ нарѣчіи «каменную плиту», почему φıl-ı въ грузинскомъ означаетъ не только *ступу*[3], но и «*тазъ* для омовенія рукъ» (первоначально, очевидно, *каменный*), а также вообще *плитку*, такъ въ частности «*плитку*» или «*кружокъ* воска».

Въ связи съ пониманіемъ слова φıl-ı, какъ «ступы», пестъ называется φılϑa-qva *камень ступы*. И. А. Джаваховъ обратилъ мое вниманіе на распространеніе слова φılϑa-qva въ грузинскихъ сказкахъ, но это требуетъ особаго разсмотрѣнія.

Не трудно видѣть, что въ г. φıl-ı, употребляющемся въ смыслѣ «ступы *каменной*», «таза (*каменнаго*)», «плитки», при первоначальномъ значеніи «каменная плита», «камень», мы имѣемъ съ обычнымъ историческимъ перебоемъ u въ ı халдское слово φul-, resp. pul-, также долженствующее означать *камень, каменная плита*.

Это яфетическое слово, по всей видимости, проникло и въ ассирійскій языкъ, притомъ въ формѣ и pīl-u и pūl-u въ значеніи *плиты, каменной глыбы;* разновидность pūl-u встрѣчается уже въ надписи Тиглатпилесера I[4].

Перебой «u» въ «ı» я называю историческимъ, такъ какъ это перерожденіе гласнаго «u» характеризуетъ обыкновенно болѣе новыя эпохи его исторіи въ яфетическихъ языкахъ; если не считаться съ этимъ положе-

---

[1] См. ниже, стр. 114.

[2] Появленіе ш въ соотвѣтствіе армянскаго ր г (см., напр., Н. Марръ, Яф. эл. въ яз. Арменіи, I, стр. 144) объясняется мягкостью произношенія послѣдняго, хотя въ нахичеванскомъ говорѣ въ такихъ случаяхъ сибилянтнымъ эквивалентомъ появляется ȷ.

[3] *Числ.* 11,8 для того, чтобы *молоть*, а не *толочь*.

[2] W. Lotz, Inschriften Tiglathpileser's I, VII, 84, стр. 60, см. стр. 177.

ніемъ, то всетаки остается фактъ, что «u» и «ı» являются въ яфетическихъ языкахъ исконными эквивалентными характерами причастія страд. залога.

Это намъ нужно знать для опредѣленія второй части составного слова pul-uj-ı.

Вторая часть uj-ı съ отпавшимъ въ началѣ спирантомъ y вм. *yuj представляетъ форму причастія страд. залога (характеръ u || ı) отъ корня yj, эквивалента сванскаго yr *писать*, при чемъ однако въ сванскомъ то же причастіе появляется всегда съ характеромъ причастной формы ı при префиксѣ lə: lə-yır > lə-ır || *yuj > uj.

Въ общемъ pul-uj-ı (< *pul+yuj-ı) *надпись* буквально значитъ «каменопись» и семасически является точнымъ прототипомъ армянскаго արձանագրութիւն arǰana-growϑıwn, также составного слова съ буквальнымъ значеніемъ «каменопись» и употребляющагося въ значеніи *надписи*, *протокола*, *акта* и т. п.[1].

За словомъ «плита съ надписью» глаголъ ku-gunı: это 3-е лицо аориста (-nı) съ предлогомъ ku (абх. qu- > q̥- *надъ*, *сверху*)[2] отъ пассивной причастной основы gu- корня g, означающаго *стоять*, *ставить*.

Предлогъ ku-, собственно qu- въ глаголѣ встрѣчаемъ и съ другой основой: шu- *дѣлать*: шuu-nı *онъ соорудилъ*, *построилъ*, qu-шuu-nı *онъ возобновилъ*, букв. «*сверху* построилъ». Семасическая сторона такого перехода въ яфетическихъ языкахъ ясна: она имѣетъ рядъ параллелей, и къ ней еще вернемся (см. ниже, стр. 130).

Что касается глагольнаго корня g (< gw) въ значеніи *стоять*, *ставить*, то онъ на лицо въ рядѣ яфетическихъ языковъ, такъ, напр., въ грузинскомъ — gı-es || gı-a *стоитъ*, *находится*, *существуетъ*, e-go (< e-gwa) *стоялъ*, *находился*, *существовалъ*, g-eb-a *ставить*, св. q̇ā-g (< q̇a-a-g) *стоитъ надъ нимъ*, q̇o-g *у него стоитъ*, *находится*, lı-g-ne *стоять*, *ставить*, авар. go || gu *есть*, *существуетъ* (wu-go || wu-gu *онъ есть*, gu-ro || gu-ru *нѣтъ*, букв. *не существуетъ*) и т. п.

Въ цѣлости ku-gu-nı (собственно: qu-gu-nı) должно означать «*онъ ставилъ сверху*», «*онъ поставилъ*».

Въ этотъ разъ обхожу собственныя имена — Menua, Iшpuın-ı, поддающіяся очень интереснымъ толкованіямъ, и ограничиваюсь анализомъ еще двухъ выраженій:

---

[1] Семасически ср. также г. დეგლისწერა degłıs-ṭera. Впрочемъ, если предлагаемое нами толкованіе puluji оправдается, рѣчь можетъ быть не только о семасическомъ совпаденіи терминовъ, но и о преемственности культурныхъ представленій отъ халдовъ до армянъ-hай'евъ и грузинъ-картцевъ.

[2] Я склоненъ думать, что и въ халдскомъ надо читать qu-, а не ku-.

1) Biainawe, графически Biainaue. Им. падежъ этого географическаго названія — Biaina, т. е. неоформленный видъ безъ характера Им. падежа i; безъ наращенія этого i образуетъ это слово и Р. ед. Biaina-e AI, 9 (Нк, стр. 105), что́ же касается Biainaw-e, то это тотъ же Р. падежъ, но мн. числа: w (изображено гласнымъ u) — показатель множественности, наличный въ рядѣ яфетическихъ языковъ, какъ уже выяснено въ печати[1], и особенно характеризующій различныя эпохи развитія абхазскаго языка, именно вторую — -q̥a < -q-w-a (впрочемъ и самостоятельно: -w-a) и даже третью — -ra-q̥a < -ra-q-w-a.

Чтобы не было сомнѣнія въ томъ, что -we (пишется -u-e) есть окончаніе мн. числа, укажу на одно явленіе, напр., въ надписи A VII, 13 (Нк, IX, 9, стр. 55)

▶▶ ✧ ✧ |▸▸▸ ⊨|||⊨ ⊨|| ^{i}R ^{i}RO ^{i}RO-^{i}Pl-w-e

Здѣсь идеограмма множественности (^{i}Pl = |▸▸▸), какъ таковая, для «страны» совершенно излишня, разъ само понятіе «страна» выражено идеографически — повтореніемъ его знака, т. е. наглядной постановкой его во множественномъ числѣ (✧ ✧). Слѣдовательно, |▸▸▸ указываетъ не на мн. «число» страны, а на фонетически отсутствующее понятіе «много», которое однако самимъ письмомъ требуется не только мысленно воспріять, но и представить себѣ фонетически или произнести какъ самостоятельное слово, ибо на лицо его окончаніе, фонетически изображенное, именно занимающее насъ окончаніе Род. падежа мн. числа -we, какъ видно изъ контекста:

«царь странъ мног-ихъ».

Въ разбираемой надписи интересующая насъ часть при предложенномъ освѣщеніи въ русскомъ переводѣ должна означать: «царь страны Біайнъ (графически: Біаінъ)», а такая постановка географическаго названія во мн. числѣ имѣетъ существенное значеніе для вопроса о первоначальномъ смыслѣ этого слова. Въ немъ приходится усмотрѣть этническій терминъ, т. е. приходится признать въ сочетаніи «страна Біайнъ» въ качествѣ первоначальнаго смысла «страна племени Біайны», а это значитъ, что халдскій народъ или народъ-властитель, говорившій на халдскомъ языкѣ и во всякомъ случаѣ поклонявшійся богу Халду, являлся господиномъ въ странѣ первоначальнаго пребыванія народа-автохтона или лишь также народа-властителя Біайновъ. Слѣдовательно, халдскія надписи, разсѣянныя по различнымъ странамъ, въ томъ числѣ не только по странѣ первоначальнаго Біайнскаго

[1] Н. Марръ, Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ (Мат. по яфет. языкознанію, V, 1912), § 7, 4 (стр. 16), 5, b (стр. 19).

народа, но и по странѣ — сѣвернѣе и восточнѣе — Урарту, своимъ распространеніемъ указываютъ прежде всего не на соотвѣтственное разселеніе халдскаго народа, а на соотвѣтственное расширеніе политической власти халдовъ, сравнительно новаго въ этихъ краяхъ племени, быть можетъ, мѣстами представлявшаго лишь господствующій классъ. Что халды заселили въ предѣлахъ Ванскаго царства страну съ прежнимъ инороднымъ населеніемъ, съ этимъ согласны всѣ и историки[1], и археологи[2]. Этого взгляда держатся и кунеологи-графисты. Когда въ одной изъ надписей Менуи (L 51) въ сочетаніи Ṯuшрае ınanı *городъ Тушпа* вм. ınanı всплыло слово patarı, Lehmann поставилъ вопросъ, значитъ ли оно также *городъ*, и не имѣемъ ли въ немъ, какъ то предполагалъ Belck, до-халдское слово?[3]

Мы имѣемъ основаніе по даннымъ яфетическаго языкознанія утверждать, что patar-ı означало *городъ-торжище*, о чемъ придется говорить особо.

2) Въ заключительной строкѣ нашей надписи, представляющей формулу-стереотипъ и для десятковъ другихъ надписей, въ фонетическомъ толкованіи нуждаются начальныя слова — alu ȷı, кунеологами читавшіяся какъ одно слово то alumı, то alusı и переводившіяся такъ: «живущій». Смыслъ былъ угаданъ вѣрно, но на лицо два слова — мѣстоименіе alu и глаголъ средняго залога ȷı.

Мѣстоименіе alu — сложное, означаетъ *тотъ, кто*. При глаголѣ дѣйствительнаго залога, когда требуется постановка подлежащаго въ Р. падежѣ, этотъ мѣстоименный комплексъ звучитъ alume *букв.* «тотъ, *кого*» въ значеніи «тотъ, *къмъ*». Въ отношеніи расчлененія этого мѣстоименнаго комплекса есть основанія пока колебаться; можно бы разбить такъ, чтобы первое слово представлялось только гласнымъ (а), а второе — согласнымъ и гласнымъ (lu), и оправдать предложенное только что значеніе «тотъ, кто» на основаніи яфетическаго языкознанія, но яфетическіе же матеріалы даютъ намъ основаніе разбить комплексъ alu на указательное мѣстоименіе al- *этотъ*, *тотъ* (въ сванскомъ a+l *этотъ* < діал. a+le‖a+la) и вопросительно-относительное мѣстоименіе u *кто*, мною разъясненное уже въ печати по даннымъ яфетическаго языкознанія (въ видѣ o < ho)[4].

Что касается ȷı-, то это причастная основа, въ значеніи настоящаго

---

[1] Б. А. Тураевъ, Исторія Древняго Востока, II, стр. 42.

[2] Б. В. Фармаковскій, Архаическій періодъ въ Россіи, стр. 36.

[3] «Ist *patarı* ein, vorchaldisches (Belck), Wort für Stadt?» (Bericht über die Ergnebnisse, ц. м., стр. 622).

[4] Опредѣленіе языка второй категоріи, § 23 (стр. 25—26).

времени, глагола *сидѣть* отъ стертаго до односогласности корня, появляющагося въ такой же истертости въ грузинскомъ въ однихъ говорахъ въ видѣ zı, въ другихъ — jı. Въ грузинскомъ въ 3-мъ лицѣ прибавляется мѣстоименный суффиксъ 3-го лица -s: zı-s || jı-s *онъ сидитъ*, съ другой стороны — прош. нес. въ древне-лит. груз. безъ мѣстоименной частицы, но всетаки съ суффиксомъ — показателемъ времени: zı·n *онъ сидѣлъ*.

Такимъ образомъ alu jı значитъ «тотъ, кто сидитъ» или «имѣетъ пребываніе (резиденцію)».

Вся I-я надпись въ русскомъ переводѣ будетъ гласить:

«Для бога Халда этотъ памятникъ.
Менуа, сынъ Ишпуина,
Халда милостью
эту каменопись (плиту писанную) поставилъ.
Отъ Менуи (въ память) объ Ишпуинѣ[1],
царя могучаго, царя страны Біайнъ,
того, кто[2] имѣетъ пребываніе въ городѣ Тушпѣ (или Тоспѣ)».

Орб. II (табл. II, рис. 1—2).

ᵈD Q̇al-dı-e e-ẖu·rı-e
pu-u·ı-nı·шe
3 rı-e-q̇ı-nı-шe
Iш-pu-u-ı·nı-q̇ı·nı-шe
lı ⁱPR -шı aш -tu-lı
6 pa-a-u
-e e-ẖu-rı-e
pu-u-ı-nı-шe
9 q̇ı-nı·шe
pu-u-ı-nı-q̇ı·nı-шe
lı ⁱPR -шı aш-tu-u-lı
12 e-ẖu

[1] Касательно перевода «(въ память) объ Ишпуинѣ» см. Обломки Делибабинской надписи, стр. 129—130.

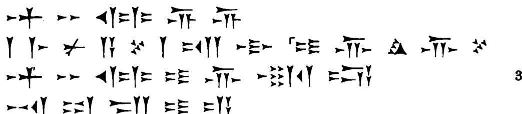
[2] Въ послѣднихъ двухъ строкахъ въ русскомъ переводѣ допущено согласованіе, въ подлинникѣ фонетически не выраженное. Слѣдовательно, буквально онѣ гласятъ: «царь могучій, царь страны Біайнъ, тотъ, кто имѣетъ пребываніе въ городѣ Тушпѣ».

	«бога Халда милостью	бога Халда милостью	
	[Иш]пуинъ. .	Ишпуинъ	
3	⌜Сарду⌝ра сынъ . . .	. . . сынъ . . .	9
	. . ‹и Менуа,› сынъ Ишпуина. .	. . ‹и Менуа,› сынъ Ишпуина. .	
	въ [Халдо]вы врата привелъ (ихъ)	въ [Халдо]вы врата привелъ (ихъ)	
6			12

Эта надпись о приношеніи одушевленнаго предмета во мн. числѣ храму Халда или вратамъ Халдовымъ (см. ниже Орб. IIIa, 3) Ишпуиномъ и Менуой всего въ 6 строкъ, какъ видно и по наличному дефектно сохранившемуся тексту, повторялась два раза (1—6 ‖ 7—12).

Орб. III (табл. I, рис. 2—3).

a

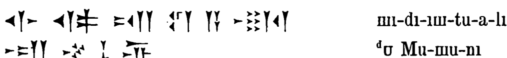
^{d}D Q̇al-dı-nı nı

^{d}P Me-nu-a-ше ^{d}P Iш-pu-ı-nı-q̇ı-nı-ше

^{d}D Q̇aldı-ı-nı-lı ^{d}PR 3

ba du-jı-ı-e

b

mı-dı-ıш-tu-a-lı

^{d}U Mu-шu-nı

Надпись съ архитектурныхъ фрагментовъ, какъ мнѣ казалось, какихъ-то частей колонны. Два фрагмента (Орб. IIIa и IIIb), сфотографированные I. A. Орбели въ Ахтамарскомъ монастырѣ, не даютъ полнаго текста, но безспорно они — части одной и той же строительной надписи. Фрагментъ b въ двѣ строки представляетъ продолженіе послѣднихъ двухъ строкъ, 3-й и 4-й, фрагмента a. Соблюдаемая въ халдскихъ надписяхъ формула позволяетъ послѣ Род. пользы съ послѣлогомъ nı (Q̇aldını nı *для Халда*) въ первой строкѣ возстановить чтеніе uш mašını *эта постройка* ‖ *этотъ памятникъ (память)*, см. выше, стр. 104. Весь текстъ въ связномъ чтеніи будетъ гласить съ русскимъ переводомъ:

dD Q̇aldını nı [uш maшını]	«Для бога Халда эта память.
dP Menuaшe dP Iшpuıniq̇ınıшe	«Менуа, сынъ Ишпуина,
dD Q̇aldınılı iPR [-iPl] шıdııшtualı	«бога Халда врата возстановилъ
ba dujıe dU Muшunı	«эти ветхія[1] города Мушуни».

Шıdııшtualı *онъ возстановилъ* вм. шıdııшtunı объясняется тѣмъ, что объектъ стоитъ во мн. числѣ (iPR-iPl) *врата*, съ чѣмъ согласуется и опредѣленіе «бога Халда», букв. «Халдовы»: поставленное въ Р. падежѣ по плавному типу, имя Бога кромѣ падежнаго окончанія (-nı) проявляетъ показатель множественности l, съ именнымъ окончаніемъ (ı) — -lı. Въ глаголѣ число объекта выражено тѣмъ же показателемъ множественности (l), но въ формѣ -al-ı: шıdııшtu-al-ı[2].

Надпись интересна въ реальномъ отношеніи для вопроса о священномъ значеніи вратъ какъ мѣстопребыванія святыни. Интересъ можетъ представить также нахожденіе упоминаемаго въ надписи святилища Халда въ городѣ или у города «Мушуни», но обсужденіе этой стороны дѣла требуетъ спеціальной работы.

Здѣсь ограничусь указаніемъ лишь на то, что въ толкованіи dujıe (прежнее чтеніе -duшıe) въ значеніи *ветхаго, стараго* я опираюсь на данныя сравнительнаго яфетическаго языкознанія: j, resp. ш здѣсь — эквивалентъ r шипящей группы и l свистящей, первый же коренной (d) халдскаго слова есть или графически точно не выраженный или дессибилованный d̬, т. е. въ словѣ имѣемъ халдскій эквивалентъ г. d̆vel-ı *древній, старый*, м. d̬wem-ı id., св. d̬ün-el. Заслуживаетъ вниманія, что наличный въ мегрельскомъ видъ слова вм. ожидаемаго въ шипящей группѣ r проявляетъ, какъ и халдскій, шипящій звукъ (ш>j). Предлагаемое толкованіе настоящаго слова по существу не отличается отъ перевода кунеологовъ-графистовъ (Sayce: «which war *decayed*»)[3], но они badujıe считаютъ однимъ цѣльнымъ словомъ, тогда какъ первый слогъ ba мнѣ представляется не префиксомъ, что впрочемъ могло бы не исключаться и при яфетидологическомъ объясненіи, а самостоятельнымъ словомъ, при этомъ въ качествѣ отдѣльнаго слова ba мо-

[1] Богъ можетъ, «храмъ ветхій» или «святилище ветхое», если за словомъ «врата» установится особое культовое значеніе.

[2] Окончанія мн. числа -al || -el, вообще показатель множественности -l свое освѣщеніе получаютъ изъ наличныхъ представителей спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, какъ, напр., сванскаго языка и особенно лезгинской группы, но встрѣчаются они и въ грузинскомъ, см. Н. Марръ, Яфетическія названія деревьевъ и растеній (Pluralia tantum), ИАН, 1915, стр. 822—825.

[3] Любопытно отмѣтить, что «старый», «состарившійся» въ значеніи «изношеннаго», «разрушающагося» примѣнительно къ зданію находимъ и въ армянскомъ христіанскомъ эпиграфическомъ стилѣ: такъ въ надписи на тимпанѣ откопанной въ 1913-мъ году въ Ани церкви реставраторъ ея пишетъ о возобновленіи «состарившейся» (ծերացեալ) церкви.

жетъ быть толкуемо и какъ указательное мѣстоименіе («этотъ»), и какъ существительное («храмъ» въ связи съ абх. a-bȁȁ) [, хорошо извѣстное также изъ другихъ надписей]. Сродное съ нашей надписью содержаніе представляетъ № XVIII Sayce'a (*Inscr.*, стр. 508—509), текстъ тождественный за исключеніемъ послѣднихъ двухъ словъ, т. е. «города Мушуни». Надпись та изъ «села Кохбанцъ, около 12 миль на востокъ отъ Вана, въ церкви св. Георгія, направо отъ входа» (ц. с., стр. 508, XVIII).

Орб. IV (табл. III, рис. 1—2).

Два фрагмента (Орб. IVa и IVb) извѣстны въ печати. Sayce, впервые издавшій ихъ (XXIX) по копіямъ Schulz'a (XX, XXI), писалъ (*Inscr.*, стр. 537): «Двѣ слѣдующія надписи высѣчены на верху и средней части [двухъ сторонъ] круглаго камня, нынѣ заложеннаго въ кладку церковнаго двора на островѣ Ахтамарѣ, въ южной части Ванскаго озера. Онѣ были скопированы также Layard'омъ и Нерсесомъ Саргисяномъ (№ VIII, VII). Изуродованность клинописныхъ знаковъ показываетъ, что камень первоначально былъ четыреугольный, и округлая форма была ему придана впослѣдствіи, послѣ того какъ надписи были высѣчены на немъ: при попыткѣ сдѣлать камень круглымъ погибшія буквы были уничтожены». Sayce въ изданіи восполнилъ первый фрагментъ шаблоннымъ заключеніемъ «царь могучій, царь...» и т. д. Sayce'у казалось, что списавшіе надпись въ 3-й строкѣ перваго фрагмента передъ puluȷı по недосмотру опустили идеограмму [собственно здѣсь детерминативъ] «камня» [cuneiform sign], но ея дѣйствительно нѣтъ въ подлинникѣ, какъ можно видѣть по фотографіи (табл. III, рис. 1).

Въ текстѣ палеографическій интересъ представляетъ появленіе лишняго ı послѣ u въ словѣ qu-u-ı-gu-u-nı (Орб. IVa, 6) и въ другихъ. Впрочемъ явленіе не морфологическое, но и не чисто графическое: въ немъ имѣемъ если не фонетическую особенность, то прозодическое явленіе, наблюдаемое въ молитвенномъ протяженіи словъ нѣкоторыхъ надписей, особенно на колоннахъ. Во всякомъ случаѣ обычная форма этого слова — qugunı. Въ лексическомъ отношеніи поясненія требуютъ въ числѣ прочихъ слова munaa (Орб. IVb, 4) и eȷını (Орб. IVb, 6). Первое переводится мною въ значеніи *оттуда*, собственно это — окаменѣлая адвербіальная форма мѣстоимѣнія 3-го лица (ср. древне-г. mu-n *тамъ*, mu+n-ıə *оттуда*). Второе — имя мѣста съ префиксомъ e- (ср. e-banı *страна*) отъ основы ȷın, но вопросъ, надо ли эту основу толковать въ значеніи *ложиться*, *спать*, *покоиться* (ср. ч. o-d̂ın-u

ложиться, лежать, спать, м. ḓıra *лежать, спать*) или *класть, полагать?* Въ первомъ случаѣ eȷını будетъ означать «мѣсто покоя» или «упокоенія», во второмъ — «положеніе», «законъ», «правила». Намъ трудно поддержать переводъ Sayce'a, читающаго слово ешını («eśini») въ значеніи «надписи».

Текстъ въ нашей транскрипціи съ русскимъ переводомъ будетъ гласить:

a.

^{d}D Q̇al-dı-e
e-hu-rı-ı-e
3 ı-nı pu-lu-ȷı
^{d}P Me-nu-u-a-ше
^{d}P Iш-pu-u-nı-q̇ı-nı-ше
6 qu-u-ı-gu-u-nı
^{d}D Q̇al-dı-ı-nı nı
al⌝-su-шı-nı ^{d}P Me-nu-a-nı
9 Iш-pu-u-ı-nı-e-q̇ı

b.

. . . ^{d}U A-q̇ı-u-nı ka-nı
^{d}RO E-rı-nu-ı-dı
3 ^{d}P Me-nu-a-q̇ı-na-a-dı
qu-ṯu-bı pa-rı mu-na-a
^{d}RO A-ı-du-nı ^{i}RO -nı
6 a-u ı-nı e-ȷı-nı
mı-ı-lı e a-gu-bı
. . u-ı-шı-nı шu-ı⌜-nı⌝
9 [ı-]nı pı-lı a-gu-bı
^{d}P Me--nu-aше a-lı-e

a. «бога Халда
милостью
эту каменопись
Менуа,
сынъ Ишпуина,
поставилъ.

Для бога Халда
вышне-небеснаго отъ Менуи
въ память объ Ишпуинѣ». . .
b. «. . . Изъ города Ахіуни
(направившись) въ страну Ерину
[сюда] въ поселеніе Менуи,

отправился оттуда
<въ> страну Аидуни:
это мѣсто упокоенія;
водопроводъ тотъ провелъ я,

изъ [вверху] расположеннаго озера
этотъ водопроводъ провелъ я».
Менуа говоритъ.

Для курьеза отмѣтимъ, что Sayce въ Aqıunı kanı («Akhıunıkas») склоненъ былъ признать современный «Akhavank»[1], въ Erınu («Erinuis»)—островъ Ахтамаръ, а въ Aïdunı («Aidus»)—противуположный берегъ материка (*Inscr.*, стр. 395 и 539). Sayce исходилъ изъ положенія, что камень съ фрагментами надписи не только нынѣ находится, но и происходитъ съ острова. Въ то же время онъ не представлялъ себѣ, что камень-остатокъ пулужа, что, слѣдовательно, на различныхъ, быть можетъ, и всѣхъ сторонахъ камня была одна цѣльная надпись поминальная или памятная о дѣяніяхъ Менуи, и наличные обрывки ея — части. Естественно поэтому, что Sayce заключительную часть своего разбора начинаетъ слѣдующими словами (ц. с., стр. 539), сейчасъ имѣющими значеніе лишь для исторіи толкованія халдскихъ текстовъ: «Ясно, что эта надпись [Орб. IVb] нѣкогда занимала значительно бо̀льшее мѣсто, чѣмъ текстъ [Орб. IVa] на обратной сторонѣ камня. Такъ какъ, однако, послѣдній текстъ высѣченъ тѣмъ же царемъ, то или камень въ подлинномъ видѣ такъ былъ отдѣланъ, что его можно было видѣть и читать съ обѣихъ сторонъ, или онъ, разъ употребленный Менуой для надписи a, должно быть, былъ опять использованъ имъ же [для надписи b] послѣ посѣщенія острова Ахтамара. Изъ 3-й строки [надписи b] можно видѣть, что посѣщеніе Менуи относится къ концу его царствованія, когда онъ сталъ пріобщать къ правленію сына своего Аргиштія».

На Ахтамарѣ есть слѣды халдскаго строительства, но пріуроченіе наличныхъ камней къ тому или иному мѣсту должно происходить съ осторожностью. На Ахтамарскій островъ такъ же могли приноситься клинописные памятники, какъ они, по всей видимости, и уносились съ него.

Въ западномъ притворѣ[2] церкви св. Креста въ Ахтамарѣ Линчъ еще видѣлъ большую глыбу камня. Спутники, члены мѣстной братьи, освѣдомили его, «что камень лежитъ на могилѣ нѣкоего Абдул-Мессіи, царя, какъ они предполагали, династіи Арцруни. Если этотъ кусокъ камня

[1] Такъ какъ основу aqı-, стоящую въ формѣ мн. числа на -un, въ связи съ h. ay-gı (< *ya-gı) *садъ*, кази-кум. a-q и авар. a-q̇ *садъ* можно толковать въ значеніи также *сада*, то естественно возникнуть вопросу, не есть ли въ такомъ случаѣ Aqı-un-ı *Сады* названіе той части города Вана, которую называли также Садами армяне (Aygestan) и за ними турки (Bağlar)? Но такія толкованія должны устанавливаться не съ отдѣльно выхваченными изъ текста словами.

[2] Новѣйшая пристройка 1803-го года.

тотъ самый, на которомъ Лэярдъ видѣлъ кой-какія клинообразныя буквы, ихъ Абдул-Мессія можетъ представить искаженіе имени великаго царя Менуи, открытаго изысканіями западныхъ ученыхъ»[1].

Въ армянской средневѣковой литературѣ популяренъ былъ мученикъ Абдул-Мессія, воспѣтый между прочимъ поэтомъ вардапетомъ Стефаномъ; но освѣдомители англійскаго путешественника имѣли въ виду святого подвижника Абдул-Мессію, хотя и не царя, но изъ рода Арцруніевъ, сына великаго князя св. мученика Торника; Абдул-Мессія, скончавшійся въ 1121-мъ году, былъ погребенъ въ обители (ի գուռն) св. Креста на островѣ Ахтамарѣ[2].

Но, съ другой стороны, этотъ камень едва-ли слѣдуетъ отожествлять съ тѣмъ, на которомъ Лэярдъ видѣлъ клинопись. Послѣдній камень, какъ догадывался и Линчъ[3], былъ перенесенъ въ библіотеку. Что же касается большого камня, служившаго надгробіемъ, онъ былъ разбитъ и выброшенъ, какъ сообщилъ объ этомъ I. А. Орбели одинъ изъ членовъ Ахтамарской братьи. Кстати, этотъ монахъ также говорилъ моему освѣдомителю I. А. Орбели, что такое надгробіе находилось на могилѣ Абдул-Мессіи, но онъ не связывалъ его ни съ какимъ царскимъ родомъ.

B.

Вторая группа матеріала изъ командировки Орбели — обломки, въ количествѣ четырехъ, пяти камней или каменныхъ плитъ съ надписью, но по остаткамъ содержанія трудно рѣшить, представляли ли надписи текстъ простыхъ лицевыхъ плитъ или стелъ съ протоколомъ дѣяній, т. е. по-халдски puluj-ı. Судя по обломкамъ, дѣло имѣемъ скорѣе съ простыми плитами. Обломковъ всего на лицо четыре.

Три изъ нихъ (a, c, d) изъ Хайкаберда на горѣ Болдаг̆ѣ, въ долинѣ Хошаба, у деревни Аспацашена (на картѣ Аствацашена). Они куплены отъ курда, который на глазахъ I. А. Орбели побѣжалъ за ними и доставилъ ему, а два (b и e) съ Топрах-калы, причемъ b съ западнаго склона Топрах-калы, на мѣстѣ такъ называемаго Зымзым-даг̆ъ (Zəmzəm-dağ)[4], находка I. А. Орбели въ щебнѣ, отброшенномъ при раскопкахъ Белька, а мѣсто находки e названо со словъ продавшаго его мальчика.

Три куска (a, c, d) камня съ обрывками надписи составляютъ части

---

[1] Armenia Travels and Studies, т. II, стр. 133.

[2] Ѳома Арцруній, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Пет. 1887, стр. 309, 315.

[3] ц. с., II, стр. 133, прим. 2: «But the stone which Layard saw in the partico has probably been removed to the library».

[4] Въ этой горѣ пещерный храмъ, называемый Zəmzəm-mağara = Зымзым-маг̆ара, букв. «Зымзымская пещера».

надписей одной работы, судя по характеру буквъ. Того же характера буквы на обломкѣ e. Въ тѣхъ же отношеніяхъ, именно по способу высѣканія буквъ, обломки поразительно напоминаютъ А XIV изъ Ганлытапы (Нк, табл. XXIII, 1 къ надписи XXII-й на стр. 99—100). Но наши обломки, быть можетъ, отъ надписей культоваго содержанія, во всякомъ случаѣ въ нихъ рѣчь была о жертвенныхъ животныхъ или въ текстѣ перечислялись захваченныя въ добычу животныя.

a) (Табл. IV, рис. 1) Разм.: шир. 0 м., 11, выс. 0 м., 10; на обломкѣ какъ будто слѣды огня (чернота)[1].

	iAG]/	«ягненокъ
	▨] ba	
	iO	овца»

3-ья строка представляетъ остатокъ комбинаціи углами, правую часть одной изъ слоговыхъ буквъ (ip, lu) или идеограммы («овца»). По связи съ ягненкомъ (или «ягнятами»), — понятіемъ, представленнымъ въ 1-й строкѣ также идеограммой, предпочтеніе оказано признанію въ остаткѣ — идеограммы «овцы» (или «овецъ»).

b) (Табл. IV, рис. 7) Разм.: шир. 0 м., 065, выс. 0 м., 095.

	iB	«быки»

Можно бы было въ наличной части признать слогъ giш, часть имени Аргиштія, но слогъ находится въ началѣ строки данной плиты и затрудняемся допустить раздѣленіе слова между двумя плитами, тѣмъ болѣе между двумя строками; то же начертаніе безъ всякаго восполненія имѣетъ значеніе детерминатива дерева, но обрывки надписи говорятъ о животныхъ, а не о сооруженіяхъ съ упоминаніемъ деревянныхъ частей. Какъ недописанная часть, знакъ можетъ быть началомъ многихъ слоговыхъ буквъ, а также детерминатива *быка* (paqiш):, и въ виду контекста послѣднему толкованію дефектнаго чтенія отдано предпочтеніе, признавать ли въ быкахъ часть перечня жертвъ или военной добычи.

c) (Табл. IV, рис. 2) Разм.: шир. 0 м., 09, выс. 0 м., 14.

	ni [ni]	«. . . . .
	(II) M IV	Двѣ тысячи четыре . .
	IV M	Четыре тысячи . . . . .
	. . nin[2]	

[[1] Камень совершенно того же характера и цвѣта, что сизыя плиты изъ Топрахкальскаго храма, какъ по прочтеніи доклада пришлось мнѣ видѣть лѣтомъ 1916 г.].

[2] или iu *море*.

d) (Табл. IV, рис. 3) Разм.: шир. 0 м., 055, выс. 0 м., 105.

[cuneiform]	ịu	«городъ»
[cuneiform]	ni	

e) Разм.: шир. 0 м., 055, выс. 0 м., 08.

[cuneiform]	ni

C.

Третья группа матеріала изъ командировки Орбели представляетъ, несмотря на его крайнюю фрагментарность, особый археологическій интересъ по мѣсту помѣщенія надписей. Это надписи съ глиняныхъ сосудовъ, собственно ихъ сохранившихся обломковъ. Ихъ четыре:

1-й (изъ двухъ обломковъ: табл. IV, рис. 6), 3-й (табл. IV, рис. 5) и 4-й (табл. IV, рис. 4) куски найдены въ Хайкабердѣ: они были еще сырые, когда изъ Хайкаберда курдомъ были доставлены I. А. Орбели въ Ванъ. На всѣхъ слово ḳirujı, на 1-мъ изъ нихъ — съ предшествующимъ числомъ «8».

2-й кусокъ (табл. IV, рис. 8) былъ пріобрѣтенъ; найденъ же былъ онъ давно на Топрах-калѣ, это уже въ самомъ Ванѣ, собственно у части Вана, называемой Сады (Айгестанъ, Баг̆ларъ). На немъ надпись: «VII aḳarkı».

Этотъ фрагментъ, быть можетъ, остатокъ отъ времени нѣмецкихъ изысканій.

Объ одномъ такомъ черепкѣ съ клинообразной надписью изъ развалинъ въ селѣ Шушанцъ близъ Вана сообщалъ Belck [1]: черепокъ былъ въ рукахъ учителя армянской школы въ Ванѣ.

«Въ раскопкахъ на Топрах-калѣ у Вана, произведенныхъ для Вирховскаго учрежденія (Virchow-Stiftung)», писали W. Belck и C. F. Lehmann въ первомъ отчетѣ о путешествіи по Арменіи [2], «помимо обширныхъ пещерныхъ построекъ (такъ лѣстницы въ 55 ступеней, высѣченной внутри скалы и ведущей къ подземному залу въ скалѣ), далѣе — основанія храма и другихъ зданій и нѣкотораго количества цѣнныхъ мелкихъ находокъ были также открыты части большихъ глиняныхъ кувшиновъ съ указаніями мѣры клинописью, обломки надписей на камняхъ и кой-какіе обломки глиняныхъ плитъ съ клинописью».

Въ Спискѣ надписей подъ номерами *165—177 говорится, что у

[1] Bauten und Bauer der Chalder, ц. ж., 1905, стр. 610.

[2] Bericht über eine Forschungsreise durch Armenien von W. Beleck und C. F. Lehmann (Vorgelegt von Hrn. Diels am 2. Februar [1899]), Sitzungsber. der K. Pr. Ak. der Wiss. zu Berlin, 1899, стр. 120.

нихъ «по крайней мѣрѣ 13 фрагментовъ глиняныхъ кувшиновъ съ указаніемъ содержанія въ (единицахъ мѣры) akarḳı и ḥırusı [q̇ıruȷı]»[1].

Чтеніе надписей съ четырехъ обломковъ, привезенныхъ I. A. Орбели, слѣдующее:

1	[cuneiform]	VIII q̇ı-ru-ȷı
2	[cuneiform]	VII a-ḳar⟨-kı⟩
3	[cuneiform]	q̇ı-ru-ȷı
4	[cuneiform]	q̇ı-ru-ȷı

Q̇ıruȷı, предполагается, означаетъ единицу мѣры или вѣса, единицу ёмкости. Въ терминѣ имѣемъ, по всей видимости, составное слово. Полный текстъ можетъ въ такомъ случаѣ означать или столько-то опредѣленныхъ единицъ мѣры, или вмѣстилище о столькихъ-то опредѣленныхъ единицахъ мѣры. Если держаться послѣдняго пониманія, вторая часть -uȷı могла бы быть объяснена въ связи съ основой ȷı или корнемъ ȷ *сидѣть*, *помѣщаться* съ префиксомъ имени мѣста u-: u-ȷı *вмѣстилище*. Что же касается первой части q̇ır какъ единицы мѣры, этимологіи сейчасъ не касаюсь, но не могу не сопоставить ее съ основой qıl-, наличной въ грузинскомъ съ суффиксомъ полнымъ -ak и усѣченнымъ -a: 1) съ полнымъ суффиксомъ qıl-ak значитъ *кадка*, *мѣра*: половина *кода* (вѣсъ kod'a колебался по мѣсту и времени, обыкновенно: 2 пуда съ четвертью), 2) съ усѣченнымъ суффиксомъ qıl-a значитъ *глиняный сосудъ*, *горшокъ*, а также вѣсъ въ 1 пудъ; отсюда и въ тифлисскомъ говорѣ армянскаго языка qıl-a *кувшинъ*[2].

Что касается akarḳı (|| aḳarkı), то и въ немъ имѣемъ основаніе признать если не составное слово, то производное отъ основы kar (ḳar || gar) съ префиксомъ a- и суффиксомъ -ḳı. И въ этомъ терминѣ можно предполагать не только единицу мѣры ёмкости, но и названіе кувшина сначала опредѣленной мѣры, и въ такомъ случаѣ въ суффиксѣ -ḳı легко признать яфетическій показатель множественности спирантной вѣтви—ḳ, эквивалентъ һайскаго и абхазскаго q и сванскаго q̇. Такъ какъ съ показателемъ мн. числа q (что отнюдь не есть ab ovo окончаніе Им. мн., лишь функціонально является таковымъ) чередуется въ һайскомъ показатель множественности s (что также отнюдь не окончаніе Вин. падежа мн. числа, какъ раньше предполагалось, а лишь функціонально является таковымъ), то вм. суффикса -ḳı > -ḳ въ сродныхъ

[1] Bericht über die Ergebnisse, ц. м., стр. 626, см. также стр. 623, *69.

[2] Аčарянъ, Հայերէն Գաւառական Բառարան, Тифлисъ 1913, s. v.: «քիլայ [читай քիլա] Տփ. բղուղ».

яфетическихъ языкахъ могъ появиться суффиксъ -sı (-se) > -s[1], что и находимъ въ hайскомъ словѣ, образованномъ отъ той же основы kara-: karası (|| karase) > karas, и означающемъ армянскіе кувшины, хорошо извѣстные намъ какъ изъ раскопокъ въ Ани (въ числѣ ихъ и экземпляры съ орнаментованными поясами[2]), такъ и изъ современной армянской бытовой жизни[3].

Но и остатокъ слова по отвлеченіи суффикса -sı > -s, именно kara- представляетъ также форму мн. числа на -ra. Показатель множественности r, обычный въ опредѣленныхъ группахъ яфетическихъ языковъ, имѣетъ видъ -ra именно въ абхазскомъ, причемъ на него въ абхазской рѣчи въ большинствѣ успѣли нарасти другіе суффиксы мн. числа или q+wa>q̥a или ϑ̇+wa > ϑ̥a, отсюда — обычныя у абхазовъ тройныя окончанія мн. числа: -ra-q̥a и -ra-ϑ̥a. Въ hайскомъ и армянскомъ дѣло дошло, слѣдовательно, лишь до двойного или сугубаго мн. числа: -ra-sı > -ra-s[4]. Чистой основой такимъ образомъ является ka, но основа эта, какъ увидимъ, дефектная: ей не хватаетъ въ исходѣ спиранта h (ka- < kah).

Ни у древнихъ, ни у новыхъ армянъ, насколько я могъ освѣдомиться karası > karas не проявляетъ значенія единицы мѣры, но любопытны слѣдующія обстоятельства.

Съ одной стороны, въ hайскомъ karası значитъ не только *глиняный кувшинъ* (karas), но и всякую *утварь*, *скарбъ*, *убранство дома*, *поклажа*.

Въ hайскомъ же это слово появляется безъ всякаго окончанія мн. числа, и безъ вторичнаго -sı, и безъ первичнаго -ra, но съ сохраненіемъ спирантнаго исхода самой основы: kah, что значитъ также *утварь, посуда*, *движимое имущество* и т. п.

Съ другой стороны отъ основы kah-ra->ka-ra-, воспринятой въ значеніи *поклажи*, *вьюка*, яфетическимъ суффиксомъ -ur>-ul (при второмъ r) образовано прилагательное kahra-ul-ı < kara-ul-ı, означающее *вьючный;* слово такое на лицо въ древне-грузинскомъ, гдѣ этотъ эпитетъ соотвѣтственнаго животнаго обращенъ въ существительное со значеніемъ «оселъ», «мулъ»[5].

---

[1] Эти же окончанія мн. числа, природныя для свистящей группы сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ, наличны въ аварскомъ языкѣ въ разновидностяхъ со звонкимъ z вм. глухого s: -zı (-ze) > -z, причемъ первые два (-ze || -zı) съ функціею суффикса отглагольнаго имени.

[2] См. работу о нихъ Г. Н. Чубинова, Декоративное убранство Анійскихъ карасовъ (Христ. Востокъ, т. V, стр. 22—39).

[3] Въ ново-литературномъ армянскомъ karas'у усвоили и значеніе *бочки*.

[4] Если допустить уже въ халдскомъ сугубое мн. число, то въ a-karķı такимъ сугубымъ окончаніемъ явился бы слогъ -r+ķı (ср. абх. -ra+q). Но далѣе выясняется, что сама основа полностью у армянъ звучала kah, и возникаетъ вопросъ, не представляетъ ли r халдскаго слова прототипъ hайскаго h, исходнаго спиранта основы kah.

[5] Въ Ванѣ «мулъ» среди армянъ извѣстенъ обыкновенно, какъ подсказываетъ мнѣ I. А. Орбели, подъ названіемъ bernəkir *вьюконосецъ*. Въ hайскомъ языкѣ gərast, означающій

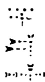
Наконецъ, то же слово въ формѣ мн. числа на s, но отъ согласной основы kar-, т. е. *kars съ грузинской перестановкой rs въ sr представлено въ грузинскомъ въ видѣ kasr-ı. И этотъ kasrı сейчасъ означаетъ *бочку*, *чанъ*, по Орб.— «деревянную посуду у пастуховъ». Но то же слово, лингвистическая разновидность haйскаго karası > karas *кувшинъ* и халдскаго a-karḳ-ı, единицы мѣры, означало также у грузинъ единицу мѣры сыпучихъ тѣлъ и жидкости, по Чубинову въ 1-мъ изданіи «1 пудъ», «четверикъ», «мѣра содержащая въ себѣ 8 чанаховъ (čanaq̇ = ჩანახ)» или «гарнцевъ (см. подъ ჩანახ-ი), во 2-мъ изданіи — «1 пудъ», «четверикъ», «два чанаха», по Орб. — «мѣра одна, вмѣщающая восемь doq'овъ» (doq-ı — глиняный кувшинъ вмѣстимостью 25 čuq̇t'овъ вина, а čuq̇t — $33^1/_2$ мисхала, Ч¹ $33^1/_2$ золотника).

Быть можетъ, и халдскій akarḳı, словарно двойникъ грузинскаго kasrı, дѣлился на восемь единицъ мѣры, именно 8 хир'овъ, и черепокъ нашъ съ надписью «8 хировъ вмѣстимостью» есть обломокъ кувшина, по-халдски называвшагося a-kar-ḳı.

Съ послѣднимъ связывается и терминъ kapı[1], но въ этотъ разъ прерываю дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса: его одного достаточно для спеціальнаго доклада, при чемъ, конечно, требуется предварительно болѣе основательно изслѣдовать подлежащіе матеріалы съ различныхъ сторонъ — не только лингвистической, но и реальной, и не только археологической, но и культурно-исторической и этнографической.

D.

Особо приходится упомянуть о слѣдующемъ сомнительномъ текстѣ.

Ar-
gıш-
tı

На одномъ изъ обломковъ декоративной плиты изъ мрамора, привезенныхъ I. А. Орбели изъ той же командировки и сейчасъ доступныхъ, въ великолѣпномъ изданіи Б. В. Фармаковскаго[2], высѣчены линіи: эти линіи могутъ быть приняты за части клинописныхъ начертаній. Если это дѣйствительно остатки клинописи (а не концы вѣтвей дерева), то они

вьючной, понимается, смотря по обстоятельствамъ, какъ «оселъ», а также «мулъ», а затѣмъ «лошадь» и вообще «верховое животное».

[1] Lehmann, Bericht über die Ergebnisse, ц. м., стр. 623, *69, *102.

[2] Архаическій періодъ въ Россіи, Петроградъ 1914 (Отд. отт. изъ «Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Археологической Коммиссіей», № 34), табл. XVII,6.

въ лучшемъ случаѣ ясные свидѣтели того, что надпись на ней была. Предложенное выше чтеніе можетъ быть дано и дается лишь какъ гадательное, притомъ гадательно устанавливается и то, что буквы шли не въ рядъ, а сверху внизъ[1]: иначе надпись, повидимому, зашла бы на рисунокъ. Мое гадательное чтеніе даетъ имя царя Аргиштія. Хорошо извѣстно, что цари ясно оповѣщали посѣтителей надписями въ полдесятка мѣстахъ внутри дворца о строителѣ его[2]. Такія надписи иногда состоятъ изъ одного слова, такъ, напр., на одной колоннѣ, сохранившейся въ церкви въ Патноцѣ, на сѣверномъ склонѣ Сипан-дага: ᴵᴚ Ішpuınіе, что значитъ «царя Ишпуина», т. е. постройка царя Ишпуина[3]. Слѣдовательно, полностью наша надпись могла гласить Argıшtıше или Argıшtіе *Аргиштія*, т. е. постройка царя Аргиштія. Если бы это получило дальнѣйшее подтвержденіе находкой недостающихъ кусковъ, то расхожденіе со стилистическимъ опредѣленіемъ памятника было бы незначительно: Б. В. Фармаковскій эти обломки, какъ онъ предполагалъ, отъ фриза относитъ къ сыну Аргиштія — Русѣ II-му (680—645) и сыну Эримена—Русѣ III (606—585). Аргиштій нашей надписи могъ быть Аргиштіемъ конца VIII-го вѣка, т. е. II-мъ [сейчасъ, при чтеніи корректуры послѣ личныхъ наблюденій въ Ванѣ, добавлю оговорку— если оставаться въ кругу раздѣлявшихся и мною прежнихъ представленій]. Belck сообщаетъ[4]: «я видѣлъ въ Хай<о>цдзорѣ богато орнаментованные лицевые камни дома (мраморъ), очень чисто и красиво отдѣланные, которые были откопаны въ холмѣ развалинъ у села Гюганцъ вмѣстѣ съ одной надписью (надо думать, Аргиштія II)».

Н. Марръ.

---

[1] Детерминативъ лица (Ｙ), значитъ, помѣщался строкой выше.
[2] Belck, Bauten und Bauen der Chalder, Zeitschr. für Ethn., 1905, стр. 610.
[3] Sayce, № 70 (JRAS, 1893, стр, 8), Belck, ц. с., стр. 611.
[4] ц. с., стр. 612.

1. Надпись царя Менуи въ Варагѣ (фот. гр. А. А. Бобринскаго).

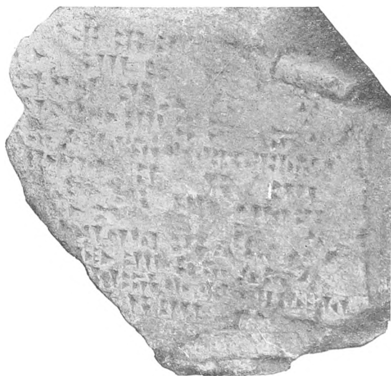
a

b

2—3. Фрагменты надписи царя Менуи въ Ахтамарѣ.

1—2. Дефектная надпись царей Ишпуина и Менуи въ Ахтамарѣ.

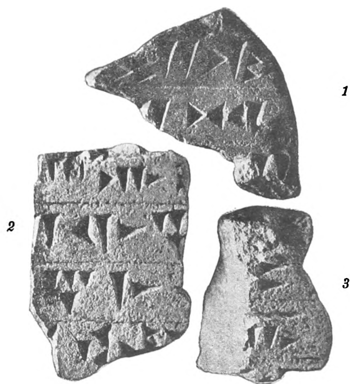

a

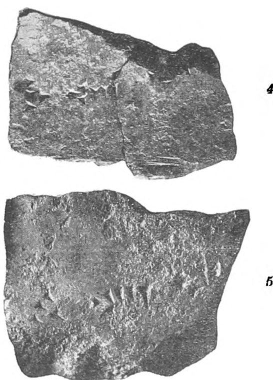

b

1—2. Фрагменты надписи царя Менуи въ Ахтамарѣ.

1—3. Фрагменты каменныхъ плитъ изъ Хайкаберда.

4—5. Фрагменты сосудовъ изъ Хайкаберда.

6. Фрагментъ сосуда изъ Хайкаберда.

7—8. Фрагменты каменной плиты и сосуда съ Топрах-калы.

Обломки Делибабинской халдской надписи[1].

Съ весны прошлаго года стали къ намъ поступать новые матеріалы по надписямъ Ванскаго царства на халдскомъ языкѣ. Фотографія одной такой надписи, представляющая особый интересъ, была прислана мнѣ епископомъ Нерсесомъ изъ Макинскаго ханства[2]. Особый ея интересъ двоякій: во-первыхъ, техникой и по особенностямъ стиля она примыкаетъ къ весьма трудной для толкованія надписи, откопанной близъ Эчміадзина въ церкви Бдящихъ силъ (Zowarϑnoϑ) и изданной съ русскимъ переводомъ, между прочимъ, у насъ В. С. Голенищевымъ въ ЗВО[3], и, во-вторыхъ, своимъ содержаніемъ восполняетъ историческую перспективу, открываемую надписью, найденной въ Карсской области у Чалдырскаго (или вѣрнѣе — Чалдирскаго) озера. Къ концу лѣта (1915) мнѣ былъ обѣщанъ консуломъ С. П. Олферьевымъ самый камень съ надписью изъ Макинскаго ханства, не знаю, оригиналъ полученной уже фотографіи или иной, но пока я не располагаю имъ.

Переходя къ сообщенію о Делибабинской надписи, я долженъ отмѣтить, что въ военной средѣ среди офицеровъ на кавказскомъ фронтѣ проявленъ былъ особый интересъ къ клинописнымъ памятникамъ. Былъ рядъ случаевъ, когда съ разспросами обращались къ различнымъ лицамъ, въ числѣ ихъ и ко мнѣ, за указаніями на литературу предмета и особенно печатный букварь клинописи; присылались фотографическіе снимки надписей, большей частью оказывавшихся извѣстными. Снимки все-таки представляли интересъ, какъ безспорно точное воспроизведеніе, а не копіи отъ руки.

Вернувшись изъ рождественской (1915—1916) поѣздки въ Абхазію, я засталъ у себя фотографическій снимокъ Делибабинской надписи, лю-

---

[1] Вторая часть доклада читаннаго 20-го февраля 1916 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества (см. стр. 97).

[2] Надпись эта, также составившая предметъ особаго доклада въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія, готовится къ печати.

[3] XIII, стр. 086—092: Надпись Древне-Ванскаго царя Русы II-го (съ факсимиле на двухъ таблицахъ: II—III, между страницами 092 и 093), см. также W. Belck, Die Steleninschrift Rusas' II Argistihinis von Etschmiadzin, ZDMG, LVIII, 1904, стр. 161—197.

безно пересланный мнѣ Б. А. Тураевымъ, которому матеріалъ переданъ былъ А. А. Шахматовымъ, въ свою очередь получившимъ фотографію отъ г-на С. Смирнова. При видѣ девяти кусковъ надписи на фотографіи, я увлекся ихъ складываніемъ и убѣдился, что это — части (1—9) одной надписи, раньше чѣмъ познакомился съ письмомъ г. Смирнова отъ 15-го декабря 1915 года, слѣдующаго содержанія:

«Многоуважаемый Алексѣй Александровичъ, въ одномъ изъ армяно-турецкихъ селеній (Дели-баба, Эрзерумскаго округа) мной найденъ камень съ клинописью. Снимокъ съ камня шлю вамъ. Можетъ быть, онъ для знатоковъ будетъ интереснымъ. Камень, къ сожалѣнію, разбитъ. Я собралъ, какіе могъ найти, осколки и снялъ ихъ. Сложить ихъ по тексту я, конечно, былъ не въ состояніи. Судя по структурѣ, камень не мѣстнаго (Дели-бабинскаго) происхожденія. Селеніе почти разрушено. Камень былъ вдѣланъ въ стѣну (сѣверную) армянскаго храма. Отъ храма остался цѣлымъ лишь входъ-портикъ. Снимокъ съ послѣдняго постараюсь прислать.

«До войны Дели-баба населено было, главнымъ образомъ, армянами (и немного — турокъ и персовъ [вѣроятно, «аджемовъ», т. е. турокъ-шіитовъ?]). Есть магометанское кладбище. На немъ имѣется гробница, по преданію, какого-то арабскаго мужа — Дели-баба. Снимокъ съ нея тоже пришлю»[1].

Камень, собственно, не разбитъ; судя по фотографіи (табл. V, рис. 2), сбиты лишь съ лицевой стороны слои съ частями надписи. Такихъ обломковъ 8; изъ нихъ три *(1, 2, 3)* поставлены на самомъ пострадавшемъ камнѣ, а пять *(5, 6, 7, 8, 9)* — подъ нимъ. Основная часть *(4)*, отъ которой всѣ эти куски отбиты, лежитъ верхомъ внизъ. Обломки *2* и *8* лежатъ на лѣвомъ боку, *3* — на правомъ, *5, 7* и *8* — верхомъ внизъ.

Девять обрывкковъ надписи по частямъ въ порядкѣ ихъ нахожденія на снимкѣ разбитаго камня читаются такъ:

1 [8—9 стк., къ концу].

na-a-u
(T̲u)-иш-ра

3 [1—2 стк., начала].

^{i}D Q̇al-
^{d}P Me-nu-

2 [4—9 стк., концы].

(-nı)-nı
a-nı
nı-e-q̇ı
u-ı-nı
u-e
a ^{i}U

[1] Снимки пока не получены.

4 [5—9 стк., начала].

al su
^{d}P Iш-pu-u-
^{i}R ^{i}PT ^{i}R al-
^{i}R ^{d}RO Bi-i-a-i-
a lu ji ^{d}U Tu-

5 [3—5 стк., начала].

-i
ba
al

6 [1 стк., средняя часть].

-di-ni ni

7 [6—7 стк., отъ средней части].

i-ni
-su-

8 (3—4 стк., за началами).

(ni) ^{i}DM
(ba) du-ji

9 [1—2 стк., за началами].

-di-ni-
-a-ше ^{d}P

Когда, руководствуясь содержаніемъ, я сложилъ куски и обломки почти полностью и прочиталъ текстъ надписи царя Менуи, то сразу стало ясно, что мы имѣемъ въ осколкахъ въ изуродованномъ видѣ надпись въ 9 строкъ, извѣстную съ февраля 1910-го года. Тогда она появилась, правда, въ плохой копіи, но въ цѣломъ видѣ на страницахъ эчміадзинскаго органа «Араратъ».

Надпись на камнѣ въ церкви въ селеніи Дели-баба указывается и C. F. Lehmann'омъ въ его спискѣ до-халдскихъ и халдскихъ надписей, долженствовавшемъ послужить основой задуманнаго въ Германіи изданія *Corpus Inscriptionum Chaldicarum*[1]. Изъ числа надписей, открытыхъ Belck'омъ и Lehmann'омъ въ изысканіяхъ 1898-го — 99-го годовъ по Арменіи, въ этомъ спискѣ подъ № 61-мъ значится такая Делибабинская надпись[2]. Но Lehmann говоритъ о надписи въ 11 строкъ, тогда какъ наша съ заключительной фразой всего въ 9 строкъ.

Что касается изданія въ армянскомъ журналѣ «Араратъ», мы имъ обязаны архіепископу Іусику, который посвятилъ тексту статью «Клинообразная надпись Дали-бабы» (стр. 188—189) и воспроизвелъ копію (стр. 190) въ сотрудничествѣ съ Галустомъ Теръ-Мыкыртичяномъ, прочитавшимъ надпись (стр. 191).

---

[1] Bericht über die Ergebnisse, ц. м., стр. 619—633.

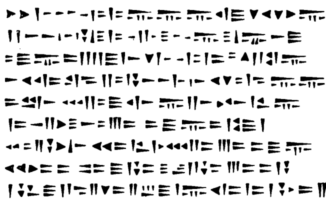
[2] ц. с., стр. 623, *61. Тѣ же изслѣдователи должны были доставить эстампажъ, судя по слѣдующему замѣчанію (ц. с., стр. 620): «Mit nicht nennenswerthen Ausnahmen haben wir von allen Inschriften, alten wie neuen, mindestens einen Abklatsch angefertigt».

О томъ, какъ онъ узналъ объ этой надписи и раздобылъ ее, архіеп. Іусикъ разсказываетъ слѣдующее:

«Въ селѣ Дали-баба Эрзерумскаго вилайета въ стѣнѣ церкви внутри, близъ купели, вложена клинописная надпись. Узнавъ объ этомъ отъ г. Киракоса Теръ-Аѓександряна, жителя села Стыханъ (Սթըհան) въ русскомъ Басенѣ, расположеннаго въ четырехъ часахъ пути, приблизительно въ 40 верстахъ отъ русской границы[1], я попросилъ его прислать копію этой надписи въ эстампажѣ или въ фотографическомъ снимкѣ въ Эчміадзинъ, гдѣ имѣется большое собраніе этого рода надписей. Г-нъ К. Теръ-Агександрянъ сообщаетъ, что онъ 3-го февраля отправился въ Дали-бабу, хотѣлъ сдѣлать эстампажный снимокъ клинообразной надписи, но не удалось, такъ какъ, какъ онъ пишетъ, «не нашлось пропускной бумаги и вообще бумаги.

«Г-нъ К. Теръ-Аѓександрянъ входитъ въ церковь съ мѣстными жителями свящ. Антономъ Тухикяномъ и г-номъ Яковомъ Тутянцемъ и при ихъ содѣйствіи съ большой осторожностью копируетъ надпись карандашемъ. По словамъ стариковъ, камень съ надписью происходитъ изъ кладки древней разрушенной церкви въ мѣстѣ близъ Дали-бабы, называемомъ Боѓазъ. Его принесли какъ святыню и заложили въ стѣну церкви Дали-бабы у купели....[2]. Дали-бабинская надпись — въ девять строкъ. Ширина ея по К. Теръ-Аѓександряну—полтора аршина, длина неизвѣстна, такъ какъ заложена въ стѣну».

Копія, напечатанная въ «Араратѣ» (см. рис. въ текстѣ) даетъ, какъ справедливо замѣтилъ еще о. Галустъ, «лишь приблизительное понятіе». Но она теперь, когда дѣло имѣемъ лишь съ обломками, является прекраснымъ подспорьемъ для установленія послѣдовательности частей. И дѣйствительно, текстъ возстанавливается полностью.

Его я и предлагаю съ сохраненіемъ указаній восполняемыхъ частей, хотя въ послѣдній моментъ я получилъ возможность использовать фотогра-

[1] Верстахъ въ десяти на сѣв.-вост. отъ пути изъ Алашкерта въ Эрзерумъ черезъ Хасан-калу.

[2] Далѣе 13 строкъ посвящается мѣрамъ, принятымъ для полученія копіи съ другой надписи, находящейся въ курдской деревнѣ Язлы-ташъ.

фическій снимокъ (табл. V, рис. 1) сдѣланный Н. Н. Беллонинымъ съ надписи еще въ цѣломъ видѣ [1].

^{d}D Q̇al-dı-ni-nı uш ша-шı-nı
^{d}P Me-nu-a-ше ^{d}P Iш-pu-u‹-ı›-nı-q̇ı-nı-ше
3 ı-nı ^{i}DM шı-dı-ıш-tu-nı
ba du-jı-e ^{i}D Q̇al-dı-nı-nı
al su-ı-шı-nı ^{d}P Me-nu-a-nı
6 ^{d}P Iш-pu-u-ı-nı-e q̇ı
^{i}R ^{i}PT ^{i}R al-su-u-ı-nı
^{i}R ^{i}RO Bı-ı-a-ı-na-a-u-e
9 a lu jı ^{d}U T̲u-uш-pa-a ^{i}U

Въ немъ полная формула вступленія съ Q̇aldınını (1) вм. Q̇aldını. Изъ частицъ требуетъ новаго толкованія еще послѣлогъ q̇ı || q̇e *надъ, вверху* съ Р. падежомъ на -е въ значеніи «изъ-за» кого» или «о комъ». Семасически использованіе слова «надъ», «вверху» въ значеніи «за» || «изъ-за кого»,

[[1] Настоящая статья была давно уже сверстана, когда я получилъ письмо С. В. Теръ-Аветисяна отъ 25-го января текущаго (1917) года; въ сообщеніи объ извѣстныхъ ему нѣсколькихъ клинообразныхъ надписяхъ «за Караурганомъ на правомъ берегу Аракса въ сел. Дели-баба» касательно одной, бывшей «въ стѣнѣ армянской церкви», С. В. Теръ-Аветисянъ пишетъ: «членъ Кавказскаго Отдѣла Московскаго Археологическаго Общества Н. Н. Беллонинъ передалъ мнѣ двѣ фотографіи Делибабинской клинописи, которыя при семъ прилагаю. Я очень жалѣю, что мнѣ не удалось во время спасти этотъ памятникъ, такъ какъ теперь я узналъ, что отъ этой клинописи остались только обломки. Можетъ быть, прилагаемыя фотографіи помогутъ возстановить текстъ этой клинописи». Снимокъ вполнѣ подтвердилъ наши возстановленныя чтенія, лишь звукъ u во 2-ой строкѣ оказался начертаннымъ въ оригиналѣ въ видѣ , а не въ видѣ равнозначущаго начертанія , какъ я предполагалъ. Впрочемъ и на цѣломъ еще камнѣ въ средней части 3—5 строкъ слои были сбиты, какъ можно это видѣть по снимку (табл. V, рис. 1)].

или «о комъ» можно видѣть и въ арм. ի վերայ; что касается самаго слова q̇i, то его имѣемъ въ сванскомъ, гдѣ оно соединяется съ синонимомъ ji, усвоеннымъ изъ языковъ шипящей группы, въ составное jiq̇i для выраженія «повыше», букв. «верху-верху». Слѣдовательно, въ 6-й строкѣ Iшpuinie q̇i значитъ «за» или «изъ-за Ишпуини», т. е. «(въ память) объ Ишпуини»[1].

Въ значеніи предлога «верхъ», «над-» — появляется еще sidi- || шidi-, но уже въ качествѣ глагольной представки въ сочетаніи съ основой iшtu-. Предлогъ sidi- || шidi въ значеніи *верхъ, надъ* — заимствованіе изъ свистящей группы сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ, если произносить начальный согласный какъ свистящій s (sidi-), или — изъ шипящей группы, если тотъ же согласный надлежитъ произносить какъ шипящій ш (шidi-); во всякомъ случаѣ въ грузинскомъ этотъ же послѣлогъ въ томъ же значеніи звучитъ zeda>zed. По обыкновенію, какъ то уже разъяснено (см. выше, стр. 109), предлогъ «верхъ», «над-», соединяясь съ глагольной основой, означающей *ставить*, *строить*, получаетъ значеніе *возобновлять*, отсюда въ 3-й строкѣ нашей надписи sidi-iшtuni, resp. шidi-iшtuni *онъ возобновилъ*.

Требуютъ особагаго разъясненія еще два какъ будто родственныхъ или даже однозначущихъ слова, кунеологами-графистами переводимыя одинаково однимъ и тѣмъ же словомъ то «великіе», то «многочисленные» (the multitudinous). Это al suiшini (з) и al-suшini (7). Въ нихъ даже созвучные до полнаго тожества два al на самомъ дѣлѣ совсѣмъ различныя слова, въ первомъ случаѣ — указательное мѣстоименіе *этотъ*, *тотъ*, уже объясненное нами[2] во второмъ — al-, эквивалентъ г. ağ, означаетъ «верхъ», «верхній».

Что касается suiшini и suini, то первое — отглагольное имя съ сибилянтнымъ префиксомъ su- отъ основы шin *строить*, эквивалента г. шеуn (и въ hайскомъ) > шеn-, въ мингрельскомъ и шеn- и шin- (также въ арм.), и значитъ *постройка* (см. выше, стр. 104), а второе — прилагательное, образованное съ суффиксомъ -in-i, отъ имени su *небо*, эквивалента слова свистящей группы *sav, наличнаго по-нынѣ въ грузинскомъ съ подъемомъ s>ϑ̇ въ усѣченномъ видѣ — ϑa<*ϑ̇av (ср. авар. zob *небо* || кази-кум. s̈aw), и значитъ *небесный*[3].

Полностью въ яфетидологическомъ переводѣ текстъ съ обозначеніемъ идеограммъ и лишь детерминатива *бога* сокращеніями (см. выше, стр. 98, прим. 1) гласитъ:

---

[1] Или «при жизни», въ послѣднемъ случаѣ въ семасическомъ отношеніи согласно уже съ употребленіемъ синонимнаго ზე ze въ древне-грузинскомъ.

[2] См. выше, стр. 111.

[3] Я сейчасъ воздерживаюсь отъ исчерпывающаго обсужденія возможныхъ значеній того же слова; упомяну лишь, что ввиду особой семасики въ яфетическихъ языкахъ, «небо», «земля» и «море» выражаются парно или словомъ, означающимъ и «небо» и «земля», или словомъ, означающимъ и «небо» и «море».

«Для ^{d}Б Халда этотъ памятникъ:
Менуа, сынъ Ишпуина,
этотъ ^{i}д возобновилъ,
храмъ древній этотъ. Для ^{d}Б Халда
это — постройка отъ Менуи
(въ память) объ Ишпуинѣ.
^{i}ц ^{i}м ^{i}ц вышне-небесный,
^{i}ц ^{i}с Біайнъ, —
тотъ, кто сидитъ въ Тушпѣ ^{i}г».

Въ 1900-мъ году Lehmann писалъ[1]: «Пока не созрѣлъ вопросъ о родствѣ халдскаго съ кавказскими языками, спеціально съ ихъ южной группой, на каковое родство могли бы указывать пещерныя постройки (Höhlenbau) грузинъ ([см.] Belck, Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft ,1895, стр. 615, Lehmann, тамъ же 1899, стр. 599) и извѣстныя отдѣльныя грамматическія явленія. Но мы оба [значитъ, и г. Belck и г. Lehmann] желали бы обратить вниманіе на извѣстныя созвучія въ числительныхъ: съ халд. atıbı 10.000 ср. южно-кавк. *at(i)* (груз. *at(i)*)<аϑ-ı>, мингр. *viti* <vıϑı>, *сванск. ieśd* <уешd> [по сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ г-номъ Джанашвили, источникомъ Erckert'a] 10.000 (10×10×100) *atı-at-ası*, *vıtı-anto-asi*, *ıeśd-at-as*.... Халд. *śusını* <шusını> «одинъ разъ» находитъ созвучіе въ той же группѣ *dze, dzı, dzy* и т. п., ближе въ дидойскомъ *sıs, sız*, при *co, caba, sal, sad* въ прочихъ «лезгинскихъ» языкахъ [*этруск. sa*, ср. V. Thomsen, Remarques sur la parenté de la langue étrusque, въ Bulletin de l'Académie Royale des sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4, стр. 373 сл.]».

Я не говорю о томъ, что ни Belck, ни Lehmann даже въ западно-европейской ученой литературѣ вовсе не впервые указываютъ хотя бы на чисто внѣшнее созвучіе халдскаго аϑıbı «10.000» съ г. аϑ-ı 10». Самъ способъ научной работы надъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной филологіи, нами въ точности воспроизведенный изъ столь строго научнаго органа, какъ Бюллетень Берлинской Академіи Наукъ, напоминаетъ старый провинціальный кавказскій анекдотъ про вкусный пловъ. На вопросъ, заданный гурійцу, откуда ему извѣстенъ вкусъ плова, что онъ такъ авторитетно похваливаетъ его, когда въ Гуріи нѣтъ вовсе этого блюда, спрошенный отвѣтилъ: «Мой двоюродный братъ, находясь по службѣ въ дружинѣ на кордонѣ у рѣчки Чолока, видѣлъ съ нашего берега, какъ на томъ

---

[1] Bericht über die Ergebnisse, Sitzungsb., Берлинъ, стр. 633, прим. 2. Я ссылаюсь на эту именно работу, такъ какъ на нее ссылается самъ C. F. Lehmann-Haupt и позднѣе, такъ въ 1907 году, когда, коснувшись въ Materialen zur älteren Geschichte Armeniens и Mesopotamiens халдскаго, этого «совершенно чуждаго ассирійскому языка», онъ пишетъ (стр. 67, прим. 2): «По вопросу о связи халдскаго, этого ни семитическаго, ни индогерманскаго языка, съ нынѣшними языками Кавказа, спеціально съ грузинскимъ ср. какъ самое послѣднее («zuletzt») Berl. Sitzungsberichte 1900, стр. 623, прим. 1» [по опечаткѣ вм. «633, прим. 2»].

берегу турокъ съ большимъ вкусомъ ѣлъ пловъ». Не только наивный типъ, но и смышленный создатель анекдота, очевидно, не догадывался, что можно даже ѣсть пловъ «на томъ берегу» и все-таки не понимать въ немъ толка, а кавказскіе языки куда болѣе сложное явленіе, чѣмъ самое изысканное, самое сложное восточное блюдо. И совершенно невѣроятное отношеніе серьезныхъ ученыхъ круговъ къ кавказскимъ языкамъ, отнюдь не въ одномъ Берлинѣ, меня вынуждаетъ отстаивать повторно до-труизма банальное положеніе: *ихъ, кавказскихъ языковъ, лучше не трогать, чѣмъ пользоваться ими безъ специальной теоретической подготовки, въ частности безъ усвоенія началъ яфетидологіи.*

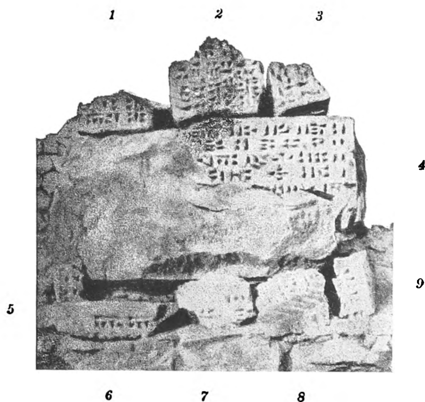
Конечно, въ нашемъ опытѣ, не первомъ, но одиноко стоящемъ въ линіи первыхъ опытовъ на пути использованія яфетидологическихъ матеріаловъ, какъ фактическихъ, такъ и теоретическихъ, много еще спорнаго или подверженнаго колебанію. Чтобы упрочить дѣло, необходимо, выражаясь военнымъ слогомъ, «обезпечить себѣ тылъ», т. е. укрѣпить себя по возможности «всеобщею мобилизаціею» матеріаловъ многочисленныхъ яфетичсскихъ языковъ на Кавказѣ, возможно болѣе исчерпывающимъ выясненіемъ фактовъ и явленій изъ ихъ доступной наблюденію жизни и доработать ихъ сравнительно-историческую грамматику. Но съ другой стороны, упустивъ не одинъ случай научными разысканіями связать съ собой Ванъ, углубиться въ его армянскія христіанскія и до-христіанскія, халдскія и до-халдскія древности, теперь, когда пути туда для всѣхъ насъ открыты, было бы большой ошибкой откладывать работу надъ добываніемъ и умноженіемъ клинописныхъ текстовъ, безъ чего также трудно во многихъ случаяхъ достигнуть увѣренности даже въ самыхъ удачныхъ мѣстахъ перевода. И Восточному Отдѣленію Русскаго Археологическаго Общества, мнѣ кажется, слѣдовало бы использовать наступающимъ лѣтомъ обѣщанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія денежное вспоможеніе на случай, какъ говорилось, возможности работъ. Теперь работа въ Ванскомъ округѣ, конечно, возможна: надо тамъ организовать систематическія разыканія во всѣхъ оправдываемыхъ мѣстными матеріалами отношеніяхъ, надо тамъ искать фактическаго основанія многихъ научныхъ трудовъ, въ частности и Corpus'a Inscriptionum chaldicarum.

И если Отдѣленіе согласно поддержать такое предпріятіе, вмѣстѣ съ другими учеными, которые заинтересованы вновь открывающимся передъ нами и обязывающимъ насъ археологическимъ міромъ, и я готовъ принять въ немъ посильное участіе.

Н. Марръ.

1. Делибабинская надпись въ цѣломъ видѣ.

2. Обломки Делибабинской надписи царя Менуи.

Къ исторіи до-мусульманской культуры Средней Азіи.

Извѣстенъ разсказъ Геродота (IV, 71—72) о погребеніи скиѳскихъ царей: выкопавъ четыреугольную яму на мѣстѣ погребенія въ отдаленной мѣстности Герровъ, они, натеревъ покойника воскомъ и набальзамировавъ его, обвозятъ трупъ по подвластнымъ имъ народамъ, а прибывъ на кладбище царей, кладутъ трупъ въ могилу, сопровождая это погребеніе убіеніемъ и похоронами тамъ же нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ и принесенныхъ въ жертву первенцевъ лошадей и другого скота, съ присоединеніемъ ко всему этому золотыхъ чашъ и насыпаніемъ высокаго кургана. По прошествіи года, выбирается пятьдесятъ лучшихъ лошадей и столько-же избранныхъ слугъ царя, тѣ и другіе удавливаются и вокругъ кургана устанавливаются на столбахъ остовы лошадей съ прикрѣпленными къ нимъ трупами всадниковъ. Способъ устройства этого, сопровождающаго черезъ годъ погребеніе обряда подробно излагается Геродотомъ.

Въ свое время я отмѣтилъ[1] извѣстіе Амміана Марцеллина (XIX, 1,10) объ обрядѣ, предшествовавшемъ сожженію и помѣщенію въ серебряную урну костей убитаго въ борьбѣ съ римлянами сына царя Хіонитовъ. Трупъ его былъ въ воинскомъ вооруженіи помѣщенъ на высокомъ помостѣ, а вокругъ него было разставлено десять ложъ съ изображеніями умершихъ людей, которыя были такъ хорошо исполнены, что совершенно походили на покойниковъ.

Интересную параллель къ этимъ обрядамъ представляетъ описаніе связаннаго съ погребеніемъ покойниковъ у горцевъ Кафиристана, такъ на-

---

[1] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, Жур. Мин. Нар. Просв., 1909, мартъ, 116, пр. 1. Ср. ЗВО., XIX, X—XI и XIV.

зываемыхъ Сіяхпушей, обычая[1] воздвигать въ память его на кладбищѣ (*шенитáнъ*) особаго рода изображенія, описаніе, приведенное Робертсономъ въ его книгѣ о Кафирахъ Хиндукуша[2]. Черезъ годъ послѣ смерти покойника, въ его память дѣлается особое изображеніе, которое по художественному исполненію зависитъ отъ имущественнаго положенія семьи усопшаго. Тризна пріурочивается именно ко времени воздвиганія этихъ изображеній т. е. черезъ годъ послѣ смерти. Женщины такъ же получаютъ въ свою память эти изображенія, какъ и мущины и, несмотря на разсказы туземцевъ, авторъ описанія видѣлъ изображенія женщинъ, сидящихъ на лошадяхъ. Изображенія эти дѣлаются изъ дерева и нѣкоторыя изъ нихъ весьма велики. По типу они представляютъ большое разнообразіе и отличаются особыми именами. Ихъ либо держатъ подъ навѣсами, либо просто выставляютъ на воздухѣ. Сдѣланы они изъ дерева; наиболѣе тяжелыя начаты при помощи топора и ножа въ лѣсу, а окончены въ деревнѣ. Лучшія изображенія имѣютъ на лѣвой рукѣ маленькую фигурку, держащую дудку; другія — такую-же фигурку, прикрѣпленную къ ручкѣ сидѣнія. Нѣкоторыя изъ большихъ изображеній украшены рисунками и рѣзьбой; часто вокругъ головы повязываются куски матеріи, а къ бровямъ прикрѣпляются кедровыя вѣтви. Носъ и брови изображеній намѣчаются рѣзцомъ, а бѣлые камешки отмѣчаютъ глаза, ротъ и иногда зубы. При этихъ изображеніяхъ имѣется и оружіе. Въ то время, какъ изображенія мущинъ имѣютъ на головѣ тюрбанъ, женскія изображенія носятъ особый уборъ, возможно грубое подражаніе рогообразнымъ шапкамъ, составляющимъ головной уборъ женщинъ этой мѣстности[3]. Подробное описаніе этихъ изображеній заняло бы, по мнѣнію автора, слишкомъ много мѣста и времени и наилучшее представленіе о нихъ можно сдѣлать по фотографіямъ или рисункамъ, каковые и приложены къ его книгѣ[4]. Весьма распространеннымъ способомъ является также устройство небольшихъ изображеній на концахъ шестовъ, укрѣпляемыхъ на пьедесталѣ въ три фута вышиной и два шириной; шесты эти четыреугольны и на лицевой сторонѣ имѣютъ горизонтальныя зарубки

---

[1] Объ этомъ обычаѣ имѣются и ранѣе краткія указанія въ литературѣ, см. напр. В. В. Григорьевъ, Кабулистанъ и Кафиристанъ (Землевѣдѣніе Азіи К. Риттера), СПб., 1867, 610.

[2] G. S. Robertson, The Káfirs of the Hindu-Kush, London, 1896, 645—651. О погребеніи въ Кафиристанѣ см. и мои соображенія—ЗВО, XVIII, 064—068 и табл. III.

[3] Ср. мои соображенія въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, 1909, 135—139.

[4] Robertson, o. c. 647, 376 (къ сожалѣнію, изображенія приведены по рисункамъ отъ руки, а не по фотографіямъ). Другая форма увѣковѣченія памяти усопшаго — устройство менгира, размѣрами около трехъ футовъ высотой; такихъ менгировъ много во всемъ Кафиристанѣ, причемъ обрядъ устройства ихъ очень простъ — приносится въ жертву козелъ, кровью его обливается камень, и все кончено.

по числу убитыхъ покойникомъ при жизни враговъ. Эти изображенія воздвигаются исключительно въ память воиновъ[1]. Болѣе совершеннымъ памятникомъ, являются, повидимому, ворота, устраиваемыя въ болѣе или менѣе удаленномъ отъ жилья мѣстѣ. Ворота эти состоятъ изъ двухъ четыреугольныхъ каменныхъ столбовъ отъ пяти до шести футовъ высотой, между которыми находится деревянная дверь съ порогомъ. Дерево украшено рѣзьбой. Надъ каждымъ столбомъ возвышается четыреугольный шестъ, на верху котораго прикрѣплено по небольшому снабженному оружіемъ изображенію на особомъ сидѣніи или на лошади. Шесты также имѣютъ горизонтальныя нарубки. Надъ воротами часто прикрѣпляется еще одно изображеніе съ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ для развлеченія усопшаго героя[2].

Приведенное описаніе изображеній покойниковъ[3], сидящихъ на особыхъ сидѣніяхъ или на лошадяхъ, водружаемыхъ около селеній[4] и приносимыхъ иногда въ «общественный домъ» этихъ селеній[5], представляетъ сходство съ извѣстіями объ идолахъ, служащихъ предметомъ поклоненія горцевъ Кафиристана, при чемъ послѣдній видъ увѣковѣченія покойника— сооруженіе воротъ съ двумя изображеніями можетъ быть сопоставляемо съ такъ называемыми «рядами изображеній предковъ»[6]; въ кафиристанскихъ

---

[1] О. с. рис. при стр. 648 (ср. 114, 396, 409).

[2] О. с. рис. при стр. 17.

[3] Таковыми признаются и т. н. «каменныя бабы», наилучшимъ объясненіемъ которыхъ считается свидѣтельство Рубрука отъ XIII в. (насыпаніе холма надъ усопшимъ и воздвиганіе ему статуи) и турецкіе памятники на Орхонѣ отъ VIII в. (количество камней при могилѣ, соотвѣтствующее количеству убитыхъ враговъ, во главѣ съ изображеніемъ главнаго врага), см. Н. И. Веселовскій, Мнимыя каменныя бабы (Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, XVII), СПб., 1905 и его-же, Современное состояніе вопроса о «Каменныхъ бабахъ» или «балбалахъ» (Зап. Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XXXII), Одесса, 1915. Отмѣчу къ библіографіи вопроса, приведенной въ этихъ статьяхъ, кромѣ А. В. Прохоровъ, Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, СПб., 1881—5 и замѣтки автора статей, О каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи, Арх. Изв. и Зам., III, 1895, 65—67 — А. В. Селивановъ, Древности Иссыкъ-Кульской котловины, Арх. Изв. и Зам., IV, 1896, 220, Чириковъ, Каменныя бабы Харьковской губерніи, Зап. Имп. Харьк. Унив., 1901, приложеніе 4, 9—25 и E. Wolter, Göttersteine und Steinbilder in Südrussland, Böhmen und Litauen, Archiv für Religionswissenschaft, II, 258—261. Какъ сравнительный матеріалъ см. напр. Ф. Ратцель, Народовѣдѣніе, I, СПб., 1900, 46, 460 и въ другихъ мѣстахъ.

[4] См. Robertson, о. с. 201.

[5] См. о. с. 215 и 219.

[6] По типу съ этими «рядами изображеній предковъ» (о нихъ см. H. Schurtz, Das Augenornament und verwandte Probleme, Abhandlungen der phil.-hist. Classe der k. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XV, № 11, Leipzig, 1895, 45—68, Ahnenreien und Wappenpfähle, 45—68 и 22, Taf. I, 3 и III, 10 и 11; ср. Ф. Ратцель, о. с. I, 391) можетъ быть сближаемъ т. н. Збручскій истуканъ (о немъ см. напр. И. И. Срезневскій, О Збручскомъ истуканѣ Краковскаго музея, Зап. Имп. Арх. Общ., V и L. Wilser, Alte Steinbildsäulen in Osteuropa, Globus, 63, 1893, 157—159).

памятникахъ имѣются оба элемента чествованія усопшаго: и сооруженіе въ память его изображенія, и упоминаніе числа убитыхъ имъ враговъ. Въ главномъ храмѣ верховнаго божества кафиристанцевъ[1] имѣется восемь громадныхъ, сдѣланныхъ изъ дерева, изображеній этого божества, изображеній вышиной въ семь футовъ и представляющихъ это божество въ сидячемъ положеніи съ покрытой сплошь рѣзьбой чашкой въ рукахъ, изображающей дѣлаемую изъ козьей шерсти маслобойку. Четыреугольный подбородокъ идола въ длину рукъ достигаетъ маслобойки, находящейся въ рукахъ божества. Идолъ рѣзьбой представленъ закутаннымъ въ одежду съ головой. Другія, еще бóльшихъ размѣровъ изображенія поддерживаютъ кровлю храма.

Описанія этихъ идоловъ напоминаютъ древнія извѣстія о завоеваніи арабами Западнаго Туркестана. Извѣстны сообщенія мусульманскихъ авторовъ о найденныхъ арабами при занятіи различныхъ мѣстностей Мавараннахра идолахъ. Балāзурӣ упоминаетъ о таковыхъ въ Пейкендѣ, Земиндаверѣ, Баміянѣ[2]; Табарӣ[3] и Наршахӣ[4]—въ Пейкендѣ. Одинъ изъ *тархāновъ* Мавараннахра, иранскій *дихкāнъ* призывалъ яко-бы перешедшаго въ исламъ соплеменника Бармека вернуться къ прежней религіи, которую сообщившій извѣстіе называетъ «поклоненіемъ идоламъ»[5], а завоеватель Самарканда Кутайба-ибн-Муслимъ при покореніи города приказалъ сжечь массу найденныхъ тамъ идоловъ, хотя жители и угрожали смертью тому, кто посягнетъ на ихъ уничтоженіе[6]. Въ Бухарѣ, на базарѣ Māхъ, еще долго послѣ мусульманскаго завоеванія продолжалось изготовленіе идоловъ, на что уже неоднократно указывалось въ изысканіяхъ по этому вопросу[7]. Эти предметы культа были, весьма вѣроятно, похожи на идолы пантикапейскихъ варваровъ гунно-болгарскаго племени, идолы, которые, будучи перелиты въ слитки, вызвали бунтъ этихъ варваровъ при Юстиніанѣ, о чемъ разсказываетъ Малала[8]. И китайскіе источники говорятъ объ идо-

---

[1] Robertson, o. c. 390—391.

[2] W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Classe, 87, 1877, 168 (=104 отд. отт.; ср. ib. 167—168=103—104).

[3] Annales, II, 1188.

[4] Мухаммедъ Наршахи, Исторія Бухары, пер. съ перс. Н. Лыкошина, Ташкентъ 1897, 59.

[5] Bibliotheca Geographorum Arabicorum, V, 323—324 (عبادة الأوثان; о спеціальномъ значенія слова وثن ср. J. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums², Berlin, 1897, 15, anm. 1 и 102, anm. 2).

[6] Табарӣ, II, 1246 (93 г. Хиджры).

[7] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 110, пр. 2.

[8] В. Г. Васильевскій, Житіе Іоанна Готскаго, Труды—изд. Имп. Академіей Наукъ, II, 2, СПб., 1912, 383 (изъ Жур. Мин. Нар. Просв., 1878, Январь). По Ибн-Русте (Bibliotheca

лахъ въ Западномъ Туркестанѣ — такъ, во владѣніи Цао (Иштиханъ), въ нѣсколькихъ ли къ югу отъ рѣки Нами (Зеряфшанъ), которымъ управлялъ сынъ владѣтеля Кана (Самарканда), упоминается золотой истуканъ въ 15 футовъ въ объемѣ и соотвѣтственной высоты[1]. Въ самомъ Канѣ тѣ-же извѣстія упоминаютъ храмъ предковъ[2], гдѣ имъ приносились жертвы.

Приведенныя извѣстія обращаютъ наше вниманіе на одну изъ наиболѣе интересныхъ группъ археологическихъ памятниковъ Западнаго Туркестана, именно на такъ называемые оссуаріи, костехранилища[3]. Въ этой категоріи памятниковъ оссуаріи круглой формы, сближавшіеся съ формой кочевого жилища, кромѣ обыкновеннаго типа — круглаго глиняннаго ящика съ крышкой, имѣютъ и нѣсколько болѣе усовершенствованную форму, выражающуюся въ орнаментаціи крышекъ. Одни изъ нихъ въ видѣ ручки крышки имѣютъ изображеніе птицы, другіе — человѣческую голову. Извѣстны первобытныя вѣрованія, отожествляющія отходящую душу съ улетающей птицей. Въ интересующемъ насъ вопросѣ мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе связанныхъ съ этимъ представленіемъ вѣрованій различныхъ народовъ и обратимъ вниманіе лишь на сходныя вѣрованія тѣхъ народовъ, которые имѣли въ до-мусульманскую эпоху отношеніе къ культурѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ были находимы интересующіе насъ оссуаріи. Гр. Г. Куунъ[4] обратилъ вниманіе на сходныя вѣрованія у турецкихъ и уральскихъ народовъ. Въ орхонскихъ надписяхъ понятіе смерти обозначается словомъ «улетѣть»[5], при чемъ въ словѣ для обозначенія рая, авторъ усматривалъ въ первоначальномъ смыслѣ обозначеніе того мѣста, куда слетались души умершихъ. Въ позднѣйшихъ турецкихъ памятникахъ средне-азіатской литературы Гр. Куунъ также отмѣтилъ соотвѣтствующія цитаты — напр. выраженіе Абӯ-л-Гāзӣ о смерти Чингизъ-хана и стихъ въ LXVIII пѣснѣ узбецкаго эпическаго стихотворенія Шейбаніада. Тотъ же

Geographorum Arabicorum, VII, 148), царь Аланъ былъ христіанинъ, но его подданные — язычники, идолопоклонники (يعبدون الأصنام). Если принять указанное уже мною различіе между وثن и صنم, то Аланы поклонялись идоламъ, сдѣланнымъ изъ золота, серебра или дерева (أصنام — въ противоположность أوثان, идоламъ, сдѣланнымъ изъ камня).

[1] О. Іакинѳъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, III, СПб., 1851, 187 и 204; ср тамъ-же, I, 1, СПб., 1851, 38 (золотой идолъ Хунновъ) и I, 2, СПб., 1851, 223 (обложенный жемчугомъ идолъ Жужанъ).

[2] Тамъ-же, III, 182 и 196.

[3] Въ западно-европейской литературѣ стѣнка оссуарія съ лѣпными головками издана напр. у A. Stein, Ancient Khotan, II, Oxford, 1907, pl. LXXXVIII (о ней въ текстѣ I, ib., 1907, 519—520; ср. 260—261, 279—280).

[4] Graf Géza Kuun, Der Glaube an den Seelenvogel bei den Morgenländern, сборникъ Kulturgeschichtliches aus der Tierwelt (Vom Verein für Volkskunde und Linguistik in Prag seinen Mitgliedern gewidmet zum zwölften Jahrestag seines Bestandes), Prag, 1904, 22—26.

[5] Ср. напр. еще ЗВО, XII, 110.

авторъ отмѣтилъ такое значеніе и въ персидскомъ языкѣ — персы называютъ «птицей докончанія», «птицей-аминь», ангела, который летя все время произноситъ слово «амӣнъ». Ранѣе[1], мы сближали головки на четыреугольныхъ оссуаріяхъ съ душами умершихъ или ангелами хранителями живыхъ, такъ называемыми «фравашами»; крышки круглыхъ оссуаріевъ украшаютъ тоже птицы-ангелы (у персовъ — «фириштэ»)[2]. Такимъ образомъ, круглые оссуаріи съ крышкой-птицей представляютъ собою вмѣстилище остатковъ тѣла съ крышкой, олицетворяющей улетѣвшую душу. Особый интересъ представляютъ крышки въ видѣ головъ[3]. Не вдаваясь въ вопросъ о возможномъ антропологическомъ типѣ этихъ головъ, отмѣчу, что отсутствіе череповъ въ оссуаріяхъ можетъ имѣть связь съ вѣрованіями маздаизма[4]. Согласно строго проведенному дуализму не только весь міръ представлялся противоположеніемъ добраго и злого началъ, но подъ понятія твореній Ормузда и Аримана подходили и опредѣленныя выраженія соотвѣтствовавшихъ Ормузду или Ариману понятій. Среди этихъ добрыхъ и дурныхъ понятій и словъ мы имѣемъ «голову» и «черепъ»: первое понятіе и означающее его слово (*вагдана*) считается ормуздовымъ; второе понятіе и означающее его слово (*камереда*) — аримановымъ[5]. Итакъ, этотъ типъ круглыхъ оссуаріевъ представляетъ собою вмѣстилище остатковъ тѣла съ крышкой, изображающей голову покойника. Самый типъ долженъ быть отнесенъ къ такъ называемымъ «лицевымъ урнамъ»[6]. Добавлю, что по вышеприведенному описанію Робертсона[7], гробы кафиристанцевъ, не сжигающихъ и не зарывающихъ въ землю своихъ покойниковъ, предназначены не только для одного, но и для нѣсколькихъ лицъ и только чѣмъ-либо выдавшіеся изъ нихъ могутъ устраивать единичное погребеніе; гробы-же ихъ хра-

---

[1] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 110.

[2] См. изображенія въ Протоколахъ Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи, годъ двѣнадцатый, Ташкентъ, 1908, 80—81.

[3] Превосходный образецъ такой крышки, предназначавшейся для весьма большого оссуарія изданъ въ ЗВО, XVI, табл. (I) VI, 2.

[4] И завоеваніе арабами Мавараннахра дало поводъ къ образованію весьма распространеннаго типа сказаній объ устройствѣ пирамидъ изъ череповъ побѣжденныхъ враговъ: послѣ битвы около Термеза (85 г. Х.) арабы изъ головъ побѣжденныхъ враговъ устроили двѣ пирамиды (جُوْسقين, перс. كوشك), плотно сложивъ черепа (Табарӣ, Annales, II, 1155).

[5] Grundriss der iranischen Philologie, II, 628—629. Также L. J. Frachtenberg, Etymological Studies in Ormazdian and Ahrimanian words in Avesta, Spiegel Memorial Volume, Bombay, 1908, 269—289.

[6] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 109. Какъ сравнительный матеріалъ, отмѣчаю напр. Л. Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена, СПб., 1898, 325 и въ другихъ мѣстахъ (ср. Ф. Ратцель, о. с. II, 1901, 44).

[7] О. с. 641.

нятся не зарытыми въ землю, а на воздухѣ, и постепенно пополняются по мѣрѣ уничтоженія праха давно усопшихъ [1].

Значительныя недоумѣнія вызывало извѣстіе Табарӣ и Наршахӣ объ отдѣленіи мяса отъ костей трупа [2] умершаго владѣтеля Бухары [3]. Въ Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ и въ Исторіи Суйской династіи сообщается, между прочимъ, о царствѣ Се-пи (западные тибетцы; мѣстоположеніе къ югу отъ Тянь-шаня), что тамъ по смерти вельможи сдираютъ съ него кожу, кости съ мясомъ, пересыпанныя золотымъ порошкомъ, кладутъ въ урну и зарываютъ въ землю, а черезъ годъ зарываютъ и кожу, положенную въ желѣзную урну [4]. Обычай отдѣленія кожи, мяса и костей трупа до недавняго времени существовалъ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ; вотъ какъ описывается самый процессъ отдѣленія мяса отъ костей покойника у австралійцевъ: «Тѣло умершаго клали между двумя кострами и поджаривали по извѣстнымъ правиламъ. Когда кожа чернѣла со всѣхъ сторонъ, распорядитель церемоніи проводилъ на трупѣ мѣломъ продольныя и поперечныя линіи, разнималъ его ножомъ по этимъ линіямъ отъ головы до ногъ, отдѣлялъ голову отъ туловища и разрѣзывалъ каждый членъ на нѣсколько кусковъ» [5].

Въ другомъ мѣстѣ [6] я имѣлъ случай упомянуть косвенное свидѣтельство Табарӣ о погребеніи у турокъ при извѣстіи о сожженіи костей турецкаго (тюргешскаго) бека Курсӯля арабскимъ намѣстникомъ (121 г. Х.) [7]. Нѣсколько ранѣе, тотъ же авторъ [8], разсказывая объ убіеніи этимъ бекомъ Хакана Турокъ (119 г. Х.), сообщаетъ, что турки покинули тѣло Хакана и оставили трупъ его въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ тотчасъ послѣ убійства; лишь по истеченіи нѣкотораго времени нѣсколько бухар-

---

[1] См. напр. о. с. 201, съ чѣмъ ср. О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 120.

[2] См. Нидерле, о. с. 129 и 623, пр. 249.

[3] Имя котораго Тугшада я считаю турецкимъ титуломъ отъ توغ, «*туг*ъ», бунчукъ и орхонскаго «*шад*ъ», князь—«бунчужный князь» (ср. напр. у Табарӣ, II, 1693—1694, 121 г. Х. — طوق سياده).

[4] Собраніе свѣдѣній, III, 185 и 199 (ср. E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs Occidentaux), СПб., 1901, 169, note).

[5] Ратцель, о. с. I, 365. О натираніи покойниковъ у океанійцевъ послѣ погребенія, ib., I, 322: «черезъ нѣкоторое время (послѣ похоронъ) могила раскапывалась, трупъ вынимался и натирался на локтяхъ и колѣняхъ красной глиной». Обрядъ вынесенія тѣла черезъ проломъ въ стѣнѣ, упоминаемый Авестой, имѣетъ аналогію у южныхъ африканцевъ, см. ib. I, 747.

[6] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 115—116.

[7] По этому поводу Табарӣ (II, 1691) сообщаетъ о сожженіи турками кочевья Курсӯля (яко-бы 4000 шатровъ) и оплакиваніи съ исцарапываніемъ лицъ и разрѣзываніемъ ушей (о послѣднемъ обычаѣ см. еще ib. II, 1520).

[8] Annales, II, 1613.

скихъ вельможъ похоронили его[1] и сдѣлали все, соотвѣтствующее обряду. Хотя извѣстіе относится къ исключительному случаю, оно находитъ себѣ подтвержденіе въ обрядѣ погребенія орхонскихъ турокъ, а невозможность имѣть кости послѣ сожженія вышеупомянутаго Курсӯля составляло горе его подданныхъ[2].

Погребальныя сооруженія, найденныя арабами при завоеваніяхъ въ Западномъ Туркестанѣ, именуются ими словомъ «*нāусъ*»[3]. Ранѣе я имѣлъ случай отмѣтить возможность сближать сооруженіе, означавшееся этимъ словомъ, съ *астоданами* парсійскихъ вѣрованій. Упоминаніе одного изъ такихъ сооруженій въ Западномъ Туркестанѣ было мною отмѣчено ранѣе — именно *науса* въ Ребинджанѣ (западнѣе нынѣшняго Катта-Кургана)[4]. *Наусъ* этотъ упоминается у Табарӣ подъ 104 г. Х.[5] Для опредѣленія того, что такое были по размѣрамъ своимъ эти сооруженія, можетъ служить другое извѣстіе того-же автора, именно отъ 112 г. Х.[6] Когда въ этомъ году (Табарӣ добавляетъ, что по другимъ извѣстіямъ это произошло въ 113 г. Х.) турки и ихъ союзники разбили намѣстника Самарканда Саӯру-ибн-ал-Хурра въ трехъ фарсахахъ отъ Самарканда, по дорогѣ въ Кешъ (Шехри-Сябзъ)[7], одна часть войска арабовъ (семьсотъ человѣкъ) бѣжала въ «рустāкъ (волость) Мургāбъ» и овладѣла въ немъ замкомъ. Но и здѣсь ее настигли турки. Тогда одинъ изъ арабовъ, въ сопровожденіи трехъ сопутствовавшихъ, укрылся въ *наусъ*[8], чѣмъ спасъ жизнь себѣ и спутникамъ,

---

[1] أهل بيت الحموكيّين . . . دفنه (слово *хамӯкъ* объясняется у Наршахӣ).

[2] По китайскимъ даннымъ, какъ извѣстно, турки сжигали покойниковъ (см. напр. въ послѣднее время Н. И. Веселовскій, Современное положеніе вопроса о каменныхъ бабахъ, 26 по Собранію Свѣдѣній, I, 2,270, къ чему надо прибавить и I, 2, 307). По тѣмъ-же даннымъ у Хунъ-ну, Ухуань и Хой-ху практиковалось погребеніе, тогда какъ сожженіе является отличительной чертой Хакасовъ (киргизовъ, что подтверждается и мусульманскими извѣстіями), тогда какъ выставленіе на деревьяхъ отмѣчается у Киданей.

[3] Производится отъ греч. ναός (ср. O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 81, ав. *nasu*, трупъ).

[4] В. В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, Жур. Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, 1914, май, 19, отмѣтилъ, что городу этому, повидимому, соотвѣтствуетъ городище съ большимъ курганомъ на Нарпаѣ, также нѣсколько западнѣе Катта-Кургана. Добавлю, что городъ этотъ славился въ древности выдѣлкой войлоковъ (Табарӣ, II, 1249).

[5] ЗВО, XVII, 0171 и О древне-иранскихъ погребальныхъ сооруженіяхъ и постройкахъ, 105.

[6] Annales, II, 1512—1543. Ср. и J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, Berlin, 1902, 298, anm. 2.

[7] О мѣстѣ битвы см. В. В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II, 1900, 126.

[8] خرج (قريش بن عبد الله العبديّ) فى ثلثة فباتوا فى ناووس (فاتوا نووسًا (разночт. فكمنوا فيه. Чтеніе въ текстѣ подтверждается въ текстѣ Кāмиля ал-Мубаррада, см. The Kāmil of el-Mubarrad, ed. by W. Wright, Leipzig, 1864—1892, 654 (*наусъ* въ юго-западной Персіи).

тогда какъ другіе арабы были умерщвлены. Итакъ, *наусъ* этотъ оказался убѣжищемъ для четырехъ укрывшихся въ немъ воиновъ. По мѣстоположенію «рустāкъ Мургāбъ» соотвѣтствуетъ волости Мāймургъ, съ которымъ тожественενъ и въ названіи[1]; волость-же Мāймургъ опредѣляется точно[2]. Мѣстоположеніе этого *науса* представляетъ значительный интересъ, ибо онъ вѣроятно былъ мѣстомъ погребенія самаркандскихъ владѣтелей, носившихъ титулъ «*ихшӣдъ*», такъ какъ въ этой волости, главное селеніе которой называлась Рӣвдāдъ и находилось всего въ разстояніи одного фарсаха отъ Самарканда, были замки этихъ владѣтелей[3]. Кромѣ того, не невѣроятно, что это мѣсто соотвѣтствуетъ тому погребальному сооруженію согдійцевъ, о которомъ сообщилъ бывшій въ Самаркандѣ за сто лѣтъ до вышеописаннаго событія китаецъ Вэй-цзѣ[4]. Что кāсается до *науса*, упомянутаго у Табарӣ подъ 104 г. Х., то я уже имѣлъ случай отмѣтить[5] китайскія извѣстія о городѣ Кюйшуаннига или Гуйшуанна (древній городъ Фумо)[6], подвластный царьку, зависимому отъ Кангюя (Самарканда), къ Востоку отъ котораго находилось особое зданіе; на сѣверной сторонѣ этого зданія были нарисованы красками древніе государи Китая, на восточной — турецкіе и индійскіе властители, на западной — повелители Персіи и Западной Азіи; владѣтель этой мѣстности, придя въ это зданіе, совершалъ поклоненіе и затѣмъ удалялся. Эти извѣстія относятся ко второй половинѣ VIII в. по Р. Х. Городъ этотъ отожествляется съ Кушаніей[7], главнымъ городомъ Кушановъ, находившимся въ одномъ фарсахѣ отъ Ребинджана, сѣверо-западнѣе Катта-Кургана. Извѣстіе о Ребинджанскомъ *наусѣ* современно китайскому сообщенію о постройкѣ около Кушаніи и весьма вѣроятно, что это одно и то-же зданіе[8]. Извѣстіе о поклоненіи въ этомъ зданіи владѣтеля города имѣетъ несомнѣнное отношеніе и къ толкованію этого зданія какъ мѣста погребенія, мавзолея, такъ и къ культу предковъ у древняго насе-

---

[1] ماىمرغ = مرغاب, «птичьи воды», чѣмъ устраняется этимологія W. Tomaschek'а, o. c. 81 (=145, ср. ib. 95=159).

[2] В. В. Бартольдъ, o. c. II, 95 - 96.

[3] Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, 279. См. и В. В. Бартольдъ, o. c. 96.

[4] О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 114.

[5] Жур. Мин. Нар. Просв., 1911, Февраль, 290, пр. 3 и 4.

[6] Собраніе свѣдѣній, III, 246 и Chavannes, o. c. 145, n. 2 и 312 (у послѣдняго автора — pavillon à étages dans lequel — и, кромѣ того, имѣется добавленіе изъ другого китайскаго источника, дающаго сообщеніе о томъ, что въ этой странѣ тысяча воиновъ и повелитель ея возсѣдаетъ на тронѣ, украшенномъ золотыми баранами).

[7] Объ этомъ городѣ см. В. В. Бартольдъ, o. c. II, 98—99. Tomaschek, o. c. 99 (=163), обращалъ вниманіе на лежащее къ Востоку отъ Хатырчи селеніе Кашанъ (ср. ib. 96=160).

[8] Въ этой-же мѣстности, близъ кишлака Бія-Найманъ, сѣверо-западнѣе Катта-Кургана, были найдены интереснѣйшіе фрагменты оссуаріевъ.

ленія Мавараннахра[1]. Какихъ размѣровъ достигали парсійскія погребальныя сооруженія, мы можемъ видѣть изъ рѣдкихъ, но существенныхъ сообщеній мусульманскихъ авторовъ. Такъ, Низāм-ал-мулькъ въ Сіясет-нāмэ[2] разсказываетъ, что во время Буида Фахр-ад-даулы (послѣдняя четверть X в. по Р. Х.) богатый парсъ построилъ для себя на горѣ Табарекъ близъ Рея, направо отъ дороги въ Хорасанъ, напротивъ большой Рейской горы, близъ развалинъ древняго города, выше гробницы (*гумбедъ*) Фахр-ад-даулы, *сутудāнъ* (погребальный мавзолей), существовавшій во время Низāм-ал-мулька и называвшійся «мѣстомъ наблюденія военачальниковъ»; мавзолей этотъ, съ двускатной[3] крышей, стоилъ парсу очень дорого и для того, чтобы подняться на крышу его, нужно было сбросить съ крыши лѣстницу. Гора Табарекъ связывается преданіемъ съ иракскимъ сельджукидомъ Тогруломъ II (конецъ XII вѣка). Слѣды построекъ на этой горѣ сохранились, повидимому, до сего времени — по крайней мѣрѣ недалеко отъ извѣстной Рейской *дахмы* Парсовъ, имѣются двѣ высокія кирпичныя башни, одна изъ которыхъ называется башней Тогрула[4].

Для представленія о внутреннемъ видѣ погребальныхъ мавзолеевъ съ оссуаріями (римскіе колумбаріи) обратимъ вниманіе на сходные памятники въ областяхъ той-же или весьма близкой культуры. На самомъ большомъ изъ Бахрайнскихъ острововъ[5] (близъ аравійскаго берега Персидскаго залива) имѣется расположенный большими и малыми группами рядъ тщательно построенныхъ, нынѣ пустыхъ каменныхъ гробницъ. Всѣ онѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ-же планъ. Входъ обращенъ къ Западу; постройка, выведенная изъ старательно обработанныхъ четыреугольныхъ каменныхъ плитъ, имѣетъ два этажа, при чемъ нижній этажъ выше верхняго; по обѣимъ сторонамъ идущаго отъ Запада къ Востоку корридора находятся ниши, назначенныя для установки одного на другой гробовъ-ящиковъ; рядомъ съ нишами находятся небольшія отверстія, въ которыя вѣроятно вставлялись отъ одной стороны корридора до другой перекладины для обѣтныхъ даровъ и пищи умершимъ[6]. Тамъ были найдены кости людей и животныхъ, два рѣзко выраженныхъ длинноголовыхъ черепа, обломокъ сдѣланнаго изъ сло-

---

[1] Къ этому-же мѣсту имѣютъ отношеніе и пользовавшіеся большимъ вліяніемъ въ Средней Азіи въ эпоху мусульманскаго завоеванія купцы, называвшіеся *Кушкушāны*, «Кушаны, живущіе въ замкахъ». О древней торговой традиціи на Аму-дарьѣ и аму-дарьинскихъ купцахъ ср. Собраніе свѣдѣній, III, 7.

[2] Ch. Schefer, Siasset-Namèh, Traité du gouvernement, Paris, 1893 (Publications de l'école des langues orientales vivantes, sér. III, vol. VIII), текстъ 145—146, пер. 215—216.

[3] Такъ я перевожу слова بدو پوشش.

[4] E. G. Browne, A year amongst the Persians, London, 1893, 89.

[5] Encyklopaedie des Islām, I, 608.

[6] Ср. О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 105.

новой кости быка, золотое кольцо и очень большое количество какъ сохранившихся, такъ и разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ со своебразнымъ орнаментомъ изъ черныхъ полосокъ; надписей никакихъ не нашлось.

Насъ въ настоящемъ случаѣ интересуетъ внутреннее устройство гробницъ. Ф. А. Розенбергъ[1] привелъ изъ Шахнамэ послѣднюю волю Хосроя Анӯширвāна, въ которой, по моему мнѣнію, можно усматривать въ описаніи погребальнаго мавзолея нѣкоторыя архитектурныя черты. Анӯширвāнъ завѣщаетъ построить красивый мавзолей въ отдаленномъ отъ движенія мѣстѣ; съ глубокимъ входомъ въ сводѣ высокой арки, высящейся на десять локтей; входъ этотъ надо плотно закрыть отъ чуждыхъ взоровъ дверями. Въ этомъ описаніи я усматриваю закрытую гробницу съ глубокимъ корридоромъ. Таковы-же были, вѣроятно, и другія гробницы, о которыхъ дошли до насъ извѣстія, относящіяся къ исторіи сасанидской Персіи[2]. Въ подобнаго рода сооруженія переносились, по мнѣнію позднѣйшей мусульманской традиціи, останки царей и вельможъ древней Персіи, останки, которые, согласно той-же традиціи, помѣщались въ гробахъ[3]. Заслуживаетъ вниманія также мнѣніе той-же традиціи, согласно которому тѣло Александра Македонскаго было не зарыто въ землю, а похоронено на поверхности земли (въ мавзолеѣ), такъ какъ его считали слишкомъ великимъ, чтобы быть зарытымъ въ землю[4]. Также и нѣкоторыя версіи о погребеніи послѣдняго Сасанида Іездегерда, погребеніи, о которомъ неоднократно упоминалось по поводу оссуаріевъ Туркестана, особо указываютъ на сокрытіе тѣла[5]. Гробъ Іездегерда, по Табарӣ[6], былъ деревянный.

Выше мы упомянули согдійскихъ купцовъ, имѣвшихъ значительное вліяніе въ Туркестанѣ. Большое значеніе имѣли ихъ сношенія съ Китаемъ и вообще съ восточными странами[7], при чемъ значительное количество товаровъ заключалось, какъ извѣстно, въ шелковыхъ тканяхъ: при взятіи

---

[1] Ф. А. Розенбергъ, Хосрой I Анӯширвāнъ и Карлъ Великій въ легендѣ (изъ Живой Старины, XXI), 1912, 10—11.

[2] См. напр. Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 234, 263—264.

[3] См. напр. H. Zotenberg, Histoire des rois des Perses par el-Tha'âlibi, Paris, 1900, 276 — перевезеніе въ гробахъ въ Иранъ тѣлъ четырехъ сыновей Биштāсфа и Зерӣра, 375 — перенесеніе тѣла Исфендійра въ гробу, 383 — гробъ Рустема.

[4] Ib. 449—450.

[5] Табарӣ, Annales, I, 2881 и 1883. Въ двухъ версіяхъ стоитъ слово ناووس (2874—2875 и 2883), которое въ третьей версіи (2881) замѣнено словомъ عَقْد, имѣющимъ значеніе «постройки со сводомъ» (перс. آيوان; съ поясненіемъ въ текстѣ كان يكون مجلس الأسقف فيه) бывшей въ христіанскомъ страннопріимномъ домѣ (بائى بابان).

[6] Annales, I, 2872.

[7] О большомъ имуществѣ, принесенномъ ими изъ Китая, см. Табарӣ, II, 1445 (104 г. Х.).

Пейкенда арабами, одинъ человѣкъ предлагалъ имъ въ видѣ выкупа—пять тысячъ кусковъ шелковой китайской ткани, дѣйствительная стоимость которыхъ, по сообщенію арабскаго автора, была несравнимо выше, безцѣнна[1]. Изъ шелка-же былъ, вѣроятно, кусокъ матеріи для обертыванія ноги жены Бухāръ-худāта; когда эта женщина бѣжала отъ преслѣдованія арабскихъ войскъ, то потеряла башмакъ съ этимъ кускомъ матеріи; по оцѣнкѣ нашедшихъ этотъ кусокъ, говоритъ арабскій авторъ, онъ стоилъ двѣсти дирхемовъ[2]. Добавлю, что башмаки украшались камнями — при убіеніи *тархāна* Бāдгӣса одинъ такой башмакъ былъ снятъ арабомъ съ его ноги. По мусульманскому преданію, когда Бахрāмъ Чӯбӣнъ взялъ Пейкендъ, среди сокровищъ оказались яко-бы вѣнецъ, поясъ, серьги и выложенные драгоцѣнными камнями башмаки Сіявӯша[3]. Когда арабы убили владѣтеля Кеша[4], то они въ его имуществѣ нашли украшенные рисунками, позолоченные китайскіе сосуды, китайскія сѣдла, разнаго рода китайскія диковинки и всякія вещи, дѣлаемыя въ Китаѣ, какъ-то атласъ и пр.; все это было отправлено въ Самаркандъ къ Абӯ-Муслиму. Въ Пейкендѣ при завоеваніи были найдены котлы такихъ большихъ размѣровъ, что на нихъ надо было подниматься по лѣстницѣ[5]. Когда въ 121 г. Х. былъ удаленъ изъ Ферганы арабскій намѣстникъ, то онъ увезъ оттуда большое количество статуй, которыя и поставилъ въ Ушрӯсанѣ[6]. Какія это были статуи, текстъ не поясняетъ.

К. Иностранцевъ.

---

[1] Табарӣ, II, 1188 (87 г. Х.).

[2] Табарӣ, III, 169 (54 г. Х.).

[3] Са'āлибӣ, о. с. 655 и 657. Названіе согдійскихъ владѣтелей въ китайской транскрипціи Tomaschek, о. с. 72—73=136—137, сближалъ съ иранскимъ Сіявӯшъ, т. е. считалъ ихъ возводящими происхожденіе свое къ Сіявӯшу.

[4] Табарӣ, III, 79—80 (титулъ этого владѣтеля въ текстѣ إخريد).

[5] См. напр. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VII, 79—80.

[6] Табарӣ, II, 1694—وانصرف منها بتماثيل كثيرة فنصبها فى اشروسنة. Въ Ферганѣ по Мас'ӯдӣ находился яко-бы построенный Кāӯсомъ и посвященный солнцу храмъ (C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Maçoudi, Les prairies d'or, texte et traduction, IV, Paris, 1865, 51—52). Извѣстіе Сюань-Цзана о сходствѣ въ произведеніяхъ и нравахъ Ушрӯсаны и Шāша отмѣтилъ еще Tomaschek, 54=118.

Келяшинъ, стела у Топузава̀ и древнѣйшіе памятники вблизи Урмійскаго озера.

Въ 1911 г. во время поѣздки по оккупированнымъ турками персидскимъ округамъ я не былъ допущенъ на западъ отъ Ушну далѣе Шейх-Ибрахима[1]. Лишь три года спустя, будучи комиссаромъ по турецко-персидскому разграниченію, я имѣлъ возможность побывать на перевалѣ у знаменитой халдской (урартской) стелы Келяшинъ и проникнуть далѣе вглубь Турціи до памятника той же эпохи, который стоитъ между деревнями Топузава̀ и Сидаканъ и еще не посѣщался русскими путешественниками.

Келяшинъ вызвалъ въ прошломъ столько недоразумѣній[2], а въ настоящемъ какъ онъ, такъ и памятникъ у дер. Топузава̀ возбуждаютъ еще такой рядъ вопросовъ, что я рѣшаюсь привести въ систему мои бѣглыя путевыя замѣтки и результаты послѣдующихъ розысковъ относящейся сюда литературы[3]. Дополненіемъ къ этимъ матеріаламъ является моя попытка дать перечень древнѣйшихъ памятниковъ въ прилегающемъ къ Келяшину районѣ Урмійскаго озера.

---

[1] Это древнее христіанское святилище, еще существовавшее въ 1852 г., теперь лежитъ въ развалинахъ, но, повидимому, до сихъ поръ посѣщается паломниками, такъ какъ около него мы встрѣтили толпу мусульманокъ, ведшихъ кликушу къ «Шейху». О Шейх-Ибрахимѣ и почитаніи его христіанами и мусульманами см. Rawlinson, JRGS, X, 17; Чириковъ, Путев. Журн., 1875, 465—весьма подробное описаніе; Max. Bittner, Der Kurdengau Uschnûje etc., Sitzungsb. Wien. Akad., CXXXIII, в. 3, стр. 56. Теперь въ Ушну не осталось христіанъ. Интересно, что двѣ деревни этого округа, Сэргисъ и Дынха, до сихъ поръ носятъ христіанскія названія.

[2] Rawlinson не замѣтилъ ассирійскаго текста на обратной сторонѣ памятника; Scheil предположилъ, что Morgan снялъ иной памятникъ, нежели ранѣе описанный путешественниками; Scheil, Belck и Lehmann (Sitz. Berl. Akad., 1900) утверждали сперва, что ассирійская и халдская надписи не однозначущи, вопреки Sayce'у, мнѣніе котораго теперь окончательно восторжествовало.

[3] Соотвѣтственные матеріалы крайне разбросаны, въ особенности въ виду раздробленности трудовъ германской экспедиціи 1898 г. Считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Б. А. Тураеву и Я. И. Смирнову за всѣ справки, помощь въ розыскахъ книгъ и т. д.

I.

Келяшинъ.

Арабскіе писатели о Келяшинѣ. Европейскіе путешественники: Schulz, Rawlinson, Rosch, Н. В. Ханыковъ, Е. И. Чириковъ, O. Blau, de Morgan, Belck и Lehmann. Посѣщеніе Келяшина въ 1914 г. и его описаніе. Извѣстные переводы надписей. Смыслъ географическаго положенія Келяшина. Другіе одноименные памятники.

Въ работахъ, посвященныхъ халдскимъ древностямъ, не отмѣчались восходящіе къ X в. нашей эры упоминанія Келяшина, которыя впервые нашелъ у арабскихъ писателей G. Hoffmann[1].

Табари (ed. Goeje, I, 440), передавая сказаніе о военныхъ подвигахъ іеменскаго царя Рāиш-ибн-Ḳайсъ (отца Абрахи), говоритъ: «затѣмъ (онъ пошелъ войною) на Анбаръ, затѣмъ на Мосулъ, откуда онъ выслалъ отрядъ подъ начальствомъ одного изъ своихъ сотоварищей, по имени Шамръ ибн-аль-ʿАттāфъ (?). Послѣдній двинулся на турокъ въ страну Азербайджанъ, находившуюся тогда въ ихъ (т. е. турокъ) рукахъ, устроилъ (великое) побоище, взялъ въ полонъ молодежь и начерталъ (все), что касалось его похода, на двухъ камняхъ (حجرين), извѣстныхъ вь странѣ Азербайджанъ».

Ту же легенду съ ничтожными стилистическими измѣненіями повторилъ въ началѣ XIII вѣка Ибн-аль-Асиръ[2]. Путь Шамра: Мосулъ—Азербайджанъ говоритъ въ пользу предположенія, что въ легендѣ отразились свѣдѣнія именно о Келяшинѣ и стелѣ у Топузавà.

Гораздо болѣе подробны указанія арабской историко-географической энциклопедіи XIV в.: مسالك الابصار فى ممالك الامصار[3] Шеһаб-ед-дина аль-ʿОмари (697 или 700—749 г. Х.). Относительно курдовъ зерзари[4], донынѣ подъ именемъ зерза населяющихъ части Ушну, Шемдинана и т. д., авторъ говоритъ нижеслѣдующее:[5] «leur territoire s'étend depuis Marat

---

[1] Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer, 1880, 249—50.

[2] Аль-Кāмиль, ed. Tornberg, I, 118.

[3] Переводъ неизданнаго текста см. у Quatremère въ Notices et extraits, XIII, 1838, гдѣ о курдахъ 300—329. Этимъ источникомъ отчасти пользовался Лерхъ въ своемъ трудѣ о курдахъ. У Шеһаб-ед-дина важно указаніе разселенія племенъ въ его время, основанное, очевидно, въ значительной мѣрѣ на показаніяхъ самихъ курдовъ, пріѣзжавшихъ въ Египетъ.

[4] Шеһаб-ед-динъ говоритъ, что «зерзари» по-персидски значитъ «дѣти золота» (ولد الذهب коньектура Quatremère вмѣсто ولد الذيب — «дѣти волка»). Какова бы ни была народная этимологія, ясно, что во второй части названія она подразумѣваетъ *курдское* зāрӯ (дитя). О зерза см. شرفنامه изд. Вельям.-Зернова, I, 278, 280 (пер. Charmoy II, часть I, 134, 136). Ср. также Rawlinson, o. c. 17 и мою работу о «Насел. нѣкотор. погранич. округовъ» изд. Мин. Ин. Дѣлъ, 1915, стр. 459.

[5] Переводъ Quatremère, стр. 315.

مرت[1] jusqu'à la montagne de Handjarein جبل حاكرين qui domine Asnah à droite[2]. C'est un roc élevé dont le sommet domine les montagnes environnantes. L'air y est froid et attire les nuages d'une manière particulière, comme pourrait faire l'aimant. Sur cette sommité sont posées comme avertissement pour les voyageurs, trois pierres, dont chacune a de longueur 10 palmes, de largeur le quart de cette mesure, et d'épaisseur environ deux tiers de coudée. Chacune d'elles est taillée sur toutes les faces, et enchassée dans une pierre carrée, dont l'épaisseur dépasse une coudée. Chacune porte une inscription antique, dont les lettres sont effacées et n'offrent plus que quelques vestiges. Elles sont formées d'une substance verte et dure sur qui le chaud et le froid ne produisent aucune altération, et qui, dans l'espace de plusieurs milliers d'années, éprouve à peine une impression presque imperceptible. De ces trois pierres, celle du milieu est placée sur le sommet de la montagne. Les deux autres sont posées aux deux tiers de chacune des deux pentes, où on les rencontre soit en montant, soit en descendant. On assure qu'elles ont été mises là pour avertir les passants, et que les incriptions gravées sur leurs faces indiquaient les personnes qui avaient péri, durant l'été[3], par l'effet du froid et de la neige. Au pied de cette montagne, les Curdes lèvent un droit sur les voyageurs et racontent ou dissimulent les accidents funestes causés par le froid».

Выдержка эта показываетъ, какими основательными свѣдѣніями пользовался Шеhаб-ед-динъ при описаніи Курдистана, но нельзя не отмѣтить и неточностей его.

---

[1] Читай «Мартъ» (ср. Hoffmann, 247),—по Якуту (IV, 486) деревня на дорогѣ въ Тебризъ, въ 1 переходѣ отъ Урміи, т. е. вѣроятно, въ округахъ Долъ или Дешта-белъ; послѣдній до сихъ поръ входитъ въ сферу вліянія ушнуйскихъ зерза. Возможно, что Мартъ сирійское названіе (=госпожа: Март-Марьямъ?) какой нибудь исчезнувшей христіанской деревни. На русской картѣ по близости Дола указаны названія горъ Мар-Шалыта, Маравазъ (Мар-Абасъ?), несомнѣнно, сирійскаго происхожденія.

[2] Уже Hoffmann предложилъ чтеніе حجرين, прекрасно совпадающее съ вышеприведенными отрывками Табари и Ибн-аль-Асира. Возможно, что это ученое названіе. Якутъ (ed. Wüstenfeld, III, 298) подъ словомъ Шаʻрāнъ говоритъ: «такъ называется гора въ Мосулѣ, (другіе) говорятъ, въ округѣ Шехризуръ. Ибн-ес-Секкитъ говоритъ, что Шаʻрāнъ находится въ округѣ Бā-джармаḳ [по-сирійски: Бет-Гармай] и называется аль-Ḳандӣль, по-персидски Тахти-Шӣрвейh; это весьма воздѣланныя горы: на нихъ всякіе плоды и разнообразныя птицы и на нихъ зимой и лѣтомъ снѣгъ великій. Когда выйдешь изъ Даḳӯḳā, предъ тобой явится тотъ склонъ Шаʻрāна, который обращенъ къ Мал. Забу. Шаʻрāнъ находится вблизи шехризурскаго Рустāк-аз-Зāбъ». Повидимому Шаʻрāнъ обозначалъ весь пограничный турецко-персидскій хребетъ (отъ Ушну до р. Сирванъ?). Ср. Hoffmann, 257. Теперь часть его между Аланскимъ ущельемъ, черезъ которое прорывается М. Забъ, и Келяшиномъ носитъ всѣмъ извѣстное старое общее имя *Кандиль*, съ множествомъ названій для отдѣльныхъ вершинъ. Имя Шаʻрāнъ въ настоящее время забыто.

[3] Справедливо предполагается, что зимой сообщенія нѣтъ совершенно.

Подъ столбомъ на перевалѣ подразумѣвается, конечно, Келяшинъ. Второй камень — у Топузавà, быть можетъ, и стоитъ на $^2/_3$ разстоянія къ Ревандузу, откуда начинается, какъ бы, новая часть пути [1], но по размѣрамъ онъ сильно разнится отъ Келяшина. Главную загадку составляетъ третій столбъ. За него нельзя признать плиту Келисипанъ (см. ниже), которая особой формы, не имѣетъ надписи, стоитъ на другой дорогѣ, и не только внизу долины (Ляхиджанъ), но даже за истоками Малаго Заба (по лѣвую сторону ихъ). Скорѣе рѣчь могла бы идти о какомъ-нибудь исчезнувшемъ памятникѣ, но нельзя упускать изъ виду, что въ старой легендѣ говорилось ясно о двухъ камняхъ حجرين, и при такихъ условіяхъ возможно, что извѣстіе о третьемъ столбѣ [2] возникло на основаніи *слуховъ* о Келисипанѣ съ естественнымъ подведеніемъ его подъ общее представленіе о чудесныхъ камняхъ.

Келяшинъ и позднѣе пользовался широкой извѣстностью среди курдовъ [3], которымъ онъ внушалъ суевѣрныя чувства; они считали, «что онъ созданъ какимъ то могущественнымъ волшебникомъ, какъ средство защиты противъ опасности, однако, способъ пользованія имъ утраченъ, и онъ служитъ лишь для того, чтобы завлекать къ погибели все новыя жертвы» (Rawlinson).

Изъ европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ впервые у Келяшина побывалъ F. E. Schulz. Въ 1829 г. — вскорѣ послѣ этой экскурсіи — онъ былъ убитъ въ Джуламеркѣ, и всѣ матеріалы его послѣдней поѣздки (послѣ выѣзда изъ Урміи) погибли [4]. Свѣдѣнія о томъ, что Шульцъ былъ у памятника и скопировалъ «бóльшую часть» надписи, основаны на свидѣтельствѣ Фрезера и Ролинсона, которымъ объ этомъ разсказывали въ Ушну.

---

[1] Однако, и между Топузавà и Сидаканомъ имѣется трудный перевалъ (Belck, Anatole, 3). О дорогѣ за Ревандузомъ, спускающейся послѣ небольшого подъема въ ужасный провалъ, см. Perkins, J. Amer. Orient. S., II, 1850, 94—5.

[2] Странно лишь, что Шеһаб-ед-динъ не обратилъ вниманіе на названіе حجرين, если такъ надо читать حكرين рукописи. Впрочемъ, въ самомъ *существованіи* Келисипана не было сомнѣній, и лишь смутны были свѣдѣнія о его видѣ. Якутъ, лично видѣвшій Ушну и Пасве (аль-Басва) — (Wüstenfeld, Jakut's Reisen, ZDMG, XVIII, 492), не упоминаетъ никакихъ камней; поэтому можно предположить, что проѣхалъ онъ дорогою Мосулъ—Ревандузъ—перевалъ Гарушинка—Пасве; на послѣднемъ участкѣ онъ могъ и не видать Келисипана, находящагося далеко вправо на особой дорогѣ.

[3] Въ 1833 г. англійскому доктору Ross разсказывали въ Ревандузѣ о высокомъ покрытомъ надписями памятникѣ на «четыреугольномъ основаніи». Фрезеръ слышалъ о Келяшинѣ въ Ушну въ 1834 г. Авторъ персидской записки объ Ушну начала прошлаго столѣтія (изд. Bittner'омъ) не упоминаетъ Келяшина, но это вообще очень поверхностный наблюдатель.

[4] Ritter, IX, 649; Sayce, JRAS, 1882, 377.

Самъ Ролинсонъ посѣтилъ Келяшинъ 15/27 октября 1838 и впервые сообщилъ о немъ географическія и иныя свѣдѣнія, отличающіяся обычными достоинствами описаній этого изслѣдователя. Въ виду климатическихъ условій онъ, однако, не могъ снять копіи и не замѣтилъ надписи на обратной (западной) сторонѣ, вѣроятно, заледенѣлой и заметенной снѣгомъ [1].

Слѣдующую попытку пробраться къ Келяшину, согласно Бельку, сдѣлалъ нѣкій Dr. Rosch, который «подвергся нападенію курдскихъ разбойниковъ... въ тотъ самый моментъ, когда снималъ оттискъ, и былъ убитъ со всѣмъ своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 38 человѣкъ». Ихъ могилы, будто бы, видны понынѣ на пригоркѣ у Келяшина. Никакихъ результатовъ отъ экспедиціи не уцѣлѣло [2].

Четвертымъ изслѣдователемъ былъ Н. В. Ханыковъ, который сообщаетъ: «11 іюня (1852) ѣздилъ я въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ членовъ владѣтельнаго дома Ушну осматривать знаменитый памятникъ Келляшинь или Синій Камень. Памятникъ этотъ состоитъ изъ гранитной плиты (а не мраморной, какъ пишетъ Ролинсонъ), имѣющей 66,5 англ. дюйм. высоты 30,7 дюймовъ шир. и 4 съ небольшимъ дюйм. толщины. Плита эта закруглена сверху и снизу; нѣсколько обсѣченнымъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, концомъ своимъ воткнута въ круглое отверстіе, продолбленное въ гранитномъ же основаніи, состоящемъ изъ параллелипипеда, видимаго на 8 дюйм. изъ подъ земли и имѣющаго въ верхней плоскости 47,7 дюйм. въ квадратѣ. Обѣ стороны его, какъ обращенная къ дорогѣ, такъ и противоположная ей, покрыты сплошною гвоздеобразною надписью; надпись съ первой стороны сохранилась нѣсколько лучше, но въ ней многія мѣста сглажены временемъ, такъ что при всемъ моемъ стараніи снять съ нея оттискъ способомъ à la Millin, я не могъ успѣть въ этомъ. Я подчеркиваю слово «обѣ» потому, что единственный предшественникъ мой у этого памятника

[1] H. C. Rawlinson, Notes on a journey from Tabriz 1838, JRGS, X (1840), p. 21: «the pillar's being engraved only upon its eastern side.....».

[2] Belck, Anatole, стр. 8 и 31, не приводитъ ни датъ ни источниковъ этихъ свѣдѣній. По этому поводу Lehmann-Haupt замѣчаетъ: «inwieweit die Nachricht (относительно Роша) verbürgt ist, habe ich nicht ergründen können» (Armenien etc., 1900, I, 245). Надо упомянуть, что въ Zeitsch. f. Ethnol., XXXIII, Verhandl., 51, Белькъ упоминалъ не Роша, a Dr. Ross (sic), «перваго европейца, посѣтившаго стелу». Но это уже явная ошибка.

[3] Н. В. Ханыковъ, Поѣздка въ Персидскій Курдистанъ, сперва въ Вѣст. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852, т. VI, а затѣмъ съ нѣкоторыми улучшеніями въ газетѣ «Кавказъ» 1853 г., №№ 22 и 23. Утвержденіе Belck, Anatole, 1901, стр. 8, что самъ Ханыковъ «hat uns keinen Bericht über seinen Besuch der Stele beliefert», могло быть исправлено, хотя бы потому, что весьма интересная работа Ханыкова была издана по нѣмецки въ Archiv für wissensch. Kunde v. Russland, т. XIII (1854), стр. 515; см. библіографію Лерха, Изслѣд. объ иран. курдахъ, кн. I, 1856, стр. 17.

Ролинсонъ, по краткости времени, которое онъ могъ посвятить обзору его, полагалъ, что надпись находится только на западной[1] сторонѣ его, обращенной къ дорогѣ. Опредѣливъ высоту этого мѣста, покрытаго тогда еще снѣгомъ, и переночевавъ въ обѣ ревандузскихъ курдовъ, я на другой день вернулся въ Ушну».

Источникомъ всѣхъ остальныхъ свѣдѣній о послѣдующихъ попыткахъ Ханыкова является письмо извѣстнаго американскаго миссіонера J. Perkins къ проф. Флейшеру[2], гдѣ говорится, что «полный гипсовый слѣпокъ надписей»[3], сдѣланный Ханыковымъ, разбился по дорогѣ, но что, будучи лѣтомъ 1853 г. вновь въ сѣверной Персіи, онъ посылалъ людей, которые «сняли очень хорошій бумажный оттискъ съ тѣхъ же надписей. Къ сожалѣнію, послѣднія во многихъ мѣстахъ повреждены и потому не могутъ быть цѣликомъ расшифрованы». Можно предполагать что Ханыковъ отправилъ свои слѣпки Ролинсону, которому онъ послалъ и свои копіи съ Хамаданской надписи Дарія («Гендж-наме»)[4].

О двусторонней надписи сообщаетъ и полк. Е. И. Чириковъ[5], бывшій у Келяшина 5 іюля 1852 г.; по его словамъ, Лофтусъ[6] списалъ надпись. Одновременно посѣтила Келяшинъ и турецкая комиссія, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ интересной книгѣ ея секретаря[7].

Наконецъ, въ 1857, Dr. E. O. Blau[8] снялъ гипсовую копію халдской стороны Келяшина и, хотя и въ поврежденномъ видѣ, доставилъ ее въ Европу. Текстъ этотъ и былъ впервые обнародованъ Сэйсомъ. Самъ Blau, подаривъ снимокъ Deutsche Morgenländische Gesellschaft, не оставилъ описанія своего посѣщенія памятника[9].

---

[1] Разумѣется, въ дѣйствительности, *восточная* сторона.

[2] ZDMG, VIII, 1854. Письмо помѣчено 12—17 окт. 1853 г. Самъ Perkins еще раньше, не зная лично работы Ролинсона, сообщилъ разспросныя свѣдѣнія о Galeeâ-Sheen въ описаніи своего путешествія 1849 г., J. Amer. Or. S., II, стр. 76. Тамъ-же въ протоколахъ (стр. XVIII) упоминается о посѣщеніи Келяшина (1850?) мосульскимъ миссіонеромъ Marsh, оставившимъ самую бѣглую замѣтку о памятникѣ.

[3] Самъ Ханыковъ говоритъ, что скопировалъ лишь одну изъ нихъ.

[4] «Кавказъ» 1853, № 23.

[5] Путевой журналъ русскаго комиссара-посредника 1849—52 г., СПб., 1875, стр. 463 (книга IX Зап. К. О. И. Р. Г. О.).

[6] Состоявшій при англійской комиссіи натуралистъ и археологъ, авторъ книги Travels and researches in Chaldaea and Susiana, L. 1857, и т. д.

[7] Хуршидъ-Эфенди, Сіяхет-намеи-худудъ, переводъ съ турецкаго М. А. Гамазова СПб. 1877, стр. 250; тамъ же отчетъ персидскаго комиссара, о Келяшинѣ стр. 407. Кстати говоря о трудахъ комиссіи 1849—52 гг. слѣдуетъ напомнить, что альбомъ рисунковъ русскаго секретаря Гамазова хранится въ настоящее время въ библіотекѣ Имп. Общ. Любит. Древн. Письменности.

[8] Снявшій слѣпокъ и съ надписи Ташъ-Тепе.

[9] Belck, Anatole, 1904, стр. 9, въ виду этого недоумѣваетъ, видѣлъ ли Blau западную надпись и почему онъ ее не снялъ.

Лишь 26 сентября/8 октября 1890 г. Моргану удалось снять и вывезти во Францію хорошіе бумажные эстампажи съ обѣихъ сторонъ памятника[1]. Ассирійскій текстъ былъ затѣмъ переведенъ V. Scheil'емъ, а халдская сторона издана безъ перевода[2]. Морганъ далъ превосходную фотографію, какъ вида на Келяшинъ, такъ и тѣхъ гипсовыхъ копій, которыя были отлиты въ Парижѣ по эстампажу[3].

Германская экспедиція въ Арменію въ составѣ Белька и Леманна въ августѣ 1898 г. посвятила въ общемъ около 10 часовъ[4] изученію памятника на мѣстѣ. Белькъ опубликовалъ клише копій, сдѣланныхъ отъ руки совмѣстно обоими изслѣдователями, а кромѣ того далъ новый списокъ съ гипсовой копіи Моргана, фотографію съ общимъ видомъ на Келяшинъ, транскрипцію надписей и ихъ переводъ (см. ниже)[5]. Эстампажъ, очевидно, не удался[6], но Белькъ снялъ довольно большую фотографію съ самаго текста надписи[7]. Всѣ эти матеріалы во множествѣ мѣстъ исправили старыя чтенія и помогли окончательно восторжествовать открытію Сэйса, увидавшаго еще въ 1893 г., что Келяшинъ является давно желаннымъ халдо-ассирійскимъ bilinguis.

Послѣ значительнаго перерыва, вызваннаго отчасти и длительными безпорядками на турецко-персидской границѣ, 6 августа 1913 г. у Келяшина побывалъ русскій консулъ въ Соучбулахѣ А. И. Іясъ[8], а въ іюлѣ

---

[1] Впрочемъ на самомъ Келяшинѣ не видно такихъ изломовъ, которые получились на эстампажѣ, видимо, помявшемся, несмотря на всѣ предосторожности; см. Miss. scient. IV, таблица XXVI.

[2] Издано дважды: въ Recueil d. trav. relatifs à la philol. et l'archéol. Egyp. et Assyr., XIV, и затѣмъ послѣ замѣчаній Belck-Lehmann (Verh. d. Berl. Anthr. Gesell. 1893) съ измѣненнымъ самимъ о. Шейлемъ введеніемъ и съ фотографіями въ Mission scient. en Perse, IV, 1896, chap. VII (261—83).

[3] Morgan-Scheil, l. c., указываютъ что «M. Ximénès, explorateur», проѣзжавшій въ іюнѣ 1894 г. въ Сидаканъ, снялъ съ Келяшина эстампажъ, судьба котораго неизвѣстна.

[4] Для сравненія надо имѣть въ виду, что около стелы у Топузава экспедиція провела 17 дней.

[5] См. «Anatole», Zeitschrift für Orientforschung... in zwanglosen Heften herausgegeben v. Dr. W. Belck u. Ernst Lohmann, 1904 (Max Rüger), Heft I (единственно вышедшая) состоитъ изъ одной статьи самого Белька: «Die Kelischin Stele» (стр. 1—74). На приложенной картѣ большія ошибки: Б. Забъ раздѣленъ на двѣ части, текущія въ обратныя стороны и т. д. Другой участникъ экспедиціи Lehmann, посвятилъ Келяшину главу въ своей книгѣ Armenien einst u. jetzt (исключительно внѣшнія приключенія экспедиціи); см. *его-же* статью въ ZDMG, 1904 (исправленія текста).

[6] Lehmann въ своемъ Corpus inscr. chaldic. говоритъ: «№ 17. Kel-a-šin..... Kein Abklatsch (Sturm und Lebensgefahr)».

[7] Lehmann, Mater. zur ält. Gesch. Armeniens, Abh. Götting. Gesell., 1907, IX, стр. 64. Стела на фотографіи (довольно блѣдной) имѣетъ 15 снт. въ высоту. Снята одна лишь сторона.

[8] Его работа съ приложеніемъ прекрасныхъ фотографій напечатана въ Изв. Мин. Ин. Дѣлъ, 1915, № 4; въ ней см. описаніе дороги на перевалъ и общій видъ Келяшина. Полковникъ Іясъ убитъ около Міандоаба во время турецкаго наступленія въ декабрѣ 1914 года.

1914 г. къ памятнику подошла турецко-персидская разграничительная комиссія. Особыя условія нашего путешествія обезпечивали намъ полную безопасность, и русскія палатки простояли у самаго Келяшина 15—18 іюля.

Я имѣлъ въ свободныя минуты возможность осмотрѣть окрестность и снять съ памятника нѣсколько фотографій и бумажныхъ эстампажей. Послѣдніе, однако, плохо сохли и затѣмъ постерлись въ дорогѣ[1]. Вообще, новые существенные результаты можетъ дать лишь подробное изученіе Келяшина въ подлинникѣ спеціалистами по клинописи, которые провѣрятъ каждый сомнительный остатокъ знака.

Нельзя согласиться съ Морганомъ въ томъ, что отъ Келяшина открывается обширный видъ[2]. Съ востока къ Персіи идетъ плоскогорье, закрывающее видъ на Ушну, а на западъ къ Турціи въ горахъ имѣется прорывъ, но какъ разъ по серединѣ его стоитъ группа скалъ, которую снѣговыя воды, идущія отъ памятника къ Турціи, обтекаютъ съ обѣихъ сторонъ; по этимъ желобамъ и идутъ соединяющіяся затѣмъ тропинки. Скала закрываетъ видъ, и, чтобы увидать дикую горную панораму верховьевъ р. Гадыръ (на сѣв.-вост.) и лабиринтъ горъ въ сторонѣ Амадіи[3], надо непремѣнно подняться на гребень къ сѣверу отъ памятника.

15 іюля на перевалѣ—около 3 верстъ высоты[4]—была ранняя весна: на солнцѣ у памятника было тепло, но уже къ 3-4 час. дня надо было одѣваться теплѣе; снѣгъ глыбами лежалъ у самыхъ палатокъ, и маленькія струйки лѣниво текли изъ подъ него по слегка зеленѣющему пути. Подобно Шеһаб-ед-дину, можно удивляться крѣпости камня Келяшина, выдерживающаго подобный суровый климатъ около 2700 лѣтъ.

Памятникъ стоитъ у самой дороги, хотя болѣе видное мѣсто онъ могъ бы занимать наверху подходящей къ нему каменной грядки (табл. VI, 2), о которой см. ниже (стр. 156). Вся котловинка Келяшина нѣсколько поката къ Турціи, и замысловатые пути вешнихъ водъ вызвали въ нашей комиссіи много споровъ о водораздѣлѣ; турки и персы одинаково желали получить древнюю стелу всецѣло на свою сторону, но, наконецъ, согласились признать именно ее за пограничный столбъ за № 123.

Памятникъ (табл. VI, 1) по нашимъ измѣреніямъ имѣетъ въ вышину—1,65 м., въ ширину 0,62 м., въ толщину 0,32 м.; постаментъ квадратный

---

[1] Эстампажи эти переданы мною черезъ проф. Б. А. Тураева въ Восточный Музей Имп. Петрогр. Университета.

[2] Morgan, IV, 264: «panorama qui s'étendait à nos pieds».

[3] См. фотогр. 4 въ цит. статьѣ А. И. Іяса.

[4] По Ханыкову—6800 фут., по Моргану—2860 метр., по Бельку—2800 метр.; мои наблюденія анероидомъ давали слишкомъ низко 2610—2625 метр. На русской картѣ высота перевала помѣчена 1395 саж.

1,20 × 1,20 м., его толщина — 0,38 м.; ширина нижняго заостреннаго конца стелы — 0,36 м.[1].

Врядъ ли Келяшинъ («синяя стела») оправдываетъ свое названіе: камень его очень темный, почти черный, діоритъ[2]. Какъ Чириковъ, такъ и Морганъ[3] указывали, что подобной породы въ сосѣднихъ горахъ нѣтъ.

Оріентированъ столбъ, не вполнѣ точно, съ востока (халдскій текстъ) на западъ (ассирійскій текстъ). Насколько здѣсь имѣло мѣсто преднамѣренное желаніе обратить главную сторону къ восходящему солнцу, а не просто къ дорогѣ, можно установить лишь сравненіемъ съ другими халдскими стелами; соображеніе о дорогѣ можетъ быть примѣнено и къ памятнику у Топузава̀.

Второе попутное предположеніе Ролинсона касается символизаціи Келяшиномъ (состоящимъ изъ собственно стелы и постамента, въ который онъ вставленъ), двухъ началъ, мужского и женскаго. Теперь достовѣрно извѣстно о посвященіи памятника богу Халду, но, если бы даже по формѣ стела могла отразить слѣды и болѣе древнихъ вѣрованій[4], то для данной цѣли она врядъ ли характерна[5].

Первую попытку перевода надписи Келяшина сдѣлалъ Сэйсъ (1882)[6]. Затѣмъ Шейль (1892?), какъ упомянуто, далъ переводъ ассирійскаго текста, а халдскую сторону опубликовалъ лишь въ клинописи и транскрипціи. Тотчасъ же (1893) и безъ всякихъ колебаній Сэйсъ призналъ тожде-

---

[1] У Леманна, Armenien einst und jetzt, I, 253 на рисункѣ совершенно невѣрно показанъ способъ установки памятника на постаментѣ.

[2] Шін (ћешін) по корню сопоставляется съ русскимъ синій, но можетъ значить и сѣрый, и зеленый. Шеһаб-ед-динъ называетъ камень «зеленымъ».

Что касается слова *кел*, то у Justi-Jaba въ параллель приводится русское *колъ*, а значеніе дается (Dict. kurde-fr., 398): «pilier, colonne» на основаніи исключительно Keli-shin у Ролинсона. Kel, скорѣе, стоитъ въ связи съ перс. келле — «макушка, вершина, голова (сахара)». Ср. Чириковъ, 655: «кель . . . . . горная каменистая вершина»; въ Краткомъ рус.-курд. воен. переводчикѣ, изд. В. Никитина, Урмія, 1916, стр. 8, вмѣсто обычнаго обозначенія горъ, слова кеван (resp. kēwan), въ округѣ Бане рекомендуется говорить келан. Дѣйствительно, около Бане есть много названій, родѣ Кели-ба («вершина вѣтровъ») и т. д. Что касается до изафета, то на мѣстѣ, дѣйствительно, произносится Kel-ă-šin (Lehmann); Ханыковъ даетъ Келля-шинь, а Perkins: Kallia-shin или Galeeâ-sheen. Ср. Justi, Kurdische Gramm., стр. 128 и названіе сосѣдняго округа Дешта-белъ.

[3] JRAS, 1894, 700.

[4] О поклоненіи халдовъ богинѣ плодородія см. Lehmann, Mater. zur älteren Gesch. Armeniens, стр. 22.

[5] Для сравненія стоитъ взять фаллическіе столбы персидскихъ мостовъ (напр., извѣстнаго Кодумскаго около Решта). Замѣчу кстати, что на мужскихъ могилахъ у многихъ (курдскихъ?) кочевниковъ помимо двухъ плитокъ въ головахъ и у ногъ ставится третья по серединѣ. Наблюденіе это нуждается въ провѣркѣ.

[6] По весьма попорченному слѣпку Blau, снятому лишь съ халдской стороны, J. R. A. S., 1882; надпись Келяшина помѣщена подъ № LVI среди «надписей неопредѣленной эпохи». Этотъ переводъ имѣетъ мало общаго съ послѣдующими попытками чтенія надписи.

ство содержанія надписей и напечаталъ параллельный переводъ обоихъ текстовъ строка за строкой, высказавъ изумленіе по поводу близости обѣихъ версій[1]. Слѣдующую самостоятельную попытку сдѣлали Мессершмидтъ и Белькъ, при чемъ, въ виду признаваемой ими невозможности дать «дословный переводъ всего ассирійскаго текста», оба текста въ переводѣ слиты воедино[2].

Наконецъ, въ 1906 г. Сэйсъ въ третій разъ напечаталъ текстъ надписей Келяшина (въ транскрипціи) и далъ новый подстрочный переводъ обѣихъ версій въ отдѣльности[3].

Во всякомъ случаѣ, внѣ сомнѣнія, что Келяшинъ воздвигнутъ при жизни ванскихъ царей Ишпуини и его сына Менуа (т. е. приблизительно около 800 г. до Р. Х.), что надписи имѣютъ вотивный характеръ и оканчиваются формулами проклятія за поврежденіе стелы; наконецъ, что памятникъ имѣетъ близкое касательство къ области Мусасиръ.

Болѣе сомнителенъ поводъ постановки Келяшина и причина помѣщенія его именно на перевалѣ, который каждую зиму надолго засыпался снѣгами и, повидимому, находился довольно далеко отъ знаменитаго святилища Мусасиръ (Ардини).

---

[1] Предварительная замѣтка, помѣченная 26 іюля 1893, помѣщена въ Academy, 5 августа 1893 г., № 1109, стр. 115 (въ указателѣ ошибочно 110). Здѣсь между прочимъ упоминается о какомъ-то эстампажѣ Келяшина, который былъ полученъ Сэйсомъ и переданъ въ Ashmolean Museum. Далѣе говорится о Мусасирѣ: in the vannic version it is called the city of Ardinis, «the sun-god»; and I conclude, therefore, that Mutsatsir was a name of purely Assyrian origin, signifying «the place from which the serpent issues». Переводъ надписей данъ Сэйсомъ въ Journ. R. Asiat. S., 1894, стр. 691—705. Съ критикой утвержденій Сэйса выступили Белькъ и Леманнъ (Verhandl. d. Berl. Anthrop. Gesellsch.—28 октября 1893); ссылаясь именно на отсутствіе въ халдской надписи имени «Мусасиръ» и на старое (!) предположеніе Сэйса (1882) о военно-историческомъ содержаніи халдской надписи, тогда какъ ассирійскій текстъ имѣетъ вотивный характеръ, авторы «не понимали, какъ еще можно, при такихъ обстоятельствахъ, говорить о тождествѣ обоихъ текстовъ» (Ср. Morgan, IV, 274).

[2] Переведены строки 1—4, 7—15, 16—19, 25—27, 29—42 (NB. въ халдскомъ текстѣ лишь 41 строка); оставлены безъ перевода 20—24 и 28, чрезвычайно важныя для общаго смысла. Самъ Белькъ называетъ свой трудъ «Uebersetzung resp. eine Inhaltsangabe». Въ Anatole, 39, слишкомъ вскользь упомянуто объ открытіи Сейса, причемъ ссылка сдѣлана лишь на его замѣтку 1893 г., а не на подробную статью 1894 г., излагающую всѣ доказательства въ пользу признанія Келяшина за bilinguis. Lehmann присоединился къ этому же мнѣнію въ статьѣ Zwei unveröff. chal. Inschr., ZDMG, 1904, стр. 825, гдѣ предложены и новыя исправленія текста.

[3] J. R. Asiat. Soc., 1906, 611—653. Еще ранѣе въ томъ же изданіи, 1901, стр. 653, Сэйсъ подвергъ подробной критикѣ мысль о томъ, что ванскій текстъ является *продолженіемъ* ассирійскаго, начинаясь со словъ «въ томъ же году». Вотъ его аргументы: 1) халдскіе тексты обычно начинаются съ имени бога Халда; 2) халдскій текстъ не могъ стоять послѣ ассирійскаго въ надписи ванскихъ царей (ср. порядокъ языковъ въ ахеменидскихъ надписяхъ); 3) здравый смыслъ требуетъ, чтобы надписи подобнаго памятника относились къ одному событію.

Белькъ, очевидно, хочетъ извлечь изъ надписей большій смыслъ, нежели это допускаетъ его неполный переводъ, и въ своихъ объясненіяхъ перваго пункта прибѣгаетъ къ ряду гипотезъ[1]. Можно, конечно, согласиться съ важностью перевала, какъ извѣстной грани между Мусасиромъ и округами бассейна Урмійскаго озера, которая позднѣе[2] могла отчасти являться и политической границей съ ассирійцами, проникавшими въ страну маннеевъ[3]; однако, самъ Белькъ въ заключеніе недоумѣваетъ, почему надпись поставлена не у храма, а на горѣ у дороги, гдѣ ее легко могли попортить прохожіе.

Неясны и объясненія Леманна, предполагающаго, что Мусасиръ зависѣлъ сперва отъ Ассиріи, но что Менуа ввелъ туда халдскую военную колонію (?), а также культъ халдскихъ боговъ для связи этой окраины съ Ваномъ; совершенно «невоинственная» надпись Келяшина должна, будто бы, указывать на усиленіе халдскаго элемента и упроченіе халдскаго культа[4].

Сэйсъ внесъ въ толкованіе надписи совершенно новыя подробности. Основное содержаніе главнаго періода онъ формулируетъ такъ: «когда Ишпуини и Менуа шли въ Мусасиръ, они построили убѣжище (rest-house) для путешественниковъ[5] на вершинѣ Келяшинскаго перевала и передъ нимъ поставили стелу[6]. Въ слѣдующій разъ, когда Ишпуини одинъ ходилъ

---

[1] Anatole, 51. Онъ помѣщаетъ въ Мусасирѣ центръ религіозной жизни халдовъ, а вблизи его и прародину этого народа. Основываясь на своемъ переводѣ, онъ говоритъ, что посѣщеніе Мусасира царями Ишпуини и Менуа имѣло цѣлью переносъ культа бога Халда на сѣверъ ближе къ новой столицѣ — Вану. Между тѣмъ, все болѣе выясняется обособленность Мусасира отъ халдскихъ царей (Thureau-Dangin); характерно, что лишь въ предполагаемомъ Мусасирѣ эти цари къ халдскому тексту надписей добавили и ассирійскій, что врядъ ли идетъ къ основной халдской родинѣ; наконецъ, смыслъ *увода жертвенныхъ животныхъ* отрицается Сэйсомъ.

[2] Но не наканунѣ побѣдъ Менуа въ странѣ маннеевъ. Ср. надпись его въ Таш-тепе къ югу отъ Урмійскаго озера.

[3] Belck, Das Reich der Mannäer, Verhandl. d. Berl. Gesell. für Anthr., 1894, — это, случалось при Саргонѣ II и Асархаддонѣ. Первый изъ нихъ вторгся, впрочемъ одновременно и къ маннеямъ, и въ Мусасиръ, куда, однако, онъ прошелъ не черезъ Келяшинъ; послѣднее ясно показалъ T.-Dangin, o. c.

[4] Lehmann, ZDMG, 1904, стр. 826—7, дѣлаетъ отсюда неясное для меня заключеніе: «dass (die Inschrift) auf dem Passe, nicht bei der Stadt..... Aufstellung fand, erklärt sich so gleichfalls aufs beste». Введеніе въ Мусасиръ военной колоніи не подкрѣплено доказательствами.

[5] J. R. As. Soc., 1906. Сэйсъ уподобляетъ его почтовымъ гостиницамъ Тутмоса III на Ливанѣ. Изъ позднѣйшихъ сооруженій можно было бы упомянуть сасанидскую постройку Такы-Гырра у перевала черезъ Загросъ между Ханыкиномъ и Керманшахомъ. Морганъ (IV, 339 и таблица XXXIX) считаетъ ее за chapelle dédicatoire, въ которой, вѣроятно, стояла статуя царя-строителя дороги. У Чирикова, цит. соч., 316, высказано предположеніе, что это «мѣсто отдохновенія» на половинѣ подъема.

[6] Ранѣе (J. R. A. S., 1894, стр. 700) Сэйсъ высказывалъ предположеніе, что въ виду несоотвѣтствія надписи дикой мѣстности, ее окружающей, Менуа перенесъ ее на перевалъ изъ какого нибудь другого мѣста.

съ войскомъ (was campaigning) въ этомъ округѣ, онъ освятилъ (consecrated) [сказанное] убѣжище, повѣсивъ щиты на стѣнахъ, втащивъ [туда] двери изъ долины и подаривъ святилищу (shrine) бронзовую чашу». Что касается до упоминаемаго въ надписи множества жертвенныхъ животныхъ, то «вѣроятнѣе, что они были поднесены главному святилищу (mother-sanctuary) въ Мусасирѣ».

Если новое толкованіе надписи вѣрно, то, окажется, что стела являлась, какъ бы, второстепеннымъ предметомъ по сравненію съ зданіемъ, передъ которымъ она стояла. При осмотрѣ памятника меня прежде поразило, что онъ стоитъ не на вершинѣ каменной грядки, а сбоку ея у дороги. Мнѣ приходила даже мысль о смѣщеніи Келяшина съ первоначальнаго мѣста, въ виду того, что: 1) постаментъ памятника, вѣсящаго не менѣе 100 пудовъ, лежитъ почти на поверхности земли[1], 2) къ югу отъ него имѣется чистая отъ камней полоса, по которой, какъ будто, протащили нѣчто тяжелое и 3) еще южнѣе на гребнѣ упомянутой грядки (въ 19 шагахъ отъ Келяшина) имѣется нѣкоторое квадратное углубленіе, подходящее по размѣру къ постаменту памятника (рис. 1)[2]. Тутъ же видны слѣды кладбища[3]; нѣкоторыя раскопки въ этомъ мѣстѣ были бы необходимы. Несовсѣмъ понятно, почему мѣсто отдохновенія путниковъ на дикомъ перевалѣ надо было украшать, какъ храмъ, дорогими вещами, но мысль о постройкѣ убѣжища вполнѣ понятна; на полгода снѣга закрываютъ сообщеніе мимо Келяшина, а въ остальное время усталымъ отъ подъема путникамъ пріятно найти кровъ и отдыхъ; намъ извѣстно, впрочемъ, что подобныя сооруженія (многочисленные каравансараи Шаха Аббаса, Такы-Гырра и т. д.) ставились обычно на половинѣ горы, такъ какъ предпочтительнѣе для ночлега спуститься въ болѣе теплое мѣсто. Возможно, конечно, что на перевалѣ могъ находиться караулъ, выставляемый на лѣтнее время, какъ это и теперь

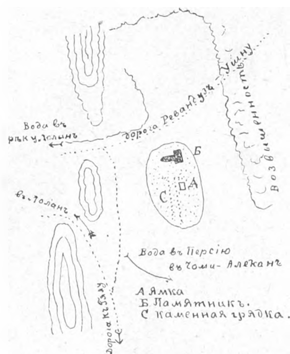

Рис. 1. Мѣстность у Келяшина.

[1] Подъ него просверлена даже дырка — быть можетъ, нора какого нибудь животнаго или слѣдъ поисковъ кладоискателя.

[2] Одна изъ сторонъ его оріентирована на востокъ.

[3] Которое Белькъ считаетъ за могилы спутниковъ Роша!

дѣлаютъ турки для наблюденія за кочевниками. Здѣсь могла быть, наконецъ, часовня главнаго храма[1]. Словомъ вся важность новаго толкованія въ допущеніи существованія на перевалѣ какого-то зданія, что не исключается и данными внѣшняго осмотра этой мѣстности. Пока приходится, однако, признать, что загадка Келяшина все еще не разрѣшена удовлетворительно.

Названіе Келяшинъ, кромѣ описаннаго памятника, носятъ еще два мѣста въ томъ же районѣ.

Перевалъ между городами Саккызъ (бассейнъ р. Джагату) и Бане (бассейнъ Мал. Заба) называется Кели-ханъ; съ восточной стороны его у сліянія рѣчекъ Чоми-пир-будагъ и Чоми-ханъ расположена лощинка, носящая имя Келешинъ[2]; въ ней лежитъ полуразрушенное курдское зимовье того же имени, но проводникъ въ качествѣ истиннаго Келешина показалъ мнѣ кладбище[3], лежащее у дороги (на лѣв. берегу Чоми-ханъ у самаго сліянія двухъ рѣчекъ). Здѣсь, дѣйствительно, стояли два маленькихъ синеватыхъ тонкихъ могильныхъ камня, разрушенныхъ, безъ надписей и очевидно принадлежащихъ къ бѣдному мусульманскому кладбищу. Неподалеку изъ земли криво торчалъ, однако, какой то небольшой и острый осколокъ, какъ будто остатокъ тесанаго камня (вродѣ тумбы), но болѣе ничего достопримѣчательнаго на поверхности земли не оказалось.

По сосѣдству съ ушнуйскимъ Келяшиномъ, верстъ 25—30 къ сѣверу[4] отъ него, между персидскимъ округомъ Мергеверъ и турецкимъ Научія[5] (или Шемдинанъ) имѣется перевалъ, носящій имя Келяшинъ Мергеверскій. Обычная дорога проходитъ еще сѣвернѣе черезъ перевалъ Зину или Чія-решъ. Раздѣльность двухъ Келяшиновъ, ушнуйскаго и мергеверскаго вполнѣ выяснила пограничная комиссія 1849—52 гг. Хуршид-эфенди[6] указываетъ на существованіе на послѣднемъ изъ нихъ камня «также извѣстнаго подъ названіемъ Келяшинъ; камень, однакожъ, не имѣетъ надписи». То же было подтверждено мнѣ многочисленными лицами

---

[1] Сэйсъ въ строкѣ 18 ассирійскаго текста предлагаетъ конъектуру: prayer—chambers!

[2] Или Келишинъ; таково произношеніе въ этомъ мѣстѣ. Ср. O. Mann, Die Mundart der Mukri-kurden, Berlin, 1906, стр. LIV: «Die Form der Iḍâfä ist allgemein î» (за рѣдкими исключеніями).

[3] У Morgan, IV, 277 неточно. Отъ Келешина до Кели-хана мы поднимались съ караваномъ добрыхъ $1^1/_2$ часа.

[4] Келяшинъ Ушнуйскій приблизительно на 36°55′ сѣв. шир., Мергеверскій 37°11′ с. ш.

[5] По курдски «междугорье». По-персидски пишется и نوچه. Кстати, нѣтъ ли въ названіи главнаго пункта округа: Nēri (Nehri) какихъ либо воспоминаній о древней странѣ Nairi? Въ обоихъ названіяхъ кроется та же семитическая основа, означающая рѣку.

[6] Хуршид-эфенди, op. cit. 296, 344, 408. У Чирикова выражено недостаточно ясно, 468. У Моргана (IV, 262 и 277) — явное смѣшеніе.

въ Мергеверѣ въ 1911 и 1914 гг. Я особенно просилъ моихъ коллегъ, отправлявшихся на перевалъ для постановки пограничнаго знака, осмотрѣть древній камень, но, возвратясь, они увѣряли меня, что камня вовсе не оказалось. Я выяснилъ, что имя этого Келяшина нерѣдко смѣшивается съ названіемъ сосѣдней турецкой деревни Гелешмъ. Допуская возможность ошибки касательно отсутствія камня, я въ то же время полагаю, что надписей на Мергеверскомъ перевалѣ, дѣйствительно, нѣтъ или не сохранилось.

II.

Стела у дер. Топузава.

Описаніе пути Келяшинъ—Топузава. Вопросъ о халдской «военной дорогѣ». Европейскіе путешественники: Lobdell, Ximénès, Belck и Lehmann. Посѣщеніе памятника въ 1914 году и видъ его. Существующіе переводы надписей. Связь ихъ съ походомъ Саргона въ 714 г. до Р. Х. Географія области Мусасиръ.

Пользуясь выгодами моего положенія и любезностью турецкаго коллеги, отъ Келяшина я проѣхалъ (16—17 іюля 1914 г.) и къ другому халдскому памятнику, стоящему на турецкой территоріи между деревнями Топузавà и Сидаканъ (округъ Ревандузъ).

Описанія этого пути я нигдѣ не встрѣтилъ[1], а между тѣмъ дѣлались утвержденія, что онъ входилъ въ составъ халдской военной дороги, которая шла отъ Вана на югъ до Сидакана, а оттуда поворачивала на востокъ мимо обоихъ памятниковъ, чтобы спуститься въ область Урмійскаго озера. Описаніе первой части этого труднѣйшаго пути съ 8 перевалами (черезъ Нѣри, Кани-решъ и Аудель-кѣӯ) свидѣтельствуетъ, однако, не въ пользу такого предположенія[2], да было бы и странно, если бы халды, твердо сидѣвшіе около Вана, не пользовались ближайшими и болѣе удобными проходами, выводящими на западъ отъ Урмійскаго озера (дороги черезъ нынѣшній Салмасъ, Сомай, Брадостъ, Тергеверъ и Мергеверъ), гдѣ возможно

---

[1] Члены нѣмецкой экспедиціи, подвергшіеся опасности отъ нападенія курдовъ, не могли пройти этимъ путемъ и достигли Топузавà, лишь сдѣлавъ крюкъ въ 2000 килом. черезъ Ванъ и Месопотамію.

[2] Belck, Die Rusas-Stele v. Topzawā, Zeitschr. f. Ethnologie 1899, 99 –132. Авторъ сознается: «meine speciell auf die Existenz von Spuren alter Wegebauten gerichtete Aufmerksamkeit war meist resultatlos». Нѣсколько неожиданно, поэтому, его позднѣйшее заявленіе (Anatole, 5) о той же военной дорогѣ: «die Chalderkönige.... legten dort eine regelrechte, selbst für schwere Wagen befahrbare Heerstrasse an, deren noch heute deutlich erkennbare Reste ich 1899 dort an vielen Stellen wieder aufgefunden habe». Конкретные примѣры Белькъ приводитъ лишь для участка Баш-кала—Ванъ, который могъ продолжаться на востокъ, а не на югъ!

движеніе и зимой. Странно было бы строить военную дорогу съ большимъ обходомъ на перевалъ, закрывающійся на полгода[1].

Съ другой стороны нельзя отрицать возможности въ *лѣтніе* мѣсяцы пользоваться Келяшиномъ для сообщенія Месопотаміи (черезъ Ревандузъ, Сидаканъ и Ушну) съ областями Урмійскаго озера. Всѣ трудности лежатъ между Ревандузомъ и Мосуломъ, но дѣйствительность показываетъ, что и этотъ участокъ вполнѣ проходимъ даже для современныхъ войскъ съ ихъ артиллеріей и сложными обозами[2]. Надо имѣть въ виду, однако, что поднявшаяся изъ Месопотаміи дорога въ Ревандузѣ раздвоятся: сѣверная вѣтвь идетъ черезъ Сидаканъ на Келяшинъ и Ушну, а южная — гораздо болѣе низкимъ (на цѣлую версту!) и почти незакрывающимся переваломъ Гарушинка (Зинви-Шейхъ) выходитъ въ персидскій округъ Ляхиджанъ, откуда открытъ безпрепятственный доступъ и къ Урмійскому озеру[3]. Выгоды второго изъ этихъ развѣтвленій не могли быть неизвѣстны въ древности, но и первое могло вполнѣ служить проѣзжимъ путемъ въ лѣтнее время[4]: разъ изъ Месопотаміи былъ достигнутъ Ревандузъ, дальнѣйшій путь на Келяшинъ былъ нетруденъ[5].

Отъ Келяшина дорога[6] спускается немного на западный склонъ пограничнаго хребта (Кандиль) и затѣмъ идетъ вдоль его на югъ, перерѣзывая рядъ ручьевъ, которые скатываются въ бассейнъ Ревандузской рѣки. Здѣсь на широкомъ каменистомъ скатѣ горъ мы открыли значительное (длиною до 350 саж.) озерцо Барме-диндаръ[7], имѣющее стокъ, въ видѣ короткаго ка-

---

[1] Belck, Anatole, 38: 9 апрѣля (1899 г.) на горахъ лежала масса снѣга, и курды отказались идти отъ Сидакана къ Келяшину. Rawlinson 15 октября (1838 г.) съ опасностью для жизни проникъ на перевалъ.

[2] Правда, Belck (Anatole, 2—4) исключаетъ возможность, чтобы «ассиріяне когда либо могли пользоваться этой дорогой», въ предположеніи сопротивленія имъ по пути, но теперь ясно (Thureau-Dangin), что Мусасиръ не могъ считаться принципіальнымъ врагомъ Ассиріи. Мы не знаемъ, доходилъ ли вообще этотъ округъ до Ревандуза. Путемъ Мосулъ-Ревандузъ турки въ 1836 г. воспользовались для успѣшной экспедиціи противъ могущественнаго ревандузскаго мира, а на нашихъ глазахъ они дважды вторгались по нему въ Персію.

[3] Южный путь подробно описанъ Perkins'омъ въ Journ. Amer. Orient. Soc., II, 1851, стр. 83 и слѣд. и менѣе детально у Thielmann, Streifzüge im Kaukasus, 1875, стр. 321 и слѣд. См. ниже о курганахъ, защищающихъ Ляхиджанъ противъ выходовъ съ него.

[4] О его историческомъ значеніи см. Rawlinson, J. R. G. S., X, 23 и 71; его предположеніе, что Хосровъ Первизъ (въ походѣ противъ Бехрамъ Чубина) и императоръ Ираклій прошли черезъ Келяшинъ, раздѣляетъ и Hoffmann (Auszüge, стр. 249), хотя, впрочемъ такая же догадка могла бы съ одинаковымъ правомъ относиться и къ Гарушинка.

[5] Видѣнная мною часть его не можетъ сравниться, по описаніямъ, съ трудностями дороги Гарушинка—Раятъ—Ревандузъ.

[6] Подробное описаніе ея напечатано мною въ работѣ «Тур.-перс. граница», 1915.

[7] По объясненію курдовъ *барм*—мѣсто, гдѣ доятъ скотъ. Ср. Егіазаровъ, Зап. Кавк. О. Геогр. Общ., XIII, вып. 2, стр. 25: «налѣво отъ палатки находится «бэръ» (ber), мѣсто,

нала, который, быть можетъ, возникъ не безъ помощи человѣческаго труда. Далѣе дорогу преграждаетъ перпендикулярный къ Кандилю отрогъ Бербзинъ; его приходится огибать по неудобному карнизу, а затѣмъ путь опять направляется на югъ и послѣ небольшой перемычки[1] спускается къ рѣчкѣ Сидаканъ (у Белька: рѣчка Bōreh). Вмѣстѣ съ ней онъ поворачиваетъ на западъ, пересѣкаетъ у дер. Мавутава ея правый притокъ и въ нѣсколькихъ минутахъ за дер. Топузавà, лежащей на правомъ берегу сидаканской рѣчки, выходитъ къ халдскому памятнику. Весь путь отъ Келяшина беретъ около 6 часовъ, причемъ до Ревандуза остается не болѣе $^2/_8$ пройденнаго разстоянія. Мой барометръ, утромъ у Келяшина показывавшій 2610 метр., къ вечеру у Топузавà упалъ до 1650 метр., что даетъ около версты спуска. Дорога трудна лишь у Бербзинъ, гдѣ надо переправляться и черезъ каменистый быстрый потокъ Барамызъ, а въ остальныхъ мѣстахъ вполнѣ проходима для какихъ угодно вьюковъ (и древнихъ колесницъ?). Говорить, однако, о слѣдахъ *построенной* дороги врядъ ли возможно, такъ какъ за многія столѣтія прохода кочевниковъ со скотомъ многія тропы принимаютъ мѣстами мнимо-искусственный видъ[2]. Въ древнихъ горныхъ странахъ тропа, нащупавъ наиболѣе удобное и краткое направленіе, уже не сходитъ съ него и при отсутствіи особыхъ препятствій, какъ, напр., на участкѣ къ Сидакану, сама естественно разрабатывается.

Приведенныя выше цитаты изъ арабскихъ писателей имѣютъ въ виду и памятникъ у Топузавà[3]. Изъ европейцевъ же первыя точныя свѣдѣнія о немъ добылъ по разспросамъ Ролинсонъ[4]. Курды въ Сидаканѣ разска-

---

гдѣ доятъ овецъ». Диндаръ, вѣроятно, собств. имя. Естественнѣе, впрочемъ, принимать بركه въ извѣстномъ персидскомъ значеніи «прудъ, озерцо» (Vullers: stagnum, lacus); ср. назв. мѣстности въ Фарсѣ Барме-Дилякъ.

[1] Она носитъ названіе Гарwе-бне и на ней стоитъ странное пирамидальное сооруженіе изъ камней и деревяшекъ (выше $1^1/_2$ саж.). Курды разсказываютъ легенду про влюбленнаго дервиша, понаставившаго такихъ пирамидъ въ честь своей возлюбленной, но нѣтъ ли здѣсь связи съ обычаемъ набрасывать кучи камней на перевалахъ? Иногда говорятъ, что на мѣстѣ ихъ былъ кто-нибудь убитъ, отчего ихъ и называютъ «муртаджим» (т. е. побитый камнями). Приходилось видѣть такія кучи и на югѣ, напр. у города Мендели (камни Кумесенгъ при выходѣ р. Генгиръ изъ ущелья). Сбивчивость объясненій и, на ряду съ этимъ, выполненіе обычая, требующаго, чтобы прохожій бросилъ камень, заставляютъ предположить здѣсь переживаніе какого то древняго суевѣрія.

[2] Я видалъ такіе участки, поднимаясь на плоскогорье Везне и спускаясь съ него, у перевала Наухуванъ (между Сулейманіе и Саккызомъ) и т. д.

[3] Члены германской экспедиціи настаиваютъ на мѣстномъ произношеніи Topzawä. Во всякомъ случаѣ *топуз* турец. слово, означающее булаву, которая донынѣ возится въ Персіи передъ губернаторами, для встрѣчи почетныхъ гостей и т. д. Топузавà — не рѣдкое названіе; ср. деревню этого имени въ Сулдузѣ и т. д.

[4] J. R. G. S., X. До него Фрезеръ, со словъ англійскаго доктора Ross (см. выше стр. 148, пр. 3, и 149, пр. 2), — повидимому, перваго европейца, побывавшаго въ Ревандузѣ, —

зываютъ, что путешественники неоднократно снимали съ памятника фотографіи и эстампажи, но вотъ короткій перечень тѣхъ посѣщеній, о которыхъ сохранились свѣдѣнія въ литературѣ.

Въ іюлѣ или августѣ 1853 стелу видѣлъ врачъ американской духовной миссіи Henry Lobdell. Съ его словъ Perkins сообщаетъ, что памятникъ стоитъ «недалеко отъ несторіанской деревни Сидаканъ, совершенно близко отъ дороги, подъ группой деревьевъ около кладбища». Нахожденіе памятника—добавляетъ Perkins—«въ мѣстѣ, совершенно неподходящемъ для границы какого-нибудь государства, около 30 анг. миль внизъ отъ перевала, гдѣ стоитъ первый столбъ (Келяшинъ)», противорѣчитъ мысли о томъ, что это пограничный знакъ[1].

По просьбѣ о. В. Шейля путешественникъ Ximénès[2] въ іюлѣ 1894 впервые точно обмѣрилъ эту стелу и снялъ съ нея эстампажъ, повидимому, мало удачный[3].

Наконецъ въ 1899 г. памятникъ у Топузава былъ подробнѣйше изслѣдованъ членами германской экспедиціи, которые провели здѣсь цѣлыхъ 17 дней; Леманнъ и Белькъ не только чистили и отмывали надпись, но даже вынимали стелу изъ постамента, чтобы повернуть ее къ свѣту[4]. Все это заставляетъ думать, что въ противность Келяшину, эта надпись не дастъ больше новаго матеріала; много мѣстъ ея, очевидно, попорчено безвозвратно.

16 іюля 1914 г. мы провели у памятника нѣсколько часовъ, стараясь снять эстампажи. Послѣ чистки 1899 г. памятникъ опять началъ заростать лишаями, а потому копіи вышли малоудачными. Стела стоитъ въ тѣни между деревомъ и кустомъ, такъ что сырость дѣйствуетъ на нее сильнѣе, чѣмъ на Келяшинъ; проѣзжая рядомъ, можно легко не замѣтить этотъ небольшой и

записалъ свѣдѣнія о каменномъ столбѣ съ надписями (30—35 футъ въ вышину?!) на четырехугольномъ основаніи. Трудно сказать, къ какому изъ двухъ халдскихъ памятниковъ относились эти преувеличенные разсказы курдовъ о «столбѣ Семирамиды». Ср. Ritter, IX, 936.

[1] ZDMG, VIII, 1854: у Perkins'а ошибочно показано растояніе отъ Ревандуза; надо читать 5 часовъ (а не миль). Теперь въ Сидаканѣ живутъ курды.

[2] Ср. Morgan, IV, 266. Мнѣ недоступна статья Ximénès'а въ Vossische Zeitung, 14 ноября 1894, гдѣ, повидимому, говорится, что въ надписи упомянутъ Мусасиръ, но вмѣсто поставившаго ее царя Русы ошибочно названъ Аргишти. Ср. Streck, Zeitsch. f. Assyr. XIV, стр. 132.

[3] Belck, Armen. Streitfragen, Zeitsch. f. Ethnol. 1901 (284—328) со словъ Шейля. Тѣмъ не менѣе имя Мусасиръ было разобрано, а это былъ не малый шагъ изслѣдованія впередъ. Его подчеркивалъ еще передъ своей экспедиціей въ Арменію Lehmann въ Sonntagsbeilage zur Voss. Zeitung. 20, I, 1895 (а также въ Verhand. Berl. Anthr. Gesell. 1895, стр. 594) — цитировано у Streck, o. c.

[4] Описаніе стелы и работъ надъ ней см. Belck, Die Rusas-Stele, Z. f. Ethn., 1899 (99—132), въ видѣ письма на имя Вирхова; статья—крайне многословная и изобилующая гипотезами. Гораздо болѣе сжато у Lehmann, ZDMG, 1904, стр. 831 и слѣд.

совершенно почернѣвшій[1] камень, похожій на надгробіе. Солнце на него почти не попадаетъ, а потому фотографированіе до крайности затруднено. Прилагаемое изображеніе памятника (табл. VI, з) сдѣлано съ восточной (халдской) стороны[2]. Верхняя часть памятника сильно неправильной формы[3], и теперь осталось 32 строки халдскаго и 28 строкъ ассирійскаго текста, а кромѣ того, по словамъ членовъ германской экспедиціи, приписки по 8 строкъ на узкихъ боковыхъ стѣнкахъ (формулы проклятія).

Рѣзьба много грубѣе, чѣмъ на Келяшинѣ, строки неровныя и буквы разбѣгающіяся. Приблизительные размѣры въ четвертяхъ таковы: высота 4, ширина $2^1/_2$, толщина $1^1/_4$; квадратный постаментъ $4^1/_2 \times 4^1/_2$.

Первый переводъ и текстъ надписи въ транскрипціи далъ Леманнъ въ 1900 г.[4]. Слѣдующее изданіе ея въ транскрипціи съ подстрочнымъ переводомъ обоихъ текстовъ далъ Сэйсъ[5]. Наконецъ, новѣйшій французскій переводъ принадлежитъ Thureau-Dangin[6].

Вновь основываясь на этихъ переводахъ спеціалистовъ, возможно считать прочно установленнымъ лишь слѣдующее: надпись поставлена урартскимъ царемъ Русой; въ ней говорится о возстановленіи[7] Урзаны, царя Мусасира, о походѣ халдовъ до горъ Ассиріи[8] и о жертвоприношеніяхъ Русы въ Мусасирѣ.

Изъ ассирійскихъ источниковъ[9] извѣстно, что въ 714 г. до Р. Х. Му-

---

[1] Леманнъ говоритъ, что курды называютъ его Kel-a-giaur — «die graue Stele». Ср., дѣйствительно, Jaba-Justi, Dict. kurde, 368: «gheour» brun, «ghaver» gris.

[2] Видъ съ противоположной стороны въ Zeitsch. f. Ethn., XXXII, 1900, табл. II.

[3] Belck, Rusas-Stele, 122, предполагаетъ, что верхъ надписи умышленно отколотъ. Но если цѣлью было поврежденіе, почему это не было сдѣлано до конца? Неужели у разрушителя (согласно Бельку, Саргона!) не было такихъ средствъ, какъ у германскихъ археологовъ, вынимавшихъ стелу изъ цоколя?

[4] Lehmann, Bericht über Ergebnisse... der Forschungsreise in Armenien, Sitzunsberichte Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1900, 619—633, гдѣ въ опытѣ Corpus inscriptionum chaldicarum надпись у Топузавà приведена подъ № 128. Текстъ надписи въ *клинописной* копіи (отъ руки) и съ многими исправленіями Леманнъ далъ вторично въ ZDMG, 1904, стр. 831 и слѣд.

[5] J. R. As. S., 1906, стр. 625. Въ виду того, что Сэйсъ еще въ 1893 г. доказалъ тождество надписей Келяшина, нельзя считать, что надпись стелы у Топузавà явилась *первымъ* bilinguis. О ней Сэйсъ замѣчаетъ: «the two versions do not agree so closely together as in the case of the Kelishin inscription, and their author had less knowledge of Assyrian than the earlier scribe».

[6] O. c., 1912, стр. XV.

[7] Леманнъ (1904) даже въ этомъ не увѣренъ, считая, что Руса могъ и свергнуть Урзану, судя по неясному тексту.

[8] Сэйсъ (1906) такъ толкуетъ темное мѣсто: «the soldiers were slain who, instead of rendering homage (т. е. Русѣ) with Urzana and their comrades, had fled to Assyria, and there, apparently, were massacred while drunk with wine». Но что все это значитъ?

[9] Они собраны въ работѣ Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 avant J. C.), P. 1912. Здѣсь же перепечатано изъ Botta, Monuments de Ninive

сасиръ былъ совершенно разграбленъ ассирійцами, увезшими и статуи боговъ Халда и Багбарту, и что, хотя мѣстному правителю Урзанѣ удалось лично спастись, семья его попала въ плѣнъ къ Саргону II, лично стоявшему во главѣ войскъ. Царь Руса, по ассирійской лѣтописи, отъ огорченія покончилъ жизнь самоубійствомъ[1].

Естественно сопоставленіе съ этимъ событіемъ надписи у Топузавà, упоминающей тѣ же имена: Мусасиръ, Руса, Урзана.

Весьма заманчиво объясненіе ея, какъ ближайшаго послѣдствія происшествій 714 года[2], однако, принять его возможно, лишь опорочивъ указанное извѣстіе о смерти Русы тотчасъ послѣ похода Саргона. Для неспеціалиста доступны лишь аргументы простого здраваго смысла, и съ этой точки зрѣнія можно отмѣтить, что не только въ сохранившейся и переведенной части надписи нѣтъ слѣдовъ естественнаго гнѣва на святотатство ассирійцевъ[3], но и сама надпись составлена съ ассирійскимъ переводомъ, т. е. на языкѣ насильниковъ надъ тѣмъ самымъ богомъ Халда, которому Руса приноситъ жертвы[4].

Внѣ нашей компетенціи стоитъ другой вопросъ, связанный съ памятникомъ у Топузавà, а именно, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Мусасиръ къ своимъ могущественнымъ сосѣдямъ: Ассиріи и ванскому царству[5], но инте-

---

pl. 141, изображеніе разграбленія Мусасира на фризахъ хорсабадскаго дворца. Оно воспроизведено у Sayce (1882), Hirschfeld (1885), М. В. Никольскаго, Матер. по арх. Кавк., т. V, табл. VI, и Sarre-Herzfeld, Iranische Felsrel., 1910, стр. 8, но безъ важнаго для географіи верха рельефа, изображающаго горный пейзажъ.

[1] «Avec sa propre épée de fer, comme à un porc il se perça le coeur» пер. Thureau-Dangin изъ Winkler, Keilinschrifttexte Sargon's, строки 101—39. Изданный самимъ Thureau-Dangin документъ выражается гораздо глуше: въ немъ говорится лишь о болѣзни Русы (стр. 151).

[2] См. Belck, Die Rusas-Stele, стр. 124. Гораздо осторожнѣе Lehmann, Sitzungsb. Berl. Akad., 1900, допускающій постановку стелы и до, и послѣ 714 г. Thureau Dangin, цит. соч., говоритъ по поводу предположенія Белька: ce n'est pas impossible.... mais Belck me semble faire très bon marché du témoignage assyrien qui fait mourrir Ursa immédiatement après l'expédition (т. е. Саргона) de Musasir. Des évènements que nous ignorons antérieurs à 714 ont pu donner lieu à l'intervention d'Ursa».

[3] Крайне натянуто предположеніе Белька, что ассирійцы въ одну изъ послѣдующихъ экспедицій скололи именно *ту часть надписи*, которая имъ была *непріятна*. Но таковою она была вся!

[4] Если бы это было сдѣлано для большей вразумительности насильникамъ, то еще болѣе естественно было бы наполнить содержаніе надписи проклятіями по адресу ассирійцевъ.

[5] Относящіеся сюда факты—вкратцѣ таковы: печать Урзаны составлена на ассирійскомъ языкѣ, имя же его по формѣ сопоставляется съ именемъ халдскаго царя Русы, иначе Урсы (Streck, o. c., 124): если Мусасиръ лежитъ у Сидакана, то знаменательно присутствіе ассирійскаго перевода въ халдскихъ надписяхъ Топузавà и Келяшина; Урзана писалъ донесенія мажордому ассирійскаго царя (по тону довольно малопочтительныя—ср. T.-Dangin); Саргонъ обвиняетъ Урзану въ томъ, что онъ предался урартійцамъ и отказалъ въ повино-

ресно выяснить причину нахожденія памятника именно на дорогѣ у Топузавà. Отвѣтъ членовъ германской экспедиціи простъ: они считаютъ, что въ 1 километрѣ отъ надписи на холмахъ противоположной лѣвой стороны рѣчки имъ удалось найти развалины города Мусасира, въ видѣ «небольшого замка на кругломъ холмѣ». Послѣдній имѣетъ въ высоту 25—30 метр., а площадь развалинъ 36 × 72 метр. Сохранились лишь слѣды фундаментовъ (Burganlage) изъ камней на извести. Насколько можно понять изъ описанія Белька[1], холмъ, называемый теперь по курдски Шкенна, лежитъ между р. Топузавà и дер. Бōрē.

При всей важности сдѣланной находки, отождествленіе ея съ Мусасиромъ нуждается еще въ провѣркѣ. Прежде всего, изъ примѣра Келяшина видно, что одно упоминаніе имени въ надписи недостаточно для того, чтобы считать памятникъ своего рода указательнымъ столбомъ того мѣста, которое носитъ это имя. Далѣе, если ассирійскіе рельефы имѣютъ реалистическую тенденцію, то вышеупомянутый фризъ Саргона, изображающій храмъ у подножія горъ, не сходится съ положеніемъ развалинъ на холмѣ, господствующемъ надъ возвышенностью. Возбуждаютъ сомнѣнія и размѣры ихъ площади[2].

Ближайшей причиной избранія даннаго мѣста для памятника (въ 1—1½ килом. даже отъ Шкенна)—являлось, конечно, желаніе приблизить его къ дорогѣ на Келяшинъ, что еще болѣе подчеркиваетъ значеніе послѣдней въ древности[3]. Въ высшей степени знаменателенъ упомянутый фактъ нахожденія на ней двухъ единственныхъ халдо-ассирійскихъ двуязычныхъ надписей, упоминающихъ, къ тому же, Мусасиръ. Послѣдній *долженъ* лежать по близости памятниковъ, но для точнаго помѣщенія его необходимо болѣе подробное географическое и археологическое изслѣдованіе этихъ дикихъ нынѣ мѣстъ. Насколько недостаточны результаты простого анализа древнихъ текстовъ, показываетъ примѣръ Штрека, сгрупировавшаго всѣ ассирійскія упоминанія различныхъ географическихъ именъ; такимъ образомъ

веніи ассирійскимъ войскамъ (Сэйсъ, 1882, 673); при разграбленіи Мусасира Саргономъ, Урзана и Руса представляются *одной* стороной; въ городѣ Мусасирѣ находилось святилище халдскихъ боговъ и т. д. Все это даетъ поводъ Леманну (1904) назвать Мусасиръ Puffer-Staatchen.

[1] Die Rusas-Stele. Не зная въ 1914 г. трудовъ германской экспедиціи, я не могъ осмотрѣть развалинъ.

[2] Belck, цит. соч., ссылается на небольшіе размѣры другихъ халдскихъ построекъ, но добавляетъ, что на Шкенна стоялъ лишь дворецъ или храмъ. Повидимому, отъ предполагаемаго города (Stadt) Мусасира на возвышенности не осталось никакихъ слѣдовъ.

[3] Независимо отъ того была ли она продолженіемъ пути изъ Ассиріи или пути изъ Вана, какъ считаетъ Белькъ (см. выше стр. 158). Говоря о Heerstrasse нельзя забывать простыхъ мирныхъ сношеній, по поводу которыхъ (Ассирія—бассейнъ Урмійскаго озера) нѣтъ уже никакихъ возраженій.

установлено лишь, что Мусасиръ лежалъ «въ непосредственной близости отъ Урарту и Хубушкія, южнѣе первой изъ этихъ земель и болѣе въ сторону Ассиріи»[1].

Повидимому, Thureau-Dangin нѣсколько преувеличиваетъ силу доступнаго намъ толкованія древне-восточной географіи, если на основаніи своего комментарія къ описанію восьмого похода Саргона II переноситъ *центръ* Мусасира далеко на сѣверъ въ область нынѣшняго Гявера[2]. Едва ли можно предполагать такое обширное протяженіе вассальнаго владѣнія, части котораго были бы разрѣзаны трудно-проходимыми участками, тѣмъ болѣе, что существованіе «халдской военной дороги» между Ваномъ, Башкалой, Гяверомъ и Сидаканомъ довольно сомнительно, какъ въ смыслѣ ея назначенія, такъ и чисто фактически (см. выше). Говоря объ интересующихъ насъ памятникахъ, Thureau-Dangin добавляетъ: «эти стелы могли бы обозначать не мѣсто страны Мусасиръ, но южную границу района, подчиненнаго власти и вліянію царей Мусасира и ихъ урартскихъ покровителей во времена Ишпуини и Урсы: онѣ могли бы быть нѣкоторымъ образомъ (en quelque manière) пограничными столбами». Мы уже видѣли, что вотивный характеръ одной надписи и историческій — другой совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ своеобразнымъ кудурру, которыми упомянутый авторъ хочетъ представить наши памятники. Еще Перкинсъ (см. выше) справедливо отмѣтилъ невозможность вообразить какую-нибудь границу у Топузава̀; надо полагать, что въ древности границы опирались на какіе-нибудь твердые географическіе признаки, которыхъ не можетъ быть посреди большой дороги. Можно не считать доказаннымъ, что городъ и святилище находились на Шкенна, но удалять область отъ нашихъ памятниковъ врядъ ли есть основанія. По верховьямъ рѣчекъ между Келяшиномъ и Сидаканомъ ютится и сейчасъ нѣсколько деревень (Беркма и друг.); на запутанныхъ склонахъ горъ къ западу отъ Кандиля (Сія-кѣу) видны и запустѣлые сады, и урочища (Пир-Браимъ, Сенинъ и т. д.). Для древняго Мусасира врядъ ли нужно искать «vallée de quelque importance» (T.-Dangin), если само семитическое имя этой области можетъ означать «мѣсто выхода змѣи», т. е., очевидно, щель, нору[3].

---

[1] Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften, Zeitschrift f. Assyriologie, XIV, 1899, стр. 132. Работа написана до появленія работъ германской экспедиціи и въ отношеніи Урарту значительно устарѣла.

[2] Каза турецкаго санджака Хеккяри, Ванскаго вилайета, лежащая на р. Нихейль (иначе Гявер-су), лѣвомъ притокѣ Бол. Заба. Главный пунктъ казы — селеніе Дизе.

[3] См. Sayce, Academy, 1893 и JRAS, 1894, стр. 625. Штрекъ несогласенъ съ этой этимологіей и называетъ ее gekünstelt und wenig überzeugend. Не касаясь вопроса по существу,

III.

Древнѣйшіе памятники вблизи Урмійскаго озера.

Малочисленность памятниковъ на восточномъ берегу озера. Древности по р. Джагату. Памятники южнаго и западнаго берега. 1. Надпись у Таш-тепе и территорія маннеевъ. 2. Оросительныя сооруженія р. Татаву. 3. Скала Саукендъ. 4. Гробница Факрака; другія сходныя съ нею сооруженія. 5. Курганы Ляхиджана, Сулдуза и т. д. Раскопки въ Урміи. 6. Остатки старины въ районѣ Сердешта. 7. Кели-шинъ. 8. Высѣченныя камеры: на рр. Барандузъ и Назлу, Зенджиръ-кала въ Салмасѣ, камера у дер. Сенгеръ (Маку). Заключеніе.

Географическія рамки древней исторіи, постепенно расширяясь, захватили и сосѣдній съ ванскимъ царствомъ бассейнъ Урмійскаго озера. Имѣется уже рядъ попытокъ выяснить политическое состояніе находившихся здѣсь областей, или вѣрнѣе, ихъ географію и этнографію[1]. До сихъ поръ, однако, въ локализаціи древнихъ названій замѣчаются большія колебанія, и лишь въ отношеніи маннеевъ Бельку удалось установить одинъ незыблемый фактъ. Большія затрудненія вносятъ въ дѣло смѣщенія и переселенія, имѣвшія мѣсто среди этихъ народностей. Возможно, наконецъ, что нѣкоторыя имена, приводимыя въ ассирійскихъ источникахъ, окажутся, подобно Мусасиру, нетуземнаго происхожденія.

Помимо накопленія письменныхъ памятниковъ возможно ожидать нѣкотораго освѣщенія вопроса и отъ собиранія существующихъ мѣстныхъ названій горъ, рѣкъ и урочищъ. На русскомъ языкѣ собраны уже значи-

---

можно, однако, допустить, что, какъ *народная этимологія*, толкованіе Сэйса могло раздѣляться ассирійцами и отражать ихъ представленія о географіи Мусасира. Ср. *ассирійскую* надпись на печати Урзаны (нынѣ въ Гаагскомъ музеѣ): «sceau d'Urzana, roi de Musasir, ...dont, comme d'un serpent (NB) dans les montagnes ennemies la bouche est ouverte» (перев. Т.-Dangin). Даже, какъ игра словъ, этотъ фактъ знаменателенъ. Въ халдскомъ текстѣ обоихъ bilingues Мусасиръ называется по имени солнечнаго бога «городъ Ардини», что открылъ Сэйсъ въ 1893 г.

[1] Помимо общихъ сочиненій появились слѣдующія спеціальныя работы: Belck, Das Reich der Mannäer, Verh. Berl. Gesell. Anthr. 1894, 479—87; A. Billerbeck, Das Sandschak Suleimania und dessen pers. Nachbarlandschaften zu babyl. und assyr. Zeit., Leipzig, 1898 — работа захватываетъ и югъ Урм. озера; авторъ лично съ мѣстностью, видимо, не знакомъ; рецензіи (мнѣ не извѣстны): Orient Litt. Ztg., II, 89—92 (Hüsing), Deut. Litt. Ztg, 1899, № 24, 936—7 (Jensen), Litt. Ctrbl. 1899, № 34, 1161—2; M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landsch. Armen., Kurdistan und Westpersien nach den bab.-ass. Keilinsch., Zeitsch. f. Assyriol., XIII, XIV и XV; первая часть издана особо въ видѣ диссертаціи München, 1898; объ Урарту, Мусасирѣ, маннеяхъ см. Z. A., XIV, 1889, гдѣ на стр. 134 пересмотрѣны и всѣ данныя статьи Белька; — для древней географіи данныхъ мѣстъ работа Штрека основная; Thureau-Dangin, цит. выше Rapport de la 8-me camp. de Sargon etc., гдѣ на картѣ обозначены соображенія автора о маршрутѣ Саргона; здѣсь многое можно принять лишь на вѣру, напр., путь Саргона по *восточному* берегу Урмійскаго озера, хотя возможно, что онъ прошелъ и западнѣе Урміи по округамъ Мергеверъ, Тергеверъ и т. д., о которыхъ всѣ изслѣдователи, какъ бы, забываютъ. Во всякомъ случаѣ новый географическій матеріалъ крайне интересенъ.

тельные матеріалы по номенклатурѣ западнаго и южнаго Азербайджана[1], и весьма возможно, что среди нихъ окажутся остатки весьма отдаленной древности[2].

Необходима и детальная регистрація сохранившихся памятниковъ древности съ нанесеніемъ ихъ на карту; такимъ образомъ могутъ выясниться основныя черты разселенія племенъ, пути, которыми пользовались въ древности, предѣлы распространенія извѣстныхъ явленій культуры.

Нижеслѣдующее представляетъ попытку каталогизаціи древностей въ районѣ къ югу и западу Урмійскаго озера, на основаніи какъ личныхъ моихъ наблюденій[3], такъ и данныхъ другихъ путешественниковъ.

Что касается восточнаго берега озера, то извѣстные на немъ памятники не восходятъ вообще ранѣе эпохи монголовъ[4], если не считать помѣщеній, выдолбленныхъ въ скалѣ марагинской обсерваторіи Нāсир-ед-дūна Тӯсū[5]. Уединенный островъ (иногда(?) полуостровъ) Шāhū или Шāhā, извѣстный у мусульманскихъ писателей подъ именемъ Телā[6], могъ бы, казалось, сохранить остатки большой древности, но и на немъ новѣйшій изслѣдователь упоминаетъ лишь мусульманскія развалины[7]. Необходимо, конечно,

---

[1] См. цит. соч. Е. И. Чирикова; сдѣланный Гамазовымъ переводъ книги Хуршид-эфенди; мою работу «Свѣдѣнія о населеніи нѣкот. [тур.-перс.] пограничныхъ округовъ», изд. Мин. Ин. Дѣлъ, 1915, а также карту Моргана и новыя русскія съемки Азербайджана.

[2] Конечно, не рѣшаясь ни на какіе выводы, я укажу на загадочное названіе дер. Карниса (Кыр-нейса) на р. Назлу-чай немного выше камеръ въ скалѣ у Исмаил-Ага-каласы (см. ниже, стр. 189). Ср. Sayce, JRAS, XIV, 1882, стр. 397, гдѣ говорится, что ванскій царь Сардуръ построилъ около Малатіи городъ Kar-nisi, ассирійское названіе котораго («the town of men») указывало на такой же составъ его населенія. Внѣшнее звуковое сходство можно отмѣтить у названія округа Хорхоре (около Саккыза) и древней области Хархаръ, помѣщаемой всѣми изслѣдователями по близости (въ районѣ Сеннейскаго Курдистана). Насколько прочны бываютъ переживанія именъ доказываетъ нынѣшній Шушъ (Суза), Хамаданъ (Хагматана), Малатія (Мелидду) и т. д.

[3] Я былъ въ этихъ мѣстахъ въ 1906, 1911 и 1914 гг.

[4] Ср. Morgan, IV, 283: dans les plaines de la rive orientale du lac d'Ourmiah on ne voit que peu de tells.

[5] О ней см. Ritter, IX, 836; новѣйшія свѣдѣнія см. H. Schindler, Zeitsch. d. Gesel. f. Erdkunde, XVIII, 1883, 320—44: «на южн. отрогѣ холма Расадъ (т. е. обсерваторіи) находится входъ вырубленной въ песчаникѣ пещеры, состоящей изъ трехъ комнатъ въ 4 метр. высоты, подземнаго хода въ 38 шаговъ и малой недоконченной камеры, расположенной подъ другими»; авторъ отвергаетъ мысль о ея соединеніи въ старое время съ обсерваторіей на холмѣ и допускаетъ возможность ея постройки въ до-мусульманскую эпоху. Леманнъ, Armen. einst u. jetzt, 219, считаетъ, что пещера могла получить «свой нынѣшній, приспособленный для христіанскаго богослуженія видъ въ эпоху сасанидскихъ гоненій на христіанъ», но затрудняется высказаться о ея основномъ происхожденіи и назначеніи. Я могу подтвердить, что на мѣстѣ сохраняется преданіе о томъ, что пещера была церковью.

[6] Мусульманскіе источники собраны у Le Strange, East. Caliphate, 160—1.

[7] R. de Mecquenem (нынѣшній замѣститель Моргана въ Сузахъ), Le lac d'Ourmiah, Annales de géog., XVII, 1908, 128—44. Онъ упоминаетъ около дер. Сарай (на вост. берегу озера) остатки крѣпости, охранявшей проходъ на островъ, а кромѣ того, на самой воз-

отмѣтить преданіе о существовавшей нѣкогда дорогѣ (гати?) поперекъ озера между Урміей и Бинабомъ, нынѣ затопленной водой. Ролинсонъ еще засталъ въ живыхъ одного афшарскаго хана, лично воспользовавшагося однажды этимъ путемъ. Подтвержденіе преданія мнѣ пришлось слышать въ 1906 г. въ урочищѣ Каргабазаръ (къ с. отъ Аджебшира). Ролинсонъ высказывалъ предположеніе, что подобное сооруженіе, если оно существовало, должно было восходить къ временамъ Ассиріи или Мидіи. Быть можетъ, промѣры озера въ связи съ утверждающимся на немъ русскимъ судоходствомъ разъяснятъ эту загадку; возможно, что рѣчь шла здѣсь о естественномъ поднятіи дна озера.

Гораздо богаче въ отношеніи древностей бассейнъ р. Джагату, впадающей въ озеро съ юго-востока. На правомъ берегу ея находятся открытыя Монтитомъ[1] развалины города Лейланъ (10 верстъ къ с. в. отъ Міандоаба); на верховьяхъ праваго притока Сарука лежитъ знаменитый Тахти-Сулейманъ (Газна, Шизъ), стоящій, однако, внѣ рамокъ настоящей статьи; наконецъ, нѣсколько къ югу отъ средняго Сарука Ker Porter (по указаніямъ д-ра Кормика) открылъ знаменитыя пещеры Керефто, представляющія собою цѣлый городъ частью искуственно высѣченныхъ въ скалѣ комнатъ, частью обдѣланныхъ естественныхъ гротовъ[2].

вышенной (culminant) точкѣ по серединѣ острова «ruines d'un château où quelques traditions placent le tombeau de Houlagou-Khan...». Въ 1904 г., идя отъ Урмійскаго берега на лодкѣ подъ парусами, я былъ занесенъ на Шаху въ дер. Гямичи (на югѣ): оттуда мы проѣхали берегомъ до дер. Сарай, а далѣе верхомъ же пересѣкли мелкій (по брюхо лошади) проливъ между островомъ и восточнымъ берегомъ, что длилось часа полтора, и вышли къ дер. Ильхычи. Теперь островъ прекрасно нанесенъ на новой русской картѣ. Развалины первой крѣпости обозначены на мысѣ къ с. в. отъ дер. Сарай. Рядъ скалъ острова поднимается надъ озеромъ на 300—400 саж. На одной изъ нихъ (на ю. з. острова) показаны «развал. крѣп. Кябиръ-каласи». Это, очевидно, и есть «Замокъ Хулагу» (гробница? «Гӯр-кале»), о которомъ упоминаетъ Меккенемъ. Замокъ на островѣ существовалъ въ IX в... Хулагу его перестроилъ, а во времена Тимура онъ былъ въ запустѣніи. Объ Урм. озерѣ, его островахъ и т. д., ср., изъ болѣе позднихъ еще R. T. Günther, Contrib. to the geogr. of lake Urmi, Geogr. Journ. XIV, 1899, 504—23. Трудно сказать, когда Шаху пересталъ быть полу-островомъ. Monteith, JRGS, III, 1833, 56, говоритъ: Peninsula of Shahey which is sometimes (!!) an island . . . . in fact it is so at present. Съ другой стороны камень, на которомъ Monteith въ 1812 г. стоялъ на уровнѣ озера, черезъ 20 лѣтъ оказался на 10 футъ надъ водой. Благодаря любезности А. Ф. Шталя, я уже послѣ набора настоящей статьи могъ просмотрѣть карту (Меккенема?) Versant occidental du Sahend, Exploration de la Dél. Fran. en Perse, 1904, 1: 400000, повидимому, изданную отдѣльно. На ней развалины на ю. з. острова названы Hussein-Chah Kalah (sic!).

[1] JRGS, III, 5—6 и Ritter, IX, 772, 827. Ролинсонъ (JRGS, X, 39 и 119) сообщаетъ мѣстное названіе развалинъ Калеи-Бāхте и утверждаетъ, что Лейланъ, извѣстный и Хамдуллѣ Мустоуфи, не старѣе эпохи монголовъ. Это, въ сущности, можетъ относиться лишь къ виднымъ на поверхности земли развалинамъ.

[2] До сихъ поръ нельзя безъ удивленія читать обстоятельнаго описанія этихъ колоссальныхъ сооруженій у K. Porter, Travels, II, 538—52 (и у Ritter, IX, 816 и слѣд.). Камеры Керефто надо въ особенности имѣть въ виду при разсмотрѣніи вопроса о другихъ сооруже-

Болѣе подробно мы перечислимъ лишь древности къ западу отъ Джагату, лѣвый берегъ которой считается началомъ Курдистана[1]. Въ отношеніи районовъ, посѣщенныхъ въ 1838 г. Ролинсономъ, намъ придется въ значительной мѣрѣ опираться на его трудъ Notes on a journey from Tabriz[2], образецъ наблюдательности для всѣхъ послѣдующихъ путешественниковъ.

1. Въ первую голову слѣдуетъ упомянуть о единственномъ клинописномъ памятникѣ, найденномъ до самаго послѣдняго времени въ сѣверной Персіи[3]. Надпись помѣщалась на холмѣ Таш-тепе въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ къ с. в. отъ одноименной деревни въ междурѣчьѣ Джагату и Татаву, низовья которыхъ здѣсь сближаются на разстояніе верстъ пяти[4]. Послѣ неудачныхъ поисковъ Монтита[5] надпись открылъ Ролинсонъ, отмѣтившій, что она имѣла 35 × 35 дюймовъ и состояла изъ 21 строки; уже и въ 1838 г. она была очень попорчена[6], такъ какъ известнякъ скалы крошился большими чешуйками. Наверху холма виднѣлись остатки какой то древней постройки. Вопреки Риттеру (о. с., 1014) изъ подлиннаго описанія не видно, чтобы Ролинсонъ снялъ надпись, но (въ 1857 г.?) оттискъ былъ сдѣланъ О. Блау, какъ упомянуто, не оставившимъ описанія своей поѣздки[7]. Переводъ, сдѣланный съ этого оттиска, напечатанъ Белькомъ, но сама надпись до сихъ поръ не издана[8]. Въ 1898 г. германская экспедиція нашла на скалѣ Таш-тепе

ніяхъ въ скалахъ въ районѣ Урмійскаго озера. Сооруженія Керефто, едва-ли не со временъ Ролинсона не посѣщавшіяся путешественниками, до сихъ поръ со словъ Кер-Портера, II, 551, объясняются культомъ бога Митры, ср. Sarre-Herzfeld, Iran. Felsr., 11. О греческой надписи въ пещерахъ см. Rawlinson, l. c., 100 и Corp. inscrip. gr., № 4673.

[По сообщенію Я. И. Смирнова, Г. Кайбель (Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta. Berolini. 1878, p. 512), издавая Помпейскос граффито, (о. с. № *1138) упоминаетъ объ этой надписи какъ аналогичной Помпейской и, основываясь на изданіи ея въ Corpus Inscriptonum Graecarum (№ 4673), предлагаетъ читать: Ἡρακλῆς ἐνθάδε κατοικεῖ, μηδὲν εἰσίητο κακόν въ малограмотномъ написаніи Ἡρακλῆς ενθαδε κατυκεῖ, μηθὲν εἰσιαίθω κακόν. *Ред.*].

[1] Правильнѣе считать границей истиннаго разселенія курдовъ р. Татаву.

[2] JRGS, X, 1840, 1—64; тамъ же Memoir on the Site of the Atropatenian Ecbatana, 65—158. Все существенное изъ первой статьи приведено у Ritter, IX, 1009 и слѣд.

[3] Вторая ванская надпись, обнаруженная весьма недавно на персидской территоріи въ Маку, ожидаетъ еще своего опубликованія. О ней сообщилъ Н. Я. Марръ въ засѣданіи Вост. Отд. И. Арх. Общ 28 апрѣля 1916 г.

[4] Географическія данныя я привожу на основаніи новыхъ русскихъ съемокъ. Отъ Міандоаба до Таш-тепе верстъ 20 въ с. з. з. направленіи.

[5] JRGS, III, 6.

[6] O. c., 12, «deplorably mutilated... the greater part of the writing is... altogether destroyed».

[7] Sayce, JRAS, 1882, 386, говоритъ что въ Азіатскомъ музеѣ въ Петроградѣ имѣется «a faded photograph» Таш-тепе.

[8] Belck, Das Reich d. Mannäer. Cp. Lehmann, Sitz. Berl. Akad., 1900, въ Corp. inscr. chald. подъ № 23: «Eroberung des Mannäerlandes und der Stadt Mešta . . . . Unpublicirt». T.-Dangin, o. c. IV: «le texte à ma connaissance n'a pas encore été publié». Непонятно замѣчаніе Леманна, Armen. einst und jetzt, 219 объ оттискѣ Блау, который «veröffentlicht in der Bibl. der D. Morgenl. Ges. zu Halle lag.».

лишь обрывки строкъ, такъ какъ надпись оказалась срѣзанной пасторомъ (Missionsfeldprediger) Фаберъ, тѣмъ же, который вывезъ съ Кавказа и Таш-бурунскую надпись[1].

Изъ перевода, даннаго у Белька[2], видно, что памятникъ принадлежитъ ванскому царю Менуа и касается завоеваній его въ странѣ маннеевъ; упоминается и городъ послѣднихъ Meistaḫa (Mešta), повидимому, неизвѣстный изъ другихъ памятниковъ[3].

Относительно основной территоріи маннеевъ высказывались разныя мнѣнія, отражающія всю неустановленность древней географіи Урмійскаго района. Сэйсъ (JRAS, 1882, 400) помѣщалъ этотъ народъ на пространствѣ отъ Котура и Хоя до южнаго берега Урмійскаго озера. Белькъ, основываясь на своемъ открытіи, считалъ центръ разселенія маннеевъ у Таш-тепе, откуда они распространялись далѣе (на югъ и западъ?) подъ давленіемъ новыхъ передвиженій съ сѣвера отъ Аракса. Штрекъ, несогласный съ этимъ мнѣніемъ, полагаетъ, что первоначально маннеи жили въ нынѣшнихъ турецкихъ округахъ Шатахъ, Хошабъ и Башкала, а оттуда были вытѣснены ассирійцами (sic?!) на ю. в. У Thureau-Dangin разселеніе маннеевъ показано по всей системѣ р. Джагату. Если откинуть вопросъ о первоначальной родинѣ, то фактъ долгаго пребыванія маннеевъ въ районѣ Таш-тепе (междурѣчье Джагату и Татаву), повидимому, не вызываетъ уже сомнѣній. Въ частности, весьма важно конкретное указаніе ассирійскихъ источниковъ, что разстояніе отъ мѣстности Бāру (?) въ округѣ Аллабріа до много разъ упоминаемой столицы маннеевъ Изирту составляло 6 ассир. миль[4]. Во время восьмого похода Саргона маннейскій царь Уллусуну встрѣтилъ его на границѣ своихъ владѣній въ Синихини. Оттуда Саргонъ заходитъ за данью въ Аллабріа[5], затѣмъ *спускается* въ Парсуа и прямо проходитъ опять въ страну маннеевъ. Все это происходитъ въ районѣ нынѣшняго мукрійскаго Курдистана къ востоку отъ пограничнаго хребта, черезъ который ассирійцы уже перешли. Обиліе собственныхъ именъ (Сурикашъ, Ал-

---

[1] Lehmann, Armenien, 37, 170 и 221. Надпись Таш-тепе находится нынѣ въ Брит. музеѣ (Lehmann, Cop. inscr. chald., № 23), а Таш-бурунская пріобрѣтена Берлинскимъ музеемъ, хотя въ Corp. insc. Леманнъ почему то указываетъ мѣсто ея нахожденія: jetzt Stambul. Ср. ЗВО, XXII, стр. XLI.

[2] «Для могущественныхъ халдовъ Менуа, сынъ Ишпуини, построилъ (?) этотъ дворецъ въ городѣ (у города ?) Меистаха . . . Онъ покорилъ всю (?) землю маннеевъ . . . Говоритъ Менуа: я покорилъ землю маннеевъ . . . .». Странно, что надпись начинается не съ имени бога Халди.

[3] Его нѣтъ у Streck, XIV, 138, 144. Белькъ говоритъ, что въ попорченной части надписи, повидимому, называются и другіе маннейскіе города.

[4] Streck, XIV, 138. По расчету 6000 метр. $\times$ 6 получится около 36 верстъ.

[5] Thureau-Dangin. o. c., 31.

лабріа, Парсуа и т. д.) показываетъ, что они соотвѣтствовали небольшимъ округамъ, и Аллабріа возможно помѣстить, напр., въ районѣ р. Кялу (М. Забъ)[1]. Радіусъ въ 6 ассир. миль укажетъ отсюда для Изирту положеніе въ районѣ Соуч-булаха, т. е. опять таки недалеко отъ Таш-тепе. Это все же даетъ нѣкоторую оріентировку, такъ какъ владѣнія маннеевъ тянулись на весьма значительныя разстоянія: отъ Изирту до Иштатти Ассурбанипалъ считалъ 15 дней[2].

Кстати можно замѣтить, что изъ остальныхъ народовъ береговъ Урмійскаго озера болѣе или менѣе принято помѣщать Парсуа въ области нижняго Гадыра (Morgan, IV, 222, T.-Dangin) и Кирзанъ или Гильсанъ на с. и с. з. озера (L. W. King[3], Streck); невозможнымъ, однако, оказалось подыскать хотя бы три согласныхъ мнѣнія въ отношеніи разселенія этихъ же племенъ[4].

2. Нельзя, конечно, всѣ старыя ирригаціонныя работы относить за счетъ халдовъ, отличавшихся, какъ извѣстно, большимъ искусствомъ въ проведеніи воды, но интересно существованіе по близости Таш-тепе значительныхъ оросительныхъ сооруженій, свидѣтельствующихъ о важности очага культуры, нѣкогда существовавшаго здѣсь.

Выше города Міандоаба «на значительное разстояніе въ скалѣ» пробитъ тоннель, «по которому прежде направлялись нужнымъ образомъ воды Джагату. Тоннель этотъ носитъ названіе Хулагу.... При входѣ въ тоннель имѣется высѣченное въ скалѣ изображеніе льва»[5].

Другое подобное сооруженіе находится на лѣвомъ берегу р. Татаву. Пересохшая нынѣ канава (въ нѣсколько сажень ширины) выведена изъ плотины у дер. Сарыкамышъ и, кромѣ того, принимаетъ слѣва воды хол-

---

[1] T.-Dangin, o. c, помѣщаетъ Аллабріа въ районѣ верхняго Татаву (— нынѣшняя территорія племени Гоурукъ). Для древнихъ границъ скорѣе допустимы болѣе крупныя грани, каковъ хребетъ Куртекъ, стоящій на водораздѣлѣ Урм. озера и Кялу. Для Парсуа возможно указать нижнюю долину р. Гадыра, ю. з. притока озера, т. е. нынѣшній округъ Сулдузъ. Даже зайдя далеко на востокъ (Зикирту и т. д), Саргонъ могъ вернуться къ Урарту, минуя неупоминаемый имъ вторично Парсуа: онъ могъ пройти отъ Джагату прямо въ Лахиджанъ и оттуда двигаться на сѣверъ вдоль нынѣшнихъ пограничныхъ горъ по западной сторонѣ Урм. озера.

[2] Streck, ibid.

[3] См. его отмѣтки (красный шрифтъ) на Map of Eastern Turkey-in-Asia 1:2.000.000 изд. Royal Georg. Soc., 1910.

[4] Это обнаружилось при составленіи мною таблицы на основаніи перечисленныхъ изслѣдованій.

[5] Д. Д. Бѣляевъ, Очеркъ с. в. части Перс. Курдистана, Изв. Штаба Кавк. Воен. Округа, 1911, № 30. Не имѣя подъ рукой моихъ дневниковъ 1906 г., я припоминаю, что отъ города до тоннеля около часа ѣзды, и что изображеніе льва невелико и грубой работы (высѣчены лишь контуры). Смутно помню, что по сосѣдству мнѣ показывали лѣстницу, вырубленную въ скалѣ.

мовъ Кызыл-дагъ. Черезъ каналъ — двѣ переправы-гати: на марагинской дорогѣ и у селенія Тальхабъ. Для пропуска воды въ скалистомъ отрогѣ ниже Тальхаба пробито отверстіе — Делик-дашъ, теперь разрушившееся; на обломкахъ грубо высѣчена арабская надпись. Еще ниже на отрогѣ (Кызылъ-дага?) находится башня Кыз-кала изъ громадныхъ камней и слоевъ сырца, переложенныхъ камышомъ. Отъ Кыз-кала до слѣдующаго отрога идетъ дамба шириною въ 30 саж. и высотою до 2 саж., имѣющая цѣлью предохранить долинку между отрогами отъ разливовъ Татаву и соленыхъ водъ озера (Бѣляевъ, ibid.).

Надо замѣтить, что и Делик-дашъ (у одноименной деревни), и Кыз-кала лежатъ въ непосредственной близости Таш-тепе (4—5 верстъ). Имя Хулагу[1] можетъ, конечно, быть простымъ указаніемъ на древность, безъ претензіи на хронологическую точность. Весьма желательно выясненіе подробностей арабской (?) надписи. Характерны во всякомъ случаѣ работы, произведенныя въ скалахъ, и громадная, судя по описанію, дамба, назначеніе которой не вполнѣ ясно, такъ какъ огороженное ею пространство, повидимому, невелико.

3. Третья рѣка, впадающая съ юга въ озеро, носитъ названіе Соучбулахъ. Округъ низовьевъ ея, на сѣверъ отъ одноименнаго города, называется Шари(= шähри)-веранъ («запустѣлый городъ»). Старымъ центромъ его является селеніе Дерьязъ[2], лежащее верстахъ въ 3 къ с. з. отъ нынѣшней главной деревни Индырḳашъ[3], но слѣды древней осѣдлости находятся отъ Дерьяза еще немного къ сѣверу. По словамъ H. Schindler'a[4], въ деревнѣ Кум-кала и на сосѣднихъ поляхъ «часто находятъ урны съ человѣческими костями, а также остатки древнихъ построекъ и стѣнъ».

Весьма теменъ вопросъ о храмахъ огня по сосѣдству Соучбулаха.

---

[1] Въ Персіи произносятъ hälākӯ и даже hälākи̅; ср. названіе русской станціи Аляки (на Джульфа—Тавризской дорогѣ) кстати, въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ послѣдней на холмѣ (черезъ дорогу отъ развалинъ каравансарая Шахъ Аббаса) находятся остатки старой крѣпости изъ громадныхъ камней; изъ долины наверхъ холма поднимается широкая мощеная дорога.

[2] По его имени درياس въ Шереф-наме называется весь округъ (éd. Véliam. Zernoff, I, 288; перев. Charmoy, II, première partie, 145). Ролинсонъ не зналъ его мѣстонахожденія, но по имени сопоставлялъ съ Dariausa Птолемея (VI, cap. 2). Опознаніе Дерьяза укрѣпляетъ и другую гипотезу Ролинсона о Сирганъ (Синганъ?)=Sincar (см. ниже); послѣднее названіе помѣщено у Птолемея въ спискѣ мидійскихъ мѣстностей рядомъ съ Dariausa.

[3] Или Эгри-ḳашъ, что, очевидно, является новѣйшимъ искаженіемъ въ угоду народной этимологіи (по тур. «кривая бровь»). Любопытно сопоставить вторую часть имени Индырḳашъ съ именемъ древней маннейской области Surikaš, лежавшей въ этихъ мѣстахъ. Въ качествѣ матеріала для изслѣдователей могу указать на названіе округа на ю. отъ Ляхиджана на правомъ берегу р. Кялу: Тыркешъ. Написаніе его تركش (не تيركش), какъ будто, не допускаетъ легкихъ персидскихъ этимологій («стрѣла», «натягивать» и т. д.).

[4] Zeitsch. d. Gesell. f. Erdkunde, XVIII, 341.

Монтитъ, проѣзжая отъ Лейляна къ этому городу, отмѣчаетъ прежде всего такой атеш-гаh у дер. Сатылмышъ (на прав. берегу р. Джагату около впаденія марагинской рѣчки Мюрди-чай). На разстояніи 30 миль отъ Сатылмыша по соучбулахской дорогѣ Монтитъ осмотрѣлъ развалины Шахри-сабзъ («зеленый городъ»), оказавшіяся «небольшой, но весьма древней крѣпостью, очевидно, предназначенной для охраны главнаго входа въ Курдистанъ»[1]. Недалеко (not far) отъ этихъ развалинъ и въ 12 миляхъ отъ Соучбулаха тотъ же путешественникъ нашелъ «одинъ изъ наиболѣе сохранившихся храмовъ огня, какіе ему приходилось видѣть въ Персіи». Это интересное сооруженіе «поддерживалось 8 колоннами, вырубленными изъ скалы, и было доступно лишь съ помощью лѣстницы. Алтарь былъ въ полной сохранности, равно какъ и нѣсколько недурныхъ барельефовъ (sculpture) жрецовъ, поддерживающихъ священный огонь, точно такъ, какъ это изображается на сасанидскихъ (Sassinian! sic) монетахъ. По слухамъ существовали и клинописныя надписи[2], но мы ихъ не нашли»[3].

Дальнѣйшій слѣдъ этого въ высшей степени важнаго памятника совершенно затерялся[4] и можно даже опасаться, не было ли тутъ съ самаго начала какого нибудь смѣшенія съ Факракой (см. ниже)[5].

Наоборотъ, вполнѣ опредѣленны указанія Ролинсона (о. с., 37), который въ 4 миляхъ къ сѣверу отъ Соучбулаха на лѣвомъ берегу одноименной рѣки нашелъ отдѣльно стоящую скалу Шейтан-абадъ, поверхность которой во многихъ мѣстахъ была искусственно сравнена; въ скалѣ оказался прорубленный ходъ, вродѣ водопровода, разрушившійся отъ времени (ср. Делик-дашъ). Немного ниже по рѣкѣ стоитъ другая скала Саукендъ (Saukend), также отесанная снаружи; на ней высѣчены правильныя лѣст-

---

[1] Главная дорога Міандоабъ—Соучбулахъ проходитъ теперь южнѣе, но Монтитъ ѣхалъ не изъ Міандоаба, а изъ Сатылмыша, лежащаго сѣвернѣе; путь его, очевидно, лежалъ на Тальхабъ и Индыркашъ.

[2] Не о Таш-тепе ли идетъ здѣсь рѣчь?

[3] Monteith, l. c. стр. 6. На пропуски въ пересказѣ Ritter, IX, 828, обратилъ мое вниманіе Я. И. Смирновъ. Надо замѣтить, что и у Монтита изложеніе весьма отрывочное.

[4] Очевидно о томъ же атеш-гаh Morgan, II, 43, замѣчаетъ, что онъ, повидимому, разрушенъ. Въ другомъ мѣстѣ, IV, 294, онъ весьма неопредѣленно добавляетъ, что по сосѣдству Шари-верана видны слѣды нѣсколькихъ жертвенниковъ огня: «lorsque . . . . onus parcourions le pays à la chasse, fréquemment les kurdes m'ont désigné des montagnes en me disant que jadis elles étaient surmontées d'autels des ghèbres».

[5] Можно думать, что Sheher-subz Монтита соотвѣтствуетъ горѣ Саузпошъ («одѣтая въ зеленое»), нанесенной на новой русской картѣ и стоящей на востокѣ Шари-верана по сѣв. сторону упомянутой дороги Тальхабъ-Индыркашъ. По прямой линіи Сатылмышъ отстоитъ отъ горы на 22 версты. Отъ горы до Факраки 7 верстъ, а отъ Факраки до Соучбулаха 10 верстъ. Можно такимъ образомъ сказать, что Факрака лежитъ по близости Саузпошъ, а отношеніе 30 и 12 миль напоминаетъ соотвѣтственныя прямыя линіи въ 22 и 10 верстъ. Дорога отъ горы на Соуч-булахъ неизбѣжно идетъ мимо Факраки.

ницы, ведущія наверхъ на площадку, гдѣ имѣется небольшой бассейнъ, выдолбленный въ скалѣ, и 4 отверстія по угламъ, быть можетъ, для столбовъ, поддерживавшихъ навѣсъ надъ водою. Внутри скалы продѣланъ узкій извивающійся ходъ[1], по которому Ролинсонъ доползъ до низкой камеры. Предполагая, что въ Саукендѣ былъ храмъ огня, Ролинсонъ признавалъ, однако, что всѣ его слѣды исчезли.

4. Напротивъ указанныхъ остатковъ древности, на правомъ берегу рѣки, лежитъ дер. Индыркашъ, а въ 2 верстахъ къ с. в. отъ нея находится извѣстная скала съ высѣченной въ ней гробницей, носящая у курдовъ названіе Факрака[2] и описанная впервые Ролинсономъ[3]. По культурному своему интересу Факрака можетъ вполнѣ сравниться съ надписью Таштепе, но отсутствіе надписей и изображеній сильно затрудняетъ опредѣленіе ея эпохи и мѣста въ исторіи.

Ролинсонъ довольно осторожно относилъ Факраку «къ тому же разряду древнихъ гробницъ, какъ и персепольскія», а Морганъ безъ оговорокъ называлъ ее ахеменидской усыпальницей, и изъ факта ея мѣстонахожденія дѣлалъ выводъ о распространеніи власти ахеменидовъ и на югъ Урмійскаго озера.

Вопросъ, однако, не рѣшается такъ просто. Прежде всего, мѣста погребенія всѣхъ послѣднихъ ахеменидовъ, начиная съ Дарія, исчерпываются четырьмя высѣченными въ скалахъ гробницами Накши-Рустема и тремя—Персеполя[4]. Нельзя категорически отвергать объясненія полной изолиро-

---

[1] Ролинсонъ считаетъ его остаткомъ канала, шедшаго отъ Шейтан-абада. Не сюда ли относится и замѣчаніе Бѣляева, что на отрогѣ противъ д. Индыркашъ «сохранился пронизавшій всю толщину скалистаго массива колодецъ, къ которому издалека, то по вырубленнымъ въ скалѣ открытымъ канавамъ, то по тоннелямъ-трубамъ была проведена вода изъ р. Соуч-булахъ».

[2] O. Mann, Die Mundart der Mukri-kurden, I, 285: hât gäiä fäqräqâya—«пришелъ, достигъ Факраки» (въ пѣснѣ о Бапир-агѣ изъ племени Мангуръ).

[3] Rawlinson, Fakhraka, o. c., 37; H. Schindler, l. c.—совершенно бѣглая замѣтка, гдѣ Ф. названа сасанидской могилой; Morgan, IV, 298, гдѣ даны фотографія, подробный планъ, реконструкція колоннъ (сомнительна: ср. Sarre-Herzfeld, Iran. Felsreliefs, 122) и копія позднѣйшихъ, но загадочныхъ graffiti на стѣнахъ камеръ; Lehmann, Armenien, 226, вскользь говоритъ, что эти graffiti начертаны арабскими и еврейскими буквами, однако, это не можетъ относиться къ главной находкѣ Моргана. Она заслуживаетъ полнаго вниманія; graffiti эти интересно было бы сопоставить съ неразобранными письменами пергамента, недавно найденнаго, вмѣстѣ съ 2 контрактами на греческомъ языкѣ, въ округѣ Авроманъ (Перс. Курдистанъ), ср. Ellis H. Minns, Parchments of the Parthian period from Avroman in Kurdistan, Journ. of Hellenic studies, XXXV, 1915, 22—65.

[4] Sarre-Herzfeld, Iranische Felsreliefs, 1910, стр. 61. [Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на главы, касающіяся ахеменидовъ и написанныя Херцфельдомъ, указывается имя лишь этого автора]. Возбуждающая еще нѣкоторыя сомнѣнія гробница Кира въ Пасаргадахъ совершенно иного типа (отдѣльно стоящее сооруженіе въ видѣ комнаты изъ тесаныхъ камней, съ фронтономъ и т. д.). Новѣйшій изслѣдователь Херцфельдъ приписываетъ всѣмъ остат-

ванности Факраки и ея удаленности отъ Фарса путемъ допущенія ея принадлежности какому нибудь сатрапу, но для этого у насъ нѣтъ доказанныхъ аналогій, наоборотъ, подобныя сооруженія, весьма рѣдкія и дорогія, обычно принадлежатъ лицамъ царскаго происхожденія. Значительно и архитектурное отличіе нашего памятника отъ гробницъ Фарса, указывающее, вѣроятно, на различныя ступени развитія искусства. Не касаясь внутренняго плана и характера колоннъ, можно указать, что послѣднія на царскихъ гробницахъ имѣютъ характеръ декоративный, между тѣмъ какъ у Факраки двѣ настоящія колонны стоятъ у входа въ пещеру и раздѣляютъ его на три части [1].

Зато весьма тѣсно примыкаетъ интересующее насъ сооруженіе къ гробницамъ, найденнымъ далѣе на западъ въ Малой Азіи, или вѣрнѣе, къ пафлагонскому типу этихъ послѣднихъ. Наиболѣе характерною чертой усыпальницъ Пафлагоніи [2] являются «открытыя сѣни (портики, Vorhallen), поддерживаемыя свободно стоящими колоннами» [3]; собственно гробницы лежатъ далѣе вглубь помѣщенія сзади сѣней.

Точно такъ же у входа въ Факраку находятся упомянутыя двѣ колонны [4], а за ними идутъ сѣни (притворъ, Vorraum). Далѣе, на двѣ ступени

камъ Пасаргадъ бо̀льшую древность, нежели Персеполю и т. д. Сравн., о. с., введеніе и отдѣльную работу Херцфельда Pasargadae, въ Klio VIII, 1908, въ особенности итоги на стр. 68.

[1] Эту разницу отмѣтилъ G. Hirschfeld, Paphlagonische Felsengräber, Abh. Berl. Akad., 1885 1—52+7 таблицъ; стр. 31: «Phrygien kennt diese Anlage (т. е. колонны, какъ въ Пафлагоніи, и добавимъ, у Факраки) gar nicht, sondern nur eine decorative, allerdings recht alte Verwendung der Säulen, wie sie auch bei den Persischen Königsgräbern von Persepolis und Nakschi-Rustam stattfindet». То же отмѣчаетъ Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, t. V, 1890, 637 (по поводу Дуккани-Давуда и гробницы въ Сахне). Herzfeld, о. с., 59, формулируетъ разницу такъ: малоазіатско-мидійскій типъ стремится воспроизвести templum in antis, а гробницы Фарса подражаютъ фасаду персепольскихъ дворцовъ.

[2] О нихъ см. предварительный отчетъ Hirschfeld въ Sitzungsb. Berl. Akad., 1882, стр. 1089—92 и его же основную работу 1885 г. (см. выше), гдѣ указана вся литература. Между прочимъ гробницу въ Кастамуни впервые описалъ Н. В. Ханыковъ, малоизвѣстный отчетъ о путешествіи котораго въ 1846 г. напечатанъ Кипертомъ съ сокращеніями въ Zeitsch. d. Gesell. f. Erdkunde, 1866, I, 415—435; маршрутъ Ханыкова: Синопъ—Костамбулъ (Кастамуни)—Чангры—Ангора—Амасія—Самсунъ; приложена карта, видъ гробницы и копія греческой надписи. Въ послѣднее время Пафлагонію изслѣдовалъ Leonhard, уже во время войны выпустившій книгу Paphlagonien (D. Reimer, Berl. 1915); предыдущія работы его помѣщены въ недоступномъ мнѣ Jahresber. d. Schles. Gesell. f. Vaterländ. Kultur за 1902 и 1906 (томы 80 и 84).

[3] Hirschfeld, 1885; Lehmann, Armenien, 226, добавляетъ еще недоступность скалъ, но, напр., гробница Хамбар- (Hambar)-кая на Кызылъ-ирмакѣ не подходитъ подъ это условіе; кстати, у нея нѣтъ обычнаго фронтона, а колоннъ имѣется три.

[4] Подробный планъ у Morgan, IV и Lehmann, Armenien, 226. Колонны анализируетъ Herzfeld, о. с., 121 и 122, прим. 1; онъ отмѣчаетъ ихъ единственную въ своемъ родѣ форму, но въ деталяхъ находитъ предчувствіе колоколообразной ахеменидской базы. Чрезвычайное разнообразіе типа колоннъ малоазійскихъ усыпальницъ Hirschfeld (1886 объясняетъ туземнымъ происхожденіемъ и архаичностью невыработанныхъ формъ.

выше стоятъ свободно еще 2 колонны, замѣняющія стѣну другихъ могилъ (Дуккани-Давудъ), а за ними уже идетъ усыпальница; въ полу послѣдней имѣются 3 углубленія (по 2 фута глубины), похожія на ванны; бо́льшее имѣетъ видъ расширенной въ перехватѣ восьмерки[1], а два меньшихъ выдолблены въ формѣ прямоугольниковъ. Неяснаго отношенія ихъ къ погребальнымъ обрядамъ мы не будемъ касаться.

Можно ли, однако, довольствоваться объясненіемъ[2] «специфически пафлагонскаго типа» Факраки передвиженіемъ съ запада на востокъ ѳракофригійскихъ армянъ и тибареновъ съ мосхами,—«туземцевъ области высокоразвитого строительства въ скалахъ»? Странно, что именно въ восточной Арменіи у Ванскаго озера среди всѣхъ многочисленныхъ построекъ въ скалахъ Леманнъ не встрѣтилъ ни одной, «которая бы отдаленнѣйшимъ образомъ походила на Факраку»[3]. Зато удивительно сходство съ ней ряда усыпальницъ, лежащихъ опять съ громаднымъ географическимъ перерывомъ далеко на югѣ у воротъ Загроса, куда не могли непосредственно распространяться указанныя переселенія.

Эти сходныя сооруженія на почвѣ Ирана заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія для уясненія характера и эпохи Факраки.

Среди нихъ, прежде всего, приходится выдѣлить въ особую группу три гробницы керманшахскаго округа Харсинъ у дер. Чемени-Исмаилъ (Morgan, IV, l. c. «Ди-ну»), къ которымъ O. Mann присоединилъ еще четвертую, лежащую по сосѣдству, у дер. Сурхкеде[4]. Въ сущности сходство ихъ съ типомъ Факраки ограничивается одной прямоугольностью формъ, но, конечно, важна наличность ихъ, какъ явленія культуры, независимо отъ формы. «Харсинскія» гробницы настолько малы, что размѣры ихъ характерны для способовъ возможнаго погребенія; ни колоннъ, ни сѣней у

[1] Впрочемъ въ полу прорублена прямоугольная «рамка», а уже внутри ея углублена указанная восьмерка (Морганъ).

[2] Lehmann въ Jahrb. d. Archäol. Inst., 1905.

[3] Lehmann, Armenien, 227. Здѣсь интересна единичность типа и назначенія Факраки, но вообще нельзя представлять себѣ ее въ полномъ разобщеніи съ халдскими постройками; объ этомъ см. въ концѣ статьи. Съ другой стороны нельзя забывать и изображеніе знаменитаго храма въ Мусасирѣ (см. выше); у него впрочемъ кромѣ колоннъ, расположенныхъ совершенно иначе, имѣется и фронтонъ. Hirschfeld, 1885, стр. 32, считалъ, что этотъ типъ постройки — мѣстнаго происхожденія.

[4] Archäologisches aus Persien, Globus, 1903, 327—31. Размѣры гробницы 131×82×112 стм.; входъ, какъ и у другихъ, въ формѣ вставленныхъ другъ въ друга прямоугольниковъ; гробница лежитъ на высотѣ 50 метр. надъ долиной Гамасаба (на лѣвомъ берегу), но достичь ея нетрудно. Три описанныя Морганомъ гробницы обращены именно къ дер. Чемени-Исмаилъ, а не къ Исакевенду, лежащему на восточной сторонѣ той же горы. На с. з. отъ послѣдней деревни внизъ по узкой долинѣ рѣчки O. Маннъ открылъ вытесанныя въ скалахъ отвѣсныя плоскости, какъ бы, приготовленныя для подобныхъ же сооруженій или надписей. Еще ниже, у впаденія рѣчки въ Гамасабъ, находится Сурхкеде.

нихъ не имѣется; лежатъ онѣ на доступныхъ скалахъ; имѣющійся у одной изъ нихъ барельефъ мало-искусенъ и архаиченъ[1].

Гораздо болѣе высокую ступень развитія построекъ въ скалахъ представляютъ двѣ другія гробницы того же района, лежащія на историческомъ пути изъ Месопотаміи въ Иранъ и весьма подходящія къ типу Факраки[2].

Первую изъ нихъ въ 1840 г. открыла экспедиція Flandin-Coste около дер. Сахне (صحنه) между Кенгаверомъ и Керманшахомъ. Единственное и малоизвѣстное описаніе ея заслуживаетъ быть приведеннымъ in extenso. «Погребальная пещера» расположена на вертикальной скалѣ на высотѣ 30 метровъ. «Внѣшняя часть ея состоитъ, какъ бы, изъ большой прямоугольной ниши, продѣланной въ скалѣ, въ которой были оставлены и вырублены 2 колонны, образовывавшія портикъ; отъ нихъ остались лишь базы. Внутреннее помѣщеніе раздѣлено на два отдѣленія или этажа: въ первомъ съ каждой стороны имѣется по продолговатому углубленію, на видъ похожему на саркофагъ. По серединѣ широкое отверстіе открываетъ проходъ въ еще болѣе просторную вторую пещеру. Всѣ эти находящіяся другъ надъ другомъ (? superposés) помѣщенія высѣчены въ цѣльной скалѣ безъ добавленія кладки (maçonnerie)»[3].

Еще болѣе интересна гробница Дуккани-Давудъ, лежащая въ 40 мин. на югъ отъ Сэр-поля по правую руку отъ большой дороги въ Керманшахъ, гдѣ она проходитъ черезъ гряду, отдѣляющую древ. Хольванъ отъ современнаго округа Бешиве[4]. Въ рамѣ входа въ Дуккани-Давудъ видны

---

[1] См. у Моргана, открывшаго гробницы, въ IV, pl. XXXIII и у Herzfeld, o. c., 63.

[2] Ролинсонъ, двигаясь на югъ отъ Сэр-поля (Зохабъ) въ долину Гилянъ, у переправы черезъ р. Дире (Deira) — лѣвый притокъ р. Эльвендъ (древн. Хольванъ) — видѣлъ углубленіе (recess) въ скалѣ, называемое Отагы-Ферхадъ и, повидимому, предназначавшееся быть внѣшней комнатой (outer chamber) гробницы, вродѣ Дуккани-Давудъ; см. JRGS, XI, 1839 и Ritter, IX, 480. По Чирикову, 292, гробница носитъ имя Так-и-Ферхадъ-канъ (sic).

[3] E. Flandin, Voyage en Perse, t. I, 1851, стр. 413; авторъ лишь отмѣчаетъ «поразительную аналогію» гробницы съ царскими могилами Персеполя. Расположеніе помѣщеній напоминаетъ баязидскія камеры, но у послѣднихъ нѣтъ ни колоннъ, ни портика, т. е. главнаго отличительнаго признака, интересующаго насъ. У Фландена не указано подробностей остатковъ базъ и не ясенъ способъ соединенія камеръ. Характерно отсутствіе лѣстницъ.

[4] Д.-Давудъ описанъ Ролинсономъ (Ritter, IX, 475), Чириковымъ, 313 и, въ особенности, Flandin, Voyage, I, 462—3; детальный планъ Coste въ атласѣ того же путешествія IV, pl. 210—1 (окрестность изображена фантастически); внѣшній видъ см. у Morgan, IV, l. c. и Herzfeld, o. c., 61. Мнѣ, какъ, очевидно, и Херцфельду, не удалось подняться наверхъ, для чего нужны веревки. Поразительно искусство, съ которымъ на гладкую скалу карабкаются дервиши изъ сосѣдняго кочевья, считающіе себя наслѣдственными хранителями гробницы, окруженной почитаніемъ секты Али-аллахи (о роли Давуда ср. мои «Матер. для изуч. секты «Люди Истины», I, 1911). Внизу скалы стоятъ длинные стебли камыша, на которыхъ женщины, желающія потомства, завязываютъ узелки изъ тряпокъ. Тутъ же нѣсколько разрушенныхъ мазанокъ и интересное кладбище кочевниковъ сенджаби съ почитаемыми деревьями и рельефами на надгробіяхъ (козлы, вооруженные ружьями люди,

остатки двухъ колоннъ, нижняя часть которыхъ (цоколь) имѣетъ въ горизонтальномъ сѣченіи квадратную форму[1]. За ними идетъ стѣна, имѣющая по серединѣ дверь, которая изъ передняго портика ведетъ въ сводчатое помѣщеніе; по лѣвую сторону послѣдняго имѣется высѣченный въ скалѣ (въ полу?) «саркофагъ». Костъ не упоминаетъ о стѣнкѣ, отдѣляющей это простое углубленіе отъ остальнаго помѣщенія, но по Ролинсону она имѣетъ 2 фута высоты, а Чирикову напомнила «закромъ».

При всемъ разнообразіи подробностей Факраки, Дуккани-Давуда и гробницы въ Сахне, всѣ эти три сооруженія западной Персіи поражаютъ своей тѣсной связью: въ нихъ тѣ же прямоугольныя формы входовъ; то же число колоннъ, вырубленныхъ изъ скалы и, какъ бы, поддерживающихъ потолокъ входа въ переднее помѣщеніе[2]; наконецъ, то же отсутствіе фронтона[3], «обычнаго» въ Пафлагоніи и отмѣченнаго въ храмѣ Мусасира.

Если харсинскія гробницы, вообще говоря, лишь умножаютъ примѣры погребенія въ скалахъ, то внутренняя близость трехъ остальныхъ «западныхъ» гробницъ, какъ бы, свидѣтельствуетъ о ихъ одновременности, объ одномъ уровнѣ архитектурнаго искусства.

Несмотря на указанныя выше различія ихъ съ гробницами Фарса, можно отмѣтить общую связь всѣхъ описанныхъ персидскихъ сооруженій въ смыслѣ традиціи, устойчивости обряда. Кромѣ того, стоило бы, напримѣръ, еще нѣсколько уменьшить площадку портика Дуккани-Давуда, и колонны его, ставъ по обѣ стороны двери, пріобрѣли бы сходство со средней частью фасада царскихъ могилъ[4]. Сложность и богатство отдѣлки ахеменидскихъ сооруженій по сравненію съ нашими строгими, скромными памятниками, конечно, неизмѣримы, но естественно представить себѣ переходъ отъ простого къ сложному, а не наоборотъ.

Странно видѣть, что на простомъ стилѣ «западныхъ» гробницъ нисколько не отразилось вліяніе всего множества украшеній, орнамента, характерныхъ деталей расцвѣта ахеменидскаго искусства въ Фарсѣ. Эти соо-

---

женщина, ведущая за руки двухъ дѣтей и т. д.); примѣчателенъ и орнаментъ крестиками. Неподалеку показываютъ волнистый бѣлый кусокъ мрамора Кере-и-бану («масло госпожи»): по преданію Давудъ обратилъ въ него жертвеное масло, часть котораго хотѣла утаить нѣкая женщина; Чириковъ, 345, говоритъ, что на камнѣ есть «гвоздеобразныя надписи»; это свѣдѣніе желательно провѣрить, я ихъ не замѣтилъ.

[1] Разсмотрѣніе ихъ Herzfeld'омъ, o. c., 121, не даетъ матеріала для какихъ либо интересныхъ сопоставленій.

[2] У Дуккани-Давудъ площадка съ колоннами впереди стѣны очень невелика.

[3] На фотографіи Моргана видно, что отвѣсу скалы надъ Факракой искусственно придана волнистая поверхность.

[4] Правда, у послѣднихъ по 4 колонны, но, быть можетъ, слѣдуетъ напомнить, что и въ Факракѣ ихъ то же число (хотя и въ два ряда).

браженія заставляютъ помѣстить «западныя» усыпальницы въ болѣе раннюю эпоху, нежели ахеменидскія гробницы Фарса, которымъ онѣ, быть можетъ, служили даже прообразомъ.

Выше говорилось о затрудненіяхъ при объясненіи сходства загросскихъ гробницъ съ малоазійскими. Между тѣмъ разъ мы допускаемъ подобную связь для Факраки, то должны найти объединяющее толкованіе и для сходныхъ съ ней памятниковъ. Весьма заманчиво предположеніе Херцфельда[1] о передаточной роли «мидійскаго искусства», которое должно было уже отразить западныя вліянія и подготовить совершенство древнѣйшихъ ахеменидскихъ сооруженій (въ Пасаргадахъ). Если бы интересующія насъ гробницы могли быть отнесены къ мидійской культурѣ, то это объяснило бы связь гробницъ западной Персіи между собою. Конечно, отъ воротъ Загроса до Урмійскаго озера громадное разстояніе, но отъ Экбатаны-Хамадана удаленность Факраки и Дуккани-Давудъ почти одинаковая. Въ частности для Факраки можно напомнить и близость ея къ мидійской Dariausa (см. выше)[2]. Нельзя наконецъ забывать о крайне малой изслѣдованности центральнаго персидскаго Курдистана (на зап. отъ гор. Сенне: округа Авроманъ, Гаверудъ и др.); здѣсь еще могутъ найтись памятники, географически сближающіе Факраку съ Дуккани-Давудъ.

Факрака не имѣетъ никакихъ изображеній, но у Дуккани-Давудъ и у гробницъ Чемени-Исмаилъ имѣется по одному рельефу. Ихъ, конечно, весьма желательно привлечь къ опредѣленію эпохи могилъ, но и тутъ результаты не оправдываютъ ожиданій.

Чрезвычайно досадная ошибка, оказавшаяся въ основѣ этнографической стороны изысканій Херцфельда[3], показываетъ, какъ еще трудно полагаться на подобныя теоріи, но окончательная исправленная точка зрѣнія

---

[1] Klio, 1908, стр. 68; Felsreliefs, 184, 186 и Введеніе.

[2] Впрочемъ, новѣйшіе изслѣдователи несклонны включать въ Мидію бассейнъ Урмійскаго озера и Атропатену, см. Prašek, Gesch. d. Meder und Perser (въ Handbücher d. Alten Gesch.), 1906, I, 9. Недалеко лежитъ Факрака отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь помѣщаютъ область Парсуа, сопоставляемую нѣкоторыми авторами съ именемъ персовъ, см. Б. А. Тураевъ, Исторія Др. Вост., II, 1913, стр. 152.

[3] Онъ о. с., 62—3, исходилъ изъ предложенной впервые Андреасомъ классификаціи типовъ на ахеменидскихъ рельефахъ, причемъ перечисленіе ея начиналось съ мидійцевъ; между тѣмъ Dieulafoy еще въ 1885 г. открылъ подлинныя клинописныя надписи подъ 7 типами народовъ надъ могилою Дарія. Онѣ начинаются съ персовъ, и, такимъ образомъ, большая часть таблицы Херцфельда и множество основанныхъ на ней сопоставленій и разсужденій подлежатъ совершенно иному толкованію. Авторъ сдѣлалъ исправленія въ своемъ Nachtrag, стр. 251 и слѣд., но вся часть книги, писанная имъ, пострадала отъ этого множества поправокъ и измѣненій. Подробности см. Weissbach, Die Keilinsch. am Grabe des Darius, Abh. Sächs. Gesell. Wissensch., XXIX, стр. 31 и 44.

автора[1] заслуживаетъ все же вниманія, какъ первая подробная попытка этого рода[2].

«Рельефъ Кели-Давудъ, говоритъ онъ,—изображаетъ одежду, не похожую ни на одинъ изъ извѣстныхъ намъ иранскихъ уборовъ и представляетъ сходство лишь съ эламскимъ царскимъ одѣяніемъ и съ эламской одеждой генія въ Пасаргадахъ. При этомъ на головѣ фигуры надѣтъ общеиранскій башлыкъ (Baschlyk). Итакъ несомнѣнно, что памятникъ принадлежитъ уже ко времени, когда иранцы стали сосѣдями этихъ загросскихъ земель». Сравнивая изображеніе съ фигурами «аму-дарьинскаго клада» (The Treasure of Oxus, by O. M. Dalton, 1905), авторъ увѣренъ, что фигура Дуккани-Давудъ изображена на молитвѣ, при чемъ: «въ лѣвой рукѣ она держитъ связку палокъ или вѣтвей, имѣющихъ культовое значеніе, а въ правой, вѣроятно, плоскій сосудъ», что уже относится къ зороастрійскимъ обрядамъ. Такимъ образомъ «увеличивается вѣроятіе предположенія, что здѣсь изображенъ царь (Fürst) какого нибудь уже иранскаго племени въ одѣяніи загросскихъ народовъ[3]. Это кажется мнѣ возможнымъ лишь въ раннія мидійскія времена... приблизительно около 650 года. Факраку, какъ болѣе древній памятникъ, согласно этому, можно бы помѣстить около 700 г. до Р. Х. Напротивъ, могила Исакевенда [читай: «Чемени-Исмаиль» *В. М.*] болѣе поздняя. Одежда изображенія-рельефа персидско-сузіанская... Фигура изображена также на молитвѣ; два алтаря показываютъ, что культъ уже зороастрійскій. Маленькая фигура справа отъ алтарей можетъ быть магомъ, совершающимъ богослуженіе... Рѣшающимъ указаніемъ на эпоху является древній головной уборъ; онъ въ послѣдній разъ... представленъ на бисутунскомъ рельефѣ Дарія. Грубый стиль изображенія, такимъ образомъ, не есть провинціализмъ, а древность. Рельефъ и съ нимъ могила — безусловно новѣйшая изъ сѣверно-иранскихъ — относится ко времени не позднѣе Кира».

Нельзя и въ этихъ выводахъ не отмѣтить сомнительныхъ пунктовъ: прежде всего сравненіе съ эламской одеждой основано на недоконченности исполненія правой (передней) стороны одежды у фигуры Дуккани-Давудъ;

---

[1] Приложеніе, стр. 256.

[2] Ср. Perrot et Chipiez, V, 635, гдѣ одежда и «капюшонъ» фигуры Д.-Давудъ сопоставляется съ одеждой слуги съ опахаломъ на изображеніи аудіенціи Дарія (Персеполь), а головной уборъ сравнивается съ тѣмъ, который представленъ на дарейкахъ князей Фарса, ставшихъ самостоятельными въ эпоху селевкидовъ (фигура ibid., 638). Оба сближенія не оправдываются ближайшимъ разсмотрѣніемъ. Барельефъ Д.-Давудъ у Perrot воспроизведенъ очень неточно.

[3] Ранѣе въ 1908 г. (Klio) Херцфельдъ утверждалъ: es ist ein Herrscher von Ḫalvān dargestellt, dem das Grab gehörte.

намѣреніе высѣчь здѣсь эламскую бахрому лишь гипотеза[1]. Странно смѣшеніе эламскаго костюма съ «обще-иранскимъ (?!) башлыкомъ»; послѣдній надѣтъ совершенно особымъ образомъ, выступая зубцомъ впередъ надъ лбомъ, а не прилегая ко лбу, какъ на ахеменидскихъ изображеніяхъ[2]. Наоборотъ, содержимое лѣвой руки, повидимому, разгадано удачно[3]. Въ этомъ случаѣ становится, однако, сомнительной хронологія Херцфельда, разъ ее придется сопоставить, напримѣръ, съ мнѣніемъ Прашека (o. c., I, 204) и др., относящихъ начало проповѣди Заратуштры лишь къ 559 г. до Р. Х.

Что касается до харсинскаго рельефа, то широкіе рукава костюма, какъ будто, совпадаютъ съ изображенными на рельефахъ персидской гвардіи и въ серіи народовъ, поддерживающихъ тронъ Дарія (Pārsa, Uvadja); на имѣющихся фотографіяхъ (Morgan, O. Mann) не видно, однако, ни искусно высѣченныхъ складокъ, ни характернаго подхвата подоткнутой полы платья, извѣстныхъ намъ по Фарсу. Уборъ волосъ и бороды схожъ съ мидійскимъ, какъ онъ изображенъ въ группѣ народностей, поддерживающихъ тронъ Дарія, и у мидійскаго бунтовщика на Бисутунскомъ рельефѣ[4].

Невозможно, однако, всѣмъ этимъ шаткимъ и сбивчивымъ соображеніямъ о древней этнографіи придавать такое значеніе, чтобы на основаніи ихъ относить харсинскія гробницы къ болѣе позднему времени, вопреки всему ихъ внѣшнему виду и примитивности исполненія рельефа. Быть можетъ, изслѣдованія у древн. Холвана и въ Хамаданѣ, производящіяся въ послѣдніе годы отдѣльными партіями французской Délégation en Perse, найдутъ болѣе прочные мѣстные матеріалы для сопоставленій.

Пока же казалось бы возможнымъ ограничиться слѣдующими положеніями: гробницы въ скалахъ западнаго Ирана старше царскихъ усыпальницъ Фарса; ихъ можно дѣлить на два разряда, изъ которыхъ второй

---

[1] И у подола изображенія не видно бахромы, указанной на одеждѣ Теуммана и на важной копіи пасаргадскаго генія у Кер-Портера.

[2] См. фигуру съ опахаломъ сзади царя на изображеніи аудіенціи въ Персеполѣ, башлыки согдовъ и харезмійцевъ и т. д.

[3] Ср. замѣчаніе Flandin, Voyage, I, 462, который не разъ видалъ подобный «неопредѣлимый» предметъ, «не похожій ни на мечъ, ни на палицу, ни на скипетръ»; онъ считалъ его предметомъ зороастрійскаго культа.

[4] Ср. табл. XXXV атласа Sarre-Herzfeld, четвертая фигура вправо отъ царя (считая и поверженнаго Гаумату). Благодаря любезности акад. Н. Я. Марра я уже послѣ набора статьи могъ просмотрѣть [King and Thompson], The sculptures and inscription of.. Behistûn, 1907, (изд. British Museum). На табл. XV дано изображеніе мидійца Фравартиша; прическою и бородой онъ, дѣйствительно, напоминаетъ харсинское изображеніе, но на волосахъ я не разсмотрѣлъ никакого головного убора; платье Фравартиша доходитъ до колѣнъ и гладко облегаетъ тѣло. Мнѣ кажется теперь, что и харсинская фигура изображена съ непокрытыми ничѣмъ волосами.

(Факрака, могила Сахне и Дуккани-Давудъ), какъ представляющій значительно болѣе высокую ступень развитія, надо считать и болѣе позднимъ, нежели харсинскія гробницы. Дальнѣйшее изслѣдованіе причинъ сходства Факраки и т. д. съ такими же малоазіатскими сооруженіями не входитъ въ нашу задачу.

5. Съ юга въ Урмійское озеро впадаютъ три выше упомянутыхъ рѣки, текущихъ на сѣверъ; съ ю. з. впадаетъ рѣка Гадыръ, начинающаяся въ глубинѣ пограничныхъ горъ около Келяшина и сбѣгающая оттуда въ восточномъ направленіи черезъ округа Ушну и Сулдузъ. На югъ отъ бассейна Гадыра лежатъ истоки Малаго Заба, который возникаетъ въ округѣ Ляхиджанъ, затѣмъ протекаетъ на югъ по лѣсистымъ участкамъ Сердешта и, наконецъ, поворачиваетъ на западъ, чтобы прорваться черезъ пограничную цѣпь (Кандиль) и выйти на низкія долины (Пиждеръ, Мерге) турецкой стороны.

Морганъ (IV, 283) отмѣтилъ громадное число искусственныхъ холмовъ (телль) въ долинахъ Гадыра и верхняго Кялу (М. Забъ): въ округѣ Ушну у него указано 22 такихъ пункта; въ Сулдузѣ лишь вблизи Гадыра—7; въ Ляхиджанѣ (выше дер. Бадинава)—24 [1], но, конечно, это далеко не исчерпываетъ всего множества подобныхъ насыпей [2], дающихъ яркую картину заселенности этихъ районовъ въ древности.

По преданію, старый городъ лежалъ у нынѣшней деревни Кохне — Ляджанъ [3], къ ю. ю. в. отъ перевала Гарушинка (см. выше). Мѣстность эта, повидимому, еще не посѣщалась учеными путешественниками [4].

Что касается упомянутыхъ кургановъ, то теоретически ихъ возможно было бы раздѣлить на насыпные земляные холмы и на пепельные холмы, возникшіе изъ остатковъ поселеній, жертвенниковъ и, быть можетъ, тризнъ, справлявшихся надъ могилами, находимыми въ глубинѣ тѣхъ же кургановъ. На практикѣ, конечно, оба типа смѣшиваются и, какъ справедливо замѣтилъ A. V. W. Jackson, пепельные холмы, называемые въ

---

[1] De Morgan, Carte de la partie centrale du Kurdistan, 1:250000, Miss. scient. en Perse, P. 1895. Въ этомъ же атласѣ карты Элама и южн. берега Каспійскаго моря.

[2] Мѣстные жители считаютъ, что всѣхъ кургановъ кругомъ урмійскаго озера — 64 (Jackson).

[3] Теперь Ляхиджаномъ (по курд. Ляджанъ, Леджанъ) называется преимущественно *округъ* верховій Кялу; онъ раздѣляется на Старый Л. (на западѣ; заселенъ племенемъ пиранъ) и Новый Л. (на востокѣ; заселенъ племенемъ мамашъ; главный пунктъ—Пасве, упомянутый у Якута). Въ شرف نامه округъ названъ لارجان. То же имя носилъ городъ въ Гилянѣ (нынѣ Ляхиджанъ); на Араксѣ ниже Ходаферина есть также селеніе Ларджанъ и т. д. О происхожденіи لار изъ стараго لاد см. Darmesteter, Etudes iran., I, 73.

[4] Hoffmann, Auszüge, 246, показалъ, что прежнее предположеніе (Rawlin.) о существованіи города Ляхика вызывалось ошибочнымъ чтеніемъ сирійскаго текста. Онъ считаетъ, o. c., 243, что нынѣшній округъ Ляхиджанъ соотвѣтствуетъ арабскому سلق, во времена завоеванія Персіи находившемуся въ рукахъ семейства Ауди; второй Салак-аль-hамдани онъ помѣщаетъ въ нынѣшній Ревандузскій округъ Балакъ. Самое названіе Салакъ существовало гораздо раньше (Silices).

Азербайджанѣ «кюль-тепе», содержатъ и «глину, смѣшавшуюся съ пепломъ и насыщенную органическими солями»; этимъ объясняется быстрое разрушеніе подобныхъ кургановъ, разбираемыхъ на удобреніе.

Среди кургановъ урмійскаго района, независимо отъ ихъ внутренняго состава, возможно выдѣлить въ особую группу тѣ телли, которые имѣютъ несомнѣнно стратегическое назначеніе.

Таковъ прежде всего упоминавшійся многократно холмъ дер. Сингапъ[1], вмѣстѣ съ другими сосѣдними (у дер. Шейханъ и т. д.), запиравшій спускъ съ перевала Келяшинъ въ долину Ушну. Параллельно ему, въ Ляхиджанѣ можно указать Шинава-тепе и Мутава-тепе, изъ которыхъ первый стоитъ у выхода съ перевала Гарушинка (Зинве-Шейхъ) черезъ дер. Хане, а второй оберегаетъ спускъ съ того же перевала по боковой долинѣ, идущей на ю. в.[2]. Оба эти холма еще въ весьма недавнее время укрѣплялись персами. Таковы же курганы деревень Пасве и Нагаде[3], стоящіе по обѣ стороны перевала Баиз-ова, соединяющаго Ляхиджанъ съ Сулдузомъ. Къ сѣверу отъ Ушну въ урмійскомъ округѣ Мергеверъ высокій телль дер. Зейве (Zēwa) командуетъ надъ выходомъ дорогъ изъ турецкаго Шемдинана (черезъ перевалъ[4] Зину). Холмы эти свидѣтельствуютъ о значеніи въ древнія времена соотвѣтственныхъ дорогъ, сохранившихъ донынѣ свою важность[5]. Если развить извѣстное утвержденіе Ролинсона о томъ, что древніе памятники лежатъ обычно на большихъ дорогахъ, то можно предполагать, что въ Шемдинанѣ и Балакѣ — пока еще совершенно неизслѣдованныхъ — могутъ оказаться интересные слѣды древности: роль идущихъ черезъ нихъ дорогъ подчеркнута упомянутыми холмами.

Что касается вообще такъ наз. «пепельныхъ» холмовъ, то, кромѣ неподвергавшихся еще раскопкамъ кургановъ по рр. Малый Забъ и Гадыръ, множество ихъ находится и далѣе къ сѣверу: въ долинѣ города Урміи, на сѣверномъ берегу озера (напр. Кара-тепе на с. з. и Гяур-тепе[6] на с. в.) и,

---

[1] Ролинсонъ (выше стр. 172, прим. 2), называя его Çирганъ, отождествлялъ его съ Saragana (Σιραγανῶχώμη) и Sincar классическихъ писателей. Hoffmann, 249, идя еще далѣе, сопоставлялъ его и съ др.-армян. Нор-ширакань. Противъ этого не возражаетъ, видимо, и Marquart, Ērānšahr, 23.

[2] См. Іясъ, цит. работа: долина Кани-Хöризанъ.

[3] Главный пунктъ округа Сулдузъ (по курд. Сундусъ); его холмъ поражаетъ своими размѣрами.

[4] Перевалъ Мергевера, носящій знаменательное названіе Келяшинъ (№ 3), приходится, однако, южнѣе этого мѣста.

[5] Цѣлая линія такихъ холмовъ тянется на югѣ турецко-персидской границы вдоль пограничныхъ горъ Хамринъ (персидскій Поште-Кухъ и т. д.); таковы: Кара-тепе (къ ю. отъ Багсаи), Тепе-Турсакъ на одноименной рѣкѣ; Чичеканъ (Ду-чиганъ?) къ сѣв. отъ Мендели и т. д.

[6] К.-Porter, II, 606: въ часѣ разстоянія отъ Дизе-Халиль и въ 5 миляхъ къ ю. отъ дер. Кумла.

уже за предѣлами интересующаго насъ района, около города Маранда (громадный, сильно разрытый телль).

Наибольшее вниманіе до сихъ поръ привлекали холмы урмійскіе, давно уже заинтересовавшіе просвѣщенныхъ американскихъ миссіонеровъ. Помимо предметовъ, собранныхъ ими въ небольшомъ музеѣ миссіи, нѣкоторые результаты дали бѣглыя раскопки германской экспедиціи 1898 г. и американскагоираниста проф. A. V. W. Jackson, сообщившаго наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ урмійскихъ курганахъ[1].

Изъ нихъ самый большой лежитъ въ $2^1/_2$ верстахъ на востокъ отъ Урміи около несторіанской деревни Дигаля. Въ немъ находятъ цѣлые сосуды: круглые, съ двумя ручками и рыльцемъ, фигуры изъ терракотты и т. д. Среди керамики заслуживаютъ особаго интереса раскрашенный черепокъ и такой же сосудъ, изданные Вирховымъ въ краскахъ (на таблицѣ №№ 4 и 5). Основной тонъ черепка желто-сѣрый, а на немъ видны параллельные прямые углы красныхъ линій, бордюръ между которыми заштрихованъ чернымъ. Сосудъ расписанъ еще богаче; снаружи онъ покрытъ желто-красной краской, а по ней выведенъ темно-красный рисунокъ въ 4 ряда: на верху идутъ двѣ линіи маленькихъ треугольныхъ зубцовъ, сложенныхъ основаніями; ниже расположены косые кресты; далѣе двѣ подковы-брови, не вполнѣ горизонтальныя, а подъ каждой изъ нихъ по типичному рыбьему хвосту, обращенному раструбомъ вверхъ; между «хвостами» стилизованное дерево. Вирховъ эту раскраску считалъ доказательствомъ того, что керамика принадлежитъ не первобытному, а достаточно развитому народу, и дѣлалъ сопоставленія съ нѣкоторыми находками въ Калакендѣ и на сѣв. Кавказѣ[2]. Съ своей стороны могу отмѣтить нѣкоторыя совпаденія съ керамикой сузіанской, главнымъ образомъ въ техникѣ штриховки, какъ бы рѣшеткой, покрывающей промежутки между основными линіями[3].

Болѣе разнообразны, чѣмъ въ Дигаля, находки въ Гой-тепе въ $6^1/_2$ верстахъ на ю. в. отъ Урміи[4]. Въ 1888 г. здѣсь была открыта подземная

---

[1] Объ этихъ курганахъ см. Zeitschr. f. Ethnologie, XXX, 1898, стр. 522 и слѣд.—письмо Леманна и Белька о произведенныхъ раскопкахъ, XXXII, 1900, 609—12, R. Virchow Fundstücke aus Grabhügeln bei Urmia — описаніе предметовъ (керамики) изъ Урміи съ 5 рисунками; Jackson, Persia Past and Present, N. Y., 1906, 90—8; Lehmann, Armenien etc., 276 и слѣд.—отчасти повтореніе письма 1898 г. О статьѣ англійскаго консула Abbott не сохранилось точныхъ указаній.

[2] Онъ ссылается на работу граф. П. А. Уваровой, но при бѣгломъ просмотрѣ указаннаго VIII т. Матер. по арх. Кавказа (1910) я не нашелъ матеріала для сравненій.

[3] Ср. прекрасное изданіе Pottier, Céram. peinte de Suse, 1912, въ Mémoires de la Délég. en Perse, pl. XIII. У меня имѣется вывезенный мною изъ Сузы небольшой горшечекъ сплошь расписанный подобными рѣшетками.

[4] Всего около Урміи извѣстно около дюжины кургановъ: Термани, Ахмедъ (Ahmat, Сараланъ, Дизе-теке и т. д. (Jackson).

камера изъ камня, а въ ней большой цилиндръ (11 сант. въ вышину) съ рельефными изображеніями боговъ вавилонскаго пантеона: Шамашъ (или Гильгамешъ?), Эабани и т. д.[1]. Среди другихъ вещей отмѣчались тяжелыя

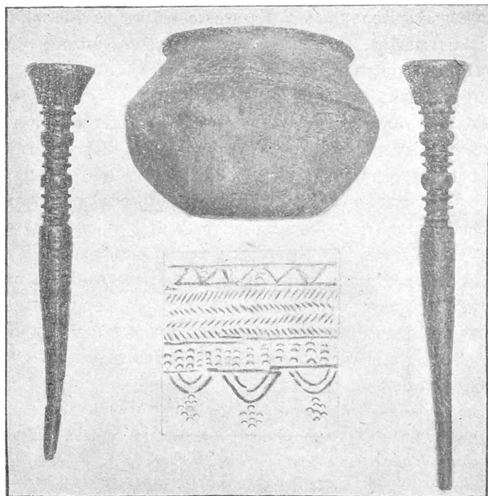

Рис. 2. Булавки и горшечекъ изъ Урміи.

($^1/_2$—$2^1/_2$ клгр.) (ножныя?) бронзовыя кольца въ формѣ подковы, бронзовыя булавки съ головой оленя, находимыя обычно внутри череповъ (талисманъ?)[2], золотыя вещицы и слѣды асбеста, вѣроятно, мѣстнаго происхо-

[1] Ср. Jackson, o. c. Цилиндръ хранится въ Metropolitan Museum of Art., N. Y. и описанъ впервые W. H. Ward'омъ въ American Journal of Archaeology, VI, 1890, 286—91). Новое толкованіе см. у Lehmann, Material. z. älter. Geschichte Armeniens, 1907, стр. 8—12 и Armenien, 277; по словамъ его, цилиндръ найденъ въ колодцѣ при постройкѣ церкви; онъ лишь подражаніе вавилонскому типу и, вѣроятно, принадлежалъ какому-нибудь князю гутіевъ или лулубеевъ около 2000 г. до Р. Х., въ склепѣ котораго онъ и находился. W. H. Ward же переиздалъ эту, какъ онъ выражается, «пиксиду» въ своей книгѣ The seal cylinders of Western Asia. Washington. 1910, p. 92, fig. 269.

[2] Изображеніе этого изящнаго предмета у Lehmann, Armenien, 279. Я. И. Смирновъ любезно указалъ мнѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ двѣ массивныя, тяжелыя бронзовыя булавки изъ Урміи, въ формѣ гвоздей съ гладкими шляпками.

[По сообщенію Я. И. Смирнова, вещи эти (см. рис. 2), значащіяся по инвентарю отдѣла Древностей подъ №№ 14559 (булавки) и 14560 (горшечекъ), пріобрѣтены въ 1906 г., какъ найденныя въ Урміи. Двѣ массивныхъ литыхъ бронзовыхъ булавки длиною въ 12,45

жденія (Хой, Салмасъ). Весь холмъ Гой-тепе представляетъ собою огромное кладбище съ гробами въ видѣ каменныхъ ящиковъ (Steinkistengräber) въ нѣсколько ярусовъ. Верхніе слои по Леманну сходны съ обычными мусульманскими кладбищами, но на 6—8 метр. ниже обнаружились могилы, вродѣ найденныхъ Белькомъ у Калакенда (вблизи оз. Гокчи); еще ниже пропали слѣды желѣза. Объясняя послѣднее обстоятельство случайными причинами[1], нѣмецкіе изслѣдователи приписывали (1898), однако, эти могилы доисторическимъ маннеямъ (sic)[2].

6. Обиліе слѣдовъ древнихъ поселеній въ Ляхиджанѣ исчезаетъ по мѣрѣ входа р. Кялу въ лѣсистые округа Сердешта. Здѣсь на картѣ Моргана отмѣченъ лишь одинъ пунктъ[3]: Рабатъ (на лѣв. берегу противъ Сердешта). Однако, надо думать, что лишь покрывающія мѣстность деревья мѣшаютъ открыть здѣсь многое, что таится въ этихъ дикихъ и малоизвѣстныхъ округахъ. Это подтверждается и наблюденіями W. B. Harris'a[4], который проѣздомъ изъ Сердешта въ Бане отмѣтилъ около дер. Siama (читай: Сіяwма въ окр. Деште-таль) «интересные курганы (mounds)» и пріобрѣлъ у жителей разныя древности: «монеты, печати и цилиндры». Можно отмѣтить и вышеуказанное названіе мѣстности *Келешинъ* у перевала между Бане и Саккызомъ[5].

7. Въ томъ же бассейнѣ Мал. Заба въ округѣ Нов. Ляхиджанъ остается отмѣтить еще одну достопримѣчательность: камень Кели-сипанъ[6],

---

и 13,55 стм. имѣютъ гладкія круглыя горизонтальныя поверхности на головкахъ, а ниже ряды глубокихъ перехватовъ на шейкахъ и украшены по верхнимъ частямъ конической нижней части ихъ тождественнымъ по системѣ узоромъ, часть котораго воспроизведена на рис. 2 въ натуральную величину по рисунку Н. Е. Макаренка; узоры эти довольно грубо исполнены рѣзцомъ (прямыя линіи и большія двойныя дуги обращенныя вершинами внизъ) и набивкою пунсономъ или остріемъ небольшой полукруглой, стальной очевидно, стамески. Горшечекъ красной глины, лѣпленный хотя и на гончарномъ кругѣ, но не особенно правильно, особенно въ нижней части, лишенъ какихъ бы то ни было украшеній. Высота его достигаетъ 6 стм., наибольшій діаметръ 8,5 стм. Въ томъ же инвентарѣ подъ № 15577 значатся «стеклянная вазочка и буса, пріобрѣтенныя въ 1906 г., отъ ....<другого лица> въ Урміи» же, рисунка которыхъ представить здѣсь мы не можемъ. *Ред.*].

[1] Вирховъ, l. c. указывалъ на особую важность пополнить урмійскія находки разысканіемъ именно желѣзныхъ предметовъ.

[2] Ср. впрочемъ позднѣйшія (1907, 1910) предположенія Леманна о древнѣйшихъ гутіяхъ, къ области которыхъ онъ относитъ и южный Азербайджанъ.

[3] Точно также въ центральной части Соуч-булахскаго губернаторства отмѣченъ лишь одинъ пунктъ Гольга-тепе. Продолговатый холмъ этой деревни, по моему измѣренію, имѣетъ въ длину 150 шаговъ.

[4] A journey in Persian Kurdistan, Geogr. Journ., IV, 1895, 453—60 и Wanderings in Pers. Kurd., Blackwood Magaz., 1895, 736—53; имъ же издана затѣмъ и отдѣльная книга съ описаніемъ путешествія.

[5] Въ Саккызѣ также имѣется высокій телль.

[6] Съ легкой руки Ролинсона, всѣ путешественники толковали это названіе, какъ «бѣлый столбъ». Но Сипанъ (съ отчетливымъ удареніемъ на и) никакъ нельзя произвести

стоящій недалеко отъ одноименной деревни почти у пересѣченія дорогъ, идущихъ: 1) отъ Соуч-булаха черезъ перевалъ Мейданъ въ Старый Ляхиджанъ и 2) изъ Сулдуза черезъ Пасве въ районъ лѣваго берега р. Кялу (округа Наалейнъ и т. д.). Камень находится ближе къ первому изъ этихъ путей противъ скалы Паласау[1] (отрогъ горъ Шазуказъ). Никакихъ подковообразныхъ знаковъ (Ролинсонъ) и круговъ (Чириковъ, 460—1) на памятникѣ теперь не видно[2]. Неправильная его форма (см. рис. 3) и невысокій матеріалъ (тонкая плита «сѣраго мелкозернистаго гранита») указываютъ на его меньшее значеніе по сравненію съ другими стелами. Основаніе Келисипанъ замощено булыжниками, образующими плотный кругъ; здѣсь не можетъ быть могилы, такъ какъ плита, несомнѣнно, глубоко уходитъ въ землю. Курды передавали Чирикову, что «не могли докопаться до основанія». Ханыковъ предполагаетъ, что «это просто межевой знакъ, разграничивающій поля одного поколѣнія Мамышъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ Ляхиджана попадается еще нѣсколько такихъ же плитъ, имѣющихъ то же назначеніе»[3]. Послѣднее, видимо, относится ко второму Келисипанъ, который Ролинсонъ видѣлъ около деревни Легбинъ: онъ былъ меньшихъ размѣровъ, безъ надписи и поваленъ на землю; повидимому, никто не видалъ его съ тѣхъ поръ.

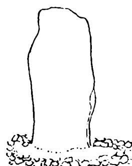

Рис. 3. Келисипанъ.

Особенность Келисипана та, что онъ стоитъ внизу въ долинѣ, въ противоположность разнаго рода знакамъ, находимымъ на перевалахъ и вершинахъ горъ[4].

отъ курдскаго *спи* (бѣлый). Сипанъ заставляетъ вспомнить ванскую гору этого имени и курдское (прежде езидійское) племя сипкан около Баязида, ср. A. Jaba, Notices et récits kourdes, 1860, стр. 1. Для сравненія можно указать скалу Берде-*спьянъ* («бѣлые камни»), находящуюся по сосѣдству съ памятникомъ. У Чирикова описка: К.-Синанъ; Хуршид-эфенди исправилъ непонятное ему «Сипанъ» въ «спіянъ» (стр. 252).

[1] Ролинсонъ, l. c., 31, сомнѣвается въ существованіи на ней искусственныхъ гротовъ, о которыхъ ходили слухи; однако, по словамъ его, на скалѣ должны быть развалины обширнаго укрѣпленія съ «нѣсколькими цистернами, выдолбленными въ камнѣ для снабженія гарнизона водой».

[2] Чириковъ пытался разглядѣть даже головной уборъ сасанидскихъ царей. «Внизу, говоритъ онъ, видна легкая насѣчка, какъ будто мѣсто для надписи». Весьма возможно, что для осмотра К.-сипанъ важно должное освѣщеніе; я же его осматривалъ передъ закатомъ.

[3] «Поѣздка въ Перс. Курд.», «Кавказъ» 1852, № 22. Надо замѣтить, что Ханыковъ имѣетъ въ виду лишь границу родовъ: и въ 1852 г., какъ и теперь, Лигбинъ, Пасве, Келисипанъ и находящаяся по другую его сторону дер. Кара-хыдыръ принадлежали *одинаково* племени мамашъ. Ср. Хуршидъ-эфенди, стр. 252.

[4] Я. И. Смирновъ любезно показалъ мнѣ коллекцію фотографій съ «вишаповъ», найденныхъ Гарнійской экспедиціей Классическаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ. на Эриванскихъ горахъ. Я не могъ найти сходства съ ними Келисипана. Послѣдній пред-

8. Чрезвычайно интересны сохранившіяся въ западномъ Азербайджанѣ камеры въ скалахъ, на которыя до сихъ поръ обращали мало вниманія, между тѣмъ какъ онѣ представляютъ фактъ культуры, интересный въ особенности въ связи съ вопросомъ о распространеніи вліянія халдовъ.

а. Южная изъ видѣнныхъ мною въ 1911 г. камеръ[1] лежитъ на рѣкѣ Барандузъ, стекающей изъ Мергевера въ Урмійское озеро, между деревнями Нерги и Шаъбанъ (часа 2 пути выше послѣдней изъ нихъ). Она рас-

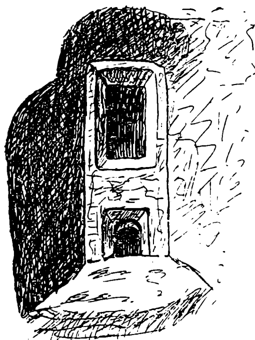

Рис. 4. Входъ въ комнаты Ферхад-дашы.

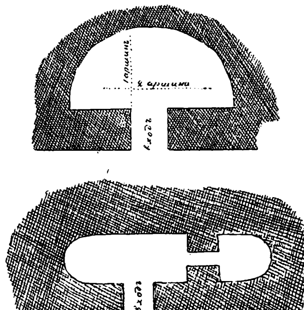

Рис. 5. Комнаты Ферхад-дашы.

положена въ ущельѣ довольно высоко на лѣвомъ скалистомъ берегу рѣки, и добраться до нея можно, лишь зайдя ей въ тылъ и затѣмъ спрыгнувъ слѣва на площадку передъ пещерой. Видъ и планъ ея изображены на рис. 4 и 5.

Обращаютъ вниманіе ея квадратные входы, какъ бы, въ видѣ вставленныхъ одна въ другую рамокъ. Лишь у нижняго помѣщенія внутренняя часть входа выдолблена аркой. Верхняя часть грота не сообщается съ нижней.

б. Рѣка Назлу-чай, вытекая изъ западныхъ пограничныхъ округовъ

ставляетъ собою довольно тонкую плиту; у него нѣтъ (теперь, по крайней мѣрѣ) тѣхъ интересныхъ намековъ на связь съ водою, которые отличаютъ «вишаповъ»; самое положеніе его въ сторонѣ отъ родниковъ, начинающихся на перев. Мейданъ, также не сходится съ Гехамскими древностями. Равнымъ образомъ, врядъ ли приходится для нашего памятника злоупотреблять и предположеніями о «фаллической» символизаціи.

[1] У мусульманъ она извѣстна подъ стереотипнымъ названіемъ Ферхад-каласы. При поискахъ подобныхъ камеръ путешественникамъ удобно именно ссылкою на легенду Ферхада разъяснять населенію, что именно требуется. Ср. Blau, Vom Urmia-See nach dem Vansee, Peterm. Mit., 1863, 201—10: къ югу отъ Хосровы (Салмасъ) армяне показывали Ферхад-тапу (капу?)—очевидно, развалины Зенджир-кала, открытыя Кер-Портеромъ.

(Сомай, Бажерге, Дейри), прежде чѣмъ выйти на Урмійскую долину прорывается черезъ стѣну горъ (Менджельсеръ и т. д.). На восточной сторонѣ этой тѣснины стоитъ крѣпостца Исмаил-ага, названная въ честь построившаго ее предводителя аширета шеккакъ[1]. По близости крѣпости на пологомъ откосѣ скалы вырублена квадратная комната $3^1/_2 \times 3^1/_2$ шага и высотою выше сажени. Въ срединѣ стѣнъ имѣются 3 глубокія ниши (по перс. «такче») 1×1 арш. Входъ смотритъ на сѣверъ; у него видно отверстіе для крючка, на который вѣшалась петля двери (?). Немного выше по скалѣ расположена вторая камера около $4^1/_2 \times 4^1/_2$ арш. и высотою $2^1/_2$ арш.; передъ входомъ вмѣсто площадки имѣется открытый небольшой бассейнъ, быть можетъ, для дождевой воды (рис. 6).

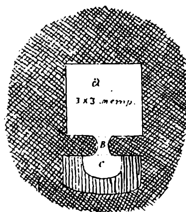

Рис. 6. Комната Исмаил-ага каласи. а. комната; с. бассейнъ.

в. Сходныя сооруженія открылъ Кер-Портеръ (1819 г.) въ Салмасѣ около деревни Тэмэръ (Tamar). Развалины находятся къ западу отъ нея на отдѣльномъ крутомъ холмѣ Зенджиръ-кала (до 400 фут. высоты). Кер-Портеръ, поднимаясь съ сѣверной стороны, на $^3/_4$ (three parts) высоты нашелъ искусственную площадку (70—80 футъ)[2] изъ большихъ грубыхъ, но отлично пригнанныхъ камней, причемъ помостъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигалъ 10 футъ въ вышину. Отъ площадки поднимаются разрушившіяся ступени къ высѣченной въ скалѣ камерѣ, имѣющей сводъ (arched). Ея размѣры 8×10 футъ и 6 футъ въ высоту. Входъ (3×4 фута) обращенъ на востокъ. Нишъ никакихъ не имѣется. Отъ грота вверхъ вторая лѣстница ведетъ на вершину холма, гдѣ оказался квадратный высѣченный въ камнѣ резервуаръ съ поднятыми при помощи кладки краями. Отъ него дорога идетъ на с. з., по вершинѣ гряды, причемъ у ея юго-восточнаго отвѣтвленія въ скалѣ продѣлано узкое отверстіе (ходъ? opening), находящееся надъ самой высокой и крутой частью горы[3]. «Этотъ необычайный

---

[1] Внизу около нея находятся часовенки-гробницы шеккакскихъ предводителей. На мраморной доскѣ строителя крѣпости изображено: المرحوم اسمعيل اقا ابن ميرزا اقا سنه ١٢٣١ т. е. онъ умеръ въ 1816 г. См. Ghilan (=A. Nicolaı), Les Kurdes persans et l'invasion ottomane, Rev. du monde musul. 1908, mai (1—22), octobre (193—210)—изложеніе сбивчивое и съ чужихъ словъ; моя работа «Свѣд. о насел. нѣкот. погранич. округовъ» издана Мин. Ин. Дѣлъ въ 1915 г.—о шеккакахъ стр. 474—7.

[2] Its expanse might be 70—80 feet, т. е. очевидно линейное протяженіе, иначе она бы не была extensive platform. Ritter переводитъ: 70—80 im Quadrat.. Текстъ Кер-Портера вообще нѣсколько неясенъ.

[3] Въ халдскихъ постройкахъ встрѣчаются лѣстницы необъяснимаго назначенія въ мѣстахъ, откуда открывается широкій видъ на окружность. Предполагаютъ, что онѣ, какъ

наблюдательный пунктъ, лежащій въ неприступномъ мѣстѣ почти въ облакахъ, запирался дверью; ясно видны большое отверстіе ея громаднаго стержня и два другихъ по сторонамъ скалы—для перекладины». Такъ какъ нижняя камера густо закопчена дымомъ, то Кер-Портеръ предполагалъ, что въ ней помѣщался вѣчный огонь, публичное поклоненіе которому совершалось на помостѣ. Что касается двери, то, отвергая возможность нахожденія здѣсь построекъ или крѣпости, онъ не уясняетъ себѣ ея назначенія и высказываетъ предположеніе, что этотъ высокій пунктъ могъ предназначаться для поклоненія солнцу [1].

Леманнъ [2] подчеркиваетъ въ данныхъ Кер-Портера: недоступность скалы, наличіе камеры, лѣстницъ и «киклопическихъ стѣнъ (Gemäuer)» и считаетъ, что на Зенджир-кала находился халдскій фортъ; отверстіе же въ скалѣ для цѣлей наблюденія, по его словамъ, имѣется и въ самомъ западномъ изъ урартскихъ сооруженій — крѣпости Изоли [3]. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что самъ Кер-Портеръ опредѣленно отвергаетъ мысль объ укрѣпленіи и говоритъ не о *стѣнахъ*, а лишь о face of the constructed mass, т. е., очевидно, о поверхности фундамента площадки. Слѣдовательно, допуская халдское происхожденіе сооруженій, нельзя еще считать ихъ за укрѣпленія, въ особенности до дальнѣйшей провѣрки этого на мѣстѣ.

г. Для полноты перечисленія [4] слѣдуетъ упомянуть и макинскую высѣ-

---

бы, посвящены были богамъ, которые должны были восходить по нимъ. Ср. Lehmann, Jahrbuch. d. Arch. Inst.. 1905.

[1] K. Porter, Travels, II, 1882, стр. 60; ср. Ritter, IX. 990. Съ тѣхъ поръ скала, повидимому, никѣмъ не посѣщалась. По близости той же дер. Тэмэръ Кер-Портеръ открылъ и извѣстный сасанидскій рельефъ на горѣ Пир-чаушъ (Суретъ дагы; на русск. картѣ: «памятникъ Алекс. Макед.»!!); онъ считалъ, что фигуры изображаютъ Галерія, Тиридата и Нарсе, но теперь принято другое объясненіе, а именно, что скульптура представляетъ перваго сасанида Ардашира Папакана и его сына Шапура, принимающихъ покорность армянъ около 230 г. по Р. Х. На это не возражаютъ иранистъ Jackson и изслѣдователь искусства сасанидовъ Sarre, Iran. Felsrel., 246. О рельефѣ см. Ker-Porter, ibid.; Flandin et Coste; IV, pl. 204—5; Texier, Descr. de l'Arm., I, p. 40; всѣ эти рисунки не даютъ впечатлѣнія подлинника; фотографія Jackson, o. c., 79., захватываетъ не всю правую сторону изображенія. Въ виду этого, на табл. VII дается фотографія этого памятника, любезно предоставленная мнѣ В. И. Будиловичемъ, бывшимъ управляющимъ русскаго банка въ Тавризѣ; она снята въ 1905 г.

[2] Arm. einst u. jetzt, 535.

[3] Отверстія—окна имѣются и въ пещерахъ Керефто.

[4] Подъ сомнѣніемъ остается знаменитая скала Гюверчин-кала, поднимающаяся вблизи Салмаса изъ водъ Урмійскаго озера. Ker Porter, II, 593—4, упоминаетъ вырубленный въ скалѣ узкій ходъ, глубокій колодезь, широкія и глубокія квадратныя углубленія въ скалѣ (для хлѣба и припасовъ?) и, наконецъ, a small sanctuary . . . half excavation and the rest completed with rude stone work. Ср. Zeitsch. f. Ethn., XXX, 1898, 526: «die in den Felsen gehauenen Bänke, Terrassen und Treppen»; Lehmann, Armenien, 310: на скалѣ остатки 4 зубцовъ (Felszinnen) и нѣсколько лѣстницъ. Н. В. Ханыковъ (1853) открылъ на Гюверчинкала обрывокъ мусульманской надписи нѣкоего Абу-Насеръ Хусейнъ Бахадуръ-хана.

ченную въ скалѣ камеру[1], хотя это сооруженіе лежитъ значительно за предѣлами бассейна Урмійскаго озера. Оно находится на дорогѣ изъ Баязида въ гор. Маку около дер. Сенгеръ, гдѣ сходящіеся невысокіе холмы образуютъ, какъ бы, ворота[2]. Все сооруженіе состоитъ изъ одной большой и двухъ сообщающихся съ ней малыхъ комнатъ (см. рис. 7). Въ большой имѣется противъ входа квадратная ниша въ стѣнѣ, а въ нишѣ еще вырѣзъ въ видѣ полуцилиндра, какъ бы, для камина, но безъ выхода для дыма. На стѣнѣ вправо отъ входа есть еще 3 такихъ «очага». Снаружи, вправо отъ входа выдолблена лѣстница, ступени которой загибаются полукругомъ на крышу, гдѣ имѣется очень небольшая круглая ямка въ $1/2$ аршина глубиною, служившая, какъ можно предположить, для сбора дождевой воды[3].

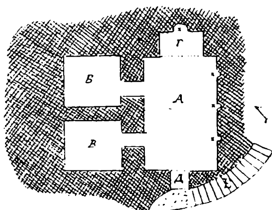

Рис. 7. Комната Сенгеръ.
г. ниша-recess; х. полуцилиндрическіе очаги (?); е. наружная лѣсница.

Прежде всѣ такіе памятники: лѣстницы, бассейны, довольно сложныя по плану комнаты, считались остатками культа огня, теперь же есть склонность зачислить ихъ въ область халдской культуры, характеризуемой развитіемъ подобныхъ сооруженій[4]. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что баязид-

---

[1] Не смѣшивать съ «пещерой» надъ гор. Маку, о которой см. замѣтки А. А. Ивановскаго въ газ. «Русск. Вѣд.», 1897, № 335 и мою статью «Макин. древности» въ вып. II Вост. Сборн. Общ. Рус. Оріент. Вполнѣ возможно, что и «пещера» искусственнаго происхожденія и относится къ той же эпохѣ.

[2] Камера, если ѣхать отъ Баязида, лежитъ съ правой стороны, верстъ 7 не доѣзжая до Маку.

[3] Камеру у Сенгера впервые кратко отмѣтилъ Чириковъ, 506, что является новымъ доказательствомъ точности и вниманія этого путешественника: «въ скалѣ высѣченныя комнаты; ступени наверхъ... и тамъ выдолбленныя вертикальная отверстія воронкой... къ главной комнатѣ примыкаютъ еще 2 боковыя; въ нихъ совершенно темно... въ большую загоняютъ теперь барановъ». Назначеніемъ комнаты Чириковъ считалъ погребеніе, а на крышѣ предполагалъ алтарь огня.

[4] Леманнъ считаетъ, что комнаты въ скалахъ и киклопическія стѣны составляютъ общую черту древнѣйшаго до-индоевропейскаго и не-индоевропейскаго слоя населенія Мал. Азіи, эгейскихъ острововъ и Греціи. Въ замѣткѣ «Karisch»-Chaldisches (Klio, 1906, VI, 176—8) онъ сопоставляетъ ванскую Топрак-кале съ древностями Фэста и Кносса на Критѣ; болѣе подробно см. Jahrb. d. Archäol. Inst., 1905: основными халдскими чертами онъ считаетъ многочисленныя каменныя лѣстницы и прямоугольные входы, но указываетъ, что на ряду съ этимъ на западѣ (въ области Харпута) намѣчается типъ круглаго свода (Rundbogen), устройство ступень-террасъ наверху скалъ и цистернъ, выдолбленныхъ въ камнѣ. Надо сказать, что послѣдняя черта широко развита и въ области Урміи. Любопытно, что съ другой стороны типъ дома (Antenhaus), воспроизводимаго Факракой и т. д., Herzfeld, o. c., считаетъ типично *индоевропейскимъ*.

скія камеры [1] породили и сосѣднія сенгерскія сооруженія; точно также и халдская часовня у холма Ашрутъ [2] находится близъ Салмаса, гдѣ находится Зенджиръ-кала. Шемдинанъ и сосѣдніе пограничные турецкіе округа слишкомъ неизслѣдованы, а г бы нашлись, вѣроятно, и здѣсь сооруженія, служащія географическимъ переходомъ къ описаннымъ мною камерамъ Урмійскаго округа. Къ сожалѣнію, у нихъ не имѣется ни надписей, ни изображеній, которыя бы опредѣлили точнѣе ихъ эпоху [3]. Исполненіе всѣхъ ихъ очень тщательное, единообразное и выказываетъ большое техническое совершенство строителей (ср. закругленія урмійскихъ камеръ) [4]. Комнаты эти — въ противоположность Факракѣ — служили по всей видимости для живыхъ людей: на это указываетъ доступность проникновенія къ нимъ, слѣды дверей и, быть можетъ, приспособленія для собиранія влаги. Возможно, что именно *дождевая* вода имѣла какое то культовое значеніе (богъ воздуха?), такъ какъ по сосѣдству камеръ (кромѣ Зенджиръ-кала) имѣется проточная вода, да и малый размѣръ нѣкоторыхъ бассейновъ не указываетъ на ихъ практическое назначеніе. Можно подчеркнуть,

---

[1] Камеры надъ крѣпостью Баязида открыты, повидимому, А. А. Ивановскимъ (въ 1893 г.?), см. Матер. по археол. Кавк., VI, 1911; ср. Belck, Die Fels-Sculptur v. Bajazed, Zeitsch. f. Ethnol., 1899, стр. 241, гдѣ изображенъ и весьма важный барельефъ (мужчина, женщина (?) и козелъ). Впрочемъ онъ издавался и раньше, см. Texier, Descrip. de l'Arménie etc., pl. XXXIV, гдѣ, однако, фигуры зарисованы явно неточно: исчезла вся ихъ архаичность. При Белькѣ часть помѣщеній въ скалахъ была завалена. По описанію Ивановскаго главная комната имѣетъ 1888 × 1880 × 1700 милим.; справа находится меньшая камера. Въ углу первой комнаты 8 ступеней во второй этажъ, гдѣ имѣется сводчатый корридоръ 5 саж.) и отдѣльный узкій проходъ наружу наверхъ скалы. Въ главной комнатѣ имѣется ниша полуцилиндромъ отъ пола до потолка. Рельефъ недавно былъ сфотографированъ І. А. Орбели; см. его «Предварит. отчетъ и т. д.» въ Изв. Акад. Наукъ, 1912, стр. 925.

[2] Она описана J. Wünsch'емъ, а надпись (царей Ишпуини и Менуа) переведена D. H. Müller'омъ; см. Peterm. Mitteil., 1889, 115—9 и 139—41 и Denkschriften Wiener Akad., томъ 36 (1888). Памятники эти находятся на р. Кяперъ, крайнемъ ю. з. истокѣ Котура около дер. Паганъ. Надпись помѣщена въ нишѣ въ видѣ рамъ, входящихъ одна въ другую. Отъ надписи прорубленъ въ скалѣ тоннель и лѣстница, выводящая къ колодцу, повидимому, сообщающемуся съ рѣкой Кяперъ. Wünsch не имѣлъ времени осмотрѣть развалины «стараго города» (на лѣвомъ берегу), о которыхъ ему говорили. Паганъ, очевидно, и въ армянскія времена пользовался извѣстностью, см. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юст., 321; на стр. 317 тамъ же, повидимому, недоразумѣніе. Паганъ принятъ за *Наганъ!*).

[3] Лѣстницы въ скалахъ считаются весьма типичнымъ для халдовъ явленіемъ, но, конечно, это не исключительный ихъ признакъ. Въ гор. Шуштерѣ (т. е. въ области древняго Элама, Сузіаны) я видѣлъ небольшую скалу, обсѣченную въ видѣ куба, внутри котораго помѣщается такая же камера 4 × 4 шага; на одной изъ стѣнъ ея видѣнъ знакъ въ видѣ извѣстнаго наконечника копья Мардука. Снаружи лѣстница, какъ у Сенгера, выводитъ на крышу скалы; единственное ея отличіе то, что она идетъ прямо, а у Сенгера загибаясь.

[4] Закругленія имѣются и въ Баязидской главной камерѣ. Въ Керефто есть совершенно круглыя залы.

что постройки въ скалахъ видимо тяготѣютъ къ ущельямъ, суженіямъ дорогъ, какъ бы, не желая ускользнуть отъ вниманія путниковъ. Возможно, что онѣ служили и для наблюденія за дорогами, хотя здѣсь есть исключенія (Зенджир-кала). Если халдовъ и жителей береговъ Урмійскаго озера объединялъ религіозный культъ, то вполнѣ допустимо, наконецъ, что высѣченныя комнаты, служа этому культу, строились халдскими мастерами въ мирныя времена, а не свидѣтельствовали о халдскихъ побѣдахъ.

Факрака отличается весьма опредѣленными чертами отъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ «комнатъ въ скалахъ», но нельзя все же считать эти отличія за непроходимую пропасть, раздѣляющую эти два рода и два типа сооруженій. Ихъ сближаютъ и отдѣльныя детали, какъ, напримѣръ, прямоугольность входовъ, и, главное, общая техника сложныхъ работъ въ камнѣ.

Районъ нашихъ древностей тѣмъ и интересенъ, что на немъ замѣтны переходы, соприкосновенія различныхъ культурныхъ явленій и традицій. Странно видѣть Факраку въ ея обособленности, но, находясь въ данномъ мѣстѣ, она важна, быть можетъ, какъ указаніе на пути проникновенія въ Иранъ западныхъ вліяній; съ другой стороны, окружающіе ее памятники, высѣченные также въ скалахъ, даютъ, какъ бы, почву, на которой могъ привиться и новый типъ гробницъ, распространившійся затѣмъ далѣе на востокъ и на югъ. Нельзя ли такимъ образомъ видѣть въ Факракѣ связь между культурою халдовъ, самостоятельное существованіе которыхъ прослѣжено до начала VI в. до Р. Х., и непосредственно слѣдующей эпохой возвышенія арійцевъ? Послѣдніе могли поставить новыя задачи техникѣ первыхъ.

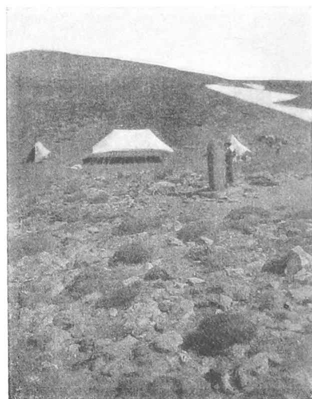
Во всякомъ случаѣ, наша цѣль — сопоставить извѣстные факты, а не объяснить ихъ; для такой задачи требовалась бы иная спеціальная подготовка и гораздо болѣе широкая постановка сложнаго вопроса о культурныхъ вліяніяхъ. Между тѣмъ, хотѣлось по мѣрѣ силъ оживить вниманіе къ окрестностямъ Урмійскаго озера, заслуживающимъ этого и по многочисленнымъ остаткамъ древности, и по близости ихъ къ нашему Закавказью.

В. Минорскій.

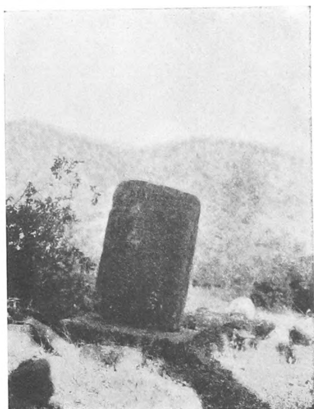
3. II. 916.

1. Стела Келяшинъ.

2. Окрестность Келяшина.

3. Стела у Топузавá.

Сасанидскій рельефъ на горѣ Пир-чаушъ въ Салмасѣ.

Ѳ. Е. Коршъ и востоковѣдѣніе[1].

«Нужна тѣсная связь оріенталистовъ съ филологами». «...Востоковѣдѣніе есть только и исключительно одна изъ вѣтвей историко-филологической науки...»

Бар. В. Р. Розенъ. (О вост. фак. и вост. каѳ., ЖМНПр., 1891, I, стр. 163 и 165).

Какъ экзотическій цвѣтокъ, оторванный отъ родной земли, прозябало востоковѣдѣніе въ Московскомъ Университетѣ XIX вѣка, хотя, казалось бы, почва восточно-европейской равнины, вспоенная соками восточныхъ народовъ и культуръ, представляла благодарный матеріалъ для изученія восточныхъ языковъ въ Москвѣ, центрѣ скрещенія европейской и азіатской цивилизацій. Въ первой половинѣ XIX вѣка неоднократно слышатся голоса о пользѣ изученія восточныхъ языковъ въ Россіи, на которую судьба возложила культурныя задачи на Востокѣ — то скажетъ объ этомъ Сенковскій, родоначальникъ русскихъ арабистовъ въ Петроградѣ, то ученикъ блестящаго французскаго оріенталиста Сильвестра де-Саси, Шармуа. Но то было въ Петроградѣ; въ Московскомъ Университетѣ смѣнялись поколѣнія профессоровъ и преподавателей, а отъ каѳедры восточныхъ языковъ отдавало затхлой рутиной; ничто не измѣнилось и тогда, когда каѳедру занялъ профессоръ П. Я. Петровъ, учившійся за границей у Боппа: методы преподаванія были элементарны и не поднимались надъ уровнемъ начетничества. Но вотъ, на склонѣ преподавательской дѣятельности профессора-полиглотта, почти одновременно вошли въ его аудиторію три студента: Ѳ. Е. Коршъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

Среди этой славной академической троицы, вознесшей языковѣдѣніе въ Московскомъ Университетѣ на недосягаемую высоту, пальма первенства принадлежитъ Ѳ. Е. Коршу, — прозрачная ясность мысли, остроумный блескъ изложенія, безграничная широта горизонта, — все соединилось въ

[1] Читано 16-го февраля 1916 года въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета, 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и Обществъ: Московскаго Археологическаго, Любителей Россійской Словесности и Психологическаго.

этомъ тщедушномъ на видъ, геніальномъ человѣкѣ, который какимъ-то одному ему открытымъ путемъ постигъ тайны человѣческой рѣчи: когда онъ хотѣлъ, онъ былъ и классикъ, и славистъ, и оріенталистъ. Типъ универсальнаго ученаго, которому ничто человѣческое не было чуждо, Ѳ. Е. Коршъ былъ непостижимо многогранен въ научныхъ изысканіяхъ, и, въ вѣкъ узкой спеціализаціи, не могъ быть оцѣненъ по достоинству.

Востоковѣдѣніе, часть многообразнаго труда Корша, занимавшая подчиненное мѣсто, какъ средство для проникновенія въ міръ славянскій, захватывалось, однако, у него такъ широко, что только вся семья востоковѣдовъ, входившихъ въ живое, непосредственное общеніе съ этимъ «Хаджи-баба», который на время перекочевывалъ изъ Москвы въ Петроградъ, — сумѣла бы точно опредѣлить значеніе великаго самородка-оріенталиста. Оно, быть можетъ, и распылилось: Коршъ проявлялъ себя не только и не столько въ печати, сколько въ бесѣдѣ, когда мысль безпрерывно вспыхивала яркимъ огнемъ, находя новую пищу въ отвѣтномъ словѣ. Правда, когда моментъ выдвигаетъ передъ востоковѣдѣніемъ задачи для работы въ глубь, мысль Корша, которая у него все-таки быстро перебѣгала и только скользила, — волнуетъ, но не удовлетворяетъ слушателя.

Авторитетъ Ѳ. Е. Корша, какъ оріенталиста, устанавливается незыблемо уже въ 80-хъ годахъ — и когда зайдетъ въ Москвѣ рѣчь объ учрежденіи при Археологическомъ Обществѣ Восточнаго Отдѣленія, Коршъ будетъ горячимъ защитникомъ идеи М. В. Никольскаго. Ѳ. Е. Коршъ, профессоръ-классикъ, будетъ выбранъ и предсѣдателемъ Восточной Коммиссіи; самъ онъ, правда, не рѣшится открыть въ Университетѣ какой-нибудь востоковѣдный курсъ, — онъ и недовѣрчиво-строгъ къ своимъ познаніямъ и — sit venia verbo — добродушно-лѣнивъ, но онъ энергично будетъ способствовать оживленію преподаванія и привлечетъ въ стѣны старѣйшаго университета перваго русскаго ассиріолога, М. В. Никольскаго. Постепенно молва о Коршѣ расходится во всѣ стороны, и отблескъ славы падаетъ на тѣ учрежденія и заведенія, которымъ посчастливилось привлечь въ свою среду Ѳ. Е. Корша. Цѣня въ языкѣ живые, народные, діалектическіе элементы, Коршъ учился языкамъ не столько по книгамъ, сколько на живомъ матеріалѣ, на живыхъ людяхъ, и здѣсь заключается рѣдкостно-отличительная черта Ѳ. Е. Корша. Онъ зналъ жизнь языка не только въ теоретическихъ построеніяхъ, для него языкъ жилъ, а онъ, властвуя надъ временемъ, могъ охватить ростъ языка въ его исторической перспективѣ. И если какой-нибудь элементъ не былъ сохраненъ памятниками, онъ легко возстановлялъ утраченное звено и нерѣдко, выставляя положеніе, слышалъ подтвержденіе остроумной догадки изъ устъ слу-

чайнаго собесѣдника или посѣтителя, — живого представителя языка, о которомъ шла рѣчь. Ему подсказывало всегда чутье, интуиція.

Конечно, не всегда мысли его были вѣрны. Но пусть онѣ будутъ опровергнуты, да развѣ уже такъ много въ творчествѣ человѣка вѣчнаго? И кто поручится, что мысль, тщательно выведенная на сотнѣ фактовъ, обратится въ непреложную истину, а не вызоветъ завтра же вѣскія возраженія? Но, самъ стремительная жизнь, Ѳ. Е. Коршъ всегда будилъ въ слушателѣ мысль, онъ творилъ какъ художникъ, и развѣ въ этомъ не лучшій залогъ непрерывнаго теченія жизни? Вотъ почему такъ интимно-близки были ему переживанія художниковъ слова, поэтовъ; вотъ почему онъ въ своихъ переводахъ—будь то съ языковъ античныхъ, славянскихъ или восточныхъ—былъ конгеніаленъ съ авторомъ и могъ порою безраздѣльно сливаться съ нимъ.

Да Коршъ и не разрабатывалъ ничего до конца, — слишкомъ кипуче текла въ немъ мысль. Пока онъ говорилъ, напр., о туркахъ, онъ весь отдавался минутѣ; воспринимая во всей совокупности сумму ощущеній воинственныхъ сыновъ степей, онъ какъ бы перевоплощался въ турка, и тогда казалось, что онъ —турокъ, плоть отъ плоти, кость отъ костей,—отборная особь народа, сконцентрировавшая въ художественномъ воспріятіи всѣ богатства языка турецкаго, отъ физіологическихъ условій возникновенія его до синтаксическаго строя, гдѣ все, какъ говорилъ часто Коршъ,— «шиворотъ на выворотъ»; ему былъ глубоко симпатиченъ и народный турецкій характеръ, но онъ ясно сознавалъ и аполитичность турка. Но вотъ черезъ минуту внезапно мозгъ его прорѣзала новая мысль, онъ бросалъ все, чѣмъ только-что жилъ, и устремлялся въ другую сторону, и такъ онъ шелъ, онъ безостановочно шелъ туда, гдѣ слышалъ живой голосъ, который могъ дать ему неиспытанное наслажденіе отъ новаго звука, отъ новой рѣчи.

Но онъ ничего не забывалъ, какъ бы мимолетны ни были встрѣчи или разговоры; гдѣ-то все у него откладывалось, и вдругъ, когда извнѣ былъ толчокъ, все ранѣе слышанное или подслушанное у истоковъ жизни языка отливалось въ одинъ сложный, но цѣльный образъ или картину. Онъ подтвердилъ на себѣ правильность афоризма Макса Мюллера, что для проницательнаго взгляда генія одинъ фактъ равняется сотнѣ, тысячѣ наблюденій, произведенныхъ человѣкомъ заурядныиъ.

Прилежному кабинетному ученому, который располагалъ сотней фактовъ, порою ускользавшихъ отъ Корша, конечно, могло все это показаться страннымъ; онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на работу «дилеттанта», въ которомъ говорила «живая душа». Коршъ былъ смѣлъ, онъ не рядился въ тогу непогрѣшимости, но тонкая насмѣшка звучала иногда въ словахъ его, когда онъ какъ-будто ограничивалъ цѣнность замѣчаній, говоря: «Я не специа-

листъ, я — не оріенталистъ». И сколько все-таки мыслей, указаній, плановъ изслѣдованія разсыпано всюду у Ѳ. Е. Корша. Тамъ начертана почти-что программа изученія восточныхъ языковъ въ Россіи.

Такъ незамѣтно профессоръ-классикъ Ѳ. Е. Коршъ оказался знатокомъ цѣлаго ряда восточныхъ языковъ, въ немъ объединился въ Москвѣ живой восточный факультетъ, и въ своемъ интересѣ къ языкамъ финскимъ, проявившемся у него за послѣдніе годы, онъ опередилъ и оффиціальный факультетъ восточныхъ языковъ въ Петроградѣ, гдѣ до сихъ поръ отсутствуетъ каѳедра финскихъ нарѣчій.

И когда въ Петроградѣ шли — между В. И. Ламанскимъ и бар. В. Р. Розеномъ — академическіе споры о томъ, что́ нужно для Московскаго Университета, учрежденіе ли восточнаго факультета или отдѣльныя восточныя каѳедры при историко-филологическомъ факультетѣ, — Коршъ практически разрѣшилъ на себѣ эту задачу: человѣкъ строгаго метода, онъ, конечно, долженъ былъ одобрять мысль бар. В. Р. Розена о необходимости тѣсной связи между оріенталистами и филологами, но, какъ бы зная, что надежда на близкое учрежденіе восточнаго факультета или даже каѳедръ обманчива, Коршъ собою какъ бы замѣнилъ въ Москвѣ восточный факультетъ, и у него, профессора-классика, тонко усвоившаго методы филологическіе, находили указанія, поддержку и ободреніе и арабистъ, и иранистъ, и туркологъ, и монголистъ, и гебраистъ, и финнологъ; бесѣда съ «дилеттантомъ» была всегда поучительна и для «спеціалиста»; и когда то было нужно, — онъ охотно бралъ на себя въ Университетѣ востоковѣдную работу: онъ выступалъ, напримѣръ, оффиціальнымъ оппонентомъ на докторскомъ диспутѣ университетскаго товарища, Вс. Ѳ. Миллера, обнаруживъ знаніе языковъ иранскихъ, живыхъ и мертвыхъ; впослѣдствіи, на засѣданіяхъ Восточной Коммиссіи онъ былъ единственнымъ оппонентомъ Миллера, какъ кавказовѣда. И все было у него переплетено, и когда онъ о чемъ говорилъ или писалъ, — онъ приводилъ аналогіи изъ различныхъ семей языковъ; мысли Ѳ. Е. Корша, оригинальныя, освѣжающія, переливались радужными цвѣтами; разбросанные члены — membra disjecta — человѣческой рѣчи у Корша превращались въ живые одухотворенные образы: звучала не мертвая, схематическая рѣчь, выросталъ живой человѣкъ съ живой рѣчью.

По преимуществу Коршъ былъ аналитикъ, разрабатывая какъ будто мелочи, но, какъ бы незначительны ни были вопросы, затронутые имъ, — на нихъ сразу сосредоточивалось напряженное вниманіе слушателя или читателя, они вдвигались въ рамку широкихъ обобщеній и культурныхъ сопоставленій.

Всегда такъ складывалось, что Коршъ, захваченный чьей-либо работой, вносилъ свои Beiträge, но эти замѣчанія или дополненія сразу переступали узкія границы темы, и попутно, шутя ставилъ онъ часто новыя темы; статья Корша, написанная «по поводу», превосходила то изслѣдованіе, которое зажгло въ немъ мысль.

Коршъ не былъ реформаторомъ въ области востоковѣдѣнія; онъ не участвовалъ и въ открытіяхъ, измѣнившихъ за послѣднюю четверть вѣка представленіе о турецкомъ мірѣ; но, внимательно слѣдя за работами, какія появлялись въ Россіи или въ Западной Европѣ, онъ улавливалъ быстро сильныя и слабыя стороны, то добродушно, то зло все критикуя, и извлекалъ матеріалъ для доказательства исконнаго культурнаго взаимодѣйствія народовъ, говорящихъ на языкахъ славянскихъ и азіатскихъ.

Оффиціально, такъ сказать, Коршъ былъ иранистъ, потому что въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ преподавалъ онъ персидскій языкъ, но это была все-таки случайность, а скорѣе Коршъ былъ туркологъ, нѣжно любившій турецкіе языки. Вѣрный себѣ, Коршъ, слушая въ Университетѣ утвержденія эстета Петрова, что по-турецки читать нечего, все-таки изучалъ турецкій языкъ, онъ уже давно, — какъ вспоминалъ С. О. Долговъ, — зналъ языкъ татарскій, жадно подхватывая турецкіе звуки у «князей», которые заходили въ домъ отца. Коршъ ясно понималъ значеніе турецкихъ языковъ въ исторіи русскаго языка и культуры; вѣдь турецкій міръ для славянъ сыгралъ преимущественную роль, потому что Востокъ вліялъ на славянъ главнымъ образомъ черезъ турокъ. Сюда изъ классическаго міра привело Корша чутье національнаго русскаго ученаго. Уже въ 80-хъ годахъ Коршъ обнаружилъ широкое и глубокое знаніе турецкихъ языковъ, и онъ неукоснительно изучалъ одинъ восточный языкъ за другимъ. Восточная Европа, зналъ онъ, была ареной для безчисленныхъ народовъ урало-алтайскаго міра, и для всесторонняго освѣщенія доисторической культурной жизни, открывающейся въ языкѣ, необходимы изысканія въ области языковъ иранскихъ, турецкихъ, финскихъ, кавказскихъ и — какъ убѣждался Коршъ, — армянскаго. И только Коршъ, передъ духовными очами котораго жили народы, говорящіе на этихъ языкахъ, могъ бы рѣшить всѣ эти сложные, запутанные вопросы по палеонтологіи языка.

Какъ туркологъ, Ѳ. Е. Коршъ далъ работы и синтетическія — и здѣсь также выступаетъ жизненность обработки темы: набрасывая классификацію турецкихъ языковъ, онъ какъ будто совершаетъ со слушателемъ увлекательную прогулку по землямъ, занятымъ турецкими народами, и бесѣда, которую онъ ведетъ, такъ занимательна, хотя, быть можетъ, и не безспорна, что, навѣрно, заронитъ въ комъ-нибудь желаніе пересмотрѣть

вопросъ. Для него уже безусловно ясно было сродство между отдѣльными вѣтвями урало-алтайскихъ языковъ; во всякомъ случаѣ, находя общность корня для выраженія понятія о чистомъ бытіи въ языкѣ финскомъ и турецкомъ, онъ утверждалъ близость языковъ турецко-татарскихъ и финно-угорскихъ, — фактъ, въ признаніи котораго не сошлись еще спеціалисты, пугаясь термина «урало-алтайскіе» языки.

Онъ не былъ и поклонникомъ одной какой-нибудь школы, онъ бралъ какъ эклектикъ, ему нравилось все хорошее, гдѣ бы оно ни было: онъ восхищался и точной школой нѣмецкихъ и финскихъ оріенталистовъ и лингвистовъ (Кастрéна, Сетэля, Фоя и др.), онъ увлекался и французомъ С. де-Саси, мечтая уже на порогѣ смерти замѣнить слабѣющее живое слово персидской хрестоматіей по образцу арабской хрестоматіи де-Саси.

Но школы Коршъ послѣ себя не оставилъ. Да иначе не могло и быть: скептически-насмѣшливый умъ Корша уже на университетской скамьѣ подмѣтилъ недостатки профессоровъ; онъ слушалъ все, что ему говорили, но не поступалъ такъ, какъ ему говорили, онъ ничего не принималъ на вѣру. Но развѣ не довольно и того, что въ каждомъ умѣлъ онъ возбудить мысль, что какъ звонкое эхо откликался онъ на все; а ученикомъ Корша нельзя было стать: ученики Корша — «рождены, не сотворены».

И вотъ онъ ушелъ, и съ нимъ заглохъ въ Москвѣ живой источникъ востоковѣдѣнія, смерть больно отдалась между заочными учениками его, столичными и провинціальными, разбросанными по всему лицу земли русской.

Но памятникомъ — aere perennius — Ѳ. Е. Коршу было бы возрожденіе научнаго изученія восточныхъ языковъ въ Московскомъ Университетѣ; это повелительно диктуется требованіями и науки, и политики: война выдвинула передъ Россіей на ближнемъ Востокѣ, а можетъ быть, и внутри Имперіи сложныя національныя проблемы, и для правильнаго разрѣшенія ихъ необходимъ научный авторитетъ русскаго востоковѣда, необходимы кадры образованныхъ оріенталистовъ для службы на мѣстахъ. Вѣдь было бы горько думать, если бы и послѣ войны мы услышали что-нибудь вродѣ того, о чемъ повѣдалъ недавно акад. В. В. Бартольдъ, редакторъ перваго, прекращеннаго, журнала «Міръ Ислама»: „Если намъ нужно что-нибудь научное, — сказалъ академику «сановникъ съ русской фамиліей», — мы находимъ это въ заграничныхъ изданіяхъ“. У русскаго востоковѣдѣнія могутъ и должны быть свои, національныя, задачи, гдѣ заграничныя указки мало помогутъ; пора бы этой аксіомѣ войти въ сознаніе власть имущихъ.

Вл. Гордлевскій.

Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ-хана[1].

И. Н. Березинъ, болѣе всѣхъ другихъ нашихъ оріенталистовъ занимавшійся вопросомъ о чиновникахъ въ Золотой ордѣ[2], установилъ должность, будто-бы существовавшую въ Монгольской имперіи — букаульнаго тамговщика بوقاول تمغاجی. И букаулъ, и тамговщикъ дѣйствительно были у монголовъ, а букаулъ удержался въ Бухарѣ до послѣдняго времени въ качествѣ начальника придворныхъ поваровъ; но соединеніе этихъ двухъ обязанностей въ одномъ лицѣ представляется мнѣ страннымъ, и я готовъ объяснять происхожденіе этой должности у И. Н. Березина не иначе, какъ недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что очевидность его прямо бросается въ глаза на основаніи того же самаго источника, который своеобразно былъ понятъ заслуженнымъ оріенталистомъ.

Въ своемъ переводѣ на русскій языкъ «Сборника лѣтописей» Рашидъ эд-Дина[3], И. Н. Березинъ въ главѣ о Джалаирахъ коснулся племени Уятъ и предводителя его Уклай-курджи, который пришелъ съ Хулагу-ханомъ и сталъ караульнымъ. «Арукъ آروق и Буга بوقا, были его сыновья и состояли на службѣ въ свитѣ Абаги-хана. Однажды Арукъ ходилъ посольствомъ къ каану, принесъ оттуда синюю тамгу, и здѣсь отошло къ нему сполна учрежденіе «потѣшныхъ» سوتجيان. Потомъ, по учрежденію Абаги-каана, онъ сталъ бекомъ, былъ букаульнымъ тамговщикомъ بوقا اول تمغاجی

[1] Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русск. Арх. Общ. 24 марта 1917 г.

[2] Первая статья его въ данной области, подъ заглавіемъ «Внутреннее устройство Золотой орды», появилась въ журналѣ Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 10. Въ переработанномъ видѣ она была напечатана въ Трудахъ Вост. Отд. Арх. Общ., ч. VIII, СПб. 1864, и озаглавлена «Очеркъ внутр. устр. улуса Джучіева». Она доставила автору ея степень доктора Восточной словесности.

[3] Труды Вост. Отд. Арх. Общ., ч. V, СПб. 1858.

и имѣлъ мѣховую казну. Во время Ахмеда и Аргунъ-хана онъ былъ почтеннымъ бекомъ»[1].

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза такая несообразность: букаульный тамговщикъ, прикосновенный къ ханской провизіи, завѣдуетъ мѣховой казною. Затѣмъ, Арукъ возведенъ въ званіе бека уже при Абагѣ, и тѣмъ же званіемъ, правда съ прибавленіемъ эпитета «почтенный», онъ былъ удостоенъ при Ахмедѣ и Аргунѣ.

Въ примѣчаніи къ приведенному переводу И. Н. Березинъ писалъ: «здѣсь является неизвѣстный въ ярлыкахъ чинъ букаульный тамговщикъ. Прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что слово بوقاول здѣсь является съ твердою гортанною.... Посему, вопреки мягкому правописанію этого слова во всѣхъ другихъ случаяхъ (въ ярлыкахъ, въ Опис. Бух. ханства, Ханыкова, стр. 243), мы должны признать, что это слово должно писаться بوقاول и производиться отъ глагола بوغاق, душить, давить, и слѣдовательно первоначально букаулъ былъ сходенъ съ баскакомъ и даругой, въ частности же этотъ чинъ означалъ отвѣдывателя .... Букаульнымъ тамговщикомъ вѣроятно былъ придворный чиновникъ, завѣдывавшій ханскою провизіею»[2].

И. Н. Березина ничуть не смутило то обстоятельство, что *давить* и *отвѣдывать* (пищу) понятія слишкомъ разнородныя.

Какъ-бы то ни было, чинъ букаульнаго тамговщика вошелъ въ научный оборотъ. Во-первыхъ, самъ И. Н. Березинъ помѣстилъ его въ своемъ трудѣ «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» въ ряду съ другими чинами[3]; во-вторыхъ, Л. З. Будаговъ ввелъ букаульнаго тамговщика въ свой Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій[4].

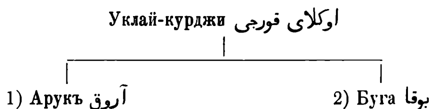
Любопытно, что и Будаговъ не замѣтилъ здѣсь промаха; но чувствуя, что должность отвѣдывателя кушанья بكاول не вяжется съ тамговщикомъ, онъ призналъ возможнымъ слово بوقاول отдѣлить отъ بكاول и сталъ производить его не отъ بوغاق, что являлось очевидной натяжкой, а отъ بوقمق — «дѣлать засаду, подкараулить» и призналъ въ лицѣ букауловъ засадчиковъ, «особый разрядъ военныхъ нижнихъ чиновъ, которые караулили за тѣмъ, чтобы не провозили товаръ безъ тамговой пошлины»; поэтому у Рашидъ эд-Дина упоминается بوقاول تمغاچى, т. е. засадчикъ тамговщикъ, *букаульный* тамговщикъ[5].

---

1 Сборн. Лѣтоп. I, стр. 40.
2 Тамъ же, стр. 232—233.
3 Труды Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., ч. VIII, стр. 442.
4 Выпускъ I, СПб. 1868, стр. 262—263.
5 Сравн. словарь, вып. I, стр. 262—263, 286.

Приходится заявить, что Рашидъ эд-Динъ не далъ ни малѣйшаго повода ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, у него говорится нѣчто другое.

Система изложенія Рашидъ эд-Дина заключается въ слѣдующемъ: описывая какое-нибудь племя, обитавшее въ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана, онъ называетъ предводителей этого племени, даетъ о нихъ краткія біографическія свѣдѣнія, затѣмъ перечисляетъ сыновей, а иногда и дочерей этихъ предводителей и также сообщаетъ объ ихъ служебномъ положеніи или о замужествѣ. Подобнымъ же образомъ поступилъ Рашидъ эд-Динъ и при описаніи племени Уятъ, откуда получается такая генеалогическая таблица:

Сперва нашъ историкъ говоритъ объ Арукѣ, потомъ переходитъ къ Бугѣ.

Приведемъ текстъ Рашидъ эд-Дина по изданію И. Н. Березина[1].

از اقوام اويات اوكلاى قورجى با هولاكو خان آمده بوده قراول شده آروق وبوقا پسران او بودند وملازم بندكى اباقاخان يك نوبت آروق برسالتى بندكى قاآن رفته وكوك تمغا از آنجا آورده واينجا سونجيانرا تمامت بدو توساميشى رفته بعد از آن بترتيب اباقاخان امير شد وبوقا اوّل تمغاجى بود وخزانه پوستين مى دانست ودرچاق احمد وارغون خان امير معتبر شد

Т. е.: «Изъ племени Уятъ Уклай-курджи пришелъ съ Хулагу-ханомъ и сталъ караульнымъ. Арукъ и Буга были его сыновья и состояли на службѣ въ свитѣ Абаги-хана. Однажды Арукъ ходилъ посольствомъ къ каану, принесъ оттуда синюю тамгу и здѣсь отошло къ нему сполна учрежденіе «потѣшныхъ». Потомъ, по опредѣленію Абаги-хана[2], онъ сталъ эмиромъ (бекомъ). А Буга первоначально былъ тамговщикомъ и вѣдалъ мѣховую казну. Во время Ахмеда и Аргунъ-хана онъ былъ уважаемымъ эмиромъ (бекомъ)».

---

[1] Труды Восточ. Отд. Арх. Общ., ч. VII, СПб. 1861, стр. 51.

[2] Непонятно, почему И. Н. Березинъ придалъ Абагѣ титулъ каана, примѣнявшійся Рашидъ эд-Диномъ исключительно къ монгольскимъ императорамъ, когда въ текстѣ стоитъ خان?

Итакъ, никакого букаула здѣсь нѣтъ, а есть собственное имя второго сына Уклая, Буги, и нарѣчіе اوّل въ значеніи «первоначально, раньше». Березинъ соединилъ оба эти слова и получилъ «букаулъ». Произошло удивительное затменіе, удивительное потому, что самъ же Березинъ далъ правильное чтеніе текста اوّل и отдѣлилъ это слово отъ بوقا. Такъ какъ Буга былъ тамговщикомъ, то завѣдываніе имъ мѣховою казною дѣлалось вполнѣ естественнымъ.

Н. Веселовскій.

Новый сборникъ стиховъ Джелаль-ед-дина Руми и Султана Веледа.

Воспроизводимый текстъ турецкихъ стиховъ, называемыхъ «сельджукскими», хотя Джелаль-ед-динъ и Веледъ сельджуками не были, является попыткой передать арабскимъ алфавитомъ тотъ турецкій языкъ, которымъ говорили названные авторы и говорили, по ихъ собственному признанію, плохо.

Предварительное сообщеніе о Сборникѣ было сдѣлано мною въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества 30 апрѣля 1909 года, причемъ я тогда еще собирался опубликовать его, но по разнымъ, отчасти независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, намѣреніе это пришлось отложить до настоящаго времени.

Происхожденіе Сборника слѣдующее. Въ концѣ 1890-хъ годовъ академикъ В. В. Радловъ въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Берлинъ познакомился съ полковникомъ артиллеріи Мемедомъ Рейфъ-Фуадъ-беемъ, тогдашнимъ турецкимъ военнымъ агентомъ въ Германіи, человѣкомъ съ европейскимъ образованіемъ и весьма интересовавшимся исторіей и языкомъ своей страны, что́ онъ и показалъ впослѣдствіи, послѣ константинопольскаго переворота, участіемъ въ разныхъ турецкихъ журналахъ и обществахъ «научнаго» (поскольку это къ нимъ примѣнимо) направленія. Фуадъ-бей въ знакъ уваженія къ маститому туркологу преподнесъ ему на память объ ихъ знакомствѣ настоящую рукопись; но такъ какъ самъ В. В. Радловъ въ то время Передней Азіей не занимался, то рукопись пролежала у него до 1905 года, когда ее случайно увидѣлъ и взялъ къ себѣ на разсмотрѣніе покойный проф. П. М. Меліоранскій, который ничего съ ней не сдѣлалъ, очевидно вслѣдствіе своей преждевременной смерти въ 1906 году, послѣ чего, по желанію В. В. Радлова, рукопись перешла въ мое владѣніе. Изъ переписки моей съ Фуадъ-беемъ выяснилось,

что рукопись есть современная намъ копія (какъ это, впрочемъ, ясно видно), списанная лично нѣкіимъ Неджибомъ Асимъ-беемъ, очень извѣстнымъ авторомъ многочисленныхъ статей и нѣкоторыхъ трудовъ, съ подлинника, принадлежащаго Мухаммеду Веледу-челеби, въ то время сыну настоятеля дервишскаго ордена Мевлеви, нынѣ занявшему мѣсто отца[1]. Оказывается, этотъ Веледъ-челеби задался раньше цѣлью издать турецкіе стихи своихъ предковъ Джелаль-ед-дина и Веледа, для чего и выписывалъ эти стихи изъ рукописей, находящихся въ Константинополѣ и Коніи, въ текіе дервишей Мевлеви.

Принадлежащая мнѣ копія представляетъ собою тетрадку въ 12 листовъ 8⁰, обыкновенной провощеной бумаги; 16 страницъ исписано одной и той же рукой почеркомъ рока, остальныя бѣлыя. Содержитъ 187 стиховъ, неравномѣрно распредѣленныхъ по страницамъ (ниже, въ турецкомъ текстѣ, справа указана нумерація стиховъ по листамъ моей рукописи, слѣва же общая нумерація, для удобства ссылокъ). Копія состоитъ изъ четырехъ отрывковъ, выписанныхъ Веледомъ-челеби изъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ текіе дервишей Мевлеви въ Коніи; первый — стихи Джелаль-ед-дина; остальныхъ три — Султана Веледа; изъ нихъ датированы первый и третій; обѣ датированныхъ рукописи тоже, судя по припискамъ, оказываются копіями: первая написана 22 Зиль-кадэ 712 года (22 марта 1313 г.) нѣкіимъ Нуръ-эль Бухари, вторая въ концѣ Джумази-эль-Ахира 697 года (начало апрѣля 1298 г.) Мухаммедомъ бенъ-Исхакъ-бенъ-Ибрагимомъ эль-Ларенди эль-Веледи. Стало быть обѣ писаны вскорѣ послѣ смерти Джелаль-ед-дина и, что особенно важно, одна еще при жизни Султана Веледа, а другая всего черезъ четыре мѣсяца послѣ его кончины[2]. «Ларенди» и «Веледи» при имени второго переписчика даютъ довольно цѣнныя указанія. «Веледи» показываетъ, что онъ родомъ отъ Беха-ед-дина, по прозвищу «Веледа», отца Джелаль-ед-дина и дѣда Султана Веледа, т. е. является очень близкимъ родственникомъ и современникомъ самому Веледу.

---

[1] О немъ и упоминаетъ весьма часто Gibb въ своей A History of Ottoman Poetry, London 1902, v. I, 149 и слѣд. Ср.: В. Смирновъ. Мнимый турецкій султанъ, именуемый у европейскихъ писателей XVI вѣка Calepinus Cyriscelebes. Зап. Вост. Отд., т. XVIII, вып. II—III, стр. 52, прим. 1.

[2] Султанъ Веледъ умеръ 10 Реджеба 712 г. — 11 ноября 1312 г. Относительно даты смерти Джелаль-ед-дина существуютъ разногласія; (по Бартольду — О нѣкоторыхъ восточныхъ рукописяхъ въ библіотекахъ Константинополя и Каира, Зап. Вост. Отд., XVIII, в. IV, 0132) рукопись № 827, неизвѣстнаго автора, библіотеки Ени-Джами въ Константинополѣ, относитъ ее къ 673 г. (1274—75 г.); Этэ (Grundriss der iranischen Philologie II, 287—289) къ 5 Джумази II 672 г. (17 декабря 1273 г.); самъ проф. В. В. Бартольдъ очевидно склоняется къ послѣднему, см. А. Семеновъ, Шейхъ Джелаль-уд-дин-Руми. Зап. Вост. Отд., XXII, в. III—IV, 252, пр. 2.

«Ларенди» же можетъ имѣть двоякое значеніе: или что онъ родомъ изъ г. Ларенды, что то же Карамана, въ 150 километрахъ къ юго-востоку отъ Коніи, или же изъ предмѣстья Коніи Ларенда; послѣднее вѣрнѣе, ибо съ давнихъ поръ и по сіе время Ла́ренда — кварталъ дервишей[1].

Изъ предлагаемыхъ 187 стиховъ 169 появляются въ печати впервые; изъ остальныхъ (нумерація слѣва отъ текста) стихи 1—3, 6, 12, 20—21, 24, 87—89 уже были опубликованы Гиббомъ[2], при чемъ онъ взялъ ихъ изъ статьи М. Веледа-челеби «Мусульманская литература» въ спеціальномъ нумерѣ журналовъ «Терджумени-Хакикатъ» и «Сервети-Фунунъ», выпущенномъ съ благотворительной цѣлью для помощи мусульманамъ, пострадавшимъ на о. Критѣ во время возстанія 1897 года[3]. Стихи же 1—3 и 6—14 были напечатаны въ «научномъ» турецкомъ журналѣ «Тюркъ-Дернеки»[4] М. Веледомъ-челеби. Оставляя въ сторонѣ лубочность изданія, неряшливый текстъ (отскакиваніе діакритическихъ точекъ, меркезовъ и т. п.) и вздорность примѣчаній и разсужденій автора, о «научности» изданія можно судить, напр., по тому, что: хотя въ текстѣ ясно стоитъ (ст. 13) شمس تبريز, т. е. техаллусъ Джелаль-ед-дина или его наставника; хотя самъ авторъ прежде приписалъ эти стихи Джелаль-ед-дину; хотя такой знатокъ персидской и турецкой литературъ, какъ Броунъ въ своемъ критическомъ изданіи труда покойнаго Гибба на нѣсколько лѣтъ раньше также отнесъ ихъ къ Джелаль-ед-дину; — тѣмъ не менѣе въ «Тюркъ-Дернеки» они полностью отнесены къ Султану Веледу[5]. Если даже допустимъ, что Гиббъ ошибался, слѣпо довѣрившись турецкимъ изданіямъ, что Броунъ, редактируя, пропустилъ ошибку Гибба и что фразу (ст. 13) ماهى چو شمس تبريز غيبت نمود و كفتا написалъ сынъ про отца и послѣ него, то все-таки вѣдь М. Веледъ-челеби самъ выписывалъ этотъ текстъ, зная, изъ какой рукописи, и первый разъ приписалъ его Джелаль-ед-дину; копировавшій Неджибъ Асимъ вторично, въ I томѣ своей «Тюркъ-Тарихи», также отнесъ его къ Джелаль-ед-дину; тотъ же Н. Асимъ въ письмѣ къ М. Фуадъ-бею, по моей просьбѣ, сообщилъ, что онъ про-

[1] См. также Gibb, op. cit. I, 151, пр. 1 и особенно Семеновъ, ук. соч. 250, пр. 5 (Бартольда). Отъ упоминаемаго проф. В. В. Бартольдомъ медресе ничего не осталось, сохранился лишь въ этомъ мѣстѣ порталъ мечети по имени Ларенда, съ ясно видной въ медальонѣ надъ входомъ арабской надписью: «построилъ (عمل) Галустъ» (имя армянскаго зодчаго той эпохи). Фотографію съ этой надписи я, послѣ своей поѣздки въ Конію въ 1906 г., передалъ проф. Н. Я. Марру.

[2] Op. cit. переводъ I, 150, 163; текстъ VI, №№ 1, 2, 4, 5.

[3] Op. cit. I, 150, пр. 1.

[4] ١٣٢٧—٢٨ استانبول تورك درنكى I, 7—11, II, 41—45, IV, 105—110; всего вышло семь №№.

[5] مولانا سلطان ولد حضرتلرينك توركجه شعرلرى.

вѣрилъ у М. Веледа-челеби и что этотъ текстъ взятъ изъ «Дивана» Джелаль-ед-дина! (изъ письма ко мнѣ М. Фуадъ-бея отъ 10/23 Мая 1908 г.: «.....j'ai copié moi-même (Nedjib Acim) les pages mentionnées dont je garantis l'authenticité et l'exactitude. Pourtant ces manuscrits n'étaient de même que des copies tirées sur le «Diwan-i Kébir» de Mevlana Jélaleddin....»). Такимъ образомъ, возвращаясь къ тексту, надо отмѣтить, что стихи 1—19 взяты изъ «Дивана» Джелаль-ед-дина, 20—97 и 98—115 — газели Султана Веледа и 116—187 месневи изъ ابتدا نامه его же.

Какъ видно далѣе, стихи не полностью турецкіе, а то, что называется ملمع «мулемма», т. е. пестрые, потому что есть персидскія вставки (6, 7, 8, 2 и др.), полустишія (3, 2, 8, 1 и др.) и даже цѣлые стихи (4, 5 и др.). При изданіи нашего Сборника я всецѣло руководствовался точкой зрѣнія проф. В. Д. Смирнова[1] и точно, буква въ букву, знакъ въ знакъ, воспроизводилъ свою копію. Нужно оговориться, что при сличеніи съ текстомъ у Гибба или въ «Тюркъ-Дернеки» выясняется подозрительность огласовки моей копіи; болѣе чѣмъ вѣроятно, переписчикъ Неджибъ Асимъ-бей самъ ее проставилъ (у М. Веледа и Гибба ея совершенно нѣтъ) по доброй привычкѣ турецкихъ «ученыхъ» для «исправленія»[2]. Благодаря буквальному воспроизведенію иногда получаются такія, съ перваго взгляда, нелѣности, какъ заголовокъ — اشعار تركيهٔ سلطان ولد قدّس الله سرّه надъ отрывкомъ, писанномъ при жизни автора, что, разумѣется, принадлежитъ тому же опять таки переписчику. Впрочемъ, малѣйшая разница въ начертаніи или варіанты текста у Гибба или въ «Тюркъ-Дернеки» сравнительно съ моимъ всякій разъ тщательно указываются въ сноскахъ.

На содержаніи этихъ отрывковъ особенно долго останавливаться не приходится; это обычныя въ подобныхъ произведеніяхъ мистико-дидактическія темы, которыми полны творенія Джелаль-ед-дина (Месневи-и-Маневи), Веледа (Ребабъ-Намэ) и ихъ послѣдователей; объ этомъ писаны томы въ восточной и европейской литературахъ. Гораздо любопытнѣе наша рукопись съ точки зрѣнія текста. Во-первыхъ, ясно выступаетъ то, о чемъ уже было говорено выше, а именно неустойчивость, нетвердость правописанія авторовъ, вполнѣ понятная при ихъ попыткѣ писать на языкѣ турецкомъ, имъ слабо извѣстномъ, какъ они сами признаются (напр., 12, 107, 185—187). Но кромѣ того, и что главное, въ нашемъ текстѣ, сверхъ

[1] В. Смирновъ. Кучибей Гёмюрджинскій и другіе османскіе писатели XVII вѣка о причинахъ упадка Турціи. СПБ. 1873, стр. 54 и слѣд.

[2] Срв. Смирновъ. Кучибей, ibid. и его-же Calepinus, стр. 26.

упомянутыхъ индивидуальностей авторовъ, сохранилось очень много весьма характерныхъ слѣдовъ старо-османскаго языка, къ чему мы и переходимъ. При перечисленіи особенностей орѳографіи и архаизмовъ принятъ порядокъ, дважды уже установленный проф. В. Д. Смирновымъ[1].

Плеоназмъ ا, و, ى: قرنلار — قوردلر 2, دالو — دلى 22, كيدور — كى‌در 1, سنون 10, 12, مينوم 9, 11, بير — بر 8, الينكده 10, بيندن 27 и т. п.

Пропускъ тѣхъ же буквъ: قنم — قانم 9, يزرمين 10, 13, قلسن — قالسن 14, اغلن — اوغلان 17, يلدا — يولده 1, طت — طوت 2, چبانى 2, كن 2, 18, 20, 22, اقجلر — اوقچلر 19, كزلرى — كوزلرى 19, ال — اول 19, اشت 2, اچرسن 9, كت 11, ور 20, 21, بلسن 22, 23 и т. п.

Элифъ вмѣсто ه: يلدا 1, قرا 2, كلما 18, نا 19, بلا 21 и др.

Въ серединѣ словъ фатха вмѣсто ه или ا: آغلَيوم اوتورَوم ورَوم 29 и др.

Троеточіе надъ сагыр-нуномъ تكرى и تنكرى 20—29, قاتكده 12, كلكيز 14 и др.

Сліяніе нѣсколькихъ словъ въ начертаніи: كيدور 1, نيرسه 19, ايكاى 28, تماشاچون 66.

Тенвинъ кесра вмѣсто دك: اولدٍ 118.

Замѣна د вмѣсто ط или ت и обратно: قرنلار 2, تيلرمين 8, دتسن 24, يتّى 88, 90, 91, دتّى 93, 96 и т. п.

ز вмѣсто س и обратно: اوسنكى 22, كندزنكا 23, كندزنكى 23 и др.

خ вмѣсто ق и обратно: بلدخ 187, بيراخ 153, داقى 62.

Неустойчивость غ и خ: دخدن 67.

بكى и даже بيكى вмѣсто كبى: 18, 22, 32, 42, 85 и др.

Прилагательныя на لق и لك: درلك 15 и т. п.

Дѣепричастная форма на بن: قويبن 139, ارليوبن 153, سوينبن 157.

Составное повелительное на غل и كل: قوغل 22, 23, اوينه‌غل 22, باقمغل 23, كلكل 17, 18, دوكوركل 22 и др.

Архаическія мѣстоименія: ابرُق 27, كندز 129, 171, اولرى 48.

Образованія на ن—كچكنن 17, دغدنن 17 и послѣлогъ دكن—چلابدكن 132.

Старинныя слова или начертанія: يلغز 6, 12, چغر 12, تيش 12, قمو 15, قميا 33, چاب и چلاب и даже چلبى 15, 16, 132, اوچماق 26, طامو 26, ايجى 27, قايو 30, 68, سوجو 31, شار 47, سو 46, 47 и др.

---

[1] Calepinus, примѣч. къ стр. 28—31 и его же, Древнѣйшая датированная турецкая рукопись XIV вѣка. Зап. Вост. Отд., т. XXII, вып. I—II, стр. 116—124.

Разумѣется, при наличности лишь единственной рукописи, писанной къ тому же непонимавшимъ переписчикомъ, какъ изданіе текста, такъ и переводъ, весьма вѣроятно, оставляютъ желать лучшаго.

Текстъ.

(G. = Gibb, VI, №№ 1, 2, 4, 5; T. = Тюркъ-Дернеки, I, 7—11, II, 41—45, IV, 105—110).

اشعار ترکیه جناب مولانا 1b

قدّس الله سرّه

اکر کیدور قَرنداش یوقسا[1] باوز[2] اوزُن یُلدا سنکا بو دُر قلاوُز[3]
چُبانی بَرك طُت قُرتلار اُکشدُر اِشت بَندَن قَرا قوزُم قرا قوز[4]
اکر طَاطْسَن[5] و کر رومسَن و کر تُرك زبان بیزبانانرا[6] بَیاموز
چو اسماعیل قربان شو درین عشق که شب قربان شود پیوسته در روز
خش آن شیر شیران نورِ معنیست پنیری شد بحرف از حاجت یوز

*

وله

دانی که من زعالم یَلغُز سَنی سَورمین[7] کر در برم نیایی اندر غمت اُلَرمین[8]
من یار با وفایم بر من جفا قِلرسن کر تو زمن نپرسی من خود سنی صُرَرمین
روی چو ماه داری من ساده دل آزانم زان شکّر لبانت بیر اُپکینن[9] تیلرمین
2a تو همچو شیر مستی مینوم قنِم اچَرسن من چون سکان کویت دنبال تو کزرمین
فرمای غمزه اترا تا خون من نریزد ور نه سنون الینکده مین برغو[10] یزرمین
هر دم بخشم کویی بارکت مینوم قاتمدین[11] من روی سخت کرده نزدیك تو کلرمین

---

[1] T. يقسا. [2] G. باووز. [3] G. — اوزون يولده بو در سكا قلووز. [4] G. ...چوبانى برك طوت قورتلر اوكشدر * ايشيت... [5] G. طاتسك. [6] T. بى زبانانرا. [7] G. ....يالغوز سينى سيورمين. [8] G. اولرمين. [9] T. اپكينه. [10] T. يزغو. [11] T. قتمدين.

روزی نشستۀ خواهم یُلْغُزْ سنون قاتُکده[1]   هم مین چِغِر اِچَرمین هم مین تیش بِلَرمین[2]
ماهی چو شمس تبریز غیبت نمود و گفتا   از من دکر مپرسید من سویلدم یُزْرمین

*

وله

کَلْسَنْ بَنْدہ سَکا یِكْ غَرَضم بوق[3] اشیدورسین   قَلسَن انده بُوز دُرْ کلکینز[4] قنده قلُرسن
چلبی دُر قَمو درلك چلبا کل نه کزرسن   چلبی قُلْلُرن استر چلبیٔ نه صنُرسن
نه آغُزْدُر نه آغزدر چلب آغزندن چیقارمق[5]   قولُغُنُك اَچ قولُغُنُك آچ بِلَه کِم آنده دَکرسِن

*

وله

کَچْکِنَنْ اُغْلَنْ هی بزه کَلْکِلْ   دَغْدَنِن دَغْدَنْ هی بزه کَلْکِلْ
آی بکی سنسین کن بکی سنسین   بیمزه کلما بامزه کلکل

*

وله

اُقجِلَر در کزلری خوش نا اُل قشلری   اُلدُرُر نیرسه اری کِمدر اُل آلپ ارسلان

اشعار متفرقه 2b

غزلیات

تکریچون کل بنکا کم آنکِسِن تنکریی   ور بو جهانی بو کُن کم آلِسِن تنکریی
باش نه اُلور بو بُلا ور طاورن سن بِلا   باش سوز جان کوزن آچ کم کورسِن تنکریی[6]

---

[1] T. سنك قتكده.

[2] G. روزی نشسته خواهم یالغوز سینونك قاتونکده
هم مین چاغیر ایچرمین هم مین قابیس بیلیرمین

[3] T. بیق.   [4] T. کلکین.   [5] ? چیقارسن.

[6] G. تنکری ایچون کل بکا کیم آنکاسین تانکرىیی
ویر بو جهانی بو کون کیم آلەسین تانکرىیی
باش نه اولور بو یوله ویر طوارك سن بیله
باش سوز جان کوزك آچ کیم کورەسین تانکرىیی

اوسُنكى قوغل بوكُن بيله دمكوركل[1] دوكن　　دالو بِگى اوبنهغِل كم بلَسن تنكريى
كَندُزنكا باقمَغل كَندُزنكى سن قوغل　　كَندُزنكى باوقيل كم بلِسن تنكريى
كوكه آغاسن جانُم كر الَسن سَنْ بَنُم　　آچ النكى وبر مالُنك كِم دُتَسن تنكريى[2]
قيمتك آرتُق اولا اى سنكا يُسْتُقْ الا　　سَوَه سنى كوك و بير كر سَوَهسِنْ تنكريى
شيخ آچرسا كوزنك اوچاق اولا اوروزنك　　طاموده كوينه اوزنك كر قيلسِنْ تنكريى
كورمَيَسن سَنْ جانى بيلمَيَسِنْ جان قانى　　بيندن[3] ايرق اى ايچى[4] كر صانَسن تنكريى
نيچه ولَدْ خَلقِچَنْ بير قاچ عاصى ايچِنْ　　بيل اون ايكاى آغْلَيُبْ يالوارَسِن تنكريى

*

وله

هم سَنْ كُرَسِنْ بينى آلَدن ورَوُم بير كُن　　بولده اوتورَوم جان سوزقان آغلَيوُم بير كُن
كر اولمَيَسن يانُم تندن چيقار تيزجانوم　　بو قايو بنى دوتا آنكسز الوم بير كُن
سوجو ايچوُم سوجو دالو اولوُم دالو　　نم وار ورَوُم يبلا سينى دوتوم بير كُن
سينى تشه سَاوروم بوز جان بگى ديلروم　　اوله كه قولى كالا سينُن اولوم بير كُن
دُودُورَوم وآغلَروم اوتورورم اينكلرَوم　　ايله قميا تنكرى هم[5] بَنْ كولوُم بير كُن
كزلر سينى كورُرسا عالم سينى بيلورسا　　آلوم دَكيجك سانى بَنْ كزلَيوُم بير كُن
ولَدْ بوزنلى كوردى كالدى قاپونكا دوردى　　آيتى كه كله اول كم سنى اوپوُم بير كُن

*

وله

اَى آى وكُنَش قولُن آلدِن جانمى بو كُن　　كر بير باقِسن بانكا اَكسُك نه اوله سَندَن
اول آى يوزونكى كوردُم كاور كُزُنكا سوردُم　　آيتم نه چقاررسَنْ بر كَزدا بنى ديندن

---

1 ? دوكوركل.

2 G. كوكه آغاسين جانوم كر اولهسين سنبنوم
آچ الوكى وير مالوك كيم دوتهسين تانكرىيى

3 ? بيندن.　　4 ? ايچى.　　5 ? كم.

سَن بَیسِنْ وبَنْ بوقسُل سَنْ بَکْسِنْ وبَنْ بِرقُل　　تنکْریچون بر یالان دیغِل که سَنُن‌وم بَنْ
بیندن یوقومی قایتن واردن یالوار یاتنُنْ　　آیتغل نه بلا در بو عشقك نه دِلَر بیندن
کر سَنْ دیلَمْزَسَنْ کِمْ بینی دَلو ایداسِن　　اول آی بوزلا کُندوز طامده نیته کازَرسِنْ
یاشاسِنْ ای جانُم آیتغل نه دیلَرْ کُونکْلُن　　کم دُر که سکا ایده بو بَخْشی واول یامَنْ

*

وله

بو جهاندن کِم چیقرسا بزی اول بِلا که نَاوُز　　بُولُمُزَه کم کیرُرسا بیله قُش بگی آچاوُز
بیله اَلِمز دُتاوُز بو آغِر بولی کساوُز　　کِشینُنْ که کوزی کورمز دوتاوز کوزن آچاوُز
بیری قویِنْ کیداوز بواشکلری قویاوُز　　عیسینُنْ بولُنْ دوتاوُز بوقاری کوکه آغاوُز
یولموزی کم اودُرسا ایلیبوموزه دورُرسا　　دوداوز چالش قلاوز دارتورُر قلج اوراوُز
3b قرانکو سوسی که دورُر یولوزده بیزی اورُر　　دوراوز نورُنك سوسیلا قرنکو سوسِ سیاوُز
قرنکو سوسِ سیاوز سُومزله خوش وَراوز　　قرنکو ایله کیرُرکَنْ کویُن و شارن یقاوُز
اولرِی که بیز قراوز کیرو جانلرِنی وراوُز　　اول ایلی که بز یقاوُز کیرو آنی بیز یپاوُز
کیشی نُن که کوزی کورُر بزه جان وِرُرکن اَیدُر　　نه که بو یولا ویرەوز یوز آنُن بگی آلاوُز
یوری ای وَلَدْ که بوکُنْ سوجو تنکری دن آچاوُز　　چایر وچمن ایچنده آیمز یوزُن کوراوُز

*

وله

قارنُم آچ دُر قارنُم آچ دُر قارنُم آچ　　رحمت ایتغِل تنکری بانکا قاپو آچ
اوچمق آشندن دیلُرون بیر چناق　　نور خمیرندن ایکی اوچ بازلُماچ
رَحْمَتُن چوقدر دنکِزْ دُرْ ای چَلَب　　رَحْمَتُن اکسِلْمَیَاسن چوق ساچ
کر یازقلوون باغشله ای کریم　　قولنکا دوتمه قاتی بوکاز کاچ
سَن بویوردُن قولنکا کل بیر قارِشْ　　کم سنُن اچِنْ کلَمْ بن بیر قُلاچ
کِم سنی بیر بیلمَیَه جانلَرْ جانی　　اولدی کاوُر بوینده آسلدی خاچ

کِم سینی کوره وعاشق اولمیا　　آنی جانسِزْ بیل یا طاش دُر یا آغاج
سن کونَشسِنْ کوك تَخْتُنْ ای پاشا　　چایر و جومَنْ نورونْدن اولدی چاج
قاشلُرُن یادُر کوزون اوقلُرْ آتُرْ　　کونکلم اول اوقلر ایچُنْ اولدی آماج
اول نه قاشدُر اول نه کوز دُر جان آلُر　　اول نه بوی دُر اول نه یوز دُر اول نه ساج
ای وَلَدْ کزلو جهانده آز دُر　　کوزسوزه باقمه ایراقدن قاج قاج

*

وله

سنُنْ یوزُن کُنَش دُر یوقسه آیدُر　　جانُم آلدی کوزُن داقی نه آیدُر
بنم ایکی کوزُم بِلغِل جانُمسُن　　بینی جانسُزْ قیاسِن سَنْ بو کَیْدُر
کوزُمدَن چقمه کم بو او سنُنْ دُرْ　　بَنم کوزُم سنکا بخشی سرایدُرْ
نه اوُقدر بو نه اُق کِمْ دکدی سندن　　بنم بوبُم سنکویدی شمدی یایدُرْ
تماشاچُنْ بررگل کمْ کُراسِنْ　　نتا کوزُم یشی اِرماق و چیدُرْ
سنُنْ بویُن بو دَخْلن آغدی کچتی　　جهان امدی یوزُندَنْ باز ویَیدُرْ
بو کُن عشقِنْ اودُندن ایسّی آلدُق　　بیزه قایو دَکُل کر قار و قیدُرْ
بنکا هر کیجه سَنْدَنْ یوز بِنْ اِسّی　　بَنُمْ هَرْ کون اِشُمْ سندن قُلیدُرْ
وَلَدْ یُقسولدی سَنْسُزْ بو جهانده　　سینی بولدی بوکَزْدن بك و بیدُرْ

*

وله

دورُن کورُن بو کیجا نا یترسِز　　اولو دَوْلَت کورُندی نه دورُرسِز
آنی کِم کُنکُلُنُز ایدُر که قانی　　کونَش کیبی آنی بللو کورُرسِز
سیز آندن هم طویرسز هم آچَرْسِز　　سیز آندُن هم یانورسِز هم طورُرسِز
جهانی کِم کورُرسِز قامو اُلدُر　　اکر ایکی کورُرسِز سیز کورسِز
یبری کوکی نه وارسا اول یُرَتّی　　کزونوزی آچِن قندا وُرُرسِز

کِشی کَندو اَشِنْدن بللو اولرُ   کُرمَزسِز انی طشسز دَمُرسِز
4b اِلنده سِز انىك كورُنكْ نه ایدر   بِلُنْ آنـدَن نجا دُرلو اُلُرسِز
كورُن اسّونكزی كُودا ایچندا   كَجا یاوُ وَرُر كَنْدُن بَلُرسِز
وَلَدْ ایَدَرْ كه بَندَن كَی اِشِیدِن .   انـنكْیچُن سزبِلاسز كِم اُكُرسِز

*

وله

انی كِم بَنْ كورُرُوم سَنْ كورَاسِنْ   بَنُم حالُم نِته دُر كَیْ بُلاسِنْ
اكر طَشْسِنْ اكر دامور بونوردُن   طُلاسِنْ بَلِك كُلِیّ نور اولاسِنْ
ایكی عالَم اكر سانون اولورسه   قویاسِنْ عالَمی آنی دوتاسِنْ
اَرْنلَرْ كوكه آغدیلر بو یِردَن   اَرْنلَرلا بلا كوكا آغاسِنْ
طَهور دُر حق سُجوسی اوحماق ایچره   اَكَر طاهِرسِن آندُن سَنْ ایچاسِنْ
یاو قیل كندوزنكی دالو بیكی   كِم آنی كِم دیلرسِن سَن بُلاسِنْ
وَلَدْ سینی كونَشدَن بللو كوردی   نیجه آندن سرونكی كیزلیاسِنْ

*

وله

سنُن اوُن[1] بو كیجه نور دوتّی   آنْنكْیچُنْ[2] كِم ایچنده آی دوشتی[3]
قرانكو قالمیا[4] آنداكه بو ای   قرانكوبی نوریلا طاشره[5] یتّی
اَو آیدن طُلیجك بللو اولر[6]   كم اوغری اوده قلدی بوقسه كیتّی[7]
اَو ایدندن بو كیجه ایله طُلدی   كشی كودَن دَكلدی واردی یتّی
نه یاغمور دور كه یُغدی جان اوزرنا   كه جاندن بین كُلَف بین باغ یتّی
5a نه كُوهَر اُلدی بو بر طامله جانُم   كه یوز مین دَنْكز آنكا كردی باتّی

[1] G. سنون اوك. [2] G. آنونكچون كیم. [3] G. دوشدی. [4] G. قالمیه آنده.
[5] G. نوریله طشره. [6] G. اولور. [7] G. قالدی یاكه كیتدی.

بنکا سرمه یشه اسرك الرسن بونی کورسن نه سوجو بنی دتّی
عجابنبا قالروَن اول چلبدان ایکی جانّی نتابربرنه قتبی
اِکی یاقشلرنلدن بر سریدم قرا کوزنك بنکا نا اوقلر آتّی
بوراکمده نه طاتلو عشقن اودی بوراکم عود بیکی یاندی دتّی
وَلَدْ بازار ایتّی کندوبرلا سینی آلدی جها[1] وردی سَتّی

*

نسخهٔ اصلیه‌نك تاریخ تحریری فی ۲۲ ذی القعده سنه ۷۱۲ بید الفقیر الملقب بنور البخاری

5b و من انفاسه الشریفه

بقما بنابقمابنا بو کوزلا بو کوزلا جان کوزنی کرآچسن سَنْ نولا سَنْ نولا
کربنی سَنْ گی کرسن کندزنی بی کرسن نانه کم استرسن سانه کلا سانه کلا
تنکری بلکل دکز تنکری کرکل دکز ایتمه بنی کم تنکری قنده الا قنده الا
بندن اشیدور اندا کم جنواجان قتلا آغله آنی کم آندن بنده قلا بنده قلا
بن که آنا عاشقوم اسلویکن دالوم دالو بکی ارلروم ترللا ترللا
ال که بونلا سورر بونی دلر بونی کورر بندن وررسا آندا ال نه قلا آل نه قلا
کر کرمسسن قانی کرنلمسسن جانی استه آنی کم سینی آنده سلا آنده سلا
آندا یقین رحماندر بوندا یقین شیطاندر شیطان الندن قاچن آیدن لا حول ولا
قون سوس سز بوکن شیطن بشینی دوکن سد بکی وبل بکی قانون بلا بربرلا
ترکجه اکر بیلیدم برسزی بین ایدیدم طنجه اکر دیلر سزه کویم اسرار علا
کم ولدترن قرقمزسا کی کزلا بقمزسا تز کرسز کم بشنا کاله بلا کاله بلا

*

[1] جیهان ?

اَیْضًا

قَرَا قَشْلر قَرَا كُزْلَرْ جٰنَم آلدی جٰنَمُ آلدی — مسلمانلر نَدُر بوكم بٰنا كَلدی بٰنا كَلدی
مسلمانلر عاشق اُلْدم سجو اِشدم دلو اُلدم — دُكاله چاغرُن كوترو دوا[1] قلدی دوا قِلدی
سنی كُرْدُم سٰنًا كَلدُم الم دُتغِل اُوا دُشدم — اُسُم وٰردی دلو اُلدُم بَنی تنكری سٰناسٰلدی
6a سنی كُرْدُم كچاربدُن جٰنلرْ بولُن آچاربدُن — عاشقلاری سچاربدُن قلانُن بیلدُرُم چلدی
او كیچی سَنی سَاوَر سنی استر سُزُن سُیلَرْ — كُنَشْ كیبی بوزُن طوغی قمو عالَم نورُن طُلدی
خلایقلار جٰنی ساچِن بو دنیادَن برو قاچِن — كُزی آچِن كُزی آچِن كُرُن تنكری نَلَرْ قِلدی
وَلَدْ كلدی سِزا ایدُر نه اِسْتَرسز سزنلا دُر — كِم اُسلیسا بنی بِلْدی دنیز اُلدی كُهَر بُلدی

*

اشعار تركیۀ سلطان ولد 6b

قدّس الله سرّه

ابتدا نامه

بو حَدیثی بُیُرْدِ پیغامبر — قَنغی كیشی دِرلِكِن اِستَر
كنُدُزُنْدًا كَرَك كِم اول اولا — دِرلُكك مَعْنیسِن اولُپ بولا
اولمَدِنز[2] اُلُمكُ آغكُ گوكا — كِم سِزی آیِلا كُنَش اوكا
اول كِم اُلدی اُلُمسِز اُل قٰلدی — اُچمَقی بو جهانده نَقد آلدی
كِم اَجَلْسِزْ اُلُرسا اُل قالُر — اُچمَقی بو جهانده نَقد آلُر
كم اُلُرسا بو گُن دِری اولا — كم اُلُرسا بٰرین یٰوز اولا
دنیانُن دِرلِكی گچَر قٰلمز — تنكریدَن دریسه اُل اُلمز
كرتو[3] دِرلك اَجَلسِز اُلمكدُر — تنكری بوله[4] هَمیشه اُلمقدُر

---

[1] Sic! [2] ? اولمدذ. [3] ? كه بو. [4] ? برله.

بو جهان سَومَکِن کَمِشمَکدُر   عشق اودندن همیشه بِشمَکدُر
7a کندودن یاوزی کِدَرمقدُر   اُل کِم ایتمز بُنی نه ابرقدُر
اُلمَکِن معنیسی بو دُر کی بِل   نَفسِن اُلدُر کِم اُولِسن بِسمِل
کندزُندَن یوُزلِغی سُرغِل   نانادن که حقدُکل دُرغِل
صَرپ اشدُر بُنی اِدامَیسن   بالِنز بو بُلا کدامَیسِن
کندزنلا اِچی چقامَیَسِن   گُزسِز آل آی یُزا بقامَیسِن
اِیسته آنی که بولی وَرمشدُر   جانِنی حق نورینا قَرمِشدُر
کم سَنی اُل اُلو حقا دُکرا   قُرقلُو کُپرُدن سنی گچرا
صدق لا بَرك دُت آنن اَنکن   کم سَنی اِلته اُل چلابدَگن
دَکنی تز چقَر کُلَف دِکگِل   قَمو سینی قوغل بنا گلگِل
کم سنا اُل یُلا قُلاوُزِن   سن بَنم سودُم ایج کم اغوزِن
گُزلَرِن بَن آچم که گی گُرَسِن   دَکمَلردن نِچاِنچا سُرَسن
نه که وِر دُر جهانده بِلدُرُوَن   سنی حَقدَن تمام طُلدُرُوَن
آل بُنُردَن که خِضر سو اِچدی   دری اُلدی ونفسنی بچدی
بن سُنا ایچرم که قُرتُلَسِن   تَنکری بولُن آنُن گبی بُلسِن
بو یری قوبُبَن گُکا آغسِن   قرنو بیره نور گبی یغسِن
7b رَحمَتُنله دُنی کُن ایلَیَسن   قُدرَتُنلا کُنی دُن ایلَیَسن
نه که سن حُکم اِداسِن اولا اول   آز کَلَرسا سنا اولا اُل بول
اَتَکِن دُت کَسِلمه آندَن سن   کَندُزن گُرما ایتمَغِل سَن بَن
کَندُزنی اُنُت آنی بِلغِل   کَندُزن یاوقل آنی بُلغِل
کَندُزندَن جهانی گَر سُراسِن   بِن جِهانِ اُل جِهانده سن گُرَسِن
نه بِلُقلَر وِر اُل دَنگِز اِچرا   گَر سُنگا تنگری اُل سُدن اِچرا
دَنِز اِچرا بُلُقلَرن گُرَسِن   اُل بلِقلارِله بِلا دُرسِن

طُرُبَن آنده سن بلق الَسن   نه کم استارسَن بیق بلسن
المگی اول دنزده گرمیه سن   گره سن نا که ورسه سرمَیَه سن
انده سزلر یرنده گرمقدر   آنده کم گز گرا نه سرمقدر
آنده الَسز آغزسز اچمقدر   ال چمنده قنت سز اچمقدر
یمك اچمك بهشته نوردندر   خوش لغن اچمق اچرا حوردندر
تخمی اچمقن نماز الدی   یرلری اولری نیاز الدی
بیمش ویپراغ آنده سیلرلر   ارلبوبن درختده ایندرلر
ذکردن طغدی آنده غی قشلر   دکلی آنده یبلبوب قشلر
8a ذکر اچمقده قش الب اوچر   تحتنلو ال کشی که ذکر ایدر
کم اکرسه دلم دلم کترا   ال کم اکمز یرن ادا اترا
ال کم اکن بو کن یارن کترا   اچمق اچرا سویننبن اترا
دینن آرتر که سن دری قلسن   کفرن آرتره ات کبی الَسن
جانلرن جانی صدق وایماندر   کشی بو نورله مسلماندر
کشنن کم دکل قنی عشقی   قینمز در بنر کبی صدق
صدق صوبی کم آزدر قوریا   جوق دگل کم دنز کبی بریا[1]
مددی کر دکیدی اکسکسز   بریبد اولبد ببری دز
صدق باغی بتیدی کولندن   قرمایدی کوکی اولندن
کم مدد بلدی تنکریدن قلدی   قلجن نفسی بوینا چلدی
بجدی ال نفسنی که گاوردی   ورمدین تنکری یه بولن اوردی
تنکریدن ال دری که جان وردی   تنکری بولن ارانی طپ قردی
کم بونی اتی قرقدن کشتی   اچمقا گردی بل سجو اشتی
ال سجودن که تنکری نوریدر   سافیسی اچمق اچره حوریدر

---

[1] На поляхъ варіантъ: فرات کبی یریا.

گودادن چق که جانونی بُلْسِن　　جان گُزُن آچ که جانلِدن اُلْسِن
تَنکْری ایدَر اگر بگا کَلَسِن　　نه که کِکْلِك دلارِسا اُلْسِن
کندُزُنی قُغِل بَنی دُتغِل　　کندُزِن سَن اُنُت بَنی بُلغِل
8b کِم سَنُن بن اُلْم که تنکْرِوَن　　بِرِنا بِن قِلْم که تنکْرِوَن
قَنغی طَمَلَه که بو دَنیزه کلا　　کَندُدن قُرتُلا دَنیز اولا
اِلَرو اُل اِکیدی بر اُلدی　　طَمَلَه کم کندو دانزِن بِلدی
طَمَلَه کِم دانِزه طُرُب گَلمز　　قَیْنَبُبْ عشقدَن دَنِز اُلمز
کُنَش ویَل آنی بِیا بِلغِل　　یْشلغی پْرچه قْلمْیا بِلغِل
بِر دَخی یَل کبی آنی سورا　　دَنِز اُل طَمَلهٔ قْچن سورا
نه کِم قَلمَدی کِمی سُرهلَر　　یُق نَایی ایت نِتا گُرهلَر
شَهری کِم سن دُرُرسِن آندا وَر　　نا کِم اِستَر دِلَر سَن آندا وَر
کندُزُن بِل که تنکْریی بِلَسِن　　اُلمَیَاسِن اَبَد دِری قَلَسِن
تنگرِدَن سَن طُلو اِرَق بْقما　　سَندَن آبرو دَگُل قْپو قَقما [1]
تَن زجان زِنده است وجان ازوی　　اِسته جانُن اِچنده وُصلَت حَی
چَلَبُن قُدرَتی عَظیم چُقدُر　　اِکی عالم کَشِنده براُقدُر
دلَه صِغمَز آنُن سِرّی اودَم　　دُکَنَم آزله قناعت اِدَم
تُرك دِیلِن بِلُرسَیدِم بن　　سوزله بَللو کُستَرَیدِم بن
بِلدُرَیدِم خَلایقه سوزله　　گُرَلَردی یْرتْقنی گُزِله
طَتجه ایدَم نه کِم دِلَرسز سز　　بُلَسز کِمسهٔ که بُلْدُغ بز

*

[1] На поляхъ ممان اعمى.

تاریخ تحریر نسخهٔ اصلیه

تمام شد در دست بندهٔ ضعیف محتاج برحمت حق تعالی محمد بن اسحق بن ابراهیم اللارندی الولدی فی تاریخ اواخر جماذی الاخر سنه

سبع و تسعین و ستمائة ۶۹۷

Переводъ.

Турецкіе стихи Его Святѣйшества Господина нашего,

Да освятитъ Богъ могилу его!

Добръ ли братъ или строгъ,
На долгомъ пути онъ тебѣ руководитель.
Пастыря крѣпко держись, волки многочисленны.
Слушай меня, мой черный ягненокъ, черный ягненокъ!
Персъ[1] ли ты, грекъ[2], или турокъ,
Научись языку безсловесныхъ.
Подобно Исмаилу будь жертвой ради этой любви,
Какъ ночь бываетъ постоянно жертвой ради дня.
Молчи! это львиное молоко есть свѣтъ смысла;
При произнесеніи оно стало сыромъ изъ-за пантеры[3].

*

Знай, что на свѣтѣ только тебя я люблю;
Если къ груди моей не придешь ты, я буду грустить по тебѣ.
Я — вѣрный другъ, а ты вѣроломно со мной поступаешь;
Если ты меня не спрашиваешь, я самъ тебя спрошу.
У тебя луноподобный ликъ, я — наивный болтунъ.
Я хочу одного поцѣлуя сахарныхъ губъ твоихъ.

---

[1] Въ нашей рукописи слово «татъ» приходится переводить «персъ» (и у Gibb'a, op. cit. I, 150: «Persian»), ибо изъ трехъ главнѣйшихъ въ ту эпоху въ Коніи народовъ авторъ противопоставляетъ «тата» греку и турку; кромѣ того и Джелаль-ед-динъ, и его сынъ Веледъ, оба, переходя на персидскій, родной имъ, языкъ, заявляютъ, что будутъ говорить «по-татски», напр., нашъ текстъ, ст. 107 и 187.

[2] Это мѣсто одно изъ лучшихъ подтвержденій, что даже въ турецкой литературѣ того времени, не говоря уже про нынѣшній османскій языкъ, подъ словомъ «румъ» надо понимать «грекъ»; см. совершенно правильно у проф. Смирнова, Calepinus, стр. 53—58; Gibb, op. cit. I, 149, пр. 1.

[3] Въ этомъ стихѣ двойная игра словъ, трудно поддающаяся переводу.

Ты, какъ опьяненный левъ, кровь мою пьешь,
Я, какъ уличныя собаки, за хвостомъ твоимъ хожу.
Прикажи глазамъ своимъ: да не прольютъ моей крови!
Дай, что въ твоей рукѣ, я напишу подходящее.
Поминутно ты гнѣвно говоришь: ступай, уйди отъ меня!
Я же, съ печальнымъ лицомъ, къ тебѣ прихожу.
Однажды я сяду одинъ-нá-одинъ возлѣ тебя
И вино выпью, и языку научусь.
Луна, подобная «Солнцу Тавриза»[1], скрылась, сказавъ:
Кромѣ меня другого не спрашивайте, я сказалъ: напишу!

*

Приди, у меня нѣтъ къ тебѣ гнѣва, ты слышишь?
Останься; тамъ врагъ; приди; гдѣ ты останешься?
Господь есть все живое; приди ко Господу, что ты бродишь?
Господь требуетъ рабовъ, что ты раздумываешь о Господѣ?[2]
Что есть уста? Что есть уста, извлечешь изъ устъ Божіихъ.
Отверзи ухо твое, отверзи ухо твое, можетъ быть тогда проникнешься.

*

Эй, малюсенькій юноша, приди къ намъ!
Эй! Распѣвая[3] приди къ намъ!
Ты подобенъ лунѣ, ты подобенъ солнцу;
Безъ сладостей не приходи, приди со сластями.

*

Глаза стрѣлковъ зорки; тѣхъ птицъ
Или какого человѣка кто убьетъ, кто тотъ Алпъ-Арсланъ (храбрый левъ)?

Разные стихи.

Газели.

Ради Бога приди ко мнѣ, чтобы понять Бога.
Отдай сегодня міръ сей, чтобы получить Бога.

---

[1] См. выше.
[2] Въ этомъ стихѣ چلب «чалабъ» Господь имѣетъ также форму چلبی «челеби»!
[3] Здѣсь ترنمه = دغدنن دغدن, звукоподражаніе «тра-ля-ля».

Что такое голова? отдай-ка свои стада на путь сей.
Безголовая душа, открой свои глаза, чтобы узрѣть Бога.
Оставь сегодня свой умъ, даже брось, откинь;
Играй, какъ блаженный, чтобы познать Бога.
Не смотри на себя, оставь самого себя,
Утрать самого себя, чтобы познать Бога.
Вознесись на небо, дорогой мой, если ты мой;
Раскрой руку свою, отдай имущество свое, чтобы воспріять Бога.
Цѣнность твоя увеличится, луна тебѣ будетъ подушкой,
Небо и земля возлюбятъ тебя, если ты возлюбишь Бога.
Если шейхъ откроетъ глаза твои, рай будетъ удѣлъ твой;
Въ аду будешь ты, если оставишь Бога.
Если не увидишь ты души, не узнаешь ты гдѣ душа;
Отдѣлись отъ меня, человѣкъ, если думаешь о Богѣ.
Зачѣмъ, о Веледъ, за людей, за столькихъ грѣшниковъ,
Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году со слезами умоляешь ты Бога?

*

Все, какъ ты меня видишь, я роздамъ однажды;
На дорогѣ присяду, безъ души кровью заплачу однажды.
Если ты не будешь возлѣ меня, душа моя быстро выйдетъ изъ тѣла;
Эта буря схватитъ меня, безвременно я умру однажды.
Виномъ упьюсь, виномъ; блаженнымъ буду, блаженнымъ.
Все, что мое, отдамъ на вѣтеръ, тебя обхвачу однажды.
Я выставлю тебя наружу, какъ сто душъ пожелаю.
Пусть рабъ его придетъ, твоимъ я буду однажды.
Я возьму и зарыдаю, сяду застенаю;
Сдѣлай, Боже, всѣмъ такъ, чтобъ засмѣялся я однажды.
Если глаза увидятъ тебя, если міръ познаетъ тебя,
Коснувшись, возьму я тебя и спрячу однажды.
Веледъ лице твое увидѣлъ, пришелъ, у дверей сталъ,
Сказалъ: да придетъ то, чтобы я поцѣловалъ тебя однажды.

*

Эй, луна-солнце, сегодня рукой схватилъ ты душу мою;
Если ты разъ посмотришь на меня, какой тебѣ ущербъ?
Увидѣлъ я ликъ того мѣсяца, «нечестивецъ!» бросилъ я ему въ глаза
И сказалъ: какъ ты отвлечешь меня хоть разъ отъ вѣры?
Ты — богачъ, а я — бѣднякъ, ты — господинъ, а я — рабъ;
Ради Бога, скажи что-нибудь лживое, вѣдь я — твой.

Ты отогналъ мой сонъ отъ меня и ушелъ; умоляю — прилягъ!
Скажи: что за напасть эта твоя любовь, чего ты хочешь отъ меня?
Если ты не хочешь сдѣлать меня блаженнымъ,
Съ такимъ лицомъ луны зачѣмъ гуляешь ты днемъ на крышѣ?
Живи, душа моя, скажи: чего хочетъ твое сердце?
Кто тотъ, кто причинитъ тебѣ это добро и то зло?

*

Если кто уходитъ изъ этого міра, пусть знаетъ насъ, кто мы!
Если кто на путь нашъ вступитъ, пусть знаетъ, что мы летаемъ какъ птицы.
Пусть знаетъ: мы возьмемся за руки и преодолѣемъ этотъ тяжелый путь.
Чьи глаза не видятъ, возьмемъ и откроемъ его глаза.
Покинувъ землю, уйдемъ, оставимъ этихъ ословъ.
Возьмемъ путь Іисуса, поднимемся кверху на небо.
Если кто на пути нашемъ сядетъ или передъ нами станетъ,
Схватимъ, побьемъ; будетъ тѣснить — мечемъ ударимъ.
Темное его войско, что станетъ на нашемъ пути и ударитъ на насъ, —
Постоимъ, свѣтлымъ войскомъ разсѣимъ его темное войско.
Разсѣимъ нашимъ войскомъ его темное войско и благополучно двинемся;
Вступая въ страну мрака, сожжемъ ея селенія и города.
Дома, что разрушимъ, снова населимъ.
Ту страну, что сожжемъ, снова возсоздадимъ.
Человѣкъ, глаза котораго видятъ, отдавая душу намъ, скажетъ:
То, что мы отдадимъ на путь сей, получимъ стократно.
Странствуй, о Веледъ, потому что сегодня Божіе вино мы выпьемъ,
Въ поляхъ и лугахъ увидимъ ликъ нашей луны.

*

Алчетъ утроба моя, алчетъ утроба моя, алчетъ утроба моя;
Окажи мнѣ милость, Боже, отверзи врата.
Изъ пищи рая желаю я одну миску
Изъ тѣста свѣта два-три базламача[1].
О, Боже! милость твоя велика, она — море.
Не уменьшай милость Твою, въ изобиліи разсѣивай!
Если я грѣшенъ, прости, о Милосердный!
Не карай строго раба Твоего, на сей разъ прости!

---

[1] Тонкій слоеный пирожокъ изъ муки, масла и меду.

Ты повелѣлъ рабу Твоему: приди на вершокъ!
Я, ради Тебя, приду на сажень.
Кто не пойметъ духовно Тебя,
Сдѣлался нечестивцемъ (гяуромъ), повѣсилъ крестъ на шею свою.
Кто увидитъ тебя и не полюбитъ,
Считай его бездушнымъ, что камень или дерево.
Ты — солнце, тронъ твой — небо, о повелитель!
Поля и долины озарены свѣтомъ твоимъ.
Брови твои — лукъ, очи твои мечутъ стрѣлы;
Сердце мое было цѣлью для тѣхъ стрѣлъ.
Что за бровь! что за глазъ! душу захватываетъ!
Что за станъ! что за ликъ! что за волосы!
О, Веледъ! Зрячихъ на свѣтѣ мало;
На безглазыхъ не смотри, издалека убѣгай, убѣгай!

*

Лицо твое — солнце или луна.
Твой глазъ похитилъ душу мою, а что-же луна?
Знай, оба глаза мои — ты, мой дорогой.
Меня безъ души оставишь ты, это хорошо!
Не выходи изъ глаза моего, это твой домъ.
Мой глазъ тебѣ прекрасный дворецъ.
Что за стрѣла, что за стрѣла вылетѣла отъ тебя?
Мой станъ былъ копье, теперь онъ лукъ (т. е. согнулся).
Приходи погулять въ одиночествѣ и увидишь,
Что слезы глазъ моихъ рѣка и потокъ.
Станъ твой изъ этой горы поднялся, исчезъ;
Міръ теперь отъ лица твоего — лѣто и зной.
Сегодня огнемъ любви мы согрѣлись;
Нѣтъ для насъ бури, хотя и снѣгъ, и вьюга.
Каждую ночь мнѣ отъ тебя сто тысячъ градусовъ тепла,
Каждый день изъ-за тебя дѣло мое легче.
Веледъ безъ тебя на семъ свѣтѣ былъ бѣднякъ;
Нашелъ онъ тебя и сразу онъ и князь, и богачъ.

*

Стойте, глядите, чего лежите сегодня ночью?
Великое государство (власть) появилось, что стоите?
Сердце ваше назоветъ его сильнымъ,
Подобно солнцу блестящимъ его вы увидите.

Благодаря ему вы сыты и напоены,
Благодаря ему лежите или стоите.
Все, какъ видите міръ, все — онъ;
Если двухъ (такихъ) увидите, то вы слѣпы.
Землю, небо, все, что есть, онъ создалъ;
Откройте глаза свои, куда идете?
Человѣка можно узнать по его дѣламъ
Вы не видите его, вы — камень, вы — желѣзо!
Вы въ рукѣ его; созерцайте, что онъ дѣлаетъ;
Узнайте отъ него, сколь вы различны.
Созерцайте теплоту свою внутри организма;
Сами знаете, она уйдетъ, исчезнетъ.
Веледъ говоритъ: хорошенько слушайте меня,
Чтобы узнать, какъ исправиться.

*

Гляди на того, на кого я гляжу;
Положеніе мое, какъ оно есть, найдешь прекраснымъ.
Хоть ты камень или желѣзо, этимъ свѣтомъ
Преисполнись, можетъ быть заблестишь.
Если у тебя два міра,
Оставь міръ, держись его.
Святые вознеслись на небо съ этой земли,
Вмѣстѣ со святыми вознесись на небо.
Чисто Божіе вино въ раю;
Если ты чистъ, выпей его.
Утрать самого себя, какъ блаженный,
Чтобы найти того, къ кому стремишься.
Веледъ видѣлъ тебя ярче солнца;
Зачѣмъ прячешь отъ него свои тайны?

*

Домъ твой сегодня ночью свѣтомъ наполнился,
Потому что внутрь его луна проникла.
Не останется тамъ мрака, такъ какъ эта луна
Мракъ свѣтомъ вонъ выгонитъ.
Когда домъ свѣтомъ наполненъ, можно узнать,
Воръ остался въ домѣ или ушелъ.
Сегодня ночью домъ свѣтомъ наполнился,
Коснулся тѣла человѣка, ушелъ, исчезъ.

Что за дождь пролился на душу,
Что изъ души произросли тысячи розъ и садовъ?
Дорогой мой, что за жемчужина была эта капля,
Что сто тысячъ морей въ нее вошло и поглотилось?
Меня не спрашивай, живи, Богъ тебя храни!
Гляди на то, что за вино меня наполнило.
Странно! Какъ я отдѣлюсь отъ того Бога,
(Когда) двѣ душеньки такъ воедино слились?
Одну изъ двухъ соединившихся спросилъ бы я:
Что за стрѣлы пустили въ меня твои черные глаза?
Въ сердцѣ моемъ какое сладкое пламя любви!
Сердце мое, подобно алоэ, запылало, преисполнилось.
Веледъ самъ съ собой торговался;
Тебя купилъ, міръ отдалъ, продалъ.

*

Дата написанія копіи съ подлинника 22 Зилькадэ 712 года рукою бѣдняка по прозвищу Нуръ-эль-Бухари.

Изъ его святыхъ вдохновеній.

Не смотри на меня, не смотри на меня такими глазами, такими глазами;
Если глаза души ты откроешь, что будетъ съ тобой, что будетъ съ тобой?
Если ты меня увидишь добрымъ, самого себя увидишь богатымъ;
То, чего ты хочешь, придетъ къ тебѣ, придетъ къ тебѣ.
Скажите: Бога познай! скажите: Бога достигни!
Не говори: гдѣ Богъ? гдѣ Онъ?
Внимай мнѣ, чтобы душа съ душою слиться;
Плачь о томъ, чтобы онъ здѣсь остался, здѣсь остался.
Я, влюбленный въ него, будучи умнымъ, блажененъ;
Какъ блаженный пою: тра-ля-ля! тра-ля-ля!
Тотъ, кто съ нимъ веселится, его желаетъ, на него глядитъ,
Если онъ уйдетъ отъ него, что тотъ будетъ тамъ дѣлать, что тотъ будетъ дѣлать?
Если ты не можешь видѣть куда, и не можешь понять,
Желай, чтобы онъ тебя туда послалъ, туда послалъ.
Тамъ близокъ Милосердный, здѣсь близокъ дьяволъ;

Изъ рукъ дьявола бѣгите и скажите: «нѣтъ ни мощи (ни силы, кромѣ какъ съ Богомъ!»)[1].
Молчите сегодня, ударьте дьявола по головѣ;
Какъ молоко и медъ вмѣстѣ смѣшайтесь.
Знай я по-турецки, сказалъ бы я нѣкое слово;
По-персидски[2], если угодно, скажу я вамъ высокія истины.
Если кто не боится большаго, чѣмъ Веледъ, если кто не смотритъ добрыми глазами, —
Зорко глядите: придетъ на его голову бѣда, придетъ бѣда!

*

Черные брови, черные глаза взяли душу мою, взяли душу мою.
Мусульмане — тѣ, кто ко мнѣ пришелъ, ко мнѣ пришелъ.
Я любилъ мусульманъ, вина выпилъ, блаженнымъ сталъ.
Онъ, выливъ все вино, молитву сотворилъ, молитву сотворилъ.
Я увидѣлъ тебя, пришелъ къ тебѣ; держи руку мою, я въ добычу попался.
Былъ у меня разумъ, я сталъ блаженнымъ; меня Богъ къ тебѣ послалъ.
Я увидѣлъ тебя: ты прошелъ, открылъ путь душамъ,
Любовниковъ отдѣлилъ; остальныхъ молнія ударила.
Тотъ человѣкъ тебя любитъ, тебя желаетъ, говоритъ (слѣдующія) слова:
Дискъ лица твоего, подобно солнцу, весь міръ свѣтомъ наполнилъ.
О, люди! разсѣйте души, уйдите изъ этого міра,
Откройте глаза, откройте глаза, поглядите, какими васъ сотворилъ Богъ!
Веледъ пришелъ, вамъ говоритъ: чего вы хотите? онъ съ вами!
Если кто уменъ, меня узналъ, моремъ сталъ, жемчужину нашелъ.

*

Турецкіе стихи Султана Веледа.

Да освятитъ Богъ могилу его!

Книга начала.

Сей хадисъ повелѣлъ пророкъ.
Какой человѣкъ жизни желаетъ

---

[1] Въ стихѣ стоитъ начало لا حول و لا обычнаго изреченія لَا حَوْلَ وَلَا قُوَّةَ إِلَّا بِاللّٰهِ; послѣ وَ это — стихъ изъ Корана (сура XVIII, ст. 37).

[2] См. выше, пер. пр. ст. 3.

Необходимо, чтобы въ себѣ самомъ онъ умеръ;
Умерши, онъ найдетъ смыслъ жизни.
Вы не умерли смертью, поднимитесь на небо,
Чтобы васъ луна и солнце восхвалили.
Кто безъ смерти былъ, тотъ остался;
Въ этомъ мірѣ рай въ награду получилъ.
Кто безъ смерти если умретъ, тотъ останется;
Въ этомъ мірѣ рай въ награду получитъ.
Если кто умретъ сегодня, живъ будетъ;
Если кто умретъ завтра, врагъ будетъ.
Жизнь міра сего пройдетъ, не останется;
Кто Богомъ живъ, тотъ не умретъ.
Эта жизнь безъ смерти есть смерть,
Вѣчное бытіе съ Богомъ;
Любовь къ міру сему есть страданіе,
Вѣчное горѣніе огнемъ любви,
Изгоняніе врага изъ самого себя;
Кто этого не дѣлаетъ, какъ далекъ онъ!
Сіе есть смыслъ смерти, знай хорошо!
Убей духъ свой, чтобы онъ былъ задушенъ.
Спрашивай строго съ самого себя;
Удерживайся отъ всего того, что не есть истина.
Это дѣло трудное; если не выполнишь его,
На путь сей одинъ не пойдешь.
Если самъ отъ себя не откажешься,
Безъ глазъ въ лицо той луны не поглядишь.
Желай того, кто путь указалъ,
Кто душу свою къ свѣту истины пріобщилъ;
Чтобы онъ тебя къ той великой истинѣ привелъ,
Отъ страшнаго моста тебя отвелъ;
Съ преданностью крѣпко держись его подола,
Дабы онъ довелъ тебя вплоть до того Бога.
Быстро выдерни шипъ, розу посади.
Всего себя оставь, ко мнѣ приди.
Кто тебѣ наставникъ на тотъ путь?
Мое молоко пей! Кто твой ротъ?
Я открою глаза твои, чтобы ты видѣлъ хорошо;
Зачѣмъ, зачѣмъ ты спрашиваешь о пустякахъ?
Всему, что есть на свѣтѣ, научивъ,

И истиной тебя совершенно наполнивъ,
Изъ того источника, что Хызръ пилъ воду,
Которая была живая и душу его опалила,
Я напою тебя, дабы ты спасся
И нашелъ, подобно ему (Хызру), путь Божій;
Оставивъ эту землю, ты на небо поднимешься,
Темную землю, какъ свѣтъ, опалишь.
Его милостію ночь днемъ сдѣлаешь,
Его могуществомъ день ночью сдѣлаешь.
Что ты порѣшишь, то и будетъ;
Если малое придетъ къ тебѣ, станетъ оно обильнымъ.
Держись подола его, не отрывайся отъ него,
Не гляди на себя, не говори: ты-я.
Забудь о себѣ, его знай;
Утрать себя, его найди.
Если спросишь себя о (томъ) мірѣ,
Тысячу міровъ въ томъ мірѣ увидишь.
Что за рыбы есть въ томъ морѣ!
Если Богъ напоитъ тебя той водой,
Ты увидишь въ морѣ рыбъ;
Вмѣстѣ съ тѣми рыбами будешь;
Тамъ находясь, самъ рыбой станешь;
Все, чего захочешь, въ изобиліи найдешь.
Смерти въ томъ морѣ не увидишь;
Не спрашивая, увидишь все, что есть.
Тамъ вмѣсто словъ есть зрѣніе;
Чего спрашивать тамъ, гдѣ глазъ видитъ?
Тамъ пьютъ безъ рукъ, безъ рта;
На тамошнемъ лугу летаютъ безъ крыльевъ.
Пища и питье — райскій свѣтъ;
Ѣдятъ среди райскаго блаженства.
Суть рая молитва была;
Мѣстности и жилища — наслажденіе.
Плоды и листья говорятъ тамъ;
Распѣвая на деревѣ, наслаждаются.
Тамошнія птицы изъ зикра родились.
Тамъ зимы бываютъ, какъ лѣто.
Зикръ въ раю птицей летаетъ;
Счастливъ тотъ человѣкъ, кто зикръ совершаетъ.

Если кто сѣетъ, много соберетъ;
Тотъ, кто не сѣетъ, завтра въ огонь попадетъ.
Тотъ, кто сѣетъ сегодня, завтра соберетъ;
Среди рая, наслаждаясь, усядется.
Увеличь вѣру свою, чтобы живымъ остаться;
Не увеличивай невѣрія; подобно собакѣ будешь.
Душа души есть истина и проникновеніе вѣрой;
Человѣкъ съ такимъ блескомъ — мусульманинъ.
У кого не сильна любовь (къ Богу),
Истина его не брызжетъ, какъ фонтанъ.
Если мало воды истины — засохнетъ;
Но если хоть немного, какъ море волнуется[1].
Кто достигъ помощи безъ ущерба, —
Онъ идетъ и путь его ровенъ.
Садъ истины расцвѣтетъ розами,
Не засохнетъ съ окончаніемъ неба.
Кто обрѣлъ помощь Божію, остался;
Душа меча ударила станъ его?
Тотъ, кто не вѣруетъ, разбилъ душу свою;
Къ Богу не ушелъ, пресѣкъ путь къ Нему.
Тотъ Богомъ живъ, кто душу отдалъ (Ему).
Пресѣкающаго путь Божій пушка поразила.
Кто это (правильное) дѣлалъ, отъ страха избавился;
Въ рай вошелъ, медвянаго вина выпилъ;
Того вина, что свѣтъ Божій есть;
Виночерпій его — гурія въ раю.
Отрѣшись отъ тѣла, душу обрѣтешь;
Открой глаза души, живъ будешь.
Богъ говоритъ: если ко мнѣ придешь,
Все, чего желаетъ сердце твое, исполнится;
Оставь самого себя, меня держись;
Забудь себя, меня найди;
Я твое «я» буду, потому что Я — Богъ;
Одно тысячей сдѣлаю, потому что Я — Богъ.
Всякая капля, что въ это море придетъ,
Пусть отъ самой себя спасется, моремъ будетъ;

---

[1] Варіантъ: «какъ Тигръ течетъ».

Впередъ устремилась и соединилась та
Капля, которая свое море познала;
Капля, которая въ море не придетъ,
Кипя отъ любви, моремъ не станетъ;
Знай: солнце и воздухъ ее поглотятъ;
Знай: отъ свѣжести ея ничего не останется;
Земля также, подобно воздуху, ее растворитъ;
Море ту текущую каплю растворитъ;
Разъ ничего не осталось, чтó они растворятъ?
Скажи: ничего нѣтъ! чего глядятъ они?
Городъ, въ которомъ живешь, оставь тамъ;
Все, чего хочешь, желаешь, оставь тамъ.
Познай самого себя, чтобы познать Бога.
Ты не умрешь, вѣчно живъ останешься.
Преисполнившись Богомъ, не гляди далеко;
Онъ нераздѣльно отъ тебя, не стучись въ дверь![1]
Тѣло живо душой, а душа — Имъ;
Желай внутри души (своей) соединенія съ Живымъ.
Могущество Божіе необычайно велико,
Оно — сводъ между существами обоихъ міровъ.
Не терзайся сердцемъ, я постигну Его тайну;
Слегка коснувшись, удовольствуюсь.
Знай я турецкій языкъ,
Понятными словами показалъ бы;
Я научилъ бы людей словами,
Увидѣли бы они своего Создателя очами.
По-персидски[2] все, что хотите, скажу;
Вы найдете все, что нашли мы.

*

Дата написанія копіи съ подлинника: закончено рукою слабаго раба, нуждающагося въ милости Бога Всевышняго, Мухаммеда бенъ-Исхака бенъ-Ибрагима эль-Ларенди эль-Веледи въ послѣднихъ числахъ Джумази эль-Ахира шестьсотъ девяносто седьмого (697) года.

Н. Мартиновичъ.

Петроградъ.
Октябрь, 1915 г.

---

[1] Не будь слѣпымъ!

[2] См. выше, перев. ст. ст. 3 и 107.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ С. С. АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

19 сентября с. г. скончался отъ разрыва сердца въ Кисловодскѣ дѣйствительный членъ Русскаго Археологическаго Общества князь Семенъ Семеновичъ Абамелекъ-Лазаревъ. Съ именемъ покойнаго неразрывно связывается воспоминаніе объ одной изъ крупнѣйшихъ находокъ въ области древней эпиграфики передне-азіатскаго Востока, и одно это обстоятельство, помимо всего остального, обезпечиваетъ за покойнымъ княземъ право на глубокую признательность заинтересованныхъ востоковѣдовъ и на поминку добрымъ словомъ въ нашемъ Отдѣленіи[1].

За послѣдніе двадцать лѣтъ князь Семенъ Семеновичъ стоялъ далеко отъ археологической науки и ограничивался щедрой матеріальной поддержкой отдѣльныхъ научныхъ предпріятій, преимущественно въ родной ему области арменистики. Такъ, извѣстное фототипическое изданіе древне-армянскаго Евангелія 887 года, выпущенное въ свѣтъ въ 1899 году, было осуществлено исключительно на средства покойнаго князя. Но многіе изъ членовъ нашего Общества еще, вѣроятно, хорошо помнятъ живое личное участіе князя Семена Семеновича въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка въ занятіяхъ Общества по Восточному Отдѣленію и Отдѣленію Классической Археологіи, участіе, засвидѣтельствованное и протоколами соотвѣтствующихъ засѣданій того и другого Отдѣленія.

Къ этому приблизительно времени относится также первая археологическая поѣздка покойнаго князя въ Палестину и Сирію, во время которой онъ посѣтилъ въ началѣ 1882 года, совмѣстно съ покойнымъ проф. А. В. Праховымъ, развалины древней Пальмиры и ему посчастливилось здѣсь открыть

[1] Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русск. Арх. Общ. 29 сентября 1916 г.

эпиграфическій памятникъ первостепенной научной важности. Вотъ, какъ разсказываетъ объ этой находкѣ самъ князь Семенъ Семеновичъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Пальмира» (стр. 41 сл.): «На третій день моего пребыванія въ Пальмирѣ[1] два бедуина мнѣ показали небольшую надпись, находящуюся къ западу отъ поля развалинъ, въ верстовомъ разстояніи отъ входнаго бастіона двора храма Солнца, между чудными руинами, называемыми Сераемъ и мусульманскимъ кладбищемъ. Надпись была начертана на маленькомъ камнѣ, который стоялъ вертикально въ землѣ, выдаваясь изъ нея на полъаршина. Я прочелъ двѣ строки, написанныя крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, ...и изъ смысла этихъ словъ и стоячаго положенія камня отгадалъ, что это долженъ былъ быть заголовокъ надписи. Я порылся немного въ пескѣ, и сейчасъ же подъ предыдущими буквами показалось начало большой, довольно хорошо сохранившейся арамейской надписи. Въ виду большихъ размѣровъ камня я тотчасъ нанялъ шестерыхъ рабочихъ, которые въ полторы сутокъ обнажили плиту, имѣющую 6 метр. 36 сант. длины и 1 м. 60 сант. высоты, считая съ той части камня, которая была надъ поверхностью земли, до нижняго конца надписи».

Надпись, на которую счастливая случайность натолкнула князя Абамелекъ-Лазарева, оказалась знаменитымъ пальмирскимъ таможеннымъ тарифомъ 137 г. по Р. Х. Она содержала въ четырехъ квадратахъ на двухъ языкахъ, греческомъ и арамейскомъ, текстъ постановленія муниципальнаго сената Пальмиры отъ 18 нисана 448 г. селевк. эры касательно необходимости письменной фиксаціи таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ не согласно закону, а установившемуся обычаю, и затѣмъ детальное перечисленіе всѣхъ такихъ взимаемыхъ съ разныхъ предметовъ ввоза и вывоза пошлинъ. Съ арамейской части надписи былъ немедленно снятъ самимъ княземъ Семеномъ Семеновичемъ эстампажъ, который, однако же, не дошелъ въ цѣломъ видѣ до Петербурга и былъ замѣненъ впослѣдствіи новымъ; греческій текстъ былъ списанъ на мѣстѣ профессоромъ Праховымъ. Надпись была единогласно признана первыми же изслѣдователями

[1] По даннымъ маршрута, указаннымъ въ книгѣ «Пальмира» (стр. 2 сл.), это было 13 марта (1 марта стар. стиля), такъ какъ изъ Дамаска князь выѣхалъ 5 марта (21 февр. стар. стиля) и на третій день, вечеромъ 7 марта, прибылъ въ Каріэтенъ, гдѣ провелъ одинъ день (8 марта). Изъ Каріэтена князь долженъ былъ выѣхать поэтому утромъ 9 марта, и на второй день пути, слѣдовательно 10 марта нов. ст., вечеромъ онъ уже былъ въ Пальмирѣ. Но на большомъ фотографическомъ воспроизведеніи второго квадрата надписи, любезно подаренномъ мнѣ въ 1900 г. княземъ Семеномъ Семеновичемъ, рукою покойнаго на поляхъ отмѣчено чернилами: «Надпись открыта 4 марта 1882», а въ письмѣ князя къ Ваддингтону, прочитанномъ въ майскомъ засѣданіи 1882 г. Французской Академіи Надписей, находка надписи отнесена ко 2 марта. Которая изъ трехъ датъ вѣрна, въ настоящее время едва ли возможно рѣшить.

за одну изъ важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ семитическихъ надписей, одинаково цѣнную, какъ въ отношеніи своего содержанія, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи. Это сужденіе остается въ полной силѣ и для настоящаго времени. Хотя за послѣднія десятилѣтія было найдено довольно значительное число гораздо болѣе древнихъ арамейскихъ эпиграфическихъ и литературныхъ памятниковъ, Пальмирскій Тарифъ остается попрежнему важнѣйшимъ документальнымъ памятникомъ для ознакомленія съ господствующей арамейской рѣчью сирійскаго населенія времени возникновенія христіанства.

Результатомъ поѣздки князя Семена Семеновича въ Пальмиру явилось выпущенное покойнымъ роскошное изданіе подъ заглавіемъ: «Пальмира. Археологическое изслѣдованіе» (С.-Петербургъ, 1884). Черезъ 13 лѣтъ послѣ первой поѣздки, въ началѣ 1895 г., князь Семенъ Семеновичъ совершилъ свою вторую и послѣднюю археологическую поѣздку въ Палестину и Сирію. Она была посвящена преимущественно древностямъ Герасы (нынѣ Джерашъ) въ Заіорданьѣ и описана княземъ въ столь же роскошномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Джерашъ (Gerasa). Археологическое изслѣдованіе князя С. Абамелекъ-Лазарева» (1897). Въ книгѣ были сообщены между прочимъ впервые фотографическіе снимки съ нѣсколькихъ, ранѣе, впрочемъ, извѣстныхъ по эстампажамъ, пальмирскихъ рельефовъ съ надписями, что дало въ свое время поводъ составителю настоящей поминки обратить на это изданіе вниманіе нашего Отдѣленія.

Трудами о Пальмирѣ и Джерашѣ исчерпывается вся учено-археологическая литературная дѣятельность князя Абамелекъ-Лазарева, а если присоединить къ нимъ вышедшій еще въ 1880 г. юношескій трудъ «Ферейскіе тиранны», то и вся вообще ученая дѣятельность покойнаго князя. Къ археологіи онъ послѣ 1897 г. уже болѣе не возвращался. Но, когда въ 1899 г. наше Археологическое Общество заинтересовалось судьбой знаменитаго пальмирскаго камня съ тарифомъ и пожелало предпринять необходимые шаги для его спасенія и сохраненія за Россіей, князь Абамелекъ-Лазаревъ, несмотря на то, что уже былъ всецѣло въ это время погруженъ въ интересы горнопромышленности и своего крупнаго хозяйства, выказалъ живое участіе къ начатому дѣлу. «Вы заставили меня вспомнить мою молодость», сказалъ мнѣ князь при нашемъ первомъ личномъ свиданіи, послѣ того какъ узналъ изъ моего предварительнаго письма о начатыхъ уже нашимъ посломъ въ Константинополѣ переговорахъ. Пользуясь личными связями и знакомствами, князь Семенъ Семеновичъ съ величайшей заботой слѣдилъ за всѣми перипетіями дѣла и искренно радовался, когда въ декабрѣ 1900 г. за границей узналъ, что оно доведено до благополучнаго окончанія. Онъ не могъ, къ сожалѣнію,

въ это время предвидѣть, съ какими трудностями придется еще бороться, чтобы драгоцѣнный памятникъ оказался наконецъ въ Петербургѣ и затѣмъ, попавъ въ Петербургъ, былъ помѣщенъ въ достойномъ для себя мѣстѣ, Эрмитажѣ...

Покойный князь Абамелекъ-Лазаревъ не былъ ни семитологомъ, ни вообще оріенталистомъ. Изо всѣхъ языковъ такъ называемаго переднеазіатскаго Востока онъ зналъ, кажется, только свой родной, армянскій языкъ. На Востокъ его влекли не оріенталистическіе интересы, а неподдѣльное увлеченіе благородными формами античнаго искусства. Находкой Пальмирскаго Тарифа онъ сдѣлалъ, однако, крупнѣйшій вкладъ въ семитологическую науку, такой вкладъ, какой рѣдко удается сдѣлать профессіональнымъ оріенталистамъ. Услуга эта никогда не будетъ забыта въ нашей наукѣ.

П. Коковцовъ.

КАРЛЪ ГЕРМАНОВИЧЪ ЗАЛЕМАНЪ.

1849—1916.

30 ноября 1916 г. скончался академикъ Карлъ Германовичъ Залеманъ, состоявшій членомъ Русскаго Археологическаго Общества съ 29 октября 1882 г.

К. Г. родился 28 декабря 1849 г. въ Ревелѣ въ небогатой нѣмецкой семьѣ, принадлежавшей къ эстляндскому дворянству. Прежніе представители семьи, переселившейся въ XVII в. изъ Германіи, большею частью были пасторами; отецъ К. Г., кончившій курсъ Дерптскаго университета дѣйствительнымъ студентомъ, былъ зачисленъ въ 1831 г. унтеръ-офицеромъ въ 1-ый морской полкъ, принималъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія и удостоился знака военнаго отличія, въ 1832 г. былъ произведенъ въ прапорщики, ко времени рожденія своего единственнаго сына былъ штабсъ-капитаномъ и исправляющимъ должность лѣсничаго, въ 1860 г. былъ уволенъ отъ службы подполковникомъ съ пенсіей 157 р. 25 к. въ годъ и вскорѣ послѣ этого назначенъ окружнымъ надзирателемъ эстляндскаго акцизнаго управленія[1].

Въ 1859 г. К. Г. поступилъ въ ревельскую Ritter-und Domschule, гдѣ кончилъ курсъ въ 1867 г. Школьнымъ товарищемъ К. Г. былъ баронъ В. Р. Розенъ; много лѣтъ раньше (1807—1810) въ той же школѣ учился Карлъ фонъ-Бэръ, который въ своей автобіографіи, составленной

[1] Свѣдѣнія заимствованы изъ формулярнаго списка К. Г., находящагося въ архивѣ Петроградскаго университета.

въ 1884 г., по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, далъ подробный очеркъ исторіи школы, ея устройства и программъ преподаванія, причемъ проводилъ сравненіе между педагогическими идеалами начала XIX вѣка и 60-хъ годовъ, не всегда въ пользу послѣднихъ[1].

К. фонъ-Бэръ не могъ не сознавать, что 60-ые года не только въ области педагогіи были переходнымъ временемъ для «Остзейскаго края», какъ тогда назывались прибалтійскія губерніи даже русскими. Въ своей автобіографіи[2] онъ посвящаетъ нѣсколько горькихъ строкъ положенію балтовъ, которыхъ называли русскими въ Германіи и нѣмцами въ Россіи, обвиняли въ сепаратизмѣ и въ то же время не хотѣли допускать къ участію въ обще-русской жизни, считая это участіе вреднымъ съ точки зрѣнія прогрессивныхъ идеаловъ. Въ глазахъ Бэра лучшимъ исходомъ изъ этого противорѣчія было подняться «in die hellen und ruhigen Regionen des Lichtes», т. е. въ сферу стоящей выше національныхъ перегородокъ научной работы. Этотъ исходъ былъ доступенъ немногимъ, но даже эти немногіе не могли быть только учеными, не могли не подвергаться вліянію современныхъ имъ событій, когда въ одно и то же время создавалась новая Россія, призванная къ жизни реформами Александра II, и новая Германія подъ главенствомъ Пруссіи. Самъ Бэръ, по его собственному признанію[3], во время своей службы въ Кенигсбергѣ незамѣтно для себя становился прусскимъ патріотомъ и охладѣлъ къ Пруссіи только подъ вліяніемъ начавшейся въ 30-хъ годахъ политической борьбы, не внушавшей ему симпатіи. Многими балтами прусскій патріотизмъ былъ усвоенъ болѣе прочно; нѣкоторые другіе, какъ бар. Розенъ, еще въ школѣ посвящавшій свободные часы самостоятельному изученію русскаго языка[4], вошли въ составъ русскаго общества и перестали чувствовать себя инородцами. К. Г. не сдѣлалъ ни того ни другого, и до конца жизни оставался балтомъ и русскимъ нѣмцемъ, чужимъ въ Германіи (это извѣстно тѣмъ, кто видѣлъ его за границей или слышалъ его разговоры съ пріѣзжавшими въ Россію нѣмецкими учеными) и не вполнѣ своимъ въ Россіи. Въ Петроградѣ онъ былъ близокъ къ тѣмъ кругамъ, органомъ которыхъ была St.-Petersburger Zeitung, оставался до смерти членомъ совѣта нѣмецкой Екатерининской церкви, при чемъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ, какъ ревностный сторонникъ классической системы[5]. Послѣ 1905 г. К. Г.

[1] Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes Dr. Karl Ernst v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst. St.-P. 1865, S. 65 f.

[2] Ibid. S. 548 f.

[3] Ibid. S. 337 f., 541 f.

[4] Лично сообщено покойнымъ бар. Розеномъ автору этихъ строкъ.

[5] Изъ рѣчи пастора надъ гробомъ К. Г.

примкнулъ къ нѣмецкой группѣ союза 17 октября и подписывалъ ея воззванія, составленныя на нѣмецкомъ языкѣ, хотя не вполнѣ сочувствовалъ программѣ союза. Политическимъ идеаломъ К. Г., правда, выраженнымъ только въ частныхъ разговорахъ, было федеративное устройство Россійской Имперіи, съ самостоятельными представительными учрежденіями въ отдѣльныхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Какъ и бар. Розенъ[1], К. Г. еще въ школѣ занимался восточными языками (предметомъ занятій К. Г.[2] были санскритъ и такъ называемый зендъ, т. е. языкъ Авесты) и по той же причинѣ, какъ бар. Розенъ (желаніе посвятить себя изученію сравнительно мало изслѣдованной области), предпочелъ восточные языки классической филологіи. Этимъ было вызвано его поступленіе въ 1867 г. въ С.-Петербургскій университетъ, на единственный въ Россіи факультетъ восточныхъ языковъ, на разрядъ арабско-персидскій-турецко-татарскій.

Факультетъ, какъ было отмѣчено Н. И. Весселовскимъ въ некрологѣ бар. Розена[3], переживалъ тогда блестящій періодъ по составу своихъ слушателей. Однимъ курсомъ старше К. Г. были бар. Розенъ, В. Д. Смирновъ и В. А. Тепловъ; товарищами К. Г. по курсу были М. И. Казасъ и Н. Н. Пантусовъ[4]. Менѣе удовлетворительно было преподаваніе языковъ, въ частности персидскаго, составлявшаго предметъ спеціальныхъ занятій К. Г. Представителемъ каѳедры былъ А. К. Каземъ-Бекъ, преподаваніе котораго, имѣвшее въ виду только практическое изученіе языка, давно уже не соотвѣтствовало требованіямъ науки; послѣ его болѣзни и смерти въ 1870 г. преподаваніе было поручено сначала доценту Г. В. Мельгунову, потомъ С. И. Черняеву[5]. Съ другой стороны факультетъ располагалъ въ то время блестящимъ лекторомъ персидскаго языка въ лицѣ мирзы Шафи (1861—1878), о которомъ К. Г. вспоминалъ впослѣдствіи какъ о рѣдкомъ знатокѣ своей родной литературы.

Во время прохожденія курса К. Г. не писалъ сочиненій на медаль и ограничивался выполненіемъ факультетскихъ требованій, причемъ его отмѣтки на переводныхъ испытаніяхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ были

---

[1] Некрологъ бар. Розена, составленный Н. И. Веселовскимъ (отд. оттискъ изъ ЖМНПр. 1908 г.), стр. 4.

[2] По его curriculum vitae, составленному для магистерскаго диспута 1875 г. (въ дѣлахъ фак. В. яз.).

[3] Указ. оттискъ, стр. 5.

[4] О дальнѣйшей судьбѣ обоихъ см. Матер. для ист. фак., III, 59 сл. (цитуется по отпечатаннымъ листамъ; томъ ко времени составленія этого некролога еще не выходилъ въ свѣтъ).

[5] Матер. для ист. фак., IV, 149.

выше[1], иногда ниже[2] отмѣтокъ его товарищей. Избранный имъ разрядъ не могъ удовлетворить его склонности къ чисто-лингвистическимъ занятіямъ; этимъ, по его собственнымъ словамъ[3], объясняется, почему онъ кромѣ предметовъ своего разряда сталъ слушать лекціи проф. Коссовича по языкамъ санскритскому и «зендскому» и проф. Патканова по армянскому. «Зендскому языку» проф. Коссовичъ посвящалъ только одну лекцію въ недѣлю, и то не всегда[4]; пособіемъ на лекціяхъ служило изданіе проф. Коссовича: «Decem Sendavestae excerpta», которымъ въ первые годы своей преподавательской дѣятельности пользовался на своихъ лекціяхъ и К. Г.

Весной 1871 г. К. Г. кончилъ университетскій курсъ, сдавъ испытанія по двумъ разрядамъ, арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритско-персидскому, причемъ его успѣхи были признаны отличными по всѣмъ предметамъ, кромѣ исторіи востока, русской исторіи и французскаго языка[5]. 25 мая имъ было подано прошеніе о назначеніи ему стипендіи для спеціальнаго изученія персидскаго языка. Факультетъ 29 мая постановилъ ходатайствовать объ оставленіи его на 5-ый годъ съ назначеніемъ стипендіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и имѣть его въ виду осенью при назначеніи кандидатской стипендіи. 14 октября факультетомъ была разсмотрѣна кандидатская диссертація К. Г. «О составѣ и флексіи глаголовъ осетинскаго языка». Факультетъ призналъ диссертацію удовлетворительной, но располагалъ только одной кандидатской стипендіей, на которую имѣлись три кандидата: А. Стельснеръ (товарищъ бар. Розена и В. Д. Смирнова), Н. Н. Пантусовъ и К. Г.; большинствомъ 6 голосовъ противъ 4 стипендія была присуждена Н. Н. Пантусову. Въ 1872 г. стипендія освободилась за переходомъ Н. Н. Пантусова на службу въ Туркестанскій край и была присуждена К. Г. единогласнымъ постановленіемъ факультета 18 сентября.

Часть своей кандидатской диссертаціи К. Г. обработалъ для печати и помѣстилъ въ 1874 г. въ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» подъ заглавіемъ: «Versuch über die conjugation im ossetischen». К. Г. оста-

---

[1] Такъ въ 1869 г. при испытаніи по адербиджанскому языку К. Г. получилъ 5, Казасъ и Пантусовъ по 4.

[2] Въ 1870 г. К. Г. получилъ по арабскому языку 4, по арабской литературѣ — 3 (Казасъ получилъ 4 и 5, Пантусовъ — 5 и 5), по татарскому языку — 4 (Казасъ и Пантусовъ по 5); особенно характерно, что въ томъ же году по персидскому языку К. Г. получилъ отмѣтку 4, оба его товарища — по 5.

[3] Въ упомянутомъ curriculum vitae.

[4] Такъ въ программахъ 1869—70 гг. упоминается только «сравнительная грамматика санскритскаго и зендскаго языка», а не спеціальныя чтенія по зендскому языку.

[5] Дипломъ приложенъ къ формулярному списку К. Г. (въ университетскомъ архивѣ). Дальнѣйшія свѣдѣнія извлечены изъ факультетскихъ дѣлъ.

новился на формахъ спряженія потому, что въ нихъ яснѣе всего проявляется иранскій характеръ языка; отъ прежнихъ работъ статья К. Г. отличалась привлеченіемъ матеріаловъ по восточно-осетинскому діалекту (тогда называвшемуся тагаурскимъ)[1], обнародованныхъ въ 60-хъ годахъ. Работа прошла незамѣченной; имя К. Г. получило извѣстность въ ученомъ мірѣ только нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря работамъ, обнародованнымъ имъ уже въ качествѣ приватъ-доцента университета.

Еще раньше, въ 1871 г., К. Г. вступилъ въ число членовъ Deutsche Morgenländische Gesellschaft, но, въ противоположность большинству русскихъ оріенталистовъ, въ томъ числѣ бар. Розену, не поѣхалъ учиться за границу, хотя начало 70-ыхъ годовъ было періодомъ блестящей дѣятельности нѣсколькихъ нѣмецкихъ иранистовъ: Рота въ Тюбингенѣ, Хауга въ Мюнхенѣ, де-Лагарда въ Геттингенѣ. К. Г. совершилъ свое первое заграничное путешествіе только въ 1887 г., уже академикомъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса К. Г. занимался иранскими нарѣчіями подъ руководствомъ оріенталиста, стоявшаго внѣ факультета, но въ 1871 г. выдержавшаго магистерскій экзаменъ, П. И. Лерха. К. Г. сдалъ испытаніе на степень магистра персидской словесности въ мартѣ 1873 г., черезъ полгода послѣ полученія кандидатской стипендіи, и послѣ этого работалъ надъ магистерской диссертаціей «Четверостишія Хакани». Диссертація и приложенный къ ней литографированный текстъ были разрѣшены факультетомъ къ печатанію 23 ноября 1874 г., литографированіе было закончено 23 января 1875 г.; 16 марта того же года[2] состоялся диспутъ, при чемъ оппонентами должны были быть С. И. Черняевъ и бар. Розенъ; первый по болѣзни не явился, и вмѣсто него, какъ сказано въ протоколѣ публичнаго засѣданія факультета, «оппонировалъ деканъ факультета орд. проф. В. В. Григорьевъ».

Вниманіе К. Г. остановилось на четверостишіяхъ Хакани, вѣроятно, потому, что это сочиненіе могло быть издано по тремъ петроградскимъ рукописямъ; кромѣ того К. Г. придавалъ VI в. хиджры или XII в. по Р. Хр. большое значеніе въ исторіи персидской поэзіи, процвѣтанію которой содѣйствовали политическое распаденіе страны, соперничество мелкихъ династій и стремленіе каждой династіи возвысить блескъ своего двора. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ введенія къ диссертаціи К. Г. и въ особенности изъ его

---

[1] О неправильности этого названія Ws. Miller въ Grundr. der iran. Phil., Bd. I, Anhang, S. 2.

[2] Указаніе на мѣсяцъ январь въ автобіографической запискѣ К. Г. (Біогр. словарь профессоровъ и преподав. И. Спб. унив., I, 258; Матер. для ист. фак. III, 58) — ошибка или опечатка. Утвержденіе К. Г. въ степени магистра послѣдовало только 28 апрѣля (формул. списокъ и Протоколы засѣд. совѣта И. Спб. унив., XII, 36).

рецензіи на магистерскую диссертацію В. А. Жуковскаго[1] можно видѣть, какъ глубоко понималъ и какъ высоко цѣнилъ К. Г. персидскую поэзію; положенія къ его диссертаціи, однако, не содержатъ выводовъ эстетическаго или историко-литературнаго характера; говорится только о необходимости изученія персидскихъ поэтовъ для обогащенія «имѣющихся пока у насъ грамматикъ и словарей персидскаго языка». Диссертація К. Г. осталась единственнымъ его трудомъ, посвященнымъ персидской поэзіи; послѣ этого на русскомъ языкѣ были еще двѣ работы о персидскомъ поэтѣ, именно магистерская диссертація В. А. Жуковскаго[2], защищенная въ 1883 г., и статья его же объ Омаръ-Хайямѣ (1897 г., въ «Сборникѣ статей учениковъ бар. Розена»); съ тѣхъ поръ до настоящаго времени въ русской научной литературѣ не было ни монографій о персидскихъ поэтахъ, ни магистерскихъ диссертацій по персидской словесности. Новоперсидская литература не нашла себѣ мѣста даже во «Всеобщей литературѣ» Корша и Кирпичникова.

Въ томъ же 1875 г. К. Г. приступилъ къ чтенію лекцій въ университетѣ, но не по персидской словесности, а по «зендскому» и пехлевійскому языкамъ. 5 и 8 ноября имъ были прочитаны пробныя лекціи на темы «О причинахъ разнообразія въ чтеніи и транскрипціи пехлевійскихъ письменъ» (по назначенію факультета) и «Краткій обзоръ исторіи древне- и средне-иранскихъ нарѣчій» (по собственному выбору); съ января 1876 г. онъ началъ читать лекціи для студентовъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти ежегодно объявлялъ въ обозрѣніяхъ преподаванія курсы по языкамъ «зендскому» или авестскому[3] и пехлевійскому (всего три или двѣ лекціи въ недѣлю), фактически не всегда читавшіяся. Лекціи К. Г. были обязательны только для студентовъ санскритско-персидскаго разряда, на которомъ далеко не всегда были слушатели, вслѣдствіе чего даже въ преподаваніи санскритскаго языка не всегда чувствовалась потребность[4]. Иногда, но не всякій годъ К. Г., въ университетѣ или у себя на дому (въ послѣднемъ случаѣ авестскіе или пехлевійскіе тексты иногда замѣнялись новоперсидскими)[5], имѣлъ добровольныхъ слушателей въ лицѣ студентовъ, оставленныхъ при университетѣ и приватъ-доцентовъ, спеціально посвящавшихъ себя изученію иранской филоло-

---

[1] Въ ЖМНПр., ч. 230, стр. II, отд. 160 сл.

[2] Али Аухадэддинъ Энвери. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Спб. 1883.

[3] Неправильный терминъ «зендскій языкъ» употреблялся въ обозрѣніяхъ преподаванія до 1906—7 г. включительно, хотя К. Г. писалъ еще въ 1880 г., что «наша привычка называть языкъ Авесты зендскимъ лишена всякаго основанія, и правильнѣе называть этотъ языкъ просто авестскимъ» («Всеобщая литература» Корша и Кирпичникова, I, 170).

[4] Матер. для ист. фак., IV, 186 сл.

[5] Пишущій эти строки слушалъ лекціи К. Г. весной 1895 г. (чтеніе «Висъ и Раминъ») вмѣстѣ съ Н. Я. Марромъ и С. Ѳ. Ольденбургомъ.

тіи[1] или близкихъ къ ней отраслей востоковѣдѣнія. Въ послѣдній годъ своей жизни К. Г., въ связи съ образованіемъ при факультетѣ новаго разряда иранской филологіи, предполагалъ значительно расширить свою преподавательскую дѣятельность; но обстоятельства военнаго времени, значительно уменьшившія число студентовъ факультета, и болѣзнь К. Г. помѣшали осуществленію его плановъ. По отзыву всѣхъ своихъ слушателей, К. Г. былъ превосходнымъ преподавателемъ; тексты и грамматическія правила объяснялись имъ съ необыкновенною ясностью; при чтеніи текстовъ онъ всегда считался съ толкованіями восточныхъ комментаторовъ, хотя былъ далекъ отъ рабскаго подчиненія этимъ толкованіямъ; слушатели выносили изъ его лекцій отчетливое представленіе о духѣ языка и литературы. Помимо слушанія лекцій К. Г., многіе изъ молодыхъ оріенталистовъ пользовались его совѣтами, какъ ираниста и лингвиста; К. Г. всегда охотно соглашался читать корректуры чужихъ работъ и выполнялъ эту работу съ рѣдкимъ вниманіемъ; столь же охотно онъ сообщалъ молодымъ ученымъ свои мысли и собранный имъ научный матеріалъ[2], не придавая никакого значенія своему пріоритету.

Въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣляющихъ избраніе К. Г. въ Академію (1886) отъ начала его преподавательской дѣятельности, вполнѣ опредѣлился характеръ его научныхъ изслѣдованій. Авестѣ и древне-персидскимъ надписямъ К. Г. посвятилъ только популярный очеркъ, вошедшій въ I томъ «Всеобщей литературы» Корша и Кирпичникова и составленный настолько удачно, что имъ болѣе 30 лѣтъ спустя могъ воспользоваться русскій спеціалистъ по исторіи древняго Востока[3]. Послѣднія страницы того же очерка посвящены «иранской литературѣ отъ Александра Македонскаго до мусульманскаго вторженія», т. е. пехлевійской или средне-персидской, которой К. Г. занимался несравненно болѣе, но о которой не могъ и не хотѣлъ подробно говорить въ книгѣ, предназначенной для большой публики. По опредѣленію К. Г., пехлевійская литература «такъ пропитана схоластическимъ духомъ и жреческимъ педантизмомъ, что занятіе ею не очень привлекательно... Кромѣ спеціалистовъ, врядъ ли кто интересуется этою литературою».

Мало привлекательная по содержанію, пехлевійская литература представляетъ большой интересъ для лингвиста; въ противоположность едва ли

[1] Однимъ изъ послѣднихъ по времени слушателей К. Г. былъ А. А. Ромаскевичъ, нынѣ прив.-доц. Петр. унив.

[2] Пишущему эти строки К. Г. передалъ выписанныя имъ изъ لغت شاهنامه Абд-ал-Кадира (до изданія этого источника) свѣдѣнія о встрѣчающихся у Фирдауси средне-азіатскихъ титулахъ и этнографическихъ названіяхъ.

[3] Б. А. Тураевъ, Исторія древняго Востока, 2-ое изд., II, 213.

не всѣмъ другимъ передне-азіатскимъ литературамъ, переводы въ этомъ случаѣ были связаны съ меньшими затрудненіями и потому появлялись чаще[1], чѣмъ изданія текстовъ въ подлинномъ видѣ или въ звуковой транскрипціи. Именно эту цѣль — установленіе текста и его произношенія — ставилъ себѣ К. Г. въ своихъ работахъ надъ пехлевійскими рукописями, начиная съ прочитаннаго 24 августа 1876 г. на 3-мъ (петербургскомъ) международномъ съѣздѣ оріенталистовъ[2] доклада о зороастрійской рукописи, считавшейся тогда единственной въ Россіи. Докладъ былъ напечатанъ въ 1879 г. въ трудахъ съѣзда[3] и положилъ начало ученой извѣстности К. Г. въ западной Европѣ; описаніе рукописи было признано настолько удачнымъ, что Э. Захау выразилъ пожеланіе, чтобы К. Г. было предоставлено возможность описать такимъ же образомъ всѣ зороастрійскія рукописи, находящіяся въ европейскихъ библіотекахъ[4]. К. Г-чемъ, дѣйствительно, былъ задуманъ «Библіографическій обзоръ парсійскихъ рукописей, хранящихся въ Европѣ», для котораго имъ много лѣтъ собирались матеріалы[5]; въ 1879—80 гг. по его просьбѣ были выписаны въ библіотеку университета рукописи изъ Копенгагена[6]. Столь же выгодное для К. Г. впечатлѣніе произвелъ разборъ надписи на пехлевійской монетѣ, напечатанный имъ въ 1879 г. въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft[7].

Докладъ о зороастрійской рукописи былъ первой работой К. Г., напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи. Уже въ этой работѣ мы находимъ ту своеобразную ороографію, которой К. Г. потомъ упорно придерживался до конца жизни, но которая не допускалась редакторами и корректорами въ работахъ, печатавшихся въ Германіи. Пишущему эти строки сообщаютъ, что К. Г. усвоилъ себѣ такую ороографію еще въ школѣ, подъ вліяніемъ своего учителя нѣмецкаго языка. Принципы этой ороогра-

---

[1] По поводу переведеннаго Nöldeke «Карнамака» К. Г. неоднократно (Wiss. Jahresberichte über die Morgenl. Studien, 1878, S. 141; Mél. Asiat. IX, 208) выражалъ пожеланіе, чтобы за переводомъ послѣдовало изданіе текста; текстъ былъ изданъ только въ 1896 г. въ Индіи. Столь же тщетно было пожеланіе самого Нельдеке (Grundr. der iran. Phil. II, 134) по поводу переведеннаго Гейгеромъ Yātkāri Zarīrān: «Hoffentlich schenkt uns der Uebersetzer bald auch eine Textausgabe!».

[2] Труды съѣзда, I, стр. LXXVII.

[3] Ibid., II, 491—592 (съ 3 табл.).

[4] Такъ по запискѣ объ избраніи К. Г. въ Академію, представленной въ 1886 г.

[5] К. Г. Залеманъ, Донесеніе о результатахъ поѣздки, совершенной лѣтомъ 1889 года въ Копенгагенъ, стр. 2.

[6] По формулярному списку К. Г. къ унив. архивѣ.

[7] ZDMG XXXIII, 511. Отзывъ Th. Nöldeke объ этой статьѣ приведенъ въ упомянутой академической запискѣ.

фіи восходятъ къ Якову Гримму; ороографія К. Г. довольно близко подходитъ къ ороографіи де-Лагарда.

Въ томъ же засѣданіи 3-го съѣзда оріенталистовъ русскимъ оріенталистамъ была поставлена еще другая задача: Э. Захау выразилъ пожеланіе, чтобы были изучены нарѣчія средне-азіатскихъ народностей иранскаго происхожденія. Учитель К. Г-ча П. И. Лерхъ отвѣтилъ, что начало этой работѣ уже положено; въ 1870 г. А. Л. Кунъ, состоявшій при экспедиціи ген. Абрамова, собралъ нѣкоторый матеріалъ по интересному нарѣчію жителей долины Ягноба, одного изъ притоковъ Заряфшана[1]. Можетъ быть, подъ вліяніемъ Лерха, К. Г. усердно занялся этими матеріалами и въ 1884 г., черезъ посредство В. В. Радлова, представилъ въ Академію Наукъ основанные на этихъ и другихъ матеріалахъ[2] «Ягнобскіе этюды»; въ эти этюды онъ предполагалъ также внести новые матеріалы по ягнобскому языку, доставленные въ ту же университетскую библіотеку, гдѣ находились матеріалы Куна, въ 1885 г. Г. А. Арендаренко и Н. И. Веселовскимъ, въ 1887 г. Е. Ф. Калемъ.

Едва ли не главной своей научной задачей К. Г. считалъ изученіе персидской лексикографической литературы, такъ называемыхъ «ферхенговъ». Свои взгляды на этотъ предметъ К. Г. выразилъ въ 1884 г. въ рецензіи[3] на появившіяся въ томъ же году «Persische Studien» де-Лагарда и въ 1887 году въ одной изъ своихъ первыхъ академическихъ работъ[4]. По цѣльности содержанія, по ясности и законченности выводовъ эти двѣ статьи, можетъ быть, превосходятъ всѣ другія работы К. Г.; кромѣ того въ нихъ болѣе всего отразилось его научное credo. К. Г. отмѣчаетъ медленность успѣховъ персидской филологіи послѣ Буллерса, отмѣчаетъ также несправедливость нападокъ на этого ученаго, раздававшихся со стороны тѣхъ, кто имѣлъ возможность извлекать для себя уроки не только изъ достигнутыхъ имъ результатовъ, но и изъ его ошибокъ. Вполнѣ опредѣленно высказывая свое отвращеніе къ самоувѣренному невѣжеству, выдающему себя за знаніе, К. Г., въ противоположность господствовавшему тогда среди нѣмецкихъ и другихъ оріенталистовъ рѣзкому полемическому тону[5], ста-

---

[1] Труды съѣзда, I, стр. LXXIX сл. (гдѣ по ошибкѣ А. А. Кунъ).

[2] О нихъ ср. слова К. Г. въ ЗВО III, 128 сл. и Вост. Замѣткахъ (1895), стр. 272.

[3] Litteraturblatt für orient. Philologie. 1884, S. 74—86.

[4] Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Jamâlî (Mél. Asiat. IX, 417—594=Bulletin, XXXI, 256—376). Представлено 17/29 ноября 1887, напечатано въ 1888 г.

[5] Ср. рѣчь Г. Ролинсона на лондонскомъ съѣздѣ (1874) о genus irritabile оріенталистовъ; объ этомъ Fr. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, 1909, S. 32. Ср. Report of the proceedings of the second intern. congress of orientalists, Lond. 1874, p. 56; Transactions of the second session of the intern. congress of orientalists, Lond. 1876, p. 445.

рается отдать справедливость каждой научной заслугѣ, каждому искреннему стремленію къ правдѣ.

Рѣзкость нападокъ де-Лагарда на иранистовъ вообще и петербургскихъ въ частности не помѣшала К. Г. по достоинству оцѣнить его научныя заслуги и ограничиться пополненіемъ собранныхъ имъ свѣдѣній по персидской лексикографіи данными о петербургскихъ рукописяхъ. К. Г. считалъ нужнымъ подчеркнуть, какой богатый матеріалъ по персидской филологіи, ждущій научно подготовленныхъ изслѣдователей, имѣется въ Россіи. Въ своей академической работѣ К. Г. называетъ изданіе и изученіе первоисточниковъ персидской лексикографической традиціи «одной изъ прекраснѣйшихъ задачъ персидской филологіи»[1]; только всестороннее изслѣдованіе этой туземной традиціи, по мнѣнію К. Г., создастъ почву для дальнѣйшаго изученія языка въ Европѣ. Чтобы положить начало выполненію этой задачи, К. Г. составилъ хронологическій списокъ ферхенговъ, какъ дошедшихъ до насъ, такъ и извѣстныхъ только по названію. Съ тѣхъ поръ изданы нѣкоторыя сочиненія, тогда остававшіяся въ рукописи, найдены нѣкоторые памятники, тогда считавшіеся утраченными, но вообще работа К. Г. вполнѣ сохраняетъ свое значеніе до настоящаго времени.

К. Г. намѣтилъ къ изданію одинъ изъ старѣйшихъ ферхенговъ معيار جمالى Шемса Фахри, по рукописи Азіатскаго Музея, впервые имъ опредѣленной (до тѣхъ поръ трудъ считался утраченнымъ). Для этого изданія имъ выписывались въ университетъ рукописи двухъ другихъ словарей изъ Императорской Публичной Библіотеки и рукопись другого сочиненія того же автора изъ Вѣны[2]; текстъ былъ отпечатанъ въ Казани въ 1885 г., выпущенъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1887 г.[3].

Въ трудѣ де-Лагарда, кромѣ лексикографической литературы, было обращено вниманіе еще на другую категорію важныхъ для лингвиста памятниковъ—на литературу персидскихъ евреевъ. Рецензія К. Г. и въ этомъ случаѣ внесла нѣкоторыя дополненія въ данныя, собранныя у де-Лагарда; впослѣдствіи, уже будучи академикомъ, К. Г. посвятилъ еврейско-персидской литературѣ цѣлый рядъ трудовъ.

Несмотря на свои труды въ области иранской филологіи, К. Г. находилъ время для занятій еще другимъ восточнымъ языкомъ. Имъ были переведены на татарскій языкъ для Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества Евангелія отъ Матѳея (1882) и отъ Марка (1886). Готовясь

---

[1] Eine der schönsten aufgaben, welche der persischen philologie zu erfüllen ob ligt (Mél. Asiat., IX, 431).

[2] Такъ по формулярному списку К. Г. въ университетѣ.

[3] Shams i Fachrii Ispahânensis lexicon persicum, fascic. prior, Casani 1887.

къ этой работѣ, К. Г. лѣтомъ 1880 г. испросилъ себѣ отпускъ въ «Казанскую и другія губерніи»[1]; въ Казани преподавателемъ его былъ[2] одинъ изъ отцовъ современнаго татарскаго литературнаго языка Кайюмъ Насыровъ[3] (собств. Абд-ал-Кайюмъ, сынъ Абд-ан-Насыра).

Помимо чтенія лекцій, К. Г. въ эти годы занималъ должность сначала помощника библіотекаря, потомъ библіотекаря въ университетѣ. Къ библіотечнымъ занятіямъ его, повидимому, привлекъ его учитель П. И. Лерхъ, служившій въ университетской библіотекѣ съ 1866 г.[4]. К. Г. еще 11 августа 1875 г. отправилъ изъ Ревеля прошеніе о назначеніи его помощникомъ библіотекаря; второе прошеніе было подано имъ передъ баллотировкой 7 ноября, въ промежутокъ между двумя пробными лекціями[5]; баллотировка состоялась въ засѣданіи совѣта 24 ноября, при чемъ К. Г. былъ избранъ большинствомъ 24 голосовъ противъ 17[6]. Избраніе его на должность библіотекаря состоялось 25 октября 1879 г. большинствомъ 30 голосовъ противъ 13[7]. Библіотечныя занятія отнимали у К. Г. много времени, необходимаго для его научныхъ работъ, но вполнѣ соотвѣтствовали его наклонностямъ и принесли несомнѣнную пользу дѣлу; благодаря ему были составлены инвентари пріобрѣтеній университетской библіотеки, начиная съ 1877 г., и списокъ восточныхъ рукописей, напечатанный въ настоящихъ «Запискахъ». Кромѣ того К. Г. воспользовался своей библіотечной службой для выполненія другихъ библіографическихъ работъ, въ особенности для ознакомленія западно-европейскаго ученаго міра съ русской научной литературой. Когда въ Германіи было рѣшено издавать, въ качествѣ приложенія къ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, ежегодные отчеты о работахъ по различнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія, К. Г. составилъ три статьи для отчета за 1876—77 г. (Central-asien; Neu-Iran; Armenien) и двѣ статьи для отчета за 1878 г., вышедшаго въ свѣтъ только въ 1883 г. (Central-Asien; Iran, Armenien und Kaukasusländer). Въ первой статьѣ, по поводу книги Гладстона «Bulgarian

---

[1] По формулярному списку.

[2] По устному сообщенію В. В. Радлова, тогда находившагося въ Казани.

[3] О немъ ЗВО, III, 101 и Н. Ашмаринъ, Очеркъ литер. дѣят. казанскихъ татаръ, Москва 1901, стр. 1 сл., 47 сл., также нѣсколько попытокъ характеристики его дѣятельности въ татарской литературѣ, напр., Джемал-ад-динъ Валидовъ, تاتار ادبیّاتینک بارشی стр. 53 сл. и статьи въ журналѣ شورا 1913 г.. №№ 3, 8 и 10. Насыровъ скончался въ 1902 году, проживъ 77 лѣтъ.

[4] В. В. Григорьевъ, Спб. унив., стр. 394; прим. стр. 90.

[5] По формул. списку.

[6] Протоколы засѣд. сов., XIII, 39. Въ автобіографической запискѣ (Біогр. Слов. I, 258) и Матер. для ист. фак. III, 58) невѣрно указанъ февраль 1875 г.

[7] Проток. засѣд. сов., XXI, 54.

horrors and Russia in Turkestan», упоминается о «не вполнѣ несправедливомъ» осужденіи дѣйствій русскихъ при завоеваніи Туркестана. Слова К. Г. относятся къ одной изъ самыхъ печальныхъ страницъ исторіи завоеванія — кровавой расправѣ съ туркменами въ 1873 г.[1]; за всю жизнь К. Г. это едва ли не единственный случай, что имъ было высказано въ печати мнѣніе о политическихъ событіяхъ. Знакомымъ К. Г. извѣстно, что онъ никогда не сочувствовалъ насильственному культуртрегерству европейцевъ на Востокѣ, можетъ быть, даже не понималъ его исторической необходимости; одинаково рѣзко осуждались имъ дѣйствія нѣмцевъ и ихъ тогдашнихъ союзниковъ во время усмиренія боксерскаго возстанія и дѣйствія итальянцевъ въ Триполи.

Къ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ вполнѣ опредѣлилась ученая извѣстность К. Г., какъ разносторонняго лингвиста и одного изъ лучшихъ въ Европѣ иранистовъ, и на 37-мъ году жизни передъ нимъ открылись двери Академіи Наукъ. Академическое востоковѣдѣніе тогда переживало кризисъ; послѣ смерти Шифнера (1879), Броссе (1880), Дорна (1881) и ухода бар. Розена (1882) изъ прежнихъ академиковъ-оріенталистовъ оставался только О. Н. Бетлингкъ, и тотъ съ 1868 г. жилъ въ Германіи. Возрожденіе академическаго «разряда восточной словесности» въ значительной степени было заслугой В. В. Радлова, избраннаго академикомъ въ 1884 г. В. В. Радловъ старался привлечь въ Академію лучшія силы факультета восточныхъ языковъ, руководясь въ этомъ случаѣ совѣтами бар. Розена[2]; по совѣту бар. Розена, имъ были предложены и проведены въ 1886 г. кандидатуры сначала В. П. Васильева, потомъ К. Г. Записку о научныхъ заслугахъ К. Г. подписали, кромѣ составителя В. В. Радлова, О. Н. Бетлингкъ и В. П. Васильевъ. По мысли подписавшихъ записку, К. Г. долженъ былъ замѣнить въ Академіи, какъ иранистъ, скончавшагося Б. А. Дорна; не будучи иранистами, они обратились къ Т. Нельдеке съ просьбой высказать свое мнѣніе о предложенной ими кандидатурѣ. Нельдеке въ своемъ отвѣтѣ вполнѣ присоединился къ сдѣланному составителями записки выбору и высказалъ свое убѣжденіе, что никакой другой кандидатуры и не могло бы быть предложено. К. Г. былъ избранъ единогласно 29 апрѣля 1886 г. въ Отдѣленіи историческихъ наукъ и филологіи, 16 августа въ Общемъ Собраніи; 27 сентября послѣдовало утвержденіе, и уже 28 октября К. Г. представилъ Отдѣленію свои Mittelpersische Studien.

Почти половину своей жизни — 30 лѣтъ — К. Г. посвятилъ Академіи,

---

[1] Объ этомъ, напр., М. А. Терентьевъ, Исторія завоев. Средней Азіи, II, 267 сл.

[2] Такъ по устному сообщенію самого В. В. Радлова.

горячо принималъ къ сердцу ея интересы и всѣми силами старался служить ей своими знаніями и опытомъ. Имъ былъ выполненъ и отчасти напечатанъ цѣлый рядъ работъ по иранской филологіи и нѣсколько работъ по туркологіи; какъ лингвистъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ академической транскрипціи, наблюдалъ за печатаніемъ транскрибированныхъ текстовъ по самымъ разнообразнымъ языкамъ; черезъ его руки прошелъ и былъ представленъ имъ къ напечатанію въ академическихъ изданіяхъ богатый матеріалъ по живымъ иранскимъ нарѣчіямъ, отъ языковъ курдскаго и осетинскаго до памирскихъ діалектовъ. Кромѣ своихъ спеціальныхъ познаній, К. Г. предоставилъ въ распоряженіе Академіи также свой опытъ въ дѣлѣ храненія и каталогизаціи книгъ, пріобрѣтенный въ университетской библіотекѣ; съ января 1890 г. онъ былъ директоромъ Азіатскаго Музея, съ ноября того же года кромѣ того директоромъ II Отдѣленія академической библіотеки (избраніе на эту должность заставило его отказаться отъ должности библіотекаря университета). К. Г. заботился, насколько позволяли средства, о пріобрѣтеніи рукописей для Азіатскаго Музея и о своевременномъ описаніи такихъ пріобрѣтеній. Рядъ такихъ описаній новыхъ коллекцій былъ напечатанъ имъ въ академическихъ изданіяхъ; впослѣдствіи имъ былъ составленъ оставшійся въ рукописи обширный Catalogus catalogorum персидскихъ рукописей [1].

Тѣмъ не менѣе результаты академической дѣятельности К. Г. были не таковы, какъ можно было ожидать при его обширныхъ познаніяхъ, энергіи и горячей преданности дѣлу. К. Г. бралъ на себя больше работы, чѣмъ физически могъ бы выполнить; въ послѣдніе годы своей жизни онъ не всегда могъ даже помнить о переданныхъ въ его распоряженіе и печатавшихся подъ его наблюденіемъ матеріалахъ. Переходя отъ одной научной задачи къ другой, онъ былъ вынужденъ оставлять незаконченными начатыя работы. Кромѣ того среди представителей иранской филологіи, какъ среди многихъ другихъ русскихъ ученыхъ, иногда замѣчалось преждевременное ослабленіе интереса къ собственнымъ работамъ, подъ вліяніемъ отсутствія учениковъ и читателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, печатаніе замедлялось вслѣдствіе строгихъ требованій, всегда предъявлявшихся К. Г. къ своимъ и чужимъ работамъ, въ особенности къ работамъ, печатавшимся въ академическихъ изданіяхъ.

Академическая дѣятельность К. Г. начиналась при необыкновенно счастливыхъ условіяхъ, и самъ К. Г. писалъ объ «исключительно благопріятной судьбѣ» академическихъ предпріятій по изученію ново-иранскихъ

---

[1] По сообщенію С. Ѳ. Ольденбурга.

языковъ[1]. Прерванное смертью Дорна печатаніе прежнихъ матеріаловъ могло продолжаться подъ руководствомъ энергичнаго ученаго, находившагося въ цвѣтѣ силъ, который еще до своего вступленія въ Академію принесъ ей свои «Ягнобскіе этюды»; въ то же самое время въ Академію поступилъ новый богатый матеріалъ въ видѣ результатовъ трехлѣтняго (1883—1886) пребыванія въ Персіи В. А. Жуковскаго. Представленные Академіи К. Г-чемъ «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій» В. А. Жуковскаго предполагалось напечатать въ пяти томахъ. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1888 г.[2] и, вмѣстѣ съ работами К. Г., казалось, надолго обезпечилъ за Петроградомъ первенство въ дѣлѣ изученія иранскихъ языковъ. Когда въ Германіи было предпринято изданіе серіи грамматикъ восточныхъ языковъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Porta linguarum orientalium», то составить для этой серіи персидскую грамматику было предложено К. Г-чу и В. А. Жуковскому. Грамматика вышла въ свѣтъ въ 1889 г.[3]; составителями были использованы выписки словарнаго и грамматическаго характера изъ Шах-Намэ Фирдауси[4], сдѣланныя когда-то бар. Розеномъ; къ грамматикѣ была приложена хрестоматія, въ которую вошли и нѣкоторые неизданные тексты, по двумъ университетскимъ рукописямъ. К. Г. отдался этой работѣ съ рѣдкимъ увлеченіемъ; изъ всѣхъ его работъ это — едва ли не единственная, гдѣ авторъ въ предисловіи говоритъ объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ при ея составленіи[5]. Когда былъ составленъ планъ изданія «Grundriss der iranischen Philologie», казалось столь же несомнѣннымъ, что составленіе грамматики средне-персидскаго (пехлевійскаго) языка должно быть предоставлено К. Г. и что очеркъ живыхъ персидскихъ нарѣчій нигдѣ не можетъ быть написанъ такъ, какъ въ Петроградѣ[6]. К. Г. доставилъ для Grundriss'a, хотя и со значительнымъ запозданіемъ[7], грамматическій очеркъ средне-персидскаго языка; еще до его выхода въ свѣтъ К. Г. въ особой академической статьѣ[8] была сдѣлана поправка къ одному изъ параграфовъ, основанная на одной изъ

[1] Mél. Asiat, IX, 257.

[2] В. А. Жуковскій, Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. Спб. 1888.

[3] C. Salemann und V. Shukovski, Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar. Berl. 1889. На русскомъ языкѣ вышло въ 1890 г., въ изданіяхъ фак. вост. яз., въ нѣсколько переработанномъ видѣ, но безъ хрестоматіи и словаря.

[4] Такъ по предисловію къ нѣмецкому изданію; въ предисловіи къ русскому говорится только о «полезныхъ указаніяхъ и совѣтахъ» бар. Розена. О студенческомъ трудѣ бар. Розена см. Проток. засѣд. сов. II, 134 сл.

[5] Въ предисловіи къ русскому изданію этихъ словъ нѣтъ.

[6] Grundr. der iran. Phil. I, Teil II, S. 287.

[7] Отдѣлъ «Mittelpersisch» былъ напечатанъ только въ 1901 г.; печатаніе предшествующихъ ему отдѣловъ было закончено въ 1896 г. (Grundr. der iran. Phil. I, Teil I, S. 247).

[8] Zum mittelpersischen Passiv (Изв. Акад. Н., XIII, 1900, стр. 269—276).

еврейско-персидскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки; впервые было установлено, что еврейско-персидскіе тексты могутъ дать матеріалъ и для изученія пехлевійскаго языка. К. Г. предполагалъ издать текстъ полностью, но не осуществилъ своего намѣренія, какъ не выпустилъ въ свѣтъ и своего «Библіографическаго обзора парсійскихъ рукописей, хранящихся въ Европѣ», хотя поѣздка въ Копенгагенъ въ 1889 г. дала ему возможность, по его словамъ, «приступить къ окончательной обработкѣ» этого обзора[1]. Обзоръ пехлевійской литературы составилъ для Grundriss'а англійскій ученикъ Хауга Уэстъ, котораго Нельдеке еще въ 1887 г. назвалъ «лучшимъ изъ находящихся въ живыхъ знатоковъ пехлевійскаго языка[2]. Отъ составленія обзора живыхъ иранскихъ нарѣчій русскіе ученые отказались, и работа была выполнена проф. В. Гейгеромъ, въ значительной степени по матеріаламъ, полученнымъ отъ К. Г.[3]. Не вышелъ въ свѣтъ и давно подготовлявшійся К. Г. къ изданію пехлевійскій словарь.

Изученіе еврейско-персидскихъ текстовъ благодаря К. Г. пріобрѣло новый интересъ; ему удалось впервые установить фактъ существованія еврейско-персидской литературы не-богословскаго содержанія. За изданной имъ поэмой «Худайдатъ»[4] должны были послѣдовать другіе памятники въ томъ же родѣ; въ ученомъ мірѣ съ интересомъ ждали ихъ появленія[5]; но первый выпускъ серіи «Judaeo-Persica» при жизни К. Г. оставался послѣднимъ, хотя было отпечатано довольно много листовъ второго и третьяго.

Не вышли въ свѣтъ и «Ягнобскіе этюды», хотя К. Г. для провѣрки и дополненія своихъ записей совершилъ двѣ поѣздки въ Туркестанъ (1897 и 1908) и хотя еще до этихъ поѣздокъ было отпечатано десять листовъ. Поѣздка 1897 г. привела къ установленію двухъ говоровъ ягнобскаго нарѣчія[6] — наблюденіе, подтвержденное въ 1913 г. французскимъ изслѣдователемъ (въ 1916 г. павшимъ жертвою войны) Р. Готьо[7]. Результатомъ поѣздки 1908 г. былъ интересный докладъ К. Г. въ октябрьскомъ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русск. Археологическаго Общества, причемъ

---

[1] К. Г. Залеманъ, О результатахъ поѣздки, совершенной лѣтомъ 1889 г. въ Копенгагенъ, стр. 2.

[2] Th. Nöldeke, Aufsätze zur persischen Geschichte, S. 154, N. 4. Объ отношеніи Уэста къ Хаугу см. F. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, S. 32. К. Г., при всемъ уваженіи къ «altmeister des Pahlavi» (Зап. ИАН, 8-ая серія, т. VI, № 6, стр. 16 сл.), все-таки противополагалъ его принципамъ чтенія пехлевійскихъ текстовъ свои.

[3] Grundr. der iran. Phil., I, Teil II, S. 287.

[4] Зап. Акад. Наукъ, VII серія, т. 42, № 14: Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften. I. Chudâidât. Ein jüdisch-bucharisches Gedicht.

[5] Th. Nöldeke въ ZDMG LI, 553.

[6] Изв. Ак. Н. VIII (1898), Прот., стр. VIII.

[7] Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1913, p. 675.

слушатели посредствомъ фонографа были ознакомлены съ записанными текстами (это былъ первый случай примѣненія фонографа на засѣданіи Отдѣленія); предполагалось напечатать докладъ въ «Запискахъ» Отдѣленія [1], но это обѣщаніе не было исполнено.

Небольшая замѣтка К. Г. о «Новыхъ матеріалахъ по ягнобскому языку» [2] и нѣсколько болѣе обширная статья его же о «Шугнанскомъ словарѣ Д. Л. Иванова» [3], какъ сознавалъ, конечно, и самъ К. Г., болѣе возбуждали, чѣмъ удовлетворяли любопытство. Послѣдняя статья, по мысли К. Г., должна была дать «нѣкоторыя указанія» будущимъ изслѣдователямъ, прежде всего тѣмъ, кому «суждено будетъ побывать въ Шугнанѣ и Рошанѣ». Появленіе такихъ изслѣдователей К. Г. всегда горячо привѣтствовалъ и охотно отдавалъ въ ихъ распоряженіе свой трудъ и свое время. Когда въ 1903 г. возникъ «Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи», К. Г. сдѣлался его дѣятельнымъ членомъ и въ 1914 г. принялъ на себя руководство предпринятыми Комитетомъ лингвистическими работами въ восточной части Бухарскаго ханства; ему обязанъ своей научной лингвистической подготовкой изслѣдователь, работающій въ этомъ краѣ и въ настоящее время — И. И. Зарубинъ. Иногда приходилось ограничиваться пожеланіемъ, чтобы явились продолжатели прерванныхъ работъ; такъ въ рѣчи, произнесенной 31 января 1914 г. въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ и посвященной памяти изслѣдователя осетинскаго языка В. Ѳ. Миллера, К. Г. выражалъ надежду, что среди молодыхъ русскихъ ученыхъ найдутся продолжатели трудовъ покойнаго академика. Въ то же время, однако, отчасти по винѣ К. Г., отчасти помимо его воли, въ рукописяхъ, корректурахъ и отпечатанныхъ листахъ на долгіе годы былъ погребенъ богатый матеріалъ по изученію иранскихъ нарѣчій, уже находившійся въ распоряженіи Академіи. Сюда относятся и бумаги болѣе ранняго изслѣдователя осетинскаго языка, академика Шегрена, и матеріалы по составленію осетинскаго словаря, собранные В. Ѳ. Миллеромъ и послѣ его смерти поступившіе въ распоряженіе Академіи; для обработки этихъ матеріаловъ Академіей, по предложенію К. Г., еще въ ноябрѣ 1914 г. было приглашено особое лицо, но до настоящаго времени эти матеріалы въ печать не поступали. На гораздо болѣе долгій срокъ нерѣдко откладывалось печатаніе другихъ матеріаловъ по ирановѣдѣнію. Вышедшая въ свѣтъ въ 1888 г. 1-ая часть «Матеріаловъ» В. А. Жуковскаго остается и до сихъ поръ единственной; части 2-ая и 3-я были отпечатаны, но (не по винѣ К. Г.) не

---

[1] ЗВО, XIX, стр. XVI сл.
[2] ЗВО, III, 128.
[3] Вост. Замѣтки, Спб. 1895, стр. 269—320.

выпущены; такимъ же образомъ не было выпущено въ свѣтъ продолженіе (т. II, вып. II и т. III) «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen» Дорна. К. Г. въ первые годы своей академической дѣятельности закончилъ печатаніе «Kurdische Sammlungen» Прима и Социна; но многіе другіе курдскіе матеріалы остались подъ спудомъ; не вышла въ свѣтъ 3-я часть «Forschungen über die Kurden» Лерха. Академія еще въ 1897 г., по предложенію К. Г., постановила напечатать отдѣльнымъ изданіемъ книгу Гуго Макаша «Kurdische Texte im Kurmânji Dialekte aus der Gegend von Märdîn»; это изданіе не появилось. Въ февралѣ 1915 г. одинъ изъ русскихъ ученыхъ обратилъ вниманіе Академіи на фактъ, что изученіе курдовъ, долгое время сосредоточивавшееся въ Россіи, начинаетъ переходить къ нѣмцамъ и англичанамъ[1]. Остались подъ спудомъ и нѣкоторые матеріалы по другимъ иранскимъ нарѣчіямъ, какъ «Образцы народной словесности иранскихъ племенъ Средней Азіи» М. С. Андреева.

Фрагментарными остались даже работы К. Г. въ области персидской лексикографіи, въ изученіи которой онъ, какъ было сказано выше, видѣлъ одну изъ лучшихъ задачъ иранской филологіи. Во время печатанія послѣднихъ листовъ труда Шемса Фахри по петроградской университетской рукописи, заключавшей въ себѣ только четвертую часть, К. Г. узналъ отъ С. Ѳ. Ольденбурга о существованіи въ Парижѣ полнаго экземпляра того же труда. К. Г. напечаталъ въ академическомъ «Bulletin» предисловіе къ этому сочиненію по списку, сдѣланному С. Ѳ. Ольденбургомъ[2]; въ 1888 году рукопись была доставлена въ Петроградъ и полностью переписана В. А. Жуковскимъ; тѣмъ не менѣе обѣщаніе К. Г., что за первымъ выпускомъ послѣдуетъ (предполагалось — еще въ 1888 г.) второй, который будетъ заключать въ себѣ варіанты къ тексту по парижской рукописи и предисловіе со свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ автора, осталось невыполненнымъ. Въ 1895 г. К. Г. издалъ другой, болѣе поздній персидскій лексикографическій трудъ, словарь Абд-ал-Кадира багдадскаго къ Шах-Намэ Фирдауси[3]. И въ этомъ случаѣ предполагалось, что за первымъ выпускомъ послѣдуютъ другіе; вторая часть 1-го тома должна была заключать въ себѣ текстъ другого сочиненія того же автора, второй томъ — примѣчанія и реестръ словъ. Все изданіе должно было быть началомъ серіи, въ которую предполагалось включить «нѣсколько важныхъ первоисточниковъ персидской лексикографіи». Ни обѣщанному продолженію изданія,

---

[1] ИАН, 1915, стр. 577.
[2] Mél. Asiat. IX, 433 сл.
[3] Abdulqâdiri Bagdadensis Lexicon šahnâmianum. T. I. Pars

ни дальнѣйшимъ выпускамъ предполагавшейся серіи не суждено было появиться [1].

Археологическія открытія, сдѣланныя въ началѣ XX в. въ Китайскомъ Туркестанѣ, предъявили къ иранской филологіи новыя требованія, на которыя такой иранистъ, какъ К. Г., не могъ не отозваться. Къ извѣстнымъ раньше пехлевійскимъ текстамъ присоединились новые, христіанскаго и манихейскаго содержанія, болѣе свободные отъ традиціонныхъ искаженій, чѣмъ тексты зороастрійскіе; особенный интересъ представляли манихейскіе тексты, такъ какъ въ нихъ всѣ семитическія идеограммы замѣнены иранскими словами; этимъ окончательно была доказана правильность мнѣнія, которое отстаивалъ и К. Г., — что пехлевійскій языкъ не былъ языкомъ смѣшаннымъ и что написанныя по-арамейски слова произносились по-персидски [2]. Какъ съ понятнымъ удовлетвореніемъ могъ установить К. Г. [3], новооткрытый источникъ «неопровержимо доказалъ, что мы при объясненіи пехлевійскаго языка находились на вѣрномъ пути». Тѣмъ же археологическимъ изслѣдованіямъ наука обязана открытіемъ древнѣйшаго еврейско-персидскаго документа [4] и въ особенности открытіемъ новыхъ литературныхъ средне-азіатскихъ языковъ, среди нихъ одного иранскаго, такъ называемаго «согдійскаго», на которомъ сохранились, кромѣ дѣловыхъ документовъ, буддійскіе, манихейскіе и христіанскіе тексты; согдійскій языкъ представлялъ для К. Г. особый интересъ въ виду его несомнѣнной близости къ ягнобскому и установленной К. Г. близости обоихъ къ осетинскому [5]. Послѣ удачной дешифровки манихейскаго шрифта Ф. В. К. Миллеромъ въ 1904 г. [6] К. Г. посвятилъ «манихейскимъ» и другимъ отрывкамъ рядъ статей; въ нѣкоторыхъ опубликована и разобрана небольшая часть матеріала, доставленнаго въ Азіатскій Музей русскими изслѣдователями [7], въ другихъ [8] приведены въ исправленной транскрипціи тексты, уже опублико-

---

[1] К. Г. предполагалъ издать древнѣйшій памятникъ персидской лексикографической литературы, словарь Асади, но этому помѣшало спѣшное изданіе этого памятника (въ 1897 году) Хорномъ (сообщеніе С. Ѳ. Ольденбурга).

[2] О такомъ значеніи восточно-туркестанскихъ археологическихъ открытій ср. F. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, S. 34.

[3] Manichaeische Studien, S. V.

[4] Ему посвящена статья К. Г. въ настоящихъ «Запискахъ», XVI, 046—057.

[5] ИАН 1907, стр. 532.

[6] F. W. K. Müller, Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkistan (SB Berl. 1904, IX). По поводу ошибочнаго термина «Estrangelo», принятаго также В. В. Радловымъ (напр. ИАН 1908, стр. 843) и К. Г. (Зап. ИАН. по ист.-фил. отд., 8-ая серія, т. VI, № 6, стр. 1) см. замѣчанія П. К. Коковцова въ ИАН 1909, стр. 779.

[7] Упомянутая статья въ Зап. Ак. Наукъ, также 1-я и 3-я статьи серіи «Manichaica» (ИАН 1907, стр. 175 сл.; 1912, 1 сл.).

[8] Manichaeische Studien (Зап. ИАН 8-ая серія, т. VIII, № 10) и Manichaica II (ИАН 1907, 531 сл.).

ванные за границей; послѣдніе два выпуска серіи «Manichaica»[1] посвящены сопоставленію доставленнаго текстами словарнаго и грамматическаго матеріала. Переизданіе уже изданныхъ и переведенныхъ текстовъ вызвало нѣкоторое неудовольствіе въ Берлинѣ[2], но К. Г. могъ быть вполнѣ удовлетворенъ пожеланіемъ французскаго ученаго[3], чтобы такіе тексты «après un premier éditeur tel que M. F. W. K. Müller soient étudiés encore par un maitre comme M. Salemann». Послѣдній выпускъ «Manichaica» даетъ матеріалъ для ряда культурно-историческихъ сближеній и потому, по отзыву Н. Я. Марра[4], «своимъ значеніемъ выходитъ за предѣлы чисто-лингвистическихъ интересовъ». О такихъ же широкихъ научныхъ интересахъ и такой же неослабленной работоспособности свидѣтельствуетъ послѣдняя работа К. Г. по ирановѣдѣнію, статья «Eranica»[5], гдѣ разсматриваются вопросы, относящіеся къ чтенію ахеменидскихъ надписей, Авесты и пехлевійскихъ текстовъ.

Первая статья серіи «Manichaica» заключаетъ въ себѣ и турецкій лингвистическій матеріалъ. К. Г. въ періодъ своей академической дѣятельности посвятилъ туркологіи нѣсколько работъ; изъ нихъ самая обширная касается такъ называемыхъ «сельджукскихъ стиховъ»[6], къ которымъ К. Г. вернулся еще разъ въ статьѣ, поднесенной В. В. Радлову ко дню его восьмидесятилѣтія; дожить до этого дня и до выхода въ свѣтъ пріуроченнаго къ нему сборника статей К. Г-чу не пришлось. Преимущественно туркологическій матеріалъ заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1898 г. статья К. Г. «Легенда про Хакимъ-Ата»[7]; наконецъ, К. Г. въ 1910 г. принялъ участіе въ изученіи одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ турецкаго языка, такъ называемаго «Codex Comanicus»[8].

Вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ К. Г. старался содѣйствовать опубликованію и изданію всякихъ другихъ лингвистическихъ матеріаловъ, въ томъ числѣ кавказскихъ[9] и сибирскихъ. В. В. Радловымъ и К. Г. еще въ

---

[1] ИАН 1912, 32 сл.; 1913, 1125 сл.

[2] SB Берл. 1909, стр. 726 сл.

[3] Meillet въ JAs 1909[1], 314; приведено В. В. Радловымъ въ Chuastuanit, St. P. 1909, S. 51.

[4] Христ. Вост. II, 406.

[5] ИАН 1914, 795 сл.

[6] Noch einmal die Seldschukischen Verse (Mél. Asiat. X, 173 сл.).

[7] ИАН 1898 (IX), 105 сл.

[8] ИАН 1910, 943 сл.

[9] Въ 1887 г. попечителемъ Кавказскаго Учебнаго Округа былъ присланъ въ Академію матеріалъ по мингрельскимъ говорамъ, собранный А. Н. Греномъ; на основаніи отзыва В. В. Радлова и К. Г. Академія постановила одобрить этотъ матеріалъ къ печатанію послѣ обработки и выразила пожеланіе, чтобы собирателю для этой цѣли была дана возможность прибыть на болѣе продолжительное время въ Петербургъ. К. Г. живо интересовался изученіемъ цыганскихъ діалектовъ и еще въ 1887 г. въ настоящихъ «Запискахъ» (II,

1888 г. была составлена инструкція для лингвистическихъ работъ А. В. Адріанова въ Нарымскомъ краѣ. Академіей, по представленію К. Г., были напечатаны гиляцкіе и гольдскіе матеріалы В. Грубе[1]; печатаніе поступившаго въ началѣ 1897 г. «Goldisch-Deutsches Wörterverzeichniss» было постановлено закончить до мая того же года, такъ какъ къ этому времени должно было начаться путешествіе автора въ Китай; въ дѣйствительности книга вышла только въ 1900 г. Въ 1898 г. Академіей былъ принятъ для напечатанія лингвистическій матеріалъ, собранный снаряженной на средства И. М. Сибирякова Якутскою экспедиціею Русск. Географическаго Общества. Матеріалъ касался языковъ якутскаго (собиратели В. Г. Богоразъ и Э. К. Пекарскій), юкагирскаго (В. И. Іохельсонъ) и гиляцкаго (Л. Я. Штернбергъ); печатаніе происходило подъ наблюденіемъ К. Г., еще въ 1915 г. возобновившаго печатаніе окончательно пріобрѣтенныхъ Академіей матеріаловъ В. И. Іохельсона, присоединившаго за это время къ своимъ юкагирскимъ записямъ также записи по языкамъ алеутскому и камчадальскому. Предполагалось, что подъ руководствомъ К. Г. будутъ обработаны и напечатаны также матеріалы по языку енисейскихъ остяковъ, собранные В. И. Анучинымъ на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи (1905—1907). Во всѣхъ этихъ случаяхъ К. Г. предлагалъ собирателю рядъ вопросовъ, по заранѣе выработанной программѣ, чтобы убѣдиться, насколько собиратель овладѣлъ языкомъ и усвоилъ его духъ; послѣ этого К. Г-чу легко удавалось усвоить строй языка настолько, насколько это было необходимо для чтенія корректуръ, исправленія опечатокъ и недосмотровъ. Авторъ этихъ строкъ и другія лица слышали отъ самихъ собирателей, что безъ помощи К. Г. ихъ матеріалы вышли бы въ свѣтъ въ гораздо менѣе исправномъ видѣ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ слуслучаѣ, по различнымъ причинамъ, при жизни К. Г. была напечатана только небольшая часть матеріала, поступившаго въ Академію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ о продолженіи печатанія до сихъ поръ остается открытымъ.

Богатое научное наслѣдіе, оставленное К. Г-чемъ, нуждается въ оцѣнкѣ и использованіи спеціалистами; едва ли это можетъ быть выполнено въ близкомъ будущемъ,

Въ послѣдніе годы у К. Г. оставалось для научныхъ занятій еще

149 сл.) напечаталъ подробный отзывъ, съ цѣнными грамматическими замѣчаніями, о трудѣ К. П. Патканова: «Цыганы». Въ академическихъ изданіяхъ подъ наблюденіемъ К. Г. были изданы матеріалы Финка (Fink, Die Sprache der armenischen Zigeuner, 1907) и Добровольскаго (Кисслевскіе цыгане, 1907).

[1] Приложеніе къ III тому «Reisen und Forsch. im Amur-Lande» Шренка (вып. 1 и 2).

меньше времени чѣмъ прежде. Приходилось посвящать еще болѣе времени библіотекамъ, особенно послѣ того, какъ возникъ проектъ постройки новаго библіотечнаго зданія. Проектъ былъ выработанъ при непосредственномъ участіи К. Г., которымъ былъ прочитанъ о немъ докладъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по библіотечному дѣлу лѣтомъ 1911 г. Зданіе было выстроено; перенесеніе туда библіотеки ожидалось въ близкомъ будущемъ; лѣтомъ 1914 г. К. Г. собирался поѣхать за границу для посѣщенія «нѣкоторыхъ вновь выстроенныхъ библіотекъ, для собиранія практическихъ указаній относительно перевоза и внутренняго оборудованія новой академической библіотеки». Всѣ эти планы были разстроены военными событіями, и построенное зданіе на время получило иное назначеніе.

Войною было разрушено также другое дѣло, надъ осуществленіемъ котораго работалъ К. Г. и крушеніе котораго было для него тяжкимъ ударомъ, можетъ быть, ускорившимъ его смерть. Еще въ 1899 г., когда нѣмецкими учеными былъ составленъ проектъ образованія международной ассоціаціи ученыхъ учрежденій, К. Г., вмѣстѣ съ А. С. Фаминцынымъ, былъ командированъ Академіей въ Висбаденъ на конференцію, созванную для обсужденія этого проекта; послѣ этого К. Г. нѣсколько разъ ѣздилъ за-границу на засѣданія Комитета и Общаго Собранія ассоціаціи, принималъ горячее участіе въ веденіи дѣлъ ассоціаціи, когда настала очередь Россіи, и въ созывѣ Общаго Собранія, состоявшагося въ Петербургѣ весной 1913 г. Лично для К. Г. только со времени учрежденія ассоціаціи началась эпоха заграничныхъ ученыхъ отличій, на которыя его научныя заслуги могли бы дать ему право гораздо раньше: въ 1902 г. онъ былъ возведенъ Гиссенскимъ университетомъ въ степень доктора философіи honoris causa, въ 1904 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ британской академіи, въ 1908 г. — иностраннымъ членомъ-корреспондентомъ венгерской академіи и почетнымъ членомъ Королевскаго Азіатскаго Общества въ Лондонѣ.

К. Г. и въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными учеными учрежденіями и отдѣльными лицами оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда — безпристрастнымъ ученымъ, которому дорого только то, что служитъ къ чести и славѣ науки. Въ 1908 г. имъ и по его докладу Академіей была рѣшительно отвергнута критическая замѣтка молодого нѣмецкаго ираниста по поводу одного изъ англійскихъ изданій; признавая нѣкоторыя замѣчанія автора правильными, К. Г. находилъ, что «тонъ, въ которомъ они высказываются, и постоянно повторяющіяся указанія на высокое достоинство собственныхъ статеекъ автора придаютъ этой замѣткѣ характеръ, неподходящій для «Извѣстій» Академіи». Въ связи съ приведеннымъ раньше отзывомъ К. Г. о нападкахъ на Вуллерса эти слова показываютъ, что не лич-

ныя дружескія связи побудили К. Г. въ 1910 г. (въ статьѣ «Zur Kritik des Codex Comanicus») выступить противъ нападокъ на одного изъ его товарищей по Академіи.

Въ 1910 г. К. Г. сдѣлалъ въ Академіи докладъ объ одномъ изъ предпріятій ассоціаціи — изданіи «Энциклопедіи ислама». Дороговизна этого изданія объясняется рѣшеніемъ выпускать его въ свѣтъ одновременно на трехъ языкахъ, вслѣдствіе чего, кромѣ гонорара за статьи, приходится платить гонораръ двумъ переводчикамъ. Пріостановить изданія англійское и французское было невозможно, такъ какъ только подъ условіемъ печатанія на англійскомъ и французскомъ языкахъ правительства Индіи и Франціи согласились назначить «Энциклопедіи» субсидію; Академія уполномочила К. Г., по его собственному предложенію, внести въ комитетъ ассоціаціи заявленіе о желательности пріостановить, впредь до болѣе благопріятнаго времени, печатаніе нѣмецкаго изданія. Ассоціацией это предложеніе не было принято, вѣроятно потому, что, какъ извѣстно пишущему эти строки, значительное большинство статей представляется въ редакцію «Энциклопедіи» именно на нѣмецкомъ языкѣ; но самымъ фактомъ предложенія лучше всего опровергается мнѣніе тѣхъ, кто видѣлъ въ К. Г. прежде всего нѣмецкаго ученаго.

Остается сказать нѣсколько словъ о почившемъ учителѣ многихъ, старшемъ товарищѣ почти всѣхъ нашихъ сочленовъ, какъ о человѣкѣ. К. Г. оставался до конца человѣкомъ, по нѣмецкому выраженію, aus einem Guss. До щепетильности корректный въ товарищескихъ отношеніяхъ, онъ до рѣзкости отстаивалъ то, что казалось ему справедливымъ, не допускалъ никакихъ компромиссовъ, никакого заискиванія передъ власть имущими, расходясь въ этомъ съ большинствомъ своихъ соплеменниковъ въ Россіи[1]. Внѣшняя суровость и требовательность не мѣшали сердечной добротѣ, которую испытали многіе, прежде всего тѣ изъ его близкихъ, кому онъ, наряду съ наукой, посвятилъ свою жизнь; но личное горе и личныя страданія онъ любилъ переносить наединѣ съ самимъ собой. Изъ прежнихъ русскихъ академиковъ нѣмецкаго происхожденія болѣе всего походилъ на К. Г. А. А. Куникъ; К. Г. всегда говорилъ съ рѣдкимъ уваженіемъ не только о жизни и трудахъ этого ученаго, но и о его мужественной борьбѣ со смертью. Подобно Кунику, К. Г. до конца боролся со смертельнымъ недугомъ, неохотно прибѣгалъ къ помощи врача и близкихъ и умеръ одинъ.

В. Бартольдъ.

[1] Авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай наблюдать, какое впечатлѣніе произвели на К. Г. характерные для его предшественника Дорна документы, напечатанные въ Матер. для ист. фак., I, 138 сл. и 188 сл.

ОТЗЫВЫ О ПРЕМИРОВАННЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

I.

Отзывъ В. В. Бартольда о трудѣ Б. А. Тураева[1]. Исторія древняго Востока. Курсъ, читанный въ СПБ. университетѣ.[2] 2-ое исправленное и иллюстрированное изданіе. Часть I. С.-Петербургъ 1913. Стр. 367. Часть II. Петроградъ 1914. Стр. 414. Указатель. Петроградъ 1915. Стр. 44.

Трудъ проф. Тураева является первой попыткой русскаго ученаго изложить, по первоисточникамъ, исторію древне-восточныхъ цивилизацій. До сихъ поръ Россія имѣла, хотя и въ небольшомъ числѣ, ассиріологовъ и египтологовъ, но не имѣла историковъ древняго Востока; все, что печаталось на русскомъ языкѣ о древне-восточныхъ народахъ, было или переводомъ съ западно-европейскихъ языковъ, или компиляціей, составленной по трудамъ западно-европейскихъ ученыхъ. Въ главѣ, посвященной «исторіи науки» (I, 30 сл.) отъ находки розеттскаго камня до «знаменитаго труда» Эдуарда Мейера, авторъ не называетъ ни одного русскаго историческаго труда и не имѣлъ къ этому повода. Русскіе мыслители, когда имъ приходилось касаться исторіи древняго Востока, рабски, хотя и безсознательно, подчинялись западной Европѣ; философъ Владимиръ Соловьевъ настаивалъ на замѣнѣ Навуходоносора Небукаднецаромъ, тогда какъ въ Германіи Эдуардъ Мейеръ выражалъ сожалѣніе, что нѣмецкая и англійская наука, связанная переводами библіи, вынуждена подчиниться масоретскому искаженію ассиро-вавилонскихъ именъ и не можетъ воспользоваться такими пре-

---

[1] [На основаніи этого отзыва въ Общемъ Собраніи Русскаго Археологическаго до Марта 1916 г. Б. А. Тураеву присуждена большая золотая медаль. *Ред.*].

[2] Эти слова находятся только на заглавномъ листѣ, послѣдующія (о 2-мъ изданіи) только на обложкѣ.

восходными греческими транскрипціями, какъ Σεναχήριβος и Ναβουχοδρόσορος.

Проф. Тураевъ въ своемъ введеніи предсказываетъ наступленіе «болѣе благопріятнаго будущаго» (I, 8), когда Россія въ дѣлѣ изученія древняго Востока займетъ мѣсто, болѣе соотвѣтствующее достоинству русской культуры, географическому положенію Россіи, этнографическому составу и культурнымъ традиціямъ ея населенія. Черезъ посредство христіанскаго Востока, Россія связана съ древнимъ Востокомъ болѣе тѣсной культурной преемственностью, чѣмъ западная Европа; кромѣ того, въ предѣлахъ Россіи, въ Закавказьѣ, находятъ клинообразныя надписи; часть русскихъ среднеазіатскихъ владѣній входила въ составъ древне-персидской монархіи; даже центры ассиро-вавилонской культуры — Ниневія и Вавилонъ — находятся сравнительно недалеко отъ нашихъ границъ. По замѣчанію проф. Тураева «изученіе великаго прошлаго нашихъ окраинъ — нашъ долгъ и предъ ними и предъ наукой» (I, 7); къ этому можно было бы прибавить: и передъ своимъ собственнымъ народомъ, если мы не хотимъ, чтобы его господствующее положеніе въ созданной имъ имперіи опиралось только на такой ненадежный элементъ, какъ грубая сила.

Къ составленію обзора исторіи древняго Востока проф. Тураевъ приступилъ послѣ многихъ лѣтъ научной и преподавательской дѣятельности. Отъ египтологіи, которой онъ занимался еще на студенческой скамьѣ и которой впослѣдствіи посвятилъ рядъ спеціальныхъ работъ, въ томъ числѣ магистерскую диссертацію «Богъ Тотъ» (1898), онъ перешелъ съ одной стороны къ ассиріологіи, съ другой — къ изученію коптской церковной литературы и эѳіопской (древне-абиссинской) письменности, которой посвящена его докторская диссертація «Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи» (1902). Въ послѣдующей научной дѣятельности проф. Тураева работы по изученію христіанскаго Востока занимаютъ столь же значительное мѣсто, какъ работы по изученію древне-восточныхъ цивилизацій; въ 1911 г. онъ былъ однимъ изъ основателей, впослѣдствіи однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ научнаго органа по изученію христіанскаго Востока, издаваемаго Академіей Наукъ.

Кругомъ научныхъ интересовъ автора опредѣляется, по нашему мнѣнію, то мѣсто, которое суждено занять его курсу среди другихъ попытокъ дать обзоръ исторіи древняго Востока. «Древній Востокъ», по замѣчанію проф. Тураева, есть «условный культурно-историческій терминъ для обозначенія странъ древнихъ цивилизацій, непосредственно хронологически и духовно предшествовавшихъ греко-римской» (I, 3). Но если для многихъ завоеванія Александра «превратили Востокъ изъ древняго въ эллинистиче-

скій» (I, 4), то для проф. Тураева эллинистическій Востокъ есть продолженіе и неразрывная часть древняго; эпоха эллинизма была эпохой культурнаго взаимодѣйствія между Востокомъ и Западомъ, «эллинизаціи Востока и оріентализаціи Запада» (II, 297). Культура древняго Востока продолжала жить рядомъ съ греко-римской, подвергаясь ея вліянію и оказывая вліяніе на нее, и вмѣстѣ съ ней закончила свое существованіе при торжествѣ новой міровой религіи; къ одному и тому же столѣтію (VI в. по Р. Хр.) относится исчезновеніе послѣдняго оплота язычества въ Аѳинахъ и послѣднихъ представителей древне-египетской религіи въ Нубіи (II, 347); «послѣдній язычникъ» неоплатоникъ Дамаскій былъ хорошо знакомъ съ передне-азіатскимъ язычествомъ и говоритъ о немъ, какъ о современныхъ ему вѣрованіяхъ, хотя «въ то время халдейская премудрость уже угасла, по крайней мѣрѣ въ своемъ классическомъ видѣ» (II, 365). Соединяя въ одно цѣлое Востокъ древній и эллинистическій, авторъ различаетъ въ исторіи Востока три культурно-историческихъ эпохи—«Востокъ древній, христіанскій и мусульманскій; древній съ недавняго времени, по почину Масперо, стали называть классическимъ» (I, 5; авторъ не прибавляетъ, что для Масперо «классическій» Востокъ оканчивается не торжествомъ христіанства, а побѣдой Александра Македонскаго).

Такимъ образомъ, цѣль проф. Тураева—дать обзоръ исторіи до-христіанскаго Востока. Къ выполненію своей задачи онъ приступаетъ какъ филологъ, оставляя почти совершенно въ сторонѣ вопросы, относящіеся къ къ области языкознанія, этнографіи и археологіи. Въ противоположность напр. труду Эдуарда Мейера, разсматриваются почти исключительно эпохи, оставившія намъ письменные документы (исключеніемъ является небольшая глава о до-династійномъ, неолитическомъ Египтѣ, I, 166 сл.); вообще по вопросамъ, для рѣшенія которыхъ мы не располагаемъ письменными источниками, проф. Тураевъ ограничивается сопоставленіемъ противоположныхъ мнѣній, только изрѣдка, съ прибавленіемъ слова «вѣроятно», отдавая предпочтеніе той или другой теоріи. Характерны въ этомъ отношеніи тѣ мѣста книги, гдѣ говорится о результатахъ разбора текстовъ Митанни (I, 72), о «прародинѣ и путяхъ разселенія» индо-европейцевъ (I, 73), о происхожденіи алфавита (II, 40), о первоначальной исторіи персовъ (II, 152).

Какъ филологъ, авторъ начинаетъ обзоръ исторіи Востока съ древнѣйшаго явленія[1], которое мы можемъ изучить по письменнымъ источни-

---

[1] Въ прежнихъ своихъ трудахъ проф. Тураевъ былъ склоненъ отнести начало вавилонской культуры къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ начало египетской; памятники «древнѣйшей эпохи вавилонской культуры» казались ему въ то же время древнѣйшими памятниками культуры обще-человѣческой (ЗВО, XIII, 06). Въ настоящее время онъ приходитъ къ

камъ — съ «процесса образованія крупныхъ политическихъ единицъ изъ мелкихъ городскихъ областей Вавилона и Египта» (I, 77). Съ распространеніемъ египетской и въ особенности передне-азіатской письменности для него расширяются географическіе предѣлы древне-восточнаго міра, и въ окончательномъ итогѣ этотъ міръ обнимаетъ страны отъ «Кавказскаго хребта и Средней Азіи до Персидскаго залива, южной Аравіи, страны африканскихъ озеръ, отъ рубежа Ирана и Индіи до Иракловыхъ столповъ» (I, 4). Какъ египтологъ и ассиріологъ, онъ невольно сосредоточиваетъ свое вниманіе на Египтѣ и передне-азіатскомъ Двурѣчьѣ; въ зависимости отъ этого терминъ «древній Востокъ» иногда употребляется имъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ въ его собственномъ опредѣленіи. Такъ объ ассирійскихъ царяхъ VII в. говорится, что они «объединили подъ своею властью, хотя и на короткое время, весь древній Востокъ» (II, 91), хотя они владѣли только страной «отъ снѣговыхъ вершинъ Арменіи до пороговъ Нубіи, отъ Кипра и Киликіи до восточныхъ границъ Элама» (II, 77) и хотя въ то время уже существовалъ Карѳагенъ, существовала культурная жизнь въ Малой Азіи за предѣлами Киликіи, въ Иранѣ за предѣлами Элама. Столь же явно преувеличено, что Навуходоносоръ владѣлъ половиной Азіи (II, 128) и что его народу оказалось не по силамъ «господство надъ вселенной» (II, 132).

Вполнѣ естественно, что самую цѣнную часть труда проф. Тураева составляютъ главы, посвященныя Египту (со включеніемъ Нубіи и Абиссиніи), Сиріи и Двурѣчью, гдѣ мы находимъ необыкновенно полную и наглядную картину культурной жизни этихъ областей съ древнѣйшихъ временъ до побѣды христіанства. Въ трудахъ по исторіи древняго Востока наглядность обыкновенно достигается приложеніемъ большого числа хорошо исполненныхъ и подробно объясненныхъ иллюстрацій; для книги, изданной студенческимъ комитетомъ, такая внѣшняя роскошь изданія, которой отличается напримѣръ трудъ Масперо, была недоступна. Иллюстраціи, которыми второе изданіе курса отличается отъ перваго, занимаютъ въ немъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, хотя сами по себѣ иногда представляютъ выдающійся интересъ, и являются только виньетками, помѣщенными въ началѣ, иногда и въ концѣ отдѣльныхъ главъ. Этотъ внѣшній недостатокъ съ избыткомъ возмѣщается многочисленностью, тщательнымъ подборомъ и удачнымъ въ смыслѣ языка[1] переводомъ выдержекъ изъ іероглифическихъ и

выводу, что «начало двухъ великихъ культуръ древняго Востока одновременно» и начинаетъ свое изложеніе «съ исторіи Вавилоніи только въ виду ея болѣе широкаго вліянія на окружающій міръ» (I, 58).

[1] О степени точности перевода рецензентъ, не зная древне-восточныхъ языковъ, не можетъ судить. Для спеціалистовъ, вѣроятно, было бы желательно обоснованіе перевода

клинописныхъ текстовъ, причемъ тщательно отмѣчаются всѣ случаи, гдѣ переводъ не вполнѣ установленъ. Едва ли въ какомъ нибудь трудѣ по исторіи древняго Востока болѣе наглядно выяснены, по текстамъ, характерныя черты культурной жизни отдѣльныхъ народовъ въ различныя эпохи, результаты постепеннаго развитія религіозныхъ и правовыхъ идей, послѣдствія сближенія народовъ древняго Востока между собой и представителями эллинскаго міра. Изложеніе чуждо односторонности, обычной въ трудахъ по исторіи Востока вообще и древняго Востока въ особенности; отмѣчается фактъ, что для народовъ древняго Востока «религія была главнымъ и основнымъ элементомъ культуры» (I, 5) и въ то-же время отмѣчается «несоотвѣтствіе идеаловъ съ дѣйствительностью» (II, 143). Особенное вниманіе обращаютъ на себя страницы, посвященныя сравненію египетскаго міровоззрѣнія съ вавилонскимъ (особенно II, 177), религіозному синкретизму въ Египтѣ (I, 184, 297, 366 сл.), реформѣ Аменхотепа IV (I, 304 сл.), вопросу о вліяніи древняго Востока на эллиновъ и эллиновъ на древній Востокъ, причемъ, какъ «первая побѣда Востока надъ эллинствомъ, и побѣда рѣшительная» (II, 292), отмѣчается фактъ признанія Александра сыномъ Амона; главы о Мероэ и Аксумѣ (II, 342 сл.) и о пунической культурѣ (II, 377 сл.); главы о іудействѣ (II, 92 сл., 260 сл., 396 сл.), гдѣ едва ли не впервые на русскомъ языкѣ излагается исторія еврейской религіи, какъ результатъ постепеннаго развитія человѣческой религіозной мысли.

Областямъ, расположеннымъ къ Востоку отъ Вавилоніи, авторъ посвятилъ значительное число страницъ, основанныхъ на столь же тщательномъ изученіи текстовъ; такъ имъ отмѣчается недоразумѣніе, вызванное прежними чтеніями бехистунской надписи и окончательно отвергнутое «послѣ сличеній Томпсона и Кинга» (II, 210). Тѣмъ не менѣе приходится признать, что вопросы, касающіеся исторіи этихъ областей, разработаны менѣе удовлетворительно, чѣмъ вопросы, касающіеся исторіи Передней Азіи и Сѣверной Африки[1]. Это относится въ одинаковой степени къ вопросамъ о древнѣйшихъ культурныхъ связяхъ Вавилоніи съ восточными областями, о распространеніи на востокъ вавилонской и семитической культуры, о происхожденіи и распространеніи національной религіи Ирана, о вліяніи элли-

---

путемъ сопоставленія съ соотвѣтствующими мѣстами текста (въ транскрипціи) въ тѣхъ случаяхъ, когда слова текста толкуются учеными различно. Ср. напр. слова Набонида о Кирѣ: «его (Мардука?) юный слуга» (II, 135). У Винклера (Unters. zur altor. Gesch., S. 125): «sein (des Ummanmanda = Astyages) unbedeutender Vasall»; также Auszug aus der vorderas. Gesch., S. 85.

[1] Равномѣрное освѣщеніе матеріала было бы возможно только въ коллективномъ трудѣ, какимъ по существу является трудъ Эд. Мейера, несмотря на окончательную разработку матеріала однимъ лицомъ.

низма на жизнь Ирана и Индіи, объ исторической жизни персидскаго народа въ цѣломъ.

Авторъ, по нашему мнѣнію, придаетъ слишкомъ большое значеніе работамъ экспедиціи Пемпелли, о которыхъ приводитъ не совсѣмъ точныя свѣдѣнія[1]. Обнаруженіе «остатковъ культуры, напоминающей эламскую и отчасти сумерійскую», едва ли достаточно для подтвержденія гипотезы о «климатическихъ условіяхъ, а м. б. и этнографическихъ переворотахъ, обусловившихъ эмиграцію съ Иранскихъ горъ (?) на западъ» (I, 68). Мнѣніе о «климатическихъ условіяхъ», какъ причинѣ выселенія народовъ изъ Средней Азіи, встрѣчаетъ все больше возраженій со стороны ученыхъ. Проф. Тураевъ замѣчаетъ, что причина упадка Вавилоніи «не перемѣна климата, который остался тѣмъ же» (I, 60). Къ такому же отрицательному результату привели до сихъ поръ всѣ попытки объяснить ухудшеніемъ климата экономическій упадокъ той или другой страны.

Проф. Тураевъ видитъ въ культурѣ Индіи и даже Китая «несомнѣнное присутствіе вавилонскихъ элементовъ», къ которымъ причисляется индійскій алфавитъ, и считаетъ «мостомъ изъ Передней Азіи на Дальній Востокъ» Эламъ (I, 62). Правдоподобнѣе, что семитическій алфавитъ проникъ въ Индію, какъ въ южную Аравію, помимо Вавилоніи и Элама, благодаря морской торговлѣ, о которой между прочимъ свидѣтельствуютъ библейскіе разсказы объ Офирѣ; на это же указываетъ фактъ, отмѣченный проф. Тураевымъ по Гримме и Глазеру, что «южно-арабскіе законы гораздо ближе подходятъ къ моисеевымъ, чѣмъ къ Хаммураби» (II, 350). Наиболѣе вѣское доказательство вліянія вавилонской культуры на Индію и Китай проф. Тураевъ видитъ въ томъ, что «и въ астрономическомъ календарѣ китайцевъ, и въ календарѣ Ведъ показана максимальная продолжительность дня — 14 ч. 24 м., что соотвѣтствуетъ только географической широтѣ Вавилона!» (I, 157). Совпаденіе объясняется и иначе: взглядъ на карту показываетъ, что географическая широта Вавилона есть въ то же время широта Пенджаба, гдѣ слагались Веды, и тѣхъ мѣстностей по Хуанъ-хэ, гдѣ возникли древнѣйшіе памятники китайской культуры.

По вопросу о происхожденіи зороастризма указывается только на «вѣроятность» восточно-иранскаго происхожденія Авесты (II, 205 и 210) и на противорѣчіе между ученіемъ Зороастра и погребальными обрядами персовъ въ эпоху Ахеменидовъ (II, 211), но не отмѣчается сходство этихъ обрядовъ съ описанными у Геродота (IV, 71) обрядами южно-русскихъ

---

[1] Отдѣльной «нѣмецкой экспедиціи Губерта Шмидта» (I, 39) не было; Г. Шмидтъ былъ участникомъ экспедиціи Пемпелли. Никакихъ остатковъ до-историческихъ культуръ при его раскопкахъ въ Мервѣ найдено не было.

скиѳовъ. Это сходство показываетъ, что персы еще сохраняли обще-иранскіе погребальные обряды, впослѣдствіи уничтоженные религіей Зороастра, и что послѣдняя распространилась въ сѣверной части Ирана раньше, чѣмъ въ южной, тѣмъ болѣе, что, судя по Авестѣ, и въ восточной части Ирана преступные съ точки зрѣнія зороастризма погребальные обряды дольше всего сохранялись въ южныхъ областяхъ: жители Арахосіи обвиняются въ «неискупимомъ преступленіи» — оскверненіи земли трупами[1].

Совершенно не выяснено вліяніе, оказанное на зороастризмъ эллинизмомъ. Если обожествленіе македонскаго царя въ Египтѣ было «первой побѣдой Востока надъ эллинствомъ» (II, 292), хотя и въ Македоніи цари были окружены «ореоломъ божественнаго происхожденія» (II, 290), то въ Иранѣ царь сдѣлался богомъ только подъ вліяніемъ эллинства; персидскіе цари до Александра называютъ себя только ставленниками боговъ, царями божьею милостью, послѣ Александра, до эпохи Сасанидовъ включительно, богами. Въ связи съ этимъ находится и эволюція религіознаго искусства въ сторону антропоморфизма; въ эпоху Ахеменидовъ богъ витаетъ надъ царемъ, на сасанидскихъ барельефахъ богъ и царь встрѣчается непосредственно, причемъ оба сидятъ на коняхъ. Въ эту же эпоху планетамъ дали имена персидскихъ боговъ, отожествивъ этихъ боговъ съ соотвѣтствовавшими имъ по аттрибутамъ богами вавилонскими и греческими. Если въ мусульманскую эпоху зороастризмъ «очистился до степени чистаго монотеизма» (II, 207), то въ предшествующую эпоху происходило, если можно такъ выразиться, «оязыченіе» религіи подъ вліяніемъ эллинизма. Религіозно-національная реакція не остановила этого процесса, несмотря на превращеніе зороастризма въ государственную религію и на проявленіе религіозной нетерпимости, перенесенной даже въ преданія о прошломъ (сюда относится приведенный проф. Тураевымъ (II, 188), но не объясненный имъ разсказъ Юстина, будто персидскіе цари въ Карѳагенѣ «объявили требованіе великаго царя не приносить въ жертву людей, не ѣсть собакъ и не хоронить покойниковъ въ землѣ»).

Проф. Тураевъ упоминаетъ о распространеніи вліянія эллинизма черезъ Иранъ на Индію, но приписываетъ «отдѣленіе Индіи отъ эллинистическаго міра» буддизму (II, 298); между тѣмъ греческими художниками было создано буддійское искусство, и одинъ изъ греческихъ царей (Менандръ) сдѣлался буддійскимъ святымъ.

Національный характеръ иранцевъ, по справедливому замѣчанію проф. Тураева (II, 206), представляетъ полную противоположность націо-

---

[1] Vendidad I, 13, цитуется напр. у W. Geiger, Ostiran-Kultur im Altertum, S. 103.

нальному характеру индійцевъ, несмотря на тѣсное родство между обоими народами. Проф. Тураевъ объясняетъ это явленіе географическими и историческими условіями. Факты показываютъ, что съ измѣненіемъ историческихъ условій (географическія, конечно, остались безъ измѣненія) измѣнился и характеръ народа; такія слова, какъ «разсудочная трезвость» или «разсудочность и прозаичность» (II, 212) примѣнимы къ характеру древнихъ иранцевъ, но отнюдь не къ характеру средневѣковыхъ персовъ, создавшихъ поэзію и искусство, которымъ подражали другіе народы. Персъ мусульманской эпохи въ этомъ отношеніи столь же мало походилъ на перса эпохи Ахеменидовъ, какъ итальянецъ quattrocento на античнаго римлянина.

Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего труда говоритъ о чертахъ «Востока», какъ цѣлаго; въ разсказахъ о событіяхъ древности имъ иногда употребляются термины, заимствованные изъ быта мусульманскаго Востока, какъ визирь (только по отношенію къ Египту, напр. I, 206 сл., 233 сл.) и бакшишъ (I, 353); дѣлаются попытки по бытовымъ условіямъ современнаго Востока дать представленіе о жизни того же Востока въ древности; ставится вопросъ объ отношеніи современнаго населенія къ памятникамъ древней культуры. Нельзя сказать, чтобы эти страницы принадлежали къ числу лучшихъ въ книгѣ[1]. Говорить, что «древне-восточный міръ», въ установленныхъ авторомъ географическихъ предѣлахъ, «представляется единымъ цѣлымъ, едва-ли менѣе противоположнымъ греко-римскому, чѣмъ въ настоящее время мусульманскій міръ европейскому» (I, 9), значитъ не считаться съ историческою ролью ислама, соединившаго въ одно культурное цѣлое народы, до тѣхъ поръ остававшіеся чуждыми другъ другу, несмотря даже на временное политическое объединеніе. Средне-азіатскія области входили въ составъ государства Ахеменидовъ; хорезміецъ былъ при Ксерксѣ командиромъ крѣпости на европейскомъ берегу Дарданеллъ (Гер. VII, 78); солдатъ-хорезміецъ упоминается среди солдатъ гарнизона, стоявшаго въ концѣ V в. на южной границѣ Египта[2]; бактріецъ въ IV в. произвелъ возстаніе въ Малой Азіи и захватилъ Пергамъ; другой бактріецъ подарилъ храму на островѣ Делосѣ изваяніе льва[3]; и все таки не только греческіе завоеватели IV в. до Р. Хр., но и арабскіе завоеватели VII в. по Р. Хр. нашли въ Бактріи и Согдіанѣ совершенно другую жизнь, чѣмъ въ Мидіи и Персіи, тогда какъ уже послѣ трехъ вѣковъ мусульман-

[1] Непріятное впечатлѣніе на спеціалистовъ по исторіи мусульманскаго міра произведутъ, вѣроятно, и такія транскрипціи какъ «Телло» (Телль-Лухъ) и Зендширли (Зенджирли).

[2] Ed. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, S. 28.

[3] V. Gardthausen въ Orient. Studien, Th. Nöldeke zum 70. Geburtstag gewidmet, S. 840, по Dittenberger, Inscr. gr. orient. Nr. 264 и Sylloge² 588¹⁰⁹.

скаго господства это различіе исчезло. Столь же сомнительно, чтобы «пилигримства къ святымъ мѣстамъ» и «путешествія къ центрамъ мудрости и знанія, обычныя и на современномъ Востокѣ» (II, 91), имѣли такое же значеніе уже въ ассирійскую эпоху. Безъ критики приводятся «интересныя мысли» Леманъ-Хаупта объ исключительномъ уваженіи къ памятникамъ древности, въ томъ числѣ и къ клинообразнымъ надписямъ, въ Арменіи (II, 54). Въ дѣйствительности то же самое явленіе можно наблюдать въ другихъ областяхъ мусульманскаго міра. Вездѣ народъ приписываетъ письменамъ таинственный смыслъ и окружаетъ ихъ такимъ уваженіемъ, какимъ они, конечно, не пользовались со стороны тѣхъ, кто могъ ихъ читать. Кусокъ камня съ клинообразными надписями, оказавшійся вѣсовой гирей съ именемъ и титулами Дарія, хранился нѣкоторое время въ мавзолеѣ мусульманскаго святого; вывозъ его изъ Персіи считался одной изъ причинъ обостренія болѣзни шаха Музаффар-ад-дина. Надпись въ горномъ ущеліи близъ Хамадана, въ которой увѣковѣчили свое имя и свои титулы Дарій и Ксерксъ, носитъ названіе Гендж-намэ (запись о кладѣ); по поводу той же надписи арабскій географъ начала X в. Ибн-ал-Факихъ говоритъ о людяхъ древности, далеко превосходившихъ современныя поколѣнія тѣлесными, нравственными и умственными качествами, и на скалахъ оставившихъ потомкамъ свои мудрыя наставленія, заботясь о нихъ, какъ любящій отецъ о сынѣ[1].

Отмѣченные недостатки и пробѣлы, какъ и довольно многочисленные корректурные недосмотры (сюда мы склонны отнести и явный lapsus calami въ началѣ второй части[2], по странной случайности перешедшій изъ перваго изданія во второе), нисколько не уменьшаютъ научныхъ достоинствъ труда проф. Тураева, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ несомнѣнно дождется въ близкомъ будущемъ новаго изданія, въ которомъ желательно также облегчить пользованіе книгой нѣкоторыми поясненіями, необходимыми для студентовъ и неспеціалистовъ[3].

---

[1] Bibl. Geogr. Arab. V, 244 сл.

[2] Ассурубаллитъ, корреспондентъ Аменхотепа IV, выдаетъ свою дочь за наслѣдника вавилонскаго престола Караиндаша; сынъ послѣдняго Кадашманъ-Харбе былъ корреспондентомъ Аменхотепа III (II, 2; ср. также I, 288). Получается неразрѣшимое хронологическое противорѣчіе. По Винклеру (Auszug aus der vorderas. Geschichte, S. 13 f.) Кадашманъ-Белъ, корреспондентъ Аменхотепа III, и Кадашманъ-Харбе, сынъ Караиндаша, были отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими поколѣніями.

[3] При изложеніи содержанія надписи Дарія говорится безъ поясненія, что «Фравартисъ бѣжалъ въ Раги» (II, 185); не сказано, что этотъ городъ въ средніе вѣка носилъ названіе Рей и что развалины его находятся близъ Тегерана (на приложенной къ курсу картѣ города Персіи, кромѣ Экбатанъ, Пасаргадъ и Персеполя, не отмѣчены). По поводу упоминанія Зороастра «въ діалогѣ Платона Алкивіадъ» (II, 210) слѣдовало прибавить, что

Въ трудѣ проф. Тураева русскимъ читателямъ впервые предложенъ обзоръ исторіи древняго Востока, представляющій самостоятельный трудъ русскаго ученаго, внимательно изучившаго труды ученыхъ западной Европы и отдающаго имъ полную справедливость, но идущаго своимъ путемъ и тщательно отмѣчающаго все, въ чемъ отразилась культурная связь древняго Востока съ Россіей и что могло обратить на себя вниманіе только русскаго изслѣдователя[1]. Въ исторіи русской науки появленіе труда проф. Тураева навсегда останется выдающимся событіемъ; по мнѣнію комиссіи, обсуждавшей вопросъ о присужденіи медали Общества, Русское Археологическое Общество имѣло бы полное основаніе отмѣтить это событіе присужденіемъ проф. Тураеву золотой медали.

В. Бартольдъ.

Мартъ 1916.

этотъ діалогъ считается подложнымъ. Въ разсказѣ о Пальмирѣ упоминаются развалины храма Аллатъ «въ Леджѣ» (II, 374); въ указателѣ это названіе отожествлено съ фамиліей ученаго Legge.

[1] Сюда относятся такіе мелкіе, но характерные факты, какъ внесеніе имени египетскаго бога въ русскіе святцы (Онуфрій=Уонъ-нофру, «благой», эпитетъ Осириса, I, 183) и существованіе старо-русской повѣсти объ «Акирѣ Премудромъ», т. е. древне-восточномъ мудрецѣ Ахикарѣ (II, 215).

II.

Отзывъ Н. Я. Марра о трудахъ Л. Г. Лопатинскаго.

За Л. Г. Лопатинскимъ числится плодотворная дѣятельность, притомъ за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ непрерывно, на Кавказѣ, гдѣ такъ трудно по какому-бы то ни было предмету получить согласную оцѣнку, и тѣмъ не менѣе о Л. Г. Лопатинскомъ составилось на Кавказѣ общее согласное мнѣніе, какъ о дѣятелѣ, способномъ сознательно воспринять мѣстные культурные интересы. Когда въ моментъ народныхъ волненій возникла потребность поставить во главѣ кавказскаго учебнаго дѣла лицо изъ чиновничьей среды, съ общественными симпатіями, въ распоряженіи власти оказался Л. Г. Лопатинскій.

Совершая успѣшно свой чиновничій путь (Л. Г. Лопатинскій сейчасъ тайный совѣтникъ, совмѣщаетъ обязанности чиновника особыхъ порученій IV-класса по военно-народному управленію съ весьма отвѣтственной должностью Инспектора Кавказскаго Учебнаго Округа), Л. Г. Лопатинскій находилъ по своей мягкой природѣ линію, совершенно свободную отъ какихъ-либо личныхъ по его адресу упрековъ. Несомнѣнно, въ основѣ его кавказовѣдныхъ работъ лежала и продолжаетъ лежать любовь къ Кавказскому краю, обратившаяся въ привязанность. Для меня, кавказца, въ роли судьи, это можетъ служить источникомъ пристрастнаго къ нему, въ его пользу, отношенія.

Въ то же время у Л. Г. Лопатинскаго наблюдается еще одна любовь, уже въ кругѣ научныхъ занятій: это пристрастіе къ работамъ по сравнительной грамматикѣ на основѣ знанія кавказскихъ языковъ, между тѣмъ кавказскіе языки (рѣчь идетъ объ яфетическихъ изъ ихъ среды) сами по себѣ мало, во всякомъ случаѣ недостаточно изучены; въ печати нѣтъ пока общаго освѣщенія ни исторіи каждаго изъ нихъ, ни ихъ взаимоотношеній, вообще историческая перспектива лингвистическихъ матеріаловъ Кавказа совершенно чужда Л. Г. Лопатинскому, и потому работа его, напечатанная въ Извѣстіяхъ Московскаго Археологическаго Общества подъ заглавіемъ: «Суффиксы русскаго языка. Вліяніе Кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе» и возникавшія на сродной почвѣ сопоставленія Л. Г. Лопатинскаго способны вызвать въ спеціалистахъ раздраженіе, и для меня, какъ кавказовѣда, это могло-бы послужить источникомъ также пристрастнаго, но въ отрицательную сторону, отношенія.

Но тѣмъ не менѣе заслуга Л. Г. Лопатинскаго передъ кавказской

лингвистикой и вообще кавказовѣдѣніемъ значительная, и тѣмъ выпуклѣе и ярче она будетъ выступать, чѣмъ глубже будетъ пускать корни среди кавказовѣдовъ убѣжденіе въ необходимости расширить базу кавказовѣдѣнія привлеченіемъ не-литературныхъ языковъ и чѣмъ болѣе будетъ происходить процессъ осознанія результатовъ произведенныхъ уже по нимъ работъ.

По подготовкѣ Л. Г. Лопатинскій — филологъ-классикъ, окончившій еще въ 1864-омъ году курсъ въ Львовскомъ Университетѣ, начавъ его въ Пражскомъ. Въ первые годы по переходѣ на службу въ Россію (1866), какъ преподаватель древнихъ языковъ, онъ выпустилъ: «Латинскую Грамматику» и «Латинскую Книгу для чтенія» (Кіевъ 1871), но эти работы дошедшія вторая до 7-го и первая до 11-го изданія, не могли выработать чуткость къ-тому интересу изученія живыхъ кавказскихъ языковъ, который, возникши чисто бюрократически въ нѣдрахъ Кавказскаго Учебнаго Округа въ связи съ вопросомъ преподаванія мѣстныхъ языковъ въ народныхъ школахъ, въ Л. Г. Лопатинскомъ выросъ въ глубокую самодовлѣющую научную привязанность къ живымъ языкамъ и живой старинѣ Кавказа. Отзывчивость Л. Г. Лопатинскаго на эти, такъ сказать, неофилологическія изысканія въ области кавказскихъ матеріаловъ была создана другой линіею его работъ: она еще до его переѣзда на Кавказъ началась съ перевода съ чешскаго въ Галичинѣ въ 1863 г., когда онъ былъ студентомъ, повѣсти: «Косово поле», съ изданія «Народнаго Календаря» (1861) и помѣщенія статей во львовскихъ малорусскихъ журналахъ («Вечерницы», «Мечта») и въ газетѣ («Слово») и дошла до работы, помѣщенной въ «Русскомъ филологическомъ вѣстникѣ» и представляющей образцы сѣвернаго говора малорусскаго нарѣчія съ замѣткой объ особенностяхъ фонетической стороны этого говора.

Естественно, что Кавказъ, ставшій для Л. Г. Лопатинскаго, уроженца д. Долина въ Галичинѣ, второй родиной, привлекъ съ бытовой и языковой стороны все научное его вниманіе.

И здѣсь двѣ стороны значенія Л. Г. Лопатинскаго.

Прежде всего — работа по «Сборнику матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Едва-ли можно указать на серію, притомъ провинціальную, которая пользовалась бы болѣе широкой извѣстностью среди научныхъ круговъ не только востоковѣдовъ, но и фольклористовъ и спеціалистовъ по сравнительному изученію литературъ. Достаточно заглянуть въ изслѣдованія такого характера А. Н. Веселовскаго, чтобы видѣть, какую помощь сборники оказывали выдающимся ученымъ въ расширеніи ихъ кругозора.

Въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» одно время систематически велся отчетъ о выпускахъ этой серіи, какъ и въ хорошо извѣстныхъ отчетахъ Берлинской Семинаріи Восточныхъ Языковъ о русскихъ работахъ по востоковѣдѣнію.

Это — предпріятіе, опередившее широтой интереса и разносторонностью въ подборѣ матеріаловъ выработку соотвѣтственнаго теоретическаго горизонта въ кавказовѣдныхъ наукахъ. Въ ея возникновеніи и развитіи сыграли роль другія лица, но упроченіемъ и обезпеченіемъ ея дальнѣйшаго существованія мы цѣликомъ обязаны Л. Г. Лопатинскому. Вопросъ не въ томъ, что Л. Г. Лопатинскій редактировалъ ее и снабжалъ каждый ея выпускъ предисловіемъ, въ которомъ разсматривается научная цѣнность работъ сотрудниковъ Сборника и разрабатывается матеріалъ по кавказскому фольклору. Важно то, что Л. Г. Лопатинскій всячески поощрялъ старыхъ сотрудниковъ и привлекалъ новыхъ. Онъ расширилъ программу серіи, открывъ ея страницы для работъ по каталогизаціи восточныхъ рукописей и изданію древне-грузинскихъ текстовъ, а также чисто археологическихъ работъ. Только благодаря этому обстоятельству могло появиться въ печати, напр., обширное описаніе грузинскихъ рукописей Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія, принадлежащее перу Е. С. Такайшвили.

Нужно-ли говорить, что въ Сборникѣ много спорнаго, даже въ матеріалахъ: когда послѣ изученія сванскаго языка по изданнымъ въ Сборникѣ матеріаламъ я предпринялъ лингвистическія работы въ самой Сваніи, мнѣ пришлось убѣдиться, что надо отучиться отъ многаго того, чему училъ Сборникъ, и всетаки не могу не признать, что я многимъ обязанъ работамъ по сванскому языку, помѣщеннымъ въ Сборникѣ: помимо богатаго подбора текстовъ съ русскимъ переводомъ и глоссаріями, легшими по провѣркѣ въ основаніи сванско-русскаго словаря, нынѣ печатаемаго Академіею, въ нихъ данъ былъ обстоятельный обзоръ самой трудной части сванской грамматики — глаголовъ, именно значенія и употребленія временъ. Эта работа, принадлежащая перу В. Р. Завадскаго и сейчасъ сохраняетъ свое значеніе. Неутомимаго сотрудника по изслѣдованію не литературныхъ языковъ Кавказа Л. Г. Лопатинскій нашелъ въ г. Диррѣ, которому принадлежитъ серія работъ, большихъ и малыхъ, по горскимъ языкамъ восточнаго Кавказа. Л. Г. Лопатинскій настойчиво поощрялъ эти работы и поддерживалъ самаго Дирра всѣми имѣвшимися въ его рукахъ средствами.

Таково же было отношеніе его и къ прочимъ многочисленнымъ сотрудникамъ по собиранію матеріаловъ. Въ результатѣ—рядъ коллективныхъ

работъ по отдѣльнымъ областямъ или отдѣльнымъ не только лингвистическимъ, но и этнографическимъ вопросамъ, по народной литературѣ, по легендамъ и преданіямъ, по археологическимъ матеріаламъ.

Если раскрыть указатель этнографической и лингвистической литературы въ лингвистическомъ трудѣ І. А. Кипшидзе «Грамматика мингрельскаго (иверскаго) языка», то легко замѣтить въ перечнѣ цѣлыхъ восемь работъ различныхъ авторовъ по быту и языку мингрельской народности, подготовленныхъ одной обсуждаемой серіею, и также легко убѣдиться въ дѣйствительной пользѣ, проистекшей отъ нихъ для цитованнаго новѣйшаго труда, если посмотрѣть на ссылку на нихъ во входящемъ въ его составъ словарѣ.

Работа, произведенная не однимъ десяткомъ такихъ скромныхъ сотрудниковъ, — огромная и чрезвычайно плодотворная: въ сорока четырехъ томахъ, пока вышедшихъ, имѣемъ, можно сказать, цѣлый музей или въ высшей степени цѣнную для науки коллекцію словесныхъ памятниковъ всѣхъ племенъ Кавказа.

Великая честь выпадаетъ всѣмъ виновникамъ организаціи этой обширной серіи, но наибольшая — Л. Г. Лопатинскому: большинство томовъ проредактировано имъ, все дѣло многіе послѣдніе годы ведется имъ, притомъ въ трудное время, при наименѣе благопріятномъ на мѣстѣ отношеніи къ предпріятію.

Предметъ особенныхъ заботъ Л. Г. Лопатинскаго составляло систематическое изученіе не-литературныхъ языковъ Кавказа. Благодаря трудамъ Л. Г. Лопатинскаго циклъ изученныхъ кавказскихъ языковъ законченъ, по нѣкоторымъ предстоитъ еще углубленіе работы, начатой имъ или его сотрудниками.

Программа изученія сейчасъ насъ не вполнѣ удовлетворяетъ, но тѣмъ не менѣе заслуга воскрешенія традицій Услара — громадная.

Полагаю, что, если-бы у Л. Г. Лопатинскаго не было никакихъ личныхъ работъ, то каждое въ отдѣльности изъ этихъ двухъ большихъ дѣлъ, редактированіе «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» и систематическое осуществленіе Усларовскаго лингвистическаго начинанія, давно заслуживало бы особаго поощренія со стороны Восточнаго Отдѣленія, продолжающаго направлять свою дѣятельность по широкой востоковѣдной программѣ, а не исключительно археологической.

Но у Л. Г. Лопатинскаго есть трудъ, который одинъ самъ по себѣ заслуживалъ бы особаго отличія. Трудъ нашелъ оцѣнку за-границею: это та «Кабардинская грамматика со словаремъ», за которую Л. Г. Лопатинскій

удостоился получить отъ Лейпцигскаго университета ученую степень доктора философіи.

Это — томъ въ 595 страницъ, составляющій особый, именно XII выпускъ Сборника Матеріаловъ. Въ немъ имѣемъ 144 стр. этнографическаго матеріала («Кабардинскія преданія, сказанія и сказки, записанныя по русски») съ этнографической картой, 106 стр. кабардинскихъ текстовъ, 41 стр. краткой кабардинской грамматики и 299 страницъ русско-кабардинскаго словаря въ два столбца и обратнаго кабардинскаго указателя въ три столбца. Это дѣйствительно основательная матеріальная подготовка для дальнѣйшаго изученія этого интереснѣйшаго языка изъ абхазо-адигейской языковой группы, т. е. языка кабардинскаго или, что тоже адигейскаго или еще черкесскаго. Надо знать, что предшествующія работы по черкесскому языку, главнымъ образомъ труды Люлье, не только по размѣрамъ, но и въ отношеніи транскрипціи—лишены почти всякаго значенія: въ изслѣдованіи Л. Г. Лопатинскаго мы имѣемъ своего рода открытіе весьма цѣнное, я сказалъ-бы, сугубо-цѣнное, такъ какъ въ виду новой яфетидологической постановки вопроса о коренныхъ языкахъ Кавказа какъ объ источникахъ для лингвистической дешифровки клинописныхъ загадочныхъ языковъ и для разработки этнологической палеонтологіи Кавказа, каждое изслѣдованіе съ обнародованіемъ текстовъ по кавказскимъ языкамъ является приращеніемъ науки, не только лингвистической, но и археологической.

Интересъ къ изученію не-литературныхъ языковъ Кавказа былъ и продолжаетъ быть у Л. Г. Лопатинскаго настолько сильнымъ, что незадолго передъ войной Л. Г. Лопатинскій обратился въ Академію Наукъ съ просьбою дать ему возможность съѣздить въ Турцію къ выселившимся съ Кавказа убыхамъ для изученія убыхской рѣчи, представляющей интересъ личный для него въ связи съ занятіями черкесскимъ языкомъ, и когда служебныя обязанности не позволили ему осуществить давно лелеянную мысль объ этой поѣздкѣ, онъ просилъ разрѣшить командировать съ той-же цѣлью Дирра. Надо знать, что Л. Г. Лопатинскому мѣсяца черезъ два исполнится 75 лѣтъ: онъ родился 6-го Января 1842-го года.

Я не знаю на Кавказѣ ни изъ русскихъ, ни изъ природныхъ кавказцовъ другого дѣятеля, который не только сохранялъ-бы въ такомъ возрастѣ живой интересъ къ кавказовѣднымъ вопросамъ, но и съ одинаковой любовью относился-бы къ различнымъ племеннымъ матеріаламъ, разрабатываемымъ на мѣстѣ исключительно за національными перегородками.

Надо думать, что и сами кавказцы не знаютъ такого лица кромѣ Л. Г. Лопатинскаго, и потому, вѣроятно былъ онъ избранъ предсѣдателемъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества, въ осо-

бой серіи котораго, озаглавленной «Извѣстія» и редактируемой Л. Г. Лопатинскимъ совмѣстно съ Е. С. Такайшвили, печатаются археологическія статьи, преимущественно по грузинской археологіи и эпиграфикѣ.

Едва-ли ошибаюсь, утверждая, что при всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ трудно назвать въ настоящее время кандидата, который удовлетворялъ-бы требованіямъ положенія о медали (плакетѣ) имени барона В. Р. Розена, болѣе безспорно, чѣмъ Л. Г. Лопатинскій.

По крайней мѣрѣ, когда я читаю въ I-омъ параграфѣ этого положенія, что золотая медаль имени барона В. Р. Розена учреждена «для награжденія достойныхъ трудовъ по востоковѣдѣнію, написанныхъ на русскомъ языкѣ и изданныхъ въ Россіи, или продолжительной и систематической работы русскихъ дѣятелей въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, если результатомъ таковой работы является составленіе цѣнныхъ для науки коллекцій, цѣнныя открытія въ области археологіи и т. п.», то мнѣ представляется, что для притязанія на эту награду въ дѣятельности Л. Г. Лопатинскаго имѣется три основанія: изъ нихъ, на мой личный взглядъ, для присужденія было-бы достаточно одного въ отдѣльности, совокупность-же всѣхъ трехъ должна, думается, присоединить къ тому же рѣшенію всѣхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, кто менѣе пристрастенъ къ кавказовѣднымъ интересамъ, или болѣе строгъ, или вообще могъ-бы колебаться по какимъ либо соображеніямъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

400. Г. Н. Потанинъ. Ерке. Культъ сына неба въ сѣверной Азіи. Матеріалы къ турко-монгольской миѳологіи. Томскъ 1916. 129 стр. 8°.

Въ своемъ новомъ трудѣ неутомимый изслѣдователь, по обыкновенію, сопоставляетъ средне-азіатскіе миѳы съ «западными параллелями» и доказываетъ, что родиной этихъ миѳовъ слѣдуетъ признать Среднюю Азію. «Въ центральной Азіи существовалъ культъ сына неба», помогавшаго своему отцу при сотвореніи міра, но тотчасъ «по окончаніи творенія» вступившаго съ нимъ въ борьбу; вмѣстѣ съ тѣмъ «изъ наблюденій надъ жизнью звѣрей, прячущихся въ норы, возникли легенды о сынѣ неба, убитомъ на землѣ», гдѣ «сынъ неба изображается гонимымъ, невиннымъ страдальцемъ» (стр. 96 сл.). Выводы автора, какъ и въ другихъ его трудахъ, основаны не столько на подлинныхъ словахъ сказаній, записанныхъ имъ самимъ или другими собирателями, сколько на предположеніяхъ о первоначальныхъ версіяхъ тѣхъ же сказаній и объ утраченныхъ подробностяхъ. Ерликъ, царь ада, только въ «одномъ варіантѣ легенды о сотвореніи міра»[1] названъ сыномъ неба; тѣмъ не менѣе эта версія признается первоначальной, такъ какъ въ другихъ преданіяхъ есть указанія на поединокъ царя неба съ собственнымъ сыномъ (стр. 8). Авторъ предполагаетъ, что Ерликъ-ханъ носилъ также другое имя — Ерке или Ерке-Хара, хотя преданій, гдѣ бы такъ назывался царь ада или сынъ неба, въ его распоряженіи не было (стр. 2 слѣд. и 97).

[1] Не сказано, какой варіантъ имѣется въ виду и гдѣ онъ былъ приведенъ. Ср. Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 692 сл.: «въ сказаніи, помѣщенномъ у насъ на стр. 220, раздоръ доходитъ до битвы между соперниками, отцомъ и сыномъ»; въ цитованномъ мѣстѣ, однако, не говорится о сынѣ творца, но только о его товарищѣ или о созданномъ (но не рожденномъ) имъ помощникѣ (ср. ibid., стр. 797 сл. о сказаніяхъ, гдѣ иногда, но только у финновъ, «помощникомъ творца является его сынъ»).

Авторъ, какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ[1], вслѣдъ за о. Палладіемъ утверждаетъ, что Христосъ у монголовъ назывался *Ерке* (по-китайски Ѣ-ли-я) и что отсюда происходитъ турецко-монгольское названіе христіанъ — *еркеунъ* или *архаунъ* (по-китайски ѣ-ли-кэ-унь): изъ этого дѣлается выводъ, «что христіанство въ Китай занесено монголами и турками» (стр. 1). Въ дѣйствительности, какъ правильно сказано у о. Палладія[2], христіане были извѣстны въ Китаѣ подъ этимъ названіемъ только при монголахъ. Вошедшія въ китайскій языкъ названія дней недѣли[3] и другіе термины (извѣстно[4], что даже христіанскіе храмы въ Китаѣ первоначально назывались персидскими) ясно показываютъ, что христіанство было принесено въ Китай изъ Персіи, первоначально, судя по выраженіямъ надписи 781 г., морскимъ путемъ (говорится о наблюденіи вѣтровъ), потомъ также караваннымъ. Въ самой Персіи распространителями христіанства, какъ извѣстно, были сирійцы; вполнѣ естественно, что они принесли съ собой не греческое слово «Христосъ», но семитическое «Мессія», которое мы и находимъ какъ въ китайскихъ христіанскихъ памятникахъ (Ми-ши-хо)[5], такъ и въ памятникѣ средневѣкового турецкаго христіанства[6]. Слово *Ѣ-ли-я*, вопреки утвержденію Г. Н. Потанина, находится не «на каменной плитѣ, найденной близъ города Си-ань-фу» (стр. 2), но въ составленномъ во второй половинѣ XIV в. трудѣ Чжэнь-цзянь-чжи, гдѣ приведена надпись объ основаніи въ 1281 г. монастыря Да-синь-го-сы; въ надписи упоминается, какъ основатель христіанской вѣры, «Маръ Ѣ-ли-я, оставившій свои чудесные слѣды назадъ тому болѣе 1500 лѣтъ»[7]. Слово «Маръ» показываетъ, что Ѣ-ли-я — транскрипція сирійскаго имени; надпись, по словамъ о. Палладія, составлена не христіаниномъ, но учителемъ конфуціанскаго училища; вполнѣ возможно, что имъ по недоразумѣнію основателемъ христіанства названъ пророкъ Илья[8].

---

[1] Ср. возраженія Н. Я. Марра въ ВВр, XII, 45, пр. 3, гдѣ сдѣлана ссылка на книгу «Тангутско-тибетская окраина», II, 346—347; то же самое высказано и въ болѣе раннемъ трудѣ «Очерки сѣв.-зап. Монголіи», IV, 917.

[2] Вост. Сборн., стр. 27.

[3] Ibid., стр. 9, также Ed. Chavannes и P. Pelliot въ JA, 11, I, 176.

[4] Вост. Сборн., стр. 14 сл., JA, 11, I, 308.

[5] Вост. Сборн., стр. 19, JA, 11, I, 329.

[6] F. W. K. Müller, Uigurica, Berlin 1908 (Abh. der Kön. Preuss. Akad. des Wiss.), S 6 f. Ср. также турецко-сирійскую надпись, приведенную П. К. Коковцовымъ въ ИАН, 1909, стр. 788.

[7] Вост. Сборн., стр. 38 сл.

[8] Ср. ту же китайскую транскрипцію этого имени въ Юань-ши, ЗВО, VI, 329.

Происхожденіе монгольскаго названія христіанъ, *аркаунъ* или *эркэунъ*, остается до сихъ поръ загадочнымъ[1].

Новый трудъ Г. Н. Потанина едва ли измѣнитъ отношеніе оріенталистовъ[2] къ его выводамъ и научнымъ пріемамъ, едва ли также побудитъ ихъ исполнить желаніе автора и вмѣсто краткой характеристики его «способа обращенія съ подлежащимъ матеріаломъ» подвергнуть подробному разсмотрѣнію гипотезы, составляющія основу его труда (стр. 113). Авторъ доказываетъ, что въ Средней Азіи были всѣ данныя для самостоятельнаго возникновенія преданій о сынѣ неба и соотвѣтствующаго культа (стр. 114). Спорить объ этомъ было бы безцѣльно; какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духовной культуры народы заимствуютъ извнѣ многое, до чего они могли бы дойти и самостоятельно, и вообще для науки имѣетъ значеніе не вопросъ о томъ, что могло и не могло быть, но вопросъ о томъ, что было на самомъ дѣлѣ. Для рѣшенія научныхъ вопросовъ есть только одинъ путь—восходить отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному. Вопросы, составляющіе предметъ изслѣдованій Г. Н. Потанина, могутъ быть выяснены только путемъ тщательнаго сопоставленія случаевъ, гдѣ съ очевидностью можетъ быть доказано вліяніе запада на востокъ или наоборотъ (чаще, вѣроятно, будетъ доказана зависимость запада и востока отъ общаго источника многихъ сказочныхъ сюжетовъ — Индіи)[3], гдѣ хронологически точно можетъ быть установлено время возникновенія преданія или, по крайней мѣрѣ, опредѣленъ terminus post или ante quem. Только такія изслѣдованія могутъ быть положены въ основу дальнѣйшаго обсужденія вопроса о народныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ; попытки объяснять ignotum посредствомъ такого ignotius, какъ «первобытная религія сѣверной Азіи» (стр. 115), заранѣе осуждены на неудачу.

В. Б.

---

[1] Ср. объясненіе Н. Я. Марра, ЗВО, XVI, стр. XXXVI сл. и ВВр, XII, 1—68, которое трудно привести въ согласіе съ историческими данными. Нѣтъ пока никакихъ извѣстій о томъ, чтобы слово «аркаунъ» употреблялось на армянской почвѣ въ до-монгольскій періодъ и чтобы армяне-халкедониты имѣли въ Средней Азіи такое значеніе, что названіе, относившееся къ нимъ, могло быть перенесено монголами на всѣхъ христіанъ.

[2] Г. Н. Потанинъ (стр. 111) называетъ мою рецензію (ЗВО, XXI, 0150 сл.) первымъ отзывомъ оріенталиста о его трудахъ; между тѣмъ въ той же рецензіи приведено мнѣніе другого оріенталиста; ср. теперь также мнѣніе В. А. Гордлевскаго въ Этногр. Обозр., 1915, кн. 3—4, стр. 73 сл. Мимоходомъ позволяю себѣ замѣтить, что Г. Н. Потанинъ неточно приводитъ мои иниціалы (Вл. Б. вм. В. Б.) и невѣрно передаетъ содержаніе моей рецензіи; такъ говорится (стр 111), что «г. Вл. Б. въ пользу пріоритета индійскаго сказанія о раджѣ Боджа въ состояніи былъ сказать только одно, что раджа Боджа дѣйствительное историческое лицо». Читателямъ «Записокъ» (но не читателямъ книги Г. Н. Потанина) легко убѣдиться, что въ моей рецензіи ничего подобнаго нѣтъ.

[3] Ср. напр., статью покойнаго В. Ѳ. Миллера о «Всемірной сказкѣ въ культурно-историческомъ освѣщеніи» (Русская Мысль, 1893, ноябрь, 207—229).

401. Muḥammad ibn Sallâm al-Ǧumaḥî. Die Klassen der Dichter herausgegeben von Joseph Hell. Leiden—E. J. Brill. 1916. 8⁰. LXXVI + ٢٠٩.

Имя Мухаммеда-ибн-Селлāма ал-Джумахӣ не впервые уже привлекаетъ вниманіе арабистовъ. Этотъ разносторонній литераторъ эпохи расцвѣта арабской культуры (ум. ок. 231/846 г.) давно былъ извѣстенъ— правда только по имени и по цитатамъ изъ его произведеній. Ему приписывается обыкновенно пять, недошедшихъ до насъ трудовъ, особенной популярностью среди которыхъ пользовались, повидимому, «Классы поэтовъ»— *Табакāт-аш-шуʿарā*. Наличіе многочисленныхъ извлеченій изъ этой книги въ позднѣйшихъ работахъ (особенно *Китāб-ал-агāнӣ* и *ал-Музхиръ*) вызвало даже десять лѣтъ тому назадъ попытку реконструировать на основаніи цитатъ остовъ затерявшагося сочиненія[1]. Счастливымъ пріобрѣтеніемъ для науки можно считать находку оригинала, который сдѣланъ теперь доступнымъ благодаря отмѣчаемому изданію.

Первое извѣстіе объ открытіи *Табакāт-ат-шуʿарā* почти одновременно появилось съ двухъ сторонъ — запада и востока. Въ 1910 году Hell извѣщалъ арабистовъ о находкѣ имъ новыхъ пѣсенъ хузейлитовъ, которыя были обнаружены въ коллекціи извѣстнаго шейха аш-Шинкӣтӣ, поступившей въ хедивскую библіотеку въ Каирѣ; въ то же время онъ сообщалъ, что въ этой коллекціи находятся двѣ рукописи труда ал-Джумахӣ, изданіе котораго будетъ имъ предпринято[2]. Въ 1912 году во 2-мъ томѣ «Исторіи арабской литературы» покойный Ж. Зейдāнъ привелъ списокъ поэтовъ, упоминаемыхъ въ этомъ сочиненіи[3]. Обстоятельства послѣдняго время задержали изданіе Hell'я, печатавшееся (какъ можно видѣть по обложкѣ) съ 1913 года, и только въ 1916-мъ оно увидѣло свѣтъ.

Съ перваго взгляда сочиненіе ал-Джумахӣ нѣсколько разочаровываетъ. Причиной служатъ прежде всего не совсѣмъ удовлетворительные оригиналы изданія. Обѣ рукописи представляютъ почти современныя копіи одной, находящейся нынѣ въ Мединѣ[4]. О характерѣ ея никакихъ данныхъ нѣтъ и поэтому трудно установить, насколько во всѣхъ пропускахъ, перестановкахъ и болѣе мелкихъ недоразумѣніяхъ виноватъ оригиналъ или его

---

[1] C. Brockelmann, Das Dichterbuch des Muḥammad ibn Sallām al-Ǧumaḥī (въ Orientalische Studien Th. Nöldeke... gewidmet, I, Gieszen 1906, 111—125).

[2] Neue Hudailitenlieder — ZDMG LXIV, 1910, 659—660 (Ср. къ этой статьѣ дополненія Rhodokanakis'а о вѣнскихъ копіяхъ съ рукописей хедивской библіотеки — ibid. 813).

[3] *Таʾрӣх āдāб-ал-луга-ал-ʿарабійја* — II, Каиръ 1912, стр. 108—109. Еще за годъ до этого онъ считалъ сочиненіе утраченнымъ, см. op. cit. I, 76,3.

[4] Зейдāнъ, op. cit., т. IV, 1914, 146.

переписчики. Еще болѣе недоумѣній вызываетъ редакція книги, представленная этой скудной рукописной традиціей. Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычными затрудненіями, хорошо извѣстными всякому изслѣдователю любой отрасли арабской литературы за этотъ періодъ: система изложенія не всегда позволяетъ судить, насколько въ трудѣ проявляется индивидуальность автора, съ именемъ котораго этотъ трудъ связанъ. И въ данномъ случаѣ постоянныя ссылки на Йӯнуса-ибн-Ḥабӣба, извѣстнаго намъ учителя автора, заставляютъ предполагать, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ работа представляетъ только редакцію труда этого филолога,— труда быть можетъ и не существовавшаго раньше въ письменномъ видѣ. Съ другой стороны, не вполнѣ ясна роль того ученика и родственника автора *Ṭабаḳāтъ* (Абӯ-Ḥалӣфы ал-Фадла-ибн-ал-Ḥубāба), съ ссылкой на котораго передаются почти всѣ разсказы книги. Возможно, что окончательная редакція принадлежитъ именно ему, а не его дядѣ, выработавшему только общій планъ, который носитъ несомнѣнный отпечатокъ оригинальности и новизны.

При всей спорности и шаткости предположеній относительно редакціи книги остается неоспоримымъ только одно: изданіе Hell'я даетъ несомнѣнно тѣ самыя *Ṭабаḳāт-ат-шуʻарā*, которыя въ арабской литературѣ связаны съ именемъ ал-Джумаḥӣ и которыя служили популярнымъ источникомъ для цѣлаго ряда арабскихъ ученыхъ[1]. Этимъ, конечно, вполнѣ опредѣляется капитальное значеніе новаго изданія для европейской арабистики.

Въ арабской литературѣ работа Муḥаммеда ал-Джумаḥӣ занимаетъ видное мѣсто уже потому, что является одной изъ первыхъ книгъ, посвященныхъ «классамъ» лицъ какой бы то ни было категоріи. (Авторъ умеръ въ одно время со знаменитымъ Ибн-Саʻдомъ, составителемъ первыхъ по времени *ṭабаḳāт* сподвижниковъ Муḥаммеда). Ея роль въ исторіи поэзіи можно считать эпохальной, такъ какъ въ лицѣ ал-Джумаḥӣ впервые подходитъ къ этому сюжету не лингвистъ, какъ Абу-ʻУбейда (ум. 210) или ал-Аṣмаʻӣ (ум. 216), а филологъ-литераторъ. Еще интереснѣе, что ал-Джумаḥӣ является едва ли не новаторомъ въ признаніи особой самостоятельной науки, посвященной поэзіи. Наши свѣдѣнія о литературныхъ взглядахъ арабовъ за этотъ періодъ крайне скудны и мало раз-

[1] Едва ли есть необходимость останавливаться на lapsus'ѣ аш-Шинḳӣṭӣ, который одну рукопись *Ṭабаḳāтъ* назвалъ извлеченіемъ изъ работы ал-Āмидӣ *Ал-муʼталиф ва-л-мухталифъ* (Hell, XX—XXI). Попутно можно отмѣтить, что упоминаніе Brockelmann'омъ (Enzyklopaedie des Islām — I, 342) двухъ рукописей послѣдняго сочиненія въ Кембриджѣ основано на недоразумѣніи: обѣ онѣ даютъ *Китāб ал-муваззана* того же автора, какъ легко видѣть по каталогу Browne'a, упоминаемому Brockelmann'омъ.

работаны; поэтому воззрѣнія ал-Джумаḫӣ могутъ представить несомнѣнный интересъ.

Теоретическіе взгляды его изложены, главнымъ образомъ, въ предисловіи, которое къ сожалѣнію не вполнѣ удовлетворительно передано рукописями. Въ самой книгѣ они крайне рѣдко проскальзываютъ подъ фактическимъ матеріаломъ или въ его распредѣленіи.

Мысль свою о необходимости науки о поэзіи ал-Джумаḫӣ практически обосновываетъ наличіемъ большого числа поддѣльныхъ стихотвореній, которыя не должны привлекаться къ сужденію о различныхъ лингвистическихъ и филологическихъ вопросахъ на ряду съ подлинными[1]. Для отличія однихъ отъ другихъ требуется наука о поэзіи, находящая себѣ параллель въ цѣломъ рядѣ дисциплинъ (3,3-4). Эта наука является такимъ же объектомъ изученія (3,17) и имѣетъ такое же право на существованіе, какъ напримѣръ наука о различныхъ драгоцѣнныхъ камняхъ (3,6-7); она требуетъ такихъ же спеціальныхъ знаній, какъ умѣніе отличать фальшивыя монеты отъ настоящихъ (3,7-9) и пр. Послѣдній примѣръ еще разъ вполнѣ отчетливо показываетъ намъ происхожденіе самаго термина для обозначенія «критики» поэтическихъ произведеній: онъ (*наḳдъ* или *интиḳāдъ*) первоначально обозначаетъ «разсмотрѣніе и выдѣленіе» фальшивыхъ монетъ изъ общей массы настоящихъ[2]. Ал-Джумаḫӣ затрагиваетъ даже жизненный и въ наше время вопросъ о субъективной эстетической оцѣнкѣ на ряду съ объективнымъ научнымъ анализомъ, рѣшая его однимъ разсказомъ изъ практики извѣстнаго Ḫалефа ал-Аḫмара (4,3-6). Кто то сказалъ ему разъ: «Когда я слышу стихи и мнѣ они нравятся, меня вовсе не безпокоитъ, что скажешь о нихъ ты и твои пріятели». На это Ḫалефъ основательно возразилъ: «Еслы ты возьмешь дирхемъ и онъ тебѣ понравится, а потомъ мѣняла скажетъ, что онъ поддѣльный, принесетъ ли тебѣ пользу твое собственное восхищеніе имъ?» Эту вновь выдвигаемую науку о поэзіи ал-Джумаḫӣ считаетъ совершенно необходимой даже для не спеціалистовъ. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ нападаетъ (4,6-16) на извѣстнаго біографа пророка Ибн-Исḫāḳа за то, что тотъ, ссылаясь на свое незнаніе поэзіи, включилъ въ историческіе труды безъ всякой критики стихотворенія людей, которые никогда ихъ не сочиняли, и даже такихъ племенъ, которыя погибли за долго до Муḫаммеда безъ всякихъ слѣдовъ.

Менѣе интересны данныя о развитіи у арабовъ филологической науки,

---

[1] Это основное положеніе отсутствуетъ въ предисловіи, такъ какъ рукопись, повидимому, дефектна въ началѣ, но съ цитатой изъ ал-Джумаḫӣ оно приводится въ *ал-Музхиръ* (см. Brockelmann, op. cit., 112).

[2] Ср., напр., *Лисāн ал-ʿарабъ* IV, 436,1-2 сл.

которыя ал-Джумаҳӣ сообщаетъ въ предисловіи: въ большинствѣ случаевъ онѣ уже извѣстны изъ другихъ источниковъ. Признавая особенныя заслуги въ этомъ направленіи за басрійцами (5,10), «отцомъ грамматики» онъ считаетъ, конечно, Абӯ-л-Асвада ад-Ду'алӣ (5,11 сл.); очевидно, уже къ концу VIII вѣка эта басня окончательно утвердилась. Основателемъ метрики признается по традиціи ал-Халӣль (9,10 сл.); первыми знатоками поэзіи (конечно съ лингвистической точки зрѣнія) — Халефъ ал-Аҳмаръ (9,14), Абӯ-'Убейда и ал-Асма'ӣ (9,17), а изъ не басрійцевъ ал-Муфаддаль ад-Даббӣ (9,19). Первымъ составителемъ письменной редакціи староарабскихъ поэтическихъ произведеній называется тоже извѣстный намъ Хаммāдъ «передатчикъ» (14,22); характеристика его научной добросовѣстности дается въ такихъ же отрицательныхъ краскахъ, какъ и большинствомъ арабскихъ ученыхъ.

Очень интересенъ планъ труда, на которомъ ал-Джумаҳӣ останавливается въ своемъ предисловіи. Онъ предполагаетъ (9,19) распредѣлить поэтовъ на три, хорошо извѣстныхъ въ позднѣйшей литературѣ, разряда — времени язычества, ислама и переходнаго періода (захватывающихъ своей жизнью тотъ и другой, такъ называемыхъ *мухадрамӯнъ*). Въ текстѣ сочиненія, однако, третій разрядъ отсутствуетъ: его замѣняютъ главы, посвященныя авторамъ элегій (48—51), поэтамъ городовъ Медины (52—57), Мекки (57—65), Тāифа (65—69), Бахрейна (69—70) и мединскимъ евреямъ (70—75). Трудно сказать, чѣмъ объясняется такая непослѣдовательность, но она еще разъ подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о неясности послѣдней редакціи труда. Для характеристики каждаго отдѣльнаго поэта ал-Джумаҳӣ имѣетъ въ виду приводить «доказательства» изъ его стиховъ и отзывы ученыхъ о немъ (9,20). Терминъ «доказательство» — *худжжа* не вполнѣ ясенъ (ср. 15,10): изъ самаго сочиненія можно видѣть, что ал-Джумаҳӣ разумѣетъ подъ нимъ какъ тѣ стихи, которыми въ современной ему наукѣ «доказывается» сравнительное достоинство даннаго поэта, такъ и тѣ, которые приводятся учеными для «доказательства» извѣстныхъ лингвистическихъ выводовъ. Въ случаѣ разногласія ученыхъ ал-Джумаҳӣ предполагаетъ придерживаться болѣе древнихъ (10,1-2). Каждый разрядъ въ его изложеніи долженъ распасться на 10 классовъ — *табакāтъ*, въ каждомъ изъ коихъ заключено по четыре поэта (10,4-5, 15,6). Принципъ распредѣленія по этимъ классамъ тоже не вполнѣ ясенъ: повидимому существенную роль здѣсь играетъ бóльшая извѣстность поэта, но малочисленность произведеній тоже оказываетъ вліяніе и нѣкоторые поэты попадаютъ въ болѣе удаленные классы съ опредѣленнымъ указаніемъ на это (30,8-9, 36,4. Ср. 33,20). Относительно поэтовъ одного класса ал-Джу-

махӣ дѣлаетъ интересную оговорку: онъ начинаетъ изложеніе съ кого-нибудь не потому, что признаетъ за нимъ первенство въ соотвѣтствующемъ классѣ, а потому что «надо же съ кого-нибудь начать» (15,11). При характеристикѣ городскихъ поэтовъ онъ неоднократно опирается на свое личное мнѣніе о преимущественномъ достоинствѣ кого либо среди его класса (48,10, 52,8. Ср, 56,6, 57,15, 66,2).

Предисловіе является едва ли не самою интересною частью сочиненія для выясненія теоретическихъ взглядовъ ал-Джумахӣ. Главная часть интересна скорѣе, какъ матеріалъ въ видѣ историческихъ разсказовъ (преимущественно въ первой половинѣ) и поэтическихъ цитатъ (главнымъ образомъ, во второй). Многое изъ этихъ данныхъ извѣстно, конечно, изъ другихъ источниковъ, но многое впервые появляется здѣсь въ отчетливой формѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и содержаніе работы разочаровываетъ: приходится, напримѣръ, пожалѣть, что подъ исламскими поэтами разумѣются только поэты перваго вѣка хиджры — объ ʿаббāсидскихъ, современныхъ автору, совершенно нѣтъ рѣчи[1]. Распредѣленіе матеріала очень неравномѣрно: личныя симпатіи литератора, очевидно, играли существенную роль. Въ то время, какъ нѣкоторымъ «классамъ» иногда въ цѣломъ посвящено не болѣе страницы, — первому классу исламскихъ поэтовъ, къ которому отнесена извѣстная тріада ал-Ахҭаля, Джерӣра и ал-Фераздаҝа, удѣлена почти треть книги (стр. 75—121). Перечисленіе захватываетъ, главнымъ образомъ, поэтовъ освященныхъ литературнымъ канономъ, произведенія которыхъ привлекались, какъ лингвистическій матеріалъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что въ книгу не попалъ талантливѣйшій анакреонтикъ ʿОмар-ибн-Абӯ-Рабӣʿа, хотя автору онъ, конечно, былъ извѣстенъ (137,9-10); отсутствуетъ и единоплеменникъ автора — поэтъ съ симпатичнымъ дарованіемъ Абӯ-Дахбаль[2].

Изъ мелкихъ историко-литературныхъ фактовъ интересны нѣкоторыя сообщенія, касающіяся развитія письменности. Не представляется новостью упоминаніе о грамотѣ Мухаммеда одному изъ арабскихъ племенъ, существовавшей въ VIII вѣкѣ (37,17—38,12)[3]; легендой звучитъ упомина-

[1] Упоминаніе ал-Джумахӣ среди источниковъ для біографіи Абӯ-Теммāма въ трудѣ А. Крымскаго, Хамāса, М. 1912, стр. 10 и 58 объясняется недоразумѣніемъ. Ссылка на ал-Джумахӣ въ указываемомъ А. Крымскимъ (стр. 10 и 43) мѣстѣ *Китāб ал-мувāзана* относится къ Кусеййиру, а не Абӯ-Теммāму. Этотъ поэтъ помѣщенъ дѣйствительно во второмъ классѣ исламскихъ поэтовъ, какъ упоминаемый дальше Джемӣль — въ шестомъ (Изд. Hell'я. стр. 121 и 137).

[2] Ср. о немъ ЗВО — XX, 1911, 197—203. Высказанное тамъ (стр. 203, пр. 6) предположеніе должно, такимъ образомъ, отпасть.

[3] См. Fr. Buhl, Muhammeds Liv, Köbenhavn 1903, стр. 67, прим. 4 (=Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, IV, Berlin 1889, стр. 122).

ніе о «сборникѣ» стихотвореній въ честь лахмидовъ, бывшемъ у ан-Нуʻмана-ибн-Мунзира и перешедшемъ потомъ къ омейядамъ (10,12-14)[1]. Болѣе вѣроятно, что во времена Джерӣр'а стихотворенія уже иногда записывались (104,22). Съ полной опредѣленностью авторъ говоритъ о «книгѣ» какого то Йӯсуфа-ибн-Саʻда, писанной «болѣе ста лѣтъ тому-назадъ» (60,20-21). Для исторіи самой поэзіи интересно, что ал-Джумаҳӣ указываетъ на особенности корейшитской поэзіи (61,2, ср. 137,8), своеобразность которой я отмѣчалъ пять лѣтъ тому-назадъ (ЗВО — XX, 199); онъ даже оттѣняетъ возможныя причины этого (65,21-22).

Такъ какъ въ предисловіи авторъ укаываетъ, что практической цѣлью выдвигаемой имъ «науки о поэзіи» должно быть отличеніе настоящихъ стиховъ отъ поддѣльныхъ, то естественно, что и въ книгѣ своей онъ часто останавливается на вопросѣ о подлинности и поддѣлкахъ (31,19, 52,8-9, 60,20). Вопросъ обыкновенно рѣшается просто: субъективнымъ заявленіемъ автора (31,1-2, 34,1-2, 37,3, 62,16, 147,21). Сравнительно рѣдко его критика заходитъ дальше и касается разсказа объ историческомъ событіи (48,12-15). Другихъ теоретическихъ вопросовъ въ самомъ сочиненіи онъ почти не затрагиваетъ, но что онъ не былъ чуждъ болѣе широкихъ идей, доказываетъ замѣчаніе о трудности поэтическаго языка сравнительно съ прозаическимъ и сложности задачи стоящей передъ поэтомъ (17,4-6). Изрѣдка онъ не отказывается отъ эстетическаго пріема въ оцѣнкѣ (70,4) или детальнаго анализа технической стороны риѳмы (61,7-13).

Терминологія въ сочиненіи ал-Джумаҳӣ представлена достаточно блѣдно. Объясняется это, вѣроятно тѣмъ, что въ данную эпоху она еще не была выработана, по крайней мѣрѣ въ области реторики и поэтики. Только въ сочиненіяхъ младшаго современника ал-Джумаҳӣ знаменитаго ал-Джāҳиза (ум. 869) мы видимъ, какъ она пробиваетъ себѣ дорогу, очень часто колеблясь еще между терминомъ и этимологическимъ значеніемъ слова. Лѣтъ сорокъ спустя послѣ смерти ал-Джумаҳӣ въ первомъ спеціальномъ трактатѣ «Книгѣ о новомъ»—*Китāб-ал-бедӣʻ* Ибн-ал-Муʻтазза (написана въ 274/887—888 г.) мы находимъ уже стройное и по своему продуманное зданіе этой реторической терминологіи.

Изъ различныхъ родовъ поэтическихъ произведеній — *фунӯн-аш-шиʻръ* (18,18, 124,15) кромѣ обычнаго дѣленія по метрическому принципу на реджезъ и касӣду (127,7-8), по содержанію ал-Джумаҳӣ различаетъ четыре (87,8-9): похвальба — *фахръ*, прославленіе — *медӣхъ*, поношеніе — *хиджā*, воспѣваніе любви — *несӣбъ*. Общеизвѣстнымъ онъ признаетъ, ко-

---

[1] Сообщеніе повторяется въ *ал-Музхиръ* (Brockelmann, op. cit., 114).

нечно, оплакиваніе умершихъ — *марāсӣ* (48,2), считая его вслѣдъ за своимъ учителемъ Йӯнусомъ (50,20-23) особой формой прославленія. Терминологія метрики къ этому времени, повидимому была уже установлена, быть можетъ дѣйствительно Ҳалӣлемъ: со словъ того же Йӯнуса авторъ перечисляетъ четыре «недостатка стиха» (19,7-8), хотя въ позднѣйшее время они опредѣляются иногда иначе[1]. Извѣстная шаткость терминологіи и въ этой области подтверждается тѣмъ, что самое названіе метрики — *'арӯḍъ* имѣетъ еще какой то оттѣнокъ не вполнѣ ясный. О поэтѣ говорится, что онъ богаче другихъ «*'арӯḍомъ*» (18,18 можетъ быть размѣрами?), что въ произведеніи его или въ отдѣльныхъ стихахъ есть *'арӯḍъ* (124,1, 126,9 можетъ быть ритмъ?). Повидимому, особый смыслъ придаетъ авторъ слову «построеніе» — *бинā:* противополагая поэтическую рѣчь прозаической, онъ говоритъ (17,5), что поэтъ «нуждается въ построеніи, метрикѣ и риѳмахъ». Въ главѣ о корифеяхъ омейядской поэзіи появляется мало извѣстный терминъ *муḳалладъ*; самъ авторъ его поясняетъ (84,2-3), говоря что онъ обозначаетъ «стихъ самостоятельный, знаменитый, приводимый для примѣра» (см. еще 97,14, 115,6)[2].

Не нужно спеціально указывать, что работа ал-Джумаҳӣ, какъ и другія аналогичныя произведенія, можетъ доставить богатую жатву для лингвиста. Матеріалъ, конечно, приходится извлекать преимущественно въ сыромъ видѣ изъ поэтическихъ цитатъ: замѣчанія самого ал-Джумаҳӣ крайне рѣдки и касаются почти исключительно разъясненія отдѣльныхъ словъ. Изрѣдка онъ подчеркиваетъ, что у такого то поэта много рѣдкихъ выраженій—*гарӣбъ* (129,15) и еще рѣже отмѣчаетъ діалектическія особенности (7,3, 12,2).

Честь открытія рукописей и ознакомленія Европы съ новымъ памятникомъ принадлежитъ J. Hell'ю, который работаетъ уже около 20 лѣтъ надъ арабской поэзіей. Онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ окончаніемъ изданія дӣвāна ал-Ферааздаḳа, остановившагося за смертью Boucher, и рядомъ спеціальныхъ работъ относительно этого же поэта[3]. Установленіе по новой рукописи текста, состоящаго на половину изъ поэтическихъ ци-

---

[1] Ср., напр. Ибн-Ḳутейба (изд. de Goeje), стр. 29 сл., гдѣ разновидности указываются нѣсколько иначе.

[2] Ср. *Лисāн-'ал-арабъ* — IV, 369: مقلّدات الشعر البواقي على الدهر.

[3] Ср. статью бар. В. Р. Розена въ ЗВО — XVII, 031—048. Въ сборникѣ въ честь Sachau, вышедшемъ въ 1915 году, имъ помѣщено изслѣдованіе объ одѣ ал-Фераздаḳа въ честь Зейн-ал-'абидӣнъ, которое остается мнѣ недоступнымъ по условіямъ настоящаго времени.

татъ представляетъ задачу, трудность которой понятна всякому арабисту. Выполненіе этой задачи едва ли могло бы оказаться сколько-нибудь удовлетворительнымъ, если бы не помощь со стороны параллельныхъ источниковъ. Конечно, и при этомъ отдѣльныя мѣста могутъ вызвать сомнѣніе. Въ дальнѣйшемъ я привожу отмѣченные мною при чтеніи случаи, гдѣ вкралось недоразумѣніе, или пониманіе издателя (обыкновенно въ огласовкѣ) мнѣ кажется непріемлемымъ. (Мотивировку своего пониманія я обыкновенно опускаю для сокращенія мѣста).

Стр. 3,14 ولانف чит. والانف. 4,7 مَخْرَمة чит. مُخَرِّمة. 5,10 текстъ испорченъ: بالنحو чит. وبالنحو ср. A. 5,19 مَن чит. ممّن съ B. 8,6 كَعَكْلِ чит. كَعُكْلِ. 8,9 يُقْرَئان чит. يَقْرآن ср. ibid. 17. 8,11 قروًا чит. قرأُوا. 10,10 يَئِلوا чит. يؤُولوا ср. *ал-Музхиръ*. 11, 19 مُشْتَمِلُ и الْإِبِلُ чит. مُشْتَمِلُ и الْإِبِلُ (какъ требуетъ размѣръ и рѳема). 12,6 يُسمى чит. سُمِّيَ съ B. 13,3 الشَيْخُ البَجَالُ чит. الشيخَ البجالَ. 13,20 и 14,2 قَميّة чит. قميـّة. 16,16 سُؤُولا чит. سُؤُولا. 17,19 رَحَرَحان чит. رحْرحان. 21,22 غطفان и 23 غطقان чит. غطفان. 23,8 لَوْ آنَّ чит. لَوْ أَنَّ (размѣръ не требуетъ измѣненія обычной формы). 23,9 ضَخْمُ чит. ضَخْمَ. 23,21 مَنَايا чит. منايا. 25,15 أَلْعِضاهِ чит. آلْعِضاهِ. 25,19 آمْرُءًا чит. آمْرَءًا. 27,4 بأَخَرَةٍ немыслимое чтеніе, вѣроятно وفَاخِرَةً (ср. *ал-ʻУмда*). 28,14 فَمِنْ رَاكِبٍ чит. فَمَنْ رَاكِبٌ. 28,15 ومروانُ чит. ومروانَ. Ibid. والانباءُ поправка стр. XXXVI ненужна. Ibid. تَنْمِي وتَجْلِب чит. تُنْمَى وتُجْلَبُ. 29,17 لِيَ آحْلِفْ недопускается размѣромъ, чит. لِى فاحْلِفْ съ *Аг*. 29,23 أَرْجِزًا чит. أَرَجَزًا (по требованію размѣра). 30,20 какой то пропускъ; вѣроятно بعل⌜ها⌝ или بعل⌜هما⌝ ср. Ибн-Ḳутейба 88 ult. 31,6 رَوائِعِ чит. رَوَائِعَ. 31,13 فتمثّل чит. يتمثّل. 33,8 حَسْبًا وُجُودا чит. حَسَبًا وَجُودا. 33,11 آلْغَالِبِ чит. الغَابِ (размѣръ!). 33,20 شفْعها чит. شَفَعها. 34,10 أَبْنَاؤُهُمْ чит. أَبْنَاءَهُمْ. Ibid. يَهُودَ чит. يَهُودُ. Ibid. صِمامِ . . . صَمِّي чит. صَمِّى . . . صَمامِ (*Тāдж-ал-ʻарӯсъ* VIII,369). 35,22 رآها чит. رآهما. Ibid. يقول чит. بقول. 38,15 بأَكْلِ вѣроятно بأُكُلِ. 38,23 أَذْكَرْتَ чит. أُذْكِرْتَ. 40,21 и 23 يَبْعُدُ чит. يُبْعِدُ. 41,10 и

42,18 أَخًا чит. أَخَا (Wright II, 94 § 39). 41,14 تُأْنِى чит. تَأْنِى. 43,20 شِمَالًا чит. شَمَالًا (ср. 113,22). 45,2 فَتًى чит. فِتًّا съ *Ar.* (размѣръ!). Ibid. رَاعِى чит. رَاعِىَ (размѣръ!). 45,3 زَرَيْتُهُمُ чит. رُزِئْتُهُمُ. 45,4 двойная риѳма указываетъ на начало новаго стихотворенія (غَانِى sic! чит. غَانِى). 45,5 كِبْرِى чит. كِبَرِى (размѣръ!). Ibid. سَيَّانِ чит. سِيَّانِ. 46,9 فَٱسْتَحْيِى чит. فَٱسْتَحْيَى. 48,20 вст. اضطرب съ *Ar.* Ibid. امرَه чит. امرُه (فاعل при يُحْمَد). 50,4 يُسِيرَ чит. يَسِيرَ. ibid. خالدا чит. خالد. 50,5 قَأَعْرِضْ чит. فَأَعْرَضَ. 50,7 يَضْرِب чит. بِضَرْب. 51,7 الأحرى чит. الأُخْرى. 53,1 آلهُمُومَ — النَّوْمُ чит. الهُمُومُ — النَّوْمَ. 53,18 حَيْثَ чит. حَيْثُ. 53,22 وَسْطِهِ чит. وَسْطَه'. 55,11 عَزَوْا чит. عَزُّوا. 56,13 عَذْرِءُ ذَاتُ чит. عَذْرَاءَ ذَاتَ (какъ حال). 56,18 فِرَارُنا чит. فَرَارِنا (съ изд. Kowalsk'аго). 57,10 اِمرأتك чит. آمرأتك. 57,13 فشأنك чит. فشأنُك и وأمرك чит. وامرَك (Wright II,75). 58,2 اللَّحْمُ чит. اللَّحْمَ. 59,23 والِدَىَّ чит. والِداىَ. 60,19 وأبِيضَ чит. وأَبْيَضَ. 61,5 جاؤا чит. جاؤوا. 62,13 إِنْ — تَلُومُهُ чит. أَنْ — تَلُومَهُ. 62,22 بِدَمّ чит. بِدَمِ. 64,4 أَبْلِغَا чит. ابلِغا. 64,6 تَأَوَّبَ чит. تَأَوَّبُ (=تَتَأَوَّبُ). 65,5 فَضَعَفَتْ чит. فَضَعُفَتْ. 65,8 التَّهَمَاتِ чит. التِّهَمَاتِ. 67,8 كُلُ чит. كُلِّ. 69,4 يُرْجِمُ чит. يُرْجَمُ. 70,21 إِمْرُؤٌ чит. آمْرُؤٌ. 71,3 غُدَّارِ чит. غَدَّارِ. 71,19 نخاف чит. نَخَافُ. 73,16 وَاضِعَةٌ чит. وَاضِعَةً (какъ حال). 74,8 невѣрно раздѣленъ стихъ: чит. الملو*ك. 79,19 مُعِيط чит. مُعَيْط (въ указателѣ стр. 197 чит. عقبة بن ابى معيط). 79,23 شَجْوِها чит. شَجْوَها. 82,10 ثَبتَّ чит. ثَبْتَ (не فعل, а مضاف اليه). 83,10 ليالٌ чит. ليالٍ. 83,22 قَصَرْتُ . . سَمَوْتُ чит. قَصَرْتَ . . سَمَوْتَ. 84,5 تَسْتَقِيمُ чит. تَسْتَقِيمَ. 86,6 الناسُ чит. الناسَ. 88,12 فَوقِفا чит. فَوَقَفَا. 89,5 العَلَى чит. العُلَى. 89,12 مُرَّان вѣрно; поправка на стр. XXV не нужна, см. Enz. d. Islām I,936. 93,18 مُسْتَوْقَد чит. مُسْتَوْقِد. 94,20 طَيَاتُها чит. طُبَاتُها. 95,18 مَنَازِعُ чит. مُنَازِعُ. 96,5 آلْكَلْبَ чит.

آلْكَلْبُ (какъ بدل къ أبوك). 98,2 أُتِيحَ чит. أُتِيحَ. 102,19 آلْعَظَامْ чит. الْعَظْمِ. 102,20 بِآلظُّلْمْ чит. بِآلظُّلْمِ и الظَّلْمِ чит. الظُّلْمِ. 102,22 بالقَرْمْ чит. بالقَرْمِ. 104,4 أُولِى чит. أَوْلَى. 105,11 اسرارنا вѣроятно أَسْرَانَا или أُسَرَاءنا. 106,12 двойная риөма-новое стихотвореніе; ср. B, которая опускаетъ стихъ. 106,13 بَارِقِ чит. بَارِقَ (первая форма недопустима безъ إضافة). 106,16 и 17 سُرَاقُ чит. سُرَاقَ (усѣченная форма отъ سراقة). 109,4 هُجُونِى чит. هُجُونِى. 109,11 غانَاتِ чит. عَانَةَ съ изд. Salhani 96,4). 109,13 النَّعَامُ ... زَفَا чит. النَّعَامَ ... زَفَا (ср. Salhani 434). 109,20 أَيْسَرَ чит. أَيْسَرُ. 112,18 آلْـكَلَامِ чит. الْـكِلَامِ (كَلْمِ جَمْع отъ).

113,5 دراهم (sic!) чит. دَارِهِمْ. 114,4 الوَزْنِ чит. الوَزْنِ. 114,14 الأَسْقُفُ чит. الأُسْقُفَ. 118,14 أَزْمَانُ чит. أَزْمَانَ. 120,6 قُرَيْشٌ чит. قُرَيْشُ (размѣръ!). 120,22 يَرْقَا чит. يَرْقَأُ (размѣръ!). 124,19 خُلْسَاتِ чит. خُلَسَاتِ (размѣръ!). 124,20 الْمَاقِيَانِ чит. الْمَأْقِيَانِ. 128,13 مَنَاهُ чит. مُنَاه. 129,9 تَدَارُوا чит. تَدَارَوْا. 129,17 فَنَّانٌ чит. فَنَّانِ. Ibid. فَحَلُوْ чит. فَحَلُوْ. 129,20 حَذِرٌ чит. حَذِرْ.

130,6 ضِخْمِ чит. ضَخْمِ. 130,10 عَرْضِهِ чит. عِرْضِهِ. 131,4 коньектура اضرب вм. واضرب рукописи (стр. LXVIII) не нужны, такъ какъ форма الهَيْجَا безъ ء вполнѣ возможна. 131,22 كَلْبُ чит. كَلْبَ. 135,3 ضَاقَ вѣроятно ضَاقَ. 135,18 عَنْكُمُ عِرْسَهُ чит. عَنْكُمْ عِرْسَهُ. 135,23 وُجُودا чит. وَجُودا. 136,12 مُكِينًا чит. مَكِينًا (въ первомъ полустишіи وقف не возможенъ). 138,16 الدَّارُ чит. الدَّارِ съ Йāқӯтомъ. 138,22 لِذِكْرَاهَا чит. لَذِكْرَاهَا. 140,4 فَحَكِيتُهُ чит. فَحَكِيتُهُ. 142,18 أُبْلِغْ чит. أَبْلِغْ. 143,6 يَحْصِبَ чит. يَحْصَبَ. 144,2 الطَّلْحَاتُ чит. الطَّلَحَاتِ. 144,17 تَسْتَقِيمَ чит. تَسْتَقِيمَا (ср. *Тāдж-ал-'арӯсъ* IV,65). 145,21 سِوَاءٍ чит. سَوَاءِ. 150,1 بِبَعْضٍ чит. بِبَعْضٍ ibid. الحَدِيثُ чит. الحَدِيثِ. 151,8 زُفَرَاتُ чит. زَفَرَاتُ. 151,12 شِعْرَةٌ вѣроятно شَعْرًا (ср. *Аг.*). 151,15 تُرَدُّ чит. تَرِدُ (отъ ورد). 151,21 فَزَالِ чит. فَزَالِ (какъ فعل).

Помимо отмѣченныхъ мѣстъ еще многое въ текстѣ, принятомъ издателемъ, мнѣ кажется неяснымъ или искаженнымъ, но анализъ такихъ случаевъ требовалъ бы спеціальной переработки.

Въ примѣчаніяхъ (стр. XXVII—LXXVI) издателемъ привлечены достаточно полно цитаты изъ ал-Джумаҳӣ у болѣе позднихъ авторовъ и параллельныя мѣста къ поэтическимъ отрывкамъ. Въ отношеніи первыхъ важнымъ подспоріемъ служила ему упомянутая статья Brockelmann'а, какъ онъ и упоминаетъ (стр. X). Нѣсколько бо́льшей полноты можно было бы достичь при систематичномъ привлеченіи работъ по теоріи литературы. Ал-Джа̄ҳизъ, напримѣръ, цитуетъ ал-Джумаҳӣ не единственный разъ, какъ отмѣчено въ статьѣ Brockelmann'а (стр. 110), а гораздо чаще (см. напр. *ал-Бейа̄нъ* I, 19, 159, или *ал-Ҳайава̄нъ* III, 77). Полезнымъ могъ бы оказаться ал-А̄мидӣ съ его *ал-Мува̄заной* (см. особенно стр. 4 и 168), ал-Ҳуṣрӣ (ср. А. Крымскій, Хама̄са, стр. 58, прим. 2) и др. Изъ болѣе случайныхъ цитатъ могу отмѣтить слѣдующія. Стр. 27,7 см. Умеййа-ибн-Абӯ-ṣ-Ṣалтъ (изд. Schulthess) № LI, 2. Стр. 37,17 сл. Вторымъ источникомъ *ал-Ага̄нӣ* который не ясенъ издателю (стр. XXXIX) былъ вѣроятно, Ибн-Са'дъ (см. Wellhausen, Skizzen IV, 122). Стр. 55,4 сл. Стихи, для которыхъ Hell не нашелъ keinen Beleg, имѣются у Ибн-Рашӣḳа, *ал-'Умда* — I, 140. Стр. 45,1 слѣд. ср. ал-Ḳа̄лӣ, *Ама̄лӣ* III, 109 и Ḳуда̄ма, *Наḳдъ*, 16—17. Стр. 68,7 Кромѣ параллелей, указываемыхъ въ изд. Schulthess'а № XLVII (а не LVII, какъ у Hell'я, стр. XLVI) стихъ приводится еще у Абӯ-Ҳанӣфы (Guirgass) стр. 329,1. Стр. 105,9 сл. ср. Абӯ-Ҳанӣфа стр. 309. Стр. 124,17-20. Предположеніе Hell'я (стр. LXVI) о подражаніи ал-А'шѣ не обосновано: мѣсто, отмѣчаемое по хрестоматіи S. de Sacy не даетъ никакой аналогіи.

Указатель цитованныхъ стиховъ (стр. 157—184) составленъ по алфавиту *первыхъ* буквъ стиха. Едва ли эта система, начинающая входить въ употребленіе за послѣднее время, можетъ считаться болѣе практичной, чѣмъ прежняя — по алфавиту риѳмъ. При новой системѣ приходится указывать всѣ стихи отрывка, что значительно увеличиваетъ объемъ. Кромѣ того первое слово стиха часто замѣняется или усѣкается и тогда указатель окажется совершенно безполезнымъ. На сторонѣ прежней системы всегда останется авторитетъ знаменитаго index'а «*Кита̄б-ал-ага̄нӣ*», а изъ болѣе новыхъ указатель къ «*ал-Ама̄лӣ*» испано-арабскаго филолога ал-Ḳа̄лӣ, составленный Bevan'омъ и Krenkow'ымъ. Изъ практическихъ соображеній крайне желательно обозначеніе размѣровъ въ указателѣ риѳмъ.

Къ указателю собственныхъ именъ (стр. 185—206) можно предъявить тоже нѣсколько упрековъ. Составитель не считаетъ нужнымъ дѣлать

ссылки или объединять въ одномъ мѣстѣ имена одного и того же лица, приводимыя въ разныхъ формахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, на стр. 191 у него приводится ابن الرقاع, а на 196 عدىّ بن الرقاع, какъ разныя лица, на стр. 185 точно такъ же ابن إسحق, а на 202 محمّد بن إسحق, на 189 ابن أبى حفصة, а на 203 مروان بن أبى حفصة и т. д. Знаменитый законодатель арабской метрики упоминается въ указателѣ дважды: первый разъ на вѣрномъ мѣстѣ (стр. 190), какъ الخليل بن أحمد, а второй (189) какъ الخليل بن احمد (sic подъ ع!). Попадаются недоразумѣнія и другого характера: напрасно въ указателѣ было бы искать халифа يزيد بن معاوية хотя въ книгѣ онъ неоднократно появляется. Ссылки на него попали въ рубрику يزيد بن عبد الملك (стр. 206). Его сынъ معاوية بن يزيد (напр. стр. 135) тоже въ указателѣ не упомянутъ (стр. 203) и т. д.

Въ предисловіи Hell'я (стр. XI—XXII), посвященномъ ал-Джумаḫӣ и его издаваемому сочиненію, нѣтъ упоминанія о замѣткѣ Flügel'я (Die grammatischen Schulen, стр. 216), не отмѣченной и въ статьѣ Brockelmann'а. Она избавила бы автора (стр. XVI) отъ повторенія невѣрно переданнаго въ *Фихристѣ* заглавія одного изъ сочиненій ал-Джумаḫӣ (اجر الخيل вм. اجراء الخيل); заглавіе исправлено какъ въ этой замѣткѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ Fleischer'а къ *Фихристу* (стр. 8 къ ١١٣,28). Полезно было бы привлечь и замѣтку Ибн-ал-Анбāрӣ[1], тоже неиспользованную какъ Brockelmann'омъ, такъ и Hell'емъ. Кромѣ нѣкоторыхъ историко-литературныхъ данныхъ, тамъ интересно указаніе года рожденія ал-Джумаḫӣ — 140 г. х.[2]. Смерть его Ибн-ал-Анбāрӣ помѣщаетъ годомъ позже общепринятой даты 231 года (Hell, стр. XV), опредѣленно указывая, что она произошла въ 232 году въ одинъ годъ со смертью халифа ал-Вāсиḳа[3].

Въ заключеніе можно только присоединиться къ пожеланію Hell'я, чтобы «дальнѣйшія находки расчистили путь къ болѣе совершенному изданію» (стр. XXII) этого труда; все же, и въ настоящемъ видѣ онъ представляетъ одно изъ наиболѣе цѣнныхъ (за послѣднія пять лѣтъ) пріобрѣтеній для историка арабской поэзіи до-ʿаббāсидскаго періода. **И. Кр.**

II. Ноябрь 1916.

---

[1] *Нузхет-ал-алиббā*, Каиръ 1294, стр. 216—218.
[2] Въ 222 году ему было 82 года — ibid. 217.
[3] Ibid. 218.

****Ч. XI.** Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Т. III. Цѣна 2 р. 50 к.

****Ч. XII.** Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Т. IV, в. 1. Цѣна 1 р. 25 к.

***Ч. XIII.** Сборникъ лѣтописей, Исторія Монголовъ Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ. Персидскій текстъ съ предислов. и примѣч. И. Н. Березина. Цѣна 2 р. 50 к.

***Ч. XIV.** Опытъ исторіи династіи Сасанидовъ по армянскимъ источникамъ, К. П. Патканіана; Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей, А. Я. Гаркави; Описаніе рукописей изъ коллекціи Фирковичей въ Имп. Публ. библ., І. Гурлянда; Хронографическая исторія о. Мехитара, армянскій текстъ съ переводомъ К. П. Патканіана. Цѣна 3 р.

***Ч. XV.** Сборникъ лѣтописей, Исторія Монголовъ Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана отъ восшествія его на престолъ до кончины. Персидскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями И. Н. Березина. Цѣна 2 р. 50 к.

***Ч. XVI.** Грамоты вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана, писанныя квадратнымъ письмомъ, А. А. Бобровникова, съ дополненіями В. В. Григорьева; О скиѳскомъ народѣ Сакахъ, В. В. Григорьева; О названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ, К. П. Патканова; О первоначальномъ обиталищѣ Семитовъ, Индоевропейцевъ и Хамитовъ, А. Я. Гаркави. Цѣна 2 р.

Ч. XVII. Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ, К. П. Патканова; Вахáгн — Вишапакáх' армянской миѳологіи есть Индра — Vritrahan Риг-Веды, Н. О. Эмина; Замѣчанія на эту статью, К. П. Патканова; Содержаніе магомет. сочиненія Юй-лань-чжи-шень-ши-лу, Архим. Палладія Каѳарова; Караханиды въ Мавераннагрѣ, осм. текстъ съ перев. и примѣч. В. В. Григорьева; Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ, А. Я. Гаркави. Цѣна 2 р.

***Ч. XVIII.** Монеты Бухаръ-худатовъ, П. И. Лерха; Китайская литература магометанъ, о. архим. Палладія. Цѣна 2 р.

Ч. XX. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Т. I. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Цѣна 3 р.

Ч. XXI. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Т. II. Царствованія Бориса Годунова, Василія Шуйскаго и начало царствованія Михаила Ѳеодоровича. Цѣна 3 р.

Ч. XXII. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Т. III. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича (Продолженіе). Цѣна 3 р.

Отдѣльныя изданія.

Словарь джагатайско-русскій. В. В. Вельямина-Зернова. Цѣна 2 р.

Сборникъ еврейскихъ надписей. Д. А. Хвольсона (съ 8 таблицами). Цѣна 4 р.

Атласъ къ путешествію Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспійскаго моря. С.-Петербургъ, 1895. Цѣна 3 р.

Записки Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества.

Т. I (4 выпуска въ 4 кн.), съ 15 табл. Цѣна 4 р.
Т. II (4 выпуска въ 2 кн.), съ 18 табл. Цѣна 4 р.
Т. III (4 выпуска въ 3 кн.), съ 4 табл. Цѣна 4 р.
Т. IV (4 выпуска въ 2 кн.), съ 2 табл. Цѣна 4 р.
Т. V (4 выпуска въ 2 кн.), съ 1 портретомъ и 6 табл. Цѣна 4 р.
Т. VI (4 выпуска въ 1 кн.), съ 10 табл. Цѣна 4 р.
Т. VII (4 выпуска въ 1 кн.), съ 1 портретомъ и 2 табл. Цѣна 4 р.
Т. VIII (4 выпуска въ 2 кн.), съ 4 табл. Цѣна 4 р.
Т. IX (4 выпуска въ 1 кн.), съ 8 табл. Цѣна 4 р.
Т. X (4 выпуска въ 1 кн.), съ 1 портретомъ и 1 таблицей. Цѣна 4 р.
Т. XI (4 выпуска въ 1 кн.), съ 3 портретами и 17 табл. Цѣна 4 р.
Т. XII (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 портретомъ и 12 табл. Цѣна 4 р.
Т. XIII (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 портретомъ и 3 табл. Цѣна 4 р.
Т. XIV (4 выпуска въ 3 кн.), съ 3 табл. Цѣна 4 р.
Т. XV (4 выпуска въ 3 кн.), съ 10 табл. Цѣна 4 р.
Т. XVI (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 портретомъ и 12 табл. Цѣна 4 р.
Т. XVII (4 выпуска въ 3 кн.), съ 7 табл. Цѣна 4 р.
**Т. XVIII (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 портретомъ и 4 табл. Цѣна 4 р.
Приложеніе къ т. XVIII (съ портретомъ). Цѣна 75 к.
**Т. XIX (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 табл. Цѣна 4 р.
Т. XX (4 выпуска въ 3 кн.), съ 1 портретомъ. Цѣна 4 р.
Т. XXI (4 выпуска въ 3 кн.), съ 10 табл. Цѣна 4 р.
Т. XXII (4 выпуска въ 2 кн.), съ 2 табл. Цѣна 4 р.
Т. XXIII (4 выпуска въ 2 кн.), съ 7 табл. Цѣна 4 р.
Т. XXIV (4 выпуска въ 1 кн.), съ 1 портретомъ и 7 табл. Цѣна 4 р.

Указатели къ томамъ I—X Записокъ Восточнаго Отдѣленія. Цѣна 1 р. 50 к.
Указатели къ томамъ XI—XX Записокъ Восточнаго Отдѣленія. Цѣна 2 р.

* — обозначаетъ изданія, которыя имѣются на складѣ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и выдаются ученымъ учрежденіямъ по особому распоряженію Совѣта Общества.
** — обозначаетъ изданія, которыхъ на складѣ Общества нѣтъ ни одного экземпляра.
